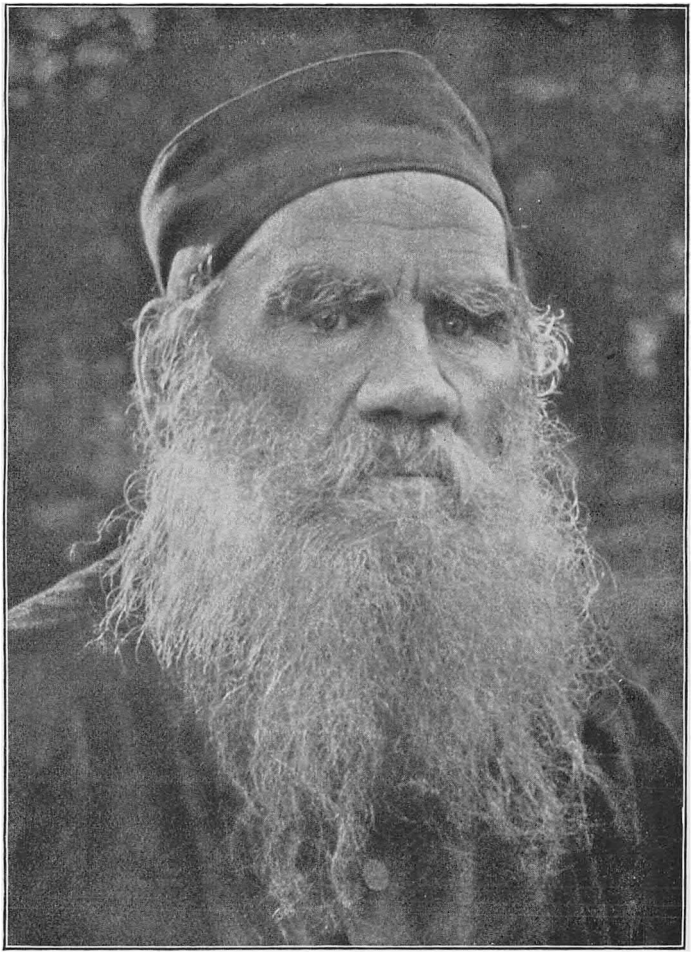
П.И.БИРЮКОВЪ

Л.Н.ТОЛСТОЙ

III

ИП

Л. Н. Толстой
1896 г.

П.И.БИРЮКОВЪ

Л.Н.ТОЛСТОЙ

БІОГРАФІЯ

ТОМЪ III

БЕРЛИНЪ 1921
Издательство И.П.Ладыжникова

Право собственности закрѣплено за авторомъ
во всѣхъ странахъ,
гдѣ это допускается существующими законами.

Alle Rechte vorbehalten,
insbesondere das Übersetzungsrecht.

Copyright 1921 by I. Ladyschnikow Verlag G. m. b. H., Berlin.

Типографія Шпамера въ Лейпцигѣ

Введеніе

Приступая къ составленію третьяго тома біографіи Л. Н—ча Толстого, я останавливаюсь передъ новыми трудностями. Если въ 1-мъ томѣ мнѣ пришлось употребить всѣ силы на отыскиваніе матеріала и на возстановленіе картинъ далекаго прошлаго, свидѣтели котораго уже сошли въ могилу; если при составленіи второго тома я останавливался передъ трудностью проникновенія въ таинственный процессъ перерожденія великой души, — то все же, создавая историческія картины, я описывалъ мало извѣстное, почти новое, и интересъ этого новаго значительно искупалъ недостатки описанія.

Въ третьемъ томѣ я испытываю затрудненіе совершенно другого рода.

Все, что я буду описывать, начиная съ 1885 г., настолько живо еще въ воспоминаніяхъ всего мыслящаго общества современнаго мнѣ поколѣнія, что мнѣ придется говорить о вещахъ хорошо извѣстныхъ, происходившихъ на виду и на памяти живущихъ людей. Абсолютно объективная точка зрѣнія не доступна живо чувствующему человѣку. И вотъ, описывая факты со своей точки зрѣнія, я рискую не удовлетворить моимъ описаніемъ многихъ столь же сильно, но иначе чувствующихъ читателей, которыми эти событія разсматривались подъ совсѣмъ другимъ угломъ зрѣнія.

Помощью мнѣ въ этомъ дѣлѣ будетъ большое количество живыхъ человѣческихъ документовъ, излагая или приводя которыя, я буду стараться отходить въ сторону, предоставляя имъ говорить самимъ за себя, лишь оттѣняя и подчеркивая тѣ мѣста, которыя по моему мнѣнію стоятъ бо̀льшаго вниманія.

Но и эта доступная мнѣ объективность, впередъ знаю, удовлетворитъ немногихъ. Кромѣ того, изложеніе событій, въ большей части которыхъ я принималъ личное участіе, неизбѣжно поведетъ къ изложенію моихъ личныхъ впечатлѣній отъ этихъ событій и воспоминаній о нихъ и эти впечатлѣнія и воспоминанія будутъ вплетаться въ отчеты о совершившихся фактахъ.

Я надѣюсь, что цѣнность этихъ документовъ, особенно писемъ Л. Н—ча и замѣтокъ изъ его дневника, будетъ настолько велика, что интересъ къ нимъ искупитъ недостатокъ моей работы и пополнитъ то, на что не способны были мои слабыя силы.

Закончить же свою работу или по крайней мѣрѣ довести ее до того современнаго момента, когда популярность Л. Н—ча достигла наивысшаго уровня, когда его жизнь стала чуть не ежедневнымъ объектомъ всякаго рода описаній, расходящихся путемъ періодической печати по всему міру — довести до этого момента — я считаю своимъ священнымъ долгомъ. Такимъ путемъ я надѣюсь передать мою работу болѣе опытнымъ и искуснымъ мастерамъ этого дѣла.

Новаго въ этомъ томѣ, т.-е. такого, чего еще не было въ двухъ предыдущихъ томахъ — это отношеніе Л. Н—ча ко всему Европейскому, Американскому и Азіатскому міру, что стало замѣтно именно со 2-ой половины 80-хъ годовъ прошлаго столѣтія.

Это всемірное вліяніе Л. Н—ча, до котораго онъ дошелъ вопреки своей скромности, особенно ярко, хотя и не шумно выразилось въ тѣхъ сердечныхъ привѣт-

ствіяхъ изъ разныхъ странъ земного шара, которыми ознаменовался недавно пережитый имъ 80-лѣтній юбилей. На этомъ отрадномъ событіи я и думаю остановить, если не закончить свою работу, выполнивъ такимъ образомъ задуманный планъ. Дай Богъ, чтобы эта работа моя хоть сколько-нибудь послужила къ уясненію той великой истины, служенію которой посвятилъ свою жизнь нашъ дорогой, великій старецъ, истины о томъ, что жизнь человѣка есть ничто иное, какъ возращеніе въ себѣ ростка любви къ Богу и людямъ и ко всему живущему.

24 іюля 1909 г.
С. Ивановское.

Эти страницы введенія, какъ показываетъ дата, были написаны мною шесть лѣтъ тому назадъ, при началѣ работы надъ III томомъ. За эти шесть лѣтъ утекло много воды, много было пережито великихъ, тяжелыхъ и грозныхъ событій. Я здѣсь коснусь только тѣхъ изъ нихъ, которыя могли такъ или иначе повліять на ходъ моей работы. Я оставляю раньше написанное такъ, какъ оно было, потому что оно даетъ вѣрную картину моего настроенія и моихъ намѣреній при началѣ работы.

7-го ноября 1910 года перешла въ вѣчность великая душа, жизнь свою положившая на исканіе истины, на осуществленіе въ своей жизни той доли ея, которая была доступна ей и на распространеніе вокругъ себя и на весь человѣческій міръ того свѣта, котораго она была скромной носительницей.

Какъ ни крѣпился я, какъ ни старался метафизическими умозаключеніями отстранить отъ себя чувство потери, я этого сдѣлать не могъ, и горько плакалъ у его гроба, и теперь плачу, когда пишу эти строки. Признаю свою слабость, свою ничтожность. Боюсь впасть

въ никому не нужное самобичеваніе и потому не прибавляю себѣ другихъ эпитетовъ. Я чувствую горе отъ этой потери, потому что только въ рѣдкія, лучшія минуты жизни могу чувствовать близость его духа; для этого нужно быть чистымъ, а я далекъ отъ этого и нечистота моя мѣшаетъ мнѣ единенію съ нимъ. Но и на томъ дальнемъ разстояніи, на которое отодвигаетъ меня мое несовершенство, я питаюсь тої духовной пищей, которую онъ въ такомъ изобиліи оставилъ намъ. И я вѣрю въ наше полное духовное единеніе, когда то, что теперь мѣшаетъ намъ, устранится тѣмъ или инымъ путемъ.

Да проститъ мнѣ читатель это лирическое отступленіе. Дѣло въ томъ, что послѣдніе дни жизни Л. Н—ча, обстоятельства его кончины необыкновенно расширили біографическій матеріалъ и вмѣстѣ съ тѣмъ, съ окончаніемъ этой замѣчательной жизни наложили на меня обязанность довести до конца начатое мною дѣло описанія этой жизни. Все это привело къ тому, что мнѣ пришлось раздѣлить имѣвшійся въ моемъ распоряженіи матеріалъ уже не на три, а на четыре тома. Гранью третьяго и четвертаго тома я избралъ эпоху, когда Л. Н—чъ написалъ и издалъ свой романъ «Воскресеніе». Послѣдующія затѣмъ событія, его отлученіе, болѣзнь, война, революціонное движеніе, его 80-лѣтній юбилей и кончина — все это достаточно оттѣняетъ эпоху, чтобы дать право посвятить ей отдѣльный четвертый томъ.

Если въ первомъ томѣ я далъ очеркъ происхожденія Л. Н—ча и его молодости, во второмъ описаніе его мирной семейной жизни и его художественнаго творчества, задержавшихъ, скопившихъ его духовную энергію, которая прорвалась наконецъ черезъ всѣ преграды и ознаменовала его духовный кризисъ, то третій томъ даетъ намъ картину его долгой, 15-лѣтней дѣятельной жизни на новыхъ началахъ; картину его борьбы

съ міромъ, исторію развитія его вліянія на русское и заграничное общество, образцы его новаго творчества и обширной общественной дѣятельности на общее благо.

Вполнѣ сознаю, что собранный мною, координированный и комментированный матеріалъ преподносится читателю почти въ сыромъ видѣ. На болѣе тщательную обработку его у меня не хватило силъ. Пусть сдѣлаютъ это другіе. Я полагаю, что и въ этомъ видѣ моя работа стоитъ изданія и должна возбудить интересъ въ тѣхъ, кому дорого имя Л. Н—ча.

Я сказалъ вначалѣ, что матеріала у меня было много. Слѣдуя прежней системѣ, я его снова раздѣляю на три отдѣла. 1-й отдѣлъ — первоисточники: рукописи, дневникъ, письма самого Л. Н—ча и его собраніе сочиненій какъ появившихся въ печати, такъ и лежащихъ въ архивахъ. 2-й отдѣлъ — сочиненія о Л. Н—чѣ достойныхъ довѣрія лицъ, говорящія о немъ изъ первыхъ рукъ, сообщающія тѣ или другія факты какъ его внѣшней, такъ и внутренней жизни, и наконецъ 3-ій отдѣлъ — различныя второстепенныя сочиненія о Л. Н—чѣ, вспомогательныя и критическія сочиненія, которыми пришлось пользоваться для пополненія тѣхъ или иныхъ свѣдѣній, и затѣмъ журнальныя статьи и вырѣзки. Въ этотъ списокъ матеріаловъ я включаю конечно тѣ источники, которыми я пользовался спеціально для III-го тома и которые не включены мною въ предыдущіе списки.

Нужно ли говорить о томъ, какое тяжелое чувство испытывалъ я, излагая жизнь и объясняя міровоззрѣніе великаго міротворца, въ то время, когда слышенъ громъ пушекъ, стонъ раненыхъ, плачъ объ убитыхъ, разсказы и описанія ужаснѣйшихъ звѣрствъ, какія только знало когда-либо человѣчество. Что это за ужасающее противорѣчіе съ чистыми идеалами Толстого? Не заво-

лакиваютъ ли всѣ эти ужасы облакомъ удушливаго газа всѣ наши юныя мечты? Нѣтъ, нисколько. «Онъ повелѣваетъ солнцу восходить надъ злыми и добрыми и посылаетъ дождь на праведныхъ и неправедныхъ». И солнце правды и добра свѣтитъ и въ эти ужасные дни. Старый міръ, отошедшій отъ истины, поправшій законы Бога и природы, корчится въ послѣднихъ судорогахъ отчаянія и весна человѣчества наступитъ въ полной силѣ своей и разольетъ радость и благо по всей вселенной. Да будетъ мой трудъ хоть одной каплей той животворящей росы, тѣмъ однимъ радостнымъ лучомъ, которые въ безконечной массѣ тепла и живительной влаги пробудятъ уснувшую жизнь и поведутъ человѣчество снова впередъ къ безконечному благу.

Съ такими мыслями и въ такомъ видѣ я выпускаю III томъ, съ надеждой, что читатели оцѣнятъ правдивость сказаннаго въ немъ и будутъ снисходительны къ другимъ недостаткамъ автора.

Какъ всегда, буду искренно благодаренъ за всякое серьезное замѣчаніе и критику, изъ которыхъ надѣюсь извлечь себѣ пользу для продолженія, исправленія и окончанія моего большого труда.

1-го ноября 1915 г. *Павелъ Бирюковъ*
Onex près Genève. Suisse.

P. S. Для болѣе равномѣрнаго распредѣленія матеріала мнѣ пришлось отдѣлить отъ 3-го тома первыя шесть главъ и присоединить ихъ ко второму тому. Такъ какъ это изданіе вполнѣ самостоятельно, и три тома продаются сразу, то это не помѣшаетъ прежнимъ русскимъ изданіямъ, которыя будутъ вѣроятно продолжаться при прежнемъ распредѣленіи.

Такимъ образомъ третій томъ этого изданія начинается съ 1887 года.

4 апрѣля 1921 г. *П. Б.*
Берлинъ.

Часть первая

ГЛАВА I

«О жизни». Новые посѣтители. Переписка 1887 г.

Одновременно съ художественнымъ творчествомъ во Л. Н—чѣ шла глубокая философская работа, вырабатывались твердыя теоретическія положенія. Помню, какъ разъ, во время болѣзни, въ концѣ 1886 года, Л. Н—чъ получилъ отъ Анны Константиновны Дитерихсъ, впослѣдствіи Чертковой, серьезное письмо съ запросами о смыслѣ жизни, о значеніи смерти; его заинтересовало оно и онъ написалъ довольно обстоятельный отвѣтъ, на нѣсколькихъ листкахъ почтовой бумаги. Отвѣтъ этотъ былъ переписанъ начисто и возвращенъ Л. Н—чу; послѣ этого Л. Н—чъ, поправляя, увлекся этой работой и отдалъ ей много умственныхъ и творческихъ силъ. Онъ писалъ ее довольно долго, цѣлый годъ. Этотъ «отвѣтъ на письмо» все разрастался, а внутренняя духовная работа, сопровождавшая его, открывала ему новыя формы сознанія, которыя онъ выражалъ на бумагѣ.

Нѣсколько разъ ему казалось, что онъ кончилъ эту статью, и онъ читалъ ее близкимъ людямъ, въ комъ надѣялся найти серьезное пониманіе.

25 февраля 1887 года Л. Н—чъ присутствовалъ на засѣданіи Московскаго психологическаго общества. Профессоръ Н. Я. Гротъ читалъ рефератъ о свободѣ воли. Въ письмѣ къ Н. Н. Страхову Л. Н—чъ говоритъ: «Я слушалъ дебаты и прекрасно провелъ вечеръ, не безъ поучительности и, главное, съ большимъ сочувствіемъ лицамъ общества. Я начинаю выучиваться не сердиться на заблужденія». Такимъ образомъ у Л. Н—ча установилась моральная связь съ психологическимъ обществомъ, поддерживаемая преимущественно Н. Я. Гротомъ. И вотъ въ одно изъ ближайшихъ слѣдующихъ засѣданій, а именно 14 марта того же года Л. Н—чъ выступилъ самъ съ рефератомъ подъ названіемъ: «Жизнь безконечная». Это было временное названіе его статьи, которую онъ тогда писалъ. Одно время Л. Н—чъ называлъ эту статью «Понятіе о жизни», а потомъ «О жизни и смерти». Но такъ какъ, чѣмъ больше онъ углублялся въ смыслъ этой статьи, тѣмъ меньше въ ней оставалось мѣста и значенія смерти, то когда онъ кончилъ ее, слово «смерть» совсѣмъ выпало изъ заглавія и статья приняла названіе: «О жизни».

Нѣсколько выписокъ изъ писемъ ко мнѣ этого года показываютъ, какъ занимала его эта книга.

Такъ весной этого года онъ пишетъ: «Соскучился я о васъ, милые друзья, (обращаюсь къ вамъ и Чертковымъ) безпрестанно думаю о васъ. Вѣрно оттого, что послѣднее время такъ былъ увлеченъ своими мыслями о жизни и смерти, что мало думалъ, такъ теперь наверстываю. Я все еще не кончилъ и все уясняю себѣ больше и больше. Когда кончу, то напечатаю у Оболенскаго послѣднюю, по-моему лучшую версію, если онъ хочетъ и цензура пропуститъ (нецензурнаго, кажется, нѣтъ ничего)»[1]).

---

[1]) Архивъ П. И. Бирюкова.

Въ апрѣлѣ онъ писалъ Черткову:

«Я все работаю надъ жизнью и смертью, и что дальше, то яснѣе. Эта работа для меня ступень, на которую взбираюсь. Во время работы этой приходятъ мысли изъ этой же работы, которыя могутъ быть выражены только въ художественной формѣ, и когда кончу или перерву, Богъ дастъ, то и напишу»[1]).

Лѣтомъ, въ одномъ изъ писемъ ко мнѣ онъ говоритъ: «Статья моя о жизни и смерти все не кончается и разрастается въ одну сторону и сокращается и уясняется въ другую. Вообще же я вижу, что не скоро кончу, и если кончу, то напечатаю ее отдѣльной книгой, безъ цензуры, и потому не могу дать ее Оболенскому. И это меня огорчаетъ. Будьте моимъ посредникомъ между нимъ, чтобы онъ не огорчился и на меня не имѣлъ досады. Я постараюсь замѣнить это чѣмъ либо другимъ. Пожалуйста, поговорите съ нимъ и напишите мнѣ».

Наконецъ еще дальше онъ пишетъ: «свою статью «о жизни и смерти» все писалъ и пишу, и очень трудно, однако посылаю набирать. Страховъ былъ и одобрилъ; это меня поощрило»[2]).

Однако онъ не отослалъ статьи въ наборъ и послѣ этого письма.

Когда я пріѣхалъ въ Ясную Поляну въ концѣ іюля, я засталъ рукопись вновь переписанную и уже съ небольшими только поправками Л. Н—ча — признакъ, что дѣло близится къ концу. И дѣйствительно, когда я, пробывъ нѣсколько дней, собрался ѣхать въ Москву, Л. Н—чъ далъ мнѣ съ собой всю рукопись, съ порученіемъ сдать въ наборъ въ типографію Мамонтова, что я и сдѣлалъ. При этомъ Л. Н—чъ про-

---

[1]) Архивъ Черткова.
[2]) Архивъ П. И. Бирюкова.

силъ меня передать профессору Гроту его просьбу продержать корректуру. Этимъ онъ хотѣлъ искусственно оторваться отъ своей работы, снять съ себя заботы о ней, чтобы освободить свои силы для другой назрѣвавшей въ немъ работы художественной.

Послѣ моего отъѣзда онъ писалъ Черткову:

«П. И., милый, вчера уѣхалъ и увезъ въ типографію статью о жизни. Началъ я писать о жизни и смерти, а когда дописалъ, оказалось, что вторую часть заглавія пришлось выкинуть, потому что для меня по крайней мѣрѣ это слово потеряло совершенно то значеніе, какое я ему придавалъ въ заглавіи. Дай то Богъ, чтобы хоть на нѣкоторыхъ читателей она произвела то же дѣйствіе»[1]).

Но совсѣмъ освободиться онъ не могъ. Эта философская работа притягивала его къ себѣ и онъ самъ руководилъ корректурной работой Грота.

Въ ноябрѣ того же года онъ мнѣ пишетъ объ этомъ:

«Гроту пожалуйста скажите, что «вступленіе» я отнесъ къ примѣчаніямъ, но потомъ думаю, что надо оставить его «вступленіемъ» и колеблюсь. Не будетъ ли онъ такъ добръ рѣшить это за меня. А еще то, что я желалъ бы просмотрѣть то, что идетъ послѣ тѣхъ главъ, которыя мы съ вами переправили. Пожалуйста скажите то же и въ типографіи. Они теперь мнѣ ничего не посылаютъ. Представьте себѣ, что у Канта все то же самое сказано, и чудесно во многихъ мѣстахъ»[2]).

Въ это время онъ дѣйствительно читалъ Канта и восхищался имъ. Вотъ что онъ между прочимъ пишетъ о Кантѣ въ томъ же письмѣ ко мнѣ:

---

[1]) Архивъ Черткова.
[2]) Архивъ П. И. Бирюкова.

«Много испыталъ радости, прочтя въ 1-ый разъ Канта — Критику практическаго разума. Какая странная судьба этого удивительнаго сочиненія. Это вѣнецъ всей его глубокой разумной дѣятельности и это-то никому не извѣстно. Если вы не прочтете въ подлинникѣ, и я буду живъ, переведу и изложу какъ умѣю. Нѣтъ ли біографіи Канта въ публичной библіотекѣ? Попросите отъ меня и пришлите». Объ этомъ же болѣе пространно онъ пишетъ въ письмѣ къ Н.Н. Страхову отъ 16 октября 1887 года:

«Я въ большомъ волненіи. Я былъ нездоровъ простудой эти нѣсколько дней и, не будучи въ силахъ писать, читалъ и прочелъ въ 1-ый разъ критику практическаго разума Канта. Пожалуйста отвѣтьте мнѣ, читали ли вы ее? Когда? И поразила ли она васъ? Я лѣтъ 25 тому назадъ повѣрилъ этому талантливому подкупу Шопенгауера и прочелъ критику спекулятивнаго разума, которая есть ни что иное какъ введеніе къ изложенію его основныхъ взглядовъ въ критикѣ практическаго разума, и такъ и повѣрилъ, что старикъ заврался и что центръ тяжести его отрицаніе. Я и жилъ 20 лѣтъ въ такомъ убѣжденіи и никогда ничто не навело меня на мысль заглянуть въ самую книгу. Вѣдь такое отношеніе къ Канту все равно что принять лѣса вокругъ зданія за зданіе. Моя ли это личная ошибка или общая. Мнѣ кажется, что есть тутъ общая ошибка. Я нарочно посмотрѣлъ (на-дняхъ прочелъ его біографію русскую) исторію философіи Вебера, которая у меня случилась и увидалъ, что Г. Веберъ не одобряетъ того основного положенія, къ которому пришелъ Кантъ, что наша свобода, опредѣляемая нравственными законами, и есть вещь сама въ себѣ (т.-е. сама жизнь) и видитъ въ немъ только поводъ для элукубрацій Фихте, Шеллинга и Гегеля и всю заслугу видитъ въ критикѣ чистаго разума, т.-е. не видитъ совсѣмъ храма, который построенъ на расчищенномъ мѣстѣ, а видитъ только

расчищенное мѣсто, весьма удобное для гимнастическихъ упражненій. Гротъ, докторъ философіи, пишетъ рефератъ о свободѣ и цитируетъ какихъ-то Рибо и другихъ, опредѣленія которыхъ представляютъ турниръ безсмыслицъ и противорѣчій и Кантовское опредѣленіе игнорируется и мы слушаемъ и толкуемъ, открывая открытую Америку. Если не случится среди нашего міра возрожденіе наукъ и искусствъ черезъ выдѣленіе жемчуга изъ навоза, мы такъ и потонемъ въ нашемъ нужникѣ невѣжественнаго многокнижія и многозаучиванія подъ рядъ. Напишите пожалуйста ваше мнѣніе объ этомъ и отвѣты на мои вопросы»[1]).

Страховъ отвѣтилъ ему длиннымъ письмомъ, начинающимся словами:

«Какое чудное письмо вы мнѣ прислали, безцѣнный Л. Н—чъ! Я такъ и вижу тотъ пламень, который въ васъ горитъ и свѣтитъ».

Страховъ сознается, что не читалъ критики практическаго разума Канта, зная ее только въ изложеніи и въ общемъ соглашается съ точкой зрѣнія Л. Н—ча[2]).

Наконецъ книга «О жизни» начала печататься. Въ декабрѣ того же года Л. Н—чъ писалъ мнѣ между прочимъ слѣдующее: «Занятъ преимущественно исправленіями и добавленіями «О жизни», которая вся набрана и болѣе $^3/_4$ отпечатана».

Вскорѣ она была дѣйствительно отпечатана, но увы, ей не суждено было увидѣть свѣта. Тогдашняя цензура нашла ее вредной и она была уничтожена.

А между тѣмъ цѣль ея и смыслъ заключались въ томъ, что если жизнь любовь, то въ ней нѣтъ смерти. И это показалось вреднымъ. Л. Н—чъ былъ огорченъ и пораженъ нелѣпостью такого рѣшенія.

---

[1]) Архивъ Черткова.

[2]) См. «Толстовскій музей». Томъ II. Переписка Л. Н. Толстого съ Н. Н. Страховымъ. 1914. СПБ. Стр. 357.

Помню, какъ онъ радовался, перечитывая свое изложеніе, которое удовлетворяло запросамъ на систематическое, философское обоснованіе его взглядовъ.

«Часто въ спорахъ съ учеными людьми, — говорилъ онъ мнѣ, — я натыкаюсь на полное непониманіе того, что я говорю — мы какъ будто говоримъ на разныхъ языкахъ». И вотъ онъ пришелъ къ убѣжденію, что ему нужно изложить логическія обоснованія своихъ взглядовъ, чтобы ввести людей въ тотъ кругъ понятій, которыя составляютъ основу его міросозерцанія. Вотъ этой цѣли и должна была служить книга «О жизни».

Онъ изображаетъ въ ней картину бѣдственности человѣческой жизни вслѣдствіе трехъ противорѣчій, на которыя наталкиваетъ человѣка его разумное сознаніе. Сознательно живущій человѣкъ не можетъ не чувствовать постоянно преслѣдующее его пугало и физическихъ страданій и смерти и это нарушаетъ его благо. Кромѣ того, стремясь къ своему личному благу, онъ вступаетъ въ борьбу со всѣми окружающими его существами и условія этой борьбы отравляютъ ему его жизнь. Но если ему и удается достигнуть того личнаго блага, къ которому онъ стремится, то какъ только личное благо достигнуто, иллюзія его разрушается и оно перестаетъ быть благомъ, и только возбуждаетъ новое неутолимое желаніе, не дающее человѣку никакого блага.

Приведенный къ сознанію бѣдственности своего существованія, человѣкъ чувствуетъ остановку жизни и бываетъ близокъ къ погибели.

Разрѣшается это противорѣчіе тѣмъ единственнымъ средствомъ, которое и составляетъ сущность ученія Христа и всѣхъ мудрецовъ міра: служеніемъ внѣ себя, любовью, самоотверженіемъ. И для этого нужно не уничтожить животную личность, а подчинить ее высшему разумному сознанію.

Любовь разрѣшаетъ всѣ противорѣчія жизни. Дѣя-

тельность любви не встрѣчаетъ конкуренціи, такъ какъ и конкурирующій становится предметомъ любви. Дѣятельность любви не знаетъ смерти. Она не страшна ей, потому что весь міръ живетъ вѣчно, а вступающій на путь любви пріобщается къ вѣчному міру. Дѣятельность любви не знаетъ пресыщенія, не встрѣчаетъ иллюзій, потому что есть сама сущность жизни, высшая и вѣчная реальность.

Въ этой же книгѣ Л. Н—чъ даетъ точное опредѣленіе любви; разграничивая и противополагая одинъ другому два рода любви: одинъ — любовь, какъ предпочтеніе одного существа или предмета другому ради своихъ интересовъ. И другой — любовь, какъ предпочтеніе интересовъ всякаго другого лица интересамъ своей личности.

Въ трогательныхъ поэтическихъ выраженіяхъ Л. Н—чъ изображаетъ эту истинную любовь:

«Любовь, та, въ которой только и есть жизнь, проявляется въ душѣ человѣка, какъ чуть замѣтный, нѣжный ростокъ среди похожихъ на нее грубыхъ ростковъ сорныхъ травъ, различныхъ похотей человѣка, которыя мы называемъ любовью. Сначала людямъ и самому человѣку кажется, что этотъ ростокъ — тотъ, изъ котораго должно вырастать то дерево, въ которомъ будутъ укрываться птицы, и всѣ другіе ростки — все одно и то же. Люди даже предпочитаютъ сначала ростки сорныхъ травъ, которые растутъ быстрѣе, и единственный ростокъ жизни глохнетъ и замираетъ. Но еще хуже то, что еще чаще бываетъ: люди слышали, что въ числѣ ростковъ этихъ есть одинъ настоящій, жизненный, называемый любовью, и они вмѣсто него, топча его, начинаютъ воспитывать другой ростокъ сорной травы, называя его любовью. Но что еще хуже: люди грубыми руками ухватываютъ самый ростокъ и кричатъ: «вотъ онъ, мы нашли его, мы теперь знаемъ его, возрастимъ его, любовь, любовь! Высшее чувство, вотъ

оно!» И люди начинаютъ пересаживать его, исправлять его и захватываютъ, заминаютъ его такъ, что ростокъ умираетъ, не расцвѣтши, и тѣ же или другіе люди говорятъ: все это вздоръ, пустяки, сантиментальность. Ростокъ любви, при появленіи своемъ нѣжный, не терпящій прикосновенія, могущественъ только при своемъ разростѣ. Все, что будутъ дѣлать надъ нимъ люди, только хуже для него. Ему нужно одного, — того, чтобы ничто не скрывало отъ него солнце разума, которое одно возращаетъ его».

Наконецъ Л. Н—чъ заканчиваетъ свою книгу такими словами:

«То, къ чему стремится человѣкъ, то и надо ему: жизнь, не могущая быть смертью, и благо, не могущее быть зломъ».

Книга эта только русской цензурой могла быть признана вредной. На самомъ дѣлѣ она написана въ столь мягкомъ тонѣ, что Софья Андреевна, вообще относившаяся отрицательно къ критическимъ религіозно-философскимъ работамъ Л. Н—ча, отказавшаяся даже переписывать ихъ, прочитавъ эту книгу, снова берется за переписку и даже за переводъ ея на французскій языкъ, который и заканчиваетъ подъ редакціей проф. Tasstevain и издаетъ въ Парижѣ. Нѣкоторыя главы были просмотрѣны въ переводѣ Л. Н—чемъ и послужили ему для исправленія русскаго текста. Онъ говорилъ, что въ переводѣ, какъ въ зеркалѣ, виднѣе ошибки рисунка и ему было полезно взглянуть на это отраженіе его мыслей. Въ Россіи книга эта была признана вредной и сожжена. Почти черезъ 20 лѣтъ она появилась въ печати, раньше же изъ нея печатались только допущенные цензурою отрывки.

Эту серьезную философскую работу Л. Н—чъ сумѣлъ совмѣщать и съ чисто практической дѣятельностью, какъ въ области личной жизни, такъ и въ области общественныхъ движеній, и въ области литературы.

Въ личной его жизни, во внутренней области ея наступаетъ нѣкоторое успокоеніе.

Онъ начинаетъ новое художественное произведеніе изъ жизни христіанъ первыхъ вѣковъ, подъ названіемъ «Ходите въ свѣтѣ, пока въ васъ есть свѣтъ», набрасываетъ эту повѣсть до конца, но останавливается и бросаетъ ее, не отдѣланную. По его словамъ, чтобы додѣлать, ему пришлось бы совершить большую работу, изучить бытовые источники того времени. А на это у него не было уже силъ, а главное времени.

Несмотря на свою незаконченность, повѣсть эта представляетъ большой интересъ, какъ по содержанію, такъ и по формѣ. Она написана въ видѣ толкованія на притчу о виноградаряхъ. И смыслъ ея въ томъ, что для Бога нѣтъ времени и когда бы человѣкъ ни обратился на истинный путь въ молодости или въ старости, онъ будетъ желаннымъ работникомъ въ христовомъ виноградникѣ и благо, которое онъ получитъ, одинаково для всѣхъ, потому что это вѣчное, неизмѣримое благо.

Многія страницы этой повѣсти представляютъ замѣчательную философскую борьбу двухъ міровоззрѣній. Причемъ язычникъ является во всеоружіи діалектики, а христіанинъ въ простотѣ и нищетѣ аргументовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ неопровержимости ихъ жизненной правды.

Прологомъ къ этой повѣсти служилъ небольшой разсказъ «Бесѣда досужихъ людей», гдѣ въ нѣсколько игривомъ сатирическомъ тонѣ изложенъ весь смыслъ и значеніе повѣсти.

Неутомимо работая на пользу народа, Л. Н—чъ началъ въ томъ же году агитацію противъ пьянства. Онъ основалъ первое въ Россіи общество трезвости, подъ названіемъ «Согласіе противъ пьянства». Желавшій поступить членомъ въ это согласіе долженъ былъ подписать такую декларацію:

Согласіе противъ пьянства

«Сознавая страшное зло и грѣхъ пьянства, мы ниже подписавшіеся порѣшили: во-первыхъ, сами никогда ничего не пить пьянаго; ни водки, ни вина, ни меда; во-вторыхъ, не покупать и не угощать ничѣмъ пьянымъ другихъ людей; въ-третьихъ, по мѣрѣ силъ внушать другимъ людямъ, особенно молодымъ и дѣтямъ, о вредѣ пьянства и преимуществахъ трезвой жизни и привлекать людей въ наше согласіе.

Просимъ всѣхъ согласныхъ съ нами заводить себѣ такой же листъ, вписывать въ него новыхъ членовъ и сообщать намъ.

Просимъ тѣхъ, кто почему-либо измѣнятъ своему согласію, сообщать намъ объ этомъ» [1]).

Какъ ни разумна казалась эта попытка удержать людей отъ губительной привычки, но многихъ изъ насъ эта декларація смутила и показалась непослѣдовательностью со стороны Л. Н—ча.

Подпись этой декларации являлась торжественнымъ обѣщаніемъ, вродѣ клятвы за свое будущее поведеніе. У всѣхъ на сердцѣ запечатлѣлась сильная аргументація Л. Н—ча при толкованіи словъ Христа: «а я говорю вамъ, не клянитесь вовсе». И предложеніе со стороны Л. Н—ча своего рода клятвы смутило многихъ. Нѣкоторые, болѣе твердые, какъ напримѣръ В. Г. Чертковъ, такъ никогда и не подписали этой декларации, несмотря, конечно, на полное сочувствіе цѣли ея.

---

[1]) Архивъ П. И. Бирюкова.

По этому поводу у меня со Л. Н—чемъ завязалась переписка. Я выразилъ ему всѣ свои сомнѣнія и вмѣстѣ съ тѣмъ сознаніе важности задуманнаго имъ дѣла.

Я получилъ скоро отвѣтъ на это письмо, въ которомъ Л. Н—чъ между прочимъ писалъ:

«Я такъ и зналъ, что вы побоитесь общества трезвости, но вы сами высказали все самое главное за него. Чертковъ тоже чурается . . .

«Для меня за общество трезвости то, что, кромѣ его практической пользы (ужъ теперь десятки людей въ продолженіи 10 дней не дурманились, не тушили свой разумъ), то, что въ томъ распущенномъ мірѣ, въ которомъ мы живемъ, оно призываетъ людей хоть къ крошечному проявленію нравственной дѣятельности, указываетъ на то, что въ нашей обыденной жизни всякія вещи: ѣсть, спать, передвигаться, говорить, читать, глядѣть и пить можно нравственно и безнравственно. Тутъ рѣзкій случай и потому его видятъ. И удивительно: какъ лакмусова бумага, такія вещи, какъ вегетаріанство, трезвость раздѣляютъ людей. — Есть добрые люди, которые изъ себя выходятъ и злятся на общество трезвости, злятся неожиданно, очевидно, на проявленіе такой какой-то забытой ими силы, которая требуетъ отъ нихъ чего-то. То же, что это общество или согласіе, то это только имя, и бояться этого нечего. Я первое, что всегда всѣмъ говорю, что листокъ есть только случайное выраженіе моихъ мыслей о вредѣ пьянства, которое мнѣ пришло въ голову. А пускай каждый, и вы, выражаетъ свое отношеніе къ этому, какъ онъ хочетъ, только бы было жсланіе противодѣйствовать злу. У насъ ужъ и есть нѣсколько версій. Газеты сдѣлали то, что письма получаются. Мы посылаемъ свою редакцію» [1]).

---

[1]) Архивъ П. И. Бирюкова.

Запись въ члены этого согласія пошла очень быстро, за отдѣльными лицами начались присоединенія коллективныя. Присоединялись цѣлыя сектантскія общины. Изъ Воронежской губерніи пришло заявленіе о присоединеніи болѣе чѣмъ тысячи человѣкъ крестьянъ одной волости, въ лицѣ нѣсколькихъ тысячъ основаннаго ими согласія.

Такъ какъ частный характеръ этого общества не позволялъ вести публичную пропаганду, то Л. Н—чъ рѣшилъ хлопотать объ административномъ утвержденіи этого общества. Онъ написалъ объ этомъ своему придворному другу Александрѣ Андреевнѣ Толстой, прося исходатайствовать у кого слѣдуетъ это утвержденіе. Александра Андреевна обратилась къ тогдашнему министру внутреннихъ дѣлъ Толстому; онъ передалъ просьбу для справки въ канцелярію и оттуда отвѣтили, что для утвержденія общества долженъ быть представленъ его уставъ. Такъ какъ Л. Н—чъ писать устава не сталъ, то общество такъ и осталось частнымъ согласіемъ противъ пьянства.

Дѣятельность Л. Н—ча по вопросу о трезвости, конечно, не ограничилась этимъ воззваніемъ. Онъ пишетъ цѣлый рядъ статей по этому вопросу.

Болѣе замѣчательныя изъ нихъ это «Для чего люди одурманиваются?», написанная въ видѣ предисловія къ книгѣ доктора Алексѣева «О пьянствѣ». Для народныхъ изданій Л. Н—чъ написалъ: «Богу или мамонѣ», для народнаго театра «Первый винокуръ» и проч. Кромѣ того Л. Н—чъ вызвалъ своимъ примѣромъ цѣлый рядъ другихъ подобныхъ попытокъ, переводилъ статьи съ иностранныхъ языковъ и вообще положилъ въ Россіи начало этому движенію.

Въ это же время Л. Н—чъ начинаетъ серьезно относиться къ вегетаріанству или къ безубойному питанію и многихъ увлекаетъ на этотъ путь. Мы вернемся еще

къ этому вопросу, когда будемъ говорить о его статьѣ «Первая ступень», написанной значительно позже.

Извѣстность Л. Н—ча росла и привлекала къ нему многихъ замѣчательныхъ посѣтителей.

Въ апрѣлѣ, въ Москвѣ, куда Л. Н—чъ пріѣзжалъ изъ Ясной на нѣсколько дней, онъ познакомился съ посѣтившимъ его писателемъ Николаемъ Семеновичемъ Лѣсковымъ, давно уже съ любовью слѣдившимъ за развитіемъ религіозной мысли Л. Н—ча; Лѣсковъ былъ другомъ «Посредника», давъ ему цѣлый рядъ своихъ произведеній, весьма цѣнимыхъ Л. Н—чемъ. Л. Н—чъ въ письмѣ къ Черткову такъ отзывается объ этомъ первомъ знакомствѣ съ Лѣсковымъ:

«Былъ Лѣсковъ. Какой умный и оригинальный человѣкъ».

Въ апрѣлѣ же, по возвращеніи въ Ясную Поляну, Л. Н—ча посѣтилъ чешскій профессоръ докторъ философіи Массарикъ. Предварительно онъ прислалъ Л. Н—чу свою докторскую диссертацію «о самоубійствѣ». Въ этой книгѣ уже проявилась серьезная религіозная основа молодого ученаго и она расположила Л. Н—ча къ ея автору.

Личное свиданіе только усилило взаимныя симпатіи. Мнѣ удалось нѣсколько разъ присутствовать при ихъ бесѣдѣ и отъ самого Л. Н—ча слышать симпатичный отзывъ объ умѣ, простотѣ и религіозности его новаго друга.

Вѣроятно Массарикъ пріѣхалъ ко Л. Н—чу по рекомендаціи Н. Н. Страхова, такъ какъ въ письмѣ къ нему отъ 20 мая Л. Н—чъ пишетъ:

«Очень благодарю васъ за Массарика. Онъ былъ и въ Ясной и я очень полюбилъ его».

Съ тѣхъ поръ общеніе Л. Н—ча съ Массарикомъ не прекращалось и за свою преданность Л. Н—чу Мас-

сарикъ получилъ упрекъ въ вѣнскомъ парламентѣ, когда онъ былъ депутатомъ отъ Праги.

Вѣроятно слѣдствіемъ этого посѣщенія Л. Н—ча Массарикомъ было избраніе Л. Н—ча почетнымъ членомъ чешскаго литературнаго общества «Uměleckà Beseda», состоявшееся 11 декабря 1887 года .

Иное впечатлѣніе оставило по себѣ во Л. Н—чѣ посѣщеніе его американцемъ Кенаномъ, пріѣзжавшемъ ко Л. Н—чу въ это же время, т.-е. лѣтомъ 1887 года.

Блестящій ученый, авторъ извѣстной книги «Сибирь и ссылка», сумѣвшій проникнуть въ такія мѣста и раскрыть такія язвы, которыхъ ни до него ни послѣ него уже не приходилось видѣть ни одному изслѣдователю, онъ былъ поглощенъ этой своей дѣятельностью, обличеніемъ и борьбой съ русской государственной властью и не могъ усвоить себѣ взгляды Л. Н—ча на полное отрицаніе насилія и въ его отчетѣ о свиданіи со Л. Н—чемъ видно это неудовлетвореніе.

Лѣтомъ этого года Л. Н—чъ познакомился съ Анатоліемъ Федоровичемъ Кони. Знаменитый юристъ, писатель и привлекательный человѣкъ, оставилъ слѣдъ въ жизни Л. Н—ча и несомнѣнно самъ на себѣ испыталъ его могучее вліяніе. А. Ф. Кони далъ намъ увлекательно написанныя воспоминанія о своемъ знакомствѣ со Л. Н—чемъ. Описывая намъ шагъ за шагомъ время пребыванія своего въ Ясной Полянѣ, онъ даетъ интересную картину интимныхъ бесѣдъ со Л. Н—чемъ по вечерамъ передъ сномъ. Вотъ одна лирическая картина:

«Когда въ первый вечеръ, простившись, я просилъ показать мнѣ дорогу во флигель, занимаемый Кузминскими, Левъ Николаевичъ сказалъ мнѣ, что я помѣщенъ на жительство въ его рабочей комнатѣ внизу, и пошелъ меня туда проводить. Это была обширная комната подъ сводами, раздѣленная невысокой перегородкой на двѣ неравныя части. Въ первой, большей, съ

выходомъ на маленькую террасу и въ садъ, стояли шкафы съ книгами и висѣлъ, сколько мнѣ помнится, портретъ Шопенгауэра. Тутъ же, у стѣны, въ ящикѣ лежали орудія и матеріалы сапожнаго мастерства. Въ меньшей части комнаты находился большой письменный столъ, за которымъ были написаны въ свое время «Анна Каренина» и «Война и миръ». У полокъ съ книгами въ этой части комнаты для меня была поставлена кровать. Здѣсь въ теченіе дня работалъ Левъ Николаевичъ. Приведя меня въ эту комнату, онъ надъ чѣмъ-то копошился въ большей части ея, покуда я раздѣлся и легъ, а затѣмъ вошелъ ко мнѣ проститься. Но тутъ между нами началась одна изъ тѣхъ типическихъ русскихъ бесѣдъ, которыя съ особенной любовью ведутся въ передней при уходѣ или на краешкѣ постели. Такъ поступилъ и Толстой. Сѣлъ на краешекъ, началъ задушевный разговоръ — и обдалъ меня сіяніемъ своей душевной силы . . .»[1])

Другой разъ между ними завязалась при такихъ же обстоятельствахъ интересная бесѣда о Некрасовѣ.

«Иногда, простившись со мной, Толстой уходилъ за перегородку и тамъ что-нибудь разбиралъ, вновь начиная разговоръ, но, затронутый или заинтересованный какимъ-либо моимъ отвѣтомъ, снова входилъ въ мое отдѣленіе и прерванная бесѣда возобновлялась. Одинъ изъ такихъ случаевъ остался у меня въ памяти. — «А вы какого мнѣнія о Некрасовѣ?» — спросилъ онъ меня изъ-за перегородки, что-то передвигая. Я отвѣчалъ, что ставлю высоко лирическія произведенія Некрасова и считаю, что онъ принесъ огромную пользу русскому молодому поколѣнію, родившемуся и воспитанному въ городахъ, тѣмъ, что, вмѣстѣ съ Тургене-

---

[1]) А. Ф. Кони. На жизненномъ пути. Томъ второй. Изъ записокъ судебнаго слѣдователя. Житейскія встрѣчи. Стр. 13 до 15.

вымъ, научилъ его знать, цѣнить и любить русскую сельскую природу и простого русскаго человѣка, воспѣвъ ихъ въ берущихъ за душу стихахъ; что же касается до его личныхъ свойствъ, то я не вѣрю яростнымъ навѣтамъ на него и во всякомъ случаѣ считаю, что то, что онъ былъ игрокъ, еще не даетъ права ставить на его личности крестъ и называть его дурнымъ человѣкомъ. Онъ былъ, — продолжалъ я, — одержимъ страстью къ игрѣ, обратившеюся, если угодно, въ порокъ, но порочный человѣкъ не всегда дурной человѣкъ. Нерѣдко, внѣ узкихъ рамокъ своей пагубной страсти, порочные люди являютъ такія стороны, которыя многое искупаютъ. Наоборотъ, такъ-называемые хорошіе люди подчасъ, при внѣшней безупречности, проявляютъ грубый эгоизмъ и безсердечіе. Жизненный опытъ даетъ частыя подтвержденія этому. Игроки нерѣдко бываютъ смѣлыми и великодушными людьми, чуждыми низменной скупости и черствой расчетливости; пьяницы часто отличаются, въ трезвомъ состояніи, истинной добротой. Недаромъ Достоевскій сказалъ, что въ Россіи добрые люди — почти всегда пьяные люди, и пьяные люди всегда добрые люди. Наконецъ исторія оставила намъ примѣры «явныхъ прелюбодѣевъ», проникнутыхъ глубокимъ человѣколюбіемъ и внѣ служенія своимъ страстямъ явившихъ образцы гражданской доблести и глубины мысли. Выслушавъ это мнѣніе, Толстой вышелъ изъ-за перегородки со свѣтлымъ выраженіемъ лица и, сѣвъ на «краешекъ», сказалъ мнѣ радостно: «Ну, вотъ, вотъ, и я это именно всегда думалъ и говорилъ, что различіе необходимо дѣлать!» и между нами снова началась длинная бесѣда на эту тему съ приведеніемъ фактическихъ ссылокъ и доказательствъ въ подтвержденіе нашей общей мысли»[1]).

А вотъ поэтическая картина вечерней прогулки,

---

[1]) Тамъ же, стр. 13.

которую совершилъ въ этотъ же день Л. Н—чъ съ А. Ф. Кони, едва не замучивъ его ходьбой:

«Изъ перваго пребыванія моего въ Ясной Полянѣ мнѣ съ особенной яркостью вспоминается вечеръ, проведенный съ Толстымъ въ путешествіи къ родственницѣ его супруги, жившей въ верстахъ семи отъ Ясной Поляны и праздновавшей какое-то семейное торжество. Левъ Николаевичъ предложилъ мнѣ идти пѣшкомъ и всю дорогу былъ очаровательно веселъ и увлекательно разговорчивъ. Но когда мы пришли въ богатый барскій домъ съ роскошно обставленнымъ чайнымъ столомъ, онъ заскучалъ, нахмурился и внезапно, черезъ полчаса по приходѣ, подсѣвъ ко мнѣ, вполголоса сказалъ: «уйдемъ!» Мы такъ и сдѣлали, удалившись, по англійскому обычаю, не прощаясь. Но когда мы вышли на дорогу, уже освѣщенную луной, я взмолился о невозможности идти назадъ пѣшкомъ, ибо въ этотъ день утромъ мы уже сдѣлали большую полуторачасовую прогулку, при чемъ Толстой, съ удивительной для его лѣтъ гибкостью и легкостью, взбѣгалъ на пригорки и перепрыгивалъ черезъ канавки, быстрыми и рѣшительными движеніями упругихъ ногъ. Мы сѣли въ лѣсу на полянкѣ въ ожиданіи «катковъ» (такъ называется въ этой мѣстности экипажъ въ родѣ длинныхъ дрогъ или линейки). Опять потекла бесѣда, и такъ прошло болѣе получаса. Наконецъ, мы заслышали вдалекѣ шумъ приближающихся «катковъ». Я сдѣлалъ движеніе, чтобы выйти на дорогу имъ навстрѣчу, но Толстой настойчиво сказалъ мнѣ: «пойдемте, пожалуйста, пѣшкомъ!..» Когда мы были въ полуверстѣ отъ Ясной Поляны и перешли шоссе, въ кустахъ вокругъ насъ замелькали свѣтляки. Совершенно съ дѣтской радостью Толстой сталъ ихъ собирать въ свою «шапоньку» и торжествующе понесъ ее домой въ рукахъ, причемъ исходившій изъ нея сильный зеленоватый фосфорическій свѣтъ озарялъ его оживленное лицо. Онъ и теперь точно стоитъ передо

мною подъ теплымъ покровомъ іюньской ночи, какъ бы въ отблескѣ внутренняго сіянія своей возвышенной и чистой души . . .» [1])

Въ концѣ іюля Л. Н—ча посѣтилъ его старый другъ, графиня Александра Андреевна Толстая. Мы уже не разъ упоминали о характерѣ ихъ дружбы. Прежняя ничѣмъ не затуманенная привязанность теперь часто затемнялась и подвергалась испытанію вслѣдствіе крупныхъ религіозныхъ разногласій. Только ихъ взаимная терпимость удерживала ихъ на степени дружбы. Надо отдать справедливость Л. Н—чу, что онъ никогда не навязывалъ своему другу своихъ новыхъ взглядовъ; другъ же его частенько пробовалъ обратить его на путь истинный и много надо было мягкости и въ то же время стойкости во Л. Н—чѣ, чтобы оградить себя отъ этихъ нападеній, не причинивъ вреда ихъ отношеніямъ. Искренняя, старая дружба влекла графиню Александру Андреевну къ свиданію со «Львомъ», какъ она его называла, и выбравъ наконецъ удобное время, она пріѣхала въ Ясную Поляну въ сопровожденіи А. М. Кузминскаго. Она очень живо описала это свое пребываніе въ Ясной въ своихъ воспоминаніяхъ о Л. Н—чѣ. Мы заимствуемъ оттуда нѣсколько характерныхъ мѣстъ. Вотъ какъ она проводила утро со Л. Н—чемъ:

«Я очень любила эти утренніе часы. Левъ, обновленный сномъ, былъ въ отличномъ духѣ и необыкновенно милъ. Мы разговаривали совершенно спокойно; онъ часто читалъ мнѣ любимые его стихи Тютчева и нѣкоторые Хомякова, которые онъ цѣнилъ особенно; и когда въ какомъ-нибудь стихотвореніи появлялось имя Христа, голосъ его дрожалъ и глаза наполнялись слезами . . . Это воспоминаніе и до сихъ поръ меня утѣшаетъ: онъ, самъ того не сознавая, глубоко любитъ Спасителя, и, конечно, чувствуетъ въ немъ н е о б ы к-

[1]) Тамъ же, стр. 32.

новеннаго человѣка; трудно понять противорѣчіе его словъ и его чувства.

«Уходя на работу въ свой кабинетъ, онъ мнѣ обыкновенно оставлялъ всѣ журналы, книги и письма, полученные наканунѣ. Нельзя себѣ представить, какой ворохъ этого матеріала почта приносила ежедневно не только изъ Россіи, но и со всѣхъ странъ Европы и даже изъ Америки, — и все это было пропитано ѳиміамомъ, ѳиміамомъ... Я часто удивлялась, какъ онъ не задохся отъ него, и даже ставила ему это въ великую заслугу.

— Quelle effrayante nourriture pour votre orgueil, mon cher ami; je crains vraiment que vous ne deveniez un jour comme Nabuchodonosor avant sa conversion [1]).

— Pourquoi voulez-vous, que j'en sois fier, — отвѣчалъ онъ; — lorsque je vais dans le grand monde (такъ онъ называлъ мужицкія избы), ma gloire n'existe pas pour eux — donc elle n'existe pas du tout [2]).

«Какой парадоксъ! — и однако онъ въ него вѣрилъ» [3]).

Л. Н—чъ былъ въ это время занятъ обработкой своего сочиненія «О жизни». Какъ мы уже говорили раньше, мягкій тонъ этой статьи привлекъ къ ней вни-

---

[1]) Какая страшная пища для вашей гордости, мой другъ; я право боюсь, чтобы вы не стали Навуходоносоромъ до его обращенія.

[2]) Почему вы думаете, что я этимъ горжусь? Въ моемъ «большомъ свѣтѣ» слава моя не существуетъ, стало быть ея вовсе нѣтъ.

[3]) Толстовскій музей. Т. I. Переписка Л. Н. Толстого съ гр. А. А. Толстой. 1857—1903. С.-Петерб. 1911. Стр. 35—36.

маніе Софьи Андреевны. Отказавшись помогать Л. Н—чу въ его критическихъ и религіозно-философскихъ сочиненіяхъ, она стала охотно переписывать это и даже перевела на французскій языкъ. Графиня Александра Андреевна не знала этого перерыва въ работѣ Софьи Андреевны и увидавъ ее за работой, сочла ее непрерывной и въ такомъ духѣ и разсказываетъ одинъ изъ эпизодовъ яснополянской жизни:

«Кажется, я уже говорила, что Софья Андреевна, несмотря на свои хозяйскія заботы, безпрестанно переписывала то, что Л. Н—чъ готовилъ къ печати; передѣлкамъ его и поправкамъ не было конца, и все вмѣстѣ составляло огромный трудъ, въ родѣ тѣхъ работъ, которымъ въ волшебныхъ сказкахъ злыя волшебницы подвергали своихъ жертвъ. Будучи совершенно свободна, я предложила однажды Софьѣ свои услуги для переписки, но она отклонила ихъ, увѣряя, что я не разберу тарабарской грамоты ея мужа; однако, черезъ нѣсколько дней самъ Левъ, имѣя спѣшную работу для отсылки въ Москву, просилъ меня и другихъ помочь ему въ этомъ дѣлѣ. Насъ разсадили по парочкамъ на отдѣльныхъ столахъ, каждую даму съ кавалеромъ; составилось шесть паръ. Мнѣ достался А. М. Кузминскій, и мы сидѣли отдѣльно въ маленькой гостиной, другіе же всѣ въ большой залѣ. Онъ диктовалъ, а я писала. Совсѣмъ неожиданно вдругъ стали попадаться такія неуклюжія фразы, что я невольно вспомнила «непроходимыя болота», какъ выразился разъ о Толстомъ Тургеневъ, и не могла рѣшиться ни переступить болота, ни передать печати въ этомъ видѣ; Кузминскій, хотя и соглашался со мной, но считалъ невозможнымъ простымъ смертнымъ поправлять Толстого. Я, однакожъ, стояла на своемъ. Въ это время Левъ, прохаживавшійся по комнатамъ отъ одного стола къ другому, подошелъ и къ намъ.

— Savez-vous, mon cher, que je viens de cor-

riger votre prose au grand scandale de votre beau-frère [1]), — сказала я.

— Et vous avez eu parfaitement raison, je ne tiens qu'à l'idée et je ne fais aucune attention à mon style [2]), — отвѣтилъ мнѣ Л. Н.

«На другой день онъ предложилъ прочитать кое-что изъ переписаннаго нами; это было философское сочиненіе, подъ заглавіемъ «Жизнь»; такъ какъ онъ адресовался ко мнѣ, то я и отвѣчала: — «Буду очень рада услышать образчикъ вашей мудрости, но врядъ ли я пойму что-нибудь: философія чужда мнѣ наравнѣ съ санскритскимъ языкомъ».

— Если вы не поймете, то это будетъ, конечно, не ваша, а моя вина, но я надѣюсь, что этого не будетъ, — отвѣчалъ Левъ.

«Въ семь часовъ мы всѣ собрались около него; онъ былъ особенно веселъ и любезенъ.

— Какая же у меня дивная аудиторія! — шутилъ онъ, окидывая насъ взглядомъ. — Какіе представители: Ал. М. Кузминскій, какъ прокуроръ, представитель юриспруденціи, Николай Яковлевичъ Гротъ, самъ профессоръ философіи, и, наконецъ, — прибавилъ онъ, указывая на меня, — графиня, представительница религіи (вотъ поистинѣ незаслуженная честь).

«Чтеніе продолжалось около двухъ часовъ. Я поняла гораздо болѣе, чѣмъ ожидала; были мѣста прекрасныя, но сердце мое не дрожало и не горѣло. Мнѣ казалось, что я то сижу въ анатомическомъ кабинетѣ, то, что я бѣгаю по кривымъ дорожкамъ въ полуосвѣщенномъ лабиринтѣ и все сбиваюсь, путаюсь, и не могу вздохнуть свободно... Разумѣется, объ этомъ я не

---

[1]) Знаете, мой милый, я только что исправила вашу прозу, къ великому негодованію вашего зятя.

[2]) И вы хорошо сдѣлали: я дорожу только мыслью и не обращаю ни малѣйшаго вниманія на слогъ.

повѣдала никому, и если останавливала чтеніе какимъ-либо вопросомъ, то это было единственно для того, чтобы дать другимъ слушателямъ возможность сказать свое слово, такъ какъ замѣчала, что у Грота и у другихъ скопилось много возраженій на языкѣ, но онъ, какъ и другіе, не дерзалъ перебивать учителя; впрочемъ Левъ былъ очень снисходителенъ къ его мнѣніямъ, и вечеръ окончился прекрасно, загладивъ впечатлѣніе предыдущихъ бурь»[1]).

Бури, на которыя намекаетъ здѣсь Александра Андреевна, были небольшія столкновенія, которыхъ друзья не могли избѣжать, несмотря на все ихъ желаніе, когда въ разговорѣ затрагивались религіозные вопросы. Столкновенія эти были столь незначительны, что Л. Н—чъ послѣ отъѣзда Александры Андреевны писалъ Черткову:

«П. И. засталъ у насъ много гостей... въ томъ числѣ Алек. Анд. Толстую, которая тоже нынче уѣхала. Мы, слава Богу, прожили съ ней дней 10 не сталкиваясь, а любовно и такъ же разстались»[2]).

Но, вѣроятно, болѣе близкое знакомство съ новыми взглядами Л. Н—ча и съ его новыми отношеніями къ семьѣ и другимъ людямъ, возбудило въ Александрѣ Андреевнѣ желаніе еще разъ попробовать, не обратится ли ея другъ на путь истинный и она, по возвращеніи отъ него, пишетъ ему длинное письмо на французскомъ языкѣ, на которомъ ей было легче излагать свои мысли. Сущность этого письма заключалась въ томъ, что она вполнѣ понимая и цѣня высокія нравственныя стремленія Л. Н—ча къ проведенію въ жизни ученія Христа, спрашивала его, можетъ ли онъ стать лучше собственными силами, безъ помощи «благодати», которая дается

---

[1]) Тамъ же, стр. 40—42.
[2]) Архивъ Черткова.

вѣрою въ искупительную жертву Христа, покрывающую наши грѣхи.

Л. Н—чъ отвѣчалъ ей кроткимъ письмомъ, благодаря ее за дружескій тонъ, которымъ было проникнуто ея письмо, и указывая ей на то обстоятельство, что христіанинъ, искренно стремящійся къ исполненію ученія Христа, не можетъ не двигаться впередъ, какъ бы ни была мала эта скорость. Вѣра же въ искупленіе и благодать казалась ему и невозможностью по своей неразумности и прямо нарушала это стремленіе къ совершенствованію, перенося отвѣтственность за поступки на какой-то догматическій принципъ и лишая поэтому человѣка главнаго стимула его нравственной борьбы.

На этомъ обмѣнѣ письмами и кончилась эта новая попытка обращенія.

Наконецъ, въ эту же осень Л. Н—чъ пріобрѣлъ новаго преданнаго друга въ лицѣ Евгенія Ивановича Попова.

Изъ артистическаго міра упомянемъ о посѣщеніи за это время Л. Н—ча извѣстнымъ актеромъ Андреевымъ-Бурлакомъ, занимавшимъ Л. Н—ча своими разсказами до 2-хъ часовъ ночи.

Въ августѣ Л. Н—ча посѣтилъ художникъ Рѣпинъ. Онъ написалъ прекрасный портретъ Л. Н—ча, сидящаго въ креслѣ. Этотъ портретъ находится теперь въ Третьяковской галлереѣ. Но кромѣ портрета Рѣпинъ написалъ еще замѣчательную картину: «Толстой — пахарь». Эта картина, полная глубокаго содержанія, превосходно написанная, эмблематически указываетъ на единеніе богатыря духа съ матерью землей. Отъ нея вѣетъ чѣмъ-то эпически прекраснымъ и чувствуется непреодолимая мощь народнаго генія.

О посѣщеніи Рѣпина Л. Н—чъ писалъ Н. Н. Стра-

хову: «Былъ Рѣпинъ, написалъ хорошій портретъ. Я его еще больше полюбилъ. Живой, растущій человѣкъ и приближается къ тому свѣту, куда все идетъ, и мы, грѣшные».

Вскорѣ Рѣпинъ издалъ эту картину въ видѣ хромолитографіи. Это было первое выставленіе на судъ публики событій частной жизни Л. Н—ча и семья Л. Н—ча была очень недовольна этимъ. Конечно, Л. Н—чъ поспѣшилъ затушить это возникшее чувство недовольства къ дорогому ему человѣку и написалъ Н. Н. Страхову, защищавшему Рѣпина, доброе письмо, въ которомъ между прочимъ говоритъ:

«Все, что вы пишете о Рѣпинѣ, совершенно справедливо; и то, что вы пишете о нелѣпости и непослѣдовательности запрещенія распространять его картину. Вы очень вѣрно описываете мое отношеніе къ толкамъ обо мнѣ: оно сознательно, и я не перестаю держаться все того же самаго для меня покойнаго правила, но тутъ случилось такъ, что когда мы получили отъ Стасова извѣстіе о затѣянномъ Рѣпинымъ распространеніи этой картинки, всѣмъ намъ показалось непріятно: жена написала въ этомъ смыслѣ Стасову и я ему тоже написалъ, но потомъ, когда получилось 2-ое письмо отъ Стасова и Рѣпина, гдѣ они писали, что у нихъ начата работа и что это запрещеніе огорчаетъ ихъ, я увидѣлъ, что это наше несогласіе было неправильно, но жена, желая избавить меня отъ того, что мнѣ было непріятно, написала имъ, объяснивъ мотивъ отказа и подтверждая его. Теперь же я вижу, что я сначала поступилъ неправильно и вы совершенно правы. Главное же то, что во имя этихъ пустяковъ я какъ будто огорчилъ Рѣпина, котораго я также высоко цѣню какъ и вы и сердечно люблю. Поэтому будьте добры передайте ему, что я отказываюсь отъ своего отказа и очень жалѣю, если ему доставилъ непріятное. Я знаю, что онъ меня любитъ какъ и я его и что онъ не станетъ на меня сердиться».

На этомъ кончился этотъ эпизодъ, картина была издана и изданіе быстро разошлось.

---

23 сентября этого 1887 года Л. Н—чъ и Софья Андреевна скромно отпраздновали свою серебряную свадьбу въ кругу съѣхавшихся родныхъ и друзей.

Л. Н—чъ по этому поводу записалъ въ своемъ дневникѣ о прожитой семейной жизни: «могло бы быть лучше».

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого вся семья Толстыхъ переѣхала въ Москву.

Въ это время В. Г. Чертковъ съ семьей жилъ на дачѣ недалеко отъ Москвы въ имѣніи своего родственника Пашкова.

Л. Н—чъ собрался къ нему въ гости, и я поѣхалъ вмѣстѣ съ нимъ. Чертковы ждали насъ, но произошло какое-то недоразумѣніе въ телеграммахъ и мы вышли съ поѣзда не та той станціи, гдѣ ждали лошади отъ Черткова. Мы наняли лошадей и поѣхали. Была темная ночь, а ямщикъ неопытный, и мы заблудились. Вмѣсто часа съ небольшимъ, въ который мы должны были проѣхать разстояніе въ 12 верстъ отъ ст. Голицына до имѣнія Пашкова, мы проплутали часа 3, заѣхали въ какую-то деревню, гдѣ насъ вывели на дорогу и поздно ночью пріѣхали наконецъ къ Черткову безъ особенныхъ поврежденій. Все ограничилось потерей пледа. Л. Н—чъ, узнавъ о пропажѣ, сказалъ: «жалко, доставимъ непріятность Софьѣ Андреевнѣ».

Мнѣ пришлось спать въ одной комнатѣ со Л. Н—чемъ и я помню смутно нашу ночную бесѣду. Онъ опять почему-то вспомнилъ прожитую семейную жизнь и говорилъ, что ему пріятно сознавать, что ни съ его стороны, ни со стороны его супруги не было ни малѣйшей невѣрности и они прожили честную и чистую семейную жизнь.

Приведемъ нѣсколько выдержекъ изъ писемъ Л. Н—ча того времени, въ которыхъ выражается его понятіе объ искусствѣ; мысли о немъ постоянно занимали Л. Н—ча и онъ выражалъ ихъ по разнымъ поводамъ, большею частью говоря о произведеніяхъ близкихъ ему людей.

Такъ по поводу одного новаго произведенія писателя В. Савихина, сотрудника «Посредника» перваго періода, автора «Дѣда Софрона», «Кривой доли» и др., Л. Н—чъ высказываетъ такія мысли въ письмѣ ко мнѣ:

«Чертковъ пишетъ о Савихинѣ. Языкъ его поэмы, образы тоже, — превосходны. Стихъ хорошъ мѣстами, но не мѣшало бы его сдѣлать еще ровнѣе и лучше, но содержаніе не то чтобы нехорошо, а его совсѣмъ нѣтъ. Содержаніе есть только подражаніе тому, чему не нужно подражать у Некрасова, т.-е. преувеличеніе народной бѣдности и отчаянное отношеніе къ ней, вызывающее только негодованіе къ кому-то . . . Зачѣмъ попалъ туда Г—нъ въ очкахъ? Что онъ дѣлаетъ? И главное, чѣмъ кормится? Сочувствіе никакъ не можетъ быть на сторонѣ его, потому что въ немъ что-то таинственное, скрытное. А сочувствіе невольно на сторонѣ мужиковъ, и досадуешь на то, что авторъ съ презрѣніемъ относится къ нимъ, а съ уваженіемъ къ тому, что возбуждаетъ только недоумѣніе и подозрѣніе. Ни на какой вещи я давно не видалъ съ такой ясностью, какъ невозможно человѣку писать, не проведя для самого себя опредѣленную черту между добромъ и зломъ. Писателю-художнику, кромѣ внѣшняго таланта, надо двѣ вещи: первое — знать твердо, что должно быть, а второе — такъ вѣрить въ то, что должно быть, чтобы изображать то, что должно быть, такъ, какъ будто оно есть, какъ будто я живу среди него. У неполныхъ художниковъ — неготовыхъ, есть что-нибудь одно, а нѣтъ другого. У Савихина есть способность видѣть, что должно бы быть, какъ будто оно есть. Но онъ не знаетъ, что должно

быть. У другихъ бываетъ обратное. Большинство бездарныхъ произведеній принадлежитъ ко 2-му разряду, большинство такъ-называемыхъ художественныхъ произведеній принадлежитъ къ первому. Люди чувствуютъ, что нельзя писать то, что есть — что это не будетъ искусство, не знаютъ, что должно быть, и начинаютъ писать то, что было (историческое искусство — картины Сурикова) или пишутъ не то, что должно быть, а то, что имъ или ихъ кружку нравится. — Оба нехорошо. Первый недостатокъ Иванова, второй — Савихина. Смѣшать ихъ вмѣстѣ — выйдетъ большой художникъ. Но и не смѣшивая, каждый, выработавъ то, что ему недостаетъ, можетъ сдѣлаться хорошимъ умственнымъ работникомъ, т.-е. писателемъ»[1]).

Вскорѣ послѣ этого въ нашемъ издательскомъ кружкѣ появилось новое лицо, внесшее въ дѣло много своего таланта, любви и энергіи и продолжающее это дѣло до сихъ поръ. Это былъ Ив. Ив. Горбуновъ-Посадовъ. Первое произведеніе, которое онъ сообщилъ намъ, была его поэма «Христова ночь». Давно уже тяготѣя сердцемъ къ тому, что высказывалъ Л. Н—чъ, Горбуновъ обратился къ нему на судъ съ этимъ произведеніемъ. Опасаясь, что во множествѣ корреспонденціи, которую получаетъ Л. Н—чъ, могло затеряться произведеніе незнакомаго ему лица, Ив. Ив. просилъ меня обратить какъ-нибудь вниманіе Л. Н—ча на его стихи и узнать о впечатлѣніи, произведенномъ на него этими стихами. Я поспѣшилъ исполнить просьбу Ив. Ив. и на мой запросъ получилъ слѣдующій отзывъ Л. Н—ча:

«Стихи Горбунова хорошіе стихи; въ нихъ чувствуется искренность, которую рѣдко встрѣчаешь въ стихахъ. Я отмѣтилъ нѣкоторые стихи слабые — очевидно вслѣдствіе условій размѣра и риѳмы —, напр.

[1]) Архивъ П. И. Бирюкова.

«озаривъ — нивъ», свѣтлячки не на нивахъ, «аркады» и т. п. Но стихотвореніе это нравится мнѣ и со своими слабостями и даже по слабостямъ. Чувство пробивается сквозь путы формы. Почему именно эта самая мысль не могла бы быть выражена не прозой, но и не стихами? Я отвѣчаю вамъ на письмо Горбунова, въ которомъ онъ спрашиваетъ мнѣніе о значеніи стихотворной поэзіи. Это мы всѣ знаемъ. Еще Буало сказалъ, чтобы мысль не калѣчилась риѳмой. Если можетъ поэтъ такъ сказать стихами, чтобы мы и не замѣтили, что это стихи — хорошо, а безъ этого лучше говорить какъ умѣешь во всю. — Вѣдь все, и самое хорошее, такъ испошлилось, что надо все начинать сначала. Стихи... Мнѣ кажется такъ: если совсѣмъ серьезно относиться къ поэзіи — хоть эта мысль Свѣтло-Христова Воскресенья — я бы началъ говорить — писать, какъ вижу, чувствую, не стихами, а потомъ пришло бы мѣсто, гдѣ моя мысль потребовала бы больше сжатости, силы, законченности, и вышли бы стихи, можетъ быть, такъ и кончилось бы стихами, а можетъ быть, нѣсколько строфъ, а потомъ опять проза. — Только для этого надо хорошенько забыть всякія стихотворенія, мѣста, гдѣ они помѣщаются, и піитику, а хорошенько вспомнить свою душу»[1]).

Подобнаго рода мысли Л. Н—чъ высказывалъ и по отношенію къ произведенію живописи своего друга Н. Н. Ге. Въ одномъ письмѣ онъ писалъ ему почти тѣми же словами, какъ и о произведеніяхъ Савихина:

«Для того, чтобы производить то, что называется произведеніями искусства, надо: 1) чтобы человѣкъ ясно, несомнѣнно зная, что добро, что зло, тонко видѣлъ раздѣляющую черту, а потому писалъ бы не то, что есть, а что должно быть. А думалъ бы то, что должно быть, такъ какъ будто оно есть. Чтобы для него то,

[1]) Тамъ же.

что должно быть, — было бы. Не правда ли? И у васъ оба термина очень сильны и равны и потому вы должны писать, когда вамъ хочется и ничего не мѣшаетъ»[1]).

Въ одномъ изъ слѣдующихъ писемъ онъ высказываетъ такія мысли:

«Всѣ художники настоящіе потому художники, что имъ есть что писать, что они умѣютъ писать и что у нихъ есть способность писать и въ одно и то же время читать или смотрѣть и самымъ строгимъ судомъ судить себя. Вотъ этой способности я боюсь у васъ слишкомъ и она мѣшаетъ вамъ дѣлать для людей то, что имъ нужно. Я говорю про Евангельскія картины. Кромѣ васъ никто не знаетъ того содержанія этихъ картинъ, которое у васъ въ сердцѣ, кромѣ васъ никто не можетъ ихъ такъ искренно выразить и никто не можетъ ихъ такъ написать. Пускай нѣкоторыя изъ нихъ будутъ не додѣланы, но самыя низкія по уровню будутъ все-таки большое и важное пріобрѣтеніе въ настоящемъ искусствѣ и въ настоящемъ единственномъ дѣлѣ жизни. — Мнѣ особенно это живо представилось, когда я получилъ прекрасный оттискъ «Тайной вечери», сдѣланный для М. А. (С. А. сдѣлала ихъ 10 безъ вашего позволенія. Вы вѣдь позволите?). Знаю я, что нельзя совѣтывать и указывать художнику, что ему дѣлать. Тамъ идетъ своя внутренняя работа, но мнѣ ужасно подумать, что начатое дѣло чудесное не осуществится»[2]).

Столь же глубокія мысли о литературѣ высказываетъ Л. Н—чъ по поводу прочтенія «Переписки съ друзьями» Гоголя.

Въ письмѣ ко мнѣ онъ говоритъ:

«Всякій разъ, какъ я читалъ «Переписку» Гоголя, она производила на меня сильное впечатлѣніе, а теперь

---

[1]) Архивъ Черткова.

[2]) Тамъ же.

сильнѣе всѣхъ. Я отчеркнулъ излишнее и мы прочли вслухъ, на всѣхъ произвело сильное впечатлѣніе и безспорное. 40 лѣтъ тому назадъ человѣкъ, имѣвшій право это говорить, сказалъ, что наша литература на ложномъ пути — ничтожна и съ необыкновенной силой показалъ, растолковалъ, чѣмъ она должна быть и въ знакъ своей искренности сжегъ свои прежнія писанія. Но много и сказалъ въ своихъ письмахъ, по его выраженію, что важнѣе всѣхъ его повѣстей. Пошлость, обличенная имъ, закричала: онъ сумасшедшій, и сорокъ лѣтъ литература продолжаетъ идти по этому ложному пути, ложность котораго онъ показалъ съ такой силой, и Гоголь, какъ Паскаль, лежитъ подъ спудомъ. Пошлость царствуетъ, и я всѣми силами стараюсь какъ новость сказать то, что сказано Гоголемъ. Надо издать выбранныя мѣста изъ его переписки и его краткую біографію [1]).

Подобныя же мысли, еще въ болѣе рѣзкой формѣ, высказаны имъ въ письмѣ къ Н. Н. Страхову:

«Еще сильное впечатлѣніе у меня было подобное Канту — недѣли три тому назадъ при перечитываніи въ 3-ій разъ въ моей жизни переписки Гоголя. Вѣдь я опять относительно значенія истиннаго искусства открываю Америку, открытую Гоголемъ 35 лѣтъ тому назадъ. Значеніе писателя вообще опредѣлено тамъ (письмо къ Языкову) такъ, что лучше сказать нельзя. Да и вся переписка (если исключить немного частное) полна самыхъ существенныхъ глубокихъ мыслей; великій мастеръ своего дѣла увидалъ возможность лучшаго дѣланія, увидалъ недостатки своихъ работъ, указалъ ихъ и доказалъ искренность своего убѣжденія и показалъ хоть не образцы, но программу того, что можно и должно дѣлать и толпа, не понимавшая никогда смысла дѣлаемыхъ предметовъ и достоинства ихъ, найдя бойкаго представителя своей неизмѣнной точки зрѣнія, загого-

[1]) Архивъ П. И. Бирюкова.

тала и 35 лѣтъ лежитъ подъ спудомъ въ высшей степени трогательное и значительное поученіе подвижника нашего цеха, нашего русскаго Паскаля. Тотъ понялъ несвойственное мѣсто, которое въ его сознаніи занимала наука, а этотъ искусство. Но того поняли, выдѣливъ то истинное и вѣчное, которое было въ немъ, а нашего смѣшали разъ съ грязью, такъ онъ и лежитъ, а мы-то надъ нимъ продѣлываемъ 30 лѣтъ ту самую работу, безсмысленность которой онъ такъ ясно показалъ и словами и дѣлами. Я мечтаю издать выбранныя мѣста изъ переписки въ «Посредникѣ» съ біографіей. Это будетъ чудесное житіе для народа, хоть они поймутъ. Есть ли біографія Гоголя?»[1])

Переписка Л. Н—ча съ его друзьями, знакомыми и единомышленниками принимаетъ въ это время все болѣе и болѣе широкіе размѣры. Какіе только корреспонденты ни вступаютъ въ сношеніе съ нимъ? Ему пишутъ тифлисскія барышни, спрашивая, что имъ дѣлать, чтобы быть полезными народу, и онъ имъ отвѣчаетъ интереснымъ письмомъ, принимая во вниманіе ихъ общественное положеніе — среди мѣстной интеллигенціи и совѣтуетъ подѣлиться съ народомъ своимъ умственнымъ имуществомъ. Вотъ его отвѣтъ:

«Вы спрашиваете дѣла. Кромѣ общаго всѣмъ намъ дѣла — стараться уменьшать тѣ труды, которые употребляются другими на поддержаніе нашей жизни, сокращая свои потребности и дѣлая своими руками, что можешь сдѣлать для себя и для другихъ, — у пріобрѣтающихъ знанія есть еще дѣло: подѣлиться этими знаніями, вернуть ихъ назадъ тому народу, который воспиталъ насъ. И вотъ такое дѣло есть у меня.

«Существуютъ въ Москвѣ издатели народныхъ книгъ: азбукъ, ариѳметикъ, исторій, календарей, картинъ, разсказовъ. Все это продается въ огромныхъ

---

[1]) Архивъ Черткова.

количествахъ, независимо отъ достоинства содержанія, а только потому, что пріучены покупатели и есть искусные продавцы... Одинъ изъ этихъ издателей — Сытинъ, мнѣ знакомый, хорошій человѣкъ, желающій сколь возможно улучшить содержаніе этихъ книгъ. Дѣло же, предлагаемое мною вамъ, слѣдующее: взять одну или нѣсколько изъ этихъ книгъ, азбуку ли, календарь, романъ ли (особенно нужна работа надъ повѣстями: онѣ дурны и ихъ много расходится), прочесть и исправить или вовсе передѣлать.

«Если вы исправите опечатки, безсмыслицы, тамъ встрѣчающіяся, — ошибки и безсмыслицы географическія и историческія, — то и то будетъ польза, потому что, какъ ни плоха книга, она все-таки будетъ продаваться. Польза будетъ въ томъ, что меньше будетъ вздора и безсмыслицы сообщаться народу. Если вы при этомъ еще выкинете мѣста глупыя или безнравственныя, замѣнивъ ихъ такими, чтобы не нарушался смыслъ, это будетъ еще лучше. Если же вы, подъ тѣмъ же заглавіемъ и пользуясь фабулой, составите свою повѣсть или романъ съ хорошимъ содержаніемъ, то это будетъ уже очень хорошо. То же о календаряхъ, азбукахъ, ариѳметикахъ, исторіяхъ, картинахъ. Итакъ, если работа эта вамъ нравится, выбирайте тотъ родъ, въ которомъ вамъ кажется, что вы лучше можете работать, и напишите мнѣ. Я вышлю вамъ нѣсколько книгъ. Очень желалъ бы, чтобы вы согласились на мое предложеніе.

«Работа, несомнѣнно, полезная. Степень пользы будетъ зависѣть отъ той любви, которую вы положите въ нее»[1]).

Сношенія съ этими барышнями были поручены Татьянѣ Львовнѣ, и изъ ея переписки видно, что работа дала значительные результаты.

---

[1]) Полное собраніе сочиненій Л. Н. Толстого. Т. XII. Подъ ред. и съ прим. П. И. Бирюкова. Стр. 26—27.

Осенью этого года Л. Н—чъ получилъ письмо отъ француза Ромэна Роллана, теперь уже пріобрѣвшаго литературное имя и репутацію человѣка, не боящагося высказывать публично сознаваемую имъ правду, — тогда еще молодого студента Ecole Normale въ Парижѣ. Въ своей книгѣ о Толстомъ, недавно изданной, Ромэнъ Ролланъ говоритъ о томъ сильномъ вліяніи, которое имѣлъ Толстой на французскую молодежь, на современную литературу и искусство.

Его смущалъ тогда вопросъ о совмѣстимости служенія наукѣ и искусству, что казалось ему выше всего — съ нравственнымъ требованіемъ физическаго труда и въ той или иной формѣ непосредственнаго служенія ближнему. Л. Н—чъ отвѣтилъ ему большимъ письмомъ на французскомъ языкѣ; мнѣ пришлось тогда же, подъ руководствомъ Л. Н—ча перевести его на русскій языкъ и письмо это получило большое распространеніе подъ именемъ «письма къ французу о физическомъ трудѣ и умственной дѣятельности». Въ первый разъ оно было напечатано въ газетѣ «Недѣля» и потомъ вошло въ собраніе сочиненій.

Въ этомъ письмѣ, достаточно извѣстномъ всей читающей публикѣ, Л.Н—чъ даетъ въ сжатой формѣ сущность своихъ взглядовъ, изложенныхъ имъ въ книгѣ «Такъ что же намъ дѣлать?» и въ «О жизни». Онъ считаетъ очень высокимъ и отвѣтственнымъ, искупаемымъ страданіемъ призваніе ученаго или художника и требуетъ подчиненія его дѣятельности всеобъемлющему и всеразрѣшающему чувству самоотверженной любви.

Наконецъ вліяніе Л. Н—ча доходитъ до самыхъ нѣдръ народа, черезъ лучшихъ представителей его сектантовъ-раціоналистовъ.

Къ этому времени на юго-западѣ Россіи распространялась секта штундистовъ. Одна изъ общинъ Херсон-

скаго уѣзда подошла очень близко въ пониманіи Евангелія ко взглядамъ Л. Н—ча. Они составили изложеніе своего вѣроученія въ формѣ катехизиса, въ вопросахъ и отвѣтахъ, и послали отпечатанный на ремингтонѣ экземпляръ Л. Н—чу при слѣдующемъ письмѣ:

«*Господи благослови.*

«*Во имя разума, жизни и этики.*

«Отъ штундистовъ Херсонскаго уѣзда, брату по *Іисусу*, Льву Николаевичу Толстому

Привѣтъ.

«Такъ какъ вѣра твоя разничаетъ отъ нашей только въ догматѣ Святыя Троицы и въ пониманіи Молитвы Господней, то, посылая тебѣ Катехизисъ нашъ, надѣемся, что ты, ознакомившись съ нимъ, и себя причислишь къ числу членовъ Іисусова *Братства по Евангелію.*

Уполномоченный братства

Дмитрій Кудрявцевъ.

Новый Бугъ. Губ. Херс. 1887 года. Августа 1 дня».

На благодарность, выраженную имъ Л. Н—чемъ, онъ получилъ слѣдующій отвѣтъ отъ уполномоченныхъ братства:

«Левъ Николаевичъ.

«На отзывчивыя строки ваши отвѣчаю.

«Штундизмъ, какъ проявленіе религіознаго раціонализма, очень распространенъ въ новороссійскомъ краѣ. Адепты его считаются сотнями тысячъ.

«Штундизмъ, этотъ расколъ лютеранства, отрицаетъ обряды, таинства, священство, посты, иконы, ветхозавѣтное ученіе и основой вѣры признаетъ одно Евангеліе.

«Въ виду же того, что администрація всѣми мѣрами мѣшаетъ общенію штундистовъ между собою, въ каждой мѣстности, въ каждой почти деревнѣ, штундисты,

оставаясь вѣрными главнымъ основамъ своей вѣры, расходятся въ подробностяхъ.

«*Іисусово Братство по Евангелію* задалось мыслью сплотить всѣхъ штундистовъ въ одну духовную семью.

«Съ этой цѣлью, лѣтъ пять тому назадъ, былъ составленъ народнымъ учителемъ Ткаченко Катехизисъ, присланный мною вамъ.

«Въ предѣлахъ Антоновской и Новобуговской волостей Херсонскаго уѣзда Катехизисъ этотъ принятъ, но распространеніе его сопряжено было съ большими затрудненіями, въ виду малочисленности лицъ, умѣющихъ читать рукопись, даже въ числѣ окончившихъ народную школу.

«Нынѣ съ пріобрѣтеніемъ машинки Ремингтона и гектографированіемъ ея оттисковъ Братство надѣется значительно расширить кругъ лицъ способныхъ усвоить себѣ истины изложенныя въ Катехизисѣ.

«Первый экземпляръ новаго изданія и былъ посланъ вамъ.

«Расширивъ кругъ читателей Катехизиса, братство остановилось на томъ соображеніи, которое и вы высказываете въ письмѣ вашемъ.

«Редакторская неумѣлость можетъ повредить дѣлу.

«Враги истины придерутся къ малѣйшей неточности, чтобы осудить все, говорите вы.

«Сознавали это и мы и заручившись согласіемъ вашимъ съ основами ученія Іисусова Братства, мы приступаемъ съ главной нашей просьбой: исправьте, Левъ Николаевичъ, замѣченныя вами въ Катехизисѣ неточности и натянутость и обезпечьте тѣмъ успѣхъ распространенія истины.

Братъ вашъ Д. Р. Кудрявцевъ.

Новый Бугъ. Херс. губ.»[1]).

---

[1]) Архивъ П. И. Бирюкова.

Л. Н—чъ, получивъ этотъ Катехизисъ, очень радовался тому, что мысли его проникли въ народъ. Но исправлять его онъ не взялся. Онъ боялся, чтобы работа эта не завлекла его и не отвлекла отъ работъ болѣе самостоятельныхъ.

Въ постоянной перепискѣ съ Чертковымъ Л. Н—чъ часто высказывалъ ему глубокія мысли по различнымъ жизненнымъ вопросамъ. Чертковъ обладалъ особенною способностью вызывать Л. Н—ча на изложеніе своихъ мыслей, ставя ему различные вопросы. Изъ писемъ этого времени мы выбираемъ наиболѣе интересныя, которыя характеризуютъ духовный обликъ Л. Н—ча этой эпохи его жизни.

Л. Н—ча нельзя было назвать пропагандистомъ своего ученія. Онъ мало заботился о распространеніи своихъ взглядовъ, но твердо вѣрилъ въ силу свѣта истины. Объ этомъ онъ такъ писалъ Черткову:

«Если уже говорить о воздѣйствіи на другихъ, о чемъ я не долженъ думать и не стараюсь думать, то я всегда объ одномъ безсознательно стараюсь, чтобы направить зрѣніе людей на вѣчное одно солнце, а самому отскочить; а видѣть, что меня считаютъ за солнце не изъ скромности (тутъ не можетъ быть и рѣчи объ этомъ), а изъ стыда и жалости и омерзѣнія къ себѣ, всегда при этомъ испытываю мучительное чувство. Какъ рѣзать что-нибудь липкое, и къ ножу прилипаетъ, и вмѣсто рѣзанія выходитъ какая-то путаница грязная. Вотъ то же и когда своя личность липнетъ къ этому ножу или скорѣе ножъ нечистый, загрязненный своею личностью и вмѣсто того, чтобы счищать — грязнишь» [1]).

---

[1]) Архивъ Черткова.

Около этого времени В. Г. Чертковъ задумалъ составить сводъ мнѣній болѣе близкихъ друзей о понятіи «Богъ». Онъ обратился и ко Л. Н—чу съ просьбой дать свое опредѣленіе и Л. Н—чъ такъ отвѣтилъ ему въ письмѣ:

«Ну, смотрите же, понимайте съ полуслова и не требуйте опредѣленій, и не придирайтесь къ словамъ. Богъ для меня это то, къ чему я стремлюсь, то, въ стремленіи къ чему и состоитъ моя жизнь, и который поэтому и есть для меня, но есть непремѣнно такой, что я его понять, назвать не могу. Если бы я его понялъ, я бы дошелъ до него и стремиться бы некуда было, и жизни бы не было. Но, что кажется противорѣчіемъ, я его понять и назвать не могу, а вмѣстѣ съ тѣмъ знаю его, знаю направленіе къ нему, и даже изъ всѣхъ моихъ знаній это самое достовѣрное. Не знаю его, а вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ всегда страшно, когда я безъ него, а только тогда не страшно, когда я съ нимъ. Еще страннѣе то, что знать его больше и лучше, чѣмъ я его знаю теперь, мнѣ теперь, въ моей теперешней жизни и не нужно. Приблизиться мнѣ къ нему можно и хочется, и въ этомъ моя жизнь, но приближеніе нисколько не увеличиваетъ и не можетъ увеличить моего знанія. Всякая попытка воображенія о томъ, что я познаю его (напр., что онъ Творецъ или милосердъ или что-нибудь подобное) удаляетъ меня отъ него и прекращаетъ мое приближеніе къ нему. Еще страннѣе то, что любить по-настоящему, т.-е. больше себя и больше всего, я могу только его одного; только въ этой любви нѣтъ никакой остановки, никакого умаленія (напротивъ, все прибавленіе), нѣтъ никакой чувственности, нѣтъ виляній, угодливости, нѣтъ страха, нѣтъ самодовольства. Все, что хорошо, любишь черезъ эту любовь; такъ что выходитъ еще то, что любишь, а слѣдовательно живешь только черезъ него и имъ. Ну, вотъ какъ я думаю, чувствую скорѣе. Прибавить надо только то,

что мѣстоимѣніе онъ уже нѣсколько нарушаетъ для меня Бога. «Онъ» какъ-то умаляетъ его»[1]).

Черткова мучилъ тогда вопросъ о деньгахъ и онъ ставилъ вопросъ о ихъ полномъ устраненіи и сообщалъ Л. Н—чу свои мысли объ этомъ. Л. Н—чъ отвѣчалъ ему такъ:

«Вижу я, что вы сближаетесь съ нуждами народа, съ забытыми братьями нашими. Они забыты такъ давно, такъ окончательно, что всѣмъ намъ, желающимъ возстановить это братство, мало одного сознанія родства, нужна длинная работа, которая у меня не только не кончена, но только начинается; а вы позади меня въ этомъ отношеніи, и потому — этому я за васъ радуюсь; но о деньгахъ, о своемъ отношеніи къ нимъ, я ничего сказать не могу. Каждый по-своему умывается. Дѣло въ томъ, чтобы самому внѣшнему предмету этому не приписывать значенія; а то — тотъ же грѣхъ, какъ и съ деньгами. Приписывать же значеніе надо только тому, что уничтожаетъ значеніе многихъ пустыхъ вещей, въ томъ числѣ и денегъ. Хочется мнѣ написать сказочку такую. Былъ царь, и все ему не удавалось, и пошелъ онъ къ мудрецамъ спросить, отчего ему неудача. Одинъ мудрецъ сказалъ: — отъ того, что онъ не знаетъ часа, когда что дѣлать. Другой сказалъ: — отъ того, что онъ не знаетъ человѣка, который ему нужнѣе всѣхъ. Третій сказалъ: — отъ того, что онъ не знаетъ, какое дѣло дороже всѣхъ другихъ дѣлъ. — И послалъ царь еще спрашивать у мудрецовъ, у этихъ и другихъ: какой часъ важнѣе всѣхъ, какой человѣкъ нужнѣе всѣхъ и какое дѣло дороже всѣхъ. И никто не могъ отгадать. И все думалъ объ этомъ царь и у всѣхъ спрашивалъ. И отгадала ему дѣвица. Она сказала, что важнѣе всѣхъ часовъ теперешній, потому что другого ни одного нѣтъ такого же. А нужнѣе всѣхъ тотъ человѣкъ, съ кото-

[1]) Архивъ Черткова.

рымъ сейчасъ имѣешь дѣло, потому что только этого человѣка и знаешь. А дороже всѣхъ дѣлъ то, чтобы сдѣлать этому человѣку доброе, потому что это одно дѣло тебѣ навѣрно на пользу. — Вотъ эта мысль не разрѣшаетъ для меня вопроса денегъ, а ставитъ его на мѣсто, которое ему подобаетъ»[1]).

Въ это время жена Черткова Анна Константиновна часто хворала и въ семьѣ Черткова часто возникалъ и рѣшался въ ту или другую сторону вопросъ о медицинской помощи. Л. Н—чъ высказалъ тогда въ письмѣ къ Черткову о медицинѣ такое мнѣніе:

«Есть взглядъ на медицину такой, какой мнѣ приписываютъ, что медицина есть зло и надо отъ нея избавляться и ни въ какомъ случаѣ не пользоваться: этотъ взглядъ неправильный. Есть другой взглядъ такой, что человѣкъ помираетъ и страдаетъ не потому, что такъ ему свойственно, а только потому, что не поспѣлъ докторъ или ошибся, не нашелъ лѣкарства, или еще медицина не поспѣла всего выдумать. Этотъ взглядъ, къ несчастью, самый распространенный (особенно между врачами) и самый ложный и вредный. Отъ первой ошибки иногда пострадаетъ тѣло, а отъ второго всегда страдаетъ духъ. У насъ неученыхъ людей разумное отношеніе къ медицинской помощи всегда будетъ (да и ученыхъ тоже) такое: искать впередъ помощи отъ угрожающей смерти и страданій я не буду (потому что если стану это дѣлать, то вся жизнь моя уйдетъ на это и все-таки ея не достанетъ); но пользоваться тѣми средствами огражденія себя отъ смерти и страданій, которыя приспособляются людьми спеціально занятыми этимъ дѣломъ и которыя невольно вторгаются въ мою жизнь я буду, но только въ предѣлахъ того, что подтверждается ясностью для меня своего дѣйствія, опытомъ, распространеніемъ и удобствомъ пріобрѣтенія, т.-е. тѣми

[1]) Архивъ Черткова.

средствами, пользованіе которыми не нарушаетъ моихъ нравственныхъ потребностей. Тутъ, разумѣется, безпрестанныя дилеммы, и рѣшеніе ихъ въ душѣ каждаго»[1]).

Въ письмѣ ко мнѣ этой же осенью Л. Н—чъ сообщаетъ свѣдѣніе о новомъ, родственномъ ему по духу ученіи:

«Я вамъ говорилъ о Christian science ученіи, которое недавно возникло въ Америкѣ. Они очень сочувствуютъ моимъ взглядамъ и пишутъ мнѣ и присылаютъ и книги и брошюры. Въ этомъ ученіи есть много гораздо болѣе важнаго, чѣмъ мнѣ показалось сначала. Слабая сторона ихъ, усиливаемая ихъ женщинами, въ томъ, что можно лѣчить болѣзни духовно, и это глупо, но основная мысль, прекрасно выраженная, которую я далъ племянницѣ перевести, такая: болѣзни и грѣхи — это все равно, что движеніе и тепло: одно переходитъ въ другое. Болѣзни большею частію послѣдствія грѣха, и чтобы избавиться отъ нихъ, надо избавиться отъ грѣха — заблужденія. И живя въ заблужденіи, надо знать, что живешь въ болѣзни, которая если еще не появилась, то неизбѣжно появится. Важно еще то, что всякій человѣкъ, подвергаясь болѣзнямъ, несетъ отвѣтственность за заблужденія другихъ: и предковъ и современниковъ, и что каждый, живя въ заблужденіи, вноситъ болѣзни и страданія въ другихъ — въ потомковъ и въ современниковъ. И что каждый, живя безболѣзненно, обязанъ этимъ другимъ — и предкамъ и современнымъ добрымъ людямъ, и что каждый, освобождаясь отъ заблужденій, излѣчиваетъ не одного себя (одного и нельзя), а и потомковъ и современниковъ»[2]).

Всѣ эти мысли весьма характерны для Л. Н—ча и показываютъ широту его взглядовъ, отсутствіе вся-

---

[1]) Архивъ Черткова.
[2]) Архивъ П. И. Бирюкова.

каго педантизма. Ему важно не формальное рѣшеніе вопроса, а рѣшеніе его по существу. Онъ искалъ, по слову Евангелія, прежде всего Царства Божія и правды его, зная, что все остальное приложится къ нему.

Общее настроеніе Л. Н—ча въ это время было чрезвычайно бодрое и радостное. Въ октябрѣ 1887 года онъ писалъ между прочимъ Страхову:

«Не смѣть быть ничѣмъ инымъ, какъ счастливымъ, благодарнымъ, и радостнымъ, съ успѣхомъ повторяю себѣ. И очень радъ, что вы съ этимъ согласны»[1]).

ГЛАВА II

Въ Ясной Полянѣ за работой. Въ Москвѣ. Новые друзья

1888 г.

Зиму 1887—1888 годовъ Л. Н—чъ проводитъ въ Москвѣ: онъ съ увлеченіемъ читаетъ Герцена и пишетъ объ этомъ Н. Н. Страхову:

«Все послѣднее время читалъ и читаю Герцена. Что за удивительный писатель. И наша жизнь русская за послѣднія 20 лѣтъ была бы не та, если бы этотъ писатель не былъ скрытъ отъ молодого поколѣнія. А то изъ организма русскаго общества вынуть насильственно очень важный органъ».

Ту же мысль подробнѣе Л. Н—чъ развиваетъ въ письмѣ къ Черткову:

«Читаю Герцена и очень восхищаюсь и соболѣзную тому, что его сочиненія запрещены: во-первыхъ, это писатель, — какъ писатель художественный, — если не выше, то уже навѣрное равный нашимъ первымъ писателямъ; а во-вторыхъ, если бы онъ вошелъ въ духов-

---

[1]) Архивъ Черткова.

ную плоть молодыхъ поколѣній съ 50-хъ годовъ, то у насъ не было бы революціонныхъ нигилистовъ.

«Доказывать несостоятельность революціонныхъ теорій — нужно только читать Герцена, — какъ казнится всякое насиліе именно самимъ дѣломъ, для котораго оно дѣлается. Если бы не было запрещенія Герцена, не было бы динамита и убійства, и висѣлицъ, и всѣхъ расходовъ, усилій тайной полиціи, и всего того ужаса, и всего того зла правительства и консерваторовъ . . .

«Очень поучительно читать его теперь. И хорошій, искренній человѣкъ. Человѣкъ, — выдающійся по силѣ, уму, искренности, — случайно могъ безъ помѣхи дойти по ложному пути до болота и увязнуть и закричать: не ходите! И что жъ! Оттого, что человѣкъ этотъ говоритъ о правительствѣ правду, говоритъ, что то, что есть, — не есть то, что должно быть, — опытъ и слова этого человѣка старательно скрываютъ отъ тѣхъ, которые идутъ за нимъ.

«Чудно и жалко. А, должно быть, такъ должно и это къ лучшему»[1]).

Я проводилъ эту зиму въ Петербургѣ, завѣдуя «Посредникомъ». Въ скромномъ помѣщеніи, которое занималъ тогда «Посредникъ», на Греческомъ проспектѣ, собиралось много друзей, группировавшихся около этого центра новаго движенія въ Петербургѣ. Время это оставило во мнѣ свѣтлое воспоминаніе. Было много молодыхъ силъ, стремившихся выразиться въ новыхъ формахъ практической жизни.

Намъ пришла мысль сорганизоваться въ ремесленную кооперацію, совершенно свободную, удовлетворяющую во-первыхъ потребности физическаго труда, а во-вторыхъ работающую на рынокъ, для поддержанія выручennой суммой всей нашей организаціи.

---

[1]) Архивъ Черткова.

И мы завели артельныя мастерскія по тремъ ремесламъ: столярному, сапожному и переплетному. Собирались по вечерамъ, большею частью учащаяся молодежь, работали, читали, пили чай и бесѣдовали и на всемъ этомъ лежалъ отпечатокъ наивной, чистой, молодой мечты.

Конечно Л. Н—чъ былъ въ курсѣ этого дѣла и вотъ одно изъ его писемъ того времени, такое же бодрое и жизнерадостное, какъ и наше молодое дѣло.

Онъ писалъ мнѣ въ февралѣ 1888 года:

«Виноватъ . . . винов . . . вино . . . вин . . . ви . . в . . . в . . . А главное, что все время хотѣлось вамъ писать, милый другъ П. И. Я всѣ письма отъ васъ получалъ, но былъ и теперь продолжаю быть въ такомъ тихомъ тупоуміи, что не только статей, но писемъ писать не хочется. — Мастерскія, что устраиваются — это очень, очень хорошо. Чтеніе о пьянствѣ тоже, то, что вы пріѣдете въ мартѣ, лучше всего. Бондарева хотѣлъ напечатать въ «Рус. Дѣлѣ», но теперь заробѣлъ. «Жизнь» до сихъ поръ въ духовной цензурѣ и такъ какъ нѣтъ отвѣта, то и не посылается еще для печатанія за границей. Тогда заодно пошлю и Бондарева. Миссъ Hargood вчера прислала мнѣ статьи и двухъ американокъ: и то и другое неинтересно. Вообще, если можно, скажите ей: 1) что статьи ея неинтересны мнѣ, я все знаю объ этомъ, а 2) то, что я боюсь, судя по поправкамъ французскаго перевода «О жизни», которыя я дѣлаю, чтобы въ ея переводѣ не было неточностей. Виноватъ тутъ я неясностью своего языка, и потому хорошо бы провѣрить ея переводъ. Это вѣрно не отказался бы сдѣлать Страховъ.

«Теперь я буду дѣлать вопросы. Что статьи Полушина? Отчего не печатаются? Что Гоголь? Что Семенъ Сирота и мн. др.? —

«Илюшу вчера обвѣнчали, и свадьба была самая

глупая, т.-е. настоящая. Никто этого не хотѣлъ, и сдѣлалось само»[1]).

Вскорѣ послѣ этого мнѣ пришлось быть въ Москвѣ. Какъ часто бывало, я остановился у Л. Н—ча и былъ свидѣтелемъ одного изъ самыхъ важныхъ событій его семейной жизни, рожденія его послѣдняго сына Ванички.

Помню тотъ вечеръ, когда я сидѣлъ съ другими дѣтьми внизу, а наверху въ гостиной совершалось великое и таинственное явленіе — рожденіе на свѣтъ новаго человѣка. Мы всѣ, не отдавая себѣ отчета въ этомъ, переговаривались какъ-то шопотомъ, боясь нарушить величіе тайны.

И вдругъ пришелъ къ намъ Л. Н—чъ съ взволнованнымъ, заплаканнымъ, но уже радостнымъ лицомъ и объявилъ, что все кончилось благополучно. «А было очень страшно!» — прибавилъ онъ, какъ бы поясняя и оправдывая свое волненіе. И онъ пригласилъ меня къ родильницѣ; ему хотѣлось какъ-то похвастать передо мной мужествомъ матери, перенесшей страданія безъ малѣйшаго крика и даже стона.

Софья Андреевна лежала на диванѣ въ гостиной, закрытая до головы теплымъ одѣяломъ, и меня поразило ея лицо, одухотворенное сознаніемъ исполненнаго долга, сіяющее какой-то особенной неповторяемой красотой.

Рядомъ съ ней копошилось завернутое красненькое существо. Вскорѣ изъ этого комочка, едва напоминающаго человѣка, развился прекрасный ребенокъ съ небесными стремленіями. Хрупкое тѣло его не выдержало этихъ стремленій и черезъ семь лѣтъ мнѣ пришлось по странному совпаденію присутствовать и на его похоронахъ, о чемъ я буду говорить въ своемъ мѣстѣ.

Эти событія семейной жизни не мѣшали Л. Н—чу думать объ общихъ нашихъ литературныхъ издательскихъ дѣлахъ по «Посреднику». Работа эта кипѣла, это было

---

[1]) Архивъ П. И. Бирюкова.

время расцвѣта дѣятельности «Посредника» и у Л. Н—ча уже назрѣвала мысль о расширеніи его и перенесеніи дѣятельности за предѣлы Россіи. Въ концѣ марта Л. Н—чъ писалъ Черткову:

«Пришло въ голову издавать «Посредникъ» международный въ Лейпцигѣ безъ цензуры на 3-хъ или 4-хъ языкахъ. Программа: все, что выработалъ духъ человѣческій во всѣхъ областяхъ — такое, что доступно пониманію рабочихъ, трудящихся массъ, и что непротивно нравственному ученію Христа: мудрость, исторія, поэзія, искусства... Устройства учрежденія никакого не нужно: — «Посредникъ» съ расширенной программой. Все, что у насъ есть непропускаемое цензурой — статьи Озмидова, декларація Гаррисона и очерки его жизни, легенда Костомарова, Достоевскаго, Лѣскова, все, что есть печатать въ Лейпцигѣ на 4-хъ языкахъ — русскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ, англійскомъ, и на оберткахъ печатать краткую программу»[1]).

Съ этого времени прошло уже болѣе четверти вѣка, и этотъ грандіозный проектъ до сихъ поръ еще не осуществленъ. Помню разъ въ разговорахъ со Л. Н—чемъ я размечтался объ этомъ дѣлѣ и сталъ развивать ему планъ такой организаціи на средства одного изъ нашихъ общихъ друзей. Я спрашивалъ у Л. Н—ча совѣта о томъ, стоитъ ли мнѣ для этого ѣхать за границу, чтобы принять участіе въ этомъ дѣлѣ. Врагъ всякихъ придуманныхъ организацій, Л. Н—чъ сказалъ мнѣ: «Никуда ѣхать не надо, ничего не надо устраивать. Вотъ Черткова вышлютъ за границу, тогда и станетъ «Посредникъ» международнымъ». Л. Н—чъ вѣрилъ въ организаторскія способности своего друга. Черезъ девять лѣтъ послѣ высказанной въ письмѣ мысли Черткова дѣйствительно выслали за границу. И онъ дѣйствительно основалъ большую издательскую дѣятельность, подъ фир-

[1]) Архивъ Черткова.

мой «Свободное Слово», въ которой и мнѣ пришлось принять участіе. Но это было только частичное осуществленіе замысла Л. Н—ча. Чертковъ издавалъ по-русски и нѣкоторыя изъ брошюръ по-англійски. Кромѣ того эта дѣятельность была посвящена почти исключительно распространенію сочиненій Л. Н—ча. Общечеловѣческая мудрость была едва затронута (Паркеръ, Унитарьянцы, Гаррисонъ и др.). Такимъ образомъ этотъ великій проектъ все-таки ждетъ своего исполнителя.

Слѣдующее письмо Л. Н—ча ко мнѣ, полученное въ апрѣлѣ, полно внутренняго духовнаго интереса; въ отвѣтъ на мои вопросы, съ которыми я часто обращался къ своему старому доброму другу, онъ писалъ мнѣ слѣдующее:

«Дорогой П. И., первое дѣло о томъ, что вы пишете: мнѣ думается, что высшее доступное человѣку благо жизни это то, когда его личное стремленіе влечетъ его къ любовной дѣятельности, т.-е. къ такой, цѣль которой не я, а другіе, когда нѣтъ ни борьбы ни напоминаній со стороны разума, ни малѣйшаго остатка силы жизни, не поглощеннаго дѣятельностью для другихъ. И это состояніе бываетъ (сколько я знаю) только въ двухъ случаяхъ: въ любимой работѣ, нужной и разумной, и въ любви къ избраннымъ лицамъ, въ дѣятельности для нихъ нужной и разумной. — Я понимаю васъ и самъ то же испытывалъ, боясь дѣятельности писательской, какъ бы она не была эгоистичной, но знаю, что въ ней, когда она истинная, высшее мое благо, и потому и дѣло. То же и въ любви къ близкимъ, къ семейнымъ, къ дѣтямъ. — Лѣскова легенду прочелъ въ тотъ же день, какъ она вышла. Эта еще лучше той. Обѣ прекрасны. Но та слишкомъ кудрява, а эта проста и прелестна. Помогай ему Богъ.

«Получаю я письма о сборникѣ для Гаршина. По-

могите мнѣ, милый другъ, въ томъ, чтобы не обидѣть людей. Не говоря уже о томъ, что нѣтъ никакого повода и причины составлять сборникъ и собирать на что-то деньги по случаю смерти Г., я никакъ не могу быть въ этомъ участникомъ, несмотря на мою большую любовь къ Г., которую я желалъ бы выразить. И если бы пришлось написать о немъ, что я думаю, то разумѣется отдалъ бы въ самое приличное для того мѣсто — сборникъ. Если увидите Кузминскаго или Кони, спросите его (Кони), началъ ли онъ писать обѣщанный разсказъ для П., а если нѣтъ, то отдастъ ли онъ мнѣ тему этого разсказа. Очень хороша и нужна. Писать головой очень хочется и знаю, что нужно, а не могу — сердцемъ не тянетъ. Колечка не поѣхалъ къ Ч., а еще у насъ. У насъ все хорошо; всѣ, исключая Ив., здоровы, и молодые пріѣхали на два дня. Броневскаго письма не нашелъ. Остальное все исполню. Поповъ былъ здѣсь и уѣхалъ къ Озмидову съ Залобовскимъ»[1]).

Легенды Лѣскова, о которыхъ упоминаетъ здѣсь Л. Н—чъ, были: первая — «Совѣстный Данила», вторая — «Прекрасная Аза», написанная Лѣсковымъ для «Посредника».

Тема, которую Л. Н—чъ проситъ уступить ему, — это сюжетъ его романа «Воскресеніе», законченнаго имъ черезъ 12 лѣтъ.

---

18 апрѣля Л. Н—чъ собрался въ Ясную Поляну и пошелъ пѣшкомъ съ своимъ молодымъ тогда другомъ Ник. Ник. Ге-сыномъ, хорошимъ ходокомъ. Эти путешествія были для Л. Н—ча съ одной стороны способомъ изученія народа и съ другой стороны самъ онъ, проходя по городамъ и селамъ, разбрасывалъ то тамъ то сямъ искры своей любви. Сохранилось нѣсколько разсказовъ

[1]) Архивъ П. И. Бирюкова.

изъ этого и другого путешествій. Мы приведемъ нѣкоторые изъ нихъ, заимствуя ихъ изъ книги П. А. Сергѣенко «Какъ живетъ и работаетъ Толстой».

«Въ одно изъ своихъ путешествій зашелъ онъ ночевать на сельскій постоялый дворъ. Хозяинъ двора, крутой, нравный старикъ, разсердился за что-то на своего сына-юношу и началъ его бить, затѣмъ схватилъ за волосы и поволокъ изъ комнаты. Л. Н—чъ сталъ убѣждать мужика. Но тотъ вошелъ въ азартъ и не обращалъ ни на что вниманія. Тогда Левъ Николаевичъ сказалъ ему съ укоромъ:

— Стыдись! Вѣдь этого и звѣрь надъ звѣремъ не станетъ дѣлать. А ты называешься христіаниномъ. Какъ же ты Бога не боишься?

Это задѣло мужика и онъ злобно крикнулъ:

— Такъ что жъ по твоему мудрому разуму значитъ не надо и дѣтей учить?

— Надо учить, но не бить, — сказалъ Левъ Николаевичъ.

— А ты знаешь, что сказалъ графъ Аракчеевъ? — спросилъ мужикъ злымъ вызывающимъ тономъ.

— Что?

— Девять человѣкъ убей, а десятаго выучи . . .

Не успѣлъ мужикъ договорить всей фразы, какъ Левъ Николаевичъ подскочилъ къ нему съ загорѣвшими глазами и закричалъ:

— Не смѣй такъ говорить! Бога въ тебѣ нѣтъ. И знай: и тотъ звѣрь, кто сказалъ это . . .

И въ лицѣ его и въ голосѣ было при этомъ нѣчто такое, передъ чѣмъ сразу потухло бѣшенство жестокаго мужика.

Однажды онъ шелъ съ своимъ пріятелемъ изъ Москвы въ Тулу. По дорогѣ, возлѣ кучи щебня, они увидѣли мужика, который сердито отбивалъ камнемъ ка-

блукъ на сапогѣ и крѣпко ругался. Онъ натеръ сапогомъ ногу и это очень сердило его. Путники подошли къ нему, разговорились и затѣмъ пошли вмѣстѣ. У рабочаго былъ недовольный видъ и онъ все время жаловался на людскую несправедливость. Работалъ онъ на заводѣ, а хозяинъ не заплатилъ ему «за литье» сколько слѣдовало. Левъ Николаевичъ все время слушалъ рабочаго, затѣмъ сказалъ серьезно:

— Тутъ что-нибудь не такъ, Иванъ Семеновъ!

— Побей меня Богъ, все было, какъ я говорю! — возразилъ горячо Иванъ Семеновъ и въ подтвержденіе своихъ словъ показалъ Льву Николаевичу квитки изъ завода.

Такъ они прошли вмѣстѣ около трехъ сутокъ, останавливаясь по постоялымъ дворамъ для отдыха и бесѣдуя уже какъ старые пріятели.

Очутившись съ глазу на глазъ съ спутникомъ Льва Николаевича, Иванъ Семеновъ спросилъ съ любопытствомъ:

— Скажи, пожалуйста, кто такой этотъ Левъ Николаевичъ?

— Да такъ себѣ старикъ. А что?

— Божественный старикъ!

На послѣднемъ привалѣ напились путники чаю, Левъ Николаевичъ прощается съ Иваномъ Семеновымъ и говоритъ:

— Какъ хорошо Богъ привелъ насъ познакомиться и вмѣстѣ время провести. А только мнѣ все кажется, Иванъ Семеновъ, что ты всей правды о себѣ не сказалъ.

У Ивана Семенова показались слезы на глазахъ.

— Прости меня, Левъ Николаевичъ, совралъ я тебѣ: деньги то я всѣ дочиста получилъ отъ хозяина и пропилъ ихъ, окаянный.

Въ другой разъ Левъ Николаевичъ со своимъ спутникомъ догнали на дорогѣ больного мальчика, который былъ очень слабъ, и взяли его съ собой. Хозяйка постоялаго двора, когда увидала, что мальчикъ очень плохъ, разсердилась и закричала:

— Уходите, уходите! Что это вы привели сюда совсѣмъ дохлаго. Онъ еще умретъ здѣсь.

Левъ Николаевичъ помолчалъ немного и кротко сказалъ:

— Это не нашъ мальчикъ, а чужой. Мы его взяли, потому что онъ былъ безпомощенъ. Подумайте, какъ бы вамъ было тяжело, если бы вы были въ безпомощномъ положеніи и никто не хотѣлъ бы помочь вамъ.

Хозяйка смягчилась, приняла путниковъ, матерински ухаживала за мальчикомъ и потомъ все повторяла ему:

«Вотъ видишь, добрые люди подобрали тебя и привели. А не будь добрыхъ людей... не будь добрыхъ людей на свѣтѣ, что жъ бы это было?»[1])

Этотъ больной мальчикъ доставилъ Л. Н—чу немало хлопотъ; но все-таки о своемъ путешествіи онъ сохранилъ самое хорошее воспоминаніе. Онъ писалъ С. А—нѣ:

«Путешествіе очень удалось. Какъ я ни старъ, и какъ ни знаю нашу жизнь, всякій разъ узнаешь во всѣхъ отношеніяхъ: и нравственномъ и умственномъ».

Изъ Ясной Л. Н—чъ писалъ мнѣ:

«Получилъ ваше письмо, милый Поша, въ Ясной, куда мы съ Колечкой благополучно, весело и поучительно дошли. Спасибо вамъ за исполненіе моихъ просьбъ. Смирягинъ мнѣ очень понравился. Сейчасъ съ нами Дунаевъ, онъ нагналъ насъ въ Серпуховѣ, и съ нами шелъ

---

[1]) П. А. Сергѣенко, Какъ живетъ и работаетъ Л. Н. Толстой.

и Сытинъ С. Д. Вотъ кабы удержался въ согласіи противъ пьянства, къ которому присоединился»[1]).

Смирягинъ, о которомъ пишетъ Л. Н—чъ, это былъ только-что кончившій петербургскую духовную академію молодой теологъ, искренно приближавшійся по своимъ нравственнымъ воззрѣніямъ ко Л. Н—чу, но оставшійся православнымъ. Онъ писалъ докторскую диссертацію о Толстомъ.

Сергѣй Дмитріевичъ Сытинъ, теперь уже умершій, страдавшій страстью къ спиртнымъ напиткамъ, часто какъ бы воскресалъ и зарекался подъ вліяніемъ Л. Н—ча и въ эти періоды былъ свѣтлымъ, чистымъ душою человѣкомъ. Но плоть снова побарывала его и онъ опускался до самаго дна жизни, откуда приходилось его выручать его старшему брату Ивану Дмитріевичу...

Объ этомъ путешествіи спѣшитъ также извѣстить меня и новый преданный другъ Л. Н—ча, Марья Александровна Шмидтъ, какъ всегда въ восторженномъ тонѣ:

«Голубчикъ Павелъ Ивановичъ, Левъ Николаевичъ съ Колечкой Ге и Дунаевымъ пѣшкомъ ушелъ въ Тулу 17 апрѣля, а пришелъ въ Ясную 22-го здоровымъ и веселымъ, убралъ свой кабинетъ и сѣлъ работать, ужасно я рада за него, Софья Андреевна спѣшитъ со всей семьей къ нему въ Ясную, такъ что Л. Н. больше не пріѣдетъ въ Москву, маленькій Ваня чихаетъ такъ громко, какъ отецъ, и Софья Андреевна увѣряетъ всѣхъ, что онъ похожъ на Л. Н., всѣ они здоровы и веселы, въ концѣ святой помчусь къ нимъ опять»[2]).

Въ это время Л. Н—чъ старался перестать курить. Въ сознаніи его давно уже была рѣшена необходимость разстаться съ этой вредной привычкой, но сила привычки была такъ велика, что Л. Н—чу пришлось тратить

---

[1]) Архивъ П. И. Бирюкова.
[2]) Тамъ же.

значительныя силы для борьбы съ нею. Онъ не разъ бросалъ и снова начиналъ курить, наконецъ, именно весной этого 1888 года, онъ разстался съ папироской окончательно.

Мнѣ вспоминаются эпизоды этой борьбы. Однимъ изъ доводовъ противъ куренія была неделикатность по отношенію тѣхъ присутствующхъ, которые по той или иной причинѣ не выносятъ запаха куренія.

И вотъ Л. Н—чъ старался не курить при гостяхъ, а если ему очень хотѣлось курить, онъ уходилъ въ прихожую, садился на ларь и закуривалъ папироску. Но гости, дорожившіе бесѣдой со Л. Н—чемъ, также перекочевывали въ переднюю и тамъ образовывался своего рода клубъ.

Л. Н—чъ въ это время много работалъ въ полѣ и на деревнѣ.

Вотъ какъ съ наивной восторженностью описываетъ это время Марья Алекс. Шмидтъ въ письмѣ ко мнѣ:

«Въ среду вечеромъ съ девятичасовымъ поѣздомъ я съ О. А. выѣхали изъ Москвы и утромъ часовъ въ 8, въ четвергъ, мы прибѣжали въ Ясную; Маша была вставши, напились мы чаю и помчались на деревню ко Л. Н—чу. Онъ тамъ работалъ земляную избу и сейчасъ же Маша разулась и стала работать. Н. Н. возилъ воду, а мы рыли землю и носили ее на носилкахъ и такъ работали до ихъ завтрака. Л. Н—чъ интересовался о N. N.; я сказала, что просто дивлюсь на него и что главное меня больше ни къ нему, т.-е. къ N. N., ни къ С. не тянетъ, чувствую, что эти два человѣка мнѣ совершенно чужіе. Л. Н—чъ сказалъ на это слѣдующее: «чтобы вышло дѣло, человѣку надо разуться, безъ этого ничего не выйдетъ». Какъ это вѣрно, и какъ Л. Н. въ двухъ словахъ выразилъ ясно всю путаницу мірской жизни» [1]).

---

[1]) Архивъ П. И. Бирюкова.

Кромѣ обыденныхъ полевыхъ работъ однимъ изъ главныхъ дѣлъ въ началѣ лѣта было для Л. Н—ча постройка избы для вдовы Анисьи Копыловой. Въ этой постройкѣ принимали участіе сосѣдъ крестьянинъ Прокофій и художникъ Николай Николаевичъ Ге, клавшій Анисьѣ печь, Марья Львовна, Марья Александровна и я.

Когда я пріѣхалъ въ началѣ іюня гостить въ Ясную, я засталъ избу почти законченною. Т.-е. стѣны были выведены, Ге клалъ печку, Прокофій поправлялъ стропила и слеги, положенныя Л. Н—чемъ, а Л. Н., М. Л. и М. А. были заняты крышей и я присоединился къ нимъ. Л. Н—чу хотѣлось сдѣлать эту крышу несгораемой и онъ рѣшилъ покрыть ее соломенными щитами, вымоченными въ глинѣ, по красноуфимскому способу. Хлопотъ съ этимъ было много. Нужно было на особомъ большомъ станкѣ наткать соломенныхъ ковровъ по сажени длиной. Потомъ въ особой кадкѣ развести глину, вылить ее въ особо выкопанную продолговатую по величинѣ ковра яму и опустить туда коверъ, стараясь сдѣлать такъ, чтобы онъ весь пропитался глинянымъ растворомъ. Глину приходилось размѣшивать особымъ весломъ, а иногда разминать комки босыми ногами. Все это было очень весело. Л. Н—чъ веселилъ всѣхъ своими остроумными шутками. Мѣшая глину въ кадкѣ, онъ приговаривалъ: «точно муро варимъ». Въ этотъ годъ, въ Великомъ посту, дѣйствительно происходило мурованіе въ Чудовомъ монастырѣ. Л. Н—чъ читалъ описаніе этого страннаго обычая въ газетахъ и мѣшаніе глины напомнило ему это варенье.

Намоченный и пропитанный глиной коверъ мы втаскивали на крышу, приколачивали къ слегѣ чешуей, рядъ на рядъ.

Къ сожалѣнію, изба эта черезъ нѣсколько лѣтъ сгорѣла.

Въ одинъ изъ дней, случайнымъ зрителемъ этой работы оказался молодой человѣкъ Штандель, корре-

спондентъ «Русскаго Курьера», зашедшій въ Ясную Поляну, чтобы познакомиться со Л. Н—чемъ. Черезъ нѣсколько дней въ его газетѣ появился обширный фельетонъ съ разсказомъ о видѣнномъ и слышанномъ, причемъ фантазіи былъ данъ широкій просторъ.

Живо помню то бодрое жизнерадостное настроеніе, которымъ заражалъ всѣхъ насъ Л. Н—чъ. Работая цѣлый день безъ устали, съ небольшимъ обѣденнымъ промежуткомъ, онъ возвращался вечеромъ потный, усталый, растрепанный, перепачканный глиной, съ заступомъ на плечѣ, а глаза его горѣли радостью исполненнаго долга и онъ, любуясь чуднымъ весеннимъ вечеромъ, шелъ, восклицая: «какъ хорошо жить на свѣтѣ!»

Пробывъ въ Ясной Полянѣ съ недѣлю, я поѣхалъ тогда къ себѣ на хуторъ въ Костромскую губернію, гдѣ у меня уже начиналось самостоятельное хозяйство.

Л. Н—чъ писалъ мнѣ туда:

«Что вы подѣлываете, дорогой другъ. Изъ деревни не было отъ васъ писемъ. Я живу очень хорошо для себя и, думаю, для Бога. Много работаю руками и меньше перомъ и языкомъ, и потому на совѣсти чище. Ничего не пишу, но не скажу, чтобы не работалось само собой внутри. На дняхъ пріѣхалъ хочетъ Ге старшій» [1]).

Въ письмѣ къ Черткову Л. Н—чъ какъ бы оправдывается въ томъ, что онъ мало пишетъ:

«Вы на меня не сѣтуйте, милый другъ, что я теперь ничего не пишу. Вѣдь нельзя жать не посѣявъ. А кажется мнѣ, что я сѣю, т.-е. живу очень полной, радостной жизнью и, не скажу много, но хорошо иногда думаю. Большую же часть времени и энергіи употребляю на полевую работу. И не умѣю вамъ сказать, какъ и отчего, но твердо знаю, что я дѣлаю то, что должно» [2]).

[1]) Архивъ П. И. Бирюкова.
[2]) Архивъ В. Г. Черткова.

Такъ проходило лѣто, а къ осени меня уже опять тянуло въ Ясную Поляну.

Особенно послѣ полученія отъ Л. Н—ча такого письма:

«Радуюсь за васъ, что вы въ деревнѣ. На долго ли? Вѣрно, заѣдете опять проѣздомъ. Мы здѣсь, говорятъ, до ноября. Несмотря на то, или скорѣе благодаря тому, что веду всю ту же рабочую жизнь, не вижу, какъ идетъ время. Крышу только что покрылъ съ нѣмымъ еще одно звено по-уфимски, а остальное просто прикрылъ до будущаго года. Теперь по немногу подсобляю въ лѣсной постройкѣ Прокофью и Семену. Садами тоже мужицкими началъ заниматься. Дѣла всегда много. Хочется и писать иногда, но думаю, что это соблазнъ, потому что хочется головой, т.-е. говорю себѣ: какъ бы пріятно по примѣру прежнихъ лѣтъ имѣть работу, въ которую бы уходить по уши, хочется головой, а не всѣмъ существомъ. И потому думаю, что это соблазнъ. Вообще я съ нынѣшняго года ступилъ на новую ступеньку, — можетъ быть она покажется внизъ для другихъ, потому что не хочется писать и говорить не хочется и засыпаешь часто — старческое ослабленіе, но для меня оно вверхъ, потому что меньше зла къ людямъ и радостнѣе жить и умирать» [1]).

Интереснымъ событіемъ въ эту осень было посѣщеніе Ясной Поляны Фетомъ, поэтомъ и другомъ Л. Н—ча.

Фетъ въ это время писалъ свои воспоминанія о Л. Н—чѣ, Тургеневѣ, Боткинѣ и другихъ своихъ литературныхъ сверстникахъ. Для этого онъ перечитывалъ бережно хранимыя письма Л. Н—ча. Передъ пріѣздомъ

[1]) Архивъ П. И. Бирюкова.

въ Ясную онъ такъ писалъ объ этихъ письмахъ Софьѣ Андреевнѣ:

«Боже мой, какъ это молодо, могуче, геніально и правдиво. Это точно вырвавшійся чистокровный годовикъ, который и косится на васъ своимъ агатовымъ глазомъ и скачетъ молніеносно, лягаясь и становясь на дыбы и вотъ готовъ какъ птица — перенестись черезъ 2-хъ-аршинный заборъ».

И объ одномъ изъ писемъ онъ замѣчаетъ особо:

«Самый тупой человѣкъ увидитъ въ этомъ письмѣ не сдачу экзамена по заграничному тексту, а дѣйствительно родникъ всѣхъ самобытныхъ мыслей, какими питается до сихъ поръ наша русская умственная жизнь во всѣхъ своихъ проявленіяхъ».

Пріѣхавъ осенью въ Ясную, Фетъ читалъ въ присутствіи Л. Н—ча свои интересныя записки.

Я же пріѣхалъ въ Ясную въ сентябрѣ съ большимъ багажомъ. Привезъ съ собой большой волшебный фонарь съ картинами и показывалъ его въ темный, теплый осенній вечеръ въ саду, отражая картины на бѣлой стѣнѣ яснополянскаго дома, въ томъ мѣстѣ, гдѣ теперь выстроена терраса. Картины получались большія, фигуры человѣческія въ натуральную величину и производили большое впечатлѣніе на собравшуюся толпу яснополянскихъ крестьянъ взрослыхъ и дѣтей. Подборъ картинъ у меня былъ умышленный. Серія картинъ изъ Новаго завѣта, причемъ я объяснялъ такъ, какъ эти событія толкуются Л. Н—чемъ въ его переводѣ Евангелія. Затѣмъ шла серія естественно-научныхъ, нѣсколько комическихъ картинъ и свѣтовыхъ эффектовъ.

Всѣ были довольны, включая и Л. Н—ча. Передъ моимъ отъѣздомъ изъ Ясной туда пріѣхалъ извѣстный англійскій журналистъ Стэдъ, съ которымъ я еще познакомился въ Петербургѣ. Онъ пробылъ послѣ меня въ Ясной Полянѣ нѣсколько дней, но въ этотъ разъ онъ не оставилъ послѣ себя хорошаго впечатлѣнія.

А Левъ Николаевичъ тогда усердно шилъ сапоги и его дочери уже носили отцовскую работу.

Число друзей и единомышленниковъ Л. Н—ча въ разныхъ степеняхъ все возрастало, а вмѣстѣ съ этимъ росла и переписка Л. Н—ча съ этими друзьями единомышленниками, обращавшимися къ нему за разрѣшеніемъ всевозможныхъ вопросовъ, отъ чисто личныхъ или семейныхъ, самыхъ интимныхъ, до вопросовъ общаго философскаго характера.

Л. Н—чъ всегда былъ очень аккуратнымъ корреспондентомъ. Если только онъ чувствовалъ, что тонъ письма серьезный и искренній и думалъ, что его отвѣтъ можетъ помочь этому человѣку, онъ непремѣнно ему отвѣчалъ, стараясь входить въ малѣйшія, извѣстныя ему обстоятельства жизни.

Вотъ примѣръ такого письма, написаннаго Е. И. П—ву, человѣку очень близкому ему:

«Много, много любя думалъ о васъ и о вашемъ положеніи и духовномъ и матеріальномъ, которое есть ничто иное, какъ послѣдствіе духовнаго. Не хорошо мнѣ кажется одно: это то, что вы недовольны не собой, а своимъ положеніемъ. Кто вы и что вы? Вы молодой мужъ богатой и милой и доброй любящей жены. Въ этомъ положеніи васъ застаетъ сознаніе того, что есть требованія главныя жизни истинной и что требованія эти несовмѣстимы съ жизнью широкой, т.-е. роскошной, богатой и эгоистической жизнью поѣдающей жизнь другихъ. Что надо дѣлать такому человѣку? — Коротко и грубо, но существенно вѣрно, въ практическомъ приложеніи можно сказать: уменьшить сколько возможно требованія на себя труда другихъ людей, т.-е. свои потребности, и увеличивать или, если не былъ, начинать свой трудъ для другихъ людей. Дѣлать же все это съ чистотой, т.-е. избѣгая пороковъ, оскверняющихъ тѣло и душу (пьянство, развратъ) и любовно, т.-е. дѣлая

это, не дѣлать больно людямъ, связаннымъ со мною или стоящимъ на дорогѣ моего дѣла.

«Что же, сколько я знаю, вы не сдѣлали в с е это, но дѣлали, что умѣли въ этомъ направленіи. Если вы нагрѣшили въ чемъ, то покайтесь и исправляйте. И каяться и исправлять легко потому что, что вы дѣлали, дѣлали не для себя. Если бы вы, какъ вы писали разъ, дѣлали бы для славы людской, то это все-таки не для себя, а это есть тотъ соблазнъ, который угрожаетъ при всякомъ добромъ дѣлѣ.

«Вотъ что, милый другъ. Провѣрьте себя на основаніи этой программы, чего вы не сдѣлали, что передѣлали, въ чемъ ошиблись, а ошиблись вы, какъ мнѣ кажется, въ томъ, въ чемъ всѣ склонны ошибаться, о чемъ третьяго дня я разсуждалъ съ Н. и многими другими молодыми, желающими жить по-божьи. Да, надо освободиться отъ рабовладѣльчества, т.-е. денегъ, главное, нужды въ деньгахъ, отъ многихъ потребностей, и надо увеличить свой трудъ, трудъ самый простой, презираемый, такой трудъ — черная работа. Все это правда, и все это хорошо. Но вѣдь дѣло не въ томъ, чтобы во что бы то ни стало пахать, чистить нужники и никогда не перемѣнять рубашку, если самъ ее не вымоешь.

«Все это то самое, къ чему нельзя не стремиться тому, кто не на словахъ только признаетъ людей братьями, но, стремясь къ этому, нельзя отступать отъ другихъ двухъ требованій совѣсти — чистоты и любовности. Можно и должно подвигаться, не нарушая этихъ требованій.

«Мірской человѣкъ считаетъ, что хорошо быть богатымъ, но по законамъ мірскимъ нельзя вдругъ сдѣлаться богатымъ, укравъ, т.-е. нарушивъ ту безопасность богатства, безъ которой богатство не въ прокъ. То же самое и съ богатствомъ духовнымъ — достичь того, чтобы не жить трудами другихъ, а самому служить — хорошо, но нельзя достигнуть этого, какъ дѣ-

лалъ Алексѣй Божій человѣкъ, уйдя и заставляя мучаться и страдать и жену и родителей.

«Если допустить нечистоту и жестокость или нелюбовность при достиженіи справедливаго положенія между людьми, то положеніе это уже несправедливо. И вотъ я боюсь, что вы ошиблись въ этомъ. Вамъ такъ хотѣлось (этимъ мы всѣ страдаемъ) достичь такого положенія, въ которомъ бы вы могли сказать: «смотрите, я чистъ передъ людьми», что, достигая его, вы нарушили любовь, сдѣлали больно. Помогай вамъ Богъ поправить то, что нарушено. Главное, не думайте о своемъ положеніи: похоже ли оно на то, что люди считаютъ справедливымъ для васъ при вашихъ убѣжденіяхъ, а думайте объ одномъ, чтобы не отступить, достигая цѣли, не переставая никогда достигать ее, — отъ чистоты и любви. А о людяхъ надо помириться съ тою мыслью, что какъ бы ни жили по Христу, люди, не слѣдующіе Христу, будутъ осуждать васъ»[1]).

Интересны письма того времени, въ которыхъ Л. Н—чъ даетъ совѣты житейской мудрости, конечно выводя ихъ изъ собственнаго душевнаго опыта.

Такъ онъ писалъ одному другу:

«Знаете, какъ кубики съ картинками укладываютъ?

«Одинъ пойметъ картинку по одной парѣ кубиковъ, другой по другой парѣ. Но только бы удалось ему сложить первую пару, то доберется и до всей. Я опытомъ знаю и умѣю теперь различать людей, которые переставляютъ кубики на обумъ, отъ тѣхъ, которые сложили осмысленно два, и потому навѣрное узнаютъ всю картину, — узнаютъ ее не нынче, такъ завтра, и все ту же единственную вѣчную картину.

«И потому я, читая ваши разногласія со мной, даже не волнуюсь, а впередъ знаю, что у насъ одна неизбѣжная и вѣчная картина.

---

[1]) Архивъ Черткова.

«И потому я во всемъ согласенъ съ вами, не оттого, что нарочно хочу согласиться, а оттого, что разногласія наши происходятъ только оттого, что вы съ одной стороны сводите кубики, а я съ другой, — но кубики тѣ же.

«Съ тѣми, которые не начали сводить еще и которые увѣряютъ, что они то то и то то видятъ, я впередъ не согласенъ. Съ тѣми же, которые впередъ говорятъ, что ничего не выйдетъ и не можетъ выйти, съ тѣми мнѣ больно, на тѣхъ мнѣ сердиться хочется, и я сдерживаюсь».

Черткову въ эту осень Л. Н—чъ пишетъ полное глубокаго смысла письмо по вопросу о благѣ и страданіи:

«Вопросъ о томъ, что Христово ученіе даетъ благо, и потому, кто слѣдуетъ ему, тотъ не можетъ мучиться; а борьба есть мученіе — вопросъ дѣйствительно многихъ вводящій въ заблужденіе. Оправданіе вѣрою въ искупленіе, причащеніе и исповѣдь, все это попытки уничтожить борьбу. — Христіанское ученіе требуетъ совершенства, подобнаго совершенству Отца, а мы всѣ исполнены грѣховъ, и потому приближеніе къ совершенству есть борьба, а борьба представляется всегда какъ страданіе, мученіе, а потому христіанское ученіе ведетъ къ страданіямъ, къ мученіямъ. Такъ и понимаютъ его многіе. Съ другой стороны, христіанское ученіе есть благодать, откровеніе блага, и Христосъ избавилъ людей отъ страданій и мученій; какъ это соединить? Всѣ исповѣданія христіанскія суть попытки разрѣшенія этого противорѣчія.

«А разрѣшеніе одно только и возможно, то самое, которое въ приводимомъ вами мѣстѣ Паскаля (жаль, что нѣтъ у меня и не помню вѣрно), разрѣшеніе одно: благо въ борьбѣ, т.-е. въ движеніи впередъ къ совершенству, подобному совершенству Отца. Тутъ происходитъ нѣчто подобное тому, что происходитъ по отношенію работы тѣлесной, грубой работы. Благо человѣка въ томъ, что-

бы кормиться, а кормиться нельзя безъ борьбы, безъ усилій, представляющихся страданіями, мученіями. И вотъ люди придумываютъ средства, какъ бы кормиться безъ труда, какъ въ раю, какъ съ себя на другихъ свалить трудъ, какъ бы такъ машины выдумать, чтобы онѣ за насъ работали. И разумѣется, ничего не выходитъ и не выйдетъ до тѣхъ поръ, пока люди не догадаются, что благо тѣлесное и состоитъ въ томъ, чтобы трудясь кормиться, что благо, главное, въ трудѣ. То же и съ нашими грѣхами и потребностью блаженства. Сколько не придумывай такія состоянія, въ которыхъ не было или не будетъ грѣховъ, сколько не увѣряй себя, что Христосъ или таинства черезъ Христа очистили насъ, грѣхи все грѣхи и мы ихъ знаемъ въ себѣ и съ ними не можемъ быть блаженны. И разумѣется, ничего не выйдетъ до тѣхъ поръ, пока мы не поймемъ, что блаженство наше и состоитъ въ освобожденіи отъ грѣховъ и въ движеніи къ совершенству. И въ этомъ христіанское ученіе; оно освобождаетъ отъ грѣха и даетъ возможность приближенія къ совершенству.

«Со мною по крайней мѣрѣ такъ было и есть. Прежде мнѣ казался такъ мучителенъ разладъ моей грѣховности съ совершенствомъ Отца, что я хотѣлъ во что бы то ни стало сразу достигнуть этого совершенства и разумѣется не достигалъ и ослабѣвалъ. Точно такъ же, какъ и въ работѣ. Прежде бросался на работу, желая какъ можно скорѣе кончить, и ослабѣвалъ и бросалъ. И только недавно, какъ я въ работѣ узналъ, что дѣло не въ томъ, чтобы кончить, а въ томъ, напротивъ, чтобы имѣть счастіе работать. (Часто я жалѣю теперь о томъ, что работа кончается); такъ и въ христіанской жизни я начинаю чувствовать радость въ самой работѣ надъ своими грѣхами и надъ приближеніемъ къ Отцу. Не думайте, читая эту нескладицу, что я пишу, что попало. Нѣтъ, я очень знаю, что хочу сказать, только не умѣю, можетъ быть. Я описываю очень опредѣленную разницу,

происшедшую въ моей жизни: прежде бороться хоть съ самымъ главнымъ грѣхомъ своимъ — злость недоброжелательства къ людямъ было мученіемъ, а теперь это самое дѣло (эта борьба) есть лучшая радость моей жизни. Только что поднимается на кого злость, а я себѣ скажу: «неправда, я его люблю за то, за то», и злость стихаетъ и дѣлается радостно опять, точно такъ же, какъ работа косить, пахать, пока не умѣешь — мука, а потомъ радость»[1]).

Около этого же времени Л. Н—чъ пишетъ старику Ге о своемъ душевномъ состояніи:

«Я не пишу и сначала было скучно, а теперь радъ. У меня сдѣлалась привычка отъ жизни уходить въ раковину моего писанія — пренебрегать жизнью (отношеніями съ людьми) изъ-за писанія и это не хорошо. Теперь не пишешь, некуда спрятаться и серьезнѣе относишься къ жизни, всякую минуту ея стараешься прожить во всю — лучше, и этакъ лучше»[2]).

Вскорѣ я получилъ отъ него письмо, свидѣтельствующее о цѣломъ рядѣ отношеній съ людьми, заботами, о которыхъ была полна его жизнь. Вотъ что между прочимъ онъ пишетъ мнѣ 6 ноября:

«Спасибо, что написали, милый другъ. Мы еще въ деревнѣ. Жену задержали холода, но теперь оттепель, и послѣзавтра она хочетъ ѣхать, мы же останемся еще на нѣсколько дней. Я все въ томъ же состояніи, какъ и при васъ: писать по разсужденію хочу и надобно, да не пишется. Письмо французу два раза еще принимался, да не идетъ. Пусть печатаетъ такъ. Нынче только я расписался и Черткову написалъ длинное письмо, но безтолковое, все о томъ же предметѣ — о супружескихъ отношеніяхъ. Хотѣлось бы внести свою

[1]) Архивъ Черткова.
[2]) Тамъ же.

ленту въ разъясненіе этого страшно запутаннаго и во всеобщемъ прогрессѣ отставшаго дѣла, кажущагося неважнымъ, а въ сущности самаго коренного.

«. Получилъ я отъ Хилкова хорошее письмо и записку — какъ бы исповѣданіе вѣры; посылаю ее вамъ. Я еще не отвѣчалъ ему. А еще поразительныя двѣ англійскія книги «Modern Pharisaism» отъ англичанина Albert Blake, письмо котораго, помните, мы вмѣстѣ читали: христіанство, отрицающее (съ слишкомъ большой злобой) все церковное и требующее не только непротивленія злу, но и нищеты. Только недостаточно ясно, слишкомъ задорно и въ нѣкоторыхъ пунктахъ, какъ напримѣръ о супружествѣ, для котораго онъ допускаетъ расторжимость брака, необдуманно. Надо ему написать. Очевидно, онъ въ Англіи забитъ и раздраженъ и больше боецъ за свою партію, чѣмъ христіанинъ. Постараюсь написать, но знаменательно и радостно. Да, да, нельзя стоять на томъ пути, на которомъ мы стали: движетъ впередъ. Напишите про Булыгина, про Броневскаго. Онъ написалъ очень возбужденное письмо, тоже отвѣчу, а вы повидайте. Ив. Ив. цѣлую. Хорошо вы устроились, помогай вамъ Богъ. Наши всѣ вамъ кланяются. Нынче пришла пѣшкомъ Марья Алекс. изъ Тулы и теперь сидитъ съ Машами, провѣряетъ «О жизни», а я рядомъ, въ комнатѣ француза, куда я перешелъ»[1]).

Въ дневникѣ своемъ отъ 23 ноября онъ записываетъ мысль, указывающую на непрестанную внутреннюю борьбу.

«Все не пишу, — нѣтъ потребности такой, которая притиснула бы къ столу, а нарочно не могу. Состояніе спокойствія — того, что не дѣлаю противъ совѣсти — даетъ тихую радость и готовность къ смерти, т.-е. жизни».

---

[1]) Архивъ П. И. Бирюкова.

Черезъ нѣсколько времени, уже въ декабрѣ, у него записана такая мысль:

«Никто не уживается . . .

«Одна причина, что всѣ преграды приличія, законовъ, которыя облегчали сожитіе — устранена; но этого мало; утѣшаться можно этимъ, но это неправда.

«Это ужасное доказательство того, что люди эти, считающіе себя лучше другихъ (изъ которыхъ первый я) оказываются, когда дѣло дошло до повѣрки, до экзамена, ни на волосъ не лучше.

«. . . все: бѣдность жизни, воздержаніе, трудъ, смиреніе даже, все это нужно только для того, чтобы умѣть жить съ людьми, т.-е. любить ихъ, а коли нѣтъ любви, такъ и это все ничего не стоитъ».

И какъ бы внушая себѣ самому осторожность въ сношеніяхъ съ людьми, онъ далѣе записываетъ такъ:

«Немного помогаетъ мнѣ правило: желать, сходясь съ людьми, чтобы они тебя унизили, оскорбили, поставили въ неловкое положеніе, а ты былъ бы добръ къ нимъ . . .»

Въ началѣ декабря онъ снова пишетъ старику Гэ уже изъ Москвы и опять главная мыслъ письма его отношеніе къ своему писанію. Видно, какая происходила въ немъ непрестанная борьба высокихъ нравственныхъ требованій со старыми привычками. Онъ пишетъ между прочимъ:

«Я съ недѣлю какъ переѣхалъ въ Москву. Какъ въ деревнѣ, такъ и здѣсь продолжаю не работать перомъ и это воздержаніе, представьте себѣ, удовлетворяетъ, радуетъ меня. Хочется по привычкѣ, по себялюбію, по желанію отуманиться, уйти отъ жизни, по этимъ причинамъ хочется, но нѣтъ той непреодолимой силы, которая привлекла бы меня къ писанію, нѣтъ того снисходительнаго суда къ себѣ, который, какъ прежде, одобрялъ все, и не пишешь и чувствуешь какую-то чистоту въ родѣ какъ отъ некуренія. Продолжаете ли

курить? Я не нарадуюсь на то, что избавился отъ этого. Такъ мы отвыкли отъ естественнаго пониманія жизни»[1]).

Въ Москвѣ Л. Н—чъ старается создать себѣ трудовую обстановку: онъ возитъ воду, колетъ дрова, шьетъ кожаныя калоши и наконецъ задумываетъ заняться педагогической дѣятельностью, къ которой всегда чувствовалъ склонность.

И вотъ онъ посѣщаетъ городскую хамовническую школу, знакомится съ учителемъ и чтобы не смущать его своимъ незаконнымъ присутствіемъ, онъ подаетъ прошеніе о разрѣшеніи ему преподавать въ городской школѣ. На это прошеніе вскорѣ получился категорическій отказъ.

Такъ трудно ему было съ его радикальными взглядами пріобщиться къ общественной дѣятельности.

Городъ все также былъ ему тяжелъ и въ его дневникѣ того времени попадается такая запись: «Магазины Пассажа — хуже сифилитической больницы».

Въ Москвѣ какъ всегда Л. Н—чъ становился центромъ большого кружка лицъ, серьезно стремившихся къ разрѣшенію основныхъ вопросовъ жизни.

Среди этихъ большею частью молодыхъ людей были люди беззавѣтно преданные взглядамъ, выраженнымъ ихъ учителемъ, были скептики, улыбавшіеся этимъ несбыточнымъ иллюзіямъ, были и люди прямо враждебно къ нимъ настроенные. Эти люди причиняли Л. Н—чу много огорченія и служили пробнымъ камнемъ его терпѣнія.

Объ одномъ изъ такихъ кружковъ разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ врачъ В. В. Рахмановъ; мы заимствуемъ оттуда нѣсколько страницъ.

«Въ ту зиму какъ-то вошло въ обыкновеніе соби-

---

[1]) Архивъ Черткова.

раться по вторникамъ у Толстого. Приходилъ и весь нашъ кружокъ, за исключеніемъ лишь Л. Н. М. и І. А. К., которые не раздѣляли воззрѣній Толстого и не хотѣли съ нимъ знакомиться.

«Въ эти дни происходили жаркіе споры между Толстымъ и нами. Застрѣльщиками были обыкновенно М. и А. В. А.

«Какъ сейчасъ я помню Л. Н., выпрямившагося во весь ростъ, съ сверкающими глазами, упорно отстаивающаго свою точку зрѣнія противъ нашихъ нападеній. Какъ поразителенъ онъ былъ въ эти мгновенія и какъ жалъ, что тутъ не было художника, который бы его срисовалъ въ это время.

«Въ Толстомъ совмѣщается вмѣстѣ, съ одной стороны, народникъ и политическій мыслитель съ оттѣнкомъ анархизма, и, съ другой стороны, философъ-моралистъ, отыскивающій пути для новой, очищенной отъ всѣхъ суевѣрій религіи. Самъ Толстой болѣе всего цѣнилъ свои религіозно-философскія идеи. Народническія и политическія воззрѣнія лишь вытекали у него изъ его религіознаго міросозерцанія и не были на первомъ планѣ. Для насъ же въ то же время важнѣе всего были именно эти народническія и анархическія идеи. Его же религіознымъ воззрѣніямъ мы не придавали особенно большого значенія. Эта-то разница и служила причиною всѣхъ нашихъ споровъ. Мы съ своей точки зрѣнія не могли допустить, чтобы послѣдователь Толстого, сдѣлавшись таковымъ, продолжалъ жить прежнею барскою жизнью. Левъ Николаевичъ отстаивалъ ту точку зрѣнія, что важнѣе всего сохранить хорошее отношеніе къ окружающимъ тебя въ данный моментъ людямъ, и если для этого требуется остаться въ условіяхъ прежней богатой жизни, то слѣдуетъ лучше принести въ жертву свой душевный покой, чѣмъ причинить зло и огорченіе окружающимъ тебя близкимъ людямъ.

«А. В. съ особенной рѣзкостью возражалъ Толсто-

му. «Враги человѣку близкіе его», приводилъ онъ текстъ Евангелія. «А если для спокойствія этихъ близкихъ людей понадобится, чтобы я участвовалъ въ разбоѣ, неужели же я долженъ въ немъ участвовать?» — задавалъ онъ негодующій вопросъ. Напрасно возражалъ Толстой, что все опредѣляется степенью религіознаго сознанія. Мы оставались при прежнемъ воззрѣніи и при каждой новой встрѣчѣ споръ возгорался съ новой силой.

«Такимъ образомъ все яснѣе намѣчались два теченія въ толстовствѣ. Одно, на сторонѣ котораго стоялъ нашъ кружокъ, собиравшійся у Л. Н., можно было назвать народническимъ. Другое было скорѣе религіозное.

«Сторонники этого послѣдняго теченія были духовно ближе къ Толстому: онъ считалъ, что они лучше его понимаютъ, чѣмъ сторонники перваго ученія. Въ свою очередь и представители религіознаго теченія относились къ Толстому съ большимъ уваженіемъ, доходящимъ до благоговѣнія. Для нихъ была безспорной, истинной почти всякая мысль, выраженная Л. Н—чемъ.

«Въ то время, какъ народники-толстовцы, не взирая ни на какія трудности, сдѣлали все отъ нихъ зависящее, чтобы воплотить въ жизнь ученіе Толстого, представители другого направленія, по большей части, не измѣнили своей прежней внѣшней жизненной обстановки, за исключеніемъ лишь того, что тѣ, кто служилъ въ военной службѣ, вышелъ въ отставку. За то они очень много сдѣлали для распространенія идей Толстого. Я не буду въ дальнѣйшемъ изложеніи говорить о толстовцахъ этого направленія; ихъ жизнь, съ внѣшней стороны, мало отличалась отъ жизни заурядныхъ обывателей, а въ ихъ писаніяхъ на всѣ лады варіировались мысли, уже высказанныя Толстымъ.

«Прежде чѣмъ перейти къ дальнѣйшему разсказу, замѣчу, что послѣдователи Толстого, близкіе къ нему по его религіозно-философскимъ воззрѣніямъ, и до сихъ поръ остались вѣрны своимъ взглядамъ; не такъ обсто-

итъ дѣло съ народниками-толстовцами: лишь немногіе изъ нихъ и теперь еще стоятъ на томъ же пути, по которому пошли 20 лѣтъ тому назадъ, большинство же измѣнило свои воззрѣнія и пошло другими путями».

«Въ это же время, — продолжаетъ Рахмановъ, — одинъ изъ посѣтителей Л. Н—ча, М. Н., былъ арестованъ за изданіе на гектографѣ статьи Л. Н—ча «Николай Палкинъ». Его мать была этимъ страшно потрясена. Она, со слезами на глазахъ, просила меня сходить къ Толстому и попросить его, чтобы онъ показалъ, если его спросятъ, что брошюра была издана съ его согласія. Я зналъ, что этого не было: М. Н. письменно обращался къ Л. Н. съ просьбой разрѣшить изданіе брошюры; но отвѣта на свое письмо не дождался и издалъ брошюру, не получивъ согласія Толстого. Порученіе было тяжелое. Но я все же пошелъ къ Толстому и передалъ ему просьбу матери М. Н. Съ замѣчательной мягкостью и тактичностью Л. Н. поспѣшилъ разсѣять мое смущеніе. «Конечно, съ моего согласія, — заявилъ онъ, — я всегда радъ, когда распространяютъ мои сочиненія. Передайте матери Н., что я такъ и скажу, если кто-нибудь меня спроситъ».

«Черезъ нѣсколько дней Толстой получилъ приглашеніе явиться къ какому-то высокому сановнику (не помню, къ какому именно). Л. Н. отвѣтилъ, что у него нѣтъ никакого дѣла къ этому господину, и что если тотъ хочетъ его видѣть, то онъ самъ можетъ къ нему придти. Сановное лицо само не пошло, а послало своего чиновника, молодого человѣка. Послѣдній былъ принятъ любезно, какъ и всякій посѣтитель, причемъ Толстой все время говорилъ ему о безнравственности его службы.

Вскорѣ М. Н. былъ освобожденъ; но ему былъ запрещенъ въѣздъ въ Москву, и онъ уѣхалъ въ Тверскую губернію искать подходящаго для общины имѣнія».

Въ заключеніе этой главы приведемъ два письма Л. Н—ча, относящіяся къ 1888 году, указывающія намъ на то вліяніе, посредствомъ писемъ, которое исходило лучами изъ Л. Н—ча на окружающихъ его близкихъ и дальнихъ и свѣтило всему міру. Вотъ первое письмо:

«Не могу и не хочу отвѣтить вамъ двумя словами: предметъ, о которомъ вы пишете, слишкомъ важенъ. Человѣкъ, мужчина или женщина, — женщина особенно, — который пойдетъ въ деревню, поселится среди народа, въ условіяхъ жизни народа и поставитъ себѣ хоть не исключительной, но главной цѣлью слѣдить за воспитаніемъ, уходомъ, кормленіемъ младенцевъ и дѣтей и будетъ помогать правильному воспитанію, словомъ и дѣломъ — разумнымъ совѣтомъ и присмотромъ, обмывкой, расческой заброшенныхъ, — такой человѣкъ будетъ дѣлать такое дѣло, — лучше, нужнѣе, важнѣе котораго нѣтъ и не можетъ быть и будетъ чувствовать это. Дѣло очень трудное съ точки зрѣнія эгоистической и барской и самое легкое (потому что исключаетъ всякую возможность сомнѣнія въ важности и полезности дѣла и несетъ съ собою свою награду) и радостное съ точки зрѣнія человѣка, имѣющаго нравственныя требованія и нѣтъ ничего легче, какъ приняться за него. Стоитъ только пріѣхать изъ города въ первую попавшуюся деревню и если не имѣешь средствъ, то избрать какое-нибудь ремесло, чтобы кормиться (шить, переплетать, переписывать, переводить, учительствовать) и свободное время посвящать на это дѣло. Съ нѣкоторою смѣлостью и малыми потребностями можно даже и рискнуть на то, что родители, дѣтямъ которыхъ лицо будетъ служить, будутъ кормить. Но это было бы уже исключеніе. Съ нѣкоторымъ же ремесломъ это очень легко и естественно. Я счастливъ тѣмъ, что зналъ и знаю такихъ женщинъ. Вѣдь для этого ни передъ кѣмъ изъ тѣхъ, которымъ вы думаете посвятить себя, этому дѣлу не стоитъ никакихъ препятствій, вѣдь все, что

нужно, это только желаніе и грамотность, чтобы перечесть книжку о дѣтской гигіенѣ. Такъ зачѣмъ же дѣло стало: пускай они идутъ. Пойдя теперь, они покажутъ, что ими руководитъ искреннее желаніе служенія людямъ, а не жалованье (какое бы скромное оно ни было, полученіе опредѣленнаго обезпеченнаго жалованья есть великій соблазнъ), не положеніе, не мода. Вы скажете, что люди не знаютъ, какъ взяться, никогда не слышали про возможность такой дѣятельности, и я соглашусь съ вами. Вамъ пришла эта благая мысль, и надо распространять, уяснять ее, развивать подробности ея исполненія. И давайте это дѣлать. Я по крайней мѣрѣ лично очень вамъ благодаренъ за сообщеніе мнѣ вашей мысли, которая уяснила мнѣ одну изъ формъ служенія людямъ, и готовъ служить, какъ умѣю, къ ея распространенію, но не только не желаю того, чтобы земство учреждало что-нибудь, но боюсь этого, какъ только земство возьмется, напечатаетъ первый циркуляръ, такъ этотъ зародышъ добра будетъ убитъ. Такъ вотъ вамъ мое мнѣніе, пожалуйста примите его съ тѣмъ же чувствомъ доброжелательства, съ которымъ я принялъ ваше и вѣрьте, что я сказалъ отъ всей души все, что умѣю и могъ сказать».

Второе письмо:

«Я прочелъ тѣ печатные разсказы, которые вы мнѣ прислали, и прочелъ мѣстами (конецъ, начало) и пробѣжалъ всю рукопись, которую вы мнѣ прислали, и какъ ни непріятно мнѣ это говорить, я долженъ сказать, что и въ томъ и другомъ я не замѣтилъ и признака того, что называютъ неправильно талантомъ, и что я называю самобытностью. Все это не нужно. Я долженъ вамъ сказать, не признаю дѣленія людей съ талантомъ и безъ него: всѣ люди одинаково могутъ и физически и духовно служить людямъ, когда они къ этому призваны. Дѣло въ томъ, что физически мы знаемъ, что люди служатъ другимъ безчисленно разнообразными спо-

собами; въ духовномъ же служеніи у насъ установилось мнѣніе, что мы можемъ служить другимъ только наукой, искусствомъ (литературой). Это все равно, какъ если бы люди вообразили себѣ, что физически можно служить людямъ только тѣмъ, чтобы дѣлать телѣги и чемоданы. Очевидно, что ихъ надѣлали бы столько, что они бы не употреблялись и потому сдѣлались бы плохи и главное, что они были бы никому не нужны. То же самое происходитъ вообще съ произведеніями такъ-называемыхъ наукъ и искусствъ вообще и съ литературой и повѣстями, романами въ особенности. Если бы вы знали, какъ я, сколько пишется этихъ никому не нужныхъ и разнообразно-однообразныхъ пустяковъ. Бросьте это занятіе. Старайтесь быть хорошимъ человѣкомъ, живущимъ сообразно съ тѣмъ свѣтомъ, который есть въ васъ, т.-е. съ совѣстью, и тогда вы неизбѣжно будете дѣйствовать духовно на другихъ людей — жизнью, рѣчами или даже писаньемъ — я не знаю, но будете дѣйствовать. Таковъ законъ человѣческой жизни, что человѣкъ, какъ губка только самъ насытившись вполнѣ добромъ, можетъ изливать его на другихъ и не только можетъ, но неизбѣжно будетъ. А то что жъ? Зачѣмъ не называть вещи по имени? Вѣдь я прошелъ черезъ это, не говоря о тѣхъ пишущихъ, которые прямо пишутъ для репутаціи и денегъ, и даже самихъ себя не обманываютъ, самые искренніе писатели, если пишутъ и печатаютъ, то кромѣ потребности высказаться, иногда желанія добра, они все-таки желаютъ славы и денегъ. И эти два желанія такъ скверны, особенно въ соединеніи съ духовнымъ дѣломъ, что отравляютъ своимъ ядомъ все. Писатель дѣлается тщеславнымъ, жаднымъ, не переносящимъ осужденія, озлобляется не только на хулителя, но на нехвалителя, дѣлается равнодушнымъ къ важнѣйшимъ явленіямъ внутренней жизни въ отношеніяхъ къ людямъ — гордость, злость, зависть, — всѣ дьяволы поднимаются. Скверное состояніе, я его ис-

пыталъ. И зачѣмъ вступать въ него! Такъ вотъ вамъ мое мнѣніе, высказанное любя».

Осенью Л. Н—чъ писалъ между прочимъ Попову, выражая свое душевное состояніе слѣдующими словами:

«Я живу очень хорошо, никогда такъ много не работалъ, какъ нынѣшнее лѣто, и такъ легко и радостно. Любить есть кого и работать есть надъ чѣмъ — надъ своими грѣхами, и людей любящихъ меня все больше и больше, такъ что жить очень хорошо и умирать не хочется».

ГЛАВА III

Новые шаги. Голосъ обличенія. Крейцерова соната

1889 г.

Л. Н—чъ начинаетъ 1889 годъ горячимъ выступленіемъ противъ традиціоннаго празднованія въ Москвѣ Татьянина дня. 12 января въ фельетонѣ «Русскихъ Вѣдомостей» появилась статья Л. Н—ча «Праздникъ просвѣщенія 12-го января».

«Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, это ужасно! — говоритъ Л. Н—чъ въ этой статьѣ. — Ужасно то, что люди, стоящіе, по своему мнѣнію, на высшей ступени человѣческаго образованія, не умѣютъ ничѣмъ инымъ ознаменовать праздникъ просвѣщенія, какъ только тѣмъ, чтобы въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ сряду ѣсть, пить, курить и кричать всякую безсмыслицу... Всѣ знаютъ, что пьянство дурно. Но вотъ пьянствуютъ образованные, просвѣщенные люди и они вполнѣ увѣрены, что тутъ не только нѣтъ стыднаго и дурного, но что это очень мило и съ удовольствіемъ и смѣхомъ пересказываютъ забавные эпизоды своего прошедшаго пьянства...

«... Мужикъ всякій считаетъ себя виноватымъ, если онъ пьянъ, и проситъ у всѣхъ прощенія за свое пьянство. Несмотря на временное паденіе, въ немъ живо сознаніе хорошаго и дурного. Въ нашемъ обществѣ оно начинаетъ утрачиваться.

«Ну хорошо, вы привыкли это дѣлать и не можете отстать, ну, что же, продолжайте, если ужъ никакъ невозможно удержаться; но знайте только, что и 12-го, и 15-го, и 17-го января и февраля, и всѣхъ мѣсяцевъ это стыдно и гадко, и, зная это, предавайтесь своимъ порочнымъ наклонностямъ потихоньку, а не такъ, какъ вы теперь дѣлаете, торжественно, путая и развращая молодежь и такъ-называемую вами же вашу меньшую братію.

«Пора понять, — заключаетъ Л. Н—чъ свою статью, что просвѣщеніе распространяется не однѣми туманными и другими картинами, не однимъ устнымъ и печатнымъ словомъ, но заразительнымъ примѣромъ всей жизни людей, и что просвѣщеніе, не основанное на нравственной жизни, не было и никогда не будетъ просвѣщеніемъ, а будетъ всегда только затемнѣніемъ и развращеніемъ».

Это воззваніе къ нравственному чувству людей, къ воздержанію, не остановило традиціоннаго празднованія. Но престижъ его былъ свергнутъ и оно не могло уже болѣе совершаться съ тѣмъ же беззастѣнчивымъ упоеніемъ.

Далеко не всѣмъ стало стыдно отъ этого обличенія. Безстыдство нѣкоторыхъ изъ празднующихъ дошло до того, что они, вѣроятно уже въ полупьяномъ видѣ, посылали со своихъ пирушекъ Л. Н—чу телеграммы: «Пьемъ за ваше здоровье». У молодежи была попытка и болѣе буйной демонстраціи противъ разумнаго предупрежденія великаго старца. Вотъ что писала мнѣ между прочимъ покойная Марья Львовна, говоря о статьѣ отца: «Папа́ много получилъ писемъ по поводу этого. Однѣ

благодарственныя, другія ругательныя. 12-го вечеромъ пришелъ къ намъ околодочный и разсказалъ, что тайные сыщики подслушали, что студенты собираются къ папа бунтовать пьяные, среди ночи, и что оберъ-полиціймейстеръ поставилъ въ нашемъ переулкѣ городовыхъ въ случаѣ чего. Но ничего этого не случилось и никакихъ студентовъ не явилось».

Въ концѣ января въ Москвѣ происходило событіе, только косвеннымъ образомъ задѣвшее Л. Н—ча. Это былъ юбилей его друга — поэта Фета, объ устройствѣ котораго съ большимъ стараніемъ хлопотала Софья Андреевна. Еще въ декабрѣ 1888 года она писала общему другу семьи Толстыхъ, Н. Н. Страхову, прося его участія въ юбилеѣ и подготовкѣ его въ петербургскихъ литературныхъ кругахъ.

Софья Андреевна была очень дружна съ обоими супругами Фетовъ и дѣйствовала почти по ихъ просьбѣ. Старикъ Фетъ откровенно выражалъ свои опасенія, какъ бы юбилей этотъ не прошелъ незамѣченнымъ. И вотъ два его московскіе друга Софья Андреевна и Н. Я. Гротъ взялись за это. Л. Н—чъ конечно относился къ этому совершенно пассивно, какъ ко всякому торжеству.

Собственно къ Фету онъ всегда чувствовалъ симпатію. Очень многихъ смущала эта близость столь далекихъ по внутреннимъ своимъ качествамъ людей. Эта близость смущала и меня. И я разъ спросилъ Л. Н—ча о томъ, что сблизило его съ Фетомъ? Онъ сказалъ мнѣ, что кромѣ истиннаго поэтическаго дарованія къ Фету его привлекала искренность его характера. Онъ никогда не притворялся и не лицемѣрилъ, что у него было на душѣ, то и выходило наружу. Это качество Л. Н—чъ всегда особенно цѣнилъ во всѣхъ людяхъ.

Благодаря стараніямъ друзей юбилей Фета дѣйствительно былъ отпразднованъ такъ, что торжество

превзошло его ожиданія и старикъ былъ тронутъ и утѣшенъ. Но одна изъ главныхъ виновницъ этого торжества, Софья Андреевна, не могла присутствовать на немъ. Помѣшало этому болѣзнь младшаго сына Ванички. Онъ едва не умеръ и въ самый разгаръ торжества лежалъ въ страшномъ жару, между жизнью и смертью, и Софья Андреевна и вся семья были неотлучны при больномъ мальчикѣ, въ тоскѣ и страхѣ ожидая того или другого исхода. Страдалъ и мучился за исходъ болѣзни и Л. Н—чъ, какъ всегда стараясь своей связью съ Богомъ облегчить себѣ тяжелую минуту и найти разумное объясненіе совершавшейся передъ нимъ тайны.

Ожидая близкаго конца маленькой жизни, онъ записалъ въ своемъ дневникѣ: «Обмакнулась душа въ тѣло», этимъ поэтическимъ сравненіемъ стараясь объяснить непостижимость короткой обрывающейся жизни ребенка.

Но на этотъ разъ обмакнувшаяся душа осталась, хотя и ненадолго, въ тѣлѣ и Ваничка выздоровѣлъ, ставъ конечно слабымъ, но еще болѣе любимымъ и трогательнымъ ребенкомъ.

Самъ Л. Н—чъ жилъ въ это время напряженной духовной жизнью. Больше всего его занимали отношенія съ людьми, хотя и близкими ему по плоти, но несогласными съ нимъ. Передъ нимъ, какъ всегда, стоялъ вопросъ: какъ съ любовью бороться съ ними? И онъ записываетъ въ своемъ дневникѣ 25 января:

«... Думалъ, не только думалъ, но чувствовалъ, что могу любить и люблю заблудшихъ, такъ-называемыхъ злыхъ людей. Думалъ сначала такъ: развѣ можно указать людямъ ихъ ошибку, грѣхъ, вину, не сдѣлавъ имъ больно? Есть хлороформъ и кокаинъ для тѣлесной боли, но нѣтъ для души. Подумалъ такъ, и тотчасъ же пришло въ голову: неправда, есть такой хлороформъ душевный. Такъ же, какъ и во всемъ, тѣло обдумано

со всѣхъ сторонъ, а о душѣ еще и не начато думать. Операцію ноги, руки дѣлаютъ съ хлороформомъ, а операцію исправленія человѣка дѣлаютъ больно, заглушая исправленіе болью, вызывая худшую болѣзнь злобы. А душевный хлороформъ есть и давно извѣстенъ — все тотъ же, любовь. И мало того: въ тѣлесномъ дѣлѣ можно сдѣлать пользу операціей безъ хлороформа, а душа такое чувствительное существо, что операція, произведенная надъ ней безъ хлороформа — любви, всегда только губительна. Паціенты всегда знаютъ это, требуютъ хлороформа и знаютъ, что онъ долженъ быть. Лѣкаря же часто сердятся за это требованіе. «Чего захотѣлъ, — говорятъ они, говорилъ я сколько разъ, — и за то онъ долженъ быть благодаренъ, что я лѣчу, вырываю, отрѣзаю его болячку; а онъ требуетъ, чтобы еще безъ боли! Будь доволенъ и тѣмъ, что лѣчу». Но больной не внемлетъ этимъ разсужденіямъ, ему больно, и онъ кричитъ, прячетъ больное мѣсто и говоритъ: «Не вылѣчишь и не хочу лѣчиться, хочу хуже болѣть, если ты не умѣешь лѣчить безъ боли...» И онъ правъ. Вѣдь что такое духовная болѣзнь? — Это заблужденіе, отступленіе отъ закона, отъ единаго пути, и запутываніе на ложныхъ путяхъ въ сѣти соблазна. И вотъ люди, желающіе помочь или просто идущіе болѣе прямымъ путемъ (и по существующей между всѣми людьми связи) вытягивающіе заблуждающихъ изъ ихъ сѣтей, какъ же они должны поступать? Очевидно, человѣка, только что своротившаго, можно прямо тянуть съ ложнаго пути на правый, — ему не больно будетъ. Но человѣка уже опутаннаго сѣтью нельзя прямо тянуть, — ему сдѣлаешь больно; надо мягко, нѣжно распутать прежде. Эта остановка, это распутываніе и есть хлороформъ любви. А то что же выходитъ? Человѣкъ весь по ногамъ, по рукамъ, по шеѣ обмотанъ сѣтями на ложномъ пути, и вотъ, чтобы спасти его, я, ухвативъ за что попало, тащу его, душа его, и перерѣзая

ему члены, и хуже затягиваю его. Чѣмъ дальше онъ, тѣмъ больше запутанъ, тѣмъ больше любви нужно ему. Вотъ это то я почти понималъ прежде, теперь же совсѣмъ понимаю и начинаю чувствовать. Отецъ! помоги мнѣ».

Съ другой стороны эту любовную борьбу онъ рекомендовалъ и друзьямъ своимъ.

Въ половинѣ февраля онъ писалъ мнѣ изъ Москвы:

«Какъ вы живете, милый другъ? Маша уѣхала къ Ильѣ и въ четвергъ пріѣдетъ. Пишу, чтобы вамъ веселѣе было. У насъ все хорошо. Помогай вамъ Богъ не переставая радоваться тому, чему никто никогда нигдѣ не можетъ помѣшать: радости исполненія Его воли, если только исполнять ее въ чистотѣ, смиреніи и любви».

О томъ же подробнѣе онъ пишетъ Н. Н. Ге отъ 20 февраля:

«Вѣсти ваши очень хорошія и мнѣ радостныя — буду ждать выставки съ интересомъ большимъ, а вы мнѣ еще напишите, какъ подвигается ваша теперешняя работа «Послѣдняя бесѣда». Хотѣлось бы и мнѣ тоже за зиму сдѣлать кое-что по своей выработанной спеціальности, да не велитъ видно Богъ. Хотѣлось бы, но и безъ этого живу радостно. Часто себѣ говорю: жить не переставая радуясь тому, чему никто никогда нигдѣ помѣшать не можетъ, — радости исполненія воли Бога въ чистотѣ, смиреніи и любви. И бываетъ чаще и чаще, что удается испытывать эту радость. При исполненіи того дѣла, къ которому чувствуешь себя непреодолимо и несомнѣнно призваннымъ, какъ вы теперь въ своей теперешней работѣ — это бываетъ чаще всего. Только бы въ чистотѣ, т.-е. чистымъ отъ всякихъ похотей — объяденія, вина, куренія, половой похоти и славы людской; въ смиреніи, т.-е. готовымъ всегда на то, чтобы мой трудъ ругали и меня срамили, и въ любви, т.-е. при этомъ безъ злобы, досады, желанія удаленія

отъ какого бы то ни было человѣческаго существа. — Тогда очень хорошо. И мнѣ часто бываетъ такъ, и кажется мнѣ, чего желаетъ мое сердце, что и вамъ теперь такъ».

Еще въ иной формѣ Л. Н—чъ выражалъ ту же дорогую ему мысль въ письмѣ къ Черткову:

«Я былъ огорченъ, раздраженъ, недоволенъ тѣмъ, что есть и искалъ виноватыхъ. Я чувствовалъ, что весь мой складъ мыслей и чувствъ дурной, не божескій, не христіанскій, но никакъ не могъ выбиться изъ этого состоянія. Но я рѣшилъ, что такъ нельзя, что я виноватъ, что я дуренъ и просто сталъ останавливать себя, не давать себѣ хода въ извѣстномъ направленіи. Я замѣчалъ, что всѣ лучшіе наши подвиги достигаются не бурными порывами, а напротивъ задержкой, утишеніемъ себя. Всѣ двери въ хорошіе святые покои отворяются внутрь. Наружу, напроломъ отворяются только двери къ дьяволу. И вотъ, утишивъ себя, я сталъ искать — гдѣ ошибка? Какъ надо тутъ быть по-Божьи — сталъ молиться, но — признаюсь — привычная молитва не успокоила, не вывела меня на свѣтъ. И я сталъ думать — чего мнѣ нужно? Чего же мнѣ нужно? Жить съ Богомъ, по Его волѣ, съ Нимъ. Что для этого нужно? Нужно одно: соблюсти данный мнѣ талантъ, мою душу, данную мнѣ, не только соблюсти, возрастить ее. Какъ возрастить ее? Я для себя знаю, что мнѣ нужно: въ чистотѣ блюсти свое животное, въ смиреніи свое человѣческое, и въ любви свое божеское. Что нужно для соблюденія чистоты? — лишенія, всякаго рода лишенія; для смиренія? — униженія; для любви? — враждебность людей. Гдѣ же и какъ я соблюду свою чистоту безъ лишеній, смиреніе безъ униженій и любовь безъ враждебности?» [1]).

Это новая форма выраженія сущности христіанской

[1]) Архивъ Черткова.

жизни: «въ чистотѣ, смиреніи и любви» видимо сильно занимала Л. Н—ча; онъ сводитъ къ ней цѣлый рядъ разсужденій изъ разныхъ областей нравственной жизни. Такъ, Евг. Ив. Попову онъ пишетъ въ этомъ же духѣ о физическомъ трудѣ:

«Физическій трудъ, какъ разрѣшеніе вопроса жизни, — разумѣется, что это нелѣпость, разумѣется, что не родъ труда, не самый трудъ даже, а то, во имя чего трудишься, разрѣшаетъ вопросъ. Вы говорите: во имя состраданія, любви. Но и тутъ сами себѣ возражаете и видите возможность такого положенія, при которомъ некого жалѣть, любить, не на кого трудиться, или есть кого жалѣть и любить и нельзя трудиться. Стало быть, можетъ быть положеніе, въ которомъ жизнь безсмысленна и есть безцѣльное страданіе, отъ котораго разумно избавиться, какъ и говорили стоики. Все это совершенно справедливо, но только при опредѣленіи смысла жизни въ трудѣ во имя любви. Но это не полное и не Христово опредѣленіе. Христово опредѣленіе есть исполненіе воли Отца, исполненіе этой воли при условіяхъ чистоты, смиренія и любви.

«Въ чемъ воля? На этотъ вопросъ иногда, когда человѣкъ ясно сознаетъ ту роль, которую онъ играетъ въ содѣйствіи установленію Царства Божія на землѣ, есть прямой несомнѣнный отвѣтъ въ душѣ; иногда, когда нѣтъ такого отвѣта, стоитъ только соблюдать условія чистоты, смиренія и любви (т.-е. не предаваться похотямъ всякаго рода, не искать одобренія людей и не имѣть враждебнаго чувства ни къ кому) и сама жизнь — сама плотская жизнь въ трудѣ или вынужденной праздности будетъ исполненіе воли Бога. И потому то освобожденіе отъ плотской жизни есть поступокъ, несогласный съ ученіемъ истины. Трудовая же жизнь есть не пустяки, а есть одно изъ условій чистоты»[1]).

[1]) Тамъ же.

Внѣшняя жизнь Л. Н—ча шла въ Москвѣ обычнымъ путемъ; онъ дѣлилъ время между своимъ писаньемъ, семьей и посѣтителями, и корреспондентами.

Изъ писемъ видно, что въ это время Л. Н—чъ продолжалъ интересоваться народной литературой и въ особенности его занимала мысль о народномъ журналѣ.

Еще въ декабрѣ 1888 года Л. Н—чъ писалъ мнѣ между прочимъ изъ Ясной Поляны:

«Сейчасъ прочелъ прекраснаго Эпиктета, полученнаго отъ Черткова. Здѣсь же Сытинъ, купилъ журналъ «Сотрудникъ» и просилъ меня помочь и руководить. И я чувствую, что обязанъ, не могу не помочь, и планы есть довольно опредѣленные, но нѣтъ помощниковъ и у самого мало силъ работать. Выйдетъ или нѣтъ изъ этого дѣло, а главное, что надо стараться помогать, т.-е. изъ дурного стараться сдѣлать хорошее. Если вы пріѣдете, то поговоримъ, а если нѣтъ, то я вамъ напишу, что я думаю» [1]).

Болѣе подробно о томъ же самомъ сообщаетъ мнѣ Марья Львовна:

«Папа теперь очень заинтересованъ журналомъ для народа. Сытинъ купилъ журналъ Залѣсскаго — «Сотрудникъ» и просилъ папа помощи въ передѣлкѣ этого журнала. Папа обѣщалъ и теперь все объ этомъ думаетъ. Онъ хочетъ помѣстить туда 1) Статьи о винѣ, 2) О табакѣ, 3) О соскѣ, 4) Житія Святыхъ, 5) Путешествія, 6) Исторія и т. д. Мнѣ кажется, что если бы это удалось, это было бы очень хорошо. Папа говоритъ, что у него для этого помощниковъ нѣтъ. Двѣ дѣвки, и тѣ никуда не годятся. Мы съ Таней съ нимъ согласились» [2]).

Затѣмъ въ январѣ Марья Львовна пишетъ мнѣ изъ Москвы по порученію Л. Н—ча:

---

[1]) Архивъ П. И. Бирюкова.
[2]) Тамъ же.

«... Онъ велѣлъ сказать, что журналъ подвигается. Александровъ, на дворѣ[1]), пишетъ объ Египтѣ, Никифоровъ взялся написать о Кукѣ, и онъ велитъ сказать, что я перевела свои вещи, но не могу этого сказать, потому что половины еще не перевела, да теперь и не могу, пока дѣти не поправятся. Они ищутъ для этого журнала редактора, не подозрительнаго для правительства, съ вознагражденіемъ 100 рублей въ мѣсяцъ. Хотѣли пригласить Златовратскаго, но Сытинъ испугался его».

Къ сожалѣнію этому предпріятію не суждено было осуществиться.

Изъ другихъ занятій Л. Н—ча можно отмѣтить чтеніе сочиненій А. П. Чехова и первые наброски статьи объ искусствѣ.

Въ мартѣ мѣсяцѣ, живя въ Петербургѣ и занимаясь въ «Посредникѣ», я перевелъ съ французскаго изъ сборника китайскихъ сказокъ: «Les Avadanas» буддійскую притчу «О стрѣлѣ» и послалъ ее Л. Н—чу. Онъ отвѣчалъ мнѣ на это письмо такъ:

«... Ваше письмо съ притчей и гектографъ получилъ. Заключеніе притчи — смыслъ ея я всегда не такъ думалъ. Стрѣлокъ, пославшій стрѣлу, это Отецъ, пославшій меня въ эту жизнь. Мнѣ не допрашиваться надо о томъ, какая стрѣла, лукъ, даже кто стрѣлокъ, а лѣчиться отъ этой жизни, перестрадывать ее. Это прелестная притча, но не христіанская, а періода, предшествовавшаго христіанству — буддизма, когда жизнь представлялась только какъ страданіе. Она и осталась этимъ страданіемъ (испытаніемъ), но какъ только она была сознана страданіемъ, она и перестала имъ быть. И вотъ буддійскій моментъ сознанія страданія и воображаемаго избавленія отъ него — тамъ. Христіанское

---

[1]) Жилецъ Толстыхъ въ надворномъ флигелѣ въ Хамовническомъ домѣ.

же сознаніе показываетъ избавленіе отъ него теперь и вѣчно. Живемъ по старому».

И затѣмъ прибавляетъ о своихъ занятіяхъ по «Посреднику»:

«Я вчера получилъ очень хорошую статью отъ Желтова «О пьянствѣ» — обращеніе къ братьямъ. Статью Бунге можно ли печатать у Сытина? Я послѣдніе два дня усердно поправлялъ статью Покровскаго и вписалъ тамъ о соскѣ, изъ которой надѣюсь сдѣлать отдѣльное»[1]).

Въ это же время Л. Н—чъ писалъ своему другу Г. А. Русанову о своихъ литературныхъ занятіяхъ:

«Я живу очень хорошо, искренне говорю, что дальше, то лучше, и улучшеніе, т.-е. увеличеніе радости жизни происходитъ въ родѣ закона паденія тѣлъ: обратно пропорціонально квадратамъ разстоянія отъ смерти. Писать многое хочется, но еще не пишу ничего. Нѣтъ тѣхъ прежнихъ мотивовъ тщеславія и корысти, подстегивавшихъ и потому (знаю, какъ вы за меня ревнивы, но не могу не сказать, что думаю) производившихъ незрѣлыя и слабыя произведенія. Но и зачѣмъ писать. Если бы я былъ законодатель, я бы сдѣлалъ законъ, чтобы писатель не смѣлъ при своей жизни обнародовать свои сочиненія. Странное дѣло: есть книги, которыя я всегда вожу съ собою и желалъ бы всегда имѣть, это книги неписанныя. Пророки, Евангелія, Будда, Конфуцій, Менцій, Лаодзы, Маркъ Аврелій, Сократъ, Эпиктетъ, Паскаль. — Иногда хочется все-таки писать и, представьте себѣ, чаще всего именно романъ, широкій, свободный, въ родѣ «Анны Карениной», въ который безъ напряженія входило бы все, что кажется мнѣ понятымъ мною съ новой, необычной и полезной людямъ стороны.

---

[1]) Архивъ П. И. Бирюкова.

«Слухъ о повѣсти имѣетъ основаніе. Я уже года два тому назадъ написалъ начерно повѣсть, дѣйствительно на тему половой любви, но такъ небрежно и неудовлетворительно, что и не поправляю, и если бы занялся этой мыслью, то началъ бы писать вновь. Никому такъ не разсказываю и такъ не пишу о своихъ литературныхъ работахъ и мечтахъ, какъ теперь вамъ, потому что знаю, что нѣтъ человѣка, который бы такъ сердечно относился къ этой сторонѣ моей жизни, какъ вы.

«Карамзинъ гдѣ-то сказалъ, что дѣло не въ томъ, чтобы писать Исторію Государства Россіи, а въ томъ, чтобы жить добро. И этого нельзя достаточно повторять намъ, писателямъ. И я опытомъ убѣдился, какъ это хорошо не писать. Какъ ни верти, дѣло каждаго изъ насъ одно: исполнять волю пославшаго. Воля же пославшаго въ томъ, чтобы мы были совершенны, какъ Отецъ нашъ небесный, и только этимъ путемъ, т.-е. своимъ приближеніемъ къ совершенству мы можемъ воздѣйствовать на другихъ — налиться должна лейка до верху, чтобы изъ нея потекло — и воздѣйствіе будетъ черезъ нашу жизнь и черезъ слово, устное и письменное; насколько это слово будетъ частью и послѣдствіемъ жизни, настолько отъ избытка сердца будутъ говорить уста» [1]).

Во второй половинѣ марта я проѣзжалъ черезъ Москву къ себѣ на родину, въ Костромскую губернію.

Левъ Н—чъ, утомленный суетливой московской жизнью, собирался отдохнуть гдѣ-нибудь въ уединеніи. На этотъ разъ онъ выбралъ уютную усадьбу своего друга и товарища по Севастополю, князя Сергѣя Семеновича Урусова, расположенную близъ Троицы, по Ярославской желѣзной дорогѣ. Намъ было по дорогѣ, и я

---

[1]) В. Е. Мартъ 1905. Стр. 14. Письма Л. Н. къ Г. А. Русанову.

конечно радъ былъ сопутствовать Л. Н—чу въ его поѣздкѣ. Мы выѣхали 22 марта днемъ. На вокзалъ насъ доставила въ своей коляскѣ Софья Алексѣевна Философова. Я сидѣлъ на козлахъ и несмотря на городской шумъ, старался слушать, о чемъ разговаривали Л. Н—чъ и Софья Алексѣевна. Главной темой былъ такъ-называемый женскій вопросъ, и Л. Н—чъ убѣждалъ Софью Алексѣевну въ необходимости подчиненія женщины мужчинѣ, противъ чего протестовала его собесѣдница. По желѣзной дорогѣ мы ѣхали въ третьемъ классѣ, какъ всегда въ тѣснотѣ и духотѣ. Помню, что противъ насъ сидѣлъ грубаго вида крестьянинъ прасолъ, гуртовщикъ или мясникъ, однимъ словомъ торговецъ скотомъ. Л. Н—чъ обмѣнялся съ нимъ нѣсколькими словами, и по уходѣ его на одной изъ станцій передалъ мнѣ съ ужасомъ свое впечатлѣніе объ этомъ человѣкѣ, какъ о животной чувственной натурѣ. Мы вышли на станціи Хотьково и, нанявъ лошадей, поѣхали къ князю. Конечно были приняты тамъ съ распростертыми объятіями. Князь былъ занятъ сложными математическими вычисленіями, въ которыхъ онъ думалъ сдѣлать какое-то открытіе и хотѣлъ подѣлиться имъ со мной, но мнѣ было очень трудно понять его; это былъ его пунктикъ. Я переночевалъ у него и на другой день продолжалъ свой путь. А Л. Н—чъ пробылъ тамъ болѣе двухъ недѣль.

Уединеніе его было и тамъ нарушено, впрочемъ, пріятными ему посѣтителями, двумя американскими квакерами, пріѣхавшими выразить сочуствіе его религіознымъ взглядамъ.

Американцы зашли сначала въ Москвѣ въ Хамовническій домъ Л. Н—ча и были приняты Софьей Андреевной. Они выразили сожалѣніе, что не застали Л. Н—ча и просили указать его адресъ. С. А—на, любезно принявъ иностранцевъ, сказала имъ, что не стоитъ ѣздить, что Л. Н—чъ скоро вернется, что если они не торопятся, то найдутъ въ Москвѣ много интереснаго

и могутъ провести время пріятно и полезно. На это они отвѣтили: «We came only to see count Leo Tolstoy»[1]) и отправились по указанному адресу.

Часть времени Л. Н—чъ проводилъ въ ежедневныхъ, если позволяла погода, прогулкахъ по сосѣднимъ деревнямъ, интересуясь какъ всегда народной жизнью. Имѣніе Урусова находится на границѣ Московской и Владимірской губерніи, если можно такъ выразиться, въ фабрично-монастырскомъ районѣ. Впечатлѣніе Л. Н—ча отъ знакомства съ мѣстной жизнью получилось тяжелое; онъ такъ описываетъ эту жизнь въ письмѣ къ Софьѣ Андреевнѣ:

«Деревенская жизнь вокругъ, какъ и вездѣ въ Россіи — плачевная. Мнимая школа у священника съ 4-мя мальчиками; а мальчики, болѣе 30-ти, сосѣднихъ въ $^1/_2$ верстѣ деревень — безграмотны. И не ходятъ, потому что попъ не учитъ, а заставляетъ работать. — Мужики идутъ, 11 человѣкъ, откуда-то. — Откуда? — Гоняли къ старшинѣ объ оброкѣ, гонятъ къ становому. — Разговорился съ одной старухой; она разсказала, что всѣ, и изъ ея дома, дѣвки на фабрикѣ, въ 8 верстахъ — какъ Урусовъ говоритъ, повальный развратъ. — Въ церкви сторожъ безъ носа. Кабакъ и трактиръ, великолѣпный домъ съ толстымъ мужикомъ. Вездѣ и все одно и то же. Грустная заброшенность людей самимъ себѣ безъ малѣйшей помощи отъ сильныхъ, богатыхъ и образованныхъ. Напротивъ, какая-то безнадежность въ этомъ, какъ будто предполагается, что все устроено прекрасно, и вмѣшиваться во все это нельзя, не должно, и оскорбительно для кого-то, и донкихотство. Все устроено: и церковь, и школа, и государственное устройство, и промышленность и увеселенья, и намъ, высшимъ классамъ, только о себѣ надо позаботиться.

---

[1]) Мы пріѣхали только для того, чтобы видѣть Льва Толстого.

А оглянешься назадъ, наши классы въ еще болѣе плачевномъ состояніи, коснѣемъ»[1]).

Живя у Урусова, Л. Н—чъ начерно набросалъ комедію: «Исхитрилась», которая потомъ получила названіе «Плоды просвѣщенія». Тамъ же Л. Н—чъ писалъ свою повѣсть «Крейцерова соната».

Живя у Урусова, Л. Н—чъ заболѣлъ своей обычной болѣзнью, сопровождавшейся почти всегда мучительными болями желудка. Для Л. Н—ча это былъ новый поводъ для борьбы съ собой, для выработки духовнаго самообладанія. И онъ такъ записываетъ объ этомъ въ дневникѣ 24 марта:

«Ночью разбудила боль — очень сильная, потъ капалъ и рубаха смокла. До 5 часовъ отъ 2-хъ. Пробовалъ молиться. Могъ. Всталъ поздно. Все ноетъ. Вчера и третьяго дня еще не могъ вызвать въ себѣ высокое твердое, въ Богѣ, въ духѣ состояніе. Какъ будто набѣгло сомнѣніе. Не могъ молиться. Не то чтобы сомнѣніе, т.-е. опроверженіе истины христіанской жизни, а отсутствіе вѣры живой въ нее. Именно застилаетъ. Это физическое состояніе . . .»

11 апрѣля, вернувшись отъ Урусова, Л. Н—чъ писалъ мнѣ:

«Спасибо за письмо, милый другъ, главное — за побужденіе письма. Мнѣ было очень радостно получить его. Я пробылъ у Урусова больше 2-хъ недѣль и мнѣ было очень хорошо. Я много писалъ — едва ли хорошо, но много; и теперь, 3-го дня вернувшись въ Москву, продолжаю быть въ томъ же пишущемъ настроеніи».

Въ томъ же духѣ онъ пишетъ и самому С. С. Урусову:

«. . . У насъ хорошо, но такъ хорошо, духовно хо-

---

[1]) Письма графа Л. Н. Толстого къ женѣ. 1862—1910 г. Стр. 331.

рошо, какъ бывало у васъ, уже не будетъ. Рѣдко проводилъ такъ хорошо время, спокойно, серьезно, любовно, какъ то, что провелъ у васъ, и очень васъ благодарю. Радостно тоже, что мы сблизились опять и тѣснѣе, по-моему, чѣмъ прежде. Надѣюсь, что уже до гроба. Многое я понялъ, чего не понималъ изъ вашихъ мыслей, главное же, понялъ то стремленіе къ добру, къ Богу, которымъ вы живете, и это-то больше всего влечетъ меня къ вамъ» [1]).

Въ апрѣлѣ въ Москву переѣхала передвижная выставка картинъ. Л. Н—чъ очень охотно посѣщалъ ее. На этотъ разъ онъ ждалъ ее, чтобы увидать новую картину Н. Н. Ге. Онъ слышалъ уже о ней раньше и писалъ въ мартѣ Н. Н—чу, котораго онъ всегда старался поощрять въ работѣ:

«Я жду всей серіи Евангельскихъ картинъ. Слышалъ о той, которая въ Петербургѣ отъ Прянишникова, по словамъ Маковскаго очень хороша, говорилъ. Вотъ поняли же и они. А простецы то и подавно. Да не въ томъ дѣло, какъ вы знаете, чтобы N. N. хвалили, а чтобы чувствовать, что говоримъ нѣчто новое и важное, и нужное людямъ. И когда это чувствуешь и работаешь во имя этого — какъ вы, надѣюсь, теперь работаете, — то это слишкомъ большое счастье на землѣ. Даже совѣстно передъ другими» [2]).

Но вотъ онъ увидалъ самъ эту картину и такъ выражаетъ о ней свое впечатлѣніе въ письмѣ къ ея автору:

«Картину вашу ждалъ и видѣлъ. Поразительная иллюстрація того, что есть искусство на нынѣшней вы-

---

[1]) В. Е. 1915. Янв. Стр. 17. Письма Л. Н-ча къ кн. С. С. Урусову.

[2]) Архивъ Черткова.

ставкѣ: картина ваша и Рѣпина. У Рѣпина представлено то, что человѣкъ во имя Христа останавливаетъ казнь, т.-е. дѣлаетъ одно изъ самыхъ поразительныхъ и важныхъ дѣлъ. У васъ представлено (для меня и для одного изъ 1.000.000) то, что въ душѣ Христа происходитъ внутренняя работа, а для всѣхъ — то, что Христосъ съ учениками кромѣ того, что преображался, въѣзжалъ въ Ерусалимъ, распинался, воскресъ, еще жилъ, жилъ, какъ мы живемъ, думалъ, чувствовалъ, страдалъ, и ночью, и утромъ, и днемъ. У Рѣпина сказано то, что онъ хотѣлъ, такъ узко, тѣсно, что на словахъ это бы еще точнѣе можно сказать. Сказано и больше ничего. Помѣшалъ казнить, ну что жъ? Ну, помѣшалъ. А потомъ? Но мало того: такъ какъ содержаніе не художественно, не ново, не дорого автору, то даже и то не сказано. Вся картина безъ фокуса и всѣ фигуры ползутъ врозь. У васъ же сдѣлано то, что нужно. Я зналъ эскизъ, слышалъ про картину, но когда увидалъ, я умилился. Картина дѣлаетъ то, что нужно — раскрываетъ цѣлый міръ той жизни Христа, внѣ знакомыхъ элементовъ, и показываетъ его намъ такимъ, какимъ каждый изъ насъ можетъ его себѣ представить по своей духовной силѣ. Единственный упрекъ, это зачѣмъ Іоаннъ, отыскивая въ темнотѣ что-то, стоитъ такъ близко отъ Христа. Удаленная отъ другихъ фигура Христа мнѣ лучше нравилась. Настоящая картина, т.-е. она даетъ то, что должно давать искусство. И какъ радостно, что она пробрала всѣхъ самыхъ чуждыхъ ея смыслу людей. Я гостилъ 3 недѣли у Урусова. Есть такой генералъ, мой кумъ, математикъ и богословъ, но хорошій человѣкъ. Въ уединеніи у него пописалъ. Здѣсь опять изсякъ. Началъ писать статейку объ искусствѣ между прочимъ и все не могу кончить. Но не то, не то надо писать. Кое-что есть такое, что я вижу, а никто кромѣ меня не видитъ. Такъ мнѣ кажется по крайней мѣрѣ. У васъ тоже такое есть.

И вотъ сдѣлать такъ, чтобы и другіе это видѣли — это надо прежде смерти. Тому, чтобы жить честно и чисто, т.-е. не на чужой шеѣ, это не только не помѣшаетъ, но одно поощряетъ другое»[1]).

Живопись, какъ искусство, очень интересовала Л. Н—ча и онъ часто посѣщалъ выставки и галлереи. Но сужденія его о живописи были всегда строги и самобытны. Въ своемъ дневникѣ, 14 марта, онъ записываетъ: «Пошелъ къ Третьякову. Хорошая картина Ярошенки «Голуби». Хорошая, но и она, и особенно всѣ эти 1000 рамъ и полотенъ съ такой важностью развѣшенныя. Зачѣмъ это? Стоитъ искреннему человѣку пройти по заламъ, чтобы навѣрно сказать, что тутъ какая-то грубая ошибка и что это совсѣмъ не то, что нужно».

При этой строгости къ произведеніямъ искусства особенно цѣнна его любовь къ картинамъ Н. Н. Ге.

Въ этомъ письмѣ Л. Н—ча къ Ге мы уже замѣчаемъ, что онъ снова тяготится Москвой, въ которой «изсякалъ» его творческій источникъ. И вотъ 2-го мая онъ уходитъ пѣшкомъ въ Ясную Поляну въ сопровожденіи Евгенія Ивановича Попова и уже до осени не возвращается въ Москву.

Внутренняя работа Л. Н—ча шла въ это время особенно напряженно. А жизнь вокругъ оставалась все та же и, какъ Буддѣ милосердному, Л. Н—чу стало жалко людей, блуждающихъ во мракѣ, и у него яви-

---

[1]) Здѣсь идетъ рѣчь о картинѣ Ге «Выходъ съ тайной вечери», извѣстной русской публикѣ болѣе по эскизу, имѣющемуся въ галлереѣ Третьякова. Самая же картина была съ выставки пріобрѣтена частнымъ лицомъ фонъ-Дервизомъ и находилась въ его домѣ. Было бы очень желательно сдѣлать ее достояніемъ общественнымъ.

лась непреодолимая потребность подѣлиться съ людьми познанной истиной. Въ записной книжкѣ онъ записываетъ 25 мая 1889 года:

«(Ночью слышалъ голосъ, требующій обличенія заблужденій міра). Нынѣшнею ночью голосъ говорилъ мнѣ, что настало время обличить зло міра. И въ самомъ дѣлѣ нечего медлить и откладывать. Нечего бояться, нечего обдумывать, какъ и что сказать. Жизнь не дожидается. Жизнь моя уже на исходѣ и всякую минуту можетъ оборваться. А если могу чѣмъ послужить людямъ, если могу чѣмъ загладить всѣ мои грѣхи, всю мою праздную похотливую жизнь, то только тѣмъ, чтобы сказать людямъ-братьямъ то, что мнѣ дано понять яснѣе другихъ людей, то, что вотъ уже 10 лѣтъ мучаетъ меня и раздираетъ мнѣ сердце.

«Не мнѣ одному, но всѣмъ людямъ, и не только христіанамъ, но магометанамъ, буддистамъ, конфуціанцамъ, браманистамъ, русскимъ, французамъ, англичанамъ, нѣмцамъ, американцамъ, но и туркамъ, татарамъ, японцамъ, китайцамъ, индѣйцамъ, ясно и понятно, что жизнь людская идетъ не такъ, какъ она должна идти, что люди мучаютъ себя и другихъ и только тѣмъ, что живутъ не такъ, какъ должно, какъ имъ хочется и какъ указываетъ имъ мудрость людская, учителя человѣчества: индійскіе, китайскіе, греческіе, еврейскіе и яснѣе всѣхъ Христосъ, котораго болѣе 400 милліоновъ въ Европѣ и Америкѣ христіане признаютъ Богомъ. Всякій человѣкъ знаетъ, что для его блага, для блага всѣхъ людей нужно любить ближняго не меньше себя, и если не можешь дѣлать ему того, что себѣ хочешь — не дѣлать ему, чего себѣ не хочешь, и ученія вѣры всѣхъ народовъ, и разумъ, и совѣсть говорятъ то же всякому человѣку».

Обличая ложную жизнь людей, онъ съ пророческимъ вдохновеніемъ взываетъ къ людямъ:

«Опомнитесь, одумайтесь, братья, остановитесь на томъ пути, по которому идемъ, чтобы посмотрѣть, не ведетъ ли этотъ путь насъ въ погибель?

«Подумай о томъ, что такое твоя жизнь, подумай только о томъ, что прошли вѣка, тысячелѣтія — вѣчность времени и тебя не было. И вдругъ ты есть, ты живешь, радуешься, думаешь, любишь — ты живешь и срокъ этой жизни твоей по Давиду 70 крошечныхъ лѣтъ и ты исчезнешь и этотъ 70-лѣтній провалъ закроетъ опять вѣчность времени, тебя не будетъ такого уже никогда. И вотъ тебѣ дано прожить эти въ лучшемъ случаѣ 70 лѣтъ, прожить въ тоскѣ и злобѣ или въ радости и любви, прожить съ сознаніемъ того, что все то, что дѣлаешь — не то и не такъ, или съ сознаніемъ того, что ты сдѣлалъ все лучшее, что можно было сдѣлать въ этой жизни.

«Одумайтесь, одумайтесь, одумайтесь!» кричалъ еще Іоаннъ Креститель, провозглашалъ Христосъ, провозглашалъ голосъ Бога, голосъ совѣсти и разума. Прежде всего остановись каждый въ своей работѣ и въ своей забавѣ, остановись и подумай. Остановись и подумай о томъ, что ты дѣлаешь. Дѣлаешь ли то, что должно, дѣлаешь ли лучшее или такъ даромъ ни за что прожигаешь ту жизнь, которая среди двухъ вѣчностей смерти дана тебѣ. Знаю я, что со всѣхъ сторонъ на тебя налегаютъ и не даютъ тебѣ минуты покоя и что тебѣ, какъ лошади на колесѣ, кажется, что тебѣ никакъ нельзя остановиться, хотя и колесо, движущееся подъ тобой, разогнано самимъ тобою; знаю я, что сотни голосовъ закричатъ на тебя, какъ только ты попытаешься остановиться, чтобы одуматься. «Некогда думать и разсуждать, надо дѣлать! — закричитъ одинъ голосъ. — Не слѣдуетъ разсуждать о себѣ и о своихъ желаніяхъ, когда дѣло, которому ты служишь, есть дѣ-

ло общее, дѣло семьи, дѣло торговли, искусства, науки, государства». «Ты долженъ служить общему благу!» закричитъ другой голосъ. «Все это уже пробовано обдумывать и никто ничего не обдумалъ, живи, вотъ и все!» закричитъ третій голосъ. «Думай или не думай, все будетъ одно: поживешь недолго и умрешь, и потому живи въ свое удовольствіе». «Не думай. Если станешь думать, увидишь, что эта жизнь хуже, чѣмъ не жизнь и убьешь себя. Убей себя или живи какъ попало, но не думай!» закричитъ четвертый голосъ. Какъ въ сказкѣ разсказываютъ, что когда уже въ виду искателя было то, что онъ искалъ, 1000 страшныхъ и соблазнительныхъ голосовъ закричало вокругъ него, чтобы помѣшать ему взять то, что давала ему охота. Такъ и голоса слугъ міра сбиваютъ искателя истины, когда она уже въ виду его. Не слушай этихъ голосовъ. И въ отвѣтъ на все, что они могутъ сказать тебѣ, скажи себѣ одно:

«Позади своей жизни я вижу безконечность времени, въ которомъ меня не было. Впереди меня такая же безконечная тьма, въ которую вотъ, вотъ придетъ смерть и погрузитъ меня. Теперь я въ жизни и могу — знаю, что могу —, могу закрыть глаза и не видя ничего попасть въ самую злую и мучительную жизнь и могу не только открыть глаза, смотрѣть, могу видѣть, оглядывать все вокругъ себя и избрать самую лучшую и радостную жизнь. И потому, что бы мнѣ ни говорили голоса и какъ бы ни тянула меня уже начатая мною, и какъ бы ни поощряла меня текущая вокругъ меня жизнь, я остановлюсь, оглянусь вокругъ себя и одумаюсь. И стоитъ человѣку сказать себѣ это, какъ онъ увидитъ, что не онъ одинъ одумывается, что и прежде его и при немъ много и много людей такъ же какъ онъ одумывались и избирали тотъ лучшій путь жизни, который одинъ даетъ благо и ведетъ къ нему».

Среди всей этой борьбы внѣшней и внутренней Л. Н—чъ продолжалъ свойственную ему работу писанія. Какъ мы уже упоминали, Л. Н—чъ въ это время былъ занятъ тремя вещами: статьей объ искусствѣ, комедіей «Исхитрилась» и «Крейцеровой сонатой». Въ письмахъ ко мнѣ онъ часто упоминаетъ объ этихъ работахъ:

«Я все писалъ объ искусствѣ. Все разрастается, и я вижу, что опять не удастся напечатать въ «Русскомъ Богатствѣ». Вопросъ то слишкомъ важный. Не одно искусство, а и наука: вообще вся духовная дѣятельность и духовное богатство человѣчества — что оно, откуда оно и какое настоящее истинное богатство духовное. Я нынче бросилъ на время и сталъ писать «Крейцерову сонату». Это пошло легко».

Поводомъ къ написанію «Крейцеровой сонаты» послужило слѣдующее обстоятельство:

Какъ-то весной, въ Москвѣ, въ Хамовническомъ домѣ у Л. Н—ча собралось большое общество и свѣтскихъ и литературно-артистическихъ гостей. Изъ выдающихся людей были Рѣпинъ и Андреевъ-Бурлакъ. На этомъ вечерѣ присутствовалъ также скрипачъ Лассото, учитель музыки дѣтей Л. Н—ча. Знатокъ и любитель музыки, Серг. Льв. Толстой сыгралъ вмѣстѣ съ скрипачомъ Лассото «Крейцерову сонату». Л. Н. давно зналъ и любилъ эту вещь; ее игрывали еще во время его молодости на музыкальныхъ вечерахъ въ Москвѣ. Въ этотъ вечеръ «Крейцерова соната» произвела на Л. Н—ча особенно сильное впечатлѣніе. И онъ перевелъ это впечатлѣніе съ музыкальнаго на литературный языкъ и, обратившись къ Рѣпину и Андрееву-Бурлаку, сказалъ: «Давайте изобразимъ «Крейцерову сонату» доступными намъ способами искусства. Я напишу разсказъ, Андреевъ-Бурлакъ прочтетъ его передъ публикой, а вы напишете на эту тему картину, которая будетъ стоять на сценѣ, пока Андреевъ-Бурлакъ будетъ читать мою повѣсть».

Рѣпина Л. Н—чъ зналъ уже давно, а Андреевъ-Бурлакъ въ этотъ пріѣздъ свой поразилъ Л. Н—ча своей декламаціей и онъ хотѣлъ воспользоваться силой его таланта, чтобы произвести своимъ словомъ черезъ его посредство наибольшее впечатлѣніе на публику.

Предложеніе это было принято, но далеко не выполнено въ томъ видѣ, какъ его предлагалъ Л. Н—чъ. Самъ же Л. Н—чъ дѣйствительно принялся за писаніе «Крейцеровой сонаты».

Мнѣ пришлось присутствовать на чтеніи Л. Н—чемъ начала ея Андрееву-Бурлаку. Онъ конечно съ радостью готовъ былъ отдать свои силы на исполненіе возложенной на него Л. Н—чемъ обязанности, былъ въ восторгѣ отъ начала и тутъ же сталъ пробовать передавать тотъ нервный звукъ въ родѣ рыданія, который часто произносилъ герой повѣсти, Позднышевъ, во время своего разсказа.

Этому назначенію повѣсть и обязана своей формой діалога, превращающагося въ длинный монологъ съ незначительными репликами собесѣдника.

Андреевъ-Бурлакъ вскорѣ умеръ, не дождавшись окончанія повѣсти, а Л. Н—чъ увлекся ея содержаніемъ и она приняла такіе размѣры, которыми она уже уклонилась отъ своего прежняго назначенія.

Повѣсть эта была эпохой не только въ русской, но и во всемірной литературѣ.

Мы еще вернемся къ ней, когда будемъ говорить о появленіи ея въ печати въ окончательной редакціи.

Когда повѣсть принимала болѣе или менѣе законченный видъ, Л. Н—чъ читалъ ее въ обществѣ своихъ друзей и знакомыхъ. Первое такое чтеніе было 31 августа 1889 года въ Ясной Полянѣ, въ присутствіи гостившихъ тогда въ Ясной кн. С. С. Урусова и семьи Стаховича.

Въ письмѣ Е. И. Попову Л. Н—чъ такъ пишетъ о своемъ образѣ жизни этого года:

«. . . Я веду довольно правильную жизнь; утромъ пишу, все передѣлываю, дополняю, измѣняю то, что при васъ писалъ. Я и прежде говорилъ и чувствую справедливость, что надо говорить не: «скоро сказка сказывается, а не скоро дѣло дѣлается», а наоборотъ: «скоро дѣло дѣлается, а не скоро сказка сказывается». Я рѣшилъ давно, что такъ какъ мнѣ остается жить недолго, а кажется, что еще нужно кое-что сказать, чего по всѣмъ вѣроятіямъ я не успѣю сказать наилучшимъ образомъ, то надо оставить авторское кокетство, а писать, какъ напишется, но вотъ никакъ не могу. Такъ по утрамъ пишу, а послѣ обѣда работаю въ лѣсу. За сапожную работу, которая даже очень нужна, никакъ не могу взяться. Еще занятіе — это переписка, чтеніе и общеніе съ людьми, которые приходятъ и пріѣзжаютъ . . .»

Переписка, т.-е. письменное общеніе съ людьми, въ это время дѣйствительно составляла серьезное дѣло для Л. Н—ча и отнимала у него не мало времени. Нѣтъ возможности въ этомъ біографическомъ трудѣ привести все то количество писемъ, которыя писалъ и получалъ Л. Н—чъ.

«Переписка, чтеніе и общеніе съ людьми, которые приходятъ и пріѣзжаютъ», говоритъ Л. Н—чъ, указывая этимъ на то, что въ концѣ 80-хъ годовъ онъ дѣйствительно представлялъ духовный міровой центръ. Посѣтившій въ это лѣто Л. Н—ча его другъ философъ Н. Н. Страховъ испыталъ на себѣ тяготѣніе къ этому центру и прекрасно передаетъ это впечатлѣніе въ письмѣ ко Л. Н—чу:

«На этотъ разъ, послѣ долгаго промежутка, я особенно ясно почувствовалъ, что Ясная Поляна есть тоже центръ духовной дѣятельности, но какой удивительный! Другіе центры, о которыхъ пишется въ

тетрадкѣ Стэда [1]), иногда ничего въ себѣ не содержатъ, суть пустыя точки, важныя только потому, что къ нимъ направлены мысли и стремленія живыхъ людей, такъ что, зная эти точки, можно видѣть направленіе этихъ стремленій. Въ Ясной же Полянѣ самъ центръ живой, лучистый, — вы сами съ своей неустающей мыслью и сердечной работой. Видѣть это — значитъ видѣть зрѣлище удивительной красоты и значенія. Простите меня, что по своей привычкѣ я васъ объективирую, стараюсь стать отъ васъ подальше и посмотрѣть на вашу дѣятельность со стороны. Часто мнѣ больно думать, что я, какъ и другіе, не умѣю видѣть того великаго, что совершается вокругъ меня, и только потому твержу иногда: все стало скверно, вездѣ пошлость, упадокъ ума и вкуса. Если однако сравнить знаменитую эпоху сороковыхъ годовъ, остатки которой мы видимъ въ Григоровичѣ, Фетѣ, Полонскомъ, съ нынѣшнимъ временемъ, то какъ не сказать, что съ тѣхъ поръ мы много выросли и поумнѣли. Нигилизмъ и анархизмъ — вѣдь это очень серьезныя явленія въ сравненіи съ тою болтовнею, которая составляетъ верхъ человѣческаго достоинства для Григоровичей и Фетовъ. И вся эта борьба, все мучительное броженіе умовъ разрѣшилось и завершается вашею проповѣдью, призывомъ къ духовному и тѣлесному исправленію, къ истинной жизни, къ тому истинному благу, безъ котораго ничтожны всѣ другія блага и которое никогда не можетъ измѣнить намъ. Пронеслось отъ васъ какое-то вѣяніе, раздался звукъ, на который невольно откликаются сердца, котораго заглушить, подавить — ничѣмъ невозможно. И я вѣрю, что дѣло, вами начатое, уже никогда не умретъ, что люди страдающіе, ищущіе, колеблющіеся постоянно

---

[1]) Книга извѣстнаго англійскаго журналиста Вильяма Стэда (Stead, главный редакторъ «Pall Mall Gazette») — «The truth about Russia» (1888).

будутъ приходить къ выходу, который вы нашли и указали. Дай Богъ вамъ здоровья, дай Богъ силъ и всего, что нужно для вашего дѣла!»[1])

И въ слѣдующемъ письмѣ онъ снова и еще сильнѣе говоритъ въ томъ же духѣ:

«Къ вамъ со всѣхъ сторонъ обращено столько любви, что не мудрено, если для меня у васъ недостаетъ вниманія. Между тѣмъ мнѣ кажется, я понимаю лучшее, что въ васъ есть, ваше несравненно высокое нравственное стремленіе, вашу неустанную борьбу, ваше страданіе. Нѣсколько такихъ впечатлѣній изъ послѣдняго свиданія трогаютъ и волнуютъ меня. То я вижу васъ въ лѣсу съ топоромъ, когда минутами на васъ находилъ совершенный миръ, полная, свѣтлая душевная тишина, то слышу вашъ разговоръ, когда вы назвали себя юродивымъ, съ волненіемъ и страданіемъ. Боже мой! иногда я думаю: неужели никто этого не пойметъ? Не удастся ли хоть мнѣ написать объ этомъ, хоть какъ-нибудь, хоть моимъ искусственнымъ и отвлеченнымъ языкомъ? А кругомъ вѣдь то-и-дѣло слышатся объ васъ глупыя и пустыя рѣчи. Вы знаете, что у меня нѣтъ никакого простодушія, никакой способности создавать ореолы и ослѣпляться ими. Все, что можно сказать противъ васъ, я знаю и хорошо вижу. Но все это ничтожно въ сравненіи съ тѣмъ, что говоритъ за васъ и чему я сочувствую всею душой, насколько только могу цѣнить и понимать нравственную красоту. О, дай вамъ Богъ здоровья и силъ для вашего прекраснѣйшаго и труднѣйшаго подвига!»[2])

Можно много найти причинъ, привлекавшихъ ко Л. Н—чу всю эту массу людей. Но мы не ошибемся,

---

[1]) Толстовскій музей. Томъ II. Переписка Л. Н. Толстого съ Н. Н. Страховымъ. 1870—1894. С.-Петерб. 1914. Стр. 383—384.

[2]) Тамъ же, стр. 386.

если скажемъ, что одною изъ главныхъ притягательныхъ силъ, которыми обладалъ Л. Н—чъ, это была его духовная свобода. Много говорили и будутъ говорить о «толстовской вѣрѣ». Но таковой не было и не будетъ, потому что вѣра Л. Н—ча была сама жизнь, движеніе, стремленіе къ правдѣ. И онъ старательно отклонялъ отъ себя всякую попытку катехизаціи своей вѣры. Прекрасно выражена эта борьба Л. Н—ча противъ «изложенія вѣры» въ его письмѣ къ Черткову, писанному въ началѣ этого года:

«То, что вы пишете о томъ, какъ бы хорошо было, такъ ясно, коротко выразить все то, во что мы вѣримъ, чтобы всякому стало ясно, что такъ, а не иначе и надо жить; все это совершенно справедливо и не только желательно, но это одно только и нужно. Все это такъ, да дѣло въ томъ, что желать этого, стремиться къ этому, стараться осуществить это, есть самое хорошее и законное дѣло, но думать, что это легко осуществимо и что отъ васъ единичнаго человѣка зависитъ осуществить или не осуществить это, въ этомъ заблужденіе. Намъ такъ этого хочется, что кажется легкимъ. Впрочемъ, заблужденіе старое: на соборъ въ Никеѣ собираются люди и говорятъ: «давайте, рѣшимъ и запишемъ, какъ надо вѣровать и жить»; или въ французской палатѣ лѣтъ 10 назадъ толковали о томъ, что надо составить догматы вѣры и нравственности, избрать комиссію, поручить ей выработать и вотъ будутъ догматы вѣры, которые будутъ служить руководствомъ и поддержкою людямъ. Люди никакъ не могутъ повѣрить, привыкнуть къ мысли, что не административныя соображенія производятъ разумѣніе людей, а что отъ разумѣнія людей происходитъ и все остальное, и административныя и всякія явленія, и что распорядиться, распространить и изложить можно, но произвести разумѣніе и выраженіе его нельзя: оно само родится, когда знаетъ и когда хочетъ и въ той формѣ и въ томъ человѣкѣ, въ какомъ

хочетъ. Вы напишете въ письмѣ, Емельянъ скажетъ въ разговорѣ, я, Хилковъ, Поша, даже люди совсѣмъ чуждые намъ почувствуютъ, подумаютъ, скажутъ, сдѣлаютъ, и изъ этого всего слагается разумѣніе и является выраженіе его, самородное. Торопить это выраженіе, искать его, можетъ повредить. Вы говорите, написать. Да это была бы безумная гордость, которая непремѣнно была бы наказана безсиліемъ, если бы я подумалъ о томъ, чтобы написать это. Вижу только одно, что мы всѣ въ одно и то же время начинаемъ чувствовать потребность одного и того же, въ одномъ направленіи думаемъ, какъ будто заносимъ ногу на другую, слѣдующую ступеньку. Если это дѣло Божіе, то Онъ поможетъ намъ»[1]).

Въ октябрѣ, гостя у Чертковыхъ въ Воронежской губерніи, я писалъ Л. Н—чу, выражая ему нѣкоторыя мысли, тревожившія тогда мой умъ. Сущность этихъ мыслей заключалась въ томъ, что я проводилъ цѣпь разсужденій о безграничности совершенствованія расходящимися концентрическими кругами и, мысленно захватывающаго всю вселенную, т.-е. вѣчность.

Л. Н—чъ отвѣчалъ мнѣ на это такимъ письмомъ:

«Милый другъ Павелъ Ивановичъ, представьте себѣ, что я вчера въ своемъ дневникѣ писалъ почти то же, что вы пишете, и потому не нужно вамъ говорить, что это мнѣ близко къ сердцу. Я пишу съ другой стороны, какъ долженъ писать старикъ, а вы, какъ молодой человѣкъ. Попрошу Машу списать вамъ это, а самъ хоть еще что-нибудь напишу. Во-первыхъ, о книгѣ Ballou. Я очень радъ, что она на васъ произвела такое же впечатлѣніе, какъ на меня — восторга, желанія общенія съ нимъ, выраженія ему своей благодарности и любви, что я и исполнилъ. И вы, пожалуйста, не оставляйте

---

[1]) Архивъ Черткова.

своего намѣренія и напишите ему. Еще чувство, которое я испыталъ при этомъ чтеніи — это было чувство недоумѣнія: какимъ образомъ эти мысли, самыя важныя для людей, мысли, которыя восторжествуютъ неизбѣжно и сдѣлаются общими, какимъ образомъ такія мысли, такъ сильно выраженныя, напечатанныя, изданныя, такъ замолчены, что ни Гаррисонъ-сынъ, котораго я спрашивалъ, ни всѣ тѣ американцы, которыхъ я видѣлъ (человѣкъ 10 и всѣ люди религіозные), даже не слышали ничего про это и не знаютъ имени Ballou. Совершенно то же, что въ первыя времена христіанства, 50 лѣтъ послѣ и не слыхали. Только тогда была одна ступень, а теперь другая. И кажется мнѣ, что наше участіе въ дѣлѣ будетъ состоять въ томъ, чтобы уже сдѣлать невозможнымъ замалчиваніе. Помогай Богъ».

И далѣе онъ пишетъ въ томъ же письмѣ:

«Понятія о безконечности пространства и времени сами въ себѣ содержатъ противорѣчія и не укладываются въ человѣческомъ умѣ, а они есть, безъ нихъ нельзя думать. Но вѣдь это противорѣчіе происходитъ только отъ того, что мы думаемъ о томъ, о чемъ намъ вовсе не нужно думать, для забавы думаемъ. Намъ о пространствѣ и времени думать совсѣмъ не нужно. Намъ нужно думать только о своей жизни; и въ жизни думать только о томъ, какъ быть совершеннымъ, какъ Отецъ. Что если бы мы представили себѣ не то, что мы счастливы, но что мы совершенны, что мы совершенно довольны собой: вѣдь это было бы нѣчто ужасное. Вѣдь одно это предположеніе уничтожаетъ всякое понятіе о добрѣ. Стало быть, какъ бы мы ни шли впередъ, совершенствуясь, необходимо, чтобы впереди насъ открывалось бы безконечное поле совершенства. Безъ безконечности совершенствованія не было бы жизни. Стало быть безконечность, когда мы думаемъ о томъ, о чемъ слѣдуетъ думать, не только не противорѣчива, но необходима. Безъ нея нѣтъ понятія жизни. Живемъ же мы и мыслимъ

въ пространствѣ и времени, а потому намъ и необходимо мыслить пространство и время безконечными»[1]).

Къ письму все-таки была приложена выписка изъ дневника, въ которой Л. Н—чъ излагаетъ свой душевный процессъ перехода съ одной ступени сознанія на другую, высшую, отъ служенія себѣ — къ служенію людямъ, отъ служенія людямъ — къ служенію Богу.

Въ сентябрѣ Л. Н—ча въ Ясной Полянѣ посѣтила американка Стокгеймъ въ сопровожденіи шведки-спиритки Бимишь.

Стокгеймъ была авторъ замѣчательной книги: «Токологія или наука о рожденіи дѣтей». Л. Н—чъ былъ въ восторгѣ отъ этой книги, такъ какъ научныя, физіологическія и гигіеническія положенія, приводимыя въ этой книгѣ, были основаны на глубокомъ религіозно-нравственномъ чувствѣ и потому женщинамъ внушались понятія цѣломудрія, воздержанія, вегетаріанства и т. д. Книга эта была переведена на русскій языкъ, и Л. Н—чъ написалъ къ ней предисловіе, въ которомъ между прочимъ говоритъ, что книга Стокгеймъ «одна изъ тѣхъ рѣдкихъ книгъ, которыя трактуютъ не о томъ, о чемъ всѣ говорятъ и что никому не нужно, а о томъ, о чемъ никто не говоритъ, а что всѣмъ важно и нужно».

Въ октябрѣ «Крейцерова соната» подвинулась настолько, что Л. Н—чъ разрѣшилъ ее прочесть въ Петербургѣ. Первый разъ ее читалъ А. Ф. Кони у Кузминскихъ при большомъ и избранномъ обществѣ; и тогда эта повѣсть произвела на всѣхъ по свидѣтельству многихъ лицъ потрясающее впечатлѣніе.

Н. Н. Страховъ, присутствовавшій на этомъ чтеніи, въ письмѣ своемъ ко Л. Н—чу такъ передаетъ свое впечатлѣніе отъ выслушанной имъ повѣсти:

---

[1]) Архивъ П. И. Бирюкова.

«Вашу повѣсть, безцѣнный Левъ Николаевичъ, я слышалъ 28 октября у Кузминскихъ въ большомъ обществѣ; читалъ Кони[1]), очень хорошо. Простите, что до сихъ поръ я не написалъ вамъ; мѣшали дѣла, да я надѣялся, что хорошенько обдумаю и ждалъ, что мнѣ дадутъ рукопись и я еще лучше пойму, когда перечту. Но время идетъ и хочу написать, что понялъ по первому впечатлѣнію.

«Сильнѣе этого вы ничего не писали, да и мрачнѣе тоже ничего. Много есть замѣчаній и описаній изумительныхъ по глубинѣ, до которой они проникаютъ въ душу, и страшныхъ по своей правдѣ. А сказаны и схвачены такъ просто и ясно! Герой вашъ — несравненный примѣръ эгоиста, и эгоизмъ его является во всей своей отвратительности. Какъ хорошо, что онъ убиваетъ жену не за вину, а просто по ревности, для которой у него въ душѣ нѣтъ ничего сдерживающаго и которая совершенно права въ отношеніи къ его женѣ. Какой ужасъ! Какія мученія! Онъ убилъ, но они все-таки продолжаютъ ненавидѣть другъ друга — вотъ гдѣ верхъ несчастія и страданія!

«Что и говорить — правда дышитъ въ каждой строкѣ, въ каждой сценѣ. Несмотря на то, я замѣтилъ, что впечатлѣніе у слушающихъ было смутное, да и мнѣ самому что-то мѣшало вполнѣ вникать въ отдѣльныя мысли и описанія. Вы взяли форму разсказа отъ лица самого героя, форму, которая васъ очень связывала, а у слушателей являлись вопросы: кто собесѣдникъ? Почему разсказчикъ долго-долго не приступаетъ къ дѣлу, а ведетъ разсужденія объ общихъ вопросахъ? При-

---

[1]) Вспоминая объ этомъ чтеніи, Анатолій Федоровичъ Кони пишетъ, что онъ «останавливался отъ внутренняго волненія, сообщавшагося и слушателямъ этого удивительнаго произведенія» («На жизненномъ пути», т. II, С.-Петерб. 1912, стр. 8).

томъ, есть, какъ мнѣ показалось, одна главная неясность: въ какомъ духѣ онъ разсказываетъ? По нѣкоторымъ мѣстамъ можно подумать, что эгоизмъ въ немъ сломленъ, и онъ уже видитъ свои дѣйствія въ истинномъ ихъ значеніи; но другимъ кажется, что онъ готовъ опять и безъ конца убивать свою жену, и нѣтъ въ немъ и тѣни раскаянія.

«Кромѣ того, развязка происходитъ слишкомъ быстро, т.-е. мало разсказано до той минуты, когда появляется музыкантъ. Поэтому кажется, что герой — не вполнѣ нормальный человѣкъ, непомѣрно ревнивъ и нервенъ. Между тѣмъ онъ человѣкъ обыкновенный и постепенно пришелъ въ такое состояніе. Долгія разсужденія, которыя предшествуютъ разсказу, глубокія и важныя, теряютъ силу отъ ожиданія, въ которомъ находится слушатель. Ихъ слѣдовало бы положить въ сцены, которыя, однако, не могъ продолжительно разсказывать убійца, занятый больше всего послѣднею сценою — убійствомъ.

«Но какое богатство содержанія! Напримѣръ, разсужденія о докторахъ, о музыкѣ, о дѣтяхъ — да всѣхъ не перечислишь! А мысль о томъ, что люди перестанутъ наконецъ совершать грѣхъ, ведущій къ дѣторожденію! Она меня очень восхитила. Вообще, хотя многое взято односторонне, но удивительно вѣрно, и односторонность понятна у человѣка, который приведенъ къ убійству жизнью безъ понятій о долгѣ, жизнью самоугожденія, всѣми теперь принятою и проповѣдываемою.

«Вѣроятно, я съ каждымъ новымъ чтеніемъ буду все больше влюбляться въ вашу повѣсть — такъ вѣдь всегда со мною»[1]).

Л. Н—чъ съ кротостью отвѣчалъ ему:

---

[1]) Толстовскій музей. Томъ II. Переписка Л. Н. Толстого съ Н. Н. Страховымъ. 1870—1834. С.-Петерб. 1914. Стр. 394.

«Спасибо, Николай Николаевичъ [1]), за письмо. Я очень дорожилъ вашимъ мнѣніемъ и получилъ сужденіе гораздо болѣе снисходительное, чѣмъ ожидалъ. Въ художественномъ отношеніи я знаю, что это писаніе ниже всякой критики: оно произошло двумя пріемами и оба пріема несогласные между собою и отъ этого то безобразіе, которое вы слышали. Но все-таки оставляю какъ есть, и не жалѣю, не отъ лѣни, но не могу поправить: не жалѣю же отъ того, что знаю вѣрно, что то, что тамъ написано, не то что небезполезно, а навѣрное очень полезно людямъ и ново отчасти. Если художественное писать, въ чемъ не зарекаюсь, то надо сначала и сразу» [2]).

Въ эту же осень старшіе дочь и сынъ Л. Н—ча, Татьяна Львовна и Сергѣй Львовичъ, ѣздили въ Парижъ на тогдашнюю всемірную выставку. Они возвратились оттуда полные жизненной энергіи, которой надо было разрядиться въ чемъ-нибудь необыкновенномъ. Татьяна Львовна затѣяла въ Ясной на Рождествѣ домашній спектакль и выпросила у Л. Н—ча для этого спектакля написанную имъ комедію. Конечно выборъ былъ очень удаченъ и успѣхъ былъ заранѣе обезпеченъ.

Л. Н—чъ былъ увлеченъ этимъ дѣломъ, почти помимо своей воли. Вотъ какъ онъ сообщалъ объ этомъ своимъ друзьямъ. Онъ писалъ Л. Ф. Анненковой:

«Разсказъ мой «Крейцерова соната» я рѣшилъ напечатать въ «Сборникѣ», издающемся въ Москвѣ въ память Юрьева и въ пользу его семейства, но изъ цензуры есть распоряженіе, какъ мнѣ писалъ Гайдебуровъ,

---

[1]) Я такъ запутался въ разныхъ эпитетахъ при обращеніи, что рѣшилъ отнынѣ не употреблять никакихъ. *Примѣчаніе Л. Н—ча Толстого.*

[2]) Тамъ же, стр. 397.

чтобы его не пропускать. Я кое-что пишу и между прочимъ совершенно неожиданно занялся комедіей, которая у меня давно была набросана. Таня дочь затѣяла спектакль и попросила у меня, я согласился и вотъ поправилъ ее кое-какъ, и вотъ они играютъ у насъ на праздникахъ».

А вотъ какъ пишетъ мнѣ Л. Н—чъ уже послѣ спектакля:

«У насъ все это время страшная суета. Хотѣли играть спектакль и взяли мою пьесу, которую я и сталъ поправлять и немножко исправилъ. И играли ее вчера здѣсь. Суета, народу, расходу — ужасъ. Дѣлали съ спокойной совѣстью то самое, что осмѣивается комедіей. Маша играла кухарку необыкновенно хорошо, но это, кажется, не мѣшало ей смотрѣть ясно и прямо. Заливаетъ насъ съ ней иногда волнами суеты, но мы стараемся не потонуть, держась другъ за друга. На дняхъ разъѣзжаются Кузминскіе, Сиверцовы сыновья, Шеншинъ съ женою, и она берется за школу, которая теперь готова. Я очень расположенъ писать и пишу художественное. Когда напишется, сообщу вамъ».

Здѣсь уже чувствуется нотка раскаянія за свое увлеченіе.

И у него дѣйствительно увлеченіе нерѣдко смѣнялось сознаніемъ отступленія отъ избраннаго пути. Въ дневникѣ того времени есть запись:

«Мнѣ стыдно, стыдно за эту затрату среди нищеты».

Но во время репетиціи онъ искренно увлекался и хохоталъ до упаду.

Значительная часть комедіи была написана уже во время представленія, сообразно съ успѣшнымъ выполненіемъ ролей.

Въ воспоминаніяхъ П. А. Сергѣенко есть интересный разсказъ объ одномъ изъ дѣйствующихъ лицъ комедіи, которая сначала называлась «Исхитрилась», а потомъ стала называться «Плоды просвѣщенія».

Вотъ какъ разсказываетъ Сергѣенко:

«Но по мѣрѣ того, какъ шли репетиціи, въ которыхъ Левъ Николаевичъ принималъ участіе, онъ исправлялъ и дополнялъ пьесу, соображаясь съ составомъ дѣйствующихъ лицъ. Во время спектакля нѣкоторые исполнители доставили ему такое большое удовольствіе своей игрой, что нѣкоторыя сцены навсегда запечатлѣлись въ его памяти. Особенно восхитилъ его судебный слѣдователь Лопатинъ, исполнявшій роль одного изъ мужиковъ.

«Пріѣхалъ онъ, — разсказываетъ Л. Н—чъ, — въ Ясную Поляну и цѣлый день ни съ кѣмъ почти не разговаривалъ, все ходилъ, понуря голову. Но на сценѣ превзошелъ всѣхъ и создалъ изъ своей маленькой роли столь прекрасное, чего я не могъ даже предвидѣть, создавая эту роль».

Режиссеромъ спектакля былъ другъ Л. Н—ча, Н. В. Давыдовъ, тогдашній предсѣдатель Тульскаго окружнаго суда.

Успѣхъ спектакля превзошелъ всѣ ожиданія. Л. Н—чъ еще разъ далъ понять публикѣ, что ему доступны всѣ формы литературно-художественнаго творчества, и комедія эта стала любимымъ спектаклемъ на всѣхъ русскихъ сценахъ.

Въ своихъ воспоминаніяхъ о Л. Н—чѣ Н. В. Давыдовъ разсказываетъ о спиритическомъ сеансѣ, происходившемъ въ Москвѣ въ квартирѣ князя Н. А. Львова, на которомъ онъ присутствовалъ вмѣстѣ со Л. Н—чемъ и который послужилъ первой канвой комедіи. Извѣстный спиритъ-зоологъ Н. П. Вагнеръ обидѣлся, принявъ на свой счетъ юмористическое изображеніе профессора, и Л. Н—чу пришлось извиняться и доказывать, что онъ не имѣлъ въ виду никакихъ опредѣленныхъ личностей.

Всѣ эти жизненныя пертурбаціи не мѣшали Л. Н—чу продолжать свою постоянную внутреннюю работу

приближенія къ Богу и въ минуты проникновенія въ тайны бытія онъ записываетъ въ своемъ дневникѣ:

«Вѣрю, что во мнѣ сила Твоя, данная для исполненія дѣла Твоего. Дѣло же Твое въ томъ, чтобы преувеличивать силу Твою, въ себѣ и во всемъ мірѣ».

И какъ бы испугавшись того, что это сознаніе можетъ возвеличить его самого, онъ тутъ же смущенно прибавляетъ: «Не то, совсѣмъ не то!»

И этимъ искреннимъ сознаніемъ становится на еще большую высоту въ глазахъ людей, искренно любящихъ его.

ГЛАВА IV

Земледѣльческія общины

1888—1891 г.

Въ концѣ 80-хъ годовъ получили большое развитіе такъ-называемыя толстовскія колоніи или общины интеллигентныхъ земледѣльцевъ. Несомнѣнно, что Л. Н—чъ вліялъ на ихъ образованіе и потому весьма интересно выясненіе его отношенія къ нимъ.

Въ серединѣ 80-ыхъ годовъ въ революціонную среду русской интеллигенціи начинаютъ проникать идеи марксизма. Почва для нихъ была подготовлена: разгромъ партіи «Народная Воля», казни, аресты и бѣгства ея руководителей. Жестокая казнь русскаго императора Александра II и послѣдующія за ней повторенія террористическихъ покушеній оттолкнули отъ революціоннаго движенія ту часть умѣренно-прогрессивной интеллигенціи, которая поддерживала его тайно, какъ матеріальными средствами, такъ и разнаго рода проявленіями сочувствія.

Въ это время и явилось новое революціонное ученіе, отодвигавшее на далекое неопредѣленное разстоя-

ніе вопросъ о насиліи надъ государственной властью, дающее строго научныя обоснованія своего ученія и привлекавшее прогрессивную, большею частью молодую русскую интеллигенцію принципами коллективизма, сочувствіемъ рабочему классу и освобожденіемъ отъ всякаго рода такъ-называемыхъ суевѣрій, пережитковъ, сентиментальностей, мистицизма и прочаго «хлама», т.-е. освобождавшаго своихъ адептовъ отъ религіозно-нравственныхъ обязательствъ, всегда шаткихъ въ нашей молодежи, лишенной свободнаго моральнаго образованія и воспитанія. Это ученіе, окрещенное именемъ его основателя, распространялось съ большой быстротой подъ именемъ марксизма, научнаго соціализма и политическаго соціалъ-демократическаго идеализма и реализма. Новая революціонная интеллигенція превратилась изъ лохматыхъ и косматыхъ нигилистовъ въ корректныхъ адептовъ новаго ученія, не требовавшаго отъ нихъ непосредственнаго личнаго измѣненія жизни, а предлагавшаго имъ и звавшаго ихъ на коллективное подчиненіе вѣчнымъ неумолимымъ законамъ историческаго и экономическаго матеріализма, концентраціи капитала, обобществленія орудій труда и дисциплинированной, партійной, политической борьбы. Все шаткое, колеблющееся, уставшее въ безплодныхъ исканіяхъ «новаго» рѣшенія вопросовъ жизни, бросилось навстрѣчу этому ученію. Но среди русскаго общества и среди учащейся молодежи нашлась группа людей, неудовлетворившихся такимъ рѣшеніемъ. Въ этихъ людяхъ жила потребность личной внутренней моральной работы, потребность общенія съ тѣмъ таинственнымъ началомъ или первопричиной міра, представленіе о которой не можетъ отогнать отъ человѣческаго интеллекта никакая ѣдкая кислота самаго строгаго, діалектическаго анализа. Въ этихъ людяхъ жила потребность абсолютнаго, т.-е. религіознаго критерія нравственности. И этой потребности глубоко и широко удовлетворялъ Л. Н. Толстой своими религіоз-

но-философскими сочиненіями. Издательство «Посредникъ», представлявшее не что иное какъ печатный органъ Л. Н—ча, естественно стало центромъ интересовъ этой группы людей.

Въ концѣ 80-хъ годовъ я завѣдывалъ книжнымъ складомъ «Посредникъ» и жилъ въ самомъ помѣщеніи склада, въ Петербургѣ на Пескахъ, на углу Греческаго проспекта и 8-ой улицы Песковъ, въ маленькомъ деревянномъ домѣ. У насъ бывали собесѣдованія о вопросахъ вѣры, нравственности и объ общественныхъ условіяхъ жизни. Собиралась главнымъ образомъ учащаяся молодежь обоего пола, студенты, курсистки, фельдшерицы. Кромѣ этихъ собесѣдованій, которымъ посвящались большею частью четверги, у насъ были устроены мастерскія физическаго труда, столярныя, переплетныя и сапожныя. Работать въ этихъ мастерскихъ также приходило немало народа.

Изъ этого живого общенія, оставившаго во мнѣ воспоминаніе радостнаго, хорошаго дѣла, конечно исходила, какъ изъ центра, пропаганда словомъ и дѣломъ взглядовъ Л. Н—ча Толстого. На этихъ собраніяхъ читались всѣ новыя произведенія Л. Н—ча, большею частью тогда запрещавшіяся цензурой. Они горячо и искренно обсуждались и часто искорки неподдѣльнаго молодого чувства любви къ ближнему загорались въ сердцахъ еще не испорченнаго жизнью учащагося поколѣнія. Мы чувствовали себя абсолютно свободными и расправляли крылья, чтобы летѣть къ небесамъ. Бывали и пріѣзжіе изъ провинціи, приносившіе намъ свѣдѣнія о томъ, какъ идетъ дѣло распространенія нашей «вѣры» по разнымъ угламъ Россіи; поддерживалась дѣятельная переписка съ единомышленниками и со Л. Н—чемъ.

Изъ такого общенія намъ не трудно было узнать, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи собираются группы интеллигентныхъ лицъ, желающихъ немедленно и непосредственно примѣнить къ жизни исповѣдуемыя ими

убѣжденія. И вотъ мы узнали, что такая группа поселяется въ Смоленской губерніи, на землѣ, пріобрѣтенной нѣкоимъ А—мъ, для насъ лицомъ мало извѣстнымъ. Конечно этотъ предполагавшійся опытъ возбудилъ во всѣхъ насъ самый живой интересъ и сочувствіе и мнѣ поручено было собрать объ этомъ подробныя свѣдѣнія. Получивъ адресъ А—на, я написалъ ему, прося сообщить все, что онъ можетъ, о своемъ дѣлѣ для лицъ, живо интересующихся имъ. Между нами были уже лица, желавшія присоединиться къ нимъ. На мой запросъ я получилъ вскорѣ подробный отвѣтъ, весьма полно изображающій тѣ основы и намѣренія, которыми руководились основатели общины.

Отвѣтъ А—на вполнѣ удовлетворилъ насъ. Это было изложеніе взглядовъ Л. Н—ча въ ихъ примѣненіи къ жизни коммунистической, интеллигентской земледѣльческой колоніи. Всякому, прочитавшему это изложеніе основныхъ положеній общинниковъ, становилось ясно, что оно соткано изъ произведеній Л. Н—ча, причемъ особенное вниманіе обращено на земледѣльческій общинный трудъ, являющійся какъ бы результатомъ и основой, альфой и омегой христіанской жизни. Это было одностороннее, нѣсколько узкое толкованіе взглядовъ Л. Н—ча, но такъ какъ стремленіе воплотить ихъ было искренне и такое толкованіе захватывало большую область жизненныхъ вопросовъ, то оно привлекло къ себѣ много молодыхъ силъ.

Явленіе это было настолько значительно въ дѣлѣ распространенія взглядовъ Л. Н—ча въ русскомъ и европейскомъ обществѣ, что я позволяю себѣ остановиться на немъ нѣсколько долѣе.

Само по себѣ стремленіе сразу осуществить свои религіозныя, нравственныя и общественныя убѣжденія вполнѣ законно и чрезвычайно привлекательно. Но такъ какъ такое стремленіе является большею частью у очень молодыхъ людей, то оно сопровождается столь боль-

шими ошибками и проявленіями неопытности, что большею частью кончается полной неудачей.

Разсмотримъ нѣкоторыя изъ причинъ неуспѣха этихъ колоній.

Религіознымъ, новозавѣтнымъ основаніемъ такихъ общинъ обыкновенно берутъ текстъ изъ Апостольскихъ Дѣяній IV, 32: «У множества же увѣровавшихъ было одно сердце и одна душа и никто изъ имѣнія ничего не называлъ своимъ, а все у нихъ было общее». Это трогательное единеніе первыхъ христіанъ возбуждало въ молодыхъ людяхъ искреннее желаніе подражать имъ; но силъ для этого было мало. Не было главнаго основного единенія душъ и сердецъ, достигаемое долгой внутренней работой смиренія и самоотверженія. Эти люди хотѣли рѣшить обратную проблему: назовемъ все наше имѣніе общимъ и этимъ достигнемъ единеніе душъ и сердецъ. Но это было ложное умозаключеніе. Общность внѣшнихъ матеріальныхъ благъ достигается только какъ результатъ внутренняго единенія или вслѣдствіе полнаго самоотреченія въ служеніи другъ другу, или вслѣдствіе полнаго, смиреннаго подчиненія всѣхъ одному высшему авторитету, устанавливающему общность имущества. Здѣсь не было ни того, ни другого. И потому сколько ни называли они свое имѣніе общимъ, они не могли достигнуть сердечнаго и душевнаго единенія, а потому и не было въ ихъ жизни скрѣпляющаго цемента и зданіе ихъ неминуемо разрушалось. Но временно это зданіе все-таки созидалось и красота его поражала и привлекала людей. Мнѣ самому пришлось испытать его чарующее вліяніе. Я пробылъ тамъ нѣсколько дней и на меня пахнуло духомъ какой-то необыкновенной простоты и серьезности этой жизни въ обществѣ молодыхъ людей обоего пола, такъ скоро и такъ просто рѣшившихъ всѣ общественные вопросы.

До Л. Н—ча доходили слухи объ ихъ жизни; онъ очень интересовался ею и въ то же время какое-то жут-

кое чувство заставляло его быть постоянно на сторожѣ и предупреждать объ опасности увлеченія этой внѣшней привлекательной формой.

Къ сожалѣнію у этихъ людей, такъ легко смѣнившихъ свою одежду, не хватило смиренія настолько, чтобы не осуждать людей, еще не успѣвшихъ перемѣнить ее и ищущихъ иныхъ путей къ осуществленію своего идеала. Это отсутствіе смиренія и замѣняющее его самомнѣніе многихъ отталкивало отъ нихъ.

Вотъ что писалъ объ этой колоніи Л. Н—чъ своему другу Н. Н. Ге:

«Былъ у меня А—нъ осенью, живетъ онъ и они всѣ удивительно. Напримѣръ, вопросъ половой они рѣшаютъ полнымъ воздержаніемъ, жизнь святая. Но, — Господи, прости мои согрѣшенія, — осталось мнѣ тяжелое впечатлѣніе. Не отъ того, что я завидую чистотѣ ихъ жизни изъ своей грязи, этого нѣтъ, я признаю ихъ высоту и какъ на свою радуюсь, но что-то не то. Душа моя, не показывайте этого письма, это огорчитъ ихъ; а я можетъ быть ошибаюсь. Я вѣдь сказалъ ему все, что хотѣлъ».

Въ письмѣ ко мнѣ, около того же времени, онъ высказываетъ такія мысли:

«Интересные были разговоры съ Романовымъ, повтореніе тѣхъ, которые были съ Фейнерманомъ. Въ разговорахъ этихъ мнѣ очень уяснилась ошибка этихъ общинниковъ. Я бы никогда не вздумалъ разыскивать ихъ отступленій, если бы они не были такъ строги къ другимъ. — Коренное дѣло для вѣрующаго христіанина — это не только не употреблять насилія, но и не пользоваться насиліемъ другихъ, а потому, какъ и неизбѣжное слѣдствіе этого, не пріобрѣтать собственности и не удерживать пріобрѣтенной или признаваемой другими моею. Это основная обязанность и на нее должна быть направлена вся энергія, а не на то, чтобы стать въ положеніе кормящагося своими трудами земледѣльца. Пер-

вое, т.-е. отреченіе отъ собственности, ведетъ къ положенію чернорабочаго и земледѣльца, но положеніе обезпеченнаго земледѣльца не только не ведетъ къ отрицанію собственности, но часто напротивъ — къ утвержденію ея. Главное же дѣло въ осужденіи. Я всей душой радуюсь на жизнь общинниковъ и на жизнь вашу и Черткова, а они осуждаютъ. Ром., кажется, понялъ»[1]).

А въ дневникѣ своемъ Л. Н—чъ записалъ такую мысль объ общинахъ:

«Удаленіе въ общину, общины, поддержаніе ея въ чистотѣ, все это — грѣхъ, ошибка. Нельзя очиститься одному или однимъ — чиститься такъ вмѣстѣ; отдѣлить себя, чтобы не грязниться — есть величайшая нечистота, въ родѣ чистоты дамской, добываемой трудами другихъ. Это все равно какъ чистить или копать съ края, гдѣ уже чисто. Нѣтъ, кто хочетъ работать, тотъ залѣзетъ въ самую середину, гдѣ грязь, если не залѣзетъ, то по крайней мѣрѣ не уйдетъ отъ середины, если попалъ туда».

Но самъ Л. Н—чъ искренно радовался проявленію христіанской жизни, какую бы форму ни принимало это явленіе. У него иногда сходились представители какъ одиночной, такъ и общинной жизни. Въ бесѣдахъ между такими людьми, при участіи Л. Н—ча обсуждались самые серьезные жизненные вопросы; объ одномъ изъ такихъ случайныхъ «съѣздовъ» или вѣрнѣе «схожденій Л. Н—чъ пишетъ Черткову въ августѣ этого года:

«Послѣднее время были все посѣтители и такіе все радостные. Пришли пѣшкомъ Золотаревъ и Хохловъ, два юноши. Они все лѣто работали у Золотарева — босые, загорѣлые, безъ паспортовъ, совсѣмъ мужики. Сначала пугаешься — думаешь, не внѣшность ли одна работы, не мода ли, молодечество. Но поговоришь и видишь, что это только послѣдствіе — основаніе же

---

[1]) Архивъ П. И. Бирюкова.

служить Богу, любить, быть христіаниномъ. Тутъ же пріѣхалъ Ругинъ изъ общины Алехинской, въ которой былъ обыскъ, о которомъ вы вѣрно знаете. Тутъ же заѣхалъ Булыгинъ и, наконецъ, Николай Николаевичъ Ге старшій. Такъ было радостно всѣмъ узнать другъ друга, такъ хорошо, я почти увѣренъ, съ пользою во имя Его поговорили. Вчера всѣ разъѣхались, остался одинъ Николай Николаевичъ».

Одинъ изъ нашихъ общихъ друзей, Евг. Ив. Поповъ, долго жившій въ двухъ подобныхъ колоніяхъ, сначала у А—на, въ Смоленской губерніи, а потомъ у Новоселова въ Тверской губерніи и относившійся критически ко многимъ проявленіямъ этого рода жизни, сообщалъ письменно Л. Н—чу свои мысли и Л. Н—чъ отвѣчалъ ему слѣдующимъ интереснымъ письмомъ:

«Милый другъ Е. И., пишу вамъ и всѣмъ вашимъ сотоварищамъ. Р., пріѣхавъ, много разсказалъ про вашу жизнь и мы много говорили за и противъ общины; о томъ самомъ, о чемъ вы пишете въ своемъ письмѣ. Я думаю такъ: нельзя достаточно цѣнить то положеніе, въ которомъ вы находитесь, и тотъ опытъ, который у васъ производится. Мы всѣ, откинувъ кое-что отъ мірской людской жизни, сдѣлавъ кое-какія усилія для участія въ общемъ трудѣ, поддерживающемъ жизнь людей, очень склонны думать, что мы сдѣлали все, что нужно, что мы чисты передъ людьми и можемъ успокоиться, и потому нельзя достаточно цѣнить того строгаго опыта, который производится въ общинѣ и который показываетъ, какую степень суровости жизни и напряженія труда надо держать для того, чтобы быть болѣе или менѣе чистымъ отъ людоѣдства. (Мнѣ очень нравится точность этого выраженія). Я говорю: «болѣе или менѣе», потому что собственность земли и инвентаря нарушаетъ полную чистоту. Нельзя достаточно цѣнить того положенія, при которомъ нѣтъ мѣста лжи христіанскаго сентиментальничанья. «Я люблю, жалѣю и отдаю,

что имѣю, а имѣю то я незаконно, такъ что мнѣ безъ всякаго состраданія и милосердія надо бы отдать то, что я имѣю». Это сентиментальничанье невозможно у васъ, гдѣ всякій поступокъ жалости и милосердія неизбѣжно выражается лишними часами работы и меньшей и худшей пищей, или другими неудобствами. Такое положеніе драгоцѣнно для провѣрки себя и нельзя достаточно дорожить имъ.

«Но Бондаревъ неправъ, говоря, что хлѣбный трудъ включаетъ въ себя любовь, а любовь не включила. Любовь не только къ Богу, но къ ближнему, которая есть только послѣдствіе любви къ Богу (объ этомъ скажу послѣ), включаетъ въ себя хлѣбный трудъ, такъ что хлѣбный трудъ есть только частный случай любви къ ближнему, не говоря о любви къ Богу. Любовь къ ближнему требуетъ вѣдь кромѣ накормленія и одежды еще и посѣщенія заключеннаго и больного, слова, подъ которыми нельзя не понимать всѣхъ тѣхъ духовныхъ утѣшеній, которыя могутъ быть поданы страдающимъ. Любовь же къ ближнему требуетъ того, чтобы свѣтъ вашъ свѣтилъ передъ людьми, т.-е. сообщенія имъ той истины, которую вы знаете. Всѣ эти требованія любви къ ближнему и, я думаю, что еще многія другія не включены въ хлѣбный трудъ. Требованія же любви къ Богу еще менѣе включаются въ него. Люби Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ и т. д. я понимаю какъ законъ любви къ Богу моему, къ тому, что во мнѣ божественно. И любовь эта обязываетъ и влечетъ ко многому никакъ не включающемуся въ хлѣбномъ трудѣ. Она влечетъ къ чистотѣ, къ соблюденію и возращенію въ себѣ божественной сущности. Это и, думаю, еще многое не включено въ хлѣбный трудъ. Да, человѣкъ, который будетъ любить Бога своего, будетъ любить неизбѣжно ближняго (какъ и сказано у Іоан.), а, любя ближняго, будетъ чутко слѣдить за собой, чтобы, скрываясь за христіанскимъ сентиментальничаньемъ, не поѣдать братьевъ, и

будетъ дорожить повѣркой хлѣбнаго труда. Но человѣкъ, поставившій себѣ цѣлью хлѣбный трудъ, очень легко можетъ нарушить во многихъ отношеніяхъ и любовь къ ближнему (можетъ не утѣшить страдающаго, не просвѣтить темнаго и мн. др.) и любовь къ Богу (можетъ быть распутникомъ, можетъ не двигаться и не расти духовно и мн. пр.)».

Еще больше любви и сочувствія къ жизни общинниковъ выразилъ Л. Н—чъ въ своемъ письмѣ къ нимъ всѣмъ, послѣ дошедшаго до него извѣстія о произведенномъ тамъ жандармскомъ обыскѣ. Вотъ что онъ писалъ имъ:

«Вчера получилъ ваше письмо, дорогіе друзья, и радъ былъ очень тому духу, въ которомъ оно написано. Это тотъ духъ, которымъ мы живы и которымъ мы живимъ другъ друга. Такое оживленіе и подъемъ я почувствовалъ отъ вашего письма. Кромѣ того, я просто радъ общенію съ вами, которое прошу поддерживать. Р., спасибо ему, не то, что сблизилъ, а знаете, по сухому провелъ мокрымъ и потеклю по этому мѣсту. Я послѣднее время думалъ часто объ одномъ, давно извѣстномъ, соображеніи, но которое съ особенной живостью мнѣ приходитъ все это время въ голову и бодритъ меня, а именно: Если выразить только однимъ наипростѣйшимъ и яснѣйшимъ предложеніемъ смыслъ, сущность, цѣль жизни, то я для себя выражаю такъ, какъ сказано у Ін. VI, 38, и въ особенности 39, возрастить въ себѣ, довести до высшей возможной степени божественности ту искру, то разумѣніе, которое дано, поручено мнѣ, какъ дитя нянькѣ. Это опредѣленіе смысла жизни шире всѣхъ другихъ, включаетъ всѣ другія. Что же нужно для того, чтобы исполнить это, возрастить это дитя? Не нѣга, а трудъ, борьба, лишенія, страданія, униженія, гоненія, то самое, что сказано много разъ въ Евангеліи. И вотъ это самое, то, что нужно намъ, и посылается намъ въ самыхъ разнообразныхъ формахъ

и въ малыхъ и большихъ размѣрахъ. Только бы мы умѣли принять это, какъ слѣдуетъ, какъ нужную намъ, а потому радостную работу, а не какъ нѣчто досадное, нарушающее нашу столь хорошо устроенную жизнь. Помогай вамъ Богъ всѣмъ именно такъ принять не столько то посѣщеніе, но и то, если бы васъ разогнали и нарушили бы вашу столь радостную и для меня и для всѣхъ насъ хорошую жизнь. Обыкновенно въ этихъ случаяхъ дѣлается такая ошибка. Говорятъ: «Вотъ обстоятельства, которыя нарушаютъ или грозятъ нарушить нашу хорошую жизнь; надо какъ-нибудь поскорѣе обойти, превозмочь эти обстоятельства, съ тѣмъ, чтобы продолжать свою хорошую жизнь». Въ дѣйствительности же надо смотрѣть на дѣло совершенно обратно: «Вотъ была жизнь, которую мы установили съ большой внутренней борьбой и трудами, и жизнь эта удовлетворяла нашимъ нравственнымъ требованіямъ, но вотъ являются новыя обстоятельства, заявляющія новыя нравственныя требованія: давайте же постараемся отвѣтить наилучшимъ образомъ на эти требованія». Эти обстоятельства не случайность, которую можно устранить, но требованія новыхъ формъ жизни, въ которыхъ я долженъ испытать себя и къ которымъ долженъ приготовить себя, какъ я готовилъ себя къ предшествующей формѣ жизни. Я говорю про ту возможность, что васъ разгонятъ, запрутъ, сошлютъ (хотя этого не можетъ быть). Впрочемъ вы все это знаете такъ же, какъ я. Какъ только центръ одинъ, то и всѣ радіусы совпадаютъ, я это много разъ замѣчалъ. Пишу это потому, что это самое думаю для себя и еще потому, что люблю всѣхъ васъ и хочу наибольшаго съ вами общенія. Напишите, кто составляетъ ваши 15 человѣкъ. Напишите и то, какъ идутъ работы. Ну, пока прощайте»[1]).

Колоніи эти большею частью существовали отъ 2 до

---

[1]) Архивъ П. И. Бирюкова.

3 лѣтъ. Ихъ было значительное количество. Насколько намъ извѣстно, кромѣ первой А—ской колоніи въ Дорогобужскомъ уѣздѣ Смоленской губерніи существовала подобная же колонія, основанная его братомъ, въ Харьковской губерніи около Харькова, затѣмъ въ Тверской губерніи, основанная Новоселовымъ, на Волгѣ въ Самарской губерніи, на югѣ Россіи, основанная группой молодыхъ по преимуществу евреевъ, и наконецъ на Кавказѣ, около Нальчика. Кромѣ того, подъ вліяніемъ тѣхъ же идей, образовался цѣлый рядъ одиночныхъ поселеній людей, не считавшихъ себя готовыми къ общинной жизни. Къ нимъ также присоединялись для работы нѣкоторые члены, переходящіе съ мѣста на мѣсто. Эти поселенія были болѣе прочны и многія изъ нихъ существуютъ и теперь, представляя цѣнные культурные центры.

Это общинное движеніе перекинулось и за границу и отразилось образованіемъ колоній въ Англіи, Франціи, Голландіи, Германіи и Америкѣ. Претерпѣвъ нѣкоторыя эволюціи, эти колоніи существуютъ и теперь.

Конечно, англичане, какъ люди наиболѣе практическіе и серьезные, дали наибольшее развитіе этому дѣлу. Руководителемъ ихъ явился молодой талантливый пасторъ одной изъ свободомыслящихъ сектъ, Джонъ Кенворти, пріѣзжавшій въ 1895—96 году ко Л. Н—чу въ Москву. Привыкшій къ свободнымъ формамъ общественныхъ организацій, онъ, возвратившись въ Англію, основалъ «Братскую церковь» близъ Лондона, въ Кройдонѣ; сталъ издавать журналъ, посвященный пропагандѣ идей и различныхъ свѣдѣній, полезныхъ общинѣ, подъ названіемъ «Новый порядокъ» (New Order). И затѣмъ образовалась недалеко отъ Лондона, въ Эссексѣ, въ мѣстечкѣ Перлэ — земледѣльческая колонія, которая, эволюціонируя, существовала довольно долго и слѣды которой можно найти и теперь. Намъ придется еще говорить объ этой колоніи, когда мы дойдемъ до времени

присоединенія къ ней русскихъ эмигрантовъ, высланныхъ изъ Россіи въ концѣ 90-хъ годовъ. Теперь же я, немного забѣгая впередъ, приведу письмо Л. Н—ча къ одному изъ членовъ «Братской Церкви», писанное въ 1896 году и ярко выражающее отношеніе Л. Н—ча къ подобнаго рода организаціямъ:

«Дорогой другъ!

«Я получилъ ваше интересное письмо и очень желаю отвѣтить вамъ, особенно по поводу преобразованія и духовнаго роста, который произошелъ въ средѣ вашихъ друзей «Братской Церкви». Мнѣ не нравится это названіе и было бы очень хорошо, если бы реформа коснулась и его.

«Я думаю, что большая часть мірового зла происходитъ отъ нашего желанія видѣть осуществленіе того, къ чему мы стремимся, но къ чему еще не готовы и потому довольствуемся подобіемъ того, что должно быть. Насильническое правительство есть ничто иное, какъ подобіе хорошаго порядка, который поддерживается тюрьмами, висѣлицами, полиціей, арміей и рабочими домами. Дѣйствительнаго порядка не существуетъ. Но все, что сопротивляется ему, скрыто отъ нашихъ взоровъ въ тюрьмахъ, исправительныхъ заведеніяхъ и вертепахъ. И я полагаю, что этотъ недугъ оттого такъ долго остается неизлѣчимымъ, потому что онъ скрытъ.

«То же самое и съ братствомъ или съ церковными обществами. Онѣ то же подобіе. Не можетъ быть общины святыхъ между грѣшниками. Я думаю, что члены общины, для того, чтобы сохранить подобіе святости, должны совершать много новыхъ грѣховъ.

«Мы такъ созданы, что не можемъ стать совершенными каждый отдѣльно, по очереди, или группами, но (по самой природѣ вещей) только всѣ вмѣстѣ.

«Теплота одной капли или частицы передается дру-

гимъ. И если возможно сохранить жаръ въ одной частицѣ такъ, чтобы онъ не передавался другимъ и отъ этого не уменьшался, это было бы доказательствомъ того, что то, что мы считали за жаръ — не есть настоящій жаръ.

«И потому я думаю, что если бы наши друзья направили на внутренній духовный ростъ все то количество вниманія и энергіи, которое они посвящаютъ на поддержаніе внѣшней формы общины между ними, это было бы лучше и для нихъ и для дѣла Божія. Общины и другія внѣшнія организаціи кажутся мнѣ полезными и законными только тогда, когда онѣ суть неизбѣжныя послѣдствія соотвѣтствующаго внутренняго состоянія. И потому, если два человѣка по соображенію, что имъ выгоднѣе жить въ одномъ домѣ и ѣсть одинъ обѣдъ, сказали бы другъ другу: «давай будемъ жить въ одномъ домѣ и обѣдать вмѣстѣ», очень мало вѣроятія, чтобы они устояли и жили вмѣстѣ, не ощущая очень многихъ невыгодъ и непріятностей, которыя превысили бы ожидаемыя выгоды и радости; но если два человѣка, часто встрѣчающіеся, полюбили бы другъ друга и стали бы совершенно равнодушны къ своему образу жизни и къ ѣдѣ и сказали бы другъ другу: «зачѣмъ намъ жить врозь, если намъ безразличенъ нашъ образъ жизни и наша пища и намъ пріятнѣе жить вмѣстѣ?» Тогда весьма вѣроятно, что такіе люди будутъ жить вмѣстѣ до смерти. Болѣе того: если бы одинъ изъ этихъ людей былъ равнодушенъ къ своему образу жизни и пищѣ и полюбилъ бы другого, то такіе два человѣка подошли бы одинъ къ другому. И потому главное основаніе для организаціи общины лежитъ въ душѣ каждаго человѣка. Люди естественно тянутся другъ къ другу (въ этомъ тайна божеской любви) и для того, чтобы соединиться, нужно каждому сдѣлать себя способнымъ къ единенію и тогда единеніе воспослѣдуетъ. Если даже мы думаемъ, что единеніе можетъ быть достигнуто на-

шими собственными усиліями, и въ этомъ случаѣ, предварительно, мы должны стать готовыми къ единенію.

«Мнѣ также очень интересно то, что вы говорите объ анархистахъ и объ ихъ приближеніи къ намъ. Дай Богъ, чтобы это было такъ. Сообщите мнѣ болѣе подробно, когда узнаете объ этомъ.

«Помогай вамъ Богъ въ вашей работѣ.

«Левъ Толстой» [1]).

28 іюля 1896 г.

Мы полагаемъ, что приведенныя письма достаточно опредѣляютъ отношеніе Л. Н—ча къ земледѣльческимъ интеллигентскимъ колоніямъ и общинамъ.

Отношеніе это, какъ мы видимъ, сдержанное. Сочувствіе его явно склонялось на сторону личныхъ, неорганизованныхъ усилій. Это сочувствіе ясно проглядываетъ въ письмѣ къ его другу В. П. А—ву, гдѣ онъ между прочимъ пишетъ:

«Вы говорите, что вы, какъ будто, плачетесь на жизнь. Нѣтъ, вы не плачетесь, а вы недовольны не ею, но собою въ ней, какъ и я всегда въ хорошія минуты недоволенъ. А вы всегда недовольны, потому что всегда стремитесь къ лучшему и съ одной ступени всегда переставляете ногу на другую. И помогай вамъ Богъ. Только на дняхъ пріѣхалъ одинъ бывшій морской офицеръ, другъ и товарищъ теперь по жизни Б., и разсказывалъ про общину А. Живутъ они тамъ 15 человѣкъ: 8 мужчинъ и 7 женщинъ, — прекрасно, трудолюбиво, воздержно — картофель, горохъ, снятое молоко не всегда и чай 2 раза въ недѣлю, и чисто и любовно, помогая окрестнымъ бѣднымъ, но одно не совсѣмъ хорошо, что нѣкоторые изъ нихъ думаютъ и говорятъ, что христіанину нѣтъ другой жизни, какъ въ общинѣ, что во всякой другой жизни, напримѣръ такой, какъ вы, какъ я — мы участвуемъ въ людоѣдствѣ— сработаемъ на

[1]) Архивъ П. И. Бирюкова.

30 коп., а съѣдимъ на 1 руб. И мнѣ это нравится — нравится то яркое выставленіе грѣха, про который мы такъ склонны забывать, но въ отвѣтъ на это и въ связи съ воспоминаніемъ о васъ приходитъ въ голову слѣдующая воображаемая исторія, которую я бы желалъ написать, коли бы были сила и время. Живетъ юноша, поступаетъ въ учебное заведеніе, предается наукѣ, но скоро, увидавъ и тщету и незаконность досуга и жира научниковъ, бросаетъ, идетъ въ революцію, но познавъ гордость, жестокость, исключительность революціонеровъ, бросаетъ, идетъ въ народъ. Въ народѣ суевѣрія, эгоизмъ, борьба за существованіе отталкиваетъ его. Можетъ даже пойти на время въ православіе, въ монастырь — лицемѣріе. Попадаетъ въ общину, тоже находитъ не то, выходитъ. Тутъ сходится съ женщиной, которой увлекается, тѣмъ болѣе, что она какъ будто раздѣляетъ его стремленія — сходится, родитъ дѣтей, находитъ въ ней совсѣмъ другое, не то, чего онъ ждалъ, мучается съ ней, она бросаетъ его, онъ остается одинъ, живетъ у пріятеля, самъ не зная что дѣлать, какъ жить, но какъ и вездѣ и всегда любя людей вокругъ себя и помогая имъ, и тутъ умираетъ. И умирая говоритъ себѣ: «Неудачникъ я, пустой, дрянной человѣкъ, никуда не годился, за что ни брался, ничего не могъ додѣлать, никому даже не нужный, никого не умѣлъ даже привязать къ себѣ». И ударяетъ себя въ грудь и говоритъ: «Пустой, дрянной я человѣкъ. Боже, милостивъ, буди мнѣ грѣшному». Я думаю, что ему хорошо, и я желалъ бы быть имъ. Такой спасется и внѣ общины».

То же сочувствіе единоличному труду выражается и въ письмѣ ко мнѣ; онъ писалъ такъ:

«Завидую вамъ, что вы работаете, т.-е. не завидую, а радуюсь за васъ. Держитесь работы, какъ можно. Не насилуйте себя, не уставайте очень, но не выходите изъ привычки работы. Я вижу по Булыгину, который очень хорошъ и твердъ, какъ это трудно и какъ безъ этого

неловко. Надо въ нашемъ положеніи дѣлать усиліе, чтобы стать въ эти условія работы — усиліе небольшое, но усиліе. И когда его сдѣлаешь, то хорошо. Я не сдѣлалъ его еще нынѣшній годъ. Пріѣхалъ я поздно: все было вспахано, да и хотѣлось писать, да и слабѣе себя чувствовалъ, такъ меня и охватила барская жизнь, изъ которой надо вырваться съ Машей и вырваться, не раздраживъ никого. Надѣюсь это сдѣлать, какъ ни кажется плохо, а я вижу признаки приближенія къ моему свѣту и молюсь объ этомъ» [1]).

«. . . По письму вашему вижу, что вамъ живется хорошо. Помогай вамъ Богъ. На Машу не перестаю, радуюсь. Съ утра она съ своими 6-ю школьниками до 12 учитъ разумно, любовно, терпѣливо. Потомъ работаетъ около себя или ковры на крышу, потомъ письма свои и мои, переписка, доеніе коровъ, и только ждетъ работы со мной; потомъ отношенія со всѣми домашними простыя, ровныя, дружелюбныя, но не шуточно пустяшныя, какъ между другими. Всѣ такъ и привыкли, что она не такая, какъ всѣ, но другой, чудной, нелегкомысленный, но добрый человѣкъ. И всѣ любятъ ее. Не говоря уже о томъ, что всѣ нужды до меня или до жены всегда почти идутъ черезъ нее» [2]).

Они вмѣстѣ страдали и утѣшались, кротко перенося всѣ препятствія, которыя ставила жизнь ихъ стремленіямъ. А у Л. Н—ча эта постоянная борьба вызывала мысли о смерти, въ которыхъ онъ каялся своимъ друзьямъ. Около этого же времени онъ между прочимъ писалъ мнѣ:

«Маша все также работаетъ просто, тихо для удовлетворенія своей совѣсти. Хотѣли мы съ ней возить навозъ, но оставили, чтобы не раздражать. Вотъ наступаетъ покосъ, который ждемъ, какъ удовольствія.

---

[1]) Архивъ П. И. Бирюкова.
[2]) Тамъ же.

— Маша мнѣ большая радость дома. Часто тяготитъ тоже роскошная безнравственная жизнь, тѣмъ болѣе, что чувствуется всѣми, что неправда ея извѣстна и нѣтъ въ ней прежней невинности, безсознательности, и только на Машѣ отдыхаетъ душа. — Про себя покаюсь, что все больше и больше, чаще и чаще хочется умереть. Какъ разъ Чертковъ пишетъ про это и доказываетъ мнѣ, что это грѣхъ. Я согласенъ, что это такъ, и каюсь въ этомъ. Происходитъ это отъ того, что отъ нездоровья или отъ годовъ прежняя дѣятельность уменьшилась, а хочется попрежнему работать, недоволенъ своей работой и заглянулъ какъ будто уже за дверь туда, и манитъ. Надѣюсь пережить это. Знаете, при достиженіи каждой ступени возраста: отрочества, юности, возмужалости трудно не радоваться и не заглядывать впередъ. Такъ и достигнувъ старости съ раскрывающейся будущностью. Но, разумѣется, это не надо. Все пишу «Крейцерову сонату». Нехорошо. Поповъ уѣхалъ къ А—ну».

Но вотъ общины распадаются. Л. Н—чъ не огорчается этимъ. Онъ пишетъ между прочимъ Хилкову:

«Третьяго дня получилъ ваше письмо, Д. А., и сейчасъ опять перечелъ его. Постараюсь отвѣтить на главное содержаніе его, какъ я его понимаю. Что жъ за бѣда, что общины распались? Если бы мы считали, что эти общины образцы того, какъ должно осуществиться въ мірѣ ученіе Христа и какъ установить Царство Божіе, тогда это было бы ужасно: тогда распаденіе общины показало бы несостоятельность ученія Христа: но такъ вѣдь не смотрѣли на эти общины не только мы со стороны, но и участвовавшіе въ нихъ. (Если кто такъ смотрѣлъ, то распаденіе исправитъ этотъ ложный взглядъ, и потому распаденіе въ этомъ смыслѣ даже полезно). Общины эти были извѣстной формой жизни, которую избрали нѣкоторые люди въ своемъ движеніи по пути, указанномъ Христомъ, другіе люди избрали

другія формы — или другіе люди были поставлены въ другія условія, какъ я, Ге и всѣ люди, идущіе по тому же пути. И какъ вы сами пишете, что какъ ни хороши поселенія отдѣльныя, они хороши, пока нужны, — всякія формы, какъ формы, непремѣнно переходныя, какъ волны. Если общины распались, то только потому, что люди, жившіе въ нихъ, выросли изъ своей оболочки и разорвали ее. И этому можно только радоваться»[1]).

И въ дневникѣ того времени онъ записываетъ подобную мысль:

«Съ N. говорилъ о томъ, почему разрушились общины.

«Общины не обманывали себя, что онѣ свободны отъ собственности, если онѣ владѣютъ сообща; а видѣли, что онѣ удерживали собственность вмѣстѣ такъ же, какъ и прежде удерживали порознь. Окружающіе тащили, а имъ надо было держать. И держать нельзя было, потому что у жившихъ вмѣстѣ людей та степень, дальше которой человѣкъ не можетъ уступить, была не одна и та же. Отъ того разладъ. Оказалось, что жить надо въ той перетасовкѣ чернаго и бѣлаго и тѣхъ тѣней, въ которой мы всѣ находимся, а не выдѣляться однимъ болѣе или менѣе свѣтлымъ и окрашиваться еще одной краской.

«Жить можно только перестращенными съ всякими людьми. Жить же святымъ вмѣстѣ нельзя. Они всѣ помрутъ.

«Жить нельзя однимъ святымъ. И для Божьяго дѣла невыгодно. Одно сходится съ другимъ[2]).

---

[1]) Архивъ Черткова.

[2]) Тамъ же.

ГЛАВА V

Оптина Пустынь. Что есть истина. Молитва

1890 г.

Въ началѣ 1890 года въ Ясной Полянѣ въ семьѣ Толстыхъ замѣтно нѣкоторое затишье, реакція послѣ бурнаго рождественскаго веселья, сопровождавшаго постановку «Плодовъ просвѣщенія».

Дочери Л. Н—ча открыли школу для яснополянскихъ ребятъ въ домѣ одного изъ дворовыхъ. Главнымъ образомъ этимъ дѣломъ занималась Марья Львовна.

Но школа эта просуществовала недолго, около двухъ мѣсяцевъ. Она была открыта безъ разрѣшенія подлежащихъ властей, и какъ только до этихъ властей дошло свѣдѣніе о существованіи школы, руководимой Л. Н—чемъ, было сдѣлано распоряженіе объ ея закрытіи. Распоряженіе это привелъ въ исполненіе самъ губернаторъ, Н. А. Зиновьевъ, очень сочувственно относившійся ко Л. Н—чу; ему часто приходилось попадать въ такое неловкое положеніе. И это неизбѣжно двойственное отношеніе его ко Л. Н—чу и привело его къ увольненію отъ должности тульскаго губернатора и къ переводу его въ другую губернію.

Л. Н—чъ былъ занятъ окончательной отдѣлкой «Плодовъ Просвѣщенія».

Въ апрѣлѣ комедія была поставлена въ Царскомъ Селѣ, въ Китайскомъ театрѣ, въ присутствіи государя и имѣла большой успѣхъ. Она была напечатана въ сборникѣ «Въ память Юрьева».

Въ самомъ Л. Н—чѣ шла постоянная внутренняя работа и выработка новаго высшаго, любовнаго отношенія къ окружающей его средѣ семейной и къ средѣ своихъ многочисленныхъ посѣтителей, какъ принадлежащихъ къ его прежнему кругу, большей частью не со-

чувствовавшихъ его новымъ взглядамъ, хотя и выказывавшихъ ему уваженіе и преклоненіе предъ его художественнымъ геніемъ, такъ и къ поклонителямъ новаго типа, его единомышленникамъ, въ которыхъ онъ дорожилъ больше всего искренностью, правдивымъ отношеніемъ къ тому образу жизни, который подвергался критикѣ проснувшимся сознаніемъ, но отъ котораго такъ трудно было очиститься.

Внутренняя работа его яснѣе всего отражалась въ записяхъ его дневника. Тамъ же мы находимъ и мысли, вызванныя чтеніемъ нѣкоторыхъ интересовавшихъ его книгъ и журналовъ, во множествѣ получавшихся имъ со всѣхъ сторонъ свѣта.

Вотъ нѣсколько выписокъ изъ его январскаго дневника 1890 года.

«3 января 1890 г. Ясная Поляна. Пророкъ, настоящій пророкъ, или еще лучше поэтъ (дѣлающій), это человѣкъ, который впередъ думаетъ и понимаетъ, что люди и самъ онъ будетъ чувствовать. Я самъ для себя такой пророкъ. Я всегда думало то, что еще не чувствую, напр. несправедливость жизни богатыхъ, потребность труда и т. п., и потомъ очень скоро начинаю чувствовать это самое».

«. . . Читалъ: Эмерсону сказали, что міръ скоро кончится. Онъ отвѣчалъ: «Well, I can get along without it» [1]). Очень важно.

«Мы ищемъ ума, силы, доброты, совершенства во всемъ этомъ, а совершенства не дано человѣку ни въ чемъ — совершенства не можетъ быть ни въ чемъ, ни въ умѣ, ни въ добротѣ, — можетъ быть одно: соотвѣтствіе къ тому, гдѣ ты, «in seinen Platz passen» [2]). Этого можно достигнуть, и тогда полное спокойствіе и удовлетвореніе. Даетъ это главное — смиреніе».

---

[1]) Да, но я обойдусь и безъ него.

[2]) Войти въ свое мѣсто.

«5—9 января. Первая стадія — за зло платить; вторая — зло перенести; третья — пожалѣть злящагося; четвертая — помочь ему. Вотъ этому надо учиться»[1]).

Уже по этимъ нѣсколькимъ выпискамъ можно замѣтить, что къ этому времени, т.-е. къ концу 80-хъ и къ началу 90-хъ годовъ, въ душевномъ состояніи Л. Н—ча замѣчается нѣкоторый поворотъ, или, вѣрнѣе, восхожденіе на слѣдующую ступень нравственной лѣстницы. Это измѣненіе мы замѣчаемъ въ томъ, что Л. Н—чъ перестаетъ считать важнымъ употребленіе духовной энергіи на борьбу съ окружающимъ внѣшнимъ міромъ, а все опредѣленнѣе и настойчивѣе указываетъ на смиренное перенесеніе несоотвѣтствія внѣшней обстановки внутреннему сознанію и на необходимость направить всѣ силы человѣка на это внутреннее очищеніе себя. Такого рода замѣтку мы встрѣчаемъ и въ февральскомъ и въ дальнѣйшемъ дневникѣ и тѣ же мысли онъ выражаетъ въ письмахъ того времени къ своимъ друзьямъ.

11 февраля онъ записываетъ: «Главный соблазнъ въ моемъ положеніи тотъ, что жизнь въ ненормальныхъ условіяхъ роскоши, допущенная сначала изъ-за того, чтобы не нарушить любви, потомъ захватываетъ своимъ соблазномъ и не знаешь, живешь такъ изъ страха нарушить любовь, или изъ подчиненія соблазну?»

Эта опасность пассивнаго отношенія къ внѣшнимъ условіямъ съ другой стороны также безпокоила его и онъ обращался къ близкимъ людямъ, прося обличенія. Долженъ сознаться, что и мнѣ пришлось написать Л. Н—чу нѣсколько словъ о томъ, какое тяжелое впечатлѣніе произвело на меня извѣстіе о шумномъ весельѣ въ Ясной Полянѣ, въ которомъ Л. Н—чъ принималъ участіе. Конечно, я не преминулъ выразить ему и то,

[1]) Архивъ В. Г. Черткова.

что это извѣстіе ни на іоту не уменьшило моего уваженія и любви къ нему.

Въ отвѣтъ на это, въ полномъ обычной нѣжности письмѣ ко мнѣ, онъ говоритъ:

«Спасибо, милый другъ, за письмо и за правду. Мы васъ также любимъ, вы въ это вѣрьте. Жизнь и формы ея пускай будутъ впереди, а любовь пускай будетъ неразлучно съ нами. — Ваше письмо еще эгоистично тронуло меня. Мнѣ здорово вспоминать, что я живу дурно и подъ предлогомъ избѣганія вражды подчиняюсь своимъ слабостямъ, похотямъ тѣла. Другъ мой, любя меня, напишите мнѣ, не смягчая, а въ самой строгоіі формѣ, сужденія обо мнѣ, осуждающія меня, не называя никого. Вы вѣдь много такихъ слышали».

Написать строгое обличеніе Л. Н—чу для меня было врядъ ли по силамъ. Желая исполнить въ точности его просьбу, я собралъ все, что могъ въ умѣ своемъ, что я слышалъ серьезнаго въ сужденіяхъ о немъ и написалъ ему, на что получилъ скорый отвѣтъ:

«Спасибо, милый другъ, за скорый отвѣтъ и за содержаніе его. Это не совсѣмъ то, чего я желаю, но и то хорошо и за то спасибо. Вотъ то, что про меня говорятъ, что я вмѣсто того, чтобы жить хорошо, живу дурно и изъ своей дурной жизни пишу совѣты, какъ жить хорошо, вотъ это вѣрно и то, что нужно мнѣ. И другое все вѣрно, но это не то, что нужно, настоящее указаніе грѣха. Кабы еще да побольше кольнуло меня, потому что правда, и подѣйствовало. Будемъ помогать другъ другу. Помогайте мнѣ. Ко мнѣ обращаются за помощью, а мнѣ какъ ея нужно»[1]).

Слухи о рождественскихъ праздникахъ, спектаклѣ и весельи въ Ясной Полянѣ проникли въ печать и услужливые журналисты расписали все это въ преувеличенномъ видѣ, дойдя до такихъ абсурдовъ, какъ

[1]) Архивъ П. И. Бирюкова.

утвержденіе, что въ Ясной Полянѣ былъ балъ, на которомъ Л. Н—чъ танцовалъ во фракѣ. Быть можетъ, кто-нибудь изъ присутствовавшихъ разсказалъ это въ видѣ шутки, принятой за чистую монету. Такъ или иначе, но это извѣстіе смутило многихъ почитателей Л. Н—ча и одинъ изъ нихъ, г-нъ Воробьевъ, бывшій тогда начальникомъ станціи на одной изъ южныхъ дорогъ, обратился ко Л. Н—чу за разъясненіемъ, на что получилъ отъ него слѣдующій отвѣтъ:

«Разъяснять то, что въ газетномъ извѣстіи несправедливо, не считаю возможнымъ въ письмѣ, да это и не нужно. Одно, что вамъ нужно, это знать, продолжаю ли я такъ же смотрѣть на жизнь и стараюсь ли я такъ жить, какъ я высказалъ въ своихъ писаніяхъ. На этотъ вопросъ отвѣчаю, что чѣмъ больше я подхожу къ плотской смерти, тѣмъ несомнѣннѣе для меня истинность высказаннаго мною взгляда на жизнь, тѣмъ настоятельнѣе для меня требованія моей совѣсти и тѣмъ радостнѣе мнѣ имъ слѣдовать. Вотъ тутъ-то я боюсь, судя по первому отвѣту вашему на мое письмо и по сегодняшнему письму, что у васъ другимъ, чѣмъ у меня, опредѣляется исполненіе требованія совѣсти. Каждый изъ насъ, познавъ истину, застаетъ себя въ извѣстномъ далекомъ отъ истины положеніи, въ связяхъ, узлами завязанныхъ и мертвыми петлями, нашими грѣхами затянутыхъ связяхъ съ людьми міра. И человѣку, познавшему истину, прежде всего представляется, что главное, что онъ долженъ дѣлать, состоитъ въ томъ, чтобы сейчасъ же, во что бы то ни стало, выйти изъ тѣхъ условій, въ которыхъ онъ находится и поставить себя въ такія условія, находясь въ которыхъ ясно было бы видно людямъ, что я живу по закону Христа, и жить въ этихъ условіяхъ, показывая людямъ примѣръ истинной христіанской жизни. Но это не такъ: требованія совѣсти не состоятъ въ томъ, чтобы быть въ томъ или иномъ положеніи, а въ томъ, чтобы жить, не нарушая любви къ Богу и

ближнему. Христіанинъ всегда будетъ стремиться къ чистой отъ грѣха жизни, всегда изберетъ такую жизнь, если для достиженія ея не будутъ требоваться отъ него дѣла, нарушающія любовь; но дѣло въ томъ, что никогда человѣкъ не бываетъ такъ мало связанъ своими и чужими грѣхами съ прошлымъ, чтобы быть въ состояніи, не нарушая любви къ Богу и ближнему, сразу вступить въ такое внѣшнее положеніе. Всякій христіанинъ среди мірскихъ людей находится въ такихъ условіяхъ, что для того, чтобы ему приблизиться къ этому положенію, ему надо прежде распутывать узлы прежнихъ грѣховъ, которыми онъ связанъ съ людьми, и потому главная и первая его задача въ томъ, чтобы по закону любви къ Богу и ближнему распутывать эти узлы, а не затягивать ихъ, и главное, не дѣлать больно тѣмъ, съ кѣмъ онъ связанъ. Дѣло христіанина не въ какомъ-нибудь извѣстномъ положеніи, въ положеніи земледѣльца или т. п., а въ исполненіи воли Бога. Воля Бога же въ томъ, чтобы на всѣ требованія жизни отвѣчать такъ, какъ того требуетъ любовь къ Богу и къ людямъ. И потому опредѣлять близость или отдаленность себя и другихъ отъ идеала Христа никакъ нельзя по тому положенію, въ которомъ находится человѣкъ, и по тѣмъ поступкамъ, которые онъ совершаетъ.

«Отвращеніе христіанина къ мірской жизни всегда будетъ одно и то же и не можетъ измѣниться и потому поступки христіанина будутъ всегда клониться къ тому, чтобы уйти отъ зла, суеты, роскоши, жестокости мірской жизни и придти къ самому низкому, презираемому въ мірскомъ смыслѣ, положенію. Но то, въ какомъ будетъ находиться христіанинъ положеніи, будетъ зависѣть отъ условій, въ которыхъ его застало сознаніе истины и отъ степени чуткости его къ страданіямъ другихъ. Его поступки могутъ привести его на висѣлицу, въ тюрьму, въ ночлежный домъ, но могутъ привести его и во дворецъ и на балъ. Важно не положеніе, въ которомъ на-

ходится человѣкъ, а тѣ поступки, которые привели его въ положеніе, въ которомъ онъ находится: судьей же въ поступкахъ можетъ быть только онъ самъ и Богъ».

Въ одномъ изъ цитированныхъ мною писемъ Л. Н—ча ко мнѣ отъ 15 іюля 1890 г. онъ дѣлаетъ большую интересную приписку, дѣлясь со мной матеріаломъ для начатой мною литературной работы по исторіи истиннаго христіанства. Работа вызвана была нѣкоторыми размышленіями, которыя я сообщилъ Л. Н—чу по поводу бывшей въ Парижѣ въ 1889 году всемірной выставки, гдѣ съ такимъ блескомъ былъ показанъ всему міру прогрессъ внѣшней, технической и языческой культуры, во главѣ съ знаменитой Эйфелевой башней. Я высказалъ робкую мысль, что это чудо техники не знаменуетъ собою истинный прогрессъ человѣчества и что его надо искать въ иной области, именно въ болѣе послѣдовательномъ проведеніи въ жизнь христіанскихъ началъ, чему мы уже видѣли примѣры. Отъ этого положенія я переходилъ къ перечисленію подобныхъ примѣровъ въ прошедшемъ и это навело меня на мысль написать исторію истиннаго христіанства, т.-е. исторію не господствующихъ церквей, какъ это пишется обыкновенно, а исторію гонимыхъ ересей. Л. Н—чъ очень сочувствовалъ этой работѣ и поощрялъ меня въ ней [1]).

Въ этой припискѣ онъ пишетъ слѣдующее:

«Какъ хорошо бы продолжать и написать то, что

---

[1]) Работа была мною начата и обдумана и матеріалъ собранъ въ значительномъ количествѣ; но къ сожалѣнію обстоятельства жизни отвлекли мою энергію на другое. Болѣе законченнымъ оказалось введеніе, подъ названіемъ «Весна человѣчества», напечатанное въ журналѣ «Духовный Христіанинъ». Остальная же работа, доведенная мною до X вѣка, лежитъ въ рукописи и я очень надѣюсь возобновить ее по окончаніи работы біографической.

вы начали. Недавно узналъ, что въ 40-хъ годахъ нашего столѣтія въ Италіи въ горахъ жили люди подъ руководствомъ одного человѣка Лазарони, исповѣдовавшіе непротивленіе злу и практическое христіанство. Имъ велѣно было разойтись. Они не послушались. Въ нихъ стрѣляли и убили нѣсколькихъ и Лазарони. Мнѣ обѣщали подробныя свѣдѣнія. Есть еще «Назарены» въ Сербіи; основалось въ 50-хъ годахъ. О нихъ есть гдѣ-то у меня свѣдѣнія въ письмѣ — очень краткія. При этомъ нужно бы собрать все, что у насъ зародилось и зарождается: Сютаевъ, казакъ въ Сибири (помните рукопись, кажется, Морозова), Зосима, Емельянъ и мн. др.

«Такой сборникъ сначала историческій съ краткими описаніями ученій такъ-называемыхъ ересей и съ выставленіемъ главнаго практически-христіанскаго значенія, потомъ современныхъ проявленій того же была бы драгоцѣнная книга. Въ предисловіи надо бы подчеркнуть то, что какъ было христіанство въ его началѣ при Христѣ и при апостолахъ и при мученикахъ — всегда смиренно, почти тайно, такъ оно осталось и до конца, таково оно и теперь, — съ тою только разницею, что оно прежде захватывало десятки, а теперь захватываетъ десятки тысячъ людей. И что торжествующимъ, блестящимъ, побѣднымъ, какимъ его представляютъ церкви, оно никогда не было и по свойству своему не можетъ быть. — Оно по свойству своему смиренно и незамѣтно; оно и душу человѣческую и все человѣчество захватываетъ безъ треска, такъ что и не знаешь, когда оно вошло и окрѣпло».

Дальше, въ томъ же письмѣ, онъ переходитъ уже къ внутреннимъ вопросамъ жизни:

«Замѣчали ли вы проницательность злобы, того, что мы называемъ злобой, но что есть ни что иное, какъ не на своемъ мѣстѣ запутавшаяся та же доброта и любовь, которыми живъ міръ. Я это говорю по случаю той

пользы, которую мы получаемъ отъ осужденій, и тѣмъ большую, чѣмъ больше они проникнуты злобой. Это какъ какая-то сѣрная кислота, которая выѣдаетъ грязь во всѣхъ закоулкахъ. Чѣмъ ядовитѣе, тѣмъ лучше. Коли бы мы были чисты, на насъ бы не стали употреблять этой сѣрной кислоты, а то наша гадость, вызывая ее, вызываетъ чувство испортившейся любви, которая и представляется злобой и выѣдаетъ и которая полезна очень, очень. А мы, какъ привыкли угощать людей виномъ, мясомъ, обкармливать ихъ, думая дѣлать имъ пользу, такъ мы и обкармливаемъ ихъ лестью. А любя надо дать имъ попоститься, поголодать, и почувствовать то, какъ они воздѣйствуютъ на другихъ».

Внѣшняя жизнь шла своимъ чередомъ.

Въ февралѣ Л. Н—чъ снова совершилъ поѣздку въ Оптину пустынь. Поводомъ этой поѣздки было желаніе навѣстить сестру, жившую тогда уже во вновь построенномъ монастырѣ Шамардинскомъ, близъ г. Бѣлева.

Л. Н—чъ поѣхалъ съ дочерьми и сначала направился черезъ Бѣлевъ, къ сестрѣ, и, не заставъ ее дома, направился уже въ Оптину пустынь, гдѣ его сестра временно гостила. Старецъ Амвросій былъ тогда слабъ и произвелъ на Л. Н—ча впечатлѣніе жалости. Болѣе интересенъ и симпатиченъ ему показался тогда его родственникъ Шидловскій, бывшій уже давно монахомъ. Кромѣ того въ этотъ разъ у Л. Н—ча была продолжительная бесѣда съ извѣстнымъ Леонтьевымъ, бывшимъ сотрудникомъ Каткова, также уже постриженнымъ въ монахи.

Л. Н—ча поразило глубокое суевѣріе Леонтьева, вѣрившаго въ цѣлительную силу какого-то песочка съ могилы старца и серьезно предлагавшаго его Л. Н—чу,

когда рѣчь зашла о какомъ-то недугѣ, которымъ Л. Н—чъ страдалъ.

Софья Андреевна въ своихъ воспоминаніяхъ приводитъ выписки изъ дневника Л. Н—ча того времени. Вотъ наиболѣе интересныя:

«Утромъ 27-го поѣхали въ Оптину Пустынь. Пріѣхали рано. Машенька тамъ и говоритъ объ Амвросіи, и все, что говоритъ — ужасно. Подтверждается, что я видѣлъ въ Кіевѣ: молодые послушники — святые, съ ними Богъ. Старые — не святые, съ ними дьяволъ».

«Вчера былъ у Амвросія, говорили о разныхъ вѣрахъ. Я говорю: гдѣ мы въ Богѣ, т.-е. истинѣ, тамъ всѣ вмѣстѣ; гдѣ мы въ дьяволѣ, т.-е. мы во лжи, тамъ всѣ врознь . . .»

«Борисъ Шидловскій[1]) умилилъ меня; Амвросій, напротивъ, жалокъ своими соблазнами до невозможности . . . На немъ видно, что монастырь — сибаритство . . .»

«28 февраля. Достигъ терпимости православія въ этотъ пріѣздъ. Былъ у Леонтьева, прекрасно бесѣдовали. Онъ сказалъ: «Вы безнадежны», а я сказалъ: «А вы надежны . . .»

Вѣроятно поѣздка въ монастырь и новое соприкосновеніе съ монастырской жизнью вызвало во Л. Н—чѣ мысли, которыя онъ записалъ въ дневникѣ по возвращеніи изъ своей поѣздки.

«9 марта. Поправить жизнь монастырскую, сдѣлать изъ нея христіанскую можно двумя способами:

«1) Перестать брать деньги отъ чужихъ, т.-е. чужіе труды, а жить своимъ трудомъ,

«или 2) Уничтожить всѣ внѣшніе обряды, всѣ, запрещенныя евангеліемъ молитвы общія въ храмахъ (Ме.

[1]) Двоюродный братъ гр. С. А. Толстой, по убѣжденію поступилъ тогда въ монастырь. См. Восп. гр. С. А. Толстой. Толстовскій Ежегодникъ 1913 г. Отдѣлъ «Воспоминанія». Стр. 7.

гл. VI) и все, связанное съ этимъ. Одно держитъ другое, какъ двѣ доски шалашикомъ».

По возвращеніи въ Ясную Л. Н—чъ совершилъ еще поѣздку къ своему брату С. Н—чу въ его имѣніе Пирогово и тамъ заболѣлъ желтухой.

Поправившись отъ болѣзни, онъ писалъ мнѣ:

«Хоть нѣсколько словъ напишу вамъ, милый другъ П., чтобы вы знали про меня настоящее. Былъ боленъ. Три припадка желтухи — и очень ослабѣлъ. Теперь, кажется, лучше, но душевно, слава Богу, очень хорошо и было и есть. Пишите поподробнѣе про себя, про свое духовное состояніе. Мы всѣ живемъ и растемъ и что вы писали мнѣ о томъ, что чувствуете совершающійся не переворотъ, а ступень — я такъ понялъ — меня интересуетъ, и потому что люблю васъ и потому что это общій всѣмъ намъ процессъ. Процессъ этотъ въ старости не кончается.

«Чѣмъ заняты? Какая доля физической, какая умственной работы? Каковы отношенія съ людьми? Что И. Д.? Цѣлую его. У меня былъ во время болѣзни Хилковъ. Я сошелся съ нимъ еще ближе. Были Дунаевъ, Золотаревъ Василій, Рахмановъ, Пастуховъ. Знаете ли вы его? Изъ Академіи Художествъ. Фейнерманъ поѣхалъ къ Алехину. Митрофанъ Алехинъ приглашаетъ въ свою. У него мало народа. Буткевичъ Ан. остался въ Глодосахъ. Я не знаю, что вы знаете съ И. Д., чего нѣтъ. Да, всѣ эти передвиженія, не могу ими интересоваться. Движеніе же духовное, какъ весною: не успѣешь замѣтить одинъ распустившійся цвѣтъ, какъ расцвѣтаетъ другой, а тотъ завязывается. И это не мечта, а самая реальная дѣйствительность».

Не задолго до этого совершилъ свое обычное зимнее путешествіе Н. Н. Ге, каждый годъ возившій свою

картину на передвижную выставку въ Петербургѣ. Какъ всегда, онъ заѣзжалъ по дорогѣ ко Л. Н—чу, въ Москву или Ясную Поляну, и показывалъ прежде всего свою картину ему, ожидая его строгаго суда.

Картина на этотъ разъ была: Христосъ и Пилатъ; Н. Н. Ге далъ ей названіе: «Что есть истина», безъ вопросительнаго знака, согласно толкованію этого мѣста Л. Н—чемъ въ своемъ переводѣ Евангелія, гдѣ онъ считаетъ эту фразу, брошенную Пилатомъ Христу не вопросомъ, обращеннымъ къ нему, а ироническимъ замѣчаніемъ скептика Пилата о томъ, что объ истинѣ и толковать не стоитъ, такъ какъ всѣ знаютъ, что ея нѣтъ.

Л. Н—чъ высоко цѣнилъ эту картину и считалъ ее эпохой въ исторіи живописи. Въ своихъ религіозныхъ размышленіяхъ онъ нерѣдко вспоминалъ ее. Такъ онъ записываетъ 9 марта въ своемъ дневникѣ:

«Церкви сдѣлали изъ Христа Бога, спасающаго, въ котораго надо вѣрить и которому надо молиться. Очевидно, что примѣръ его сталъ не нуженъ. Работа истинныхъ христіанъ именно въ томъ, чтобы раздѣлать эту божественность (картина Ге). Если онъ человѣкъ, то онъ важенъ примѣромъ и спасетъ только такъ, какъ себя спасъ, т.-е. если я буду дѣлать то же, что онъ».

Картина эта, какъ всякое значительное произведеніе, вызвала много споровъ среди цѣнителей искусства. Явились восторженные поклонники ея и полные отрицатели. Отрицатели были двухъ родовъ: одни отрицали съ точки зрѣнія традиціонной эстетики, другіе съ точки зрѣнія церковной религіи. Послѣдніе, какъ стоящіе у власти, пересилили и картина была снята съ выставки.

Ник. Ник., для котораго вопросъ о выставленіи картины и продажи ея имѣлъ и огромное матеріальное значеніе, такъ какъ только на вырученную сумму онъ могъ продолжать жить съ семьей и работать дальше,

конечно былъ огорченъ этимъ снятіемъ картины, но кротко переносилъ это и утѣшалъ себя мыслью о томъ, что запрещеніе имѣетъ огромное идейное значеніе. Послѣ этого запрещенія картины онъ между прочимъ писалъ мнѣ со своего хутора:

«По поводу картины я получилъ здѣсь два чрезвычайно хорошихъ и дорогихъ мнѣ писемъ, одно отъ студента, чрезвычайно восторженное, другое отъ присяжнаго повѣреннаго. — Да, я не жалуюсь и понимаю, что о н и должны были запретить. Не любя Христа нельзя видѣть правдивое его изображеніе. Язычникамъ и жрецамъ не это нужно. Имъ нужно боготвореніе тѣла; духа они не признаютъ и не любятъ».

Л. Н—чъ, желая помочь Н. Н—чу выпутаться изъ его затруднительнаго матеріальнаго положенія, сталъ хлопотать о продажѣ этой картины. Для Ник. Ник. конечно было бы самымъ пріятнымъ пріобрѣтеніе этой картины Третьяковымъ для выставленія ея въ галлереѣ. И Л. Н—чъ просилъ передать Третьякову свое мнѣніе о томъ, что картина эта должна составить эпоху въ живописи. И П. М. Третьяковъ, желая знать отъ самого Л. Н—ча потдвержденіе этого мнѣнія, обратился къ нему съ письмомъ, на которое получилъ такой отвѣтъ:

«Спасибо за доброе письмо ваше, почтенный П. М.

«Что я разумѣю подъ словами «картина Ге составитъ эпоху въ исторіи христіанскаго искусства»? Слѣдующее:

«Католическое искусство выражало преимущественно святыхъ, Мадонну и Христа, какъ Бога. Такъ это шло до послѣдняго времени, когда начались попытки изображать его, какъ историческое лицо.

«Но изобразить, какъ историческое лицо, то лицо, которое признавалось вѣками и признается теперь милліонами людей Богомъ, неудобно: неудобно потому, что такое изображеніе вызываетъ споръ. А споръ нарушаетъ художественное впечатлѣніе. И вотъ я вижу много вся-

кихъ попытокъ выйти изъ затрудненія. Одни прямо съ задоромъ спорили, — таковы у насъ картины Верещагина, даже и Ге «Воскресеніе», — другіе хотѣли трактовать эти сюжеты, какъ историческіе, у насъ Ивановъ, Крамской, опять Ге «Тайная вечеря», третьи хотѣли игнорировать всякій споръ, а просто брали сюжетъ, какъ всѣмъ знакомый, и заботились только о красотѣ, Дорэ, Полѣновъ, и все не выходило дѣло.

«Потомъ были еще попытки свести Христа съ неба, какъ Бога, и съ пьедестала историческаго лица на почву красивой обыденной жизни, придавая этой обыденной жизни религіозное освѣщеніе, нѣсколько мистическое. Такова Ге «Милосердіе» и французскаго художника Христосъ въ видѣ священника, босой, среди дѣтей и др. И все не выходило.

«И вотъ Ге взялъ самый простой и теперь понятный послѣ того, какъ онъ взялъ его, мотивъ: Христосъ и его ученіе не на однихъ словахъ, а на дѣлѣ, въ столкновеніи съ ученіемъ міра, т.-е. тотъ мотивъ, который составлялъ тогда и теперь составляетъ главное значеніе явленія Христа, и значеніе не спорное, такое, съ которымъ не могутъ не быть согласны и церковники, признающіе Его Богомъ, и историки, признающіе Его важнымъ лицомъ въ исторіи, и христіане, признающіе главное въ немъ — Его нравственное ученіе.

«На картинѣ изображенъ съ совершенной исторической вѣрностью тотъ моментъ, когда Христа водили, мучили, били, таскали изъ одной кутузки въ другую, отъ одного начальства къ другому и привели къ губернатору, добрѣйшему малому, которому нѣтъ дѣла ни до Христа ни до евреевъ, ни еще менѣе до какой-то истины, о которой ему, знакомому со всѣми ученіями и философіями Рима, толкуетъ этотъ оборванецъ, ему дѣло только до высшаго начальства, чтобы не ошибиться передъ нимъ. Христосъ видитъ, что предъ нимъ заблудшій человѣкъ, заплывшій жиромъ: но онъ не рѣ-

шается отвергнуть его по одному виду и потому начинаетъ высказывать ему сущность своего ученія, но губернатору не до того, онъ говоритъ: «какая такая истина» и уходитъ. И Христосъ съ грустью смотритъ на этого непроницаемаго человѣка.

«Таково было положеніе тогда, такое положеніе тысячи, милліоны разъ повторяется вездѣ, всегда между ученіями истины и представителями сего міра. И это выражено на картинѣ. Это вѣрно исторически и вѣрно современно, и потому хватаетъ за сердце всякаго того, у кого есть сердце.

«Ну вотъ такое отношеніе къ христіанству и составляетъ эпоху въ искусствѣ, потому что такого рода картинъ можетъ быть бездна, и будетъ»[1]).

Картина эта была дѣйствительно пріобрѣтена П. М. Третьяковымъ. Но прежде чѣмъ быть выставленной въ галлереѣ, картина должна была совершить путешествіе въ Америку. Везти ее туда взялся присяжный повѣренный Ильинъ, впослѣдствіе какъ-то странно отшатнувшійся отъ этого дѣла, но сначала онъ былъ искреннимъ, преданнымъ ему человѣкомъ.

Часть денегъ, полученныхъ отъ Третьякова, была употреблена на отправку этой картины. Чтобы обезпечить ея успѣхъ, опять на помощь пришелъ Л. Н—чъ, написавшій большое и интересное письмо американцу Кенану, посѣтившему его еще въ 1887 году. Въ этомъ письмѣ онъ выставляетъ съ новой стороны значеніе этой картины и попутно высказываетъ интересныя мысли вообще о христіанской религіозной живописи:

«Нынѣшней зимой появилась на петербургской выставкѣ передвижниковъ картина Н. Ге — Христосъ передъ Пилатомъ, подъ названіемъ «Что есть истина» (Іоан. XVIII, 38). Не говоря о томъ, что картина написана большимъ мастеромъ (профессоръ академіи) и

[1]) Архивъ Черткова.

извѣстнымъ своими картинами — самая замѣчательная «Тайная вечеря» — художникомъ, картина эта, кромѣ мастерской техники, обратила особенное вниманіе всѣхъ силою выраженія основной мысли и новизною и искренностью отношенія къ предмету. Какъ вѣрно говоритъ, кажется, Swift, что: we shall find that to be the best fruit which the birds have been pitching at, картина эта вызвала страшные нападки до такой степени, что ее сняли съ выставки и запретили показывать. Теперь одинъ адвокатъ (я не знаю его) рѣшился на свой счетъ и рискъ везти картину въ Америку, и вчера я получилъ письмо о томъ, что картина уѣхала. Цѣль моего письма — та, чтобы обратить ваше вниманіе на эту, по моему мнѣнію, составляющую эпоху въ исторіи христіанской живописи, картину, и если она, какъ я почти увѣренъ, произведетъ на васъ то же впечатлѣніе, какъ на меня, то я хочу просить васъ содѣйствовать пониманію ея американской публикой, растолковать ее. Смыслъ картины, на мой взглядъ, слѣдующій . Въ историческомъ отношеніи она выражаетъ ту минуту, когда Іисуса послѣ безсонной ночи, во время которой его связаннаго водили изъ мѣста въ мѣсто и били, привели къ Пилату. Пилатъ живетъ только интересами метрополіи и, разумѣется, съ презрѣніемъ и нѣкоторой гадливостью относится къ тѣмъ смутамъ, да еще религіознымъ, грубаго суевѣрнаго народа, которымъ онъ управляетъ. Тутъ-то происходитъ разговоръ (Іоан. XVIII, 33, 38), въ которомъ добродушный губернаторъ хочетъ спуститься en bon prince до варварскихъ интересовъ своихъ подчиненныхъ, и, какъ это свойственно важнымъ людямъ, составилъ себѣ понятіе о томъ, о чемъ онъ и спрашиваетъ, и самъ впередъ говоритъ, не интересуясь даже отвѣтомъ. Съ улыбкой снисхожденія (я полагаю) все говоритъ: такъ ты царь! Іисусъ измученъ, и одного взгляда на это выхоленное, самодовольное, отупѣвшее отъ роскошной жизни лицо достаточно, чтобы

понять ту пропасть, которая ихъ раздѣляетъ, и невозможность или страшную трудность для Пилата понять его ученіе. Но Іисусъ помнитъ, что и Пилатъ человѣкъ и братъ, заблудшій, но братъ, и что онъ не имѣетъ права не открывать ему ту истину, которую онъ открываетъ людямъ, и онъ начинаетъ говорить (37). Но Пилатъ останавливаетъ его на словѣ — истина. Что можетъ оборванный нищій сказать ему, другу и собесѣднику римскихъ поэтовъ и философовъ, сказать объ истинѣ? Ему не интересно дослушивать, что ему можетъ сказать этотъ еврей и даже немножко непріятно, что этотъ бродяга можетъ вообразить, что онъ можетъ поучать римскаго вельможу, и потому онъ сразу останавливаетъ его и показываетъ ему, что объ этомъ словѣ и понятіи истина думали люди, поумнѣе, поученѣе и поутонченнѣе его и его евреевъ и давно уже рѣшили, что нельзя знать, что такое истина, что истина — пустое слово. И сказавъ: «что есть истина» и повернувшись на каблукѣ, добродушный и самодовольный губернаторъ уходитъ къ себѣ. А Іисусу жалко человѣка и страшно за ту пучину лжи, которая отдѣляетъ его и такихъ людей отъ истины, и это выражено на его лицѣ. Достоинство картины, по моему мнѣнію, въ томъ, что она правдива (реалистична, какъ говорятъ теперь) въ самомъ настоящемъ значеніи слова. Христосъ не такой, какого пріятно бы было видѣть, а именно такой, какимъ долженъ быть человѣкъ, котораго мучили цѣлую ночь и ведутъ мучить. И Пилатъ такой, какимъ долженъ быть губернаторъ. Эпоху же въ христіанской живописи эта картина производитъ потому, что она устанавливаетъ новое отношеніе къ христіанскимъ сюжетамъ. Это не есть отношеніе къ христіанскимъ сюжетамъ, какъ къ историческимъ событіямъ, какъ это требовали многіе и всегда неудачно, потому что отреченіе Наполеона или смерть Елизаветы представляютъ нѣчто важное по важности лицъ изображаемыхъ: но

Христосъ въ то время, когда дѣйствовалъ, не былъ не только важенъ, но даже и замѣтенъ, и потому картины изъ его жизни никогда не будутъ историческими: отношеніе къ Христу, какъ Богу, произвело много картинъ, высшее совершенство которыхъ давно уже позади насъ. Въ настоящее время дѣлаютъ попытки изобразить нравственное пониманіе жизни и ученія Христа. И попытки эти до сихъ поръ были неудачны. Ге же нашелъ въ жизни Христа такой моментъ, который важенъ былъ для него, для ученія и который точно такъ же важенъ теперь для всѣхъ насъ и повторяется вездѣ и во всемъ мірѣ, въ борьбѣ нравственнаго, разумнаго сознанія человѣка, проявляющагося не въ блестящихъ сферахъ жизни, съ преданіями утонченнаго, добродушнаго и самоувѣреннаго насилія, подавляющаго это сознаніе. И такихъ моментовъ много, и впечатлѣніе, производимое изображеніемъ такихъ моментовъ, очень сильно и плодотворно».

Картина благополучно вернулась изъ Америки и теперь находится въ Третьяковской галлереѣ.

Повѣсть «Крейцерова соната», написанная Л. Н—чемъ въ предыдущемъ 1889 году, запрещенная въ «Сборникѣ памяти Юрьева», продолжала быстро распространяться во многочисленныхъ рукописяхъ, гектографированныхъ копіяхъ и заграничныхъ изданіяхъ. Всюду она поднимала серьезные и жаркіе споры за и противъ высказанныхъ въ ней идей, читались рефераты, писались сочиненія, критики. И особенно много получалось Л. Н—чемъ писемъ съ одобреніями, порицаніями и съ вопросами, разъясняющими то или другое положеніе повѣсти. Л. Н—чъ терпѣливо прочитывалъ весь этотъ матеріалъ и на письма, казавшіяся ему серьезными, старательно отвѣчалъ.

Высказываемыя въ письмахъ и разговорахъ мысли

наводили и Л. Н—ча на размышленія по этимъ вопросамъ.

Интересны указанія на источники нѣкоторыхъ основныхъ мыслей, выраженныхъ въ «Крейцеровой сонатѣ». Указаніе это мы находимъ въ дневникѣ Л. Н—ча того времени:

«Многія изъ тѣхъ мыслей, которыя я высказывалъ въ послѣднее время, принадлежатъ не мнѣ, а людямъ, чувствующимъ родство со мной и обращающимся ко мнѣ со своими вопросами, недоумѣніями, мыслями, планами.

«Такъ основная мысль, скорѣе сказать, чувство «Крейцеровой сонаты» принадлежитъ одной женщинѣ, славянкѣ, писавшей мнѣ комическое по языку письмо, но значительное по содержанію, объ угнетеніи женщинъ половыми требованіями. Потомъ она была у меня и оставила сильное впечатлѣніе.

«Мысль о томъ, что стихъ Матѳея: «если взглянешь на женщину съ вожделѣніемъ» и т. д. относится не только къ чужимъ женамъ, но и къ своей, передана мнѣ англичаниномъ, писавшимъ это.

«И такъ много другихъ»[1]).

Отношенія къ «Крейцеровой сонатѣ» были самыя разнообразныя. Для Л. Н—ча это отчасти былъ пробный камень для распознанія людей и въ дневникѣ онъ записываетъ такую мысль:

«Думалъ по тому случаю, какъ нѣкоторые люди относятся къ «Крейцеровой сонатѣ». Имъ кажется, что этотъ нѣкто особенный человѣкъ, а во мнѣ, молъ, нѣтъ ничего подобнаго. Неужели ничего не могутъ найти?

«Нѣтъ раскаянія, потому что нѣтъ движенія впередъ, или нѣтъ движенія впередъ, потому что нѣтъ раскаянія. Раскаяніе — это проломъ яйца или зерна, вслѣдствіе котораго зародышъ и начинаетъ расти и

[1]) Архивъ Черткова.

подвергается воздѣйствію воздуха и свѣта, или это послѣдствіе роста, отъ котораго пробивается яйцо.

«Да, то же важное и самое существенное дѣленіе людей: люди съ раскаяніемъ и люди безъ него».

Съ большой радостью встрѣчалъ Л. Н—ъ сочувствіе взглядамъ, выраженнымъ въ «Крейцеровой сонатѣ». Такъ онъ писалъ между прочимъ Хилкову:

«Меня очень обрадовало то, что «Крейцерову сонату» вы одобрили, т.-е. такъ же думаете. Мысли, выраженныя тамъ, для меня самого были очень странны и неожиданны, когда онѣ ясно пришли мнѣ. И иногда я думалъ, что не отъ того ли я такъ смотрю, что я старъ. И потому мнѣ важно сужденіе людей, какъ вы. Теперь я написалъ къ этому послѣсловіе — его отъ меня требовали многіе — Чертковъ въ томъ числѣ — т.-е. ясно и опредѣленно выразить, какъ я смотрю на бракъ. И нынче я кончилъ и съ бывшимъ у меня датчанинюмъ переводчикомъ отослалъ это послѣсловіе въ Петербургъ. Я его пришлю вамъ и мнѣ опять интересно ваше мнѣніе».

Самъ Л. Н—чъ не считалъ нужнымъ это послѣсловіе и уступилъ просьбамъ друзей скрѣпя сердце.

Онъ пишетъ между прочимъ одному молодому человѣку, выражавшему ему сочувствіе:

«Очень радъ буду прочесть то, что вы писали о моемъ разсказѣ.

«Я на дняхъ написалъ къ этому послѣсловіе, которое оказалось необходимымъ написать: такъ ужъ смѣло притворились люди, что они не понимаютъ того, что тамъ написано».

И на первое предложеніе Черткова объ этомъ онъ отвѣчалъ отказомъ. Вотъ что онъ писалъ ему:

«Въ памяти у меня, главное, ваши замѣтки на мою повѣсть. Все совершенно вѣрно, со всѣмъ согласенъ, но послѣсловіе хотя и началъ писать, едва ли напишу и потому мѣсто о томъ, что идеалъ человѣчества есть

не плодовитость, а исполненіе закона достиженія Царства Божія, совпадающаго съ чистотою и воздержаніемъ, это мѣсто надо оставить какъ есть. Мнѣ тяжело теперь заниматься этимъ, да и просто не могу, misunderstanding'овъ [1]) не минуешь».

Въ окончательномъ видѣ, но съ нѣкоторыми пропусками по требованію цензуры «послѣсловіе» было напечатано въ журналѣ Грота «Вопросы философіи и психологіи».

Интересенъ отвѣтъ Л. Н—ча на критику Л. Е. Оболенскаго. Вотъ что писалъ ему Л. Н—чъ въ апрѣлѣ 1889 года:

«Я получилъ ваше письмо, Леонидъ Егоровичъ, и меня очень огорчило то раздраженіе противъ моего разсказа, которое я нашелъ въ немъ. Мнѣ кажется, что причина та, что тамъ сказано, что неправильность и потому бѣдственность половыхъ отношеній происходитъ отъ того взгляда, общаго всѣмъ людямъ нашего міра, что половыя отношенія есть предметъ наслажденія, удовольствія, и что потому для мужчины женщина, и надо бы прибавить, для женщины мужчина, есть орудіе наслажденія, и что освобожденіе отъ неправильности и бѣдственности половыхъ отношеній будетъ тогда, когда люди перестанутъ такъ смотрѣть на это. Такъ думаетъ П. (Позднышевъ), пострадавъ отъ этого раздѣляемаго имъ со всѣми взгляда. При этомъ прибавлено, что внѣшнія умственныя образованія женщинъ, получаемыя на курсахъ, не могутъ достигнуть этой цѣли, какъ многіе склонны думать, потому что никакое самое научное образованіе не можетъ измѣнить взгляда на этотъ предметъ, такъ какъ и не задается этой цѣлью. Мнѣ кажется, что я не ошибаюсь въ этомъ. И потому мнѣ кажется ,что вы неправы въ этомъ — неправы и въ тѣхъ раздражительныхъ нападкахъ на разсказчика, преуве-

[1]) Недоразумѣній.

личивая его недостатки, тогда какъ по самому замыслу разсказа Позднышевъ выдаетъ себя головой не только тѣмъ, что онъ бранитъ самъ себя (бранить себя легко), но тѣмъ, что онъ умышленно скрываетъ всѣ добрыя черты, которыя, какъ въ каждомъ человѣкѣ, должны были быть въ немъ. И въ азартѣ самоосужденія, разоблачая всѣ обычные самообманы, видитъ въ себѣ одну только живую мерзость.

«Ну, вотъ, что я имѣю сказать на ваше письмо. Право, это такъ. И если вы спокойно обсудите, вы, съ вашимъ критическимъ нравственнымъ чутьемъ, вѣрно согласитесь со мной.

«Вѣдь мнѣ достоинство моихъ писаній и одобреніе ихъ мало интересно. Ужъ мнѣ скоро помирать и все чаще и чаще думаю о жизни въ виду смерти. И потому интересно, важно для меня одно это, чтобы не сдѣлать худого своимъ писаніемъ, не соблазнить, не оскорбить. Этого я боюсь и надѣюсь, что не сдѣлалъ. Ну до свиданья!»

Но было и много истинныхъ цѣнителей ея. Помню, послѣ одного изъ чтеній этой повѣсти вслухъ въ квартирѣ Черткова, въ Петербургѣ, Ив. Леонт. Щегловъ, схватившись за голову, воскликнулъ: «Что сдѣлалъ съ нами Толстой. Вѣдь тутъ все сказано и писать больше нечего!»

Мы уже видѣли, какое мнѣніе о ней высказалъ Н. Н. Страховъ, выслушавъ въ первый разъ чтеніе этого произведенія у Кузминскихъ. Послѣ этого ему еще удалось прочесть его у себя на дому и вотъ въ апрѣлѣ 1890 года онъ пишетъ Л. Н—чу:

«Съ «Крейцеровой сонатой» — въ литературномъ отношеніи я совершенно помирился, видя, какъ дѣйствуетъ ваша повѣсть. Конечно, вы знаете, что цѣлую зиму только объ ней и говорили и что вмѣсто «какъ ваше здоровье?» обыкновенно спрашивали: «читали ли вы «Крейцерову сонату»?» Цензура очень вамъ услу-

жила, задержавши печатаніе, и «Соната» извѣстна теперь и тѣмъ, кто не читалъ «Ивана Ильича»[1]) и «Чѣмъ люди живы», — или читалъ да ровно ничего не вынесъ. А «Соната» написана такъ, что всѣхъ задѣла, самыхъ безтолковыхъ, которые приходили бы только въ глупый сладкій восторгъ, если бы она была написана полною художественною манерою. Какъ естественно, что вы торопились высказать нравоученіе! Эта искренность и естественность подѣйствовали сильнѣе всякаго художества. Вы въ своемъ родѣ единственный писатель: владѣть художествомъ въ такой превосходной степени и не довольствоваться имъ, а выходить прямо въ прозу, въ голое разсужденіе — это только вы умѣете и можете. Читатель при этомъ чувствуетъ, что вы пишете отъ сердца, и впечатлѣніе выходитъ неотразимое. Разныхъ мнѣній я передавать вамъ не стану, хотя много было наговорено презабавныхъ глупостей. Поразительно то, что чаще всего не замѣчали нравственной цѣли, не видѣли осужденія эгоизма и распутства; такъ всѣ сжились съ привычками эгоизма и распутства, что прямо обижались на васъ, зачѣмъ вы нападаете на неизбѣжное и на то, съ чѣмъ мы прекрасно поживаемъ. Только молодые умные люди, только чуткія и умныя женщины понимали ваше обличеніе, признавали зло, противъ котораго вы возстали, и сочувствовали проповѣди цѣломудрія. Меня удивила графиня Ал. Андр. Толстая — та прямо выпалила: «Какъ? Онъ хочетъ прекращенія рода человѣческаго?» — Точно на комъ-нибудь лежитъ обязанность хлопотать о продолженіи этого рода! Ужъ не завести ли случныя конюшни?»[2])

Какъ мы уже упоминали раньше, въ описываемый

---

[1]) Т.-е. «Смерть Ивана Ильича».

[2]) Толстовскій музей. Т. II. Переписка Л. Н. Толстого съ Н. Н. Страховымъ. 1870—1894. С.-Петерб. 1914. Стр. 400—401.

нами періодъ жизни Л. Н—чъ чувствовалъ особенно интенсивно необходимость внутренней духовной работы и отступалъ передъ попытками измѣнить внѣшнія формы, достигать внѣшнихъ результатовъ. По этому поводу у него есть интересныя замѣтки въ дневникѣ и тѣ же мысли развиваются имъ въ письмахъ къ друзьямъ, особенно обильныхъ въ это время.

Въ дневникѣ замѣтно еще колебаніе. Такъ онъ пишетъ:

«9 марта. Главная разница во вліяніи не христіанства, но нравственнаго сознанія на жизнь та, что для однихъ извѣстныя положенія сословія, учрежденія міра признаются непоколебимыми, и ужъ въ этихъ положеніяхъ они стараются слѣдовать указанію христіанства или нравственнаго ученія; для другихъ же, настоящихъ, является вопросъ о самыхъ положеніяхъ, о сословіяхъ, объ устройствѣ жизни, и все подлежитъ измѣненію. Для однихъ христіанство есть руководство для поступковъ въ извѣстныхъ положеніяхъ; для другихъ оно — провѣрка законности самихъ положеній.

«Богатый, высокопоставленный долженъ на пользу употреблять свое... и т. д. Вчера читаю въ «New Christianity»: «Christ must be in social life, in politics, in business». — Какъ это? «Christ in business».

«Все равно, что Christ in kicking или killing (воина).

«Да, прежде всего надо этимъ людямъ внушать, что всѣ положенія, отъ земледѣльца до палача распредѣляются по своей нравственности: и потому мало быть хорошими въ своемъ положеніи: надо избрать то или другое».

«17 марта. Два типа: одинъ критически относится не только къ поступкамъ, но и къ положенію, напримѣръ не можетъ взять мѣсто чиновника правительства, не можетъ собирать и держать деньги, брать проценты и т. д. и вслѣдствіе этого, всегда въ нуждѣ, въ бѣд-

ности, не можетъ прокормить ни семьи, ни даже себя, и по своей слабости становится въ унизительное для себя и тяжелое для другихъ положеніе, — просить, другой же относится критически только къ своимъ поступкамъ, но положенія принимаетъ, не критикуя и поставивъ себя разъ въ положеніе чиновника, богатаго человѣка, съ избыткомъ кормитъ себя, семью и помогаетъ другимъ, и никому не въ тягость (незамѣтно, по крайней мѣрѣ).

«Кто лучше? Оба, но никакъ не послѣдній»[1]).

И тутъ, въ записи этого же дня онъ переходитъ уже къ сознанію наибольшей важности внутренняго духовнаго развитія.

«Не стараться дѣлать добро надо, а стараться быть чистымъ. Человѣкъ носитъ въ себѣ алмазъ, призму, который онъ можетъ очистить, и не очистить. На сколько очищенъ этотъ алмазъ, на столько свѣтитъ черезъ него свѣтъ Бога, свѣтитъ и для самого человѣка, и для другихъ. И потому все дѣло человѣка внутреннее, не въ дѣланіи добра, не въ свѣченіи людямъ, а только въ очищеніи себя. И свѣтъ, и добро людямъ — неизбѣжное послѣдствіе очищенія».

Еще съ другой стороны Л. Н—чъ опредѣляетъ истинный характеръ нравственной работы человѣка надъ самимъ собой:

«Живой человѣкъ, который идетъ впередъ туда, гдѣ освѣщено впереди него двигающимся фонаремъ, и который никогда не доходитъ до конца освѣщеннаго мѣста, и освѣщенное мѣсто идетъ впереди него».

Въ противоположность человѣческимъ правиламъ и древнему закону Моисеѣву, дававшему установленныя разъ навсегда правила, которыя Л. Н—чъ сравнивалъ съ фонаремъ, неподвижно стоящимъ на столбѣ, и пройдя который человѣкъ снова попадаетъ въ темноту, Л. Н—чъ указывалъ на внутренній новый законъ Христа, упо-

[1]) Архивъ Черткова.

добляя его фонарю, несомому самимъ человѣкомъ впереди себя.

Въ этомъ духѣ онъ пишетъ своимъ друзьямъ. Мы приведемъ здѣсь для образца два письма, написанныя двумъ разнымъ лицамъ. Письма эти интересны и сами по себѣ и особенно тѣмъ, что каждое изъ нихъ, трактуя собственно одну и ту же тему, передаетъ ее примѣнительно къ адресату.

Такъ въ письмѣ къ Хилкову Л. Н—чъ старается разрушить его вѣру во внѣшнюю организацію, въ общину и убѣждаетъ его съ этой стороны въ необходимости внутренней работы, увеличенія любви. Вотъ это письмо:

«Еще вы говорите, что вамъ не нравится совершенствованіе: оно слишкомъ неопредѣленно и широко. Я это понимаю ... Я объ этомъ самомъ, — а это имѣетъ связь съ вопросами объ общинахъ и о формахъ — думалъ такъ (притча о садовникахъ) ... Жизнь истинная дана человѣку подъ двумя условіями: 1) чтобы онъ дѣлалъ добро людямъ (добро же есть только одно — увеличивать любовь къ людямъ — накормить голоднаго, посѣтить больного и т. д., — все только для того, чтобы увеличить любовь къ людямъ), а 2) чтобы онъ увеличивалъ данную ему силу любви. Одно обусловливаетъ другое: добрыя дѣла, увеличивающія любовь въ людяхъ, только тогда таковы, когда при совершеніи ихъ я чувствую, что во мнѣ увеличивается любовь, когда я дѣлаю ихъ любя, съ умиленіемъ; увеличивается же во мнѣ любовь только тогда, когда я дѣлаю добрыя дѣла и вызываю любовь въ другихъ людяхъ. Такъ что, если я дѣлаю добрыя дѣла и остаюсь холоденъ, или если совершенствуюсь и думаю, что увеличиваю въ себѣ любовь, а это не вызываетъ любви въ людяхъ (другой разъ вызываетъ еще зло), то это не то. Только тогда — и мы всѣ это знаемъ — я навѣрное знаю, что то, когда и я люблю больше и люди дѣлаются отъ этого лю-

бовнѣе (между прочимъ это доказательство того, что любовь есть единая сущность — Богъ одинъ во всѣхъ — раскрывая его въ себѣ, раскрываешь его въ другихъ, и наоборотъ).

«Такъ вотъ я думаю, что всякое устройство, всякое опредѣленіе, всякая остановка сознанія на какомъ-нибудь состояніи есть преобладаніе заботы объ увеличеніи въ себѣ любви, самосовершенствованіе безъ добрыхъ дѣлъ. Самая грубая форма есть стояніе на столбу, но всякая форма есть болѣе или менѣе такое стояніе. Всякая форма отдѣляетъ отъ людей, слѣдовательно, и отъ возможности добрыхъ дѣлъ и вызыванія въ нихъ любви. Таковы и общины, и это ихъ недостатокъ, если признать ихъ постоянной формой. Стояніе на столбу и ухожденіе въ пустыню и житье въ общинѣ, можетъ быть, нужно временно людямъ, но какъ постоянная форма — это очевидный грѣхъ и неразуміе. Жить чистой, святой жизнью на столбу или въ общинѣ нельзя, потому что человѣкъ лишенъ одной половины жизни — общенія съ міромъ, безъ котораго его жизнь не имѣетъ смысла. Чтобы жить постоянно такъ, надо обманывать себя, потому что слишкомъ ясно, что какъ невозможно въ потокѣ мутной рѣки выдѣлить какимъ-нибудь химическимъ процессомъ кружокъ чистой воды, такъ невозможно среди всего міра, живущаго насиліемъ для похоти, жить одному или однимъ святымъ. Вѣдь надо купить или нанять землю, корову, надо войти въ отношеніе съ внѣшнимъ міромъ не-христіанскимъ. А въ этихъ-то отношеніяхъ самое важное и нужное. Уйти отъ нихъ нельзя, да и не слѣдуетъ. Можно только обманывать себя. Вѣдь все дѣло ученика Христа — установить наихристіаннѣйшія отношенія съ этимъ міромъ.

«Представьте себѣ, что всѣ люди, понимающіе ученіе истины, какъ мы, собрались бы вмѣстѣ и поселились бы на островѣ. Неужели это была бы жизнь? И представьте себѣ, что весь міръ, всѣ люди идутъ волей-не-

волей по одному и тому же пути, по которому мы идемъ: но люди, понимающіе такъ же, какъ и мы, стоящіе на той же ступени (теперь), разбросаны по всему міру, и мы имѣемъ радость встрѣчаться съ ними, узнавать ихъ и ихъ работы. Развѣ это не лучше? И это-то самое есть.

«Вы говорите, нельзя любить Ирода. Не знаю. Но знаю и вы знаете, что его надо любить; знаю и вы знаете, что если я не люблю его, то мнѣ больно, что у меня нѣтъ жизни (1 посл. Іоан. 14), и потому надо стараться работать и можно.

«Я представляю себѣ человѣка, прожившаго всю жизнь среди любящихъ его въ любви, но не любившаго Ирода, и другого, который всѣ силы употребилъ на любовь къ Ироду и оставался равнодушнымъ къ любящимъ его и 20 лѣтъ не любилъ, а на 21-мъ полюбилъ Ирода и заставилъ Ирода полюбить себя и другихъ людей, — не знаю, кто лучше. «И если любите любящихъ васъ, что особенное дѣлаете?»[1])

Второе письмо написано къ Е. И. Попову, человѣку совсѣмъ иного типа, весьма склонному къ внутренней душевной борьбѣ и совершенно чуждому внѣшнихъ, организаціонныхъ стремленій; но и онъ не ушелъ отъ внѣшняго идеала и ставилъ себѣ нравственный идеалъ опредѣленной, внѣшней формы или по крайней мѣрѣ степени и Л. Н—чъ старается оберечь его отъ этого увлеченія и пишетъ ему такъ:

«То, о чемъ я писалъ вамъ, продолжаетъ занимать меня. Это всѣмъ намъ, всѣмъ людямъ нужно. И дорога хоть какая-нибудь помощь въ единой нужной всѣмъ работѣ. Я думалъ объ этомъ и не дописалъ вамъ, кажется, еще вотъ что:

«Ослабляетъ насъ въ нашей борьбѣ съ искушеніемъ то, что мы задаемся впередъ мыслью о побѣдѣ, задаемъ себѣ задачу сверхъ силъ, задачу, которую ис-

[1]) Архивъ Чертkова.

полнить или не исполнить внѣ нашей власти. Мы, какъ монахъ, говоримъ себѣ впередъ: я обѣщаюсь быть цѣломудреннымъ, подразумѣвая подъ этимъ внѣшнее цѣломудріе. И это во-первыхъ невозможно, потому что мы не можемъ представить себѣ тѣхъ условій, въ которыхъ мы можемъ быть поставлены, и въ которыхъ мы не выдержимъ соблазна. И кромѣ того, дурно; дурно потому, что не помогаетъ достиженію цѣли — приближенія къ наибольшему цѣломудрію, а наоборотъ.

«Рѣшивъ, что задача въ томъ, чтобы соблюсти внѣшнее цѣломудріе или уходятъ изъ міра, бѣгутъ женщинъ, какъ Аѳонскіе монахи, или скопятся и пренебрегаютъ тѣмъ, что важнѣе всего, внутренней борьбой съ помыслами, въ міру среди соблазновъ. Это все равно какъ воинъ, который сказалъ бы себѣ, что онъ пойдетъ на войну, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы навѣрно побѣдить. Такому воину придется уходить отъ враговъ настоящихъ, воевать съ воображаемыми врагами. Такой воинъ не выучится воевать и будетъ всегда плохъ.

«Кромѣ того это поставленіе себѣ задачей внѣшняго цѣломудрія и надежда, иногда увѣренность осуществить его, невыгодно еще и отъ того, что стремясь къ этому, всякое искушеніе, которому подпадаетъ человѣкъ, и тѣмъ болѣе паденіе, сразу уничтожаетъ все, заставляетъ усумниться въ возможности, даже законности борьбы. «Такъ стало быть нельзя быть цѣломудреннымъ, и я поставилъ себѣ ложную задачу». И конечно, и человѣкъ отдается весь похоти и погрязаетъ въ ней. Это все равно, что воинъ съ амулетомъ, который въ его воображеніи обезпечиваетъ его въ томъ, что онъ не будетъ ни убитъ ни раненъ. Такой воинъ теряетъ послѣднее мужество и бѣжитъ при малѣйшей ранѣ-царапинѣ.

«Задачей можетъ быть одно: достиженіе наибольшаго по моему характеру, темпераменту, условіямъ прошедшаго и настоящаго, цѣломудрія — не передъ людьми, которые не знаютъ того, съ чѣмъ мнѣ надо

бороться, а передъ Богомъ и собой. Тогда ничто не нарушаетъ, не останавливаетъ движенія, тогда искушеніе, паденіе даже все ведется къ одной вѣчной цѣли, — удаленія отъ животнаго и приближенія къ Богу.

«Это-то и приводитъ меня къ самому главному, о чемъ я тоже писалъ, но не договорилъ.

«Всѣ дѣла, которыя совершаетъ человѣкъ, можно раздѣлить на три разряда дѣлъ: одни, такія, которыя мы дѣлаемъ, не спрашивая себя о нихъ, хороши ли они или дурны, дѣлаемъ ихъ, не замѣчая ихъ; другія такія дѣла, которыя мы, какъ говоритъ Павелъ, считаемъ дурными, но все-таки дѣлаемъ, такія дѣла, которыя мы желаемъ дѣлать, но не всегда дѣлаемъ, или не желаемъ дѣлать, а все-таки иногда дѣлаемъ; и третьи такія дѣла, которыя мы желаемъ дѣлать и всегда дѣлаемъ или не желаемъ дѣлать и иногда не дѣлаемъ. Первый разрядъ дѣлъ это тѣ, которыя еще не подпали подъ судъ нашей совѣсти, но изъ которыхъ, по мѣрѣ движенія нашей жизни, все больше и больше дѣлъ подпадаетъ подъ судъ и переходитъ во второй разрядъ. Третій разрядъ дѣлъ это тѣ, которыя уже прошли судъ нашей совѣсти и, раздѣлившись на добрыя и злыя, желательныя и нежелательныя, стали достояніемъ нашей нравственной природы, — это нашъ ростъ жизни, наше единственное и неотъемлемое богатство, пріобрѣтенное жизнью (это то, что я прежде могъ подраться, напиться, блудить и т. п. теперь не то, что не хочу, но уже не могу). Такъ что первый разрядъ это матеріалъ для переработки жизнью; третій разрядъ это изготовленное, совершонное жизнью, лежащее въ кладовой, — второй разрядъ это то, что теперь на верстакѣ, что работается.

«И какъ удивительно счастливо, радостно положеніе людей: хочешь не хочешь въ жизни перерабатывается этотъ третій разрядъ: мужаетъ человѣкъ, — мудрѣетъ умомъ и опытомъ, старѣется, — слабѣютъ страсти и,

дѣло жизни совершаетстя. Если же въ этомъ дѣлѣ положить весь смыслъ, всю цѣль жизни, — то постоянная радость постояннаго успѣха.

«Такъ вотъ понимать это и сознавать, какія дѣла принадлежатъ къ какому разряду, и все вниманіе напрягать на второй разрядъ, — это поможетъ въ борьбѣ»[1]).

Всякому прочитавшему это письмо бросится въ глаза близость начала его къ сюжету разсказа Л. Н—ча «Отецъ Сергій». Мысли, изложенныя въ немъ, настолько сильно занимали Л. Н—ча, что его художественное воображеніе во снѣ создавало ему образы, выражающіе эти мысли. Такъ и возникъ сюжетъ «Отца Сергія». Л. Н—чъ сначала увидалъ во снѣ и потомъ разсказалъ этотъ сюжетъ въ письмѣ къ В. Г. Черткову и тотъ переписалъ его и возвратилъ его Л. Н—чу, прося его не оставлять этого прекраснаго начала. Л. Н—чъ сталъ развивать сюжетъ и, увлекшись, написалъ чудное художественное произведеніе.

На всю эту внутреннюю, духовную борьбу нужно было много силы и Л. Н—чъ находилъ ее и другимъ совѣтовалъ находить въ молитвѣ. И опять въ этомъ же, 1890-мъ году мы находимъ много мыслей о молитвѣ, разбросанныхъ и по записямъ дневниковъ и по письмамъ къ друзьямъ; мы постараемся сопоставить наиболѣе интересныя изъ нихъ, чтобы дать понятіе тогдашняго отношенія Л. Н—ча къ этому важному рычагу духовной жизни.

Вотъ выписки изъ его дневника 1890 г. съ іюня по декабрь, ясно указывающія на ходъ развитія мысли о молитвѣ, приведшей его къ сознанію необходимости полнаго смиренія.

---

[1]) Архивъ Черткова.

«16 іюня 90. Много и часто думаю эти дни, молюсь о томъ, что думалъ сотни, тысячи разъ, но иначе, именно, что мнѣ хочется такъ-то именно, распространеніемъ его истины не словомъ, а дѣломъ: жертвой, примѣромъ жертвы служить Богу. И не выходитъ. Онъ не велитъ.

«Вмѣсто этого, я живу, ведя самъ со всѣми дѣтьми грязную, подлую жизнь, которую лживо оправдываю тѣмъ, что я не могу нарушить любви. Вмѣсто жертвы, примѣра побѣдительнаго, скверная, подлая, фарисейская, отталкивающая отъ ученія Христа жизнь.

«Но ты знаешь, что въ моемъ сердцѣ и чего я хочу. Если не суждено, не нуженъ я тебѣ на эту службу, а нуженъ на навозъ, да будетъ по-твоему.

«Это скверный эгоизмъ. И нельзя оправдываться тѣмъ, что я хочу успѣха дѣла установленія Царства Бога, и оттого грущу. Грустить объ этомъ нечего. И безъ меня сдѣлается.

«Самому хочется? Да. «Но хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь». Дай мнѣ жизни настоящей. И эта жизнь есть, и дана, и просить нечего.

«Господи, Отецъ, люблю Тебя, возьми меня. И благодарю Тебя за то, что Ты открылъ Себя мнѣ, не скрывался отъ меня».

«30 іюня 90. «Придите ко Мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные и Я успокою васъ. Возьмите иго Мое на себя и научитесь отъ Меня, ибо Я кротокъ и смиренъ сердцемъ: и найдете покой душамъ вашимъ. Ибо иго Мое благо и бремя Мое легко есть».

«Глубоко значеніе этого. Все безпокойство только отъ несмиренія. Если быть готовымъ ко всякому униженію, то какое спокойствіе.

«И какъ легко: «И научитесь отъ Меня, ибо Я кротокъ и смиренъ униженъ сердцемъ. Будьте смиренны и тогда только найдете покой душамъ вашимъ».

«5 іюля 90 г. Молился, когда встрѣтилъ N. Онъ сказалъ, что мысль не всегда съ одинаковой силой дѣй-

ствуетъ. Да, молиться можно только тогда, когда новый лучъ проникаетъ въ сердце или то — молитва, когда новый лучъ проникъ въ сердце и ты живешь при свѣтѣ этого луча.

«Какъ хорошо мнѣ было, когда я могъ вызвать не мысль о Богѣ, а могъ стать передъ лицомъ Его. А потомъ утратилось. Не совсѣмъ, но утратилось.

«Потомъ было сознаніе того, что нельзя, не должно огорчаться тѣмъ, что я не могу служить Богу такъ, какъ мнѣ хочется, — проповѣдникомъ — что Онъ знаетъ, зачѣмъ я ему нуженъ. И то и дѣлать.

«Потомъ было сознаніе радости, спокойствія, униженія, смиренія. «Придите ко Мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные и Я успокою васъ. Научитесь отъ Меня, ибо Я кротокъ и смиренъ сердцемъ, и найдете покой душамъ вашимъ. Ибо иго Мое благо и бремя легко». Думалъ, что бѣда въ томъ, что я позволялъ зарождаться въ себѣ духу недоброжелательства, а что нужна любовь.

«Нынче опять живо вспомнилъ какъ бы хорошо такъ смириться».

«19 авг. 90 г. Когда молишься: «Оставь намъ долги наши» и т. д., надо вспоминать хорошенько свои грѣхи, хорошенько свои глупости.

«Ну я сержусь на тупость людей: «а давно ли я мечталъ о лошадяхъ, о томъ, что мнѣ царь подаритъ засѣку, окружающую Ясную Поляну.

«Тупости и гадости для нехристя нѣтъ предѣловъ, и всѣ равны и на всѣхъ сердиться нельзя».

«9 ноября. Нынче думалъ на молитвѣ:

«И не проститъ вамъ Отецъ вашъ небесный, если каждый изъ васъ не проститъ отъ сердца своего брату своему всѣ прегрѣшенія его. Это имѣетъ тотъ смыслъ, что какъ же я хочу, чтобы мнѣ простились, не имѣли для меня послѣдствій, не мучили меня всѣ прегрѣшенія мои, если я и то не могу простить. Если въ моемъ сердцѣ, которое могло бы выпустить изъ себя слѣды,

оставленные на немъ дѣлами другихъ, и то застреваютъ эти дѣла, какъ же имъ, моимъ грѣхамъ, не застревать во всемъ окружающемъ мірѣ.

«Это одинъ смыслъ, но другой смыслъ тотъ, что если бы я могъ простить всѣмъ все, то это самое мое состояніе прощенія, примиренія со всѣмъ міромъ стерло бы и всѣ слѣды моихъ грѣховъ въ мірѣ. Вспоминаю свои грѣхи: то, что не прощено мнѣ въ нихъ, мое теперешнее дурное богатое положеніе, мои отношенія къ людямъ. Стоитъ мнѣ простить все всѣмъ, простить сужденія неправильныя обо мнѣ, вызванныя моимъ положеніемъ, простить людямъ, — стереть все, отнестись къ нимъ сначала съ любовью, — и отношеніе къ нимъ мѣняется. Познайте истину, и истина сдѣлаетъ васъ свободными. Истина же есть любовь».

«21 ноября. Все такъ же радостно молюсь. Молитва всегдашняя теперь: Не людямъ, а Тебѣ, и передъ Тобою работаю, и не этой жизнью хочу жить, а все той истиною безсмертною».

«26 декабря. Нынче молясь объ искушеніи славы людской, о томъ, что презираніе насъ людьми должно быть радостно для насъ, думалъ объ юродствѣ, прикидывая его къ себѣ, и почувствовалъ опасность юродства для такого слабаго человѣка какъ я. Если совершенно отрѣшиться отъ людского мнѣнія о себѣ, будешь искать осужденія, то лишишь себя сдерживающей силы людского мнѣнія, которое для слабаго человѣка еще нужно.

«Я думаю, что это есть Ахиллесова пята юродства. Начнетъ дѣлать для того, чтобы люди осуждали его, а потомъ отдается соблазну».

У друзей Л. Н—ча развивавшихся подъ его руководствомъ часто возникали одновременно мысли подобныя его мыслямъ и Л. Н—чъ всегда радостно встрѣчалъ эти проявленія духовнаго движенія и давалъ совѣты своей

старческой опытности, исправляя увлеченія и ошибки молодежи [1]).

Такъ, въ этомъ же году я обратился ко Л. Н—чу съ вопросомъ именно «о молитвѣ», сообщилъ ему свое опредѣленіе молитвы, выразившееся у меня въ такой формѣ: «Молитва есть возстановленіе нарушеннаго общенія съ Богомъ». Быть можетъ, я не совсѣмъ ясно выразилъ свою мысль; къ тому же я вполнѣ сознаю, что она была узка, односторонняя и вотъ Л. Н—чъ въ отвѣтномъ письмѣ ко мнѣ исправляетъ мое опредѣленіе, даетъ свое и излагаетъ содержаніе своей молитвы того времени.

«Это такъ, я думаю. Молитва нужна.

«Началъ такъ. Хотѣлъ согласиться съ вами, но спросивъ себя поглубже, увидалъ, что нѣтъ. Для меня не такъ. Молитва не есть только заглаживаніе своего разрыва съ Богомъ, молитва для меня есть съ одной стороны сознаніе моего отношенія къ Богу, съ другой стороны есть увеличеніе моей духовной силы, есть какъ разведеніе паровъ, которые будутъ работать, размахиванье колеса, набираніе силы. (Я говорю тутъ только то, что знаю изъ опыта). Молюсь я часто, т.-е. раза два-три въ день, и всегда «Отче нашъ». Пробовалъ я слагать свои молитвы — послѣднее время сложилъ молитву, выражавшую сознаніе того, что я есмь орудіе, органъ Бога и что я желаю одного: исполнять свое назначеніе безъ небрежности и безъ напряженія, постоянно сознавая, что черезъ меня дѣйствуетъ сила Божія, и иногда я вспоминаю это. Но какъ молитва «Отче нашъ» остается для меня не то что незамѣнимымъ, но замѣняющимъ и исполняющимъ всѣ требованія сердца. — «Отче нашъ» для меня теперь выражается пятью положеніями, которыя такъ мнѣ ясны, необходимы, связаны между собою и радостны, что они свободно возни-

[1]) Архивъ Черткова.

кают ъ въ душѣ и всякій разъ говорятъ какъ будто что-то новое, изъ меня исходящее. 1) Свята сущность Твоя — любовь. Стало быть все должно быть мѣряно и руководимо только ею — любовью. И сейчасъ ужъ становится тверже и легче, и всѣ затрудненія распутываются. 2) Указаніе того, что дѣлать надо руководясь любовью въ томъ, чтобы дѣлать то, что содѣйствуетъ установленію Царства Твоего, свободнаго, радостнаго на землѣ, какъ на небѣ. Это даетъ содержаніе любовной дѣятельности, если не знаешь что дѣлать вообще или что изъ двухъ. 3) И дѣлать это дѣло любовнаго установленія Царства Бога я хочу и буду теперь, сейчасъ, сію минуту, тамъ, гдѣ и съ кѣмъ я теперь. И это еще усиливаетъ размахъ и даетъ страшную твердость, если только слился съ этою мыслью. 4) Если есть препятствія къ этому, то только въ моемъ прошедшемъ, въ грѣхахъ — хочу избавиться отъ нихъ (грѣхи похоти, грѣхъ самолюбія, грѣхи нелюбовности). Да я и просто говорю и люблю это говорить: прости мнѣ, какъ я говорилъ передъ людьми каясь. Я говорю это, вспоминаю грѣхи другихъ, самые мнѣ противные, и прощаешь, не только прощаешь, не понимаешь, какъ можно сердиться, не прощать. И 5) боюсь искушеній похоти, самолюбія, злости, и бѣгу отъ нихъ; но главное зло въ сердцѣ, — оно мѣшаетъ. Его чтобъ не было. — Вотъ такъ и молюсь иногда даже въ трудныя минуты и будучи между людьми и знаю также, какъ знаетъ машинистъ, прорѣзавши половину сугроба, но завязши все-таки, что если онъ проѣхалъ половину большого сугроба, а маленькій совсѣмъ переѣхалъ, то только потому, что разводилъ пары. Такъ знаю и я, что если бы я не молился, то было бы несравненно хуже. И знаю еще, что если бы я достигъ того, возможность чего какъ будто вижу, когда молюсь, то жить бы не-зачѣмъ было. Знаю, что совершеннымъ надо быть, какъ Отецъ. — Ну вотъ. Пишу, что испытываю и какъ попало. Вы

поймете. Ошибка главная въ томъ, чтобы молитву дѣлать обязательной. Мнѣ она полезна, а могутъ быть люди, иначе устанавливающіе свое отношеніе къ Богу. Вѣра для меня же только одна, и въ одно я вѣрю: въ то, что Отецъ, пославшій меня сюда — добръ — любовь. И наваливаюсь на Него, а Онъ дѣлай, что хочетъ, и все будетъ не то, что хорошо, а божественно.

Сколько васъ знаю, думаю, что вамъ нужна молитва — какъ выражаемое сознаніе своего отношенія къ Богу. Я всегда искалъ и ищу своего. Въ «Отче нашъ» я впадаю невольно.

«Молитва это символъ вѣры (таковъ «Отче нашъ»), и повторить себѣ ясно, сжато, сильно всю сущность своего отношенія къ Богу даетъ силу».

Изъ внѣшнихъ событій, совершавшихся въ это время вокругъ Л. Н—ча, можно указать на страшный пожаръ, истребившій нѣсколько домовъ въ Ясной Полянѣ. Л. Н—чъ конечно былъ на пожарѣ, принималъ дѣятельное участіе въ тушеніи пожара, забѣгалъ въ уже горѣвшія избы, ища дѣтей, которыя иногда отъ испуга забиваются подъ лавки и, незамѣченныя, сгораютъ. Изъ имѣвшагося у него фондра для бѣдныхъ онъ выдалъ пособіе погорѣвшимъ по 15 р. на дворъ.

Посѣтители пріѣзжали въ Ясную въ этомъ году не менѣе часто; изъ болѣе интересныхъ укажемъ на писателя Н. С. Лѣскова, въ это время чрезвычайно приблизившагося ко Л. Н—чу, какъ своими писаніями, такъ и своимъ религіознымъ сознаніемъ.

Затѣмъ Л. Н—ча посѣтилъ нѣмецкій писатель и директоръ Шиллеровскаго театра въ Берлинѣ Рафаилъ Левенфельдъ, собравшій въ свою поѣздку много біографическаго матеріала и написавшаго прекрасный и са-

мый полный для того времени біографическій очеркъ о Л. Н—чѣ, изданный имъ въ Берлинѣ по-нѣмецки и вышедшій затѣмъ въ двухъ русскихъ изданіяхъ. Очеркъ этотъ обнимаетъ первый періодъ жизни Л. Н—ча до «Анны Карениной».

Второй разъ навѣстилъ Л. Н—ча профессоръ Массарикъ изъ Праги, все съ тою же любовью относившійся ко Л. Н—чу. Пріѣзжали молокане изъ Нижегородской губерніи; затѣмъ изъ болѣе частыхъ обычныхъ посѣтителей: Чертковъ, Гротъ, Страховъ, который своимъ вѣрнымъ чутьемъ такъ прекрасно выразилъ въ письмѣ ко Л. Н—чу въ нѣсколькихъ словахъ значеніе его дѣла. Страховъ между прочимъ писалъ: «Таково положеніе Россіи: между революціонерствомъ и ретроградствомъ нѣтъ прохода. Эти два теченія все душатъ. Поэтому то, что вы сдѣлали, ваше заявленіе самобытной религіозной мысли — я считаю великимъ дѣломъ».

Наконецъ, къ концу августа пріѣхалъ гостить Н. Н. Ге, покончивъ хлопоты со своей картиной. Это пребываніе Н. Н. Ге ознаменовалось важнымъ событіемъ. Н. Н. вылѣпилъ прекрасный бюстъ Л. Н—ча. Въ это же время Н. Н. написалъ портретъ Маріи Львовны, какъ всѣ его вещи, отличающійся большой задушевностью.

Въ этомъ же году вышелъ въ печати обычный всеподданнѣйшій отчетъ оберъ-прокурора Св. Синода о состояніи Православной Церкви. При перечисленіи разныхъ опасностей, грозящихъ спокойствію церкви, конечно былъ упомянутъ и Л. Н. Толстой. При этомъ сдѣлана оговорка, что вредъ Л. Н—ча парализуется благонадежнымъ состояніемъ семьи Л. Н—ча, которую графиня ведетъ въ духѣ православія и которая не дастъ Л. Н—чу всти свою тайную пропаганду. При этомъ было упомянуто, что сыновья Л. Н—ча «начали огра-

ничивать его расточительность». Въ газетѣ «Новое Время» была напечатана замѣтка о ереси Толстого и приведены именно эти выраженія. Сергѣй Львовичъ Толстой, бывшій въ это время въ Петербургѣ, прочелъ эту замѣтку и возмутился заключавшеюся въ ней ложью. Братья его присоединились къ его протесту и Суворинъ напечаталъ по просьбѣ Сергѣя Львовича слѣдующій протестъ:

«М. Г. г. редакторъ!

«Въ «Новомъ Времени» отъ 8 мая было помѣщено извлеченіе изъ всеподданнѣйшаго отчета г. оберъ-прокурора Св. Синода за 1887 г. относительно «распространенія въ Кочаковскомъ приходѣ міросозерцанія и нравственныхъ убѣжденій гр. Л. Н. Толстого». Въ этомъ извлеченіи мы прочли между прочимъ, что графъ Толстой «уже не имѣлъ возможности въ прежнихъ размѣрахъ оказывать крестьянамъ помощь изъ своего имѣнія, такъ какъ старшіе его сыновья начали ограничивать его расточительность и преслѣдовать проступки противъ его собственности и уже не дозволяютъ хищнически хозяйничать въ его имѣніи».

«Какъ старшіе сыновья графа Л. Н. Толстого, считаемъ, своимъ долгомъ печатно заявить:

«Во-первыхъ, что отецъ, какъ извѣстно изъ его сочиненій, признаетъ дѣйствительной только помощь личнымъ трудомъ, что утверждаетъ также отчетъ г-на оберъ-прокурора, гдѣ говорится, что гр. Толстой «при случаѣ оказывалъ помощь бѣднымъ своими трудами». При такомъ воззрѣніи нѣтъ мѣста расточительности.

«Во-вторыхъ, что мы не только никогда не позволили бы себѣ ограничивать расточительность отца, на что мы не имѣемъ никакого права, но что мы считали бы неуважительнымъ и непозволительнымъ всякое съ нашей стороны вмѣшательство въ его дѣйствія.

«Надѣемся, что газеты, помѣстившія извлеченіе изъ

всеподданнѣйшаго отчета г. оберъ-прокурора, не откажутъ перепечатать настоящее письмо. Примите и пр.

«Старшіе сыновья гр. Л. Н. Толстого Сергѣй, Илья, Левъ Толстые»[1]).

Изъ литературныхъ работъ, начатыхъ Л. Н—чемъ въ этотъ, столь плодотворный годъ, кромѣ уже упомянутыхъ, слѣдуетъ указать на «Воскресеніе», которое тогда еще называлось просто: «Коневской повѣстью», т.-е. повѣстью, сюжетъ которой былъ сообщенъ Л. Н—чу Анатоліемъ Федоровичемъ Кони изъ его уголовной практики. Въ это же время онъ поправлялъ написанную раньше повѣсть «Ходите въ свѣтѣ». Тогда же было начато Л. Н—чемъ большое произведеніе «Царство Божіе внутри васъ». Возникло оно изъ простого предисловія къ двумъ американскимъ статьямъ, поразившимъ Л. Н—ча ясностью своей мысли и близостью къ нему пониманія ученія Христа; статьи эти были: «Катехизисъ непротивленія» Адина Балу и «Провозглашеніе общества непротивленія» Ллойда Гарриссона. Вначалѣ Л. Н—чъ думалъ выпустить ихъ отдѣльно, лишь съ небольшимъ предисловіемъ, въ которомъ онъ обращалъ вниманіе читателя на то, что вопросъ о «непротивленіи», такъ удивившій русскую и европейскую публику въ 80-хъ годахъ, свободно трактовался въ Америкѣ 50 лѣтъ тому назадъ и исповѣдывался значительными группами интеллигентныхъ людей и видными общественными дѣятелями.

Въ то же время учащавшіеся случаи отказа отъ военной службы привлекли особое вниманіе Л. Н—ча и онъ началъ писать сочиненіе, въ которомъ задался цѣлью проанализировать причины существующаго зла военщины и намѣтить способы борьбы съ нимъ.

---

[1]) Толстовскій Ежегодникъ 1913 года. Отдѣлъ «Статьи и матеріалы», стр. 73—74.

Въ одномъ изъ писемъ того времени онъ между прочимъ писалъ мнѣ:

«Пишу теперь о противленіи злу, о церкви и о воинской общей повинности. Все это въ связи и все это очень важно. Я чувствую, что обязанъ — не написать (это отъ Бога зависитъ), а писать это»[1]).

Дневникъ и письма того времени показываютъ намъ, какъ полонъ онъ былъ мыслями объ этихъ вопросахъ и какъ всесторонне онъ обсуждалъ ихъ.

Въ ноябрѣ онъ записываетъ въ своемъ дневникѣ:

«Думалъ къ статьѣ о непротивленіи:

«Низшіе рабочіе классы всегда ненавидятъ и только ждутъ возможности выместить все накипѣвшее; но верхъ теперь правящихъ классовъ. Они лежатъ на рабочихъ и не могутъ выпустить: если выпустятъ, имъ конецъ. Все остальное — игра, комедія: сущность дѣла — это борьба на жизнь и смерть. Они, какъ разбойники, караулятъ добычу и защищаютъ добычу отъ другихъ»[2]).

Въ это время вопросъ о непротивленіи вылился у него уже въ опредѣленную, не отрицательную, а положительную форму. Онъ прекрасно выразилъ это въ письмѣ къ одному изъ друзей:

«Вѣдь все это, кажущееся сложнымъ положеніе о непротивленіи злу и возраженіе противъ него сводится къ тому, что вмѣсто того, чтобы понимать, что сказано: зломъ или насиліемъ не противься злу или насилію, понимается (мнѣ даже кажется нарочно), что сказано: не противься злу, т.-е. потакай злу, будь къ нему равнодушенъ, тогда какъ противиться злу, бороться съ нимъ есть единственная внѣшняя задача христіанства, и что правило о непротивленіи злу сказано, какъ правило, какимъ образомъ бороться со зломъ самымъ успѣшнымъ образомъ. Сказано: вы привыкли бороться со зломъ на-

---

[1]) Архивъ Бирюкова.

[2]) Архивъ Черткова.

силіемъ, отплатой. Это нехорошее, дурное средство. Самое лучшее средство — не отплатой, а добромъ. Въ родѣ того, какъ если бы кто бился отворять дверь наружу, когда она отворяется внутрь, и знающій сказалъ бы: не туда толкайте, а сюда тяните».

Его отрицательное отношеніе къ церковному ученію, которое онъ такъ опредѣленно ставилъ въ тѣсную связь съ насильническимъ устройствомъ міра, характерно выражено имъ въ письмѣ къ Хилкову:

«То, что вы пишете, очень, очень интересно и много заняло меня, именно наше отношеніе къ церковной вѣрѣ. Я пришелъ къ слѣдующему: отчего я не волнуюсь, не вступаю въ разсужденія по случаю распоряженій министра финансовъ о конверсіяхъ или министра военнаго о мобилизаціи и т. п. Отъ того, что всѣ конверсіи и мобилизаціи чужды мнѣ; я знаю, что это происходитъ въ области заблужденій, грѣха. Почему распоряженія, проповѣди архіерея и исцѣленія Іоанна какъ будто вызываютъ во мнѣ протестъ, желаніе сказать, что это нехорошо, что это обманъ. Это отъ того, что обманутый словомъ «христіанскій», я предполагаю, что это дѣятельность родственная мнѣ, въ одномъ направленіи, только отклоняющаяся. Если вы во мнѣ замѣтите отклоненіе и я въ васъ, мы вѣдь сейчасъ съ жаромъ станемъ говорить другъ другу. Хотя церковные христіане и священникъ Іоаннъ и гораздо отдаленнѣе намъ кажутся отъ насъ, но все-таки мы признаемъ ихъ занятыми однимъ съ нами дѣломъ и отъ этого наше желаніе поправить ихъ ошибки. Но это — заблужденіе. Между нами и ими, т.-е. ихъ дѣятельностью и нашей (люди всегда останутся братьями и нашимъ братомъ бѣдный Іоаннъ) нѣтъ ничего общаго. Менѣе, чѣмъ между дѣятельностью военнаго министра и нашей. Насъ вводитъ въ заблужденіе слово. Я это съ болью, страданіемъ извѣдалъ. На слово «христіанскій» бросишься — и вдругъ оказывается, что тутъ ни-

чего нѣтъ похожаго и ты во всемъ помѣха. Я стараюсь выработать и отчасти достигаю и вамъ желаю такое отношеніе къ этимъ дѣламъ, т.-е. слушать разсказъ о томъ, какъ тотъ ходилъ причащаться, а этотъ къ священнику Іоанну такъ, какъ слушать разсказъ о томъ, какъ этотъ ѣздилъ съ визитомъ, а этотъ затравилъ зайца.

«Разсказъ вашъ объ Іоаннѣ чудесенъ, я хохоталъ все время, пока читалъ его вслухъ. Тутъ ужасно то, что сдѣлали въ продолженіи 900 лѣтъ христіанства съ народомъ русскимъ. Онъ, особенно женщины, совершенно дикія идолопоклонницы. Тотъ духъ христіанскій, выражающійся въ милостынѣ, въ милосердіи вообще, занесенъ помимо, malgré церкви».

У Л. Н—ча было право такъ смотрѣть на мірскую жизнь, такъ какъ онъ во-первыхъ безпощадно обличалъ и самого себя, когда онъ предавался мірскимъ страстямъ и во-вторыхъ это обличеніе не вызывало у него злобы на людей. Напротивъ, параллельно съ этимъ обличеніемъ въ немъ шла напряженная работа по выработкѣ общаго благоволенія къ людямъ.

Обличая свою прежнюю жизнь, онъ записывалъ въ своемъ дневникѣ этого года:

«Я вспомнилъ, какъ я игралъ въ карты, выигрывалъ деньги и какъ я смотрѣлъ на нихъ, какъ на естественное, законное средство наслажденія. И пока сомнѣній не было. И я любилъ ихъ. Деньги были для меня тогда нѣчто основное. За ними ничего не было. Такъ теперь многіе смотрятъ».

И эти же мысли поддерживали и укрѣпляли въ немъ терпимое отношеніе къ недостаткамъ другихъ людей и освобождали чувство благоволенія къ людямъ.

И въ то же время онъ писалъ:

«Какъ хорошо въ 15 стихѣ, 3 глава посланія Іоанна: «человѣкоубійца не имѣетъ жизни вѣчной, въ немъ пребывающей». Не человѣкъ вступаетъ въ жизнь вѣч-

ную, а жизнь вѣчная бываетъ въ человѣкѣ. И бываетъ, и есть она въ человѣкѣ, когда есть въ немъ любовь, Богъ, любовь ко всѣмъ, радостная и усиленная».

Однимъ изъ послѣднихъ актовъ любви въ этомъ году было заступничество Л. Н—ча за уголовныхъ преступниковъ. 26 ноября онъ ѣздилъ въ судъ и своимъ отчасти присутствіемъ, отчасти бесѣдой съ прокуроромъ, смягчилъ участь осужденныхъ. Всѣмъ было понижено наказаніе и нѣкоторые оправданы совсѣмъ, чего они и не ожидали.

Заканчивая описанія жизни Л. Н—ча 80-хъ годовъ, приведемъ имѣющіяся у насъ данныя о тѣхъ всемірныхъ литературныхъ произведеніяхъ, которыя по его собственнымъ словамъ имѣли на него преобладающее вліяніе, во время его душевнаго кризиса и во время послѣдовавшее за нимъ.

Названіе сочиненій:	Степень вліянія:
Евангелія всѣ, по-гречески	Огромное
Книга Бытія по еврейски	Очень большое
Henry George. Progress and Poverty[1])	Очень большое
Parker. Discourse on religions subjects[2])	Большое
Robertson's Sermons[3])	Большое
Фейербахъ. Сущность христіанства	Большое
Pascal. Pensées[4])	Огромное
Эпиктетъ	Огромное
Конфуцій и Менцій	Очень большое
О Буддѣ. Эдуарда Шюрэ и Евгенія Бюрнуфа	Огромное
Лао-дзы. Жюльена	Огромное

Мы приближаемся теперь къ періоду жизни Л. Н—ча, въ который ему пришлось выступить не только какъ художнику-мыслителю, но и какъ общественному

---

[1]) Генри Джорджъ. Прогрессъ и бѣдность.
[2]) Паркеръ. Рѣчи на религіозныя темы.
[3]) Робертсонъ. Проповѣди.
[4]) Паскаль. Мысли.

дѣятелю въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, на большой организаторской работѣ кормленія голодающихъ, а также и въ другихъ областяхъ жизни. Дѣятельность эта дала много тревогъ Л. Н—чу и въ то же время возвела его популярность на необычайную высоту.

ГЛАВА VI

Въ семьѣ. Гости. Отреченіе отъ литературныхъ правъ

1891 г.

Этотъ годъ во многихъ отношеніяхъ былъ значительнымъ для Л. Н—ча, какъ въ его личной жизни, такъ и по участію въ жизни общественной.

Зиму 90—91 года Л. Н—чъ съ семьей проводилъ въ Ясной Полянѣ.

Въ семейной жизни самымъ значительнымъ дѣломъ былъ раздѣлъ имущества и отказъ отъ литературныхъ правъ. И то и другое подготовлялось постепенно. Со времени вступленія Л. Н—ча на новый путь жизни, онъ не переставая тяготился окружающей его обстановкой и искалъ выхода и велъ тихую, упорную, любовную борьбу. Иногда нервы его не выдерживали и происходили бурныя вспышки, но потомъ онъ опять смирялся, терпѣлъ и ждалъ. При каждомъ новомъ утвержденіи его семейными правъ собственности, какъ напримѣръ при новомъ выгодномъ изданіи его произведеній, при насильственномъ огражденіи его земельныхъ правъ, Л. Н—чъ дѣлалъ напоминаніе о томъ, что онъ считаетъ собственность грѣхомъ и послѣ этого нерѣдко происходила тяжелая семейная сцена.

Подобная сцена произошла въ концѣ 1890 года.

Осенью 1890 года управляющій Ясной Поляны, И. А. Б., поймалъ мужиковъ въ кражѣ лѣса; ихъ судили и присудили къ шести недѣлямъ острога. Они прихо-

дили къ С. А—нѣ просить, чтобы ихъ помиловали и С. А—на сказала, что ничего не хочетъ и не можетъ для нихъ сдѣлать.

Л. Н—чъ, узнавъ объ этомъ, сдѣлался страшно мраченъ, и вотъ 15-го декабря ночью у него съ С. А. былъ крупный разговоръ и онъ снова убѣждалъ ее все раздать и говорилъ, что она пожалѣетъ послѣ его смерти, что не сдѣлала этого для счастья ихъ и всѣхъ дѣтей. Онъ говорилъ, что видитъ только два выхода для своего спокойствія: одинъ — это уйти изъ дома, о чемъ онъ и думалъ и думаетъ; а другой — отдать всю землю мужикамъ и право изданія его сочиненій въ общую собственность. Онъ говорилъ С. А—нѣ, что если бы у нея была вѣра, она сдѣлала бы это изъ убѣжденія. Если бы была любовь къ нему, то изъ-за нея она сдѣлала бы это и, наконецъ, если бы у нея было уваженіе къ нему, то она постаралась бы, оставя все такъ, какъ есть, не дѣлать ему такихъ непріятностей какъ эта.

Этотъ случай показалъ всѣмъ семейнымъ еще разъ, что такъ или иначе вопросъ о семейной собственности долженъ быть рѣшенъ и со Л. Н—ча должна быть снята отвѣтственность въ распоряженіи ею.

Семья Л. Н—ча, за немногими исключеніями, далеко не раздѣляла его взглядовъ на собственность и вотъ наконецъ назрѣлъ моментъ для разрѣшенія этого затянувшагося конфликта. У многихъ членовъ семьи возникла мысль просить Л. Н—ча подписать бумагу о раздѣлѣ имущества.

Какъ ни тяжело ему было это новое утвержденіе собственности, но онъ согласился на это, не видя иной возможности развязать этотъ узелъ.

Формальное совѣщаніе о раздѣлѣ произошло на страстной недѣлѣ. Съѣхались всѣ члены семьи.

Отношеніе къ этому дѣлу Л. Н—ча ясно видно изъ его письма къ одному изъ друзей отъ 17 апрѣля 1891 года.

«Теперь всѣ собрались дѣти... и рѣшили дѣлить имѣнье... Я долженъ буду подписать бумагу дарственную, которая меня избавитъ отъ собственности, но подписка которой будетъ отступленіемъ отъ принципа. Я все-таки подпишу, потому что не поступивъ такъ, я бы вызвалъ зло».

Несмотря на спокойный тонъ этихъ строкъ, изъ дальнѣйшей части письма явствуетъ его душевное волненіе.

Въ томъ же письмѣ онъ пишетъ:

«Пишу нехорошимъ почеркомъ, потому что пріѣхалъ изъ Ясенокъ и руки озябли, а нехорошо по содержанію, потому что не совсѣмъ хорошо настроенъ. Но хочется поскорѣе написать».

Въ этотъ день дѣйствительно Л. Н—чемъ подписанъ актъ раздѣла, но самая процедура тянулась еще долго и закончилась только въ іюнѣ слѣдующаго 1892 года.

Постоянное ясное сознаніе Л. Н—чемъ того ужасающаго противорѣчія, которое лежитъ между двумя классами работающихъ и праздныхъ, выливалось нерѣдко въ его дневникѣ скорбными и полными глубокаго смысла словами. Такова слѣдующая запись Л. Н—ча въ дневникѣ того времени, затрагивающая вопросъ о борьбѣ съ этимъ неравенствомъ и противорѣчіемъ:

«Зашелъ къ Василію съ разбитыми зубами, — нечистота рубахъ и воздуха и холодъ, — главное вонь — поразила меня, хотя я знаю это давно.

«Да, на слова либерала, который скажетъ, что наука, свобода, культура исправитъ все это, можно отвѣчать только одно: «Устраивайте, а пока не устроено, мнѣ тяжелѣе жить съ тѣми, которые живутъ съ избыткомъ, чѣмъ съ тѣми, которые живутъ съ лишеніями. Устраивайте, да поскорѣе, я буду дожидаться внизу.

«Охъ, охъ. Ложь-то, ложь какъ въѣлась. Вѣдь что нужно, чтобы устранить это? Они думаютъ, чтобы

всего было много, и хлѣба, и табаку, и школъ. Но вѣдь этого мало. Серега грамотный укралъ деньги, чтобы съѣздить въ Москву. Онъ балуетъ, отецъ бьетъ. Константинъ лѣнится. Чтобы устроить, мало матеріально все перемѣнить, увеличить; надо душу людей передѣлать, сдѣлать ихъ добрыми и нравственными. А это не скоро устроите, увеличивая матеріальныя блага.

«Устройство одно — сдѣлать всѣхъ добрыми. А чтобы хоть не сдѣлать это, а содѣйствовать этому, едва ли не лучшее средство — уйти отъ празднующихъ и живущихъ потомъ и кровью братьевъ, и пойти къ тѣмъ замученнымъ братьямъ.

«Не едва ли, а навѣрно».

Литературной работой Л. Н—ча того времени были двѣ главныя вещи: статья объ искусствѣ и наукѣ и статья о «непротивленіи злу», какъ онъ называлъ сначала свое будущее сочиненіе «Царство Божіе внутри васъ».

Начало статьи объ искусствѣ было давно уже набросано Л. Н—чемъ по просьбѣ Гольцева. Потомъ Л. Н—чъ остановился въ этой работѣ и черновики ея хранились у В. Г. Черткова. Вѣроятно по просьбѣ кого-нибудь изъ редакторовъ Л. Н—чъ снова взялся за нее, попросивъ Черткова прислать начало.

2 января 1891 года Л. Н—чъ между прочимъ пишетъ ему:

«Нынче же получилъ рукопись объ искусствѣ и просмотрѣлъ ее, не касаясь. Казалось бы, что воздержавшись отъ попытокъ углубленія и разъѣзжанія въ сторону, можно бы привести ее въ порядокъ, что и постараюсь сдѣлать какъ можно скорѣе».

Но вскорѣ онъ отказывается отъ этой мысли и пишетъ:

«Получилъ «объ искусствѣ» и началъ работать на этомъ. Все углубляется и разрастается. Я не даю хода и надѣюсь ограничить и кончить. Но въ такомъ видѣ невозможно».

И работа эта снова откладывается, въ февралѣ онъ уже пишетъ между прочимъ Черткову:

«Посылаю тоже мое писаніе о наукѣ и искусствѣ. Хочу на время не развлекаться и отдать всѣ свои слабѣющія силы статьѣ о непротивленіи злу. Все думается, что она нужна, нужнѣе всего другого. О наукѣ и искусствѣ я писалъ болѣе для себя, а то иногда кажется, что для Бога».

Этому своему писанію онъ придавалъ дѣйствительно первенствующее значеніе. Около того же времени онъ писалъ своему другу Марьѣ Александровнѣ Шмидтъ, жившей тогда на Кавказѣ:

«Я много занимаюсь писаніемъ. Пишу очень медленно, передѣлываю безчисленное число разъ и не знаю, происходитъ ли это отъ того, что ослабѣли умственныя силы, въ чемъ дурного ничего нѣтъ (только бы способность любви росла), или оттого, что предметъ, о которомъ пишу, очень важенъ. Предметъ все тотъ же — необходимость для людей нашего времени принять на дѣлѣ ученіе Христа и что изъ этого будетъ».

Порой его охватывало страстное желаніе художественной работы. И онъ спѣшилъ дѣлиться этимъ чувствомъ съ Софьей Андреевной, зная, что доставитъ ей этимъ большую радость. Такъ онъ писалъ ей въ январѣ того же года: «... Какъ бы хорошо писать романъ освѣщая его теперешними взглядами...

«...И такъ мнѣ весело и бодро стало (отъ мысли о художественномъ писательствѣ); но пришелъ домой, взялся за науку и искусство и запнулся».

Работа надъ этими двумя статьями подвигалась медленно. Л. Н—чу сначала не удавалось найти форму; это безпокоило его, а самое безпокойство указывало ему

на признакъ тщеславія и онъ въ дневникѣ своемъ записывалъ такія покаянныя строки:

«Сейчасъ и нынче, какъ и всѣ дни, сидѣлъ надъ тетрадями начатыхъ работъ о наукѣ и искусствѣ, и о непротивленіи, и не могу приняться за нихъ; и убѣдился, что это грѣхъ. Отъ того, что я хочу, чтобы было то, что *я* хочу и какъ *я* хочу, а не то, что Онъ, и какъ Онъ хочетъ. Праздность физическая отъ того, что прямо не въ силахъ, праздность умственная преимущественно отъ того, что хочу по-своему. Ну отрывки, ну безъ связи, ну не ясно, ну пусть будетъ то, что Онъ хочетъ и внушаетъ мнѣ».

Мысли о литературныхъ произведеніяхъ своихъ и чужихъ наводили его на мысли о состояніи современной критики и въ дневникѣ его того времени мы находимъ такое строгое сужденіе о ней:

«Сейчасъ думалъ про критиковъ:

«Дѣло критиковъ толковать твореніе большихъ писателей, главное — выдѣлять изъ большого количества написанной всѣми нами дребедени, — выдѣлять самое лучшее.

«И вмѣсто этого что же они дѣлаютъ? Вымучатъ изъ себя, а то большей частью изъ плохого, но популярнаго писателя, выудятъ плоскую мыслишку и начинаютъ на эту мыслишку, коверкая, извращая писателей, нанизывать ихъ мысли такъ, что подъ ихъ руками большіе писатели дѣлаются маленькими, глубокіе — мелкими, и мудрые — глупыми.

«Это называется критика. И отчасти это отвѣчаетъ требованію массы, — она рада, что хоть чѣмъ-нибудь, «хоть глупостью пришпиленъ большой писатель и замѣтенъ, памятенъ ей. Но это не есть критика, т.-е. уясненіе мысли писателя, а это затемненіе его»[1]).

---

[1]) Архивъ Черткова.

Въ февралѣ Л. Н—чъ былъ обрадованъ посѣщеніемъ стариковъ Гэ, Н. Н—ча и его супруги Анны Петровны. Н. Н. ѣхалъ по обыкновенію на передвижную выставку и везъ туда свою новую картину, подъ названіемъ «Совѣсть».

Вотъ что писалъ мнѣ Л. Н—чъ объ этой картинѣ:

«Картина представляетъ Іуду: лунная ночь (куинджевская), Іуда стоитъ на первомъ планѣ и смотритъ впередъ на кучку людей, уже далеко съ факелами уводящихъ Христа. Хорошо, задушевно, но не такъ сильно и важно, какъ «Что есть истина».

---

25 февраля былъ арестованъ 13-ый томъ полнаго собранія сочиненій Л. Н. Толстого, изданный отдѣльно Софьей Андреевной; предметомъ ареста была напечатанная тамъ «Крейцерова соната», уже въ предыдущемъ году запрещенная для напечатанія въ Юрьевскомъ сборникѣ и въ журналѣ Гайдебурова.

С. А—на, сожалѣвшая о томъ, что новое художественное произведеніе Л. Н—ча не увидитъ свѣта и терпѣвшая кромѣ того, вслѣдствіе этого запрещенія, большой матеріальный ущербъ, не могла помириться съ этимъ распоряженіемъ.

Она обратилась сначала за совѣтомъ къ графинѣ Александрѣ Андреевнѣ Толстой, нельзя ли довести объ этомъ до свѣдѣнія государя. Александра Андреевна отвѣтила ей, что нужно просить министра. С. А—на послѣдовала этому совѣту и написала министру внутреннихъ дѣлъ Дурново, прося его снять запрещеніе. На это она получила вскорѣ письмо отъ Феоктистова, тогдашняго начальника главнаго управленія по дѣламъ печати, такого содержанія:

«Министръ Внутреннихъ Дѣлъ получилъ письмо Вашего Сіятельства и поручилъ Вамъ передать, что при

всемъ желаніи оказать Вамъ услугу, Его Высокопревосходительство не въ состояніи разрѣшить къ печати повѣсть «Крейцерова соната», ибо поводомъ къ ея запрещенію послужили не одни только, какъ Вы изволите предполагать, встрѣчающіяся въ ней неудобныя выраженія».

Не удовлетворившись этимъ отвѣтомъ, Софья Андреевна поѣхала въ Петербургъ хлопотать у Государя.

Она выѣхала въ Петербургъ 29 марта.

Добившись свиданія съ Государемъ, С. А. получила лично отъ него разрѣшеніе на изданіе «Крейцеровой сонаты» въ полномъ собраніи сочиненій. Оттуда эта повѣсть попала и въ отдѣльное изданіе и была перепечатана многими издателями.

Государь Александръ III оказался въ этомъ отношеніи болѣе либеральнымъ, чѣмъ американская цензура. Непониманіе этой высоконравственной повѣсти дошло до такой степени, что въ одномъ изъ Американскихъ Штатовъ она была конфискована за порнографическое содержаніе. А одинъ нѣмецкій издатель воспользовался «неприличнымъ», какъ ему показалось, содержаніемъ, чтобы сдѣлать изъ него рекламу и издалъ «Крейцерову сонату», изобразивъ на обложкѣ голую женщину для привлеченія публики.

Для Л. Н—ча эта поѣздка С. А—ны, несмотря на успѣхъ ея, а можетъ быть именно вслѣдствіе успѣха ея не была радостна. Онъ писалъ объ этомъ своему другу такъ:

«Жена вчера пріѣхала изъ Петербурга, гдѣ она видѣла Государя и говорила съ нимъ про меня и мои писанія — совершенно напрасно. Онъ обѣщалъ ей разрѣшить «Крейцерову сонату», чему я вовсе не радъ. А что-нибудь скверное было въ «Крейцеровой сонатѣ». Она мнѣ страшно опротивѣла, всякое воспоминаніе о ней. Что-нибудь было дурное въ мотивахъ, руководившихъ мною при писаніи ея. Такую злобу она вызвала.

Я даже вижу это дурное. Буду стараться, чтобы впередъ этого не было, если придется что кончить».

Окончательное разрѣшеніе продавать «Крейцерову сонату» послѣдовало отъ министра внутреннихъ дѣлъ только въ маѣ.

Къ упомянутымъ уже литературнымъ работамъ Л. Н—ча присоединяется еще одна. Чертковъ прислалъ Л. Н—чу интересную книгу по вегетарьянству, подъ названіемъ «Ethic of diet» («Этика діэты» или «Этика пищи», какъ ее назвали при переводѣ). Л. Н—чъ очень заинтересовался этой книгой и написалъ къ ней предисловіе.

Содержаніе этой хорошо извѣстной статьи захватываетъ вопросъ шире вегетаріанства. Она посвящена вообще вопросамъ воздержанія. Такъ какъ Л. Н—чъ былъ вполнѣ убѣжденъ, что безъ воздержанія не можетъ быть нравственной жизни, то онъ и назвалъ эту статью «Первая ступень». Статья эта положила основаніе вегетаріанскому движенію въ Россіи, въ настоящее время уже получившему значительное развитіе.

Чтобы ярче изобразить весь ужасъ убійства скота для съѣденія, Л. Н—чъ побывалъ на Тульскихъ бойняхъ; въ «Первой ступени» описано это посѣщеніе боенъ. То же впечатлѣніе занесено имъ и въ дневникѣ. Запись эта интересна своей непосредственностью и потому мы приводимъ ее здѣсь.

«Былъ на бойнѣ. Тащатъ за рога, винтятъ хвостъ такъ, что хрустятъ хрящи, не попадаютъ сразу, а когда попадаютъ, онъ бьется, а они рѣжутъ горло, выпуская кровь въ тазы, потомъ сдираютъ кожу съ головы. Голова обнажается отъ кожи, съ закушеннымъ языкомъ обращена кверху, а животъ и ноги бьются. Мясники сердятся на нихъ, что они не скоро умираютъ. Прасолы,

мясники снуютъ около съ озабоченными лицами, занятые своими расчетами».

Въ дневникѣ Л. Н—ча того времени мы находимъ цѣлый рядъ интересныхъ и важныхъ мыслей о ѣдѣ, воздержаніи и вообще объ уменьшеніи потребностей. Приводимъ нѣкоторыя изъ нихъ.

«Есть два средства не чувствовать матеріальной нужды: одно — умѣрять свои потребности, другое — увеличивать доходъ. Первое само по себѣ всегда нравственно, второе само по себѣ всегда безнравственно: отъ трудовъ праведныхъ не наживешь палатъ каменныхъ.

«Я не дѣлаю этого (напримѣръ, не избѣгаю прислуги) потому что это малость, не стоитъ того». — Все хорошее малость. Большую можно сдѣлать мерзость, а доброе дѣло всегда мало, незамѣтно. Добро совершается не по волканической, а по нептунической теоріи.

«Я не сдѣлаю этого, потому что это не натурально». — Натурально? Да если мы живемъ въ средѣ развращенной, то, живя въ ней натурально и ничего не шокируя, ты навѣрно не выступишь изъ нея. Живя въ такой средѣ, все добро, которое мы сдѣлаемъ, непремѣнно будетъ ненатурально. Можно сдѣлать натуральное и недоброе; но живя въ развращенной средѣ, нельзя ничего сдѣлать добраго, чтобы оно не было не натурально.

«Главная забота людей и главное занятіе людей, это не кормиться, — кормиться не требуетъ лишняго труда, — а обжорство. Люди говорятъ о своихъ интересахъ, возвышенныхъ цѣляхъ, женщины о высокихъ чувствахъ, а объ ѣдѣ не говорятъ; но главная дѣятельность ихъ направлена на ѣду. У богатыхъ устроено такъ, чтобы это имѣло видъ, что мы не заботимся, а это дѣлается само собой.

«Всѣ вообще въ среднемъ ѣдятъ, я думаю, по коли-

честву втрое того, что нужно, и по цѣнности, по труду пріобрѣтенія въ 10 разъ больше того, что нужно.

«Это одна изъ главныхъ перемѣнъ, которыя предстоятъ людямъ.

«Быть въ нуждѣ по отношенію къ пищѣ и одеждѣ и помѣщенію есть наивыгоднѣйшее положеніе человѣка, не переѣстъ, не перепьетъ, не перепокоится.

«Особенно первое: ѣсть надо такъ, какъ будто недостаетъ на всѣхъ и оставлять другимъ».

Въ іюлѣ въ Ясной было много гостей.

Недѣли двѣ провела со своимъ старымъ другомъ графиня Александра Андреевна Толстая. Ихъ нѣжныя, деликатныя, основанныя на взаимномъ уваженіи и дружбѣ отношенія ясно выступаютъ изъ описанія этого свиданія, которое дѣлаетъ Александра Андреевна въ своихъ воспоминаніяхъ о Л. Н—чѣ. Приводимъ изъ нихъ одну характерную страничку, относящуюся именно ко времени пребыванія ея въ Ясной въ 1891 году.

«Разговоръ нашъ затянулся довольно долго и въ новой формѣ. Этотъ разъ казалось, что Левъ вызываетъ меня на откровенность; но, видя его въ удрученномъ расположеніи духа, мнѣ не хотѣлось смущать его, такъ что я высказала только самую малую долю того, что у меня накопилось на душѣ.

«Однако, оставалось самое важное, и я рѣшилась заключить этимъ нашу бесѣду.

«Encore un mot, mon cher Léon; au lieu de regretter le phantastique, l'impossible, je dirai même l'inutile, avez-vous jamais pensé sérieusement à votre responsabilité vis-à-vis de vos enfants? Ils me font tous l'effet d'errer dans le vague. Que leur donnerez-vous en place des croyances que vous leur avez pro-

bablement ôtées? — car ils vous aiment trop pour ne pas chercher à vous suivre»[1]).

«Я никогда не придавала много власти своимъ словамъ, но на этотъ разъ я почувствовала, что стрѣла попала въ цѣль и задѣла что-то больное или давно заснувшее.

«Вся физіономія Льва измѣнилась и омрачилась. Я поспѣшила выйти изъ комнаты. Онъ мнѣ прежде какъ-то признался, что примирился съ молитвой и самъ ежедневно молится. Хочу вѣрить, что въ этотъ вечеръ онъ съ особеннымъ жаромъ прибѣгалъ къ помощи Божіей.

«За чаемъ я старалась его разсѣять, подшучивала надъ какими-то вновь поднесенными ему хвалебными пѣснями и заставила его сознаться, что пропорція между его порицателями и обожателями та же самая, что между слономъ и комаромъ. Для довершенія я даже подпустила ему маленькій комплиментъ:

«Depuis que je vois ce que je vois, je suis vraiment fort étonnée, mon cher ami, de ce que vous ayez conservé un certain équilibre dans votre esprit, car j'avoue franchement que si j'avais été l'objet de la millionième partie des ovations et des adorations qui vous entourent, mon cerveau eût culbuté sur-le-champ»[2]).

---

[1]) Еще одно слово, дорогой Левъ; вмѣсто того, чтобы оплакивать фантастическое, невозможное и даже безполезное, подумали ли вы когда-нибудь серьезно объ отвѣтственности передъ вашими дѣтьми? Всѣ они производятъ на меня впечатлѣніе блуждающихъ среди сомнѣній. Что вы дадите имъ взамѣнъ вѣрованій, вѣроятно отнятыхъ у нихъ вами? Они васъ слишкомъ любятъ, чтобы не стараться идти по вашимъ слѣдамъ.

[2]) Съ тѣхъ поръ, какъ я вижу то, что предо мною; я право очень удивляюсь, что вы еще сохранили равновѣсіе въ вашей душѣ. Признаюсь откровенно, если бы мнѣ досталась хоть милліоная часть тѣхъ овацій, которыми васъ окружаютъ, моя голова немедленно бы вскружилась.

«При этомъ случаѣ я вспомнила про себя прелестное слово Тургенева:

«Tolstoy, a-t-il dit un jour, est comme un éléphant qu'on aurait laissé courir dans un parterre et qui écraserait à chaque pas les plus belles fleurs du monde sans s'en douter»[1]).

«Какъ я уже сказала, послѣ обѣда мы обыкновенно собирались въ стеклянной галлереѣ, гдѣ Рѣпинъ и Гинцбургъ лѣпили бюстъ Л. Н—ча, каждый съ своей стороны.

«Чтобы сократить скуку сеансовъ, дѣти обыкновенно читали что-нибудь отцу вслухъ, но изъ излишней скромности отказались читать при мнѣ, увѣряя, что читаютъ недостаточно хорошо. Я охотно взялась за это дѣло, тѣмъ болѣе, что чувствовала себя въ веселомъ расположеніи духа, и просила Льва указать мнѣ, какую именно книгу онъ желаетъ слышать. На счастье или на бѣду, онъ выбралъ ту, которая была всего способнѣе вызвать mes esprits moqueurs[2]). Присланная недавно изъ Парижа, dédié au maître[3]), она отличалась плоскимъ поклоненіемъ и напыщенными афоризмами, пустыми, какъ мѣдь звенящая. Не знаю, что со мной случилось въ этотъ день, но почти на каждое слово незнакомаго мнѣ автора у меня сыпались сатиры и ѣдкій юмористическій отвѣтъ. Дѣти хохотали, художники смѣялись, и, наконецъ, самъ изволилъ потѣшаться, что безмѣрно польстило моему самолюбію.

«Послѣ чаю Левъ, въ свою очередь, читалъ намъ вслухъ норвежскія повѣсти въ русскомъ переводѣ, которыми онъ очень восхищался и читалъ прекрасно, хотя

---

[1]) Толстой, сказалъ онъ однажды, похожъ на слона, который, если бы его впустили въ цвѣтникъ, не думая объ этомъ давилъ бы лучшіе цвѣты.

[2]) Мою наклонность къ насмѣшкѣ.

[3]) Посвященная учителю.

слегка конфузился, когда попадались опасныя, т.-е. не совсѣмъ приличныя мѣста»[1]).

Въ это же время, какъ видно изъ разсказа Александры Андреевны, гостили въ Ясной Полянѣ И. Е. Рѣпинъ и скульпторъ Илья Яковлевичъ Гинцбургъ.

Илья Ефимовичъ Рѣпинъ въ этотъ пріѣздъ свой написалъ одно изъ наиболѣе выдающихся своихъ произведеній, Л. Н—ча въ его рабочемъ кабинетѣ. Картина эта хорошо извѣстна по своимъ многочисленнымъ копіямъ и фотографіямъ. Оригиналъ ея принадлежитъ М. А. Стаховичу и выставленъ имъ для обозрѣнія публики въ Толстовскомъ музеѣ въ Петербургѣ.

Въ этотъ же пріѣздъ И. Еф. сдѣлалъ нѣсколько рисунковъ, между прочимъ изобразилъ Л. Н—ча читающимъ, лежащимъ подъ деревомъ, сидящимъ въ креслѣ и наконецъ вылѣпилъ превосходный бюстъ въ натуральную величину.

Въ то время какъ Рѣпинъ писалъ картину въ рабочемъ кабинетѣ, Гинцбургъ лѣпилъ свою замѣчательную статуетку, одно изъ лучшихъ изображеній Л. Н—ча, въ которомъ необыкновенно вѣрно схвачена его характерная поза за письменной работой.

Въ то время какъ Рѣпинъ лѣпилъ свой бюстъ, Гинцбургъ дѣлалъ то же, только въ увеличенномъ размѣрѣ, бюстъ, напоминающій Зевеса Олимпійскаго. И. Я. Гинцбургъ разсказалъ о своемъ посѣщеніи Л. Н—ча въ печати и мы заимствуемъ изъ его разсказа нѣсколько характерныхъ строкъ.

Усталый съ дороги, въ волненіи отъ встрѣчи со Л. Н—чемъ, Гинцбургъ чувствовалъ себя первое время очень стѣсненнымъ. Изъ этого неловкаго положенія его вывелъ пришедшій Рѣпинъ.

---

[1]) Толстовскій музей. Т. I. Стр. 67.

«Пришелъ И. Е. Рѣпинъ, и я очень обрадовался, — разсказываетъ Гинцбургъ, — увидавъ здѣсь стараго хорошаго знакомаго. Онъ показалъ мнѣ начатый бюстъ Л. Н—ча, который онъ работаетъ по вечерамъ. «А вотъ сейчасъ я пойду писать Л. Н—ча въ его рабочей комнатѣ; пойдемте вмѣстѣ. Вы начнете статуетку его, хотите?» — «Я усталъ съ дороги и голова болитъ», попробовалъ я отказаться. «Смотрите, не откладывайте, — настаиваетъ И. Е. Рѣпинъ, — вы знаете, гдѣ мы теперь находимся, вѣдь мы на четвертомъ бастіонѣ». Я послушался И. Е. и пошелъ за нимъ.

«Л. Н—чъ сидѣлъ въ своей рабочей комнатѣ и писалъ. Меня поразила обстановка, среди которой работалъ Л. Н. Старинный подземный подвалъ напоминалъ средневѣковую келью схимника. Сводчатый потолокъ, желѣзныя рѣшетки на окнахъ, кольца на потолкѣ, коса, пила, — все это имѣло какой-то таинственный видъ. Самъ Л. Н—чъ въ бѣлой блузѣ сидитъ, поджавъ ногу, на низенькомъ ящикѣ, покрытомъ коврикомъ, — напоминая какого-то сказочнаго волшебника. Онъ удивленно на насъ посмотрѣлъ и сказалъ: «Работать пришли? — прекрасно. Такъ ли я сижу?»

«Стали устраиваться, я усѣлся возлѣ И. Е., который уже кончалъ свою работу; меня восхитила эта работа: обстановка комнаты, свѣтъ, падающій изъ окна, да и сама фигура Л. Н—ча — написаны съ удивительной правдивостью и художественностью.

«Признаться, мнѣ очень трудно было работать; боязнь сдѣлать шумъ заставляла меня сидѣть на одномъ мѣстѣ и не шевелиться, а между тѣмъ для круглой статуетки необходимо двигаться и наблюдать натуру съ разныхъ сторонъ. Мнѣ казалось, что наше присутствіе стѣсняетъ Л. Н—ча; временами бывало Л. Н—чъ отрывался отъ работы: онъ вопросительно на насъ смотрѣлъ, вѣроятно забывая, почему мы возлѣ него сидимъ. «Я вамъ мѣшаю», говоритъ онъ, увидѣвъ наши работы. — «Охъ,

нѣтъ, — отвѣчаетъ И. Е., — это мы вамъ мѣшаемъ». — «Нѣтъ, не мѣшаете, — отвѣчаетъ Л. Н—чъ; — только я забываю, что вы меня пишете, и оттого, кажется, мѣняю позу; у меня такое чувство, точно меня стригутъ».

На прогулкахъ они вели со Л. Н—чемъ бесѣду объ искусствѣ, объ академіи. Примѣняясь къ интересу своего слушателя, Л. Н—чъ высказалъ ему нѣсколько интересныхъ мыслей о скульптурѣ:

«Вы меня извините, — сказалъ Л. Н—чъ, — я скульпторовъ не люблю и не люблю ихъ потому, что они принесли много вреда искусству и людямъ; они занимаются тѣмъ, что вредно. Они наставили по всей Европѣ памятники, хвалебные монументы людямъ, которые были недостойны и вредны человѣчеству. Всѣ эти полководцы, военноначальники, правители и др. только одно зло дѣлали народу, а скульпторы ихъ воспѣвали, какъ благодѣтелей, и потомству оставили для поклоненія тѣхъ, кого слѣдовало бы позорить. Но главная неправда та, что, увѣковѣчивая этихъ насильниковъ и деспотовъ, они представляли ихъ не въ томъ видѣ, въ какомъ они въ дѣйствительности были. Людей слабыхъ, выродившихся и трусливыхъ они представляли всегда героями, сильными и великими, что несогласно съ самой дѣйствительностью; человѣка малаго роста, рахитичнаго они представляли великаномъ съ выпяченною грудью и быстрыми глазами, — все это ложь и неправда. Скульпторы находились на жалованьи у сильныхъ міра сего и угождали имъ. Такого позора въ такой степени мы не видимъ ни въ одномъ искусствѣ».

Въ августѣ снова гости. Профессоръ Н. Гротъ съ французскимъ ученымъ Charles Richet.

Эта панорама все новыхъ и новыхъ лицъ, проходящихъ передъ Л. Н—чемъ съ очень малымъ процентомъ такихъ, на которыхъ могла бы отдохнуть его душа, заставляетъ Л. Н—ча сдѣлать такую отмѣтку въ своемъ дневникѣ:

«Еще человѣкъ, и еще, и еще. И все новые, особенные; и все кажется, что этотъ то вотъ и будетъ новый, особенный, знающій то, что не знаютъ другіе, живущій лучше, чѣмъ другіе. И все то же, все тѣ же слабости, все тотъ же низшій уровень мысли.

«Неужели люди, теперь живущіе на шеѣ другихъ, не поймутъ сами, что этого не должно и не слѣдуетъ — добровольно, а дождутся того, что ихъ скинутъ и раздавятъ».

Въ это же время онъ записываетъ:

«Говорилъ съ N. Онъ сталъ хвалить Іоанна Кронштадтскаго. Я возражалъ. Потомъ вспомнилъ: «благословляйте ненавидящихъ васъ», и сталъ искать доброе въ немъ, и сталъ хвалить его. И мнѣ такъ весело и радостно стало.

«Да, благословлять, творить добро врагамъ, любить ихъ есть великое наслажденіе, — именно наслажденіе, захватывающее, какъ любовь, влюбленіе. Любить враговъ. Вѣдь только на врагахъ-то и можно познать истинную любовь. Это наслажденіе любви».

Въ письмахъ Л. Н—ча къ его друзьямъ и единомышленникамъ 1891 года попадаются интересныя мысли о томъ, что въ кругу большею частью молодыхъ друзей своихъ онъ замѣчаетъ нѣкоторый кризисъ, поворотъ, переходъ къ новой стадіи жизнепониманія и практики жизни. Этотъ переходъ совпалъ съ прекращеніемъ дѣятельности земледѣльческихъ общинъ и отчасти былъ въ связи съ нимъ. Неудача этого скороспѣлаго опыта заставила многихъ участниковъ его поглубже заглянуть въ свою душу, увидать многіе недочеты и заняться исправленіемъ и приготовленіемъ тѣхъ орудій, которыми они собирались строить новое зданіе. Вотъ этотъ обновительный процессъ и отразился на перепискѣ Л. Н—ча со своими друзьями.

Онъ писалъ между прочимъ Е. И. Попову:

«Знаете ли, что я замѣчаю въ послѣднее время то,

что путь нашъ (всѣхъ насъ, идущихъ по одному пути) становится или скорѣе начинаетъ казаться особенно труднымъ. Восторгъ, увлеченіе новизны, радость просвѣтлѣнія прошли. Возможность осуществленія становится все труднѣе и труднѣе, разочарованія въ возможности осуществленія все чаще и чаще. Недоброжелательство людей и радость при видѣ нашихъ ошибокъ все сильнѣе и сильнѣе. Все больше и больше людей отпадающихъ.

«Мнѣ кажется теперь такое время. И я радъ, что знаю это. Всѣ эти явленія меня не огорчаютъ. Главное же я радъ тому, что внутреннее чувство — сознаніе пути и истины — ни на одинъ волосъ не ослабѣваетъ. Напротивъ — крѣпнетъ.

«Одна слабость. Хочется испытанія, жертвы. Знаю, что грѣхъ, но хочется»[1]).

Въ письмѣ къ Фейнерману того же времени (весна 1891) онъ высказываетъ подобныя же мысли.

«Вы очень строги къ своему прошедшему опыту, или не совсѣмъ точно опредѣляете то, что оказалось ошибкой. Принципы, разумѣя подъ этимъ словомъ то, что должно руководить всею жизнью, не виноваты ни въ чемъ, и безъ принциповъ жить дурно. Ошибка только въ томъ, что въ принципъ возводится то, что не можетъ быть принципомъ — какъ крѣпко париться въ банѣ и т. п. Принципомъ даже не можетъ быть то, чтобы работать хлѣбную работу, какъ говоритъ Бондаревъ.

«Принципъ нашъ одинъ, общій, основной — любовь не словомъ только и языкомъ, а дѣломъ и истиною, т.-е. тратою, жертвою своей жизни для Бога и ближняго.

«Изъ этого общаго принципа вытекаетъ частный принципъ смиренія, кротости, непротивленія злу».

---

[1]) Полн. собр. соч. Л. Н. Толстого. Изд. Сытина. Т. XXII. Стр. 107.

«Послѣдствіемъ этого частнаго принципа, по всѣмъ вѣроятіямъ (я говорю, по всѣмъ вѣроятіямъ, а не всегда, потому что можетъ же быть человѣкъ посаженъ въ тюрьму и подобное тому), будетъ земельный, ремесленный или фабричный даже, но только во всякомъ случаѣ тотъ трудъ, на который менѣе всего конкурентовъ и вознагражденіе за который самое малое.

«Изъ всѣхъ сферъ, гдѣ конкуренція велика, человѣкъ, не на словахъ, а на дѣлѣ держащій ученіе Христа, будетъ всегда выжатъ и невольно очутится среди рабочихъ. Такъ что рабочее положеніе христіанина есть послѣдствіе приложенія принципа, а не принципъ, и если люди возьмутъ за основной принципъ то, чтобы быть рабочимъ, не исполнивъ того, что приводитъ къ этому, то очевидно, что выйдетъ путаница» [1]).

Въ письмѣ ко мнѣ Л. Н—чъ комментируетъ первую часть письма Фейнермана, по вопросу о дѣятельности разсудочной и непосредственнаго чувства.

«Получилъ письмо ваше, милый другъ П., и очень радъ былъ ему, хотя оно и показалось мнѣ холоднымъ что-то, строгимъ. Можетъ быть, это происходило отъ моего настроенія. Со мной — я думаю, и со всѣми тоже — всегда бываетъ, что когда я думаю, больше, чѣмъ думаю, когда мысль какая овладѣваетъ мною, то со всѣхъ сторонъ я слышу отголоски той же мысли. Фейнерманъ писалъ мнѣ предпослѣднее письмо (въ послѣднемъ на дняхъ онъ извѣщаетъ только, что переѣзжаетъ изъ Полтавы въ Екатеринославскую губернію) о пагубности жизни «по принципамъ», которые онъ противополагаетъ вѣрѣ; онъ очень вѣрно говоритъ, что принципы говорятъ «дай-ка я сдѣлаю», а вѣра говоритъ «нельзя не сдѣлать», принципы цѣпляютъ, тянутъ, а вѣра сзади толкаетъ, претъ. Вы пишете о томъ же. И

---

[1]) Полн. собр. соч. Л. Н. Толстого. Изд. И. Д. Сытина. Т. XXII. Стр. 89.

я въ своемъ писаніи думаю о томъ же: о томъ, какъ движется впередъ человѣкъ и человѣчество. И я понимаю отрицаніе разсудочной, программной дѣятельности, но не раздѣляю его. Разсудочная дѣятельность забираетъ, дѣйствительно, впередъ стремленія, но это не только не бѣда, но необходимое условіе движенія впередъ: надо прежде занести одну ногу впередъ, не перенося еще на нее тяжести всего тѣла. Безъ этого нѣтъ движенія. И упрекать себя за то, что живешь или стараешься жить по впередъ опредѣленнымъ правиламъ, все равно, что упрекать себя, что заносишь впередъ ногу, а не прыгаешь все на одной»[1]).

Анализируя причины этого поворота въ душевной жизни нѣкоторыхъ друзей, Л. Н—чъ пишетъ Черткову, соглашаясь съ нимъ въ неправильно употребленномъ имъ словѣ «отпадаютъ» и поправляетъ и разъясняетъ, какъ ему представляется этотъ моментъ въ духовномъ движеніи нѣкоторыхъ людей:

«Вы вѣрно поправляете меня о словѣ «отпадаютъ», а главное особенно вѣрно и хорошо пишете о М. Н—чѣ и душевномъ процессѣ, происходящемъ въ немъ и въ людяхъ — очень хорошихъ, — подобныхъ ему.

«Труденъ переходъ изъ области плотской животной жизни въ область жизни для славы людской, но особенно труденъ переходъ отъ жизни для славы людской къ жизни для Бога. Или это оттого такъ кажется, что тотъ переходъ мы пережили, а этотъ намъ предстоитъ. Дѣйствительно, какъ дикому кажется непонятнымъ, невозможнымъ пожертвовать своей не только жизнью, но аппетитами, для славы людской (а намъ съ нашимъ point d'honneur'омъ кажется, что это и не можетъ быть иначе), такъ и намъ теперь часто кажется непонятнымъ, невозможнымъ пожертвовать славой людской для исполненія воли Бога, а святому человѣку кажется, что это и не можетъ быть иначе»[2]).

[1]) Архивъ П. И. Бирюкова. [2]) Архивъ Черткова.

Н. Н. Ге младшему онъ кратко сообщаетъ о томъ же:

«Получаю хорошія письма, между прочимъ отъ Рахманова, отъ Фейнермана. Всѣ переступили ту первую ступень, на которую вступили сначала и идутъ дальше и это радостно».

Эта жизнь Л. Н—ча, проходившая въ общеніи словесномъ и письменномъ со всякаго рода людьми, осложнялась для него тѣмъ, что обстановка его семейной жизни дисгармонировала съ высказанными имъ мыслями и это чрезвычайно тяготило его.

Главный вопросъ, изъ-за котораго происходило въ семьѣ несогласіе, былъ вопросъ о собственности.

Вопросъ о недвижимомъ имуществѣ былъ рѣшенъ, Л. Н—чъ подписалъ раздѣльный актъ. Но у него оставалось еще огромное имущество — это его сочиненія. Они принадлежали ему, а распоряжалась ими его жена по данной имъ довѣренности на изданіе ихъ.

И вотъ у Л. Н—ча назрѣла мысль о необходимости отреченія отъ правъ литературной собственности. Онъ сказалъ объ этомъ С. А., прося ее объявить его отреченіе. Это было въ іюлѣ. Произошла бурная семейная сцена. На С. А—ну эта сцена произвела такое сильное впечатлѣніе, что она рѣшила покончить съ собой. Она пошла одна на станцію желѣзной дороги Козловку-Засѣку, чтобы лечь подъ поѣздъ. По ея разсказамъ душевное состояніе ея было такое, что она не остановилась бы передъ исполненіемъ этого намѣренія. Простая случайность спасла ее отъ гибели. Она шла по большой дорогѣ мимо казенной посадки. Ал. М. Кузминскій, мужъ ея сестры, возвращался съ прогулки на станцію. Но онъ шелъ лѣсомъ и они не должны были встрѣтиться. Но Кузминскаго въ лѣсу закусали комары и онъ вышелъ на дорогу, спасаясь отъ нихъ, и встрѣтилъ С. А—ну. Видъ ея поразилъ его и онъ добился отъ нея

признанія въ ея намѣреніи и съумѣлъ оттоворить отъ совершенія безумнаго поступка.

Конечно, въ этотъ разъ дѣло не могло быть рѣшено. Но Л. Н—чъ не отступился отъ своего рѣшенія и продолжалъ настаивать. Онъ составилъ даже текстъ этого отреченія и посылалъ С. А—нѣ, когда она была въ Москвѣ, предлагая отдать это заявленіе въ газеты, но С. А—на не соглашалась. Такъ дѣло тянулось до сентября. Наконецъ 16 сентября Л. Н—чъ рѣшилъ безповоротно исполнить свое намѣреніе: написалъ и послалъ въ газеты свое отреченіе въ такой формѣ:

«Милостивый Государь,

«Вслѣдствіе часто получаемыхъ мною запросовъ о разрѣшеніи издавать, переводить и ставить на сцену мои сочиненія, прошу Васъ помѣстить въ издаваемой Вами газетѣ слѣдующее мое заявленіе:

«Предоставляю всѣмъ желающимъ право безвозмездно издавать въ Россіи и за границей по-русски и въ переводахъ, а равно и ставить на сценахъ всѣ мои сочиненія, напечатанныя въ XII томѣ изданія 1886 года и въ вышедшемъ въ нынѣшнемъ 1891 году XIII томѣ, такъ равно и мои не напечатанныя въ Россіи и могущія впослѣдствіи, т.-е. послѣ нынѣшняго дня, появиться сочиненія»[1]).

Такимъ образомъ совершился великій актъ, безпримѣрный въ исторіи. Отреченіе автора отъ литературныхъ правъ на свои сочиненія. Правда, это отреченіе было не полно, онъ предоставилъ своей семьѣ право распоряжаться большими романами, повѣстями перваго времени и педагогическими сочиненіями; но написанное имъ послѣ уже превышало по количеству написанное раньше и это было для Л. Н—ча единственнымъ выходомъ изъ тяготившихъ его обстоятельствъ жизни.

[1]) Заявленіе это приводится нами по общему смыслу, за невозможностью провѣрить текстъ его по подлиннику. *П. Б.*

Лѣто 1891 года прошло въ большой тревогѣ для многихъ милліоновъ русскихъ рабочихъ людей, преимущественно крестьянскаго сословія. 20 губерній центральной и юго-восточной Россіи постигъ полный неурожай. Это надвигающееся бѣдствіе конечно не могло остаться незамѣченнымъ и Л. Н—чемъ.

И вотъ уже съ іюля мѣсяца въ Ясной начинаются разговоры о голодѣ. Сначала Л. Н—чъ, всегда стоявшій въ оппозиціи къ массовымъ движеніямъ, какъ будто высказывалъ несочувствіе доходившимъ до него призывамъ къ помощи.

Графиня Александра Андреевна Толстая, гостившая это лѣто у Л. Н—ча, въ своихъ воспоминаніяхъ упоминаетъ объ этой оппозиціи:

«Одинъ изъ этихъ пріятныхъ вечеровъ былъ прерванъ пріѣздомъ тульскаго предводителя дворянства Раевскаго. Это была пора наступавшаго въ 1891 году голода; глубоко погруженный въ мысли объ этой напасти, Раевскій не могъ говорить ни о чемъ другомъ, и это раздражало Льва, не знаю почему; онъ противорѣчилъ каждому слову Раевскаго и бормоталъ про себя, что все это ужасный вздоръ и что если бы и насталъ голодъ, то нужно только покориться волѣ Божіей и проч. и проч. Раевскій, не слушая его, продолжалъ сообщать графинѣ всѣ свои опасенія, а Левъ не переставалъ вить à la sourdine свою канитель, что производило на слушателей самое странное дѣйствіе».

И дневникъ Л. Н—ча отмѣчаетъ мысли, явившіяся вѣроятно вслѣдствіе разговоровъ о голодѣ. Такъ, въ концѣ іюня онъ записываетъ:

«Дѣти иногда даютъ бѣднымъ хлѣбъ, сахаръ, деньги и сами довольны собой, умиляются на себя, думая, что они дѣлаютъ нѣчто доброе. Дѣти не знаютъ, не могутъ знать, откуда хлѣбъ, деньги. Но большимъ надо бы знать это и понимать то, что не можетъ быть ничего

добраго въ томъ, чтобы отнять у одного и дать другому. Но многіе большіе не понимаютъ этого.

«Спасеніе жизни, матеріальное — спасеніе дѣтей погибающихъ, излѣченіе больныхъ, поддержаніе жизни стариковъ и слабыхъ — не есть добро, а есть только одинъ изъ признаковъ его, точно такъ же, какъ наложеніе красокъ на полотно не есть живопись, хотя всякая живопись есть наложеніе красокъ на полотно. Матеріальное спасеніе, поддержаніе жизней людскихъ есть обычное послѣдствіе добра, но не есть добро. Поддержаніе жизни мучимаго работой раба, прогоняемаго сквозь строй, чтобы дать ему его 5000, — не есть добро, хотя и есть поддержаніе жизни.

«Добро есть служеніе Богу, сопровождаемое всегда только жертвой, тратой своей животной жизни, какъ свѣтъ сопровождается всегда тратой горючаго матеріала.

«Очень важно разъяснить это. Такъ закоренѣло заблужденіе — принимать послѣдствіе за сущность».

Въ іюлѣ эти замѣтки принимаютъ еще болѣе опредѣленный характеръ:

«Всѣ говорятъ о голодѣ, всѣ заботятся о голодающихъ, хотятъ помогать имъ, спасать ихъ. И какъ это противно. Люди, не думавшіе о другихъ, о народѣ, вдругъ почему-то возгораются желаніемъ служить ему. Тутъ или тщеславіе — выказаться, или страхъ; но добра нѣтъ.

«Голодъ всегда (нищихъ всегда имѣете), т.-е. всегда есть, кому и для чего жертвовать, или въ одно время не можетъ быть больше нужна моя жертва или служба, чѣмъ въ другое, потому что матеріальное самое большое дѣло будетъ $\frac{a}{\infty}$, т.-е. ничто, а духовно — всегда опредѣленная величина.

«Нельзя начать по извѣстному случаю дѣлать добро нынче, если не дѣлалъ его вчера. Добро дѣлаютъ не потому, что голодъ, а потому, что хорошо его дѣлать».

Наконецъ въ сентябрѣ, когда заговорили въ печати и обществѣ болѣе громко о предстоящемъ бѣдствіи, ко Л. Н—чу обратился за совѣтомъ Николай Семеновичъ Лѣсковъ. И Л. Н—чъ отвѣтилъ ему нижеприводимымъ интереснымъ письмомъ, все еще какъ бы уклоняясь отъ непосредственнаго участія въ этомъ дѣлѣ:

Л. Н—чъ писалъ Лѣскову:

«... На вопросъ, который вы дѣлаете мнѣ о голодѣ, очень бы хотѣлось сумѣть ясно выразить, что я по отношенію этого думаю и чувствую. А думаю и чувствую я объ этомъ предметѣ нѣчто очень опредѣленное, именно: голодъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (не у насъ, но вблизи отъ насъ — нѣкоторыхъ уѣздахъ: Епифановскомъ, Ефремовскомъ, Богородицкомъ) есть и будетъ еще сильнѣе, но голодъ, т.-е. большій, чѣмъ обыкновенно недостатокъ хлѣба у тѣхъ людей, которымъ онъ нуженъ, хотя онъ есть въ изобиліи у тѣхъ, которымъ онъ не нуженъ, — отвратить никакъ нельзя тѣмъ, чтобы собрать, занять деньги и купить хлѣба и раздать его тѣмъ, кому онъ нуженъ, потому что дѣло все въ раздѣленіи хлѣба, который былъ у людей. Если этотъ хлѣбъ, который былъ и есть теперь, если ту землю, если деньги, которые есть, раздѣлили такъ, что остались голодные, то трудно думать, чтобы тотъ хлѣбъ или деньги, которые дадутъ теперь, раздѣлили бы лучше; только новый соблазнъ представятъ тѣ деньги, которые вновь соберутъ и будутъ раздавать. Если, когда кормятъ куръ и цыплятъ, старые куры и пѣтухи обижаютъ — быстрѣе подхватываютъ и отгоняютъ слабыхъ, то мало вѣроятнаго въ томъ, чтобы, давая больше корма, насытить голодныхъ. При этомъ надо представить себѣ отбивающихъ куръ и пѣтуховъ ненасытными. Дѣло не въ томъ, такъ какъ убивать отбивающихъ куръ и пѣтуховъ нельзя, а въ томъ, чтобы научить ихъ дѣлиться съ слабыми. А покуда этого не будетъ — голодъ всегда будетъ. Онъ всегда и былъ

и не переставалъ: голодъ тѣла, голодъ ума, голодъ души. Я думаю, что всѣ силы надо употреблять на то, чтобы противодѣйствовать, разумѣется, начиная съ себя, тому, что производитъ этотъ голодъ. А взять у правительства или вызвать пожертвованія, т.-е. собрать побольше мамоны неправды и, не измѣняя подраздѣленія, увеличить количество корма, — я думаю, не нужно и ничего, кромѣ грѣха, не произведетъ. Дѣлать этого рода дѣла есть тьма охотниковъ, — людей, которые живутъ всегда не заботясь о народѣ, часто даже ненавидя и презирая его, которые вдругъ возгораются заботами о меньшомъ братѣ, — и пускай ихъ это дѣлаютъ. Мотивы ихъ и тщеславіе и честолюбіе, и страхъ, какъ бы не ожесточить народъ. Я же думаю, что добрыхъ дѣлъ нельзя дѣлать вдругъ по случаю голода, а что если кто дѣлаетъ добро, тотъ дѣлалъ его и вчера, и третьяго дня, и будетъ дѣлать его и завтра, и послѣзавтра, и во время голода, и не во время голода. И потому противъ голода одно нужно, чтобы люди дѣлали какъ можно больше добрыхъ дѣлъ, вотъ и давайте, такъ какъ мы люди, стараться это дѣлать до конца и вчера, и нынче, и всегда. Доброе же дѣло не въ томъ, чтобы накормить хлѣбомъ голодныхъ, а въ томъ, чтобы любить и голодныхъ и сытыхъ. И любить важнѣе, чѣмъ кормить, потому что можно кормить и не любить, но нельзя любить и не кормить.

«Пишу это не столько вамъ, сколько тѣмъ людямъ, съ которыми безпрестанно приходится говорить и которые утверждаютъ, что собрать денегъ или достать и раздать — доброе дѣло, не понимая того, что доброе дѣло только дѣло любви, а дѣло любви всегда дѣло жертвы. И потому, если вы спрашиваете: что именно вамъ дѣлать? я отвѣчу: вызывать, если можете (а вы можете) въ людяхъ любовь другъ къ другу, и любовь не по случаю голода, а любовь всегда и вездѣ; но, кажется, будетъ самымъ дѣйствительнымъ средствомъ про-

тивъ голода написать то, что тронуло бы сердце богатыхъ. Какъ вамъ Богъ положитъ на сердце — напишите, и я бы радъ былъ, кабы и мнѣ Богъ велѣлъ написать такое».

Такъ писалъ Л. Н—чъ въ сентябрѣ, а въ октябрѣ подъ вліяніемъ сознанія растущаго рядомъ съ нимъ народнаго бѣдствія и чувства сострадавія къ людямъ Л. Н—чъ окунается въ него съ головой и дѣятельность, проявленная имъ въ это время, является одной изъ лучшихъ страницъ какъ его личной жизни, такъ и его семьи и всего русскаго общества.

Описаніе этой дѣятельности Л. Н—ча составитъ предметъ отдѣльныхъ главъ; здѣсь же мы дадимъ еще образцы письменнаго общенія Л. Н—ча съ его друзьями за это время. Многія изъ писемъ его полны глубокаго интереса. Весьма значительно письмо Л. Н—ча къ доктору Рахманову. Онъ побывалъ въ общинахъ, ушелъ оттуда, зажилъ одиночной жизнью и все-таки неудовлетворенный ею, всегда полный самыхъ строгихъ нравственныхъ требованій къ себѣ, сообщаетъ Л. Н—чу свои сомнѣнія и проситъ совѣта. Л. Н—чъ отвѣчаетъ ему такъ:

«... мнѣ не ясенъ вашъ вопросъ. Вы какъ-то связываете сознаніе того, что вы пользуетесь насиліемъ съ состраданіемъ къ мучающимся и мученнымъ людямъ. Я связи этой не вижу. Это первое, а второе, не согласенъ съ тѣмъ, что вы живете насиліемъ. Я сужу по себѣ: я живу въ условіяхъ гораздо худшихъ, чѣмъ вы, и все-таки не считаю, что живу насиліемъ. Да и вообще не понимаю хорошенько, что разумѣть подъ этими словами. Я не живу насиліемъ въ томъ смыслѣ, что знаю, что всякій разъ, какъ мнѣ представится вопросъ, употребить ли насиліе или нѣтъ, я не пожелаю насилія и не употреблю его сознательно. (Примѣръ, который я всегда для себя употребляю: если скажутъ, что подходитъ Пугачевъ, убивающій и насилующій всѣхъ, не

только не приготовлю порохъ и ружье, а утоплю ихъ, чтобы избавиться отъ искушенія). Но сказать, что я никогда не употреблю насилія или незамѣтно для себя не воспользуюсь имъ — не могу, потому что сказать это, значитъ сказать, что я святъ. И колебаться и сомнѣваться о томъ, дѣйствительно ли я не участвую въ насиліи, я не могу, потому что знаю очень хорошо, что было, когда я участвовалъ въ немъ, знаю, что все мое міросозерцаніе и вся моя жизнь другія, и что я не обманываю себя, когда думаю, что ненавижу насиліе и всѣми силами души стремлюсь жить безъ него, т.-е. жить по закону Бога — любовью.

«Теперь вопросъ о страданіяхъ людей, производимыхъ насиліемъ. Я знаю, что они есть. Я ненавижу насиліе и отрекаюсь отъ него только потому, что знаю, что они есть, что есть эти страданія. Мое отреченіе отъ насилія, я знаю, не спасетъ отъ страданія людей. Я этого и не ждалъ. Спасетъ людей отъ страданій установленіе Царства Божія, и оно устанавливается и мною. Средство установленія его есть любовь. Любовь и руководитъ тѣми поступками, которые надо совершать. А какіе это поступки, которые по любви надо совершать — это знаетъ тотъ, кому надо поступать. Идти ли въ копи и вмѣстѣ работать, увѣщавать ли хозяевъ измѣнить положеніе рабочихъ или свою жизнь, чтобы имъ не нужно было идти? Или еще что, это знаетъ каждый въ своемъ положеніи. И если онъ слушается голоса любви, а не эгоизма, то онъ сдѣлаетъ, что должно, и, сдѣлавъ или дѣлая, не то что будетъ спокоенъ, но не будетъ безпокоенъ. Ученіе же Христа покажетъ ему, чего не надо дѣлать, — не злить, не злиться, не раздѣлять людей.

«Главное же, главное то, что мнѣ очень ясно теперь и что бы мнѣ такъ хотѣлось съ той же ясностью передать другимъ: это то, что какъ идеалъ внутренняго совершенства безконеченъ, не безконеченъ, а достижимъ

только безконечнымъ приближеніемъ (какъ многоугольникъ въ кругѣ), такъ и идеалъ внѣшняго совершенства Царствія Божія (льва съ ягненкомъ и дальше . . .) достижимъ только въ безконечности, и что потому повѣрку своихъ поступковъ человѣкъ долженъ искать не во внѣшнемъ сравненіи себя, своихъ достоинствъ съ идеаломъ внутренняго совершенства (будьте совершенны какъ Отецъ), ни съ внѣшнимъ идеаломъ Царства Божія, а во внутреннемъ сознаніи наибольшаго возможнаго въ его положеніи исполненія воли пославшаго. Въ родѣ, какъ работникъ, которому отъ хозяина велѣно бить молотомъ и которому нечего заботиться о томъ, что отъ его ударовъ не разбивается сразу то, что онъ разбиваетъ, о томъ, что заводъ, на которомъ онъ работаетъ не кончитъ всю работу къ празднику, а которому надо дѣлать только въ томъ, къ чему онъ приставленъ, все, что онъ можетъ, твердо вѣруя, что то, что онъ дѣлаетъ, нужно и разумно»[1]).

Своему другу Н. Н. Ге онъ жалуется на временное ослабленіе своего участія въ крестьянскихъ работахъ:

«Я нынѣшній годъ очень слабъ физически, занятъ своимъ писаньемъ, которое не кончено, но подвигается, и, сверхъ того, одолѣваемъ гостями всякихъ сортовъ. И вы не можете себѣ представить, какъ теперь, во время уборки, мнѣ скверно, совѣстно, грустно жить въ тѣхъ подлыхъ, мерзкихъ условіяхъ, въ которыхъ я живу. Особенно вспоминая прежніе годы».

Вопросъ о посѣтителяхъ видимо сильно волновалъ Л. Н—ча въ это лѣто. Въ слѣдующемъ письмѣ къ Н. Н. Ге онъ снова возвращается къ нему и говоритъ такъ:

«У насъ очень много посѣтителей, и я относительно ихъ всегда стараюсь держаться вашего правила, что

---

[1]) Полн. собр. соч. Л. Н. Толстого. Т. XXII. Изд. И. Д. Сытина. М. 1913. Стр. 93—94.

«человѣкъ дороже полотна». И бываютъ за это тяжесть, скука, но бываютъ и награды. Избавиться отъ этого одно средство — работа, когда ею живешь и другихъ кормишь, но намъ не только нельзя отказываться, но надо радоваться, что мы на что-нибудь пригодились. Но еще лучше, если и отъ работы можно оторвать время для человѣка, для болтовни съ нимъ. Крайности всегда сходятся: болтовня — самое пустое и самое великое дѣло»[1]).

Часто Л. Н—ча безпокоили денежные просители и онъ пишетъ одному изъ нихъ такъ:

«Очень сожалѣю, что не могу исполнить вашихъ желаній, дорогой Александръ — извините, не знаю отчества. — Денегъ я уже очень давно не имѣю никакихъ и ни на что ихъ не употребляю. Признаюсь, мнѣ всегда даже обидно, когда у меня просятъ денегъ. Если я считаю деньги зломъ, то я или не имѣю ихъ, или если имѣю, то я лгунъ и ко мнѣ не слѣдуетъ обращаться»[2]).

Значительнымъ событіемъ этого года было появленіе на русскомъ языкѣ книги баронессы Сутнеръ, ел романа «Долой оружіе». Л. Н—чъ получилъ эту книгу отъ переводчика и отвѣчалъ автору такимъ письмомъ:

«Я прочелъ вашъ романъ «Долой оружіе», присланный мнѣ его переводчикомъ г-мъ Булгаковымъ. Я очень цѣню ваше произведеніе и думаю, что появленіе вашего романа составляетъ счастливое предзнаменованіе. Отмѣнѣ невольничества предшествовала знаменитая книга женщины — мистрисъ Бичеръ-Стоу; дай Богъ, чтобы ваша книга предшествовала отмѣнѣ войны. Я не думаю, чтобы третейскій судъ былъ дѣйствительнымъ средствомъ къ отмѣнѣ войны. Я теперь какъ разъ оканчиваю объ этомъ предметѣ трудъ, въ которомъ говорю объ единственномъ средствѣ, которое, по моему мнѣнію,

---

[1]) Тамъ же, стр. 97.

[2]) Тамъ же, стр. 88—89.

могло бы сдѣлать войны невозможными. Тѣмъ не менѣе, всѣ усилія, диктуемыя искреннею любовью къ человѣчеству, принесутъ плоды, и я убѣжденъ, что римскій международный конгрессъ (парламентскихъ сторонниковъ мира), равно какъ и прошлогодній лондонскій), очень много посодѣйствуетъ популяризаціи идеи о рѣзкомъ противорѣчіи между военнымъ состояніемъ народовъ и исповѣдуемыми этими же народами основами христіанства и гуманности»[1]).

Вліяніе Л. Н—ча въ это время начало проникать въ широкія массы. Признакомъ этому можетъ служить появленіе статей о Л. Н—чѣ въ умѣренной, даже консервативной прессѣ. Такой статьей, старавшейся примирить Л. Н—ча съ умѣренными, благожелательными людьми, надо считать появившуюся въ этомъ году статью Н. Н. Страхова, смиреннаго и восторженнаго поклонника Л. Н—ча, и въ то же время не порывавшаго своей связи съ такими консервативными органами, какъ «Русскій Вѣстникъ». Статья его о Л. Н—чѣ, подъ названіемъ «Толки о Толстомъ», появилась на этотъ разъ въ умѣренно-либеральномъ журналѣ «Вопросы психологіи и философіи».

Сущность этой статьи заключается въ томъ, что Страховъ доказываетъ, что распространеніе сочиненій Л. Н—ча полезно, такъ какъ они полны истиннаго христіанскаго духа. Конечно это было очень смѣлое утвержденіе и только благодаря прежней репутаціи Страхова статья эта увидѣла свѣтъ.

На Л. Н—ча статья эта произвела хорошее впечатлѣніе. Онъ писалъ Страхову по прочтеніи ея:

«Прочелъ вашу статью, дорогой Николай Николае-

---

[1]) Полн. собр. соч. Л. Н. Толстого. Т. XXII. Изд. И. Д. Сытина. М. 1913. Стр. 98.

вичъ, и признаюсь не ожидалъ ее такою. Вы понимаете, что мнѣ неудобно говорить про нее и не изъ ложной скромности говорю, — мнѣ непріятно было читать про то преувеличенное значеніе, которое вы приписываете моей дѣятельности. Было бы несправедливо, если бы я сказалъ, что я самъ въ своихъ мысляхъ неясныхъ, неопредѣленныхъ, вырывающихся безъ моего на то согласія, не поднимаю себя иногда на ту же высоту, но зато въ своихъ мысляхъ я и спускаю себя часто и всегда съ удовольствіемъ на самую низкую низость, такъ что это уравновѣшивается на нѣчто среднее. И потому читать это непріятно. Но оставивъ это въ сторонѣ, статья ваша поразила меня своей задушевностью, своей любовью и глубокимъ пониманіемъ того христіанскаго духа, который вы мнѣ приписываете. Кромѣ того, когда примешь во вниманіе тѣ условія цензурныя, при которыхъ вы писали, поражаешься мастерствомъ изложенія. Но все-таки, простите меня, я буду радъ если ее запретятъ.

«Во всякомъ случаѣ эта ваша статья сблизила меня еще больше съ вами самыми основами».

Въ то же время онъ писалъ своей женѣ, бывшей тогда въ Петербургѣ:

«Вчера получилъ статью Страхова. Согласенъ съ тобой, что она до неприличія преувеличиваетъ мое значеніе, но, кажется, что независимо отъ того, что онъ такъ льститъ мнѣ, я не ошибусь, сказавъ, что она замѣчательно хороша, не только хорошо написана, но умна, задушевна, сердечна. Такъ понимать сущность христіанства можетъ только христіанинъ, или лучше — ученикъ Христа. Скажи это Николаю Николаевичу. Я буду писать ему».

Замѣчательно то, что эта статья дошла и до государя Александра III. Вотъ какъ объ этомъ пишетъ Страховъ Л. Н—чу:

«... я долженъ вамъ разсказать о моемъ разго-

ворѣ съ графиней Александрой Андреевной. Я еще не успѣлъ подойти къ ней, какъ она начала: «Надѣюсь, что вы не будете на меня сердиться за то, что я сдѣлала безъ вашего спроса: я представила вашу статью Государю». Такой неожиданный приступъ точно ударилъ меня. Она стала потомъ говорить, что моя статья заставила ее измѣнить свой взглядъ на вашу дѣятельность. «Вы знаете, что я давно знаю Л. Н—ча, очень люблю его, очень съ нимъ несогласна, много спорила съ нимъ и думала о немъ, но я не умѣла смотрѣть съ той стороны, съ которой вы взглянули. Теперь я стала гораздо терпимѣе. Когда зашла рѣчь объ Л. Н., я сказала Государю: «У меня есть знакомый писатель Страховъ». — «Знаю», говоритъ онъ. — «И онъ написалъ объ Л. Н. статью, которая едва ли пройдетъ черезъ нынѣшнюю цензуру, а прекрасно объясняетъ его дѣятельность». И я передала вашу статью Государю». Очень меня взволновала такая честь, и я благодарилъ графиню, но всего больше меня радовало, что она, кажется, дѣйствительно стала отказываться отъ своей нетерпимости. Она такъ умна и добра, что для нея это возможно. Но вообще, какъ это трудно! Изъ разговоровъ съ разными людьми, напримѣръ, даже съ Суворинымъ я вижу, что ходячее понятіе о религіи необыкновенно крѣпко сидитъ въ умахъ. Почти первое слово объ васъ: «Какъ онъ смѣетъ проповѣдывать!» У васъ отнимаютъ самое неотъемлемое и самое простое и невинное право каждаго человѣка»[1]).

И это вліяніе Л. Н—ча только возросло, расширилось и углубилось подъ вліяніемъ послѣдующихъ событій.

---

[1]) Толстовскій музей. Т. II. Переписка Л. Н. Толстого съ Н. Н. Страховымъ. С.-Петерб. 1914. Стр. 431.

Часть вторая

Голодъ. Царствіе Божіе

ГЛАВА VII

Начало дѣятельности среди голодающихъ 1891 г.

Во второй половинѣ сентября Л.Н—чъ совершилъ поѣздку въ нѣкоторые, пострадавшіе отъ неурожая, уѣзды.

Въ его записной книжкѣ того времени есть замѣтки, повидимому относящіяся до этой поѣздки.

«Выѣхали въ 7 часовъ. Заѣхали Богородицкаго уѣзда въ деревню Панарино къ старостѣ. Молодой малый началъ перечислять: 60 дворовъ, у каждаго сколько ржи, овса, картофеля, сколько ѣдоковъ. Все безъ остановки и запинки. Изъ 60 дворовъ 30 бѣдныхъ: въ среднемъ 5 мѣръ ржи, 5 четвертей овса, около 18 четвертей картофеля. Все вмѣстѣ, главное картофель, даетъ возможность существовать полгода, т.-е. до марта. Хлѣбъ съ лебедой ужасенъ. Лебеда нынѣшняго года зеленая. Ея не ѣстъ ни собака, ни свинья, ни курица. Люди, если съѣдятъ натощакъ, то заболѣваютъ рвотой».

По дорогѣ Л. Н—чъ заѣзжалъ къ нѣкоторымъ помѣщикамъ. Вотъ его впечатлѣнія:

«У Б. помѣщается семья. Барыня полногрудая, съ просѣдью, въ корсетѣ, съ бантикомъ въ шиньонѣ, хозяйка, расплачивается съ поденными, угощаетъ и кофеемъ и кремомъ и котлетами и груститъ о томъ, что дохода нѣтъ, только 100 четвертей овса въ продажу, а на дѣтей нужно 1500 рублей. За мальчика въ корпусъ 400, за мальчика въ гимназію-пансіонъ

500, за дѣвочку Когда говоришь, что этого не нужно, особенно для дочери, она согласна, но что же дѣлать? За столомъ подали водку и наливку и предложили курить и объѣдаться.

Пріѣхали къ С. Онъ на охотѣ. Великолѣпный домъ, конный дворъ, винокуренный заводъ, голубятня... Интересы у Б. и здѣсь и у N. N.: доходъ, охота, собаки, экзамены дѣтей, лошади...

Не знаю, выйдетъ ли что изъ моей поѣздки. Хочу дѣлать не для себя. Помоги Отецъ!»

«Толки объ охотѣ Вел. Кн. Какъ дурно скачутъ собаки. Выросли ли молодые? Рѣзвы ли? С. въ чекменѣ, съ наборнымъ ремнемъ скачетъ...

«Каждый свою жизнь ведетъ...»[1]).

Эта поѣздка дала Л. Н—чу матеріалъ для его большой статьи «О голодѣ», извѣстной подъ разными названіями: «О помощи голоднымъ», «Письма о голодѣ» и др. Статью эту Л. Н—чъ началъ писать еще въ сентябрѣ, но она не могла появиться во время по цензурнымъ условіямъ и появилась въ печати только въ январѣ 1892 г. Мы еще вернемся къ ней, когда дойдемъ до описанія этого времени.

Эта поѣздка, или вѣрнѣе поѣздки, такъ какъ Л. Н—чъ совершилъ двѣ поѣздки въ разныя стороны, еще не рѣшили вопроса о томъ, что дѣлать Л. Н—чу, такъ какъ и послѣ этого онъ еще сомнѣвается.

Въ октябрѣ Л. Н—чъ писалъ мнѣ такъ:

«Я могу сказать, что кончилъ мою статью (о воинской повинности). Буду поправлять еще, но если бы я умеръ, то она и въ теперешнемъ видѣ имѣла бы цѣльный смыслъ. Я задержался въ этой работѣ теперь статьей о голодѣ, которую началъ и которая очень заняла меня. Я ѣздилъ съ Таней и Машей порознь въ самыя голодныя мѣста нашей губерніи и хо-

[1]) Арх. кн. Оболенской.

тѣлъ написать о томъ, что по этому случаю пришло мнѣ въ голову. Вы вѣрно догадываетесь, что нашъ грѣхъ разъединенія съ братьями — касты интеллигентовъ; и чѣмъ далыше пишу, тѣмъ больше кажется нужнымъ то, что пишу, и тѣмъ менѣе цензурно. Планъ былъ у насъ съ дѣвочками тотъ, чтобы вмѣсто Москвы поселиться въ Епифановскомъ уѣздѣ въ самой серединѣ голодающихъ и дѣлать тамъ, что Богъ велитъ — кормить, раздавать, если будетъ что. И С. А. сначала соглашалась. Я радъ былъ за дѣвочекъ, но потомъ все разстроилось, и едва ли поѣдемъ. А я обѣщалъ пріѣхать хоть на 2—3 мѣсяца въ Москву. «Не такъ, какъ я хочу, а такъ, какъ Онъ хочетъ»[1]).

Иванъ Ивановичъ Раевскій, старинный другъ Л. Н—ча, помѣщикъ Рязанской губерніи, который уже пріѣзжалъ ко Л. Н—чу лѣтомъ и съ жаромъ разсказывалъ Л. Н—чу о предстоящемъ бѣдствіи, узнавъ, что Л. Н—чъ интересуется этимъ событіемъ, поспѣшилъ пригласить его пожить къ себѣ въ его имѣніи при деревнѣ Бѣгичевкѣ въ Данковскомъ уѣздѣ, Рязанской губерніи близъ границы съ Епифановскимъ уѣздомъ Тульской губерніи. Л. Н—чъ охотно принялъ это предложеніе.

Но этому рѣшенію предшествовали большія колебанія, которыя ярко выражены въ дневникѣ его дочери, Т. Л—ны.

Съ ея разрѣшенія приводимъ изъ него нѣсколько выдержекъ:

«26 октября 1891. Ясная Поляна. Мы наканунѣ нашего отъѣзда на Донъ. Меня не радуетъ наша поѣздка и у меня никакой нѣтъ энергіи. Это потому, что я нахожу дѣйствія папа непослѣдовательными и что ему непристойно распоряжаться деньгами, принимать пожертвованія и брать деньги у мама, которой онъ

---

[1]) Арх. П. И. Бирюкова.

только что ихъ отдалъ. Я думаю, что онъ самъ это увидитъ. Онъ говоритъ и пишетъ, и я это тоже думаю, что все бѣдствіе народа происходитъ отъ того, что онъ ограбленъ и доведенъ до этого состоянія нами, помѣщиками, и что все дѣло состоитъ въ томъ, чтобы перестать грабить народъ. Это конечно справедливо и папа сдѣлалъ то, что онъ говоритъ, — онъ пересталъ грабить. По-моему, ему больше и нечего дѣлать. А брать у другихъ эти награбленныя деньги и распоряжаться ими по-моему ему не слѣдуетъ. Тутъ, мнѣ кажется, есть безсознательное чувство страха передъ тѣмъ, что его будутъ бранить за равнодушіе и нежеланіе, сдѣлать что-нибудь для голодныхъ болѣе положительное, чѣмъ отреченіе самому отъ собственности. Я его нисколько не осуждаю и возможно, что я перемѣню свое мнѣніе, но мнѣ пока грустно, потому что я вижу, что онъ дѣлаетъ то, въ чемъ, мнѣ кажется, что онъ раскается, и я въ этомъ участница. Я понимаю, что онъ хочетъ жить среди голодающихъ, но мнѣ кажется, что его дѣло было бы только то, которое онъ и дѣлаетъ — это увидать и узнать все, что онъ можетъ, писать и говорить объ этомъ, общаться съ народомъ насколько можно.

«Еще мнѣ грустно то, что мама въ Москвѣ очень безпокойна и нервна и осталась одна съ малышами, Лева въ данную минуту здѣсь и въ одно время съ нами ѣдетъ въ Самару. Да еще, что меня огорчаетъ — папа говоритъ, что если нужны будутъ деньги, то онъ что-нибудь напишетъ въ журналъ и возьметъ деньги. Я ему не говорю, что я думаю, потому что, можетъ быть, я не права, — а если онъ самъ до этого не додумается, онъ со мной не согласится. Онъ слишкомъ на виду, — всѣ слишкомъ строго его судятъ, чтобы ему можно было выбирать second best [1]), особенно

[1]) Добро второй степени.

когда у него уже есть first best [1]). Если бы я одна дѣйствовала, то съ какой энергіей я взялась бы за second best, не имѣя first best, а съ нимъ вмѣстѣ не хочется дѣлать то, что съ нимъ не гармонируетъ. Я рада, что у меня нѣтъ чувства осужденія и непріязни къ нему за это, а только недоумѣніе и страхъ за то, что онъ ошибается. А можетъ быть и я? Это гораздо вѣроятнѣе».

Далѣе, въ томъ же дневникѣ Татьяна Львовна описываетъ свое путешествіе и пріѣздъ въ Бѣгичевку:

«29 октября. Бѣгичевка. Третьяго дня мы пріѣхали на станцію Клекотки и такъ какъ была метель, то мы тамъ переночевали на постояломъ дворѣ. Вечеромъ на меня напала ужасная тоска, — безпокойство за мама и жалость къ ней и безпокойство за папа. Онъ кашлялъ, у него былъ насморкъ и отъ вагонной жары онъ совсѣмъ осовѣлъ и тоже былъ унылъ и мраченъ. Я написала письмо мама, пошла на станцію его опускать и темная ночь, вѣтеръ, который распахивалъ и рвалъ съ плечей шубу, еще болѣе навелъ на меня тоску. И обстановка угнетательно подѣйствовала на меня — гадкія олеографіи на стѣнахъ, безобразная мебель и обои, глупыя книги. Я думала съ замираніемъ сердца, что есть же на свѣтѣ Рѣпинъ, буду же я опять жить такъ, что все, что есть новаго, интереснаго — все папа и мы будемъ видѣть, пользоваться этимъ и еще тѣмъ, что все это будетъ намъ объяснено и какъ на подносѣ поднесено папа. Утромъ меня утѣшило то, что было тепло и тихо и папа пріободрился. Въ 9 часовъ мы выѣхали: папа, Ив. Ив. и старуха, которую они подвозили въ однихъ саняхъ, а мы четыре: Маша, Вѣра и я и Марья Кирилловна на другой, Самаринской тройкѣ. Снѣгу чуть-чуть и тотъ вѣтромъ весь сметенъ въ лощины».

---

[1]) Добро первой степени.

Все-таки они въ этотъ же день благополучно добрались до гостепріимнаго дома Раевскихъ. Татьяна Львовна продолжаетъ и въ своемъ дневникѣ описаніе перваго вечера и перваго дня:

«Лошади наши измучились ужасно и мы устали отъ толчковъ, отъ жары, потому что одѣлись какъ самоѣды, такъ что мы въ этотъ день ничего не сдѣлали. Вечеромъ пришелъ Мордвиновъ и говорили всѣ вмѣстѣ о томъ, что дѣлать. Папа надоумѣлъ меня затѣять работы для бабъ, о чемъ я сегодня съ ними и говорила. У меня была эта мысль давно, безъ всякаго голода, и можетъ быть, начавши это дѣло тутъ, я и въ Ясной и въ окрестныхъ деревняхъ сдѣлаю то же самое. Потомъ Ив. Ив. поручилъ намъ школу. Нынѣшнюю зиму мужики не въ состояніи содержать учителя, поэтому, пока мы тутъ, мы поучимъ. Я на это не смотрю серьезно, — если время будетъ, то я займусь этимъ, — это будетъ средствомъ, ближе сойтись съ народомъ и узнать правду о голодѣ. Ив. Ив. показывалъ намъ записи тѣхъ столовыхъ или «Сиротскихъ призрѣній», какъ они тутъ называются, которыя онъ открылъ. По нимъ видно, что прокормить человѣка — кормя его два раза въ день, — стоитъ отъ 95 коп. до 1 руб. 30 коп. въ мѣсяцъ. Ходитъ въ эти столовыя отъ 15 до 30 человѣкъ».

Описаніе этой поѣздки хорошо дополняется письмомъ Л. Н—ча къ Софьѣ Андреевнѣ того же числа:

«Выѣхали по хорошей погодѣ въ каткахъ большихъ всѣ: Лева, Поповъ и мы пятеро съ М. К. На станціи, какъ и вездѣ, народа чернаго, ѣдущаго на заработки и возвращающагося послѣ тщетныхъ поисковъ — бездна. Насъ съ билетами 3-го класса посадили во 2-ой. Тутъ нашелся Кернъ, и потомъ Богоявленскій. Жара страшная, и мы всѣ осовѣли отъ нея. На Клекоткахъ простились съ Левой и Поповымъ и нашли двѣ тройки въ саняхъ за нами. Ѣхать

рѣшили, что нельзя, потому что шелъ снѣгъ съ вѣтромъ и ночевали недурно въ бѣдненькой, но не очень грязной гостиницѣ. Дѣвочки такъ ухаживаютъ за мной, такъ укладывали все, такъ старательны, что можно только желать уменьшенія, а не увеличенія заботъ. Все это твоя черезъ нихъ дѣйствуетъ забота, и я цѣню ее, хотя и не нуждаюсь въ ней, или такъ мнѣ кажется.

«Рано утромъ поднялись, но выѣхали въ 10. Ѣхали хорошо, тепло. Я надѣлъ разъ тулупъ, и пріѣхали въ два. Домъ теплый, топленый, — все прекрасно приготовлено. Мнѣ Иванъ Ивановичъ уступилъ свой великолѣпный кабинетъ. У дѣвочекъ двѣ комнаты съ особымъ ходомъ. Общая большая комната для гераs[1]). Самъ онъ помѣстился въ маленькой комнаткѣ Алексѣя Митр-а, рядомъ съ своимъ Ѳедотомъ. Нынче я настоялъ, чтобы онъ пошелъ въ кабинетъ, а я на его мѣсто. И сейчасъ перешелъ, и мнѣ прекрасно, и тепло, и уютно, и за перегородкой спитъ Ѳедотъ. Обѣдъ простой, чистый, сытный; молока вволю.

«Послѣ обѣда заснулъ. Пріѣхали вещи, дѣвочки разобрались; вечеромъ пріѣхалъ Мордвиновъ, зять Ивана Ивановича, земскій начальникъ, весь поглощенный заботами о народѣ. Когда онъ уѣхалъ, въ 9 часовъ разошлись, я сѣлъ писать статью о томъ, что страшно не знать, достанетъ или не достанетъ въ Россіи хлѣба на прокормленіе, и до 11 часовъ пописалъ. Потомъ спалъ прекрасно. Утромъ продолжалъ статью. Между прочимъ побѣсѣдовалъ съ Ив. Ив., и больше опредѣлилась дѣятельность дѣвочекъ. Танѣ я очень совѣтую взяться за дѣло пряжи и тканья, т.-е. устройства этого заработка. Маша будетъ при столовыхъ и пекарнѣ. Я сейчасъ былъ въ трехъ деревняхъ, изъ которыхъ въ двухъ пріискалъ мѣсто для столо-

[1]) Обѣда.

выхъ, въ обѣихъ человѣкъ на 50. Описывать слегка нищету и забытость этихъ людей — нельзя. Но хорошо, здорово ихъ видѣть, если можно только хоть сколько-нибудь служить имъ, и я думаю, что можно»[1]).

Такъ началась дѣятельность Л. Н—ча и его дочерей по кормленію голодающихъ.

Начата была эта дѣятельность очень скромно. Въ началѣ ноябрѣ онъ мнѣ писалъ:

«Недѣлю тому назадъ, нынче 3 ноября, мы — я, Таня, Маша, Вѣра Кузминская уѣхали съ согласія трудно добытаго С. А. съ 500 руб. въ Данковскій уѣздъ на границѣ Епифановскаго — мѣстность очень голодную, и живемъ тамъ у Раевскаго. Всѣ заняты и хорошо. Столовыя для самыхъ бѣдныхъ, у дѣвочекъ еще школа и желаніе и попытки помощи во всѣхъ родахъ. Я очень радъ за нихъ. Время очень интересное, положеніе напряженное и опасное. Я написалъ одну статью — поспѣшную и потому нехорошую въ журналѣ Грота. Ее арестовали и едва ли пропустятъ, и послалъ другую въ «Русскія Вѣдомости»; не знаю, пропустятъ ли. Должно быть. Статья не важная, но нужная, ставящая вопросъ о томъ, есть ли у насъ достаточно хлѣба»[2]).

Статью, о которой упоминаетъ Л. Н—чъ въ письмѣ ко мнѣ и въ письмѣ къ С. А., онъ назвалъ «Страшный вопросъ». Статья эта хорошо извѣстна читающей публикѣ и мы приводимъ изъ нея только наиболѣе характерныя выдержки, указывающія на ходъ мысли Л. Н—ча, при его заботѣ, о помощи голоднымъ.

«Есть ли въ Россіи достаточно хлѣба, чтобы прокормиться до новаго урожая? Одни говорятъ, что

---

[1]) Письма Л. Н—ча Толстого къ женѣ, стр. 361.

[2]) Арх. П. И. Бирюкова.

есть, другіе говорятъ, что нѣту, но никто не знаетъ этого навѣрное. А знать это надо и знать навѣрное, теперь же, передъ началомъ зимы, — такъ же надо, какъ надо знать людямъ, пускающимся въ дальнее плаваніе, есть ли или нѣтъ на кораблѣ достаточное количество прѣсной воды и пищи.

«Страшно подумать о томъ, что будетъ съ командой и пассажирами корабля, когда въ серединѣ океана окажется, что запасы всѣ вышли. Еще болѣе страшно подумать о томъ, что будетъ съ нами, если мы повѣримъ тѣмъ, которые утверждаютъ, что хлѣба у насъ достанетъ на всѣхъ голодающихъ, и окажется передъ весной, что утверждающіе это ошибались.

«Страшно подумать о послѣдствіяхъ такой ошибки. Послѣдствіями такой ошибки вѣдь будетъ нѣчто ужасное: смерть голодныхъ милліоновъ и худшее изъ всѣхъ бѣдствій — остервенѣніе, озлобленіе людей. Вѣдь хорошо только пушечными выстрѣлами предувѣдомлять петербуржцевъ о томъ, что вода поднимается, потому что больше вѣдь ничего нельзя сдѣлать. Никто не знаетъ и не можетъ знать степени подъема воды: остановится ли она на томъ, что было прошлаго года, или дойдетъ до того, что было въ 24-мъ году, или поднимется еще выше.

«Голодъ же нынѣшняго года кромѣ того, что есть бѣда безъ сравненія бо́льшая, чѣмъ бѣда наводненія, безъ сравненія болѣе общая (она угрожаетъ всей Россіи), — есть бѣда, степень которой можно и должно не только предвидѣть, но можно и должно предвидѣть и предупредить».

Перечисляя затѣмъ различные признаки, указывающіе на недостатокъ хлѣба въ Россіи, Л. Н—чъ говорилъ:

«Всѣ эти признаки указываютъ на то, что есть большое вѣроятіе того, что нужнаго для Россіи хлѣба нѣтъ въ ней. Но кромѣ этихъ признаковъ есть еще

явленіе, которое должно бы заставить насъ принять всѣ зависящія отъ насъ мѣры для предупрежденія угрожающаго намъ бѣдствія. Явленіе это есть охватившая общество паника, т.-е. неопредѣленный смутный страхъ ожидаемаго бѣдствія, страхъ, которымъ люди заражаются другъ отъ друга, страхъ, лишающій людей способности дѣйствовать цѣлесообразно. Паника эта выражается и въ запретѣ сначала вывоза ржи, потомъ другихъ хлѣбовъ, кромѣ почему-то пшеницы, и въ мѣрахъ съ одной стороны ассигнованія большихъ суммъ для голодающихъ, а съ другой стороны — собиранія мѣстными властями подати съ тѣхъ, которые могутъ платить, какъ будто извлеченіе изъ деревни денегъ не есть прямое усиленіе нужды деревни. (У богатаго мужика заложены посѣвы бѣднаго. Онъ бы подождалъ, — съ него тянутъ подати, онъ тянетъ и разоряетъ бѣднаго).

«Паника эта поразительно замѣтна еще въ разгорающихся несогласіяхъ между различными мѣстными вѣдомствами. Повторяется то, что всегда бываетъ при паническомъ страхѣ: одни тянутъ въ одну, другіе въ другую сторону.

«Паника эта выражается и въ настроеніи и въ дѣятельности народа. Приведу одинъ примѣръ: движеніе народа на заработки.

«Народъ въ концѣ октября нынѣшній годъ ѣдетъ искать заработковъ въ Москву, въ Петербургъ. Въ то время, когда всѣ работы на зиму установились, когда харчи въ три раза дороже обыкновеннаго и всякій хозяинъ отпускаетъ, сколько онъ можетъ лишнихъ людей, въ то время, когда вездѣ пропасть оставшихся за штатомъ рабочихъ, — люди, никогда не имѣвшіе мѣстъ въ городахъ, ѣдутъ искать этихъ мѣстъ. Развѣ не очевидно всякому, что при такихъ условіяхъ болѣе вѣроятія каждому владѣльцу выигрышнаго займа выиграть 200 тысячъ, чѣмъ мужику, пріі-

ѣхавшему изъ деревни въ Москву, найти мѣсто, и что вся поѣздка, хотя бы самая дешевая, съ сопряженными съ поѣздкой расходами, гдѣ и выпивкой, есть только лишняя тяжесть, которая ляжетъ на голоднаго? Казалось бы, должно быть очевидно, — а всѣ ѣдутъ, ѣдутъ назадъ, и опять ѣдутъ. Развѣ это не признакъ совершеннаго безумія, охватывающаго толпу при паникѣ?»

Л. Н—чъ требуетъ знанія запаса хлѣбовъ, потому что неувѣренность въ наличности его парализуетъ дѣятельность. Нужно смотрѣть правдѣ въ глаза, только тогда можно помочь бѣдѣ, когда ее видишь и сознаешь. И онъ заключаетъ свою статью слѣдующими словами:

«Если бы мы теперь узнали, что у насъ нехватка хлѣба, пускай бы она была въ 50, въ 100, даже въ 200 милліоновъ пудовъ хлѣба, — все это было бы не страшно. Мы бы теперь же закупили этотъ хлѣбъ въ Америкѣ и всегда бы расплатились съ нею государственными, общественными или народными суммами.

«Люди, которые работаютъ, должны знать, что работа ихъ имѣетъ смыслъ и не пропадетъ даромъ.

«Безъ этого сознанія опадаютъ руки. А чтобы это знать, для той работы, которою занято теперь огромное большинство русскихъ людей, надо знать теперь, сейчасъ же, черезъ двѣ-три недѣли знать: есть ли у насъ достаточно хлѣба на нынѣшній годъ, и если нѣтъ, то откуда мы можемъ получить то, чего намъ недостаетъ?»

Хлѣба оказалось достаточно. Но горячее слово, сказанное Л. Н—чемъ, всколыхнуло все русское общество. Вліяніе этой статьи было громадно.

Одинъ земскій врачъ писалъ Л. Н—чу:

«... Ваше обращеніе къ обществу должно ли разсматривать, какъ боевой призывъ, за которымъ послѣдуетъ самое дѣло, или Вы хотѣли предоставить ини-

ціативу этого дѣла другимъ людямъ? Но въ Россіи нѣтъ теперь духовнаго вождя кромѣ Васъ. Есть представители разныхъ воззрѣній, направленій мысли, но вождя, за которымъ бы шли, который дѣйствовалъ бы на толпу не только нравственно, но и практически, — увлекая ее за собой, — такого вождя, кромѣ Васъ, нѣтъ. За Вами идутъ уже многіе, и когда Вы начнете большое дѣло — за Вами пойдетъ большинство, поднимутся и отчаявшіеся въ себѣ и ослабѣвшіе. Для этого не нужно необходимо быть единомышленникомъ Вашихъ теорій, нравственная мощь чувствуется помимо ея, — а теперь именно предстоитъ не теорія, а дѣло, за которое равно могутъ приняться и христіанинъ и язычникъ и Вашъ послѣдователь и Вашъ противникъ, но нуженъ вождь и только Вы имъ можете быть. Нужна организація и Вы должны дать ее».

Илья Ефимовичъ Рѣпинъ писалъ изъ Петербурга дочери Толстого:

«Статью Л. Н—ча «Страшный вопросъ» въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» читалъ сейчасъ же по прибытіи газеты сюда. Я пріѣхалъ къ П. въ самый разъ — читали вмѣстѣ и удивлялись могучей постановкѣ вопроса. Въ самомъ дѣлѣ, сколько писалось и пишется по этому дѣлу! Вездѣ говорятъ объ этой статьѣ и много пишутъ. У N. N. цѣлое литературное собраніе было по этому поводу».

Татьяна Львовна писала Рѣпину свои соображенія и впечатлѣнія о начатомъ дѣлѣ и сообщала краткія свѣдѣнія о самомъ способѣ его веденія. Это письмо произвело также сильное впечатлѣніе на петербургскую публику. Вотъ что пишетъ по этому поводу Рѣпинъ Татьянѣ Львовнѣ:

«Письмо Ваше такъ значительно, такъ животрепещуще-интересно, что мнѣ даже жалко было читать его одному. Я бы сейчасъ снесъ его въ любую газету; оно теперь прочиталось бы всѣми. Вечеромъ

повезу его къ Стасовымъ, будемъ наслаждаться, страшно сказать — людскимъ несчастьемъ? Нѣтъ, не этимъ, а тѣмъ, что свѣтъ не безъ добрыхъ людей, что вѣра въ Бога настоящаго еще не оскудѣла; что сильные люди сильны до конца: даютъ примѣръ слабымъ захирѣлымъ душонкамъ, шевелятъ ихъ... Что молодежь, здоровая, прекрасная, полная жизни, не на словахъ, не на бумагѣ, у себя, въ кабинетѣ, а прямо на дѣлѣ, засуча рукава, дѣйствуетъ, спасаетъ отъ смерти этихъ отдаленныхъ, несчастныхъ, забитыхъ судьбой и пространствомъ людей. Вѣдь теперь для нихъ встрѣча съ Вами все равно, что въ прежнія времена, встрѣча приговоренной къ смертной казни — съ царицей — имъ даровалась жизнь... И теперь Вы многихъ спасаете отъ вѣрной гибели — велика Ваша заслуга!...»

Въ личной жизни Л. Н—ча на первыхъ же дняхъ его дѣятельности постигло горе — смерть его друга и товарища юности, Дмитрія Алексѣевича Дьякова. Когда-то этотъ человѣкъ былъ очень близокъ Л. Н—чу и черты этой дружбы и личнаго характера Дьякова отразились въ художественномъ изображеніи типа Нехлюдова въ повѣсти «Юность». Лично намъ приходилось слышать отъ Л. Н—ча, что Дьяковъ имѣлъ на него въ юности очень хорошее вліяніе и, хотя жизненные пути ихъ разошлись, но встрѣчи ихъ были всегда очень сердечны.

Л. Н—чъ упоминаетъ объ этой смерти въ одномъ изъ писемъ къ С. А—нѣ:

«Жаль, что не пришлось видѣться съ Дьяковымъ передъ смертью. Ничто такъ не напоминаетъ о своей близости къ смерти, какъ смерть такихъ близкихъ, какъ онъ былъ мнѣ. И напоминаніе это на меня всегда дѣйствуетъ ободряюще»[1]).

---

[1]) Письма Л. Н—ча Толстого къ женѣ, стр. 364.

Скоро такъ скромно начатая Л. Н—чемъ дѣятельность обратила на себя вниманіе всего міра.

Софья Андреевна, жившая съ младшими дѣтьми въ Москвѣ, не могла оставаться равнодушной къ дѣятельности своего мужа и старшихъ дѣтей. Старшія дочери были со Л. Н—чемъ, старшіе два сына дѣйствовали въ Тульской губерніи, а третій, Левъ — въ Самарской.

С. А—нѣ хотѣлось своимъ личнымъ посильнымъ участіемъ присоединиться къ этому дѣлу и она напечатала въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» 3 ноября сообщеніе о дѣятельности Л. Н—ча.

«Принужденная оставаться въ Москвѣ съ четырьмя малолѣтними дѣтьми, — заявляла С. А—на, — я могу содѣйствовать дѣятельности семьи моей только матеріальными средствами. Но ихъ нужно такъ много. Отдѣльныя лица въ такой большой нуждѣ безсильны. А между тѣмъ каждый день, который проводишь въ теплomъ домѣ, и каждый кусокъ, который съѣдаешь, служитъ невольнымъ упрекомъ, что въ эту минуту кто-нибудь умираетъ съ голоду. Мы всѣ, живущіе здѣсь въ роскоши и не могущіе даже выносить вида малѣйшаго страданія собственныхъ дѣтей нашихъ, — неужели мы спокойно вынесли бы ужасающій видъ притупленныхъ или измученныхъ матерей, смотрящихъ на умирающихъ отъ голода и застывшихъ отъ холода дѣтей, на стариковъ безъ всякой пищи? Но все это видѣла теперь моя семья. Вотъ что, между прочимъ, пишетъ мнѣ дочь моя изъ Данковскаго уѣзда объ устройствѣ мѣстными помѣщиками на пожертвованныя ими средства столовыхъ:

«Я была въ двухъ. Въ одной, которая помѣщается въ крошечной курной избѣ, вдова готовитъ на 25 человѣкъ. Когда я вошла, то за столомъ сидѣло пропасть дѣтей и, чинно держа хлѣбъ подъ ложкой, хлебали щи. Имъ даютъ щи, похлебку и иногда холод-

ный свекольникъ Тутъ же стояло нѣсколько старухъ, которыя дожидались своей очереди. Я съ одной заговорила, и какъ только она стала разсказывать про свою жизнь, то заплакала, и всѣ старухи заплакали. Онѣ, бѣдныя, только и живы этой столовой, — дома у нихъ ничего нѣтъ, и до обѣда онѣ голодаютъ. Даютъ имъ ѣсть два раза въ день, и это обходится вмѣстѣ съ топливомъ отъ 95 коп. до 1 руб. 30 коп. въ мѣсяцъ на человѣка. . .»

«Слѣдовательно за 13 рублей можно спасти отъ голода до новаго хлѣба человѣка. Но ихъ много и средствъ помощи нужно безконечно много. Но не будемъ останавливаться передъ этимъ. Если мы, каждый изъ насъ, прокормитъ одного, двухъ, десять, сто человѣкъ, сколько кто въ силахъ, уже совѣсть наша будетъ спокойнѣе. И вотъ рѣшаюсь и я обратиться ко всѣмъ тѣмъ, кто хочетъ и можетъ помочь, съ просьбой способствовать матеріально дѣятельности моей семьи. Всѣ пожертвованія пойдутъ прямо, непосредственно на прокормленіе дѣтей и стариковъ въ устраиваемыхъ мужемъ моимъ и дѣтьми столовыхъ».

Воззваніе С. А—ны получило живой откликъ. Оно было перепечатано во всѣхъ русскихъ и многихъ иностранныхъ газетахъ Европы и Америки. Съ 4 по 17 ноября, въ теченіе только 2 недѣль, ею получено около 5 съ половиною тысячъ въ самой Москвѣ, около 3 тысячъ пожертвовано неизвѣстными и около 4 съ половиною тысячъ прислано изъ провинціи. Всего поступило 13.080 руб. 82 коп. и довольно много разныхъ вещей — полотна, платья, сухарей и т. п. Въ числѣ приславшихъ С. А—нѣ пожертвованія находился извѣстный о. Іоаннъ Кронштадтскій, препроводившій 200 рублей.

Не остались глухи къ воззванію и за границей, особенно въ Англіи, гдѣ движеніе въ пользу сбора пожертвованій для голодающихъ въ Россіи быстро при-

няло обширные размѣры: кромѣ подписокъ, открытыхъ для этой цѣли редакціей «Nineteenth Century» госпожей Новиковой, романисткой Гесбой Стретамъ и квакерами, которые послали своихъ представителей на мѣста голода въ Россіи, основанъ фондъ для оказанія помощи Россіи (Russian Relief Fund), въ которомъ принимали участіе такія извѣстныя личности, какъ герцогъ Вестминстеръ, лордъ Абердеръ, лордъ Кольриджъ и др.

Печатая свое воззваніе къ благотворителямъ, учредители этого фонда, лордъ Монсквель и Джильбертъ-Кольриджъ, заявили, что часть собранныхъ денегъ будетъ роздана на мѣстѣ делегатами квакеровъ, а другая часть послана графу Льву Толстому, письмо котораго къ нимъ было напечатано во всѣхъ газетахъ.

Это письмо Л. Н—ча къ англичанамъ вызвано было въ свою очередь письмомъ англичанъ, прочитавшихъ воззваніе Софьи Андреевны и обратившихся къ ней за совѣтомъ, какъ и куда лучше направлять собираемыя въ Англіи пожертвованія. По просьбѣ С. А—ны Л. Н—чъ такъ отвѣчалъ имъ:

«М. ГГ. — Я премного тронутъ той симпатіей, которую выражаетъ англійскій народъ къ бѣдствію, постигшему нынѣ Россію. Для меня большая радость видѣть, что братство людей не есть пустое слово, а фактъ. Мой отвѣтъ на практическую сторону вашего вопроса слѣдующій: Учрежденія, которыя всего лучше работаютъ въ борьбѣ съ голодомъ нынѣшняго года, это безъ сомнѣнія земства, а потому всякая помощь, какая будетъ препровождена имъ, будетъ хорошо употреблена въ дѣло и вполнѣ цѣлесообразно. Я теперь живу на границѣ двухъ губерній, Тульской и Рязанской, и всѣми своими силами старалось помогать крестьянству этого округа и состою въ ближайшихъ сношеніяхъ съ земствами обѣихъ губерній. Одинъ изъ моихъ сыновей трудится для этой же самой цѣли

въ восточныхъ губерніяхъ, изъ которыхъ Самарская находится въ самомъ худшемъ положеніи. Если деньги, которыя будутъ собраны въ Англіи, не превзойдутъ той суммы, которая необходима для губерній, въ которыхъ теперь работаемъ я и мой сынъ, то я могу взяться, съ помощью земствъ, употребить ихъ наилучшимъ возможнымъ для меня образомъ. Если же собранная въ Англіи сумма превзойдетъ эти размѣры, то я буду очень радъ направить Вашу помощь къ такимъ руководителямъ земствъ другихъ губерній, которые окажутся лицами, заслуживающими полнаго довѣрія, и которые будутъ вполнѣ готовы дать публичный отчетъ о такихъ деньгахъ. Способъ помощи, который я избралъ, хотя онъ вовсе не исключаетъ другихъ способовъ, это организація обѣдовъ для крестьянскаго населенія. Я надѣюсь написать статью относительно подробностей нашей работы, — статью, которая, будучи переведена на англійскій языкъ, дастъ вашему обществу понятіе о положеніи дѣлъ и о средствахъ, употребляемыхъ для борьбы съ бѣдствіемъ настоящаго года. Преданный вамъ Левъ Толстой».

Сомнѣнія въ томъ, хорошо ли сдѣлалъ Л. Н—чъ, взявъ деньги и поѣхавъ кормить голодныхъ, высказанныя въ дневникѣ Татьяны Львовны, скоро не замедлили оправдаться и нашли откликъ въ самомъ Львѣ Николаевичѣ.

Такъ уже 9 ноября онъ пишетъ между прочимъ своимъ друзьямъ Ге, справляясь у нихъ (въ Черниговской губерніи), о цѣнѣ на горохъ:

«Мы живемъ здѣсь и устраиваемъ столовыя, въ которыхъ кормятся голодные. Не упрекайте меня вдругъ. Тутъ много не того, что должно быть, тутъ деньги отъ С. А. и жертвованныя, тутъ отношенія кормящихъ къ кормимымъ, тутъ грѣха конца нѣтъ, но не могу жить дома, писать. И знаю, что дѣлаю не то, но не могу дѣлать то, а не могу ничего не

дѣлать. Славы людской боюсь и каждый часъ спрашиваю себя, не грѣшу ли я этимъ, и стараюсь строго судить себя и дѣлать передъ Богомъ и для Бога. Написалъ одну статью въ «Вопр. Филос.», не знаю, пропустятъ ли. Другую въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ». Эту, вѣроятно, прочтете. Теперь еще пишу. А не хочется писать объ этомъ, хочется кончать большую статью, которая уже близится къ концу. — Мнѣ кажется, что съ этимъ голодомъ что-то важное совершается, кончается или начинается»[1]).

Въ такомъ же духѣ онъ пишетъ на другой день Черткову.

«Мы живемъ здѣсь хорошо. Устраиваемъ здѣсь столовыя. Много трогательнаго и страшнаго. Страшно одно, что всегда мнѣ страшно, — это пучина, раздѣляющая насъ отъ нашихъ братьевъ. Пожертвованія вызваны письмомъ С. А. и денегъ у насъ около 2 тысячъ и кажется сборъ съ «Плодовъ просвѣщенія» поступитъ намъ. Я боюсь обилія денегъ. И такъ съ маленькими деньгами много грѣха. И теперь еще не установилось дѣло. Путаетъ помощь, выдаваемая земствомъ, и желаніе, требованіе крестьянъ, чтобы выдаваемо было всѣмъ поровну. Дѣлаемъ мало, дурно, но дѣлаемъ и какъ бы чувствуемъ, что нельзя не дѣлать»[2]).

А между тѣмъ дѣло разрасталось и осложнялось. Предстоящая огромность его часто смущала дѣятелей, и сознаніе недостаточности его для дѣйствительной помощи парализовало энергію. Мы приводимъ здѣсь страничку изъ дневника Татьяны Львовны, хорошо изображающую настроеніе ихъ работающей семьи и несомнѣнно отражающую на себѣ и мысли Л. Н—ча.

---

[1]) Архивъ Черткова.
[2]) Тамъ же.

«Дѣла тутъ такъ много, что начинаю приходить въ уныніе, — всѣ нуждаются, всѣ несчастны, а помочь невозможно. Чтобы поставить на ноги всѣхъ, надо на каждый дворъ сотни рублей и то многіе отъ лѣни и пьянства опять дойдутъ до того же. Тутъ много нужды не отъ урожая этого года, а отъ того же, отъ чего нашъ Костюшка бѣденъ, отъ нелюбви къ физической работѣ, какой-то безпечности и лѣни. Тутъ деньгами помогать совершенно безсмысленно. Все это такъ сложно. Можетъ быть Костюшка былъ бы писателемъ, поэтомъ, можетъ быть актеромъ, какимъ-нибудь чиновникомъ или ученымъ, — а потому что онъ поставленъ въ тѣ условія, въ которыхъ иначе какъ физическимъ трудомъ онъ не можетъ добывать себѣ хлѣба, а физическій трудъ онъ ненавидитъ, то онъ и лежитъ съ книжкой на печи, философствуетъ съ прохожимъ странникомъ, а дворъ его тѣмъ временемъ разваливается, нива не вспахана и бабы его, видя его безпечность, тоже ничего не дѣлаютъ и жирѣютъ на хлѣбѣ, который онѣ выпрашиваютъ, занимаютъ и даже воруютъ у сосѣдей. Такимъ людямъ дать денегъ — это только поощрить ихъ къ такой жизни. Дѣло все въ томъ, какъ папа говоритъ, что существуетъ такое огромное раздѣленіе между мужиками и господами, и что господа держатъ мужиковъ въ такомъ рабствѣ, что имъ совсѣмъ нѣтъ простора въ ихъ дѣйствіяхъ. Я думаю, что такое положеніе дѣлъ, какъ теперь, недолго останется такимъ, и какъ бы нынѣшній годъ не повернулъ дѣла круто.

«Тутъ часто слышится ропотъ на господъ, на земство и даже на «императора», какъ вчера сказалъ одинъ мужикъ, говоря, что ему до насъ дѣла нѣтъ, хоть мы всѣ поиздыхай съ голода. Еще извѣстіе въ этомъ родѣ привезъ Ив. Ив. Ему разсказывали, что нѣсколько мужиковъ изъ сосѣдней деревни собрали 20 рублей и поѣхали въ Москву жаловаться Серг. Александро-

вичу [1]). Говорятъ, ихъ за это засадили. А тутъ еще вышелъ этотъ идіотскій циркуляръ министра, который губернаторъ всѣмъ разсылаетъ, о томъ, чтобы земство помогало только тѣмъ мужикамъ, которые этого заслуживаютъ, и лишало бы помощи тѣхъ, которые откажутся отъ какихъ бы то ни было предлагаемыхъ работъ. Такъ что если мужика будутъ нанимать ѣхать отсюда до Клекотокъ (30 верстъ) за двугривенный, и онъ сочтетъ это невыгоднымъ, то его надо лишить всякой помощи и оставить умереть съ голоду. Это ужасно, что эти люди, сидя въ своихъ кабинетахъ, измышляютъ. И вѣдь эти мѣры примѣняются къ мужикамъ, которые во сто разъ умнѣе всѣхъ N. N. и М. М. и съ которыми обращаются, какъ съ маленькими дѣтьми, разсуждая, заслуживаютъ ли они карамельки или нѣтъ.

«Сегодня метель, но все-таки придется идти въ Екатерининскую открывать столовую. Какъ много жалкихъ людей! Рѣдкій день Маша или Вѣра не ревутъ, и меня, хотъ я и потверже, иногда пробираетъ. На дняхъ зашла къ мужику въ избу — пропасть дѣтей, ѣсть совсѣмъ нечего. Въ этотъ день съ утра не ѣли. Протопили стѣну избы, вмѣсто которой мужикъ подвелъ мазанную, каменную. — Сколько дѣтей у тебя? — Шестеро. — Что же нынче ѣли? — Ничего съ утра не ѣли, пошелъ мальчикъ побираться, вотъ его ждемъ. — Какъ это дѣтей не жалко? — Объ нихъ-то и тоска, касатка. — Мужикъ отвернулся и заплакалъ» [2]).

Между Софьей Андреевной, жившей въ Москвѣ, и собиравшей пожертвованія, и Львомъ Николаевичемъ, жившимъ съ дочерьми въ Бѣгичевкѣ, шла дѣятельная переписка. Письма Л. Н—ча и его дочерей

---

[1]) Вел. князь, губернаторъ Москвы.

[2]) Арх. Т. Л. Сухотиной.

къ Софьѣ Андреевнѣ прекрасно изображаютъ первые шаги ихъ дѣятельности. Мы приводимъ здѣсь нѣсколько отрывковъ изъ этихъ писемъ.

Изъ письма Т. Л. 2 ноября.

«... Ходимъ по деревнямъ и кое-какъ открываемъ столовыя. Особенно жалки вездѣ дѣти, почти у всѣхъ у нихъ то серьезное выраженіе лицъ, какое бываетъ у дѣтей, видѣвшихъ много нужды. И одѣты они всѣ ужасно: у нѣкоторыхъ отъ самаго локтя лохмотья и вся юбка такая же. Бабы разсказываютъ, что дѣти прежде не вѣрили, когда имъ давали лебедовый хлѣбъ, что это хлѣбъ, и плакали, говорили, что это зёмля и кидали его».

4 ноября.

«... Устроили пекарни, въ которыхъ пробуютъ печь хлѣбы съ разными суррогатами. По совѣту профессора Эрисмана пробовали печь хлѣбъ съ отбросами свеклы, которые на сахарныхъ заводахъ продаются по 2 коп. за пудъ и въ которыхъ, по словамъ профессора Эрисмана, очень много питательнаго. Первая проба не удалась, хлѣбъ сѣлъ и вышелъ какой-то мокрый, но сегодня пріѣхалъ пекарь, который опять сдѣлаетъ этотъ опытъ. Пока лучше всего выходитъ хлѣбъ съ картофелемъ — онъ очень вкусенъ и обходится 78 коп. за пудъ.

«Тутъ же пробуютъ печь хлѣбъ со жмыхами, но не съ подсолнечными, а съ льняными и разными другими. Бѣда вся въ томъ, что хлѣба нѣтъ».

Изъ письма Л. Н—ча 9 ноября.

«Вчера я съ М. ѣздилъ на одной лошадкѣ въ наши столовыя въ Т., за пять верстъ, а Таня ходила въ свою ближайшую столовую. У насъ теперь идетъ пертурбація съ тѣхъ поръ, какъ деревни стали получать муку отъ земства. Прежде были опредѣленно и несомнѣнно нуждающіеся, а теперь, съ выдачей, является сомнѣніе, и, казалось бы, должно умень-

шится количество посѣщающихъ столовыя, а оно увеличилось. Время идетъ, запасы истощаются, тѣ, которые не были нуждающимися, становятся ими...

«... На деньги твои, 1100 руб., мы рѣшили купить дровъ, которыя нашлись въ околоткѣ. Это было самое нужное и трудное достать. Хлѣба въ нашей мѣстности, судя по тому, что закуплено теперь земствомъ, должно достать хотя наполовину, но топлива совсѣмъ нѣтъ. Эти же дрова близко и дешево, по 18 рублей за сажень. Они пойдутъ по столовымъ и прямо на помощь нуждающимся».

Изъ письма Т. Л. 2 ноября.

«Положеніе народа съ каждымъ днемъ все ухудшается, и приходится въ каждой деревнѣ открывать вторую столовую. Я думаю, что и по три открыть будетъ не слишкомъ много. Вчера ходила на ужинъ въ свою столовую. Хозяйка очень проворная, отлично готовитъ и ласкова съ дѣтьми. Сидятъ крошки, матери ихъ приводятъ и кормятъ — сами не ѣдятъ, всѣ и веселыя и довольныя. Весело смотрѣть на эти обѣды и ужины, тѣ, которыя жертвуютъ на это деньги, были бы вознаграждены за это, если бы видѣли, какъ жертвованныя деньги идутъ прямо на то, чтобы утолять голодъ людей. Это была бы хоть маленькая награда тѣмъ, которые хоть иногда и отъ излишковъ жертвуютъ для другихъ».

Изъ письма Л. Н—ча 19 ноября:

«Положеніе становится все напряженнѣе и напряженнѣе: проѣдаютъ послѣднія средства, и количество совсѣмъ неимущихъ все увеличивается. Главное топливо и праздность мужчинъ и женщинъ. Нынче пишу В. о высылкѣ намъ лыкъ для работы лаптей. Ленъ на дняхъ получится.

«Въ послѣднюю почту получено нами повѣстокъ на 3300 рублей. Твои, т.-е. тобою полученныя пожертвованія, очень хороши. Поразительны 1500 ар-

шинъ матеріи и количество вермишели. Ее надо будетъ раздавать въ большіе праздники. Матерія же тоже поразительно нужна. Нынче я видѣлъ вдову съ дѣтьми положительно голыхъ. Только одинъ мальчикъ можетъ выходить. Я еще не видалъ такой бѣдности».

Изъ письма Л. Н—ча 25 ноября:

«. . . Столовыя расползаются, какъ сыпь. Теперь уже болѣе 30 и идутъ хорошо. Я вчера вечеромъ посѣтилъ двѣ. Трогательно видѣть, какъ ребята съ ложками бѣгутъ толпой. Попался нищенка-мальчикъ изъ чужой деревни. Его пригласили и накормили и спать положили въ столовой».

Видя успѣхъ столовыхъ, Л. Н—чъ рѣшился подѣлиться своимъ опытомъ съ русскими людьми, хотѣвшими помогать голодающему народу и написалъ статью: «О средствахъ помощи населенію, пострадавшему отъ неурожая», эта статья была окончена 26 ноября и тотчасъ же напечатана и въ періодическихъ изданіяхъ, и въ сборникахъ, и отдѣльными брошюрами.

Нѣсколько длинное заглавіе этой статьи объясняется требованіями цензуры. Государь Александръ III въ одномъ собраніи на вопросъ, обращенный къ нему о голодѣ въ Россіи, отвѣтилъ: «Въ Россіи нѣтъ голода, а есть мѣстности, пострадавшія отъ неурожая». Эти слова были подхвачены сановниками и вышло распоряженіе, не допускать въ печати слова «голодъ» и «голодные», а замѣнять его выраженіемъ «пострадавшіе отъ неурожая».

Въ этой статьѣ Л. Н—чъ такъ ставитъ вопросъ о помощи:

«Помощь населенію, пострадавшему отъ неурожая, можетъ имѣть двѣ цѣли: поддержаніе крестьянскаго хозяйства и избавленіе людей отъ опасности заболѣ-

ванія и даже смерти отъ недостатка и недоброкачественности пищи».

И далѣе Л. Н—чъ подвергаетъ строгой критикѣ практиковавшуюся тогда земскую «выдачу» хлѣбомъ, находя ее неудовлетворяющей своему назначенію. И тутъ же задаетъ себѣ вопросъ:

«Но если то, что дѣлается теперь, не хорошо, то что же хорошо? Что же нужно дѣлать?»

И отвѣчаетъ такъ:

«Нужны, по моему мнѣнію, двѣ вещи: для хоть не поддержанія крестьянскаго хозяйства, а противодѣйствія его окончательному раззоренію, учрежденіе работъ для всего, могущаго работать населенія и устройство во всѣхъ деревняхъ голодающихъ мѣстъ даровыхъ столовыхъ для малыхъ, старыхъ, слабыхъ и больныхъ.

«Учрежденіе работъ должно быть такое, чтобы работы эти были доступны, знакомы и привычны населенію, а не такія, которыми никогда не занимался или даже не видывалъ народъ, или такія, при которыхъ тѣмъ членамъ семей, которые никогда не уходили, надо уходить изъ дому, что по семейнымъ и еще другимъ условіямъ (какъ отсутствіе одежды) часто невозможно сдѣлать. Работы должны быть такія, чтобы, кромѣ внѣдомашнихъ работъ, на которыя пойдутъ всѣ, привыкшіе и могущіе ходить на заработки работники, могло быть занято все населеніе голодающихъ мѣстностей — мужчины, женщины, свѣжіе старики, подростки-дѣти.

«Для достиженія же второй цѣли — спасенія людей отъ заболѣванія и смерти вслѣдствіе дурной пищи и недостатка ея — по моему мнѣнію единственное несомнѣнное средство есть устройство въ каждой деревнѣ даровой столовой, въ которой каждый человѣкъ могъ бы насытиться, если онъ голоденъ.

«Устройство такихъ столовыхъ начато нами уже

болѣе мѣсяца тому назадъ и до сихъ поръ ведется съ успѣхомъ, превзошедшимъ наши ожиданія».

И затѣмъ Л. Н—чъ даетъ самыя подробныя указанія, какъ осуществить этотъ способъ помощи, даетъ даже образецъ заборной книжки для завѣдующихъ столовыми, по которымъ они получаютъ провизію.

Въ концѣ статьи Л. Н—чъ говоритъ еще объ одномъ родѣ существенной помощи, которая была предложена и осуществлена однимъ калужскимъ общественнымъ дѣятелемъ. Онъ предложилъ взять 80 лошадей изъ голодной мѣстности для прокормленія ихъ въ теченіе пяти зимнихъ мѣсяцевъ. Въ этомъ предложеніи участвовали какъ помѣщики, такъ и крестьяне Калужской губерніи.

Обращая вниманіе на эту братскую помощь, Л. Н—чъ такъ заканчиваетъ свою статью:

«Если бы хотя сотая доля такого живого братскаго сознанія, такого единенія людей во имя Бога любви была во всѣхъ людяхъ, какъ легко, да не только легко, но радостно перенесли бы мы этотъ голодъ, да и всѣ возможныя матеріальныя бѣды!»

Дѣло помощи все разрасталось. Являлись новые сотрудники и новые виды помощи.

Интересны были разговоры въ Бѣгичевкѣ по вечерамъ, когда всѣ, Л. Н—чъ и его сотрудники возвращались съ работы, являлись вновь пріѣзжіе, завязывался обмѣнъ мнѣній и всѣ присутствовавшіе жадно ловили слова Л. Н—ча о томъ, что онъ думаетъ о дальнѣйшей судьбѣ многострадальнаго русскаго народа.

Отраженіе этихъ бесѣдъ мы находимъ въ дневникѣ Татьяны Львовны, откуда и заимствуемъ новую страничку:

«17 ноября. Вчера вечеромъ папа, Владиміровъ,

Богоявленскій, Чистяковъ и я много говорили о томъ, что ждетъ Россію и хотя папа говоритъ, что сколько мы ни старайся, а впереди крушеніе, — меня это не приводитъ въ уныніе и хотя, слушая другихъ и сама соображая, я не могу съ этимъ не согласиться, а все-таки есть какая-то надежда на то, что если побольше людей будетъ выбиваться изъ силъ, чтобы сдѣлать что-нибудь, то найдутся еще люди, которые послѣдуютъ ихъ примѣру и можетъ быть крушеніе минуетъ. Меня пугаетъ то, что эта бѣдность и голодъ есть способъ для очень многихъ поработить себѣ людей и кончится это тѣмъ, что или опять будутъ рабы хуже крѣпостныхъ, или будетъ возстаніе, что по моему, по духу времени, вѣроятнѣе. Владиміровъ говоритъ, что если бы онъ зналъ, что оттого, что 100 тысячъ умрутъ съ голода, милліонъ возстанетъ и ему будетъ лучше, то онъ согласился бы на это, но онъ думаетъ, что если будетъ возстаніе, то будетъ еще хуже. Я же думаю, что никто изъ насъ не можетъ предвидѣть того, что будетъ, и не имѣетъ права дать 100 тысячамъ умереть съ голода, если есть возможность предотвратить это, и не долженъ заботится объ общихъ вопросахъ, а каждый долженъ класть всѣ свои силы, чтобы вокругъ себя сдѣлать, что онъ можетъ. Послѣ такихъ разговоровъ объ общихъ вопросахъ мнѣ иногда кажутся мелкими нужды разныхъ Кабановыхъ, Мироновыхъ и такъ далѣе, и мнѣ думается, стоитъ ли хлопотать о томъ, нужна или не нужна имъ лишняя выдача, почему въ столовой вышло слишкомъ много дровъ и т. д., — но потомъ я себѣ говорю, что только это и надо дѣлать, потому что только это я и могу.

«. . . Папа сталъ часто говорить и пишетъ въ своихъ письмахъ, что дѣло, которое онъ дѣлаетъ, не то, а что это уступка. Я рада этому, значитъ, я не ошиблась . . .»

«19 ноября 1891 года. Бѣгичевка. Сегодня

утромъ былъ у папа съ Чистяковымъ разговоръ, къ концу котораго я пришла. Но по этому концу я поняла, о чемъ они говорили. Чистяковъ спрашивалъ папа, какъ онъ объясняетъ то, что онъ теперь принимаетъ пожертвованія и распоряжается деньгами и считаетъ ли это онъ послѣдовательнымъ съ его взглядами? Чистяковъ говорилъ слишкомъ рѣзко и хотя безъ малѣйшаго оттѣнка досады и съ большой любовью къ папа, но я видѣла, что папа это было больно до слезъ. Онъ говорилъ: «Спасибо, что вы мнѣ это сказали, какъ это хорошо, какъ хорошо!», но ему было больно. Онъ самъ прекрасно чувствовалъ и доходилъ до того, что это не то и не зачѣмъ было ему это говорить. Чистяковъ говоритъ, что отъ теперешней дѣятельности папа до благотворительныхъ спектаклей и до дѣятельности отца Іоанна совсѣмъ не далеко; что онъ не имѣетъ права вводить людей въ заблужденіе, такъ какъ многіе идутъ за нимъ и ждутъ отъ него указанія и что за теперешнее его дѣло всѣ будутъ хвалить его, тогда какъ оно не хорошее. Папа сказалъ: «Да, это какъ тотъ мудрецъ, который, когда ему стали рукоплескать во время его рѣчи, остановился и спросилъ себя: не сказалъ ли я какой-нибудь глупости?»

И далѣе въ дневникѣ своемъ Т. Л—вна прекрасно изображаетъ всю сложность дѣла, которымъ занимался Л. Н—чъ. Сколько нужно было духовной силы, чтобы бодро, не опуская рукъ, продолжать его.

«20 ноября 1891 года. Бѣгичевка. 3 часа дня. Случайно выдалось свободное время, и я хочу записать все, что мы переживаемъ за это время. Во-первыхъ, дѣла у насъ стало такъ много, что нѣтъ времени ни думать, ни читать, ни разговаривать (до чего я впрочемъ не охотница) и даже нѣтъ времени, хоро-

шенько соображать то, что нужно для дѣла. Папа тоже очень утомляется и мнѣ жалко и страшно на него смотрѣть. Я замѣчаю это за нимъ и за собою: мы начинаемъ отвѣчать на что-нибудь, что насъ спрашиваютъ, и вдругъ вспоминаемъ что-нибудь другое и отвѣчаемъ не то, что слѣдуетъ, и съ большимъ усиліемъ возвращаемся къ первой мысли. Это оттого, что надо вспомнить слишкомъ много разныхъ вещей. То приходятъ просить вписать въ столовую, то въ столовой не хватило хлѣба, то у насъ вышла свекла, надо послать къ Лебедеву, то надо ввести новыя перемѣны въ столовыя, въ родѣ пшена, гороха и т. п., то пришелъ побирушка, то «пожалуйте книжечку», то надо разсортировать ленъ; то ѣдутъ въ Клекотки, надо мама написать; то вышли свѣчи и мыло — надо откуда-нибудь ихъ добыть; то надо послать свидѣтельства Кр. Кр. для дарового провоза; то надо послать за лыками, а то ихъ таскаютъ; то надо заказать обѣдъ, послать за капустой, и такъ безъ конца, безъ конца, — одно кончишь, другое требованіе является, — да еще вписывать полученныя пожертвованія, отвѣчать на многія изъ нихъ, пересчитывать деньги (что для меня всегда представляетъ трудность). Вчера я до 1 часа сидѣла и сличала расходъ съ приходомъ, и то у меня 10 тысячъ не хватало, то 500 рублей лишнихъ, и оттого я такъ плохо стала считать, что вдругъ посреди расчета вспомню, что надо завтра послать Писареву письма или что-нибудь подобное, и все у меня запутается, и сверхъ того надо постоянно помнить, чтобы папа не подвернулась подъ руку постная похлебка, кислая капуста и что-нибудь подобное, и безпокойство о томъ, что онъ простудится или провалится въ Донъ. Теперь 4 часа, сильная метель и градусовъ 15 мороза. Маша поѣхала въ Татищево постараться водворить тамъ порядокъ, а то, говорятъ, что хозяйка столовой съ своихъ питомцевъ беретъ

водку, овчины и всякія взятки; Коншинъ съ Черняевой поѣхали въ Екатериновку открывать тамъ столовую, Гастевъ за тѣмъ же поѣхалъ въ Прудки, Новоселовъ лежитъ съ больными зубами, а еще Леонтьевъ, который сегодня пришелъ сюда, пошелъ съ папа въ Екатерининское посмотрѣть на столовыя».

Странная судьба отняла у Л. Н—ча его лучшаго друга и помощника въ дѣлѣ кормленія голодающихъ и хозяина того дома, гдѣ онъ жилъ, Ивана Ивановича Раевскаго. Въ одну изъ своихъ дѣловыхъ поѣздокъ онъ простудился, заболѣлъ и черезъ нѣсколько дней, 26 ноября, скончался. Смерть эта произвела на Льва Николаевича сильное, глубокое впечатлѣніе и сблизила его еще болѣе съ семьей покойнаго и заставила пережить много трогательныхъ моментовъ духовнаго единенія какъ съ отходящимъ въ вѣчность, такъ и съ остающимися окружавшими его людьми. Это впечатлѣніе отъ смерти Раевскаго Л. Н—чъ неоднократно выражаетъ въ своихъ письмахъ того времени.

Въ письмѣ къ В. Г. Ч—ву онъ такъ пишетъ о болѣзни Раевскаго:

«Кромѣ всего этого, занимающаго время, вотъ ужъ пятый день, какъ заболѣлъ нашъ хозяинъ и мой пріятель, котораго я и всегда любилъ и теперь особенно оцѣнилъ и полюбилъ, Ив. Ив. Раевскій. Это человѣкъ 56 лѣтъ, необыкновенно чистой жизни и безсознательный христіанинъ съ нѣкоторой «pudeur» къ выраженію и проявленію своихъ христіанскихъ чувствъ. Онъ всегда бывалъ занятъ народными дѣлами и теперь послѣднее время особенно горячо, страстно былъ занятъ продовольствіемъ. Ему обязаны столовыя своей формой и онъ главная точка опоры. Онъ и практиченъ и опытенъ и замѣчательно простъ въ пріемахъ и добръ.

И вотъ онъ заболѣлъ. Докторъ говоритъ инфлуенціей, а мнѣ кажется, что онъ умираетъ. Его жена, тоже прекрасная женщина, здѣсь, вчера пріѣхала изъ Тулы. И мы сидимъ дни и ночи отчасти въ комнатѣ больного, ожидая конца, какъ всегда обманывая себя и надѣясь противъ всякой надежды».

«У меня большое горе, — пишетъ Л. Н—чъ черезъ нѣсколько дней послѣ смерти Раевскаго Александрѣ Андреевнѣ Толстой, — умеръ мой другъ, одинъ изъ лучшихъ людей, которыхъ я зналъ, умеръ на моихъ рукахъ въ недѣлю отъ инфлуенціи. Мы съ нимъ вмѣстѣ работали и полюбили другъ друга больше, чѣмъ прежде».

А въ письмѣ къ Софьѣ Андреевнѣ онъ такъ выражаетъ свои чувства:

«Мнѣ ужасно жалко его. Я очень, очень его полюбилъ. И не могу простить себѣ, что я такъ не понималъ его прежде. Но зато какъ намъ радостно, молодо, восторженно было часто послѣднее время вмѣстѣ быть и работать».

Понятны тревоги Софьи Андреевны, переживавшей въ Москвѣ, въ рѣдкой по своей продолжительности разлукѣ со Львомъ Николаевичемъ всѣ эти волненія, и она усиленно звала его въ Москву.

Л. Н—чъ кротко и нѣжно отвѣчалъ на этотъ зовъ:

«Мы всѣ совершенно здоровы и желали бы пробыть нѣсколько дней послѣ похоронъ, чтобы не было того впечатлѣнія людямъ, что все дѣло оборвалось и кончилось со смертью Ив. Ив—ча. Я говорю: желалъ бы, но все будетъ зависѣть отъ твоего мужества. Я понимаю, что тебѣ страшно жутко, но вмѣстѣ съ тѣмъ не могу не видѣть, что нѣтъ никакихъ основаній для безпокойства. Все рѣшится само собой. Одно знаю, что люблю тебя всей душой и стремлюсь тебя увидать и успокоить».

Послѣ этого письма Л. Н—чъ дѣйствительно поѣхалъ въ Москву и пробылъ тамъ недѣлю. Изъ Москвы онъ пишетъ своему другу Александрѣ Андреевнѣ Толстой:

«Дѣло наше идетъ такъ хорошо, какъ я и не мечталъ, и все дальше и дальше затягиваетъ. Бѣдствіе велико, но радостно видѣть, что и сочувствіе велико. Я это теперь увидалъ въ Москвѣ, не по московскимъ жителямъ, но по тѣмъ жителямъ губерніи, которые имѣютъ связи съ Москвою. Страшно подумать, что было бы, если бы вдругъ прекратилась дѣятельность общества. — Говорятъ, что въ Петербургѣ не вѣрятъ серьезности положенія. Это грѣхъ. Я встрѣтилъ у Раевскаго моряка Протопопова, съ которымъ мы вмѣстѣ были 35 лѣтъ тому назадъ на Язоновскомъ редутѣ въ Севастополѣ. Онъ очень милый человѣкъ, теперь предсѣдатель управы, хлопочетъ, покупаетъ хлѣбъ. Онъ очень вѣрно сказалъ мнѣ, что испытываетъ чувство, подобное тому, какъ бывало въ Севастополѣ. «Спокоенъ, т.-е. перестаешь быть безпокоенъ, только тогда, когда что-нибудь дѣлаешь для борьбы съ бѣдой». Будетъ ли успѣхъ, — не знаешь, а надо работать, иначе нельзя жить. Отчего не сдѣлаютъ перепись всему хлѣбу въ Россіи?» [1]).

Но вотъ онъ снова въ Бѣгичевкѣ и снова весь погруженъ въ практику своего сложнаго, огромнаго дѣла.

14 декабря онъ между прочимъ пишетъ Черткову:

«Пишу второпяхъ, какъ къ сожалѣнію я всегда второпяхъ теперь. Знаю, что это нехорошо, да нельзя иначе. Тороплюсь же больше внѣшней стороной. Въ душѣ, слава Богу, чувствую спокойствіе. Даже нынче ночью много думалъ о себѣ и нашемъ дѣлѣ. Удивительно премудро устроено все. Сколько разъ при-

[1]) Толстовскій музей. Т. I. Стр. 371.

ходилось думать о томъ, какъ невыгодна для души та дѣятельность, которою мы заняты, тѣмъ, что насъ хвалятъ. Я даже серьезно сомнѣвался въ ея достоинствѣ именно поэтому: но теперь оказывается, что насъ ругаютъ и называютъ и считаютъ меня антихристомъ. «А если меня называли Вельзевуломъ, то и васъ такъ же», сказано. И то, что было въ первую минуту огорчительно, стало радостно».

Самая сущность того дѣла, которымъ онъ былъ занятъ, не переставала безпокоить его и онъ то оправдываетъ его, то кается въ немъ. Характерно въ этомъ отношеніи его письмо къ Ник. Ник. Ге. Въ декабрѣ онъ между прочимъ пишетъ ему:

«Мы были въ Москвѣ, вернулись опять сюда. Порадуйтесь за меня: на этомъ дѣлѣ, которое само по себѣ нехорошо, исполнено грѣха, я сошелся, какъ никогда не сходился, съ женой. Да, бережно надо обходиться съ людьми.

«У насъ Новоселовъ и Гастевъ живутъ. Очень много тутъ и худого и хорошаго. Но жить, какъ я жилъ, спокойно дома, не могъ бы»[1]).

Безпокойство о томъ, что онъ участвуетъ въ большомъ денежномъ дѣлѣ, противномъ его совѣсти, особенно рѣзко выразилось въ его письмѣ къ Фейнерману. Вотъ что онъ пишетъ ему въ декабрѣ этого года:

«Я живу скверно. Самъ не знаю, какъ меня затянуло въ эту тягостную для меня работу по кормленію голодныхъ. Не мнѣ, кормящемуся ими, кормить ихъ. Но затянуло такъ, что я оказался распредѣлителемъ той блевотины, которой рветъ богачей.

«Чувствую, что это скверно и противно, но не могу устраниться; не то, что не считаю это нужнымъ, — считаю, что должно мнѣ устраниться, но не достаетъ

---

[1]) Архивъ Черткова.

силъ. Я началъ съ того, что написалъ статью по случаю голода, въ которой высказалъ главную мысль — ту, что все произошло отъ нашего грѣха — отдѣленія себя отъ братьевъ, и что спасеніе и поправка дѣлу одна: покаяніе, т.-е. измѣненіе жизни, разрушеніе стѣны между нами и народомъ и сближеніе, сліяніе съ нимъ, невольное, вслѣдствіе отреченія отъ преимуществъ. Съ статьей этой, которую я отдалъ въ «Вопросы Психологіи», Гротъ возился мѣсяцъ и теперь возится. Ее и смягчали, и пропускали, и не пропускали, — и кончилось тѣмъ, что ея до сихъ поръ нѣтъ. Мысли же, вызванныя статьей, заставили меня поселиться среди голодающихъ; а тутъ жена напечатала письмо, вызвавшее пожертвованія, и я самъ не замѣтилъ, какъ я очутился въ положеніи распредѣлителя чужой блевотины и вмѣстѣ съ тѣмъ сталъ въ извѣстныя обязательныя отношенія къ здѣшнему народу. Бѣдствіе здѣсь большое и все растетъ, а помощь увеличивается въ меньшей прогрессіи, чѣмъ бѣдствіе. И потому, разъ попавши въ это положеніе, уже невозможно, прямо не могу отстраниться»[1]).

Наконецъ, Л. Н—чъ снова собирается въ Москву на болѣе продолжительное время. И начинаетъ подготовлять дѣла свои къ отъѣзду. 25 декабря онъ между прочимъ пишетъ Софьѣ Андреевнѣ:

«Я нынче верхомъ ѣздилъ далеко по столовымъ. Надо всѣ объѣздить передъ отъѣздомъ. Все идетъ хорошо; все независимо отъ нашей воли расширяется. Третьяго дня былъ въ деревнѣ, гдѣ на 9 дворовъ одна корова; нынче былъ въ деревнѣ, гдѣ почти всѣ нищіе. Я говорю нищіе въ томъ смыслѣ, что это все люди, не могущіе уже жить своими средствами и требующіе помощи — не держащіеся уже на водѣ, а хватающіеся за другихъ. Такихъ все больше и больше».

---

[1]) Полное собраніе сочиненій Л. Н. Толстого. Т. XXII.

30 декабря онъ выѣзжаетъ въ Москву и по дорогѣ со станціи пишетъ Черткову:

«Я очень собою недоволенъ и отъ этого мнѣ грустно. Соблазнъ славы людской не одолѣваетъ, а подковыривается — да и одолѣваетъ. И потому свѣдѣнія, вами сообщенныя, мнѣ очень полезны. Сначала больно, а потомъ чувствуешь, что на пользу».

Свѣдѣнія, сообщенныя Л. Н—чу Чертковымъ, касались очевидно неодобренія его дѣятельности одной частью русскаго общества. Эти неодобрительные слухи, хотя Л. Н—чъ принималъ ихъ съ благодарностью и смиреніемъ, много мѣшали правильному теченію дѣла и разъ даже угрожали полнымъ прекращеніемъ его. Особенно ярко эта враждебность темныхъ силъ выразилась въ началѣ 1892 года.

ГЛАВА VIII

Продолженіе дѣятельности Льва Николаевича среди голодающихъ

1892 г.

30-го декабря Л. Н—чъ пріѣхалъ въ Москву отдохнуть отъ трудной продовольственной жизни и побыть съ семьей, съ которой былъ необычно долго въ разлукѣ. Въ Москвѣ онъ пробылъ весь январь мѣсяцъ. Но уже съ 15 января его потянуло на прежнюю работу.

Въ это время онъ писалъ Черткову:

«Я еще въ Москвѣ и очень каюсь и тягочусь здѣшней жизнью. Здѣсь все идутъ пожертвованія, есть еще деньги столовыхъ на 30 и все прибываютъ, а когда я уѣхалъ оттуда, тамъ было 70 столовыхъ и были просьбы отъ деревенъ 20 очень нуждающихся, которыхъ, я думалъ, что нельзя удовлетворить. А теперь можно, а я сижу здѣсь. А 30° мороза, а тамъ

нѣтъ во многихъ близкихъ мѣстахъ ни пищи, ни топлива. Жена обѣщается ѣхать со мной туда на недѣлю, она на недѣлю, а я останусь послѣ 20-го, но пока тяжело. Были Раевскіе молодые, а теперь Илья; но не говоря о томъ, что все-таки я тамъ нуженъ, моя-то жизнь здѣсь ненужная. Одно, чѣмъ могу немного утѣшаться, это то, что написалъ здѣсь и кажется, что кончилъ 8 главу. Все это вышло не такъ, какъ я думалъ. То воззваніе, которое я думалъ и вы совѣтовали помѣстить въ концѣ, не подошло. Но, кажется, вышло такъ, какъ должно быть. Завтра, если буду живъ, поправлю по переписанному и надѣюсь, что исправлю, вычеркну, прибавлю, переставлю, но не измѣню. Нужно это — нужно. Можетъ быть, я заблуждаюсь, но мнѣ кажется, что, пиша это, я дѣлаю то, что велитъ Богъ».

Л. Н—чу пришлось прожить въ Москвѣ до начала февраля. Софья Андреевна проводила его въ Бѣгичевку, пробыла тамъ день и вернулась въ Москву.

Въ это время надъ Л. Н—чемъ собралась гроза, не посмѣвшая разразиться, ушедшая туда, откуда пришла, но все-таки надѣлавшая ему не мало хлопотъ и волненій, а особенно С. А—нѣ. Громъ грянулъ изъ редакціи «Московскихъ Вѣдомостей».

Поводомъ къ этому нападенію послужило слѣдующее: Въ январской «Книжкѣ Недѣли» 1892 г. появилась статья Л. Н—ча подъ названіемъ «Помощь голоднымъ». Она представляла весьма сокращенный и урѣзанный цензурой варіантъ его большой статьи, которую Л. Н—чъ написалъ еще осенью 1891 года, основываясь на впечатлѣніяхъ изъ своей поѣздки по неурожайнымъ мѣстностямъ. Л. Н—чъ далъ тогда этой статьѣ названіе «Письма о голодѣ» и хотѣлъ помѣстить ее въ журналѣ Н. Я. Грота «Вопросы психологіи и философіи». Но несмотря на всѣ хлопоты Грота, цензура не позволила напечатать ее въ пол-

номъ видѣ, а въ урѣзанномъ печатать не хотѣлъ Гротъ изъ уваженія къ автору. Тогда Л. Н—чъ распорядился, чтобы въ корректурныхъ оттискахъ, безъ всякихъ урѣзокъ, статья эта была передана въ распоряженіе переводчиковъ французскаго, датскаго и англійскаго, Диллона. Первые два перевода прошли незамѣченными, а на англійскій обратили вниманіе въ Москвѣ.

21 января въ передовой статьѣ редакція «Московскихъ Вѣдомостей» перепечатываетъ большой кусокъ этой статьи, причемъ комбинируетъ нѣсколько фразъ съ болѣе рѣзкимъ осужденіемъ современнаго порядка вещей и съ комментаріями такого рода:

«Письмо это столь характерно, что мы приводимъ его цѣликомъ, для того, чтобы всѣмъ открыть глаза на истинный смыслъ той пропаганды, которую ведетъ графъ Толстой и которую многіе у насъ (надѣемся, что по невѣдѣнію), считаютъ вполнѣ невинною и даже благотворною. Читайте и судите».

Рецензентъ заключаетъ такъ:

«Въ другомъ письмѣ графъ Толстой задается «самоважнѣйшимъ вопросомъ, понимаютъ ли сами крестьяне серьезность своего положенія и необходимость, вовремя проснуться и самимъ предпринять что-нибудь, въ виду того, что никто другой имъ помочь не можетъ, ибо если они сами ничего не предпримутъ, «они передохнутъ къ веснѣ, какъ пчелы безъ меду».

«Письма графа Толстого не нуждаются въ комментаріяхъ: они являются открытой пропагандой къ ниспроверженію всего существующаго во всемъ мірѣ соціальнаго и экономическаго строя, который, съ весьма понятною цѣлью, приписывается графомъ одной только Россіи. Пропаганда графа есть пропаганда самаго разнузданнаго соціализма, предъ которымъ блѣднѣетъ даже наша подпольная пропаганда.

«На дняхъ намъ прислали по почтѣ одинъ изъ

подпольныхъ печатныхъ мерзкихъ листковъ, въ которомъ, такъ же какъ у графа Толстого, говорится, что «спасеніе Русской земли въ ней самой, а не въ министрахъ, генералъ-губернаторахъ и губернаторахъ, которые привели Россію къ самому краю пропасти». Въ этомъ листкѣ высказывается та же нелѣпая мысль, будто «правительство довело Россію до голода», какъ и у графа Толстого, который, хотя и не имѣетъ ничего общаго съ подпольными агитаторами, тѣмъ не менѣе тоже твердитъ, что правительство является «паразитомъ народа», высасывающимъ его соки ради собственнаго удовольствія!

«Но подпольные агитаторы стремятся къ мятежу, выставляя въ видѣ приманки «конституцію», какъ средство къ тому хаосу, о которомъ они мечтаютъ, а графъ открыто проповѣдуетъ программу соціальной революціи, повторяя за западными соціалистами избитыя, нелѣпыя, но всегда дѣйствующія на невѣжественную массу фразы о томъ, какъ «богачи» пьютъ потъ народа, пожирая все, что народъ имѣетъ и производитъ!

«Можемъ ли мы оставаться равнодушными при подобной пропагандѣ, которую могутъ не замѣчать развѣ только люди совершенно слѣпые или не желающіе видѣть?»

Авторитетный еще тогда голосъ «Московскихъ Вѣдомостей», пославшій упрекъ въ преступномъ равнодушіи власть имущимъ, возымѣлъ свое дѣйствіе.

«Сферы» заволновались.

О томъ, какъ отразилась эта выходка «Московскихъ Вѣдомостей» на высшихъ сферахъ, хорошо разсказываетъ родственница Л. Н—ча, графиня Александра Андреевна въ своихъ воспоминаніяхъ:

«Когда солнце блещетъ слишкомъ ярко — тучи недалеко», — такъ начинаетъ свой разсказъ Александра Андреевна; эта не всѣмъ извѣстная поговорка оправдалась какъ разъ надъ нашимъ героемъ. И въ его исто-

ріи настали тоже смутныя времена. Съ одной стороны преклоненіе и куреніе ѳиміамомъ шло своимъ чередомъ, а съ другой — явились вражда и зависть».

«По моему, — писала графиня, — нѣтъ ничего гаже и печальнѣе, какъ журнальная война. Въ Москвѣ вдругъ зашевелилось цѣлое полчище этихъ подпольныхъ крысъ, которыя силились, во что бы то ни стало, очернить Льва Николаевича не только въ настоящемъ, но и въ прошедшемъ, выбрасывая на свѣтъ изъ своей крысиной норы давно забытые литературные его грѣхи, ими же когда-то обглоданные, т.-е. то, что всякій авторъ и поэтъ позволяетъ себѣ тайкомъ, въ своей молодости, en guise d'airs de bravoure [1]). Затѣмъ самое худшее разразилось изъ чистой неосторожности Льва Николаевича, который, пренебрегая мнѣніемъ общимъ, и главное цензурнымъ, допустилъ одного англійскаго журналиста унести съ собою, — конечно не для печати, — статью антиправительственную; этотъ же сынъ de la perfide Albion [2]) немедленно же напечаталъ ее въ газетѣ, съ заявленіемъ, что Левъ Николаевичъ далъ ему на то разрѣшеніе».

Возмущенія графини Александры Андреевны коварствомъ сына Альбіона здѣсь совершенно были напрасны, такъ какъ Л. Н—чъ лично распорядился передать переводчикамъ для печати свою статью.

«Можно себѣ представить, — продолжаетъ графиня Александра Андреевна, — съ какой демонской радостью московскія крысы ухватились за эту статью, цитируя ее въ своихъ Вѣдомостяхъ со своими, конечно, комментаріями и придавая мыслямъ автора совершенно другой и, разумѣется, еще болѣе худшій смыслъ... Не берусь описывать, какой переполохъ послѣдовалъ по всей Европѣ изъ-за этой статьи и сколько было придумано московскими журналистами нака-

[1]) Въ видѣ смѣлости. [2]) Коварнаго Альбіона.

заній бѣдному Льву Николаевичу: ему предсказывали Сибирь, крѣпость, изгнаніе изъ Россіи, чуть ли даже не висѣлицу...

«Иностранныя газеты, по обыкновенію, переполнились подробностями этого инцидента, и въ продолженіи двухъ-трехъ мѣсяцевъ я безпрестанно получала отовсюду, не исключая Америки, письма съ просьбою увѣдомить ихъ, къ чему именно приговоренъ извѣстный писатель, мой родственникъ... Въ это время до меня стали доходить петербургскіе слухи, что министръ внутреннихъ дѣлъ, графъ Дмитрій Андреевичъ Толстой, по наущенію московскихъ публицистовъ, проектируетъ для Льва Николаевича заточеніе въ Суздальскій монастырь безъ права писать, то-есть ему стали бы отпускать бумагу въ ограниченномъ размѣрѣ, при томъ непремѣнномъ условіи, что новое количество онъ будетъ получать лишь по возвращеніи (исписаннымъ) того, что было отпущено ему ранѣе».

Пораженная, потрясенная подобными зловѣщими слухами и толками, графиня Александра Андреевна рѣшаетъ ѣхать сама къ министру, чтобы лично отъ него узнать все.

«Я застала его дома, — разсказываетъ графиня, — и въ большомъ, повидимому, недоумѣніи. Такимъ по крайней мѣрѣ недоумѣвающимъ онъ мнѣ представился.

«— Право, не знаю, на что рѣшиться, — сказалъ графъ Д. А. Толстой Александрѣ Андреевнѣ. — Прочтите вотъ всѣ эти доносы на Льва Толстого... Первые, полученные мною, я положилъ подъ сукно: но не могу же я всю эту исторію скрывать отъ Государя...

«— Разумѣется, нѣтъ, — отвѣчала графиня, — но вы должны знать, что Государь очень любитъ Льва, et probablement que celà adoucira ses impressions... [1])

[1]) Вѣроятно это смягчитъ его впечатлѣнія.

«И вотъ, — говоритъ графиня, — когда я узнала и увидѣла, какой опасности можетъ подвергнуться Левъ Николаевичъ отъ доклада Дмитрія Андреевича государю и что этотъ докладъ будетъ сдѣланъ на дняхъ, я рѣшилась употребить все свое вліяніе, чтобы его спасти. Я написала государю, что мнѣ очень нужно его видѣть, и просила назначить мнѣ для этого время. Представьте мою радость, когда я вдругъ получила отвѣтъ, что въ тотъ же день государь зайдетъ ко мнѣ самъ.

Я была сильно взволнована, ожидая его посѣщенія, и мысленно просила Бога помочь мнѣ. Наконецъ, государь вошелъ. Я замѣтила, что лицо его утомлено и онъ былъ чѣмъ-то разстроенъ. Но это не измѣнило моего намѣренія и лишь придало мнѣ большую рѣшимость. На вопросъ государя, что я имѣю сказать ему, я отвѣчала прямо:

— На дняхъ вамъ будетъ сдѣланъ докладъ о заточеніи въ монастырь самаго геніальнаго человѣка въ Россіи.

Лицо государя мгновенно измѣнилось: оно стало строгимъ и глубоко опечаленнымъ.

— Толстого? — коротко спросилъ онъ.

— Вы угадали, государь, — отвѣтила я.

— Значитъ, онъ злоумышляетъ на мою жизнь? — спросилъ государь.

Я изумилась, но внутренно была обрадована: я подумала, что только одно это (преступленіе) могло бы склонить государя къ утвержденію доклада Дмитрія Андреевича...

И дѣйствительно, какъ оказалось, прослушавъ докладъ Дмитрія Андреевича о случившемся и о сильномъ будто бы возбужденіи публики, государь, отклоняя отъ себя докладъ, отвѣтилъ буквально слѣдующее:

«Прошу васъ Толстого не трогать. Я нисколько не намѣренъ сдѣлать изъ него мученика и обратить

на себя всеобщее негодованіе. Если онъ виновалъ, тѣмъ хуже для него».

Я узнала тогда же, что Дмитрій Андреевичъ вернулся изъ Гатчины, изображая изъ себя, по его словамъ, «вполнѣ счастливаго человѣка» такъ какъ, въ случаѣ утвержденія его доклада, и на него, конечно, пало бы не мало нареканій. Онъ это хорошо понималъ и довольно искусно входилъ въ роль «счастливаго»... [1]).

Въ этомъ разсказѣ, подкупающемъ своей искренностью и доброжелательностью ко Л. Н—чу есть крупное противорѣчіе. Упоминаніе о козняхъ «Московскихъ Вѣдомостей» несомнѣнно указываетъ на то, что описанный случай относится къ январю 1892 года. На это же указываетъ и упоминаніе А. А—ны о коварности англійскаго переводчика, такъ какъ «разоблаченія» «Московскихъ Вѣдомостей» были извлечены именно изъ перевода англійскаго переводчика Диллона. Но въ это время министра Толстого уже не было въ живыхъ. Онъ, какъ извѣстно, умеръ въ 1889 году. И стало быть графиня Александра Андреевна не могла ѣздить къ нему и докладъ къ государю дѣлалъ не онъ. Весьма вѣроятно, что графиня, съ ослабѣвшей подъ старость памятью (записки ея помѣчены 1899 годомъ, т.-е. она ихъ писала 82 лѣтъ, за 4 года до своей смерти), слила два происшествія въ одно, такъ какъ еще въ 1886 году Л. Н—чу угрожали какими-то репрессіями за распространеніе его статьи «Николай Палкинъ». Но тогда это не было такъ серьезно и встрѣчу ея и разговоръ съ государемъ слѣдуетъ отнести именно къ 1892 году.

Передавались въ обществѣ и въ семьѣ Толстыхъ и другіе варіанты разговора государя Александра III

---

[1]) Мы цитируемъ разсказъ А. А-ны по воспоминаніямъ Захарьина-Якунина. «В. Е.» 1904.

съ графиней Александрой Андреевной Толстой. Разсказывали, что государь, встрѣтивъ А. А., показалъ ей номеръ «Московскихъ Вѣдомостей» со словами: «Посмотрите, какъ пишетъ нашъ съ Вами протеже!» И выслушавъ успокоительное замѣчаніе гр. А. А—ны, все-таки съ огорченіемъ прибавилъ: «Предалъ меня врагамъ моимъ».

Волновалась и семья Л. Н—ча, особенно Софья Андреевна. И подъ вліяніемъ ея страха Л. Н—чъ рѣшился написать опроверженіе нелѣпыхъ слуховъ. Онъ сдѣлалъ это въ такой формѣ:

Въ серединѣ февраля графиня С. А—на разослала по многимъ редакціямъ слѣдующее письмо:

«Милостивый Государь!

«Получивъ изъ Бѣгичевки, Данковскаго уѣзда, нижеслѣдующее письмо моего мужа, предназначенное для напечатанія, покорнѣйше прошу помѣстить его въ вашемъ изданіи.

«Гр. Софья Толстая».

«Милостивый Государь, господинъ редакторъ!

«Въ отвѣтъ на получаемыя мною отъ разныхъ лицъ письма съ вопросами о томъ, дѣйствительно ли написаны и посланы мною въ англійскія газеты письма, изъ которыхъ сдѣланы выписки въ номерѣ 22 «Московскихъ Вѣдомостей», покорно прошу помѣстить слѣдующее мое заявленіе.

«Писемъ никакихъ я въ англійскія газеты не писалъ. Выписка же, напечатанная мелкимъ шрифтомъ и приписываемая мнѣ, есть очень измѣненное (вслѣдствіе двукратнаго — сначала на англійскій, потомъ на русскій языкъ — слишкомъ вольнаго перевода) мѣсто изъ моей статьи, еще въ октябрѣ отданной въ московскій журналъ и не напечатанной, и послѣ того отданной по обыкновенію моему въ полное распоряженіе иностранныхъ переводчиковъ.

«Мѣсто же въ статьѣ «Московскихъ Вѣдомостей», напечатанное, вслѣдъ за выпиской изъ перевода моей статьи, крупнымъ шрифтомъ и выдаваемое за выраженную мною будто бы во второмъ письмѣ мысль о томъ, какъ долженъ поступать народъ для избавленія себя отъ голода, — есть сплошной вымыселъ.

«Въ этомъ мѣстѣ составитель статьи пользуется моими словами, употребленными совершенно въ другомъ смыслѣ, для выраженія совершенно чуждой и противной моимъ убѣжденіямъ мысли.

«Съ совершеннымъ уваженіемъ

«Левъ Толстой».

12 Февраля 1892 г.
Бѣгичевка.

Опроверженіе это было вызвано отчасти поѣздкой С. А—ны къ великому князю Сергѣю Александровичу, тогдашнему генералъ-губернатору Москвы, съ просьбой заступничества. С. А. уѣхала отъ него конечно успокоенная, при чемъ Великій Князь сказалъ ей, что было бы хорошо, если бы графъ помѣстилъ опроверженіе въ «Правительственномъ Вѣстникѣ».

«Правительственный же Вѣстникъ» отказался напечатать это письмо на томъ основаніи, что полемика не допускается на страницахъ офиціальнаго органа.

Въ это время за границей въ газетахъ уже печатались статьи подъ названіемъ: «Заточеніе Льва Толстого», въ которыхъ приводились разные слухи объ угрожающей Л. Н—чу опасности, перепечатывались замѣтки «Московскихъ Вѣдомостей» и «Гражданина», причемъ либеральная пресса возмущалась противъ посягательства «на славнѣйшую литературную карьеру XIX вѣка».

Все это сильно безпокоило Софью Андреевну и она обратилась въ иностранныя газеты съ слѣдующимъ письмомъ:

«Милостивый Государь, господинъ редакторъ! Еже-

дневно получаю я письма и вырѣзки изъ иностранныхъ газетъ, гдѣ говорится объ арестованіи моего мужа, графа Толстого. Считаю своей обязанностью сообщить всю правду о мужѣ тѣмъ, кто интересуется его судьбой. Графа Толстого правительство не только не тревожитъ, но администрація, напротивъ, дѣятельно помогаетъ ему въ его работѣ на пользу пострадавшихъ отъ неурожая. Враждебные ему элементы, небольшая горсть, впрочемъ, съ «Московскими Вѣдомостями» во главѣ, постарались было извратить его статью, написанную для русскаго журнала и далеко невѣрно переданную въ переводѣ, въ такомъ смыслѣ, что статья противорѣчила всѣмъ взглядамъ графа. Случай этотъ и вызвалъ всѣ разговоры и толки. Въ особенности тяжело мнѣ читать въ иностранныхъ газетахъ, что заточеніе моего мужа произошло по приказанію Высшей власти. Высшая власть была всегда особенно благосклонна къ нашей семьѣ».

Это письмо въ заграничную печать было написано и разослано уже безъ вѣдома Льва Николаевича.

Л. Н—чъ сталъ замѣчать, что написанное имъ опроверженіе уже начинаетъ быть эксплуатировано въ томъ смыслѣ, что онъ оправдывается во взводимыхъ на него обвиненіяхъ, и это побудило его написать Софьѣ Андреевнѣ слѣдующее письмо:

«Я по письму милой Александры Андреевны вижу, что у нихъ тонъ такой, что я въ чемъ-то провинился, и мнѣ надо передъ кѣмъ-то оправдываться. Этотъ тонъ надо не допускать. Я пишу то, что думаю, и то, что не можетъ нравиться ни правительствамъ, ни богатымъ классамъ, ужъ 12 лѣтъ, и пишу не нечаянно, а сознательно, и не только оправдываться въ этомъ не намѣренъ, но надѣюсь, что тѣ, которые желаютъ, чтобы я оправдывался, постараются хоть не оправдаться, а очиститься отъ того, въ чемъ не я, а вся жизнь ихъ обвиняетъ. Въ частномъ же этомъ

случаѣ происходитъ слѣдующее: правительство устраиваетъ цензуру, нелѣпую и беззаконную, мѣшающую проявляться мыслямъ людей въ ихъ настоящемъ свѣтѣ. Невольно происходитъ то, что вещи эти въ искаженномъ видѣ являются за границей. Правительство приходитъ въ волненіе, и вмѣсто того, чтобы открыто, честно разобрать дѣло, опять прячется за цензуру, и вмѣстѣ чѣмъ-то обижается, позволяетъ себѣ обвинять еще другихъ, а не себя. То же, что я писалъ въ статьѣ о голодѣ, есть часть того, что я 12 лѣтъ на всѣ лады пишу и говорю, и буду говорить до самой смерти, и что говоритъ со мной все, что есть просвѣщеннаго и честнаго во всемъ мірѣ, что говоритъ сердце каждаго неиспорченнаго человѣка, и что говоритъ Христіанство, которое исповѣдуютъ тѣ, которые ужасаются.

«Пожалуйста, не принимай тона обвиненной. Это совершенная перестановка ролей. Можно молчать. Если же не молчать, то можно только обвинять — не «Московскія Вѣдомости», которыя вовсе не интересны, и не людей, а тѣ условія жизни, при которыхъ возможно то, что возможно у насъ. Я давно хотѣлъ тебѣ написать это. И нынче рано утромъ, съ свѣжей головой, высказываю то, что думалъ объ этомъ. Замѣть при этомъ, что есть мои писанія въ десяткахъ тысячъ экземплярахъ на разныхъ языкахъ, въ которыхъ изложены мои взгляды. И вдругъ, по какимъ-то таинственнымъ письмамъ, появившимся въ англійскихъ газетахъ, всѣ вдругъ поняли, что я за птица. Вѣдь это смѣшно. Только тѣ невѣжественные люди, изъ которыхъ самые невѣжественные тѣ, что составляютъ Дворъ, могутъ не знать того, что я писалъ, и думать, что такіе взгляды, какъ мои, могутъ въ одинъ день вдругъ перемѣниться и сдѣлаться революціонными. Все это смѣшно и разсуждать съ такими людьми для меня и унизительно и оскорбительно.

«Боюсь, что ты будешь бранить меня за эти рѣчи, милый другъ, и обвинять въ гордости. Но это будетъ несправедливо. Не гордость, а тѣ основы христіанства, которыми я живу, не могутъ подгибаться подъ требованіями нехристіанскихъ людей, и я отстаиваю не себя и оскорбляюсь не за себя, а за тѣ основы, которыми живу. Пишу же заявленіе и подписалъ потому, что, какъ справедливо пишетъ милый Гротъ, истину всегда надо возстанавливать, если это нужно. Тѣ же, которые рвутъ портреты, совершенно напрасно ихъ имѣли».

Левъ Н—чъ считалъ инцидентъ исчерпаннымъ, но въ обществѣ еще долго волновались этимъ событіемъ, которое, какъ камень, брошенный въ воду, расходящимися кругами захватывало все большее и большее пространство.

Особенно былъ задѣтъ этимъ дѣломъ переводчикъ Диллонъ. Опроверженіе Льва Н—ча бросало тѣнь на добросовѣстность его работы; вѣроятно этимъ воспользовались его конкуренты, чтобы подставить ему ножку, и онъ, разстроенный, пріѣхалъ въ Бѣгичевку, умоляя спасти его, такъ какъ ему угрожаютъ увольненіемъ отъ должности корреспондента, если онъ не доставитъ вновь удостовѣренія въ правильности перевода. Левъ Н—чъ, пожалѣвъ его, далъ ему такое удостовѣреніе, но въ это дѣло вмѣшалась бывшая тогда въ Бѣгичевкѣ С. А—на и уничтожила удостовѣреніе.

Задѣтъ былъ этимъ происшествіемъ и писатель Н. С. Лѣсковъ, всегда съ особеннымъ интересомъ слѣдившій за всѣмъ, что окружало Л. Н—ча и въ то же время протежировавшій корреспонденту Диллону.

Вотъ его письмо ко мнѣ, полное возмущенія и жалобы; но какъ всегда приправленное остроуміемъ, ироніей и шуткой:

«Милый другъ Павелъ Ивановичъ!

«Письмо ваше, написанное передъ выѣздомъ изъ Бѣгичевки, получилъ и благодарю за него и за приложенную при немъ копію съ письма о Кармѣ. Это прекрасно, но что произошло съ тѣхъ поръ по «инциденту объ искаженіяхъ» — все не прекрасно, и это было причиною, что я долго не могъ отвѣчать вамъ. Я былъ глубоко потрясенъ и взволнованъ этимъ «инцидентомъ», въ которомъ не было никакой надобности. Затвердили, что есть будто «искаженія», и какъ стали на этомъ, такъ и перли несмотря на всѣ доводы друзей, что «искаженій» нѣтъ, и на то, что прекратить говоръ объ этомъ во всѣхъ отношеніяхъ достойнѣе, чѣмъ продолжать его въ виду очевидной невозможности доказать то, чего нѣтъ... Говорятъ, будто даже и Вы были за продолженіе этой несчастной полемики, положившей смутительную тѣнь на правдивость и прямоту характера Л. Н—ча, и тѣмъ исполнившую мучительными ощущеніями души превосходныхъ людей, которые его любятъ и которые теперь ходятъ постыженные и молчатъ, чувствуя подавляющую скорбь... Могу по примѣру извѣстнаго американца изречь «проклятіе тому гусю, который далъ перо, которымъ графиня имѣла возможность написать свой протестъ». Гдѣ была хоть какая-нибудь расчетливость, когда она за это бралась и преслѣдовала это съ настойчивостью, достойною совсѣмъ иного дѣла?.. И что за муки созданы бѣдному Диллону, который самъ бы на себѣ все перенесъ въ молчаніи, но онъ не имѣлъ права, отказаться отъ исполненія требованія «Daily Telegraph» компанейской газеты, рисковавшей сразу потерять всю свою репутацію въ глазахъ всего міра, и разорить свое дѣло, поглотивъ средства всѣхъ своихъ капиталистовъ... Что было дѣлать бѣдному Диллону, когда отъ него потребовали, чтобы «протестъ» графини былъ опровергнутъ здѣсь, въ Рос-

сіи?..» Несчастный человѣкъ былъ вынужденъ писать противъ того, кого онъ любитъ и уважаетъ, и искать средствъ обличить его при посредствѣ такихъ органовъ, куда онъ не хотѣлъ бы и заглянуть... Какое терзаніе создано этому человѣку, всегда обнаруживавшему самую благородную и полезную преданность Л. Н—чу!.. И однако мы видимъ, что въ непостижимомъ рѣшеніи стоять за наличность «искаженій» участвуетъ и самъ Л. Н—чъ!.. Что же это такое? Какъ это понимать? Гдѣ же наконецъ искаженія?.. Гдѣ ихъ видѣли Л. Н., графиня, Ч—ковъ и вы? Пожалуйста покажите ихъ! Насъ вѣдь со всѣхъ сторонъ вышучиваютъ и выспрашиваютъ и мы должны бы знать, что отвѣчать, — гдѣ искаженія, когда нѣтъ искаженій! Вы не знаете и не можете знать — какъ это тяжело и больно, потому что вы стоите среди своихъ, а мы вертимся среди чужихъ и видимъ смятенія превосходныхъ душъ и ихъ отпаденія, по сомнѣнію въ искренности того человѣка, который намъ дороже всѣхъ живущихъ подъ солнцемъ!.. Ч—ковъ намъ разорилъ центръ, а теперь онъ же помогаетъ поражать и «разсѣяніе»... Вы говорите, что «онъ ведетъ свою линію»... Я это знаю, но я думаю, что ему бы и довольно было «только вести свою линію». Живучи въ деревняхъ, люди теряютъ масштабъ измѣреній, при которыхъ идутъ возведенія въ городахъ. Это давно извѣстно, и на нашихъ дѣльцахъ это еще разъ доказано съ такою чертовской убѣдительностью, что я еще разъ хотѣлъ бы послать «проклятіе гусю, давшему перо», которымъ графиня пишетъ свои «артикли». Что же будетъ еще? Неужели е щ е будутъ отъ нея новые артикли?! Неужто вы всѣ не видите, къ чему это ведетъ и кому вы играете въ руку! Е м у лучше бы быть немножко оболганнымъ, чѣмъ смутить людей его любящихъ. Цѣлую васъ. Н. Лѣсковъ».

Какъ пишетъ Лѣсковъ, Диллону ничего не осталось дѣлать, какъ доказывать, что искаженій не было. Такъ какъ въ томъ же самомъ были заинтересованы и «Московскія Вѣдомости», то онъ обратился къ нимъ съ просьбой, напечатать доказательство того, что искаженій не было.

Въ одномъ изъ современныхъ журналовъ такъ говорится объ этомъ новомъ выступленіи «Московскихъ Вѣдомостей».

«Заявленіемъ Л. Н—ча инцидентъ могъ бы считаться исчерпаннымъ, если бы не тѣ же «Московскія Вѣдомости», которыя, желая продолжать сенсацію, обрушились на Толстого новымъ потокомъ ругательствъ и обвиненій. Для доказательства вѣрности своего перевода онѣ ссылаются на переводъ г. Диллона и печатаютъ отзывы объ этомъ послѣднемъ переводѣ самаго графа, хотя вѣрность перевода, сдѣланнаго съ русскаго языка на англійскій, еще не гарантируетъ вѣрности перевода, сдѣланнаго обратно въ редакціи московской газеты съ англійскаго языка на русскій».

Достаточно легкаго поверхностнаго сравненія напечатаннаго въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» съ тѣмъ, что было написано Л. Н—чемъ, чтобы увидать, что если нѣтъ большихъ искаженій, то-есть весьма неточный переводъ, перестановки, подборъ и сопоставленія болѣе рѣзкихъ фразъ, отъ кого бы это ни исходило, отъ «Московскихъ Вѣдомостей» или отъ Диллона или отъ обоихъ вмѣстѣ, чтобы согласиться вполнѣ съ Л. Н—чемъ, что онъ не могъ признать себя авторомъ приведенныхъ отрывковъ.

Эта канитель утомила наконецъ и Л. Н—ча и онъ выражаетъ свое полное равнодушіе къ происходящему, высказывая свое примиряющее мнѣніе въ письмѣ къ Черткову отъ 21 марта 1892 года.

«Статьи «Московскихъ Вѣдомостей» и «Гражданина»

и письма Диллона были мнѣ непріятны — въ особенности Диллона тѣмъ, что никакъ не можешь догадаться, чѣмъ вызвалъ враждебное чувство въ людяхъ. Въ особенности Диллона. Мотивы его я совершенно не понимаю. И не притворяясь, могу сказать, что онъ мнѣ прямо жалокъ тѣми тяжелыми чувствами, которыя онъ испытываетъ, и которыя побуждаютъ его, писать то, что онъ пишетъ. Тутъ все полу-правда, полу-ложь, и разобраться въ этомъ, когда нѣтъ доброжелательства людей другъ къ другу, нѣтъ никакой возможности. И потому самое лучшее ничего не говорить. Впрочемъ дѣлайте какъ знаете. Я знаю, что такъ какъ мнѣ дѣйствительно во всемъ этомъ ничего не было нужно или тѣмъ менѣе страшно, что я и не могъ ничего желать выказать или скрыть и возражать на все, что могутъ вамъ приписать, не любя васъ, никакъ не возможно».

А между тѣмъ статья, изъ-за которой загорѣлся весь этотъ сыръ-боръ, представляла замѣчательное литературное явленіе.

Мы передадимъ здѣсь вкратцѣ содержаніе этой статьи и приведемъ нѣкоторые отрывки, цитируя ихъ по полному экземпляру.

Въ этой статьѣ Л. Н—чъ старался разъяснить людямъ ихъ нравственныя и общественныя обязанности передъ лицомъ объявшаго Россію бѣдствія.

Въ началѣ этой статьи, которая называлась «Письма о голодѣ», Л. Н—чъ говоритъ, что въ то время въ газетахъ какъ бы вошло въ обычай порицать администрацію и земство за ихъ бездѣятельность, но это неправда, на его глазахъ происходила напряженная дѣятельность и администраціи и земства, но и та и другая были неудачны и не достигали цѣли. Причины

этой неудачи Л. Н—чъ видѣлъ въ отдаленіи отъ народа тѣхъ дѣятелей, которымъ было поручено спасеніе народа отъ бѣдствій голода.

Неудача помощи и взаимная критика обостряли отношенія между администраціей и земствомъ и отъ этого страдало самое дѣло. Земство и администрація были несогласны даже въ опредѣленіи размѣровъ бѣдствія, администрація была склонна уменьшать его значеніе, земство — преувеличивать. Оба вѣдомства были согласны лишь въ томъ, что бѣдствіе надвигается. Л. Н—чъ образно такъ выражалъ ихъ отношеніе къ народной бѣдѣ:

«Для того, чтобы наложить заплату, вырѣзать и приготовить ее, надо знать размѣръ дыры. Одни говорятъ, что дыра невелика и какъ бы заплата не разодрала дальше; другіе говорятъ, что не достанетъ и матеріи на заплату».

Для того, чтобы опредѣлить дѣйствительные размѣры бѣдствія, Л. Н—чъ лично обслѣдовалъ нѣсколько уѣздовъ Тульской и Рязанской губерніи. И чѣмъ больше онъ подвигался на востокъ, тѣмъ бѣдствіе усиливалось. Такъ, въ Крапивенскомъ уѣздѣ Тульской губерніи при изслѣдованіи крестьянскихъ хозяйствъ оказывалось 50 средняго достатка и 20 очень плохихъ, въ Богородицкомъ уѣздѣ среднихъ оказывалось только 25, а плохихъ 50, въ Ефремовскомъ уѣздѣ цифры оказались еще болѣе неблагопріятными, а въ сосѣднемъ Данковскомъ уѣздѣ Рязанской губерніи предстоящее бѣдствіе принимало уже угрожающіе размѣры. Такимъ образомъ Л. Н—чъ самъ лично убѣдился въ наличности бѣдствія не только этого года, но бѣдствія продолжающагося уже много лѣтъ, постепеннаго обѣднѣнія крестьянства въ самой богатой, центральной, черноземной части Россіи.

Недостаточность, несвоевременность и неудовлетворительность помощи, оказываемой администраціей и

земствомъ, происходили по мнѣнію Л. Н—ча отъ того, что и то и другое вѣдомство слишкомъ матеріально смотрѣли на вопросъ помощи. Они видѣли наступившій дефицитъ крестьянскаго хозяйства и, опредѣливъ его размѣры, рѣшили пополнить ссудой или даровой раздачей. Но такое отношеніе, по мнѣнію Л. Н—ча, годилось бы по отношенію голодающихъ животныхъ, которыхъ легко удовлетворить опредѣленнымъ количествомъ пищи; не то выходитъ съ удовлетвореніемъ нужды крестьянъ, если принять во вниманіе всю сложность ихъ взаимныхъ отношеній, всю напряженность ихъ труда, все разнообразіе ихъ потребностей, прихода и расхода въ ихъ крестьянскомъ бюджетѣ. Л. Н—чъ такъ поясняетъ свою мысль:

«Съ людьми расчетъ совершенно иной. Во-первыхъ, для вола и всякой скотины minimum и maximum необходимой пищи очень недалеки другъ отъ друга. Съѣвъ нужное ей количество корма, скотина перестаетъ ѣсть и больше ни въ чемъ не нуждается, а не доѣвъ нужнаго ей количества, она скоро заболѣваетъ и умираетъ. Для человѣка же разстояніе между minimum'омъ и maximum'омъ нужнаго ему, не только въ видѣ пищи, но и другихъ потребностей — огромно, можно даже сказать — безконечно: человѣкъ можетъ питаться просфоркой, какъ постники, горстью риса, какъ китайцы и индѣйцы, можетъ иногда не ѣсть 40 дней, какъ докторъ Таннеръ, и остаться здоровъ, и можетъ проглотить огромное по цѣнности и питательности количество пищи и питья, и кромѣ пищи нуждается еще во многихъ вещахъ, которыя могутъ разрастаться до безконечности и суживаться до самаго малаго».

«Во-вторыхъ, волъ не можетъ самъ по себѣ добыть пищи, человѣкъ же самъ добываетъ ее, и тотъ человѣкъ, котораго мы собирались кормить, самый главный добытчикъ пищи, тотъ самый, который и насъ

кормитъ и добываетъ въ самыхъ тяжкихъ условіяхъ то, чѣмъ мы собираемся его кормить.

«Кормить мужика это все равно, что во время весны, когда пробилась трава, которую можетъ набрать скотина, держать скотину въ стойлѣ и самому щипать для нея эту траву, т.-е. лишить стадо той огромной силы собиранія, которая есть въ немъ, и тѣмъ погубить его.

«Нѣчто подобное совершилось бы и съ мужикомъ, если бы стали точно такъ кормить его и онъ повѣрилъ бы этому.

«Бюджетъ мужика не сходится, — дефицитъ, — ему нечѣмъ кормиться, — надо его кормить.

«Да учтите всякаго средняго мужика не въ урожайный годъ, когда, какъ у насъ сплошь и рядомъ хлѣба только до Рождества, и вы увидите, что ему въ обыкновенные года, по спискамъ урожая, кормиться нечѣмъ и дефицитъ такой, что ему непремѣнно надо перевести скотину и самому разъ въ день ѣсть.

«Таковъ бюджетъ средняго мужика, — про бѣднаго и говорить нечего, — а смотришь онъ не только не перевелъ скотину, но женилъ сына или выдалъ дочь, справилъ праздникъ и прокурилъ 5 рублей на табакъ. Кто не видалъ пожаровъ, очищавшихъ все. Казалось бы, надо погибнуть погорѣльцамъ. Смотришь, кому пособилъ сватъ, дядя, кто досталъ кубышку, кто задался въ работники, а кто поѣхалъ побираться; энергія напрягалась и смотришь — черезъ два года справились не хуже прежняго».

Съ одной стороны, нельзя оставить безъ помощи, такъ какъ крестьянство разорено и погибаетъ, съ другой стороны, даровая помощь ослабляетъ энергію сопротивленія бѣдствію и въ концѣ концовъ ведетъ къ тому же разоренію. И Л. Н—чъ заключаетъ такъ:

«Въ этомъ cercle vicieux[1]) бьются и правительственныя лица и земства. Отъ этого-то и вся та неурядица мѣръ, которыя предпринимаются противъ того голода, про который мы не знаемъ, есть онъ или нѣтъ, — неурядица оттого, что мы взялись за дѣло, которое нельзя намъ дѣлать.

«Дѣло, за которое мы взялись, вѣдь состоитъ ни больше ни меньше какъ въ томъ, чтобы прокормить народъ, т.-е. мы взялись за то, чтобы прокормить кормильца, — того, кто кормилъ и кормитъ насъ.

«Мы такъ запутались и заврались, что совсѣмъ забыли, кто мы! Мы, господа, хотимъ прокормить народъ!»

И Л. Н—чъ ставитъ вопросъ о помощи голоднымъ не на экономическую, а нравственную почву:

«Народъ голоденъ оттого, что мы слишкомъ сыты.

«Развѣ можетъ быть не голоденъ народъ, который, въ тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ онъ живетъ, то-есть при тѣхъ податяхъ, при томъ малоземельи, при той заброшенности и одичаніи, въ которомъ его держатъ, долженъ производить всю страшную работу, результаты которой поглощаютъ столицы, города и деревенскіе центры богатыхъ людей?

«Всѣ эти дворцы, театры, музеи, вся эта утварь, эти богатства, — все это выработано этимъ самымъ голодающимъ народомъ, который дѣлаетъ всѣ эти ненужныя для него дѣла только потому, что онъ этимъ кормится, т.-е. всегда этой вынужденной работой спасаетъ себя отъ постоянно висящей надъ нимъ голодной смерти.

«Таково его положеніе всегда.

«Нынѣшній годъ только вслѣдствіе неурожая показалъ, что струна слишкомъ натянута».

И Л. Н—чъ обращается съ упрекомъ къ современному обществу за его равнодушіе къ народному

---

[1]) Ложномъ кругу.

бѣдствію, выразившееся въ томъ, что жизнь этого общества не измѣнилась при наличности бѣдствія въ народѣ. Это равнодушіе происходитъ отъ нашего удаленія отъ народа, разъединенія съ нимъ. И онъ вспоминаетъ слова Вольтера:

«Вольтеръ говоритъ, что если бы можно было, пожавъ шишечку въ Парижѣ, этимъ пожатіемъ убить мандарина въ Китаѣ, то рѣдкій парижанинъ лишилъ бы себя этого удовольствія».

И это ужасное нажиманіе шишечки совершается у насъ на глазахъ.

«Всѣ богатые русскіе люди, не переставая, пожимаютъ шишечку и даже не для удовольствія интереснаго эксперимента, а для самыхъ ничтожныхъ цѣлей. Не говоря о фабричныхъ поколѣніяхъ, гибнущихъ на нелѣпой, мучительной, развращающей работѣ фабрикъ для удовольствія богатыхъ, все земледѣльческое населеніе или огромная часть его, не имѣя земли, чтобы кормиться, вынуждено къ страшному напряженію работы, губящей ихъ физическія и духовныя силы только для того, чтобы господа могли увеличивать свою роскошь. Все населеніе спаивается, эксплуатируется торговцами для этой же цѣли. Народонаселеніе вырождается, дѣти преждевременно умираютъ, все для того, чтобы богачи-господа и купцы жили своей отдѣльной городской жизнью, со своими дворцами, обѣдами, концертами, лошадьми, экипажами, лекціями и т. п.

«Развѣ теперь, когда люди, какъ говорятъ, мрутъ съ голоду, помѣщики, купцы, вообще богачи не сидятъ съ запасами хлѣба, ожидая еще большихъ повышеній цѣнъ? Развѣ не сбиваютъ цѣнъ съ работы? Развѣ чиновники перестаютъ получать жалованье, собираемое съ голодныхъ? Развѣ всѣ интеллигентные люди не продолжаютъ жить по городамъ для своихъ, послушаешь ихъ самихъ, возвышенныхъ цѣлей, — пожи-

рая тамъ, въ городахъ, эти свозимыя для нихъ туда средства жизни, отъ отсутствія которыхъ мретъ народъ?

«Всѣ инстинкты каждаго изъ господъ: ученые, служебные, художественные, семейные — такіе, которые не имѣютъ ничего общаго съ жизнью народа. Народъ не понимаетъ господъ, а господа, хотя и думаютъ, что понимаютъ народъ, не понимаютъ его, потому что интересы его не только не одинаковы съ господскими, но всегда прямо противоположны имъ.

«Народъ нуженъ намъ только какъ орудіе, и орудіемъ этимъ господа пользуются, не по жестокосердію своему, а потому что жизнь ихъ такъ поставлена, что они не могутъ не пользоваться имъ, и ихъ выгоды (сколько бы ни говорили, утѣшая себя, противное) всегда діаметрально противоположны выгодамъ народа».

«Чѣмъ больше мнѣ дадутъ жалованья и пенсіи, говоритъ чиновникъ, т.-е. чѣмъ больше возьмутъ съ народа, тѣмъ мнѣ лучше.

«Чѣмъ дороже продадутъ хлѣбъ и всѣ нужные предметы народу и чѣмъ ему будетъ труднѣе, тѣмъ мнѣ будетъ лучше, — говоритъ и купецъ и землевладѣлецъ.

«Чѣмъ дешевле будетъ работа, т.-е. чѣмъ бѣднѣе будетъ народъ, тѣмъ намъ лучше, — говорятъ всѣ люди богатыхъ классовъ.

«Какое же у насъ можетъ быть сочувствіе къ народу?»

Помощь народу, находящемуся въ бѣдственномъ положеніи, можетъ быть только личная.

«Личная дѣятельность, ставящая себѣ внутреннюю цѣль, устраняетъ всѣ эти препятствія. Для этой дѣятельности нѣтъ вопроса о количествѣ нуждающихся. Для этой дѣятельности нуждающіеся всегда были и есть, вопросъ только въ томъ, сколько своихъ силъ я могу отдать нуждающимся.

«Основой всякой дѣятельности, имѣющей цѣлью помощь ближнему, должно быть самоотверженіе и любовь. Вопросъ о томъ, на какого рода жертву способенъ человѣкъ, и тутъ возможны всѣ ступени, онѣ полны разнообразія — до отдачи жизни своей за други своя. И будетъ много Закхеевъ, отдающихъ часть того, что имѣютъ. Но чтобы быть и Закхеемъ, нужно стремиться къ самоотверженной любви, ясно сознавать высокій нравственный идеалъ.

Только при самоотверженіи и любви можетъ совершиться чудо насыщенія пятью хлѣбами пяти тысячъ такъ, что еще останутся цѣлыя корзины хлѣба. «Всѣ насытятся и еще останется», говоритъ въ заключеніе Л. Н—чъ.

«Но чтобы сдѣлать это, чтобы появилась любовь, необходимо, чтобы дѣятельность вытекала не изъ желанія, оставаясь въ прежнихъ отношеніяхъ къ народу, поддержать въ немъ нужныя рабочія силы, а изъ сознанія своей вины передъ народомъ, угнетенія его и отдѣленія себя отъ него, изъ покаянія и смиренія.

«Не на гордомъ сознаніи своей необходимости народу, а на смиреніи только можетъ вырасти дѣятельность, которая можетъ спасти народъ».

Весь описанный эпизодъ съ «Московскими Вѣдомостями» былъ только однимъ изъ проявленій той глухой ненависти, которую питала ко Л. Н—чу среда тьмы и насилія, обличаемая свѣтомъ провозглашенной имъ истины. Не довольствуясь подобными, болѣе или менѣе открытыми доносами, эта среда прибѣгала ко всевозможнымъ средствамъ, вплоть до возбужденія фанатизма крестьянской массы. Но здѣсь она столкнулась со здравымъ смысломъ малокультурнаго, т.-е. малоиспорченнаго человѣка и не имѣла успѣха; однако

нѣкоторыя изъ проявленій этой агитаціи получали интересный, комическій характеръ.

Татьяна Львовна записываетъ въ своемъ дневникѣ такой разсказъ:

«Смѣшно разсказывалъ Чистяковъ о разговорѣ, который онъ слышалъ въ Горкахъ. Заговорили о папа и одинъ мужикъ говоритъ другому, что онъ слышалъ, что «этого графа надо потребить». А другой говоритъ: «Дуракъ ты, говоришь, такого человѣка потребить. Онъ умѣющій человѣкъ. Коли самъ царь, бросивши дѣла, могъ съ его супругой осьмнадцать минутъ руководствоваться... а ты говоришь «потребить».

Мѣстная администрація зорко слѣдила за дѣятельностью Л. Н—ча и его друзей и, надо ей отдать справедливость, не мѣшала. Конечно, это доброжелательное отношеніе было внушено свыше, въ видѣ Высочайшаго указа: «не стѣснять частной благотворительности». Вотъ интересный документъ, сохранившійся въ одномъ изъ мѣстныхъ архивовъ; это донесеніе, въ видѣ частнаго письма исправника правителю канцеляріи Рязанскаго губернатора.

«Многоуважаемый Василій Ивановичъ. Посылаю Вамъ еще 5 книжекъ, розданныхъ гр. Толстымъ. Дознано: Толстой пріѣзжаетъ съ письмоводителемъ, а въ село Руденку Горновской волости пріѣзжалъ его довѣренный, житель села Клекотокъ, Страховъ, около 30 лѣтъ, высокаго роста, борода рыжая, а волосы на головѣ бѣлые. Какъ Толстой, такъ и его письмоводитель и Страховъ не ѣдятъ мясного и, когда садятся за столъ, не молятся Богу. Это послѣднее обстоятельство породило въ крестьянахъ подозрѣніе, что Толстой дѣлаетъ это не отъ Бога, а отъ Антихриста. Но такого мнѣнія не всѣ, а большинство, не мудрствуя, пользуются столовой и заочно благодарятъ. Надзоръ, самый тщательный, учрежденъ, и мнѣ будетъ

извѣстенъ каждый шагъ. Съ истиннымъ почтеніемъ имѣю честь быть готовый къ услугамъ Д. Г.».

Въ иныхъ мѣстахъ эти слухи волновали населеніе сильнѣе, хотя оно и успокаивалось при разумномъ опроверженіи этихъ слуховъ.

Вѣра Михайловна Величкина, много поработавшая около Л. Н—ча, разсказываетъ въ своихъ запискахъ слѣдующее:

«Разъ прихожу я въ сосѣднее село Круглое и, не доходя до столовой, зашла отдохнуть въ одну знакомую хату. Кругомъ меня, какъ всегда, мало-по-малу собрался народъ, и мы мирно разговаривали. Вдругъ черезъ собравшуюся толпу пробирается ко мнѣ какой-то мужикъ въ очень возбужденномъ настроеніи, здоровается со мной, садится рядомъ и говоритъ:

— Разскажи мнѣ все по правдѣ, Вѣра Михайловна, кто насъ кормитъ, отъ кого эти столовыя и хлѣбъ и кто васъ къ намъ послалъ? Скажи сама все откровенно.

Я очень охотно исполнила его желаніе, потому что мы всегда искали случая познакомить населеніе съ истиннымъ положеніемъ дѣлъ, разсказать имъ о томъ, что рабочіе другихъ странъ, — и нѣмцы, и англичане, и американцы, — собираютъ средства для голодающихъ русскихъ братьевъ, а въ самой Россіи средства идутъ не изъ какой-нибудь правительственной кассы, а помогаетъ само населеніе: собираютъ извозчики, посылаютъ дѣти, жертвуя своими игрушками и подарками, собираютъ рабочіе изъ своихъ трудовыхъ грошей и т. п.

Разсказала и о насъ, какъ и почему мы надумали ѣхать къ нимъ на помощь.

Я была очень довольна, что мнѣ представился случай разсказать все, что есть на самомъ дѣлѣ, и разсѣять разные нелѣпые ходившіе про насъ слухи. Говорили между прочимъ про насъ также и то, что мы

питомники воспитательнаго дома, которымъ царь далъ денегъ и разослалъ кормить свой народъ.

Толпа дѣлалась вокругъ меня все гуще, всѣ внимательно слушали. Когда я кончила, спрашивавшій меня всталъ и сказалъ:

— Ну, теперь я отъ тебя самой все слышалъ, кто вы и на какія деньги кормите. И пусть мнѣ теперь кто хочетъ говорить про тебя, я вездѣ буду тебя защищать и всѣмъ буду разсказывать то, что ты мнѣ сказала. Ходи теперь промежъ насъ спокойно, не бойся, никто обидѣть тебя не посмѣетъ.

Я удивилась. Да вѣдь я и такъ всегда спокойно ходила одна по всѣмъ селеніямъ и никогда никого изъ васъ не боялась.

— Да это точно, мы и то на тебя дивились, что ты одна ходишь. Опасность для тебя была не малая...

Оказалось, что въ селѣ Кругломъ, въ двухъ верстахъ отъ Рожни, мѣстный священникъ сказалъ съ амвона проповѣдь, въ которой говорилъ народу, что мы антихристовы дѣти, явились сюда соблазнить народъ, и что насъ нужно избивать. Это говорилось тамъ, гдѣ на протяженіи 15—20 верстъ работали только двѣ молоденькія дѣвицы.

У Ал. Ал. тоже былъ аналогичный случай. Она лѣчила одного зажиточнаго старика, и, кажется, помогла ему. И вотъ онъ какъ-то заявилъ пришедшимъ къ нему посѣтителямъ: «Какія же это антихристовы дѣти, это ангелы Божіи, которыхъ намъ послалъ Господь!»

Когда я по пріѣздѣ въ Бѣгичевку разсказала Л. Н—чу о томъ, что со мной произошло въ Кругломъ, онъ пришелъ положительно въ ужасъ и взволнованно повторялъ: «Какой ужасъ, какой ужасъ, до чего они наконецъ дойдутъ!»

Такъ какъ эти и имъ подобные слухи стали проходить въ печать, то это вызвало печатное возраже-

ніе мѣстныхъ общественныхъ дѣятелей, относившихся съ глубокимъ уваженіемъ къ дѣятельности Л. Н—ча и возмущавшихся агитаціей темныхъ людей. И вотъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» появился слѣдующій протестъ:

Письмо къ издателю.

М. Г. — Надѣемся, что, желая возстановить правду, вы не откажете помѣстить нѣсколько словъ этихъ отъ нашего имени въ ближайшемъ нумерѣ вашей газеты.

Въ нумерѣ газеты вашей отъ 10 января помѣщена статья, подписанная Г. Шатохинымъ, озаглавленная «Молитва и притча о графѣ Л. Н. Толстомъ». Правда требуетъ и мы считаемъ своимъ долгомъ для возстановленія истины засвидѣтельствовать, что дѣятельность графа по оказанію помощи нуждающемуся населенію, не ограничившаяся однимъ Данковскимъ уѣздомъ, а перешедшая теперь въ Епифанскій, Тульской губерніи, гдѣ имъ открыто болѣе 30 столовыхъ, не возбуждая никакихъ ложныхъ толковъ, вызываетъ въ населеніи одни только чувства глубокой благодарности и признательности, а со стороны насъ и всѣхъ стоящихъ близко къ дѣлу, кромѣ этого и чувства глубокаго уваженія.

Предводитель дворянства Епифанскаго уѣзда
Н. Протопоповъ.
Предсѣдатель Епифанскаго Попечительства
Краснаго Креста
Р. Писаревъ.

16 января 1892 года,
городъ Епифань.

Всѣ эти эпизоды не могли нарушить систематически развивавшейся дѣятельности Л. Н—ча и его сотрудниковъ, захватывавшихъ все большій районъ. Нѣсколько выписокъ изъ писемъ Л. Н—ча того времени даютъ понятіе объ общемъ характерѣ его дѣятельности

въ это время, т.-е. въ концѣ зимы или въ началѣ весны 1892 года. 20 февраля онъ пишетъ между прочимъ Софьѣ Андреевнѣ:

«Вчера мы были очень дѣятельны: всѣ вечеромъ писали письма, такъ что всѣхъ было готово къ отправкѣ 32 письма, изъ коихъ моихъ 20, да еще большинство иностранныхъ».

Черезъ нѣсколько дней Л. Н—чъ, заботясь о составленіи отчета, пишетъ С. А—нѣ: «Нужно опять написать отчетъ о пожертвованіяхъ и о томъ, что сдѣлано. А сдѣлано, какъ оглянешься назадъ съ того времени, какъ писалъ послѣдній отчетъ, не мало. Столовыхъ болѣе 120 разныхъ типовъ: устраиваются дѣтскія; съ завтрашняго дня вступаютъ на кормъ лошади и многое сдѣлано разными способами въ помощи дровами. Часто странное испытываешь чувство: люди вокругъ не бѣдствуютъ, и спрашиваешь себя: зачѣмъ же я здѣсь, если они не бѣдствуютъ? Да они не бѣдствуютъ-то отъ того, что мы здѣсь, и черезъ насъ прошло, — какъ мы успѣли пропустить, — тысячъ 50».

Еще черезъ нѣсколько дней, уже въ началѣ марта, когда Л. Н—чъ собирался на время уѣхать изъ Бѣгичевки, чтобы отдохнуть, онъ пишетъ С. А—нѣ:

«Доживаемъ послѣднее время и дѣла все дѣлается больше и больше; но вмѣстѣ съ тѣмъ видится — хотя не конецъ ему, но то, что оно придетъ въ большую правильность. Нынче я для опыта затѣялъ записывать всѣхъ приходящихъ съ просьбами, и оказалось въ обыкновенный день, не выдачи — 125 человѣкъ, не считая мелкихъ просителей лаптей, одежи и т. п.».

Въ концѣ апрѣля, снова вернувшись въ Бѣгичевку, Л. Н—чъ писалъ своему другу Н. Н. Страхову:

«Мы теперь съ Машей здѣсь одни. Очень много дѣла. Но въ послѣднее время мнѣ стало нравственно легче. Чувствуется, что нѣчто дѣлается и что твое

участіе хоть немного, но нужно. — Бываютъ хорошія минуты, но большей частью, копаюсь въ этихъ внутренностяхъ въ утробѣ народа; мучительно видѣть то униженіе и развращеніе до котораго онъ доведенъ. — И они все его хотятъ опекать и научать. Взять человѣка напоить пьянымъ, обобрать, да еще связать его и бросить въ помойную яму, а потомъ, указывая на его положеніе, говорить, что онъ ничего не можетъ самъ и вотъ до чего дойдетъ предоставленный самому себѣ — и пользуясь этимъ, продолжать держать его въ рабствѣ. Да только перестаньте хоть на одинъ годъ спаивать его, одурять его, грабить и связывать его и посмотрите, что онъ сдѣлаетъ и какъ онъ достигнетъ того благосостоянія, о которомъ вы и мечтать не смѣете. Уничтожьте выкупные платежи, уничтожьте земскихъ начальниковъ и розги, уничтожьте вѣру государственную, т.-е. дайте полную свободу вѣры, уничтожьте обязательную воинскую повинность, а набирайте вольныхъ, если вамъ нужно, уничтожьте, если вы правительство, и заботитесь о народѣ, водку, запретите — и посмотрите, что будетъ съ русскимъ народомъ черезъ 10 лѣтъ»[1]).

Эта дѣятельность Л. Н—ча конечно привлекала къ нему много людей. Къ этому времени какъ разъ понемногу, одна за другой, прекратили свое существованіе земледѣльческія общины. И вотъ цѣлая группа молодыхъ силъ, ищущихъ приложенія, явилась въ распоряженіе Л. Н—ча. Братья Алехины, Новоселовъ, Скороходовъ, Гастевъ, Леонтьевъ, Рахмановъ занялись распредѣленіемъ пожертвованій подъ руководствомъ Л. Н—ча. Другія помогали собираніемъ хлѣба на мѣстѣ жительства и отсылкой его къ центру помощи.

[1]) Толстовскій музей. Т. II. Стр. 441.

Первые мѣсяцы этой помощи я былъ за границей, занятый изданіемъ нѣкоторыхъ запрещенныхъ въ Россіи сочиненій Л. Н—ча. Въ январѣ 1892 года я вернулся въ Россію, и, устроивъ свои личныя дѣла, прикомандировался, какъ тогда, шутя, называли, къ министерству Л. Н—ча Толстого. Такъ какъ вокругъ Л. Н—ча уже было много народу, то я, проработавъ въ Бѣгичевкѣ недѣли двѣ, по предложенію Л. Н—ча поѣхалъ съ его сыномъ Львомъ и корреспондентомъ шведомъ Стадлингомъ 4 марта въ Самарскую губернію, гдѣ бѣдствіе было едва ли не сильнѣйшее, а помощь была почти ничтожная. Мы проработали тамъ съ Львомъ Львовичемъ и съ нѣсколькими помощниками всю весну и лѣто, до новаго урожая. Л. Н—чъ посылалъ намъ часть получаемыхъ пожертвованій и намъ удалось распространить нашу дѣятельность довольно широко на два уѣзда Самарской губерніи, Бузулукскій и Николаевскій.

Вмѣстѣ съ этимъ распространеніемъ дѣла, шире и дальше распространилась молва о Л. Н—чѣ, и эта молва, уже облеченная легендой, привлекала къ нему самыхъ разнообразныхъ людей, видѣвшихъ яркую точку среди густыхъ сумерекъ и шедшихъ на огонекъ, часто не отдавая себѣ отчета, куда приведетъ ихъ этотъ лучъ свѣта, и что они скажутъ, встрѣтясь лицомъ къ лицу съ носителемъ его.

Изъ такихъ дальнихъ посѣтителей особенно типичнымъ является шведъ, о которомъ сохранилось нѣсколько воспоминаній.

Вотъ какъ характеризуетъ его самъ Л. Н—чъ въ письмѣ къ Черткову:

«Вчера пріѣхалъ къ намъ одинъ старикъ 70 лѣтъ, шведъ, жившій въ Индіи и Америкѣ, говорящій по-англійски и нѣмецки, практическій философъ, какъ онъ самъ себя называетъ, живущій и желающій научить людей жить по закону природы, оборванный, грязный, босой

и ни въ чемъ не нуждающійся. Самому нужно работать, чтобы кормиться отъ земли безъ рабочаго скота, не имѣть денегъ, ничего не продавать, не имѣть лишняго, всѣмъ дѣлиться. Онъ, разумѣется, строгій вегетарьянецъ, говоритъ хорошо, а главное болѣе, чѣмъ искрененъ, фанатикъ своей идеи. Онъ говоритъ, что не религіозенъ, но онъ понимаетъ подъ религіей суевѣрія, а весь проникнутъ духомъ христіанства. Онъ желаетъ имѣть кусокъ земли и показать, какъ можно и должно себя кормить безъ рабочаго скота. Не направить ли его къ вамъ? Я не сваливаю его съ себя, а думаю, что онъ вамъ и намъ и людямъ черезъ васъ можетъ быть полезенъ. Напишите скорѣе отвѣтъ. Я бы не отпустилъ его, но здѣсь при нашихъ занятіяхъ онъ излишенъ, и даже я не могу поговорить съ нимъ, какъ хотѣлось бы, а главное, ему дѣлать нечего».

Въ такихъ же почти словахъ описывалъ Л. Н—чъ этого шведа, и въ письмѣ къ С. А—нѣ, прибавляя: «немного на меня похожъ».

Я приведу еще свидѣтельства объ этомъ замѣчательномъ человѣкѣ двухъ сотрудниковъ Л. Н—ча того времени:

Вотъ что пишетъ В. И. Скороходовъ въ своихъ воспоминаніяхъ:

«Вскорѣ по возвращеніи Льва Николаевича пріѣхалъ къ нему шведъ, старикъ лѣтъ 70. На немъ былъ надѣтъ какой-то сѣрый плащъ, соломенная шляпа, опорки на босу ногу, длинная рубаха и подштанники; длинные сѣдые волосы ложились по плечамъ, и лицо обрамлено большой сѣдой бородой; изъ-подъ нависшихъ бровей смотрѣли ясные вдохновенные глаза. Съ собой у него былъ джутовый мѣшокъ, служившій ему постелью, и пустая бутылка вмѣсто подушки и для воды. Такъ онъ пришелъ со станціи верстъ за 30, по морозу, пѣшкомъ. Онъ разсказалъ, что давно уже

посвятилъ свою жизнь исканію истины и съ этой цѣлью путешествовалъ по всему міру. Познакомившись по книгамъ съ міровоззрѣніемъ Толстого, онъ почувствовалъ свою духовную близость къ нему и теперь пріѣхалъ для того, чтобы прожить остатокъ дней въ братскомъ трудѣ со Львомъ Николаевичемъ и осуществить свою завѣтную мечту, добывать себѣ хлѣбъ собственными руками, не насилуя никого, даже животныхъ, при помощи лопатной культуры. Шведъ этотъ, когда горорилъ, напоминалъ собою вдохновеннаго пророка. Онъ произвелъ огромное впечатлѣніе на Льва Николаевича, который почувствовалъ какъ бы укоръ совѣсти за то, что онъ не вполнѣ проводитъ въ жизнь то, что ему уяснилось. Съ юношескимъ увлеченіемъ Л. Николаевичъ сталъ хлопотать о томъ, чтобы съ открытіемъ весны начать проводить на дѣлѣ то, что предлагалъ ему братъ по духу. Шведъ этотъ оказался строгимъ вегетарьянцемъ, питался только фруктами, овощами и лепешками изъ толченаго, а не молотаго зерна, и пилъ только воду. Когда за завтракомъ подали большой самоваръ, шведъ поднялся, и, какъ пророкъ, съ укоризной произнесъ, указывая на самоваръ: «И вы поклоняетесь этому идолу! Я имѣю миссію отъ китайцевъ, которые страдаютъ отъ того, что лучшія ихъ земли заняты чайными плантаціями и негдѣ имъ сѣять хлѣба насущнаго. Это происходитъ отъ спроса на чай. Вы должны отказаться отъ употребленія чая, если вы знаете, что, употребляя чай, вы этимъ участвуете въ отнятіи насущнаго хлѣба у нашихъ братьевъ китайцевъ». Левъ Николаевичъ со смущеніемъ перевелъ намъ это съ англійскаго и предложилъ послѣдовать этому призыву.

«Пересталъ самъ пить чай, его замѣнили ячменнымъ кофе, и самоваръ былъ убранъ. Когда Левъ Николаевичъ предложилъ ему чашку кофею, объяснивъ, что это мѣстный продуктъ, то шведъ, остудивъ

предварительно, попробовалъ и сказалъ: «Грѣшно портить такъ хлѣбъ!» и не сталъ пить.

«Левъ Николаевичъ окончательно смутился и постепенно довелъ свою скромную вегетаріанскую пищу почти до того же, какъ и шведъ. Его организмъ не могъ перенести такой грубой пищи. Въ то время Левъ Николаевичъ страдалъ отъ камней въ печени, болѣзнь усилилась, и, послѣ мучительныхъ припадковъ, онъ съ большимъ прискорбіемъ долженъ былъ снова вернуться къ менѣе строгому вегетаріанству, допуская молоко и яйца. Весной они таки устроили хлѣбный огородъ, но шведа этого выслали изъ Россіи, такъ какъ онъ не признавалъ паспорта».

Съ другой стороны освѣщаетъ эту личность В. М. Величкина:

«Одинъ разъ, вернувшись откуда-то, я увидѣла въ столовой на столѣ рваную войлочную шляпу.

— А у насъ интересный гость, Вѣра Михайловна, — сказалъ мнѣ улыбаясь Левъ Николаевичъ.

— Кто такой?

— А вотъ увидите.

И, войдя въ комнату, гдѣ у насъ лежали разные журналы и бумаги, я дѣйствительно увидѣла на полу въ углу чьи-то торчащія голыя ноги. Эти ноги принадлежали «интересному гостю». Гостемъ оказался старикъ лѣтъ 70-ти, маленькій, заморенный, одѣтый въ какую-то совсѣмъ вытертую куртку, босой, растрепанный, но съ живымъ и какимъ-то ненормальнымъ блескомъ глазъ. Выраженіе его лица не привлекало къ себѣ, и, правду сказать, несмотря на всю свою оригинальность, сначала и до конца онъ мнѣ не былъ интересенъ.

Что же касается до Льва Николаевича и до большинства остальныхъ товарищей, то они почти всѣ въ высшей степени заинтересовались этимъ философомъ-натуралистомъ. Самое появленіе его у насъ было необыкновенно. Когда его спросили, откуда онъ явился,

онъ отвѣтилъ: «изъ пространства». На вопросъ, куда онъ направляется, послѣдовалъ отвѣтъ: «въ пространство». А настоящее его мѣстожительство? «Здѣсь». Пришлось помириться пока на этомъ. Потомъ онъ далъ нѣкоторыя свѣдѣнія о себѣ.

При немъ оказался даже какой-то билетъ на жительство, который требовался нашей полиціей, не признававшей неопредѣленнаго «пространства».

По національности нашъ гость оказался шведомъ. Онъ разсказалъ намъ, что былъ когда-то богатымъ коммерсантомъ, но потомъ понялъ всю несправедливость своего богатства, роздалъ его до копейки бѣднымъ и вотъ уже тридцать лѣтъ странствуетъ по всему свѣту, былъ въ Индіи, и въ Китаѣ и сейчасъ явился къ намъ откуда-то съ востока.

Онъ рѣшилъ сажать картошку на какомъ-то клочкѣ земли, который ему предоставили для этого занятія. Слабый истощенный старикъ работалъ, разумѣется, очень плохо.

Разъ онъ какъ-то увидѣлъ, какъ быстро и ловко вскапывалъ лопатой поле М. Ал. и залюбовался имъ. — Онъ можетъ прокормить трехъ женъ и десять человѣкъ дѣтей, — заявилъ онъ. Его натуральной философіи нисколько не противорѣчило имѣть этихъ трехъ женъ и десять человѣкъ дѣтей, разъ онъ ихъ можетъ прокормить. Эта сторона его философіи, какъ мнѣ казалось, стала немножко отталкивать Льва Николаевича. Но его остроумная и безпощадная критика богатыхъ людей и несправедливаго экономическаго строя жизни могла дѣйствительно серьезно заинтересовать его собесѣдниковъ.

Философъ нашъ не только не признавалъ мебели, но почти не признавалъ и костюма, и его собственный нищенскій костюмъ былъ, до нѣкоторой степени, только уступкой полиціи. Но случалось, что онъ сидѣлъ завернутый только въ одно одѣяло, но, къ счастью,

не выходилъ въ такомъ видѣ въ залу. Обуви онъ никогда не носилъ, и въ холодные дни намъ было очень жалко старика. Вмѣсто подушки онъ спалъ на бутылкѣ, находя, что подушка портитъ слухъ.

Однажды онъ захотѣлъ приготовить хлѣбъ по своему методу.

— Лучше всего, разумѣется, ѣсть зерна сырыми, — говорилъ онъ, но какъ уступку человѣческой слабости разрѣшалъ и печеніе хлѣба. Муку же онъ толокъ самъ изъ зеренъ. Принесли ему зерна, ступку, и онъ принялся за дѣло. Но бѣдный старикъ былъ такъ слабъ, что и здѣсь пришлось ему помогать. Смѣшавъ приготовленную муку съ водой, — молока старикъ тоже не употреблялъ, говоря, что его собственная мать уже умерла, — онъ приготовилъ какую-то лепешку и испекъ ее. Лепешку подали къ обѣду, и Левъ Николаевичъ, которому вреденъ былъ и хорошій черный хлѣбъ, увлекся и поѣлъ этой знаменитой, непропеченой, непромѣшанной лепешки.

На другой день съ утра ему сдѣлалось очень дурно. Поднялись боли, въ печени стали проходить камни. Марья Львовна страшно взволновалась, и когда я хотѣла идти куда-то по дѣлу, она не пустила меня.

— Не оставляй меня сегодня, пожалуйста, одну, — попросила она.

Я осталась.

Ужасный день провели мы. Боли у Льва Николаевича все усиливались и сдѣлались совершенно невыносимыми. Онъ началъ страшно стонать. Марія Львовна клала ему припарки изъ льняного сѣмени; я изготовляла ихъ; но, очевидно, помогали онѣ плохо. Стоны все раздавались, и эти ужасные стоны просто терзали душу, а мы были, конечно, безсильны.

Такъ продолжалось нѣсколько часовъ. Только къ вечеру боли мало-по-малу стали уменьшаться, стоны

стихли, и, измученный страданіями, Левъ Николаевичъ наконецъ заснулъ.

Марья Львовна послала телеграмму Софьѣ Андреевнѣ, и когда я ее спросила, зачѣмъ, то она сказала мнѣ, что во время такого припадка Левъ Николаевичъ можетъ внезапно умереть.

Когда на другое утро Левъ Николаевичъ вышелъ въ столовую, его нельзя было просто узнать, — такъ страшно измѣнился онъ за эти сутки. Тяжело было смотрѣть на его сразу похудѣвшее, смертельно блѣдное лицо, и мы невольно ходили и говорили тихо. Но къ вечеру онъ немного повеселѣлъ, и у насъ поднялся снова одинъ изъ самыхъ задушевныхъ разговоровъ.

Вдругъ у крыльца послышался звонъ колокольчика, затѣмъ какое-то движеніе, и съ балкона въ залу вошла Софья Андреевна. Всѣ сразу стихли и какъ-то смутились.

Софья Андреевна пріѣхала взволнованная, сердитая и стала разспрашивать, что случилось. Философъ въ это время мирно спалъ на полу, выставивъ какъ-то свои ноги. Софья Андреевна скоро замѣтила его.

— А это еще что за голыя ноги?

Пришлось разсказать ей всю исторію и познакомить съ обладателемъ голыхъ ногъ. Она просто возненавидѣла «грязнаго старика». Софья Андреевна осталась у насъ на нѣсколько дней и съ своимъ хозяйственнымъ умѣньемъ стала приводить въ порядокъ нашу довольно таки безпорядочную жизнь. На столѣ снова появились чистыя скатерти, обѣдъ сдѣлался болѣе обильнымъ» [1]).

Были посѣтители и посѣтительницы и совсѣмъ иного рода. Разъ пріѣхали къ нему двѣ американки,

[1]) В. М. Величкина. У Л. Н. Толстого въ голодный 1892 годъ. Воспоминанія. Соврем. Міръ, кн. V и VI. 1912 г.

одна изъ нихъ ѣхала черезъ Европу, другая черезъ Азію. Онѣ поѣхали разными дорогами и рѣшили съѣхаться у Л. Н. Это и была единственная цѣль ихъ путешествія. На вопросъ Л. Н—ча, зачѣмъ онѣ предприняли такое сложное путешествіе, онѣ обѣ радостно засмѣялись и сказали: «Мы такъ и думали, что Leo Tolstoy скажетъ именно это». Левъ Николаевичъ пробовалъ наводить разговоръ на болѣе серьезныя темы, но онъ ясно видѣлъ, что ихъ совсѣмъ не интересовало содержаніе того, что онъ говорилъ; онѣ выслушивали и кивали головами. Л. Н—чъ не выдержалъ этого разговора и уѣхалъ верхомъ ревизовать дальній участокъ. Но американки все-таки достигли своей цѣли.

Наконецъ явились и посѣтители офиціальные.

4-го мая пріѣхалъ ко Льву Н—чу въ Бѣгичевку со свитой генералъ Анненковъ, завѣдывавшій правительственною помощью. Это посѣщеніе надѣлало много шуму, но принесло мало плода.

Л. Н—чъ такъ сообщаетъ о немъ С. А—нѣ:

«Сейчасъ только мы проводили отъ себя заѣзжавшаго къ намъ Анненкова со своей свитой — человѣкъ 20: Глѣбовъ, Кристи, Трубецкой и Костычевъ и разные профессора, инженеры... не хочется осуждать, но нельзя не сказать, что странно».

Пріѣзжали ко Л. Н—чу и англійскіе квакеры, оказавшіе большую помощь бѣдствующему населенію въ Россіи. Кромѣ матеріальной помощи голоднымъ, миссія ихъ состояла въ томъ, чтобы поддержать гонимыхъ за вѣру. Они объѣзжали мѣста ссылки русскихъ сектантовъ и направлялись между прочимъ на Кавказъ. Л. Н—чъ далъ имъ порученіе посѣтить недавно сосланнаго туда князя Дм. Алекс. Хилкова, что они съ удовольствіемъ и исполнили.

Это обиліе посѣтителей изъ самыхъ далекихъ странъ заставляетъ Л. Н—ча записать въ дневникѣ такую замѣчательную мысль:

«Когда видишь людей новыхъ, такихъ, которыхъ никогда не видалъ, и думаешь о другихъ, живущихъ хоть гдѣ-нибудь въ Африкѣ, въ Японіи: человѣкъ, другой, третій, еще и еще, и конца нѣтъ, все новые, новые, такіе, какихъ я никогда могу не видать и никогда не увижу; а они живутъ такой же эгоистической, своей отдѣльной жизнью, какъ и я, — то приходишь въ ужасъ, недоумѣніе.

«Что это значитъ? Зачѣмъ столько? Какое мое отношеніе къ нимъ? Неужели я не видалъ ихъ, и они мнѣ чужіе? Не можетъ быть.

«И одинъ отвѣтъ: они и я одно. Одно и тѣ, которые живутъ, и жили, и будутъ жить, — одно со мною, и я живу ими, и они живутъ мною».

Наконецъ появился весенній отчетъ Л. Н—ча о его зимней дѣятельности.

Въ немъ, кромѣ цифръ, было литературное приложеніе, которое давало яркую картину дѣятельности Л. Н—ча за первые шесть мѣсяцевъ.

Мы заимствуемъ изъ этого отчета нѣсколько характерныхъ чертъ. Л. Н—чъ перечисляетъ нѣсколько родовъ помощи, оказанной имъ голодающимъ крестьянамъ. Такихъ родовъ помощи онъ насчитываетъ восемь.

Первый, самый обширный родъ помощи былъ столовыя. Ихъ устройство уже описано на предыдущихъ страницахъ. Ихъ ко времени отчета (мартъ) было 187 и въ нихъ кормилось около 10.000 человѣкъ. «Другое дѣло наше, — говоритъ въ своемъ отчетѣ Л. Н—чъ, — въ послѣдніе зимніе мѣсяцы состояло въ доставленіи дровъ нуждающемуся населенію. Третье дѣло наше было кормленіе крестьянскихъ лошадей. Въ продолженіи послѣднихъ двухъ мѣсяцевъ было прокормлено 276 лошадей. Четвертое дѣло наше составляла раздача льна и лыкъ для работъ и безплатно —

нуждающимся въ обуви и холстѣ. Льна было роздано около 300 пудовъ. Лыка около 200 пудовъ.

«Пятое дѣло наше, начавшееся въ февралѣ, состояло въ устройствѣ столовыхъ для самыхъ маленькихъ дѣтей, отъ нѣсколькихъ мѣсяцевъ, грудныхъ и до трехлѣтнихъ. Шестое дѣло, которое теперь начинается и которое вѣроятно такъ или иначе будетъ окончено, когда этотъ отчетъ появится въ печати, состоитъ въ выдачѣ нуждающимся крестьянамъ на посѣвъ сѣмянъ овса, картофеля, конопли, проса.

«Покупка лошадей и раздача ихъ составляетъ седьмое дѣло. Восьмое дѣло наше было продажа ржи, муки и печенаго хлѣба по дешевымъ цѣнамъ.

«Кромѣ этихъ опредѣленныхъ отдѣловъ, на которые употреблялись и употребляются пожертвованныя деньги, небольшія суммы употреблены нами прямою выдачею нуждающимся на неотлагаемыя нужды: похороны, уплаты долговъ, на поддержаніе маленькихъ школъ, покупку книгъ, постройки и т. п.; такихъ расходовъ было очень мало, какъ это можно видѣть изъ денежнаго отчета.

«Таковы въ общихъ чертахъ были наши дѣла за прошедшіе шесть мѣсяцевъ. Главнымъ дѣломъ нашимъ за это время было кормленіе нуждающихся посредствомъ столовыхъ. Въ продолженіе зимнихъ мѣсяцевъ эта форма помощи, несмотря на злоупотребленія, встрѣчающіяся при этомъ, въ самомъ главномъ, въ томъ, что она обезпечивала все бѣднѣйшее и слабѣйшее населеніе — дѣтей, стариковъ, больныхъ, выздоравливающихъ — отъ голоданія и дурной пищи, вполнѣ достигала своей цѣли».

Денежная отчетность въ круглыхъ цифрахъ выразилась такъ: Было получено 141 тысяча, истрачено 108 тысячъ. Осталось къ апрѣлю мѣсяцу 33 тысячи.

Настроеніе Л. Н—ча не всегда было бодрое и радостное. Нерѣдко, утомившись болѣе нравственно, чѣмъ физически, онъ видимо страдалъ и какъ ни терпѣливъ онъ былъ, но иногда это чувство боли выражалось ярко въ письмахъ къ друзьямъ. Такъ онъ писалъ въ концѣ февраля молодому другу:

«Измучился я, голубчикъ, отъ этой дѣятельности, не физически, но нравственно. Если было сомнѣніе въ возможности дѣлать добро деньгами, то теперь его ужъ нѣтъ — нельзя.

«Нельзя тоже и не дѣлать того, что я дѣлаю, т.-е. мнѣ нельзя. Я не умѣю не дѣлать. Утѣшаюсь тѣмъ, что это я расплачиваюсь за грѣхи свои и своихъ братьевъ и отцовъ. Тяжесть въ томъ, что не вѣришь въ добро матеріальной помощи и что главный трудъ есть не доброе отношеніе къ людямъ, а напротивъ — злое, не доброе, по крайней мѣрѣ: удерживаешь ихъ въ ихъ требованіяхъ, попрошайничествѣ, уличаешь въ неправдѣ и вызываешь въ нихъ недобрыя чувства не только въ нихъ, но и сплошь и рядомъ и въ себѣ» [1]).

Богатая природа Льва Николаевича, кромѣ этой, утомлявшей его своей суетой, внѣшней дѣятельности, была полна еще и внутреннимъ содержаніемъ.

Эта сторона жизни ярко отразилась въ записяхъ его дневника и его записной книжки того времени. Приведемъ здѣсь нѣсколько, наиболѣе яркихъ и ясныхъ выраженій его внутренняго переживанія:

Вотъ мысли изъ дневника, записанныя весной 1892 года:

«Я сталъ торопиться молиться, сдѣлалъ изъ этого

---

[1]) Архивъ Черткова.

такую привычку, что сталъ говорить себѣ: надо поскорѣе помолиться, чтобы потомъ пить кофе и разговаривать съ N. N. . . .»

«Поспѣшить отдѣлаться отъ Бога, чтобы заняться Иванъ Иванычемъ».

«Если молитва не есть важнѣйшее въ мірѣ дѣло, — такое, послѣ котораго нѣтъ ничего, то это не молитва, а повтореніе словъ».

«Отъ сна пробуждаешься въ то, что мы называемъ жизнью, въ то, что предшествовало и слѣдуетъ за сномъ. Но и эта жизнь не есть ли сонъ? А отъ нея смертью не пробуждаешься ли въ то, что мы называемъ будущей жизнью, въ то, что предшествовало и слѣдуетъ за сновидѣніемъ этой жизни?»

Въ сновидѣніи, во снѣ мы живемъ тѣми впечатлѣніями, тѣми чувствами, которыя заданы намъ предшествующей жизнью, той самой, въ которую мы возвращаемся, просыпаясь. Также и въ томъ, что мы называемъ настоящей жизнью, мы живемъ тѣми данными и той «кармой», которыя мы занесли изъ предшествующей жизни, той самой, въ которую мы возвращаемся.

«Какъ сонъ настоящій есть періодъ, во время котораго мы набираемся новыхъ силъ, для движенія впередъ въ той жизни, въ которую возвращаемся пробужденіемъ, такъ и эта жизнь есть періодъ, въ который мы набираемся новыхъ силъ для движенія впередъ въ той жизни, изъ которой мы вышли и въ которую мы возвращаемся».

«Бываетъ во снѣ кошмаръ, отъ котораго мы пробуждаемся особымъ усиліемъ воли. Не то ли и отчаяніе, отъ котораго спасаются самоубійствомъ?»

«Но и вся предшествующая этой жизни жизнь и послѣдующая, въ которую мы переходимъ смертью, съ своимъ срединнымъ сновидѣніемъ того, что мы теперь называемъ жизнью, не есть ли въ свою очередь

только одно сновидѣніе, точно такъ же предшествуемое другой, еще болѣе реальной жизнью, въ которую мы и возвращаемся? И такъ далѣе, до послѣдней степени безконечной реальности жизни — Бога».

«Враги всегда будутъ. Жить такъ, чтобы не было враговъ, нельзя. Напротивъ, чѣмъ лучше живешь, тѣмъ больше враговъ».

«Враги будутъ; но надо сдѣлать такъ, чтобы не страдать отъ нихъ. И можно сдѣлать. Дѣлать такъ, что враги не только не будутъ страданіемъ, но будутъ радостью».

«Надо любить ихъ, и это легко».

«Я одинъ, а людей такъ ужасно безконечно много, такъ разнообразны всѣ эти люди, такъ невозможно мнѣ узнать всѣхъ ихъ, — всѣхъ этихъ Индѣйцевъ, Малайцевъ, Японцевъ, даже тѣхъ людей, которые со мной всегда, — моихъ дѣтей, жену... Среди всѣхъ этихъ людей я одинъ, совсѣмъ одинокъ и одинъ. И сознаніе этого одиночества и потребности общенія со всѣми людьми и невозможности этого общенія достаточно для того, чтобы сойти съ ума».

«Одно спасеніе — сознаніе внутренняго, черезъ Бога общенія со всѣми ими. Когда найдешь это общеніе, перестаетъ потребность внѣшняго общенія».

«Когда проживешь долго, какъ я, 45 лѣтъ сознательной жизни, — то понимаешь, какъ ложны, невозможны всякія приспособленія себя къ жизни. Нѣтъ ничего «stable» въ жизни. Все равно какъ приспособляться къ текущей водѣ.

«Все — личности, семьи, общества, все измѣняется, таетъ и переформировывается, какъ облака. И не

успѣешь привыкнуть къ одному состоянію общества, какъ его уже нѣтъ и оно перешло въ другое.

«Какъ религія, которая считаетъ себя абсолютной непогрѣшимой истиной, есть ложь, такъ и наука.

«Говорятъ о соединеніи науки и религіи. Только бы и та, и другая не держались бы внѣшняго авторитета, и не будетъ раздѣленія; а религія будетъ наука, наука будетъ религія».

А вотъ записи изъ его карманной записной книжки:

«Государственная форма отжита — всѣ три функціи — осталась послѣдняя и держится, какъ и можетъ держаться, насиліемъ. И насиліе кажется непреоборимо насиліемъ, но есть другое — есть внутренній ростъ.

«Думаютъ часто — спасеніе произойдетъ ужасами, революціей, постепенно — нѣтъ. И не было бы спасенія, если бы правительства могли остановить ростъ сознанія — новаго жизнепониманія. Правительства могутъ всѣхъ обобрать, всѣхъ убить, всѣхъ слабыхъ подвергнуть гипнотизаціи, но не могутъ остановить роста. Чѣмъ больше они гипнотизируютъ, тѣмъ энергичнѣе ростъ — контрастъ, чѣмъ больше накладывать дровъ, тѣмъ ярче горитъ и тѣмъ труднѣе погасить. Спасенье не извнѣ, а изнутри. Ц. Б. внутрь васъ есть. И спасенье наступило.

«Когда видите, вѣтки смоковницы стали мягки, значитъ близко, при дверяхъ. И лѣто близко. Правительство существуетъ какъ атавизмъ, — отжило — какъ оболочка сѣмени, сдерживающая лепестки. Насиліе не нужно. Нужно только ростъ и жизнь измѣнится. Насилія вѣдь нѣтъ. Это сонъ. Нужно очнуться.

«Не дѣлайте вида, что вы меня судите. Вы разбойники. Я васъ судилъ и осудилъ. Я живу для распространенія (истины). Все, что вы мнѣ сдѣлаете, польза этому дѣлу, а слѣдовательно и мнѣ.

«Часто говорятъ: дѣло разсудка. Да, несогласіе окружающаго съ требованіями совѣсти — дѣло разсудка. Несогласіе своей жизни съ требованіями разума — дѣло любви.

«Я долго не вѣрилъ самъ себѣ, что религія официальная есть антирелигія. Но пришлось повѣрить. Тоже теперь относительно образованія.

«Остроги, войска, полиція нужны, чтобы поддерживать существующій порядокъ. А порядокъ этотъ дуренъ, мы сами сознаемъ это.

«Религія не есть то, во что вѣрятъ люди, и наука не то, что изучаютъ люди; а религія есть то, что даетъ смыслъ жизни, а наука то, что нужно знать.

«Красота вытекала изъ языческаго міросозерцанія. Христосъ не сказалъ: есмь жизнь, путь и красота.

«Всего меньше мы понимаемъ поступки другъ друга, тѣ, которые вытекаютъ изъ тщеславія: не угадаешь, чѣмъ и передъ кѣмъ онъ тщеславится.

«Если кто сомнѣвается въ нераздѣльности мудрости и самоотверженія, тотъ пусть посмотритъ, какъ сходятся съ другого конца глупость и эгоизмъ.

«Есть двѣ улыбки. Одна — радости, другая насмѣшливости: а) надъ другими, б) надъ собой, почти стыда.

«Бываетъ, что защищаетъ съ раздраженіемъ истину, кажущуюся неважной. Тебѣ кажется только кирпичъ, а для него это замокъ свода, на которомъ построенъ его домъ».

Лѣтомъ, въ іюлѣ, завершился одинъ важный актъ семейной жизни Л. Н—ча. Былъ оконченъ раздѣлъ

имущества. Какъ всѣ вопросы, связанные съ собственностью и деньгами, и этотъ вопросъ о раздѣлѣ явно тяготилъ Л. Н—ча. Мы уже упоминали о томъ, какъ онъ относился къ нему. Новыя, хотя окончательныя уже формальности опять всколыхнули въ немъ эти тяжелыя чувства и онъ жалуется друзьямъ своимъ въ письмахъ, что ему это время было тяжело и мучительно. Но такъ какъ это было уже общее заключеніе дѣла, то оно вмѣстѣ и дало ему нѣкоторое удовлетвореніе.

Въ іюлѣ же былъ законченъ Л. Н—чемъ и сданъ въ печать отчетъ о веденіи всего дѣла. Въ этомъ отчетѣ Л. Н—чъ даетъ уже общій обзоръ дѣятельности всего года, изъ котораго мы видимъ, что подъ руководствомъ Л. Н—ча въ 4-хъ уѣздахъ (Епифановскомъ, Ефремовскомъ, Данковскомъ и Скопинскомъ) дѣйствовало 246 столовыхъ для взрослыхъ и 124 для дѣтей; въ нихъ кормилось 13.000 взрослыхъ и до 3000 дѣтей.

Въ этомъ же осеннемъ отчетѣ Л. Н—чъ такъ опредѣляетъ положеніе народа: «На вопросъ объ экономическомъ положеніи народа въ нынѣшнемъ году я не могъ бы съ точностью отвѣтить. Не могъ бы отвѣтить потому, во-первыхъ, что мы всѣ, занимавшіеся въ прошломъ году кормленіемъ народа, находимся въ положеніи доктора, который бы, бывъ призванъ къ человѣку, вывихнувшему ногу, увидалъ бы, что этотъ человѣкъ весь больной. Что отвѣтитъ докторъ, когда у него спросятъ о состояніи больного? О чемъ хотите вы узнать? — переспроситъ докторъ. — Спрашиваете про ногу или про все состояніе больного? Нога ничего, нога простой вывихъ — случайность, но общее состояніе не хорошо».

«Но и кромѣ того, я не могъ бы отвѣтить на вопросъ о томъ, каково положеніе народа: очень тяжело, или ничего? потому что мы всѣ, близко жившіе съ

народомъ, слишкомъ приглядѣлись къ его понемножку все ухудшавшемуся и ухудшавшемуся состоянію.

«Если бы кто-нибудь изъ городскихъ жителей пришелъ въ сильные морозы въ избу, топленную слегка только наканунѣ, и увидалъ бы обитателей избы, вылѣзающихъ не съ печки, а изъ печки, въ которой они чередуясь проводятъ дни, такъ какъ это единственное средство согрѣться, или то, что люди сжигаютъ крыши домовъ и сѣни на топливо, питаются однимъ хлѣбомъ, испеченнымъ изъ равныхъ частей муки и послѣдняго сорта отрубей, и что взрослые люди спорятъ и ссорятся о томъ, что отрѣзанный кусокъ хлѣба не доходитъ до опредѣленнаго вѣса на восьмушку фунта, или то, что люди не выходятъ изъ избы, потому что имъ не во что одѣться и обуться, то они были бы поражены видѣннымъ. Мы же смотримъ на такія явленія какъ на самыя обыкновенныя. И потому на вопросъ о томъ, въ какомъ положеніи народъ нашей мѣстности, отвѣтитъ скорѣе тотъ, кто пріѣдетъ въ наши мѣста въ первый разъ, а не мы. Мы притерпѣлись и уже ничего не видимъ».

И наконецъ Л. Н—чъ дѣлаетъ ко всему отчету такое заключеніе:

«Такъ что же? Неужели опять голодающіе? Голодающіе! Столовыя! Столовыя! Голодающіе! Вѣдь это уже старо и такъ страшно надоѣло.

«Надоѣло вамъ въ Москвѣ, въ Петербургѣ, а здѣсь, когда съ утра до вечера стоятъ подъ окнами или въ дверяхъ, и нельзя по улицѣ пройти, чтобы не слышать однѣхъ и тѣхъ же фразъ: «два дня не ѣли, послѣднюю овцу проѣли. Что дѣлать будешь? Послѣдній конецъ пришелъ. Помирать значитъ?» и т. д. здѣсь какъ ни стыдно въ этомъ признаться, это уже такъ наскучило, что какъ на враговъ своихъ, смотришь на нихъ.

«Встаю очень рано; ясное морозное утро и съ

краснымъ восходомъ; снѣгъ скрипитъ на ступеняхъ; выхожу на дворъ, надѣюсь, что еще никого нѣтъ, что я успѣю пройтись. Но нѣтъ; только отворилъ дверь, уже стоятъ двое: одинъ высокій, широкій мужикъ въ короткомъ оборванномъ полушубкѣ, въ разбитыхъ лаптяхъ, съ истощеннымъ лицомъ, съ сумкой черезъ плечо (всѣ они съ истощенными лицами, такъ что эти лица стали спеціально мужицкія лица). Съ нимъ мальчикъ лѣтъ 14, безъ шубы, въ оборванномъ зипунишкѣ, тоже въ лаптяхъ и тоже съ сумой и палкой. Хочу пройти мимо, начинаются поклоны и обычныя рѣчи. Нечего дѣлать, возвращаюсь въ сѣни. Они всходятъ за мною. — «Что ты? — Къ вашей милости. — Что? — Къ вашей милости. — Что нужно? — Насчетъ пособія. — Какого пособія? — Да насчетъ своей жизни! — Да что нужно? — Съ голоду помираемъ. Помогите сколько-нибудь. — Откуда? — Изъ Затворнаго». Знаю, что это скопинская нищенская деревня, въ которой мы еще не успѣли открыть столовой. Оттуда десятками ходятъ нищіе, и я тотчасъ же въ своемъ представленіи причисляю этого человѣка къ нищимъ профессіональнымъ и мнѣ досадно, что и дѣтей они водятъ съ собой и развращаютъ. «Чего же ты просишь? — Да какъ-нибудь обдумай насъ. — Да какъ же я обдумаю? Мы здѣсь не можемъ ничего сдѣлать. Вотъ мы пріѣдемъ». Но онъ не слушаетъ меня. И начинается опять сотни разъ уже слышанныя однѣ и тѣ же, кажущіяся мнѣ притворными рѣчи: — «Ничего не родилось, семья 8 душъ, работникъ я одинъ, старуха померла, лѣтось корову проѣли, на Рождество послѣдняя лошадь околѣла, ужъ я, куда ни шло, ребята ѣсть просятъ, отойти некуда, три дня не ѣли!» Все это обычное, одно и то же. Жду, скоро ли кончитъ. Но онъ все говоритъ: «Думалъ, какъ-нибудь пробьюсь, да выбился изъ силъ. Вѣкъ не побирался, да вотъ Богъ

привелъ. — Ну хорошо, мы пріѣдемъ, тогда увидимъ», говорю я и хочу пройти, и взглядываю нечаянно на мальчика. Мальчикъ смотритъ на меня жалостными, полными слезъ и надежды, прелестными карими глазами, и одна свѣтлая капля слезы уже виситъ на носу и въ это самое мгновеніе отрывается и падаетъ на натоптанный снѣгомъ досчатый полъ. И милое измученное лицо мальчика съ его вьющимися вѣнчикомъ кругомъ головы русыми волосами дергается все отъ сдерживаемыхъ рыданій. Для меня слова отца — старая избитая канитель. А ему — это повтореніе той ужасной годины, которую онъ переживалъ вмѣстѣ съ отцомъ, и повтореніе всего этого въ торжественную минуту, когда они наконецъ добрались до меня, до помощи, умиляютъ его, потрясаютъ его разслабленные отъ голода нервы. А мнѣ все это надоѣло, надоѣло; я думаю только, какъ пройти поскорѣе прогулять!

«Мнѣ старо, а ему это ужасно ново.

«Да, намъ надоѣло. А имъ все такъ же хочется ѣсть, такъ же хочется жить, такъ же хочется счастья, хочется любви, какъ я видѣлъ это по его прелестнымъ, устремленнымъ на меня, полнымъ слезъ глазамъ, — хочется этому измученному нуждой и полному наивной жалости къ себѣ доброму жалкому мальчику».

И на этотъ разъ, конечно, Л. Н—чъ не могъ прекратить этого дѣла. Посѣтивъ Л. Н—ча лѣтомъ, я замѣтилъ, что дѣло это сильно, и физически, и нравственно утомило Л. Н—ча. Такъ какъ въ эту зиму предполагалось вести дѣло въ значительно меньшихъ размѣрахъ, то я и предложилъ Л. Н—чу свои услуги по веденію дѣла, конечно подъ его руководствомъ. Л. Н—чъ съ радостью принялъ это мое предложеніе

и я уѣхалъ къ себѣ на хуторъ ждать этого «назначенія».

27 іюля Л. Н—чъ написалъ мнѣ письмо, приглашая пріѣхать и принять въ свое завѣдываніе продолженіе помощи. Я не замедлилъ пріѣхать и прожилъ въ Бѣгичевкѣ всю зиму 1892—93 года, съ небольшими перерывами. Л. Н—чъ съ дочерьми нерѣдко навѣщалъ меня, давая совѣты, исправляя и направляя мою работу и моихъ помощниковъ. На сколько это время и это дѣло отразилось на Л. Н—чѣ, я разскажу въ слѣдующей главѣ.

ГЛАВА IX

Вторая голодная зима. Царство Божіе

1892—1893 г.

Наступила вторая голодная зима 1892—93 года. Пространство Россіи, постигнутое на этотъ разъ неурожаемъ, было значительно меньше, но зато тамъ, гдѣ пришлось второй разъ пережить это тяжелое время, было во много разъ труднѣе. Истощенные предыдущими плохими годами и сошедшіе на нѣтъ въ прошлую, голодную зиму, они уже не могли сопротивляться стихійному бѣдствію. И въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ прежде кормили, теперь лѣчили и часто хоронили истощенныхъ до смерти могучихъ работниковъ-пахарей. Они покорно подставляли свои согбенныя спины и безропотно умирали отъ голоднаго, сыпного тифа.

Одна изъ характерныхъ особенностей сыпного тифа это его заразительность, которая распространяется не только на само населеніе, но и на медицинскій персоналъ. Заболѣваютъ доктора, фельдшера, сидѣлки. На моихъ глазахъ такихъ случаевъ было много и въ прошлую зиму въ Самарской губерніи и съ этимъ пришлось столкнуться въ эту слѣдующую зиму въ Ря-

занской губерніи. Какъ только появилась эпидемія сыпного тифа близъ Бѣгичевки, осенью 1892 года, пришлось организовать медицинскую, а главное санитарную помощь.

Пришлось пріискивать помѣщенія, куда отдѣлять больныхъ, улучшая, облегчая обстановку ихъ жизни, усиливая питаніе. А главное найти людей, готовыхъ самоотверженно идти на борьбу съ эпидеміей, съ явной опасностью болѣзни и смерти. Это было не такъ-то легко.

Вслѣдствіе уменьшенія размѣровъ бѣдствія, вслѣдствіе охлажденія прежняго пыла пожертвованій въ русскомъ и заграничномъ обществѣ, вслѣдствіе стремленія руководящихъ классовъ поскорѣе заявить о томъ, что теперь «все благополучно», притокъ пожертвованій и предложеніе личныхъ услугъ значительно ослабѣли.

Льву Николаевичу, утомленному прошлой зимой, нуженъ былъ отдыхъ, да его присутствіе при уменьшенныхъ размѣрахъ помощи и не было необходимо. Поручивъ мнѣ руководить дѣломъ помощи, онъ, конечно, продолжалъ стоять во главѣ дѣла, пріѣзжалъ въ Бѣгичевку, давалъ дальнѣйшія указанія и печаталъ отчеты о нашей дѣятельности.

Кромѣ земской медицинской помощи на эпидеміи тифа, была организована помощь и при участіи Л. Н—ча. Ходить за больными подъ руководствомъ земскаго врача пріѣхала родственница Л. Н—ча, жена брата Софьи Андреевны, Марья Петровна Берсъ. Несчастливая въ своей семейной жизни, она съ радостью пошла на это дѣло, готовая отдать свою жизнь, которою она мало дорожила.

Она поселилась въ избѣ, ухаживала за больными и вскорѣ заразилась сыпнымъ тифомъ. Тогда ее перевезли въ Бѣгичевку, въ домъ Раевскихъ, и дѣлали все, что можно было дѣлать въ борьбѣ съ этой болѣзнью. Она не выдержала и умерла спокойно, со-

знательно, съ чувствомъ исполненнаго долга 20-го октября 1892 года.

Л. Н—чу въ это время нельзя было пріѣхать въ Бѣгичевку, и мы обмѣнивались письмами. Въ нихъ ясно отражается то волненіе, которое испытывалъ онъ, слѣдя за этой болѣзнью, за всѣми ея колебаніями и роковымъ исходомъ. Я приведу изъ этихъ писемъ нѣсколько характерныхъ выдержекъ.

По полученіи перваго извѣстія о болѣзни Маріи Петровны, Л. Н—чъ между прочимъ писалъ мнѣ:

«Дорогой другъ П., сейчасъ получилъ ваше письмо Танѣ. Всѣ мы страшно взволнованы болѣзнью М. П. и стремимся къ вамъ, но насъ не пускаютъ. Тани нѣтъ; она въ Москвѣ. Маша однако не отчаивается поѣхать смѣнить васъ у больной. Пожалуйста извѣщайте о М. П. Вы все не велите безпокоиться о васъ, а я не могу думать о васъ безъ укоровъ совѣсти и чувства виновности передъ вами и главное любви. Передайте М. П., что мы всѣ душою съ нею и будемъ въ тѣлѣ съ нею, какъ только это будетъ нужно. Не нужно ли ей чего? Да вы, вѣрно, все доставите ей, начиная съ сидѣлки».

Л. Н—чъ по обыкновенію встрѣтилъ въ семьѣ своей сопротивленіе, когда собрался ѣхать. Такое сопротивленіе возникало при всѣхъ вопросахъ, когда отъ осуществленія желанія Л. Н—ча могъ угрожать вредъ его животной личности и когда осуществленіе этого желанія могло приблизить его къ тому идеалу личной жизни, который всегда носилъ въ своей душѣ Л. Н—чъ.

Какъ всегда, такъ и на этотъ разъ Л. Н—чу пришлось перенести душевныя муки. Вотъ что онъ между прочимъ пишетъ мнѣ въ слѣдующемъ письмѣ, въ отвѣтъ на мое извѣщеніе, что болѣзнь приняла угрожающее теченіе:

«Ужасно тяжело, дорогой другъ Павелъ Ивановичъ, что никто изъ насъ не можетъ пріѣхать, что-

бы смѣнить васъ въ уходѣ за М. И. — Маша хотѣла ѣхать, встрѣтила страшное сопротивленіе, и не знаю, какъ рѣшить. Кажется, не ѣдетъ. Я по чувству знаю — и она тоже знаетъ, что должно. Можетъ быть, надо бы ѣхать, и покориться — это слабость, но я не могу. Должно быть, и она также. Деньги вы уже знаете, что вамъ посланы. Я написалъ вамъ въ Клекотки. Вы насъ, милый другъ, не упрекайте; мы душою съ вами. Для меня... Мнѣ часто бываетъ тяжело. И изъ того, что тяжело, я заключаю, что дѣлаю не то, что надо».

Получивъ извѣстіе о кончинѣ Марьи Петровны, Л. Н—чъ писалъ С. А., которая тогда была въ Москвѣ:

«Смерть Марьи Петровны очень трогательна. Древніе говорили, что кого Богъ любитъ, тѣ умираютъ молодыми. И смерть ея хороша. У всѣхъ останется доброе чувство къ ней, а со всѣхъ сторонъ, кромѣ горя, ее ничего не ожидало».

Въ одномъ изъ слѣдующихъ писемъ къ С. А. онъ возвращается къ этой смерти и передаетъ слова сидѣлки:

«Она вдругъ ослабѣла и почувствовала, что умираетъ; кое-какія распоряженія дѣлала, маленькіе долги заплатить и сказала: «Господи, прости мнѣ грѣхи мои!» И скоро потеряла сознаніе. И въ такомъ положеніи была около сутокъ. Похоронили ее въ Никитскомъ».

Сознаніе близости смерти не покидало ее и во время болѣзни. Мнѣ нерѣдко приходилось подходить къ ея кровати, оказывать ей небольшія услуги. Она всегда старалась поскорѣе выпроводить меня, боясь, что я заражусь, и при этомъ говорила: «Вѣдь мнѣ-то легко умереть, а ваша жизнь еще многимъ нужна».

Вѣроятно людямъ нужна была ея смерть.

Внутренняя жизнь Л. Н—ча того времени какъ всегда шла съ особымъ напряженіемъ. Заглянемъ въ это святое святыхъ, гдѣ совершается высшее таинство жизни, рожденіе мыслей, которыми онъ жилъ и которыя направляли его поступки и, созрѣвши, выражались въ его произведеніяхъ.

Въ общеніи съ своими сотрудниками по кормленію голодающихъ Л. Н—чъ старался, кромѣ практическихъ совѣтовъ ихъ дѣятельности, давать имъ и разъясненіе по самымъ существеннымъ вопросамъ жизни. А тѣ конечно забрасывали его всяческими вопросами, изъ которыхъ Л. Н—чу приходилось выбирать наиболѣе важные.

Вмѣстѣ съ тѣмъ среди сотрудниковъ, казавшихся единомышленниками Л. Н—ча стало замѣтно неудовлетвореніе тѣмъ внутреннимъ, основаннымъ на высшемъ разумѣ, пониманіи религіозныхъ вопросовъ и ученія Христа, которое свойственно было Льву Николаевичу и которое онъ выражалъ въ своихъ писаніяхъ. Л. Н—чъ сталъ получать отъ этихъ людей большія письма съ вопросами и о «живой вѣрѣ» и о «живомъ Христѣ», сущность которыхъ заключалась въ томъ, что они выражали потребность внѣшняго, мистическаго богопочитанія.

Л. Н—чъ отвѣчалъ на эти письма подробно, излагая и разъясняя свои взгляды и вотъ послѣ одного изъ такихъ писемъ, онъ записываетъ въ своемъ дневникѣ:

«21 августа 1892 года. За это время получилъ и написалъ длинное письмо N. въ отвѣтъ на его — о живомъ Христѣ. Въ письмѣ этомъ надо поправить слѣдующее:

«Я написалъ сначала, что пылкіе, славолюбивые люди, потомъ написалъ: нѣкоторые; но надо было написать ни то, ни другое, а — люди, поверхностно понявшіе ученіе Христа, понявшіе только послѣдствія его, а не самый способъ его, состоящій въ устано-

вленіи каждымъ человѣкомъ своего отношенія къ Богу. Для достиженія этихъ послѣдствій устраиваютъ сообщество людей, требующихъ другъ отъ друга исполненія извѣстныхъ поступковъ, и кромѣ того стараются сами или напугать, и расчувствовать себя различными представленіями такъ, чтобы желательныя послѣдствія были исполнены».

Разговоръ по поводу его книги «О жизни» наводитъ его на слѣдующія размышленія:

«Говорилъ съ N. Онъ говоритъ: «У васъ въ «О жизни» сказано, что если человѣкъ умираетъ, то такъ надо. Это неправда».

«Онъ правъ. Это неправда. Это нельзя сказать. На вопросъ: зачѣмъ этотъ умеръ, а тотъ живъ? нельзя отвѣтить такъ же, какъ нельзя отвѣтить на вопросъ: гдѣ я буду послѣ смерти?

«Это два вопроса: «гдѣ» и «буду», спрашивающіе о томъ, въ какомъ я буду отношеніи къ пространству и времени тогда, когда я выйду изъ теперешняго моего состоянія, въ которомъ я не могу мыслить внѣ пространства и времени, — когда я перейду въ то состояніе, въ которомъ не можетъ быть ни пространства, ни времени».

«Вопросъ же о томъ, зачѣмъ, почему этотъ умеръ, а этотъ живъ, есть такой же вопросъ, спрашивающій о томъ, въ какомъ отношеніи причинности находится человѣкъ, вышедшій изъ міра причинности».

А вотъ нѣсколько строгихъ мыслей о музыкѣ, какъ о наслажденіи.

«Говорили о музыкѣ.

«Я опять говорю, что это наслажденіе только немного выше сортомъ кушанья.

«Я не обидѣть хочу музыку, а хочу ясности. И не могу признать того, что съ такой неясностью и неопредѣленностью толкуютъ люди, — что музыка какъ-то возвышаетъ душу.

«Дѣло въ томъ, что она не нравственное дѣло. Небезнравственное, какъ и ѣда. Безразличное, но не нравственное. Я за это стою. А если она не нравственное дѣло, то и совсѣмъ другое къ ней отношеніе.

«Это наслажденіе чувства, какъ чувство (sens) вкуса, зрѣнія, слуха. Я согласенъ, что оно выше, т.-е. менѣе похотливо, чѣмъ вкусъ, ѣда; но я стою на томъ, что въ немъ нѣтъ ничего нравственнаго, какъ стараются насъ увѣрить».

Замѣчательно, что подобная же мысль о музыкѣ записана Л. Н—чемъ 30 лѣтъ тому назадъ, въ его дневникѣ 1861 года, во время его второго заграничнаго путешествія, когда онъ знакомился съ постановкой школьнаго дѣла въ западной Европѣ. Онъ тогда посѣщалъ многихъ выдающихся людей и между прочимъ посѣтилъ нѣмецкаго писателя Ауэрбаха, сочиненія котораго онъ очень цѣнилъ. Послѣ свиданія съ нимъ онъ записалъ въ дневникѣ:

«Христіанство — какъ духъ человѣчества, выше котораго нѣтъ ничего. Читаетъ стихи восхитительно. О музыкѣ, какъ «Pflichtloser Genuss». Поворотъ, по его мнѣнію къ развращенію... Ему 49 лѣтъ. Онъ прямъ, молодъ, вѣрующъ, не ноетъ отрицаніе».

Такова устойчивость мнѣнія Л. Н—ча о музыкѣ. Этотъ взглядъ его, разумѣется, отразился и въ его критикѣ «Объ искусствѣ», которую онъ тогда началъ писать.

И въ связи съ этимъ у него является новый вопросъ о смыслѣ жизни, о красотѣ и о добрѣ.

Онъ съ робостью, какъ бы предъ открытіемъ новаго неожиданнаго сокровища записываетъ въ своемъ дневникѣ:

«Думалъ въ первый разъ, какъ ни страшно это думать и сказать:

«Цѣль жизни есть такъ же мало воспроизведеніе себѣ подобныхъ, продолженіе рода, какъ и служеніе людямъ, такъ же мало и служеніе Богу.

«Воспроизводить себѣ подобныхъ — зачѣмъ? Служить людямъ? А затѣмъ, кому мы будемъ служить, тѣмъ что дѣлать? Служить Богу? Развѣ онъ не можетъ безъ насъ сдѣлать то, что ему нужно. Да ему не можетъ быть ничего нужно.

«Если онъ велитъ намъ служить себѣ, то только для нашего блага. Жизнь не можетъ имѣть другой цѣли, какъ благо, какъ радость. Только эта цѣль — радость — вполнѣ достойна жизни.

«Отреченіе, крестъ, отдать жизнь, все это для радости. И радость есть и можетъ быть ничѣмъ не нарушена и постоянна.

«И смерть — переходъ къ новой, неизвѣданной, совсѣмъ новой другой большой радости.

«И есть источники радости, никогда неизсякающіе: красота природы, животныхъ, людей, — никогда не отсутствующіе. Въ тюрьмѣ — красота луча, мухи, звуковъ. И главный источникъ: любовь, — моя къ людямъ и людей ко мнѣ.

«Какъ бы хорошо было, если бы это была правда. Неужели мнѣ открывать новое?

«Красота, радость, только какъ радость, независимо отъ добра, отвратительна. Я уяснилъ это и бросилъ. Добро безъ красоты мучительно. Только соединеніе двухъ, и не соединеніе, а красота, какъ вѣнецъ добра».

И записавъ эту глубокую мысль, онъ скромно прибавляетъ:

«Кажется, что это похоже на правду».

Въ это время Левъ Николаевичъ читалъ и переводилъ сочиненіе женевскаго писателя Amiel'я: «Le journal intime»[1]). Думая о предисловіи къ этому переводу, онъ записываетъ въ дневникѣ такую мысль:

«Къ Amiel'ю хотѣлъ бы написать предисловіе, въ

[1]) Дневникъ.

которомъ бы высказать то, что онъ во многихъ мѣстахъ говоритъ о томъ, что должно сложиться новое христіанство, что въ будущемъ должна быть религія. А между тѣмъ самъ, частью стоицизмомъ, частью буддизмомъ, частью, главное, христіанствомъ, какъ онъ понимаетъ его, онъ живетъ и съ этимъ умираетъ. Онъ, какъ bourgeois gentilhomme, fait de la religion, sans le savoir. Едва ли это не самая лучшая. Она не имѣетъ соблазна любоваться на нее».

Предисловіе это было написано имъ и напечатано и мысль, записанная въ дневникѣ, отчасти выражена въ немъ, хотя и въ иной формѣ.

И въ то же время онъ записываетъ такую мысль:

«Если бы мнѣ дали выбирать: населить землю такими святыми, какихъ я только могу вообразить себѣ, но только чтобы не было дѣтей; или такими людьми, какъ теперь, но съ постоянно прибывающими свѣжими отъ Бога дѣтьми, я бы выбралъ послѣднее».

Не менѣе замѣчательны мысли, набросанныя имъ въ записной книжкѣ того времени.

Въ это время начались преслѣдованія нѣкоторыхъ друзей Л. Н—ча; вѣроятно онъ ожидалъ какихъ-нибудь репрессивныхъ мѣръ и противъ себя. Поэтому въ его записной книжечкѣ попадаются такія записи:

«У меня есть высочайшее повелѣніе. А у меня есть самое высочайшее заступаться за братьевъ, обличать гонителей.

«Для того, чтобы заставить меня замолчать, есть два средства: одно, покаяться, другое, убить, или заточить, не выпускать.

«И дѣйствительно можетъ быть только первое и потому скажите тому человѣку, котораго вы называете царемъ, чтобы онъ, вмѣсто меня, занялся Шлиссельбургомъ, каторгой, розгами».

Въ это время Л. Н—чъ работалъ надъ своей книгой: «Царствіе Божіе внутри васъ». Подвергая въ этой книгѣ строгой критикѣ существующее государственное устройство, Л. Н—чъ естественно думалъ о разрушеніи старыхъ и созиданіи новыхъ формъ. И вотъ онъ набрасываетъ такія мысли:

«Посмотрите, какъ хорошо мы подкрасили домъ, убрали его флагами, вѣтками, а у васъ что? — Канавы, камни. — Это фундаментъ новаго строенія».

Послѣ посѣщенія Н. Н. Страхова, мягкаго, созерцательно настроеннаго его друга, Л. Н—чъ записываетъ:

«Съ Страховымъ разговоръ. Онъ хочетъ находить во всемъ хорошее. Это прекрасно. Но какъ бы не находить хорошимъ то, что мы призваны уничтожить!»

Освободившись отъ непосредственнаго руководства дѣломъ кормленія голодающихъ, очень тяготившаго его, Л. Н—чъ сталъ чувствовать нѣкоторую пустоту жизни, которая была временно заполнена этимъ сложнымъ дѣломъ. Объ этомъ онъ между прочимъ писалъ мнѣ, возвратившись въ Ясную Поляну изъ Бѣгичевки:

«У насъ все по-старому. Живемъ одни хорошо, но дѣвочкамъ бѣднымъ пусто. Какъ справедливо то, что Онъ сказалъ: «А кто хочетъ узнать, правду ли я говорю, пусть попробуетъ». Стоитъ только испытать — какъ ни плохо, ни нескладно, ни нечисто смѣшано со славой людской жизнь служенія — для того, чтобы потомъ уже жизнь потеряла для себя весь, какъ говорятъ англичане — букетъ, прелесть. — И это я съ радостью испытываю самъ и вижу на дѣвочкахъ. У меня есть мое писанье, которое немного въ той мѣрѣ, въ какую я вѣрю въ его пользу, помогаетъ

жить, и есть слабость старости, но молодымъ и вкусившимъ отъ ключа воды живой ужъ нельзя вернуться къ подобію жизни. И это-то дорого и на это радуюсь. Получилъ я письмо отъ революціонера, должно быть изъ Петербурга, хорошее. Онъ пишетъ, что за Саратовскій бунтъ будутъ казнить и что я долженъ написать воззваніе. Разумѣется, я не напишу; но всѣ такія напоминанія помогаютъ мнѣ вѣрить, что я могу быть нуженъ. Въ писаньи подвигаюсь, но все не кончилъ».

«Писанье», которое заполняло тогда жизнь Льва Николаевича, было: «Царство Божіе внутри васъ», книга, надъ которой онъ работалъ два года, у ней своя исторія и она имѣетъ большое значеніе въ жизни Льва Н—ча, поэтому мы остановимся на ней нѣсколько долѣе.

Прошло уже нѣсколько лѣтъ со времени опубликованія книги Л. Н—ча «Въ чемъ моя вѣра», бросившей въ міръ новое пониманіе христіанства, показавшей міру необходимость рѣшенія дилеммы: или отказаться отъ имени христіанъ, или признать, что насиліе несовмѣстимо съ христіанствомъ. Прошло много лѣтъ и со времени опубликованія второй книги и міръ все еще не рѣшилъ этой дилеммы. Но сѣмена новаго жизнепониманія были брошены въ міръ и они должны дать всходы. И первые ростки уже взошли и произвели замѣшательство среди запутавшагося человѣчества въ дебряхъ полурелигіознаго, полунаучнаго, полуэгоистически-животнаго міропониманія, выражавшагося общей борьбой за сладкій кусокъ пирога.

Какъ только «Въ чемъ моя вѣра» стала распространяться въ старомъ и новомъ свѣтѣ, такъ ко Л. Н—чу стали стекаться со всѣхъ концовъ міра положительные и отрицательные отзывы о ней.

«Однимъ изъ первыхъ откликовъ на мою книгу, — говоритъ Л. Н—чъ въ своемъ новомъ произведеніи, —

были письма отъ американскихъ квакеровъ. Въ письмахъ этихъ, выражая свое сочувствіе моимъ взглядамъ о незаконности для христіанина всякаго насилія и войны, квакеры сообщили мнѣ подробности о своей такъ-называемой сектѣ, болѣе 200 лѣтъ исповѣдующей на дѣлѣ ученіе Христа о непротивленіи злу насиліемъ и не употреблявшей и теперь не употребляющей для защиты себя оружія».

Большою радостью было для Л. Н—ча и его единомышленниковъ полученіе двухъ замѣчательныхъ документовъ, присланныхъ изъ Америки; оба документа были написаны 50 лѣтъ тому назадъ, лежали забытые и вызваны были къ жизни появленіемъ сочиненія Л. Н—ча «Въ чемъ моя вѣра».

Первый документъ былъ «Провозглашеніе основъ, принятыхъ членами общества, основаннаго для установленія между людьми всеобщаго мира».

Это провозглашеніе было составлено и опубликовано Гаррисономъ и его друзьями въ Бостонѣ въ 1838 году. Основой этого провозглашенія была та мысль, что всякое насиліе, какъ личное, такъ и государственное, противно ученію Христа и что миръ можетъ водвориться путемъ только отказа отъ употребленія какого бы то ни было насилія.

Другой документъ приблизительно той же эпохи, былъ «Катехизисъ непротивленія», составленный уже престарѣлымъ тогда Адиномъ Балу, съ которымъ Л. Н—чъ еще успѣлъ вступить въ письменное общеніе. Въ этомъ катехизисѣ, въ формѣ вопросовъ и отвѣтовъ, утверждались тѣ же основы несовмѣстимости насилія въ какой бы то ни было формѣ съ христіанскимъ ученіемъ.

Замѣчательны послѣдніе вопросъ и отвѣтъ этого катехизиса; мы приведемъ ихъ здѣсь цѣликомъ:

«*Вопросъ.* — Но когда лишь немногіе будутъ такъ поступать, что станется съ ними?

«*Отвѣтъ*. — Если бы такъ поступалъ даже только одинъ человѣкъ, а всѣ остальные согласились распять его, то не болѣе ли славно было бы ему умереть въ торжествѣ непротивляющейся любви, молясь за враговъ своихъ, чѣмъ жить, нося корону цезаря, обрызганную кровью убитыхъ? Но одинъ ли или тысячи людей, твердо рѣшившихъ не противиться злу зломъ, все равно среди просвѣщенныхъ ли или среди дикихъ ближнихъ, гораздо больше безопасны отъ насилія, чѣмъ тѣ, которые полагаются на насиліе. Разбойникъ, убійца, обманщикъ скорѣе оставитъ ихъ въ покоѣ, чѣмъ тѣхъ, кто сопротивляется оружіемъ. Взявшіе мечъ, отъ меча погибнутъ, а ищущіе мира, поступающіе дружественно, безобидно, забывающіе и прощающіе обиды большею частью наслаждаются миромъ, или, если умираютъ, то умираютъ благословляемыми.

«Такимъ образомъ, если бы всѣ соблюдали заповѣдь о непротивленіи, то, очевидно, не было бы ни обиды, ни злодѣйства. Если бы такихъ было большинство, то они установили бы управленіе любви и доброжелательства даже надъ обижающими, никогда не противясь злу зломъ, никогда не употребляя насилія. Если бы такихъ людей было довольно многочисленное меньшинство, то они произвели бы такое исправительное нравственное дѣйствіе на общество, что всякое жестокое наказаніе было бы отмѣнено, а насиліе и вражда замѣнились бы миромъ и любовью. Если бы ихъ было только малое меньшинство, то оно рѣдко испытывало бы что-нибудь худшее, чѣмъ презрѣніе міра, а міръ между тѣмъ, самъ того не чувствуя и не будучи за то благодаренъ, постоянно становился бы мудрѣе и лучше отъ этого тайнаго воздѣйствія. И если бы въ самомъ худшемъ случаѣ нѣкоторые изъ членовъ меньшинства были бы гонимы до смерти, то эти погибшіе за правду оставили бы по себѣ свое ученіе, уже освященное ихъ мученическою кровью.

«Да будетъ миръ со всѣми, кто ищетъ мира, и всепобѣждающая любовь да будетъ негибнущимъ наслѣдіемъ всякой души, добровольно подчиняющейся закону Христа: «Не противься злу насиліемъ».

Эти два документы и были положены Л. Н—чемъ въ основу своего новаго сочиненія.

Сначала Л. Н—чъ предполагалъ посвятить его двумъ вопросамъ, одинаково опредѣляющихъ его новое міросозерцаніе: Церковному обману и Государственному насилію. Но съ теченіемъ его работы его вниманіе всецѣло было поглощено вторымъ вопросомъ, чему способствовало и обиліе стекавшагося матеріала.

Вскорѣ ему сообщили факты отказа отъ государственнаго насилія, происходившіе среди русскихъ сектантовъ, молоканъ, духоборовъ и другихъ. Среди меннонитовъ, поселившихся въ Россіи, среди секты Назаренъ, живущихъ въ Австріи; онъ получилъ замѣчательное сочиненіе чеха Петра Хельчицкаго и т. д.

Такъ какъ основнымъ орудіемъ государственнаго насилія являлось войско съ введенной во всѣхъ государствахъ континентальной Европы общей воинской повинностью, то Л. Н—чъ и сосредоточилъ свое вниманіе на этомъ вопросѣ. И первое время онъ говорилъ про свое новое писаніе: «Я пишу объ общей воинской повинности». Но работа расширялась, а событія жизни давали новый матеріалъ его критическому анализу и писаніе его разрослось въ обширный трактатъ, представляющій собою могущественную критику существующаго порядка жизни и дающій обширныя далекія перспективы новыхъ человѣческихъ отношеній.

Сначала Л. Н—чъ отвѣчаетъ своимъ критикамъ, раздѣляя ихъ на свѣтскихъ и духовныхъ, и затѣмъ переходитъ къ изображенію бѣдственности жизни современнаго человѣчества, преисполненной неразрѣшимыхъ противорѣчій. Едва ли это не самая сильная,

неотразимая часть книги. Приведемъ изъ этого описанія нѣсколько выдержекъ, чтобы дать понятіе о его характерѣ и силѣ.

«Каковы бы ни были образъ мыслей и степень образованія человѣка нашего времени, будь онъ образованный либералъ какого бы то ни было оттѣнка, будь онъ философъ какого бы то ни было толка, будь онъ научный человѣкъ, экономистъ какой бы то ни было школы, будь онъ необразованный даже религіозный человѣкъ какого бы то ни было исповѣданія, — всякій человѣкъ нашего времени знаетъ, что люди всѣ имѣютъ одинаковыя права на жизнь и блага міра, что одни люди не лучше и не хуже другихъ, что всѣ люди равны. Всякій знаетъ это несомнѣнно твердо всѣмъ существомъ своимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ не только видитъ вокругъ себя дѣленія всѣхъ людей на двѣ касты: одну — трудящуюся, угнетенную, нуждающуюся, страдающую, а другую — праздную, угнетающую и роскошествующую и веселящуюся, — не только видитъ, но волей или неволей съ той или другой стороны принимаетъ участіе въ этомъ отвергаемомъ его сознаніемъ раздѣленіи людей и не можетъ не страдать отъ сознанія такого противорѣчія и участія въ немъ».

«Древній рабъ зналъ, что онъ рабъ отъ природы, а нашъ рабочій, чувствуя себя рабомъ, знаетъ, что ему не надо быть рабомъ, и потому испытываетъ мученія Тантала, вѣчно желая и не получая того, что не только могло, но должно бы быть. Страданія для рабочихъ классовъ, происходящія отъ противорѣчія между тѣмъ, что есть и что должно бы быть, удесятеряются вытекающими изъ этого сознанія завистью и ненавистью.

«Рабочій нашего времени, если бы даже работа его и была много легче работы древняго раба, если бы даже онъ добился восьмичасового дня и платы трехъ долларовъ за день, не перестанетъ страдать,

потому что, работая вещи, которыми онъ не будетъ пользоваться, работая не для себя по своей охотѣ, а по нуждѣ, для прихоти вообще роскошествующихъ и праздныхъ людей и въ частности для наживы одного богача, владѣтеля фабрики или завода, онъ знаетъ, что все это происходитъ въ мірѣ, въ которомъ признается не только научное положеніе о томъ, что только работа есть богатство, что пользованіе чужими трудами есть несправедливость, незаконность, казнимая законами, но въ мірѣ, въ которомъ исповѣдуется ученіе Христа, по которому мы всѣ братья, и достоинство и заслуга человѣка только въ служеніи ближнему, а не въ пользованіи имъ.

«Еще въ большемъ противорѣчіи и страданіи живетъ человѣкъ такъ называемаго образованнаго класса.

«Онъ знаетъ, что всѣ привычки, въ которыхъ онъ воспитанъ, лишеніе которыхъ для него было бы мученіемъ, всѣ онѣ могутъ удовлетворяться только мучительнымъ, часто губительнымъ трудомъ угнетенныхъ рабочихъ, т.-е. самымъ очевиднымъ грубымъ нарушеніемъ тѣхъ принциповъ христіанства, гуманности, справедливости, даже научности (я разумѣю требованія политической экономіи), которыя онъ исповѣдуетъ. Онъ исповѣдуетъ принципы братства, гуманности, справедливости, научности и не только живетъ такъ, что ему необходимо то угнетеніе рабочихъ, которое онъ отрицаетъ, но такъ, что вся жизнь его есть пользованіе этимъ угнетеніемъ, и не только живетъ такъ, но и направляетъ свою дѣятельность на поддержаніе этого порядка вещей, прямо противоположнаго тому, во что онъ вѣритъ».

«Правящіе классы по отношенію рабочихъ находятся въ положеніи подмявшаго подъ себя противника и держащаго его, не выпуская, не столько потому, что онъ не хочетъ выпустить его, сколько потому, что онъ знаетъ, что стоитъ ему выпустить на мгновеніе

подмятаго, чтобы самому быть сейчасъ же зарѣзаннымъ, потому что подмятый озлобленъ и въ рукѣ его ножъ. И потому, будутъ ли они чутки или не чутки, наши богатые классы не могутъ наслаждаться тѣми благами, которыя они похитили у бѣдныхъ, какъ это дѣлали древніе, вѣровавшіе въ свое право. Вся жизнь и всѣ наслажденія ихъ отравлены укорами совѣсти или страхомъ».

Л. Н—чъ указываетъ далѣе на неопредѣленное, неискреннее отношеніе людей образованныхъ къ этимъ противорѣчіямъ.

Одни, менѣе чуткіе, стараются скрыть ихъ, другіе, болѣе чуткіе, видятъ ихъ, говорятъ о нихъ, но придаютъ имъ характеръ трагической, фатальной неизбѣжности.

Узломъ всѣхъ этихъ противорѣчій служитъ общая воинская повинность, которая требуетъ отъ человѣка во имя государства отреченія отъ всего того, что дорого ему. И дѣйствительно, общая воинская повинность нужна для поддержанія государства съ его насиліемъ; но нужно ли самое государство? Жертвы, приносимыя человѣкомъ во имя его, такъ велики, что человѣку, можетъ быть, выгоднѣе, не подчиняться ему. Но государство не выпускаетъ свои жертвы и издавна подчиняетъ ихъ себѣ: устрашеніемъ, подкупомъ, гипнотизаціей и примѣненіемъ военной силы.

Выходъ изъ этого противорѣчія въ принятіи христіанскаго ученія:

«Стоитъ человѣку понять свою жизнь такъ, какъ учитъ понимать ее христіанство, т.-е. понять то, что жизнь его принадлежитъ не ему, его личности, не семьѣ или государству, а Тому, Кто послалъ его въ жизнь, понять то, что исполнять онъ долженъ поэтому не законъ своей личности, семьи или государства, а ничѣмъ не ограниченный законъ Того, отъ Кого онъ исшелъ, чтобы не только почувствовать себя совершенно сво-

боднымъ отъ всякой человѣческой власти, но даже перестать видѣть эту власть, какъ нѣчто могущее стѣснять кого-либо.

«Стоитъ человѣку понять, что цѣль его жизни есть исполненіе закона Бога, для того, чтобы этотъ законъ, замѣнивъ для него всѣ другіе законы и подчинивъ его себѣ, этимъ самымъ подчиненіемъ лишилъ бы въ его глазахъ всѣ человѣческіе законы ихъ обязательности и стѣснительности.

«Христіанинъ освобождается отъ всякой человѣческой власти тѣмъ, что считаетъ для своей жизни и жизни другихъ божескій законъ любви, вложенный въ душу каждаго человѣка и приведенный къ сознанію Христомъ, единственнымъ руководителемъ жизни своей и другихъ людей».

«Христіанинъ можетъ подвергаться внѣшнему насилію, можетъ быть лишенъ тѣлесной свободы, можетъ быть не свободенъ отъ своихъ страстей (дѣлающій грѣхъ есть рабъ грѣха), но не можетъ быть не свободенъ въ томъ смыслѣ, чтобы быть принужденнымъ какою-либо опасностью или какою-либо внѣшнею угрозою къ совершенію поступка, противнаго своему сознанію».

Исповѣданіе христіанства, отказъ отъ исполненія государственнаго насилія есть самое страшное орудіе разрушенія государства, и люди, стоящіе у власти, знаютъ это и употребляютъ всѣ силы на то, чтобы не давать проявляться этимъ, пока еще единичнымъ вспышкамъ христіанскаго неповиновенія.

«Но дѣло зашло уже слишкомъ далеко: правительства чувствуютъ уже свою беззащитность и слабость, и пробуждающіеся отъ усыпленія люди христіанскаго сознанія уже начинаютъ чувствовать свою силу».

«Огонь принесъ я на землю», сказалъ Христосъ, «и какъ томлюсь, пока онъ не возгорится».

«И огонь этотъ начинаетъ возгораться».

«Положеніе христіанскаго человѣчества съ его крѣпостями, пушками, динамитами, ружьями, тюрьмами, висѣлицами, церквами, фабриками, таможнями, дворцами дѣйствительно ужасно; но вѣдь ни крѣпости, ни пушки, ни ружья ни въ кого сами не стрѣляютъ, тюрьмы никого сами не запираютъ, висѣлицы никого не вѣшаютъ, церкви никого сами не обманываютъ, таможни не задерживаютъ, дворцы и фабрики сами не строятся и себя не содержатъ, а все это дѣлаютъ люди. Если же люди поймутъ, что этого не надо дѣлать, то этого ничего и не будетъ.

«А люди уже начинаютъ понимать это. Если еще не всѣ понимаютъ это, то понимаютъ это передовые люди, тѣ, за которыми идутъ остальные. И перестать понимать то, что разъ поняли передовые люди, они уже никакъ не могутъ. Понять же то, что поняли передовые, остальные люди не только не не могутъ, но неизбѣжно должны.

«Такъ что предсказаніе о томъ, что придетъ время, когда всѣ люди будутъ научены Богомъ, разучатся воевать, перекуютъ мечи на орала и копья на серпы, т.-е., переводя на нашъ языкъ, всѣ тюрьмы, крѣпости, казармы, дворцы, церкви останутся пустыми, и всѣ висѣлицы, ружья, пушки останутся безъ употребленія, — уже не мечта, а опредѣленная новая форма жизни, къ которой съ все увеличивающейся быстротой приближается человѣчество.

«Но когда же это будетъ?

«1800 лѣтъ назадъ на вопросъ этотъ Христосъ отвѣтилъ, что конецъ нынѣшняго вѣка, т.-е. языческаго устройства міра, наступитъ тогда, когда (Мѳ. XXIV, 3—28) увеличатся до послѣдней степени бѣдствія людей и вмѣстѣ съ тѣмъ благая вѣсть Царства Божія, т.-е. возможность новаго, не насильническаго устройства жизни будетъ проповѣдана по всей землѣ».

«О днѣ же и часѣ томъ никто не знаетъ, только

Отецъ мой одинъ» (Мѳ. XXIV, 36), тутъ же говоритъ Христосъ. Ибо оно можетъ наступить всегда, всякую минуту, и тогда, когда мы не ожидаемъ его.

«Все, что мы можемъ знать, это то, что мы, составляющіе человѣчество, должны дѣлать и чего должны не дѣлать для того, чтобы наступило это Царство Божіе. А это мы всѣ знаемъ. И стоитъ только каждому начать дѣлать то, что мы должны дѣлать, и перестать дѣлать то, чего мы не должны дѣлать, стоитъ только каждому изъ насъ жить всѣмъ тѣмъ свѣтомъ, который есть въ насъ, для того, чтобы тотчасъ же наступило то обѣщанное Царство Божіе, къ которому влечетъ сердце каждаго человѣка».

На этомъ кончалась эта замѣчательная книга, когда со Л. Н—чемъ произошло одно изъ тѣхъ роковыхъ событій, которыя такъ много разъ въ его жизни открывали ему новые пути или подтверждали, закрѣпляли разъ принятое рѣшеніе. Таковы были въ его дѣтствѣ смерть его отца и бабушки; столкновеніе съ гувернеромъ французомъ, затѣмъ его внезапная поѣздка на Кавказъ, перенесшая его изъ московскихъ ресторановъ съ картами и цыганами на лоно дикой кавказской природы. Таковы были для него севастопольскіе ужасы, смертная казнь въ Парижѣ, смерть любимаго брата и проч. Московская перепись и знакомство съ городской нищетой. И такого же характера было событіе, совершившееся 9 сентября 1892 года.

Я жилъ въ это время въ Бѣгичевкѣ, завѣдуя столовыми Льва Николаевича. Мы ждали его пріѣзда, для составленія отчета за прошлый годъ, и въ назначенный день, 9 сентября, онъ пріѣхалъ. Я встрѣтилъ его на крыльцѣ дома, когда онъ выходилъ изъ экипажа. Радостная улыбка встрѣчи остановилась на моихъ губахъ, когда я увидѣлъ взволнованное, разстроенное, мрачное лицо Л. Н—ча. Я понялъ, что что-нибудь случилось дорогой.

И только-что Л. Н—чъ взошелъ въ домъ, какъ, не садясь, съ волненіемъ и слезами въ голосѣ началъ разсказывать о томъ, что съ нимъ произошло.

Такъ какъ онъ самъ разсказалъ объ этомъ въ своей книгѣ, то мы и приводимъ этотъ разсказъ:

«На одной изъ желѣзнодорожныхъ станцій поѣздъ, на которомъ я ѣхалъ, съѣхался съ экстреннымъ поѣздомъ, везшимъ подъ предводительствомъ губернатора войска съ ружьями, боевыми патронами и розгами для истязанія и убійства этихъ самыхъ голодающихъ крестьянъ.

«Истязаніе людей розгами для приведенія въ исполненіе рѣшенія власти, несмотря на то, что тѣлесное наказаніе отмѣнено закономъ 30 лѣтъ тому назадъ, въ послѣднее время все чаще и чаще стало примѣняться въ Россіи.

«Я слыхалъ про это, читалъ даже въ газетахъ про страшныя истязанія, которыми какъ будто хвастался нижегородскій губернаторъ Барановъ, про истязанія, происходившія въ Черниговѣ, Тамбовѣ, Саратовѣ, Астрахани, Орлѣ, но ни разу мнѣ не приходилось, какъ теперь, видѣть людей въ процессѣ исполненія этихъ дѣлъ.

«И вотъ я увидалъ воочію русскихъ, добрыхъ и проникнутыхъ христіанскимъ духомъ людей съ ружьями и розгами, ѣдущихъ убивать и истязать своихъ голодныхъ братьевъ.

«Поводъ, по которому они ѣхали, былъ слѣдующій:

«Въ одномъ изъ имѣній богатаго землевладѣльца крестьяне вырастили на общемъ съ помѣщикомъ выгонѣ лѣсъ (вырастили, т.-е. оберегали во время его роста) и всегда пользовались имъ, и потому считали этотъ лѣсъ своимъ, или, по крайней мѣрѣ общимъ; владѣлецъ же, присвоивъ себѣ этотъ лѣсъ, началъ рубить его. Крестьяне подали жалобу. Судья первой ин-

станціи неправильно (я говорю неправильно со словъ прокурора и губернатора, людей, которые должны знать дѣло) рѣшилъ дѣло въ пользу помѣщика. Всѣ дальнѣйшія инстанціи, въ томъ числѣ и сенатъ, хотя и могли видѣть, что дѣло рѣшено неправильно, утвердили рѣшеніе, и лѣсъ присужденъ помѣщику. Помѣщикъ началъ рубить лѣсъ, но крестьяне, не могущіе вѣрить тому, чтобы такая очевидная несправедливость могла быть совершена надъ ними высшей властью, не покорились рѣшенію и прогнали присланныхъ рубить лѣсъ работниковъ, объявивъ, что лѣсъ принадлежитъ имъ и они дойдутъ до царя, но не дадутъ рубить лѣса.

«О дѣлѣ донесено въ Петербургъ, откуда было предписано губернатору привести рѣшеніе суда въ исполненіе. Губернаторъ потребовалъ войско. И вотъ солдаты, вооруженные ружьями со штыками, боевыми патронами, кромѣ того съ запасомъ розгъ, нарочно приготовленныхъ для этого случая и везомыхъ въ одномъ изъ вагоновъ, ѣдутъ приводить въ исполненіе это рѣшеніе высшей власти».

Это самое только съ прибавленіемъ личнаго непосредственнаго чувства только-что испытаннаго ужаснаго впечатлѣнія разсказалъ намъ Л. Н—чъ, пріѣхавъ въ Бѣгичевку. Этотъ случай заставилъ его снова переработать заключеніе своей книги и съ новой силой утвердить то положеніе, что благополучіе господствующаго класса зиждется на насиліи и страданіи угнетеннаго, рабочаго большинства. Выходъ изъ этого положенія въ признаніи истины. Только въ этомъ человѣкъ свободенъ. А разъ человѣкъ призналъ истину и созналъ свое уклоненіе отъ нея, тогда онъ становится тѣми дрожжами, которыя, хотя и въ маломъ количествѣ, но преобразуютъ всю массу тѣста въ совершенно иной видъ. Только этимъ признаніемъ истины устанавливается на землѣ Царствіе Божіе и внутри и внѣ человѣка.

Эта книга произвела сильное впечатлѣніе на всѣхъ, кто познакомился съ ней.

Выражая собою антигосударственную сторону ученія Христа, она вызвала большую тревогу въ административныхъ сферахъ. Печатать въ Россіи ее и не пытались. Ее стали переписывать и гектографировать. Въ это время вошли въ употребленіе пишущія машины, которыя облегчали какъ самую переписку, такъ и чтеніе рукописи.

И книга эта стала быстро распространяться, а по ея слѣдамъ шли жандармы съ обысками, нерѣдко кончавшимися арестами и ссылками хранителей и распространителей этой книги. Было сдѣлано строгое распоряженіе о непропускѣ заграничныхъ изданій этой книги какъ на русскомъ, такъ и на иностранныхъ языкахъ.

Такъ какъ въ этой книгѣ Л. Н—чъ касается современнаго государственнаго строя и относится къ нему весьма отрицательно, то именно эта книга и послужила первымъ поводомъ къ причисленію Л. Н—ча къ анархистамъ, что съ извѣстными оговорками должно признать справедливымъ. Но дѣло въ томъ, что анархизмъ Л. Н—ча, т.-е. отрицаніе насильственнаго устройства и власти основано на томъ положеніи, что человѣкъ, духовно возродившійся, усвоившій себѣ христіанское ученіе, носитъ въ себѣ самомъ ненарушимый божественный законъ любви и правды, который уже не нуждается въ подкрѣпленіи человѣческими законами. И потому анархизмъ Л. Н—ча ведетъ не къ безпорядку и распущенности, а къ высшему нравственному порядку и праведной жизни.

Преслѣдованія единомышленниковъ Л. Н—ча начались еще до появленія этой книги, какъ только взгляды Л. Н—ча стали проникать въ народъ. Это отчасти совпало съ голодными годами. Во-первыхъ, шумъ, поднятый «Московскими Вѣдомостями» вокругъ имени

Л. Н—ча, поводу выдержекъ изъ его статей о голодѣ, въ которыхъ «Московскія Вѣдомости» усмотрѣли призывъ къ бунту, заставилъ администрацію быть на сторожѣ. До Льва Николаевича дошли слухи изъ придворныхъ сферъ, что когда императоръ Александръ III велѣлъ прекратить дѣло о Львѣ Николаевичѣ словами: «Je ne veux pas ajouter à sa gloire la couronne d'un martyre»[1]), то Побѣдоносцевъ заявилъ, что такъ какъ государь не велѣлъ трогать самого Толстого, то мѣрой борьбы съ нимъ будетъ преслѣдованіе его единомышленниковъ и друзей.

И дѣйствительно эти преслѣдованія начались. Во время голодныхъ годовъ авторитетъ Л. Н—ча въ народѣ сильно возросъ, къ его словамъ стали прислушиваться сектанты и очень легко усвоивать его антицерковные и антигосударственные взгляды.

Несмотря на то, что изданія «Посредника» проходили строгую правительственную цензуру, уже однимъ отрицательнымъ своимъ качествомъ, игнорированіемъ церковнаго авторитета, они пріобрѣтали въ глазахъ сектантовъ значительное вліяніе, а своей проповѣдью любви и взаимопомощи, трезвости и трудолюбія, изложеніемъ древнегреческой мудрости, они пріобрѣли среди сектантовъ разныхъ толковъ значительный авторитетъ и въ нѣкоторыхъ уже установившихся сектахъ вызвали новое, раціоналистическое нравственно-общественное теченіе. Таково было движеніе младо-штундистовъ и духоборцевъ-постниковъ; къ этому послѣднему движенію мы еще вернемся, когда будемъ излагать событія, связанныя съ духоборческимъ движеніемъ.

Однимъ изъ центровъ младо-штундистскаго движенія была Харьковская губернія, преимущественно Сумской уѣздъ. Однимъ изъ дѣятелей этого движенія былъ князь Дмитрій Александровичъ Хилковъ.

---

[1]) Я не хочу прибавлять къ его славѣ мученическій вѣнецъ.

Воспитанникъ пажескаго корпуса, лейбъ-гусарскій, а потомъ казачій офицеръ, богатый помѣщикъ, онъ геройски участвовалъ въ русско-турецкой войнѣ, въ Закавказьѣ. Отчасти знакомство съ духоборцами, отчасти личное столкновеніе съ лицомъ смерти, заставило Хилкова задуматься надъ инымъ рѣшеніемъ нравственно-общественныхъ вопросовъ жизни; онъ оставилъ службу и поселился на своемъ хуторѣ Харьковской губерніи. Большое количество земли, доставшееся ему отъ матери, онъ передалъ безземельнымъ крестьянамъ, оставшись съ однимъ крестьянскимъ надѣломъ въ семь десятинъ, на которыхъ онъ хозяйничалъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Авторитетъ его среди мѣстныхъ крестьянъ былъ конечно необыкновенно великъ. Получивъ изъ-за границы сочиненіе Л. Н—ча «Въ чемъ моя вѣра?» на французскомъ языкѣ и увидавъ изъ этой книги сходство своихъ взглядовъ со Л. Н—чемъ Толстымъ, онъ сталъ дѣятельнымъ распространителемъ ихъ въ народѣ. Отпаденія отъ церкви стали учащаться вокругъ него и онъ былъ вскорѣ обвиненъ въ распространеніи штунды, т.-е. секты, признанной синодомъ особенно вредной.

Его сослали на Кавказъ и поселили сначала въ Башкичетѣ, Тифлисской губерніи. Тамъ онъ конечно тотчасъ же обратилъ на себя вниманіе мѣстныхъ сектантовъ духоборцевъ и молоканъ, и, обвиненный въ пропагандѣ среди нихъ толстовства, былъ передвинутъ въ глухой армяно-татарскій городъ Нуху, Елизаветпольской губерніи.

Ссылка Хилкова на Кавказъ изъ его имѣнія Харьковской губерніи состоялась въ январѣ 1892 года.

Конечно, администрація не ограничилась ссылкой одного Хилкова. Въ октябрѣ того же года Л. Н—чъ между прочимъ писалъ мнѣ:

«Получены письма отъ Мит. Алехина и Бодянскаго. Они оба были взяты и посажены въ тюрьму и по этапу

препровождены Митр. въ Полтаву, кажется, а Бодянскій еще сидитъ въ Бѣлгородѣ, кажется, и его ссылаютъ на 5 лѣтъ въ Закавказье. За что, я не знаю. Я отвѣчалъ имъ въ Полтаву».

Потомъ послѣдовали высылки Дудченко, Прокопенки и другихъ.

Конечно, этими передвиженіями людей, искренно преданныхъ своей идеѣ, немудрое правительство только сѣяло тѣ самыя идеи, съ которыми боролось и усиливало авторитетъ ихъ носителей. Таковъ непреложный законъ борьбы съ тѣмъ, что «отъ Бога», какъ говорилъ когда-то евангельскій Никодимъ.

И это разсѣиваніе правительствомъ новыхъ идей привело къ важнымъ событіямъ въ жизни русскаго народа.

ГЛАВА X

Окончаніе кормленія голодающихъ. «Посредникъ» въ Москвѣ

1893 г.

Въ 1893 году помощь голодающимъ продолжалась. Къ веснѣ у насъ было уже около 100 столовыхъ.

Л. Н—чъ пріѣзжалъ въ Бѣгичевку навѣстить насъ, работавшихъ тамъ, и конечно его пріѣздъ ободрялъ насъ и вливалъ новую энергію для продолженія этого, далеко не легкаго дѣла.

Въ первый разъ въ этомъ году онъ пріѣхалъ въ февралѣ. Онъ пріѣхалъ съ дочерьми, Татьяной и Марьей Львовной и былъ необыкновенно ясенъ и бодръ. Веселость его доходила до шалостей. Такъ въ одинъ вечеръ онъ сталъ прыгать въ общей комнатѣ, гдѣ собрались около него всѣ тогдашніе сотрудники. Вдругъ онъ, подойдя къ небольшому, круглому, старому столу, предложилъ на пари, кто можетъ прыгнуть съ мѣста

на столъ обѣими ногами и встать, удержавшись, на ноги. Кто-то изъ присутствовавшихъ молодыхъ людей принялъ пари. Левъ Николаевичъ рѣшилъ начать первый, подошелъ къ столу вплотную, присѣлъ, оттолкнулся и вспрыгнулъ на столъ. Но ножки у стола были уже вѣроятно гнилыя, не выдержали и подломились и Л. Н—чу не удалось встать, онъ вмѣстѣ со столомъ свалился на полъ. Его добродушный хохотъ, съ которымъ онъ поднялся, скоро успокоилъ бросившихся къ нему на помощь, и его веселье заразило всѣхъ. Л. Н—чъ только очень пожалѣлъ, что причинилъ убытокъ хозяевамъ и очень извинялся передъ ними.

Вотъ два отзыва изъ его писемъ къ Софьѣ Андреевнѣ, указывающихъ на его бодрое настроеніе и дающихъ нѣкоторое понятіе о его тогдашней дѣятельности:

«Отчетъ напишу здѣсь, и если успѣю, разсказъ, который я обѣщалъ въ сборникъ для переселенцевъ. Вчера написалъ много писемъ. Читалъ хорошую, и мнѣ интересную, русскую, о Руссо. Теперь читаю скверную повѣсть Потапенки. — Очень хочется хорошей погоды и дороги. Тогда скоро все объѣздимъ и вернемся.

«Петръ Васильичъ ночуетъ около меня и ночью храпитъ. А я, чтобы прекратить его храпъ — свищу. Нынче Марья Кириловна слышала свистъ, и вѣрно думала, что домовой. Живемъ мы все такъ же: обѣдаемъ въ часъ, ужинаемъ въ 8. Пища прекрасная[1]).

«Очень досадно, что нельзя помогать дровами, которыя ужасно нужны. Нынче напишу къ Писареву, прося его уступить намъ изъ его излишнихъ запасовъ. Къ Сопоцько пріѣхали два помощника. Къ Философовымъ пріѣхала ихъ помощница, кажется дѣловитая дѣ-

[1]) Письма графа Л. Н. Толстого къ женѣ 1862—1910 г. Подъ ред. А. Е. Грузинскаго. Стр. 442—443.

вица. Вчера пріѣхалъ Цингеръ, Иванъ, и предлагаетъ свои услуги. Мнѣ бы очень хотѣлось, чтобы онъ остался на весну (на мѣсто Поши), главное, потому, что онъ Раевскимъ свой человѣкъ, но боюсь, что онъ слишкомъ молодъ.

«Вчера читалъ «Прощеніе» — «Pater» Corрée, и Таня стала подбивать всѣхъ, сыграть это для крестьянъ, и они читали это вслухъ, разобравъ роли: Шарапова, ея пріятельница, Таня, Поша, Цингеръ. Но, кажется, ничего изъ этого не выйдетъ.

«Я встаю рано, въ 7, въ 8 пью кофе, и съ $^1/_2$9-го до 1, и болѣе — усердно работаю, потомъ обѣдаю, потомъ ѣду, куда нужно, возвращаюсь къ 6. Въ 8 ужинаемъ, часто дѣвочки затѣваютъ экстренный чай. Таня рисуетъ, читаемъ, пишемъ письма, бесѣдуемъ. Я чувствую себя очень хорошо»[1]).

Спектакль нашъ дѣйствительно не состоялся. Но мы рады были слышать отзывъ Л. Н—ча о произведеніи Копэ «Отче нашъ», въ прекрасномъ переводѣ Барыковой. Смыслъ ея — прощеніе врага. Л. Н—чъ очень цѣнилъ эту вещь.

Но сквозь эту веселость и бодрость Л. Н—ча въ немъ проглядывало часто сознаніе того ужаснаго положенія, въ которомъ находился окружающій его рабочій, крестьянскій людъ. Тяжелое сознаніе это часто проявлялось въ письмахъ Л. Н—ча къ друзьямъ. Такъ онъ писалъ изъ Бѣгичевки Н. Н. Ге, молодому, сыну художника: «Положеніе очень тяжелое въ народѣ, но какъ чахоточный, на котораго страшно взглянуть со стороны, самъ не видитъ своей изчахлости, такъ и народъ. То же я испытывалъ въ Севастополѣ на войнѣ. Все говорили: ужасы, ужасы. А пріѣхали, никакихъ ужасовъ нѣтъ, а живутъ люди, ходятъ, говорятъ, смѣются, ѣдятъ. Только и разницы, что ихъ

[1]) Тамъ же, стр. 444.

убиваютъ. То же и здѣсь. Только и разницы, что чаще мрутъ. А этого не видно».

Конечно онъ въ то же время поддерживалъ сношенія со своими многочисленными корреспондентами, ободряя и направляя ихъ жизнь своими совѣтами.

Было около него тогда много молодыхъ силъ, одушевленныхъ желаніемъ дѣятельности, и многія изъ нихъ оставались безъ приложенія. Вотъ одному изъ такихъ друзей, жаждавшихъ приложенія силъ, Л. Н—чъ писалъ между прочимъ слѣдующее:

«Вопросъ вашъ о томъ, какъ и куда лучше употребить свои силы былъ бы очень труденъ, если бы требовалось дать на него одно безошибочное рѣшеніе; но рѣшеній его можетъ быть столько же, сколько предположеній, и всѣ могутъ быть, и даже навѣрное будутъ ошибочны, какъ и все, что дѣлаютъ люди.

«Да! обрывать одну путу и затягивать другую, и такъ до гроба, и съ тѣмъ умереть. И скажу вамъ, что думаю, вполнѣ: — такова жизнь, — прекрасная, дарованная намъ однимъ жизнь. И такъ точно жили и живутъ всѣ лучшіе люди, и такъ жилъ Христосъ, и такъ завѣщалъ жить намъ.

«Прекрасна жизнь эта тѣмъ, что, во-первыхъ, обрывая одну путу, болѣе связывающую и болѣе крѣпкую, тѣмъ идешь впередъ къ освобожденію, — и въ этомъ радость.

«Но не въ этомъ все дѣло, и оглядываться на это не хорошо и не должно. Главное въ томъ, что за одно съ этимъ обрываніемъ путъ и медленнымъ задерживаніемъ движенія, чувствуешь, что этимъ самымъ, своимъ личнымъ умомъ дѣлаешь другое дѣло, — дѣло установленія Царства Божія на землѣ. И лучше такой жизни я ничего не желаю и не придумаю желать»[1]).

[1]) Полное собраніе сочиненній Л. Н. Толстого. Томъ XXII. Подъ ред. и съ примѣчаніями П. И. Бирюкова. Стр. 123.

Л. Н—чъ пробылъ въ Бѣгичевкѣ дней 10. Видно по письмамъ, что часто его намѣренію, поѣхать куда-нибудь для осмотра столовыхъ мѣшали метели, эту зиму необыкновенно сильныя. Были разсказы о замерзшихъ, занесенныхъ снѣгомъ. Эти метели и эти разсказы навели Л. Н—ча на мысль написать разсказъ «Хозяинъ и работникъ», который онъ и закончилъ въ слѣдующемъ году.

Онъ проѣхалъ на недѣлю въ Ясную и въ началѣ марта былъ уже въ Москвѣ.

Оттуда онъ пишетъ своему другу Черткову письмо, въ которомъ даетъ новое интересное резюме христіанства. Вотъ что онъ ему писалъ тогда:

«Въ кратчайшей формѣ смыслъ ученія Христа: «Жизнь моя — не моя — не можетъ имѣть цѣлью мое благо, а Того, Кто послалъ меня; и цѣль ея — исполненіе Его дѣла. И только черезъ исполненіе Его дѣла я могу получить благо.

«Вы это знаете; но для меня это такъ важно, такъ радостно, что я радъ всякому случаю повторять это» [1]).

Весь мартъ и апрѣль Л. Н—чъ прожилъ въ Москвѣ, занятый главнымъ образомъ окончаніемъ своей книги «Царство Божіе внутри васъ». Онъ такъ былъ погруженъ въ это дѣло, что за это время имѣется очень мало его писемъ. Онъ писалъ свою книгу съ такимъ увлеченіемъ и страстностью, что за это время запустилъ работу въ другихъ областяхъ своей жизни, особенно въ области семейныхъ обязанностей и въ области нравственной работы надъ самимъ собой. И вотъ, когда онъ отослалъ послѣдніе листы этой книги переводчикамъ, когда вмѣсто этого всепоглощающаго литературнаго труда осталось пустое мѣсто, сознаніе упущеній въ другихъ областяхъ его жизни предстало

[1]) Архивъ Черткова.

ему во всей своей силѣ и онъ ужаснулся. Этотъ ужасъ передъ тѣмъ, что онъ по своей жизни такъ далекъ отъ того идеала, который онъ такъ ярко освѣщаетъ въ своихъ произведеніяхъ, и мысль о томъ, что самое писаніе мѣшаетъ его движенію къ идеалу, Л. Н—чъ выражаетъ въ письмахъ того времени къ своимъ друзьямъ.

Въ маѣ Л. Н—чъ опять посѣтилъ Бѣгичевку. Вотъ какъ онъ мотивируетъ свое посѣщеніе въ письмѣ къ Черткову, наканунѣ отъѣзда:

«Вы знаете вѣроятно, что Миша и Лева уѣхали въ Самару. Мы же съ Таней ѣдемъ завтра, 21., въ Бѣгичевку, гдѣ пробудемъ около недѣли. Тамъ всѣ разъѣхались, а помощь продолжается, и я боюсь, что тамъ путаница. Надо быть тамъ и постараться довести до конца это мучительное и соблазнительное дѣло».

Меня и нѣкоторыхъ сотрудниковъ тогда дѣйствительно не было въ Бѣгичевкѣ. Я уѣхалъ оттуда на время отчасти по своимъ личнымъ дѣламъ, отчасти для того, чтобы проводить въ больницу заболѣвшую сыпнымъ тифомъ Павлу Николаевну Шарапову, впослѣдствіи ставшую моей женой, а тогда ухаживавшую за больными сыпнымъ тифомъ въ Бѣгичевкѣ. Во вторую голодную зиму эпидемія приняла угрожающіе размѣры. П. Н. Шарапова вскорѣ выздоровѣла и въ теченіе лѣта снова завѣдывала тифознымъ баракомъ.

Л. Н—чъ пробылъ въ Бѣгичевкѣ недолго и вернулся въ Ясную. Оттуда онъ пишетъ интересное письмо своему другу Евг. Ив. Попову, помогавшему ему въ перепискѣ его послѣдняго сочиненія. Въ письмѣ къ нему Л. Н—чъ высказываетъ свое отношеніе къ нелегальной пропагандѣ его произведеній, запрещенныхъ русской цензурой. Онъ высказываетъ это по поводу того, что нѣкій Д. Р. Кудрявцевъ издавалъ на свой счетъ гектографическимъ способомъ эти сочиненія и распространялъ безплатно между своими дру-

зьями. Узнавъ, что Л. Н—чъ окончилъ новое произведеніе, онъ тотчасъ же обратился къ нему, прося прислать ему копію для изданія. Отвѣтъ свой Л. Н—чъ изложилъ въ письмѣ къ Е. И. Попову въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«... Распечатываю письмо, чтобы дополнить отвѣтъ мой на вашъ вопросъ: можно ли передать статью Кудрявцеву? Я какъ будто уклоняюсь отъ прямого отвѣта, говоря, что я не имѣю ничего противъ распространенія этого писанія. Сущность моей мысли та, что я писалъ и пишу для того, чтобы сообщать мои мысли людямъ, и потому желаю наибольшаго распространенія ихъ, и потому никогда и никому не отказываю въ сообщеніи того, что мною написано (я даже не знаю, хорошо ли дѣлали мы, не сообщая всѣмъ желающимъ знать во время писанія), но желаю въ этомъ отношеніи поступать открыто, т.-е. читать, говорить, давать переписывать, печатать открыто въ русскихъ типографіяхъ, какъ я это сдѣлалъ съ «В. Ч. М. В.» (если я этого не дѣлаю теперь, то только потому, что это очевидно совершенно непроизводительная трата труда) и печатать за границей въ подлинникѣ и въ переводахъ, но не желаю ничего дѣлать скрывая, такъ, чтобы быть вынужденнымъ говорить неправду. Такъ что если бы меня допрашивали и я счелъ бы нужнымъ отвѣчать, чтобы я могъ сказать вполнѣ правду, именно то, что я писалъ для того, чтобы сообщать мои мысли людямъ и потому какъ никогда не скрывалъ своихъ мыслей въ разговорѣ, такъ не препятствовалъ и не препятствую распространенію ихъ въ спискахъ или въ книгахъ, а напротивъ содѣйствую этому, когда имѣю возможность. И считаю себя обязаннымъ такъ поступать и такъ всегда и буду поступать».

Въ тотъ же день онъ дѣлаетъ замѣчательную запись въ своемъ дневникѣ, которую мы и приводимъ въ извлеченіи наиболѣе значительныхъ мыслей:

«Говорятъ: существующее разумно. Напротивъ, все, что есть, то всегда не разумно. Разумно только то, чего нѣтъ, — что разсудители называютъ фантазіей.

«Если бы то, что есть, было бы разумно, не было бы жизни; и точно такъ же ея не было бы, если бы не было бы разумно то, чего нѣтъ (т.-е. идеала).

«Жизнь есть только вѣчное движеніе отъ неразумнаго къ разумному.

«Говорятъ: все существующее разумно.

«Неправда. Напротивъ: все существующее, если подъ существующимъ разумѣть видимый и осязаемый міръ, — не разумно.

«Если бы существующее было разумно, мы бы не признавали его существующимъ: мы бы не сознавали своей жизни, если бы не сознавали несоотвѣтствія ея съ идеаломъ разума и не работали для уничтоженія этого несоотвѣтствія. Мы и не сознавали жизни въ утробѣ матери, во снѣ, въ обморокѣ.

«Проявленіе сознанія, не совпадающее съ проявленіемъ жизни, есть признакъ постановленной намъ задачи для произведенія работы. Если каналъ прокопанъ, то не можетъ быть работы и работниковъ для прорытія канала. Если есть работники, т.-е. работающіе люди, то очевидно есть дѣло, которое нужно дѣлать. Точно такъ же, если есть жизнь, то-есть дѣло жизни, которое должно быть сдѣлано. И живущіе дѣлаютъ это дѣло. И если въ мірѣ есть дѣло, которое нужно дѣлать, то очевидно міръ несовершенъ, а есть представленіе о возможности его большаго совершенства.

«Можно сказать, что разумно копать колодезь или прудъ тамъ, гдѣ нѣтъ воды, или сажать лѣсъ, или убирать нечистоты, или удобрять поле, или учить дѣтей и т. п., но нельзя сказать, что разумно жить безъ воды, безъ лѣса, среди нечистоты и невѣже-

ственныхъ дѣтей. Точно такъ же можно сказать, что разумно совершенствовать себя и міръ, но нельзя сказать, что мы и міръ разумны.

«Человѣкъ вноситъ разумность въ міръ природы, уничтожая неразумную борьбу и трату. Но дѣятельность эта внѣ себя, далекая, только отраженная. Человѣкъ только разсудкомъ видитъ это неразуміе.

«Неразуміе же своей жизни онъ не только видитъ разсудкомъ, но чувствуетъ сердцемъ, какъ противное любви, и всѣмъ существомъ. И въ этомъ приведеніи неразумнаго въ своей жизни къ разумному состоитъ его жизнь.

«Очень важно тутъ то, что неразуміе въ природѣ познается разсудкомъ, неразуміе въ самой жизни человѣческой сердцемъ (любовью) и разсудкомъ.

«Жизнь человѣка въ томъ, чтобы приводить неразумное въ своей жизни къ разумному. И потому для этого нужны два дѣла:

«1) видѣть во всемъ ея значеніи неразумность жизни и не отвращать отъ нея вниманія;

«2) сознавать во всей чистотѣ разумность возможной жизни.

«Сознавая всю неразумность и всегда вытекающую отъ нея бѣдственность жизни, человѣкъ невольно отвращается отъ нея; и съ другой стороны, ясно сознавая разумность возможной жизни, человѣкъ невольно стремится къ ней. Не скрывать поэтому зла неразумія и выставлять во всей ясности блага разумной жизни должно бы составлять задачу всѣхъ учителей человѣчества.

«Но тутъ-то на сѣдалище Моисеево всегда садятся тѣ, которые не идутъ къ свѣту, потому что дѣла ихъ злы; и потому всегда люди, выставляющіе себя учителями, не только не стараются уяснить неразуміе жизни и разумность идеала, а напротивъ скрыва-

ютъ неразуміе жизни и подрываютъ довѣріе къ разумности идеала».

Іюнь мѣсяцъ Л. Н—чъ спокойно проводилъ въ Ясной, за писаніемъ статьи о Золя и Дюма. Онъ сообщаетъ объ этомъ художнику Н. Н. Ге:

«Я. кончилъ свое, теперь бросаюсь то на то, то на другое: статью объ искусствѣ не кончилъ и еще написалъ статью о письмахъ Золя и Дюма, о современномъ настроеніи умовъ. Мнѣ показалось очень интересно: глупость Золя и пророческій художественный поэтическій голосъ Дюма. Пошлю въ «Сѣверный Вѣстникъ» и въ парижскій журналъ Жюля Симона «Revue de famille».

Вѣроятно въ связи съ этой статьей у Л. Н—ча появляются интересныя записи въ дневникѣ. Вотъ одна изъ нихъ:

«5 іюня. Только христіанинъ ставитъ свою жизнь въ познаніи и исполненіи истины, и потому только одинъ христіанинъ свободенъ, потому что ничто не можетъ помѣшать исповѣданію истины».

Но самая замѣчательная запись этого времени сдѣлана имъ 24 іюня. Эта запись была, съ разрѣшенія Л. Н—ча, переписана Чертковымъ и издана имъ въ видѣ статьи, озаглавленной имъ «Требованія любви». Я нахожу это заглавіе не совсѣмъ точнымъ. Я бы назвалъ такъ: «Безпредѣльность любви». Запись эта выражаетъ именно эту мысль. Л. Н—чъ предполагаетъ, что: мужчина и женщина, мужъ и жена, братъ и сестра и т. д. переселились изъ города въ деревню, сбросивъ съ себя всѣ городскія привилегіи и съ самыми скромными средствами, ими самими зарабатываемыми, рѣшили помогать окружающимъ людямъ всѣмъ,

чѣмъ можно, признавъ въ нихъ своихъ братьевъ и сестеръ. Втягиваясь въ эту помощь, они, не видя предѣла жертвы, сами становятся этой жертвой и имъ предстоитъ гибель отъ нужды, нечистоты, заразы, которыхъ они не въ силахъ были отогнать отъ себя. Пойти на эту жизнь ихъ побудила искренняя любовь къ людямъ-братьямъ. И вотъ эта любовь приводитъ ихъ къ погибели. Такіе случаи нерѣдки. И многіе люди пугаются этого и идутъ назадъ, замѣняя дѣятельную любовь любовью разсудочной, дѣятельностью просвѣщенія, борьбой съ насиліемъ, производящимъ неравенство и иногда до того удаляются отъ первоначально избраннаго пути, что нарушаютъ самый принципъ любви и съ насиліемъ начинаютъ бороться тоже насиліемъ, замѣняя такимъ образомъ одно зло другимъ ему подобнымъ. Имѣя въ виду просвѣщеніе, они сѣютъ тьму. На самомъ дѣлѣ дѣятельность любви не такъ страшна и если на пути ея встрѣчается смерть, то не чаще, чѣмъ на всякомъ иномъ пути человѣка, подверженнаго всевозможнымъ внѣшнимъ вліяніямъ. Но дѣятельность любви можетъ быть только тогда плодотворна, когда она безстрашна.

«Только та любовь — любовь, для которой нѣтъ конца жертвамъ до самой смерти», такъ заключаетъ Л. Н—чъ свою запись.

Въ началѣ іюля Л. Н—чъ снова пріѣзжаетъ въ Бѣгичевку, на этотъ разъ уже для окончательной ликвидаціи дѣла. Урожай ожидался средній, была надежда на поправку крестьянскаго хозяйства, на заработки. Съ другой стороны истощались послѣднія средства и притока ихъ болѣе не предвидѣлось.

Пріѣхалъ Л. Н—чъ 11 іюля въ Бѣгичевку вечеромъ. Со слѣдующаго же дня онъ начинаетъ объѣздъ всѣхъ столовыхъ, распредѣляя оставшіяся средства.

Пробывъ въ Бѣгичевкѣ дней 8, онъ пишетъ Софьѣ Андреевнѣ:

«Вотъ и прошли наши десять дней. Остается 2 дня; и я не видалъ, какъ прошли: утромъ пишу, поправляю по-русски и по-французски статью о Золя и Дюма, а вечеромъ ѣзжу. Вчера только не успѣлъ, помѣшали гости. Самаринъ снималъ фотографіи, а я прочелъ ему статью. Потомъ пріѣхали: Писарева, Долгорукова Лидія и Бобринская. Я поѣхалъ, было, на Осиновую гору, это 13 верстъ, но не доѣхалъ, вернулся. Нынче тоже. Очень жарко; я даже не купаюсь, а то приливъ къ головѣ. Вечеромъ ѣздилъ верхомъ на Осиновую гору и Прудки Осинъ. Вездѣ нужно и для народа, насилу доживающаго до нови, и для жалкихъ заморышей-дѣтей. Денегъ казалось много, а не только всѣ размѣстятся — чуть достанетъ» [1]).

Статья о Золя и Дюма, о которой мы уже упомянули и которую онъ назвалъ «Недѣланіе», была замѣчательна тѣмъ, что Л. Н—чъ писалъ ее сразу на двухъ языкахъ, по-русски и по-французски.

Статья «Недѣланіе» написана была по поводу рѣчи Золя, проповѣдывавшаго «трудъ», не давая смысла жизни и цѣли труда, и письма Дюма, въ которомъ онъ утверждаетъ о необходимости религіознаго сознанія братства и любви между всѣми людьми. Въ этой статьѣ Л. Н—чъ указываетъ на то, что трудъ не можетъ быть цѣлью, что онъ есть только неизбѣжное условіе жизни. Если же человѣкъ не знаетъ истиннаго смысла жизни, не знаетъ, куда ему идти и что дѣлать, то ему лучше, находясь въ «недѣланіи», обдумать свою жизнь, отыскать смыслъ ея, и тогда всякій трудъ его будетъ производителенъ и святъ.

Въ это же время Л. Н—чъ обдумывалъ новое ху-

---

[1]) Письма графа Л. Н. Толстого къ женѣ 1862—1910 г. Подъ редакціей А. Е. Грузинскаго. Стр. 449—450.

дожественное произведеніе. Въ началѣ іюля онъ пишетъ Черткову:

«Писать ни за что не взялся. Въ статьѣ объ искусствѣ попсалъ и запутался. И теперь въ мысляхъ больше занятія художественныя, именно: «Кто правъ?» Дѣти богатыхъ среди голодающихъ. Очень мнѣ нравится. Но не пишу. Третій день кошу и съ большимъ удовольствіемъ».

Въ свой послѣдній пріѣздъ въ Бѣгичевку Л. Н—чъ много интереснаго записалъ въ своемъ дневникѣ. Приводимъ здѣсь наиболѣе значительное:

«8 іюля. Если бы кто сомнѣвался въ нераздѣлимости мудрости и самоотреченія, тотъ пусть посмотритъ, какъ на другомъ концѣ сходятся глупость и эгоизмъ.

«19 іюля. Есть двѣ улыбки: одна радости, это хорошая; другая насмѣшливости а) надъ другими, б) надъ собой, почти стыда: обѣ дурныя».

«Есть четыре (кажется 4), разныя міросозерцанія.

«1) То, что человѣкъ приходитъ въ міръ, какъ бы человѣкъ пришелъ на заводъ, въ которомъ онъ, не обращая вниманія, что и зачѣмъ дѣлается на заводѣ, останавливая, портя и ломая все, устроенное на заводѣ, устраиваетъ себѣ наипріятнѣйшую жизнь на этомъ заводѣ.

«Это дѣлаютъ всегда всѣ дѣти и наивные, эгоистичные люди. Такихъ людей много: они ищутъ счастья въ ущербъ заводу, и переломавъ и перепортивъ многое, очень скоро видятъ, что счастья нѣтъ. Это самые обыкновенные люди, и почти всѣ люди проходятъ черезъ это міросозерцаніе.

«2) То, что человѣкъ начинаетъ видѣть, что заводъ есть заводъ, на которомъ нѣчто опредѣленное дѣлается, — что все на этомъ заводѣ хорошо устроено,

но только ему на заводѣ нѣтъ мѣста. Блестящія колеса вертятся, ремни ходятъ, что-то лѣзетъ, соединяется. Но все это только мѣшаетъ ему. И онъ начинаетъ думать, что, если хозяинъ, который его сюда послалъ, такъ хорошо все устроилъ и не далъ ему тутъ мѣста (какъ ему кажется), то вѣроятно это сдѣлано потому, что его назначеніе въ другомъ мѣстѣ и въ другомъ учрежденіи.

«Это люди, признающіе здѣшнюю жизнь приготовленіемъ, испытаніемъ для другой жизни, или испорченною жизнью паденіемъ, грѣхомъ, какъ это понимаютъ церковные люди. — Все тутъ хорошо. «И равнодушная природа красою вѣчною сіять»; но назначеніе человѣка не здѣсь, а тамъ, въ «au-delà».

«3) Міросозерцаніе то, по которому люди, видя эту неустанную работу, и не нужную для нихъ, не дающую имъ счастья, признаютъ эту жизнь всю зломъ и считаютъ самымъ разумнымъ и желательнымъ для себя дѣломъ освобожденіе отъ нея, уничтоженіе своей всякой жизни (пессимизмъ, буддизмъ).

«4) То, при которомъ человѣкъ, увидавъ себя въ серединѣ этой творящейся со всѣхъ сторонъ работы, понимаетъ, что, если всѣ и все работаютъ, то и онъ долженъ принимать въ ней участіе и найти себѣ свое мѣсто для работы.

«И стоитъ человѣку понять это, какъ тотчасъ же ему станетъ ясно, что и какъ ему дѣлать. И начавъ это дѣлать, онъ достигнетъ и того, чего искали первые, т.-е. наибольшаго личнаго счастья, и то, что счастье это не тамъ, «au-delà», какъ думаютъ вторые, а здѣсь, въ исполненіи предназначеннаго дѣла. И увидитъ, что жизнь не есть зло, какъ это думаютъ третьи, а благо не только личное, т.-е. ограниченное пространствомъ и временемъ, какъ то, котораго ищутъ первые, а благо безконечное и вѣчное. И это благо онъ будетъ чувствовать больше или меньше, смотря

по тому, что онъ будетъ дѣлать хозяйское неохотно, какъ рабъ, или охотно, какъ участникъ дѣла хозяина».

Въ августѣ Л. Н—чъ получилъ письмо отъ своего друга Н. Н. Страхова, лѣчившагося за границей, въ Эмсѣ. Къ сожалѣнію, у насъ нѣтъ письма Л. Н—ча, на которое оно служитъ отвѣтомъ, но по этому отвѣтному письму можно себѣ представить, въ какомъ настроеніи написано то, и потому мы выписываемъ ту часть письма, которая относится прямо ко Л. Н—чу:

«Ваше письмо, безцѣнный Левъ Николаевичъ, полученное мною въ Эмсѣ, не даетъ мнѣ покою. Безпрестанно о немъ думаю (тутъ что же дѣлать, какъ не думать?) и много разъ собирался отвѣчать, вчера затѣялъ длинное письмо, началъ и бросилъ: слишкомъ высокій тонъ, на который я, кажется, не имѣю права. Меня поразило то, что Вы въ дурномъ духѣ, какъ Вы пишете. Человѣкъ, на котораго обращено столько любви, со всѣхъ сторонъ! Почему Вы называете Ваше дѣло въ Бѣгичевкѣ глупымъ? Почему Вы не вѣрите дѣйствію Вашей книги? Я вѣрю, что она будетъ имѣть большое дѣйствіе. Рано или поздно люди перестанутъ считать честью приготовленіе къ убійству. Государство старалось облагородить военную службу; оно обратило ее въ гражданскую обязанность, которую всѣ должны нести одинаково. Этого не должно быть и не будетъ!

«Но у меня толпится слишкомъ много мыслей, которыя всѣ хотѣлось бы Вамъ высказать. И объ Розановѣ, и объ славянофилахъ, и объ наукахъ и искусствахъ, — обо всемъ хотѣлось бы поговорить. Въ Вашихъ мысляхъ всегда для меня есть поученіе, и особенно, когда онѣ идутъ противъ моихъ мыслей. Въ Эмсѣ я много занимался Вами. Тамъ я купилъ и даже переплелъ двѣ Вашихъ книжки: «Крейцерову сонату»

и «Критику догматическаго Богословія». Я ихъ читалъ и перечитывалъ; въ Критикѣ, которую я едва помнилъ, я нашелъ удивительныя вещи. Во-первыхъ, я понялъ направленіе, — истинно философскія требованія, обращенныя къ Макарію, жалкому и типическому представителю нашей богословской премудрости. Во-вторыхъ, есть отдѣльныя мѣста и выраженія — несравненныя. Одно изъ нихъ прямо изъ моего сердца: «Я залѣзъ», пишете Вы, «въ какое-то смрадное болото, вызывающее во мнѣ только тѣ самыя чувства, которыхъ я боюсь болѣе всего: отвращенія, злобы и негодованія» (стр. 103). Какъ сильно и ясно сказано! Да, я истинно боюсь этихъ чувствъ, и потому, какъ Вашъ Платонъ Каратаевъ, стараюсь вездѣ отыскивать благообразіе; я стараюсь всѣми силами найти хоть каплю благообразія въ томъ, что около меня дѣлается и существуетъ. Стараюсь понять, простить, а главное — стараюсь не пропустить того добра, которое смѣшано со зломъ» [1]).

Запись дневника того времени даетъ намъ чудную картину осени:

«14 августа. Голубая дымка, роса, какъ пролита (?) на травѣ, на кустахъ и деревьяхъ на сажень высоты. Яблони развисли отъ тяжести. Изъ шалаша пахучій дымокъ свѣжаго хвороста. А тамъ въ яркожелтомъ полѣ уже высыхаетъ роса на желтой овсяной жатвѣ, и работа — вяжутъ, возятъ, косятъ, и на лиловой полоскѣ пашутъ. Вездѣ по дорогамъ и на сукахъ деревьевъ зацѣпившіеся, выдернутые, сломанные колосья. Въ росистомъ цвѣтникѣ пестрыя дѣ-

---

[1]) Толстовскій музей. Томъ II. Переписка Л. Н. Толстого съ Н. Н. Страховымъ. 1870—1894. Стр. 446.

вочки, тихо напѣвая, полятъ. Лакеи хлопочатъ въ фартукахъ. Комнатная собака грѣется на солнцѣ.

«Господа еще не вставали».

Около того же времени Л. Н—чъ получилъ отъ нѣмецкаго философа Гижицкаго, редактора журнала «Ethische Kultur» запросъ, на который Л. Н—чъ отвѣтилъ статьей «О религіи и нравственности». Въ началѣ сентября онъ пишетъ женѣ Черткова:

«Началъ было я отвѣчать на письмо редактора и члена общества нѣмецкаго этической культуры на присланные мнѣ и очень хорошо поставленные вопросы: 1) что есть религія? и 2) возможна ли нравственность, независимая отъ религіи, какъ я понимаю ее? И отвѣтъ мнѣ казался важенъ и ясенъ; но не могу писать».

Въ этомъ же письмѣ Л. Н—чъ сообщаетъ женѣ Черткова, что онъ занятъ обычной осенней работой, пилкой дровъ. Весь сентябрь и октябрь Л. Н—чъ прожилъ въ Ясной Полянѣ и былъ занятъ статьей «О религіи и нравственности» и статьей о Тулонскихъ празднествахъ по поводу заключенія франко-русскаго союза. Писалъ много писемъ и 11 ноября переѣхалъ въ Москву.

Изъ переписки его за это время чрезвычайно интересенъ обмѣнъ нѣсколькими письмами со Страховымъ по поводу отзыва извѣстнаго нѣмецкаго историка философіи, Куно-Фишера, о Л. Н—чѣ.

Вотъ письмо Страхова:

«... Пишу Вамъ по поводу замѣчательныхъ отзывовъ объ Васъ Куно Фишера въ его новой книгѣ: Arthur Schopenhauer. Посудите сами, что онъ пишетъ:

«Стр. 110. Es ist eine sehr bemerkenswerte Tatsache, daß zwei anerkannte und unwiderrufliche Größen aus dem letzten Drittel unseres Jahrhunderts die Sache Schopenhauers zu der ihrigen gemacht und unter dem Bann seiner Werke gestanden haben: der berühmteste Musiker des Zeitalters (дѣло идетъ о Рихардѣ Вагнерѣ) und der berühmteste Schriftsteller Rußlands, der durch seine religiöse Gesinnung und Handlungsweise noch interessanter und merkwürdiger ist, als durch seine Dichtungen. Graf Leo Tolstoi, nach der Vollendung seiner militärischen und in Anfängen seiner literarischen Laufbahn, schrieb an seinen Freund Fet-Schenschin, den nachmaligen Übersetzer des Philosophen: ‚Ein unwandelbares Entzücken an Schopenhauer und eine Reihe geistiger Genüsse durch ihn haben mich erfaßt, wie ich sie nie bisher empfunden. Ich weiß nicht, ob ich die Meinung je ändern werde, aber gegenwärtig finde ich, daß Schopenhauer der genialste der Menschen ist. Es ist eine ganze Welt in einem unglaublich kleinen und schönen Spiegelgebilde.‘ Noch im Jahre 1890 sei Schopenhauers Bildnis das einzige Porträt in seinem Studierzimmer gewesen[1]).

---

[1]) «Vgl. Grisebach IV, Seite 212. Anmerk.» — Это ссылка на новое образцовое изданіе сочиненій Шопенгауэра. Русскій текстъ: «Замѣчательно, что два извѣстные и непререкаемо великіе, послѣдней трети нашего столѣтія, приняли къ сердцу дѣло Шопенгауэра и изъ-подъ проклятія возвысили его творенія: это были: знаменитый музыкантъ нашего времени Рихардъ Вагнеръ и знаменитѣйшій русскій писатель, который въ своемъ религіозномъ характерѣ и дѣятельности еще интереснѣе и удивительнѣе, чѣмъ въ своихъ художественныхъ произведеніяхъ. Графъ Левъ Толстой, покончивъ со своей военной карьерой и въ началѣ своей литературной дѣятельности, писалъ своему другу Фету, переводчику нашего философа: «Неперестающій восторгъ предъ Шопенгауэромъ и рядъ духовныхъ наслажденій, которыхъ я никогда не испы-

«Но еще важнѣе слѣдующее мѣсто:

«Стр. 123. (Показавши, что Шопенгауэръ ничуть не исполняетъ тѣхъ ученій, которыя самъ проповѣдывалъ, Куно Фишеръ говоритъ): „Moral predigen ist leicht. Moral begründen ist schwer. Weit schwerer als beides ist, sie verkörpern! Daher sind die echten Werke der Religion, insbesondere Religionsstiftungen so selten, daß selbst die Werke des Genies dagegen häufig sind. Ohne seine Heilslehre in dem eigenen Leben und Leibe zu personifizieren und dadurch in der anschaulichsten Form zu offenbaren, ist alle Moral und Religion, die man lehrt, mag man sie nun predigen oder begründen, doch am Ende nur ‚Wortkram'. Dies ist es, was heutzutage einen Mann, wie Leo Tolstoi, vermocht hat, aus der pessimistischen Heilslehre sich zum wirklichen Heiland zu flüchten und zu tun, was die Bergpredigt fordert»[1]).

«Тутъ меня восхищаетъ и Ваша слава (К. Фишеръ — классическій и очень обдуманный писатель), и то вѣрное направленіе, которое она получила. Вы поставлены образцомъ, и Вы дѣйствительно образецъ пра-

---

тывалъ. Не знаю, перемѣню ли я когда мнѣніе, но теперь я увѣренъ, что Шопенгауэръ — геніальнѣйшій изъ людей. Это весъ миръ въ невѣроятно ясномъ и красивомъ отраженіи». Еще въ 1890 году портретъ Шопенгауэра былъ единственнымъ портретомъ, висѣвшимъ въ его рабочемъ кабинетѣ».

[1]) Проповѣдывать мораль — легко. Обосновать ее трудно. Но еще гораздо труднѣе ее воплотить. Оттого-то такъ рѣдки истинно религіозныя сочиненія, особенно сочиненія по установленію религіи, даже сочиненія геніевъ въ этой области не часты. Всякая мораль и религія, которой учатъ, будь то проповѣдь или обоснованіе, безъ олицетворенія ея въ своей жизни и своемъ тѣлѣ, чтобы показать ее людямъ въ ясномъ образѣ, въ концѣ концовъ обращается въ пустословіе. И вотъ это то самое нынѣ живущій человѣкъ Левъ Толстой осуществилъ. Отъ пессимистическаго ученія онъ пришелъ къ истинному Спасителю и сталъ поступать такъ, какъ того требуетъ нагорная проповѣдь».

вильнаго отношенія къ нравственности и религіи. Что всего удивительнѣе — Куно Фишеръ, чтобы объяснить противорѣчіе жизни и ученія Шопенгауэра, подробно излагаетъ мысль, что это былъ человѣкъ съ художественною натурой, имѣвшій въ себѣ много актерскаго. Странно, что К. Ф. не вспомнилъ, что Вы тоже великій мастеръ въ художествѣ, и что, слѣдовательно, его объясненіе никуда не годится. У нѣмцевъ сплошь и рядомъ встрѣчается, что по мыслямъ человѣкъ очень возвышенъ, а по (натурѣ) жизни — жалкій филистеръ. У русскихъ это не такъ, что Вы и доказываете собою.

«Ну, извините меня. Я знаю, что Вы не очень любите такія извѣстія. Я вспоминаю, какъ разъ я привезъ Вамъ цѣлую пачку вырѣзокъ изъ газетъ, гдѣ упоминалось и прославлялось Ваше имя, а Вы, не читавши, бросили всю пачку въ огонь. Между тѣмъ Шопенгауэръ до послѣдняго дня жизни съ жадностью читалъ все, что о немъ писалось, и все плакался, что пріятели не все ему присылаютъ, гдѣ упоминается его имя. Куно Фишеръ по этому случаю говоритъ: «Die Ruhmbegierde, soll Plato gesagt haben, ist das letzte Kleid, das man ablegt. Dieses Kleid hat Schopenhauer nie abgelegt, in und mit ihm ist er gestorben» (стр. 119) [1]).

«Разумѣется, слова К. Ф—а объ Васъ требуютъ разныхъ поправокъ, но я смотрю на главное. Да можетъ быть и съ этими извѣстіями я тоже запоздалъ?

«Есть у меня еще просьба къ Вамъ. Не пришлете ли мнѣ Вашего Отчета, какъ онъ напечатанъ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ»? Странно раздался Вашъ голосъ о страданіяхъ и горѣ и о любви къ ближнему,

---

[1]) «Желаніе славы, сказалъ Платонъ, это послѣдняя одежда, которую скидаетъ человѣкъ. Эту одежду Шопенгауэръ не снялъ, въ ней и съ нею онъ умеръ».

когда всѣ ликовали о пріемѣ нашихъ моряковъ во Франціи. Меня очень тронуло десять Вашихъ строкъ, перепечатанныхъ изъ Отчета; вѣроятно онѣ тронули и многихъ другихъ. Ваша книга «Царствіе Божіе» встрѣчена тихо, но очень враждебно, какъ и слѣдовало ожидать. Цензура объявила, что это самая вредная книга изъ всѣхъ, которыя ей когда-нибудь пришлось запрещать. О, Вы дѣлаете чудеса, безцѣнный Левъ Николаевичъ! Вы будите спящій духъ, Вы одинъ говорите живыя слова и они неотразимо дѣйствуютъ. По поводу «Недѣланія» всѣ встрепенулись и отозвались. На половину отзывы мнѣ понравились, — не содержаніемъ, а своимъ очень почтительнымъ тономъ; этотъ тонъ все еще непривычная новость.

«Самъ я продолжаю быть здоровымъ и теперь какъ-то растормошился, или оживился. Пишу усердно объ «Исторіи философіи» и готовлюсь писать объ Шопенгауэрѣ. (Видите — я Васъ слушаюсь?) Дай Богъ Вамъ здоровья и силъ, и свѣтлаго духа!»[1]).

Л. Н—чъ отвѣчалъ ему такъ:

«Благодарю Васъ за Ваши всегдашнія добрыя чувства ко мнѣ, дорогой Николай Николаевичъ. Разумѣется, это мнѣ пріятно, но вредно, и я знаю, какъ вредно. Вѣрно говоритъ Куно Фишеръ, что это послѣднее снимаемое платье. Ужасно трудно его снять. А тяготитъ оно ужасно. Страшно мѣшаетъ свободнымъ духовнымъ движеніямъ, свободному служенію Богу. Какъ разъ вмѣстѣ съ Вашимъ письмомъ, я получилъ отъ Стасова съ его обычными преувеличеніями описаніе юбилея Григоровича, на которомъ будто бы чтеніе моего къ нему письма произвело какой-то особенный эффектъ. И каюсь, даже это его письмо совсѣмъ разслабило меня. Хорошо то, что тутъ же

---

[1]) Толстовскій музей. Томъ II. Переписка Л. Н. Толстого съ Н. Н. Страховымъ. 1870—1894. Стр. 451—453.

третье письмо было анонимное, наполненное самыми жестокими обличеніями моего фарисейства и т. п.

«Сегодня читалъ описаніе брата Чайковскаго о болѣзни и смерти его знаменитаго брата. Вотъ это чтеніе полезно намъ: страданія, жестокія физическія страданія, страхъ: «не смерть ли?» сомнѣнія, надежды, внутреннее убѣжденіе, что она и все-таки и при этомъ неперестающія страданія и истощеніе, притупленіе чувствующей способности и почти примиренье и забытье, и передъ самымъ концомъ какое-то внутреннее видѣніе, уясненіе всего «такъ вотъ что» и... конецъ. Вотъ это для насъ нужное, хорошее чтеніе. Не то чтобы только объ этомъ думать и не жить, а жить и работать, но постоянно однимъ глазомъ видя и помня ее, поощрительницу всего твердаго, истиннаго и добраго.

«Мы живемъ въ Ясной одни съ Машей и мнѣ такъ хорошо, такъ тихо, такъ радостно скучно, что не хотѣлось бы измѣнять, а вѣроятно скоро поѣду въ Москву. Я написалъ отвѣтъ нѣмцу на вопросы о религіи и нравственности и постоянно думалъ о Васъ, желая прочесть Вамъ и спросить Вашего мнѣнія».

Получивъ это письмо, Страховъ писалъ между прочимъ Л. Н—чу:

«Ваши слова о славѣ и смерти очень меня тронули, и, кажется, я вполнѣ ихъ понимаю. Ваша слава всегда меня восхищаетъ, какъ побѣда тѣхъ началъ, которыя считаю лучшими и высшими. На юбилеѣ Григоровича чтеніе Вашего письма дѣйствительно было одною живою минутою восторга среди всякихъ формальныхъ и искусственныхъ чествованій».

Письмо Л. Н—ча, на юбилеѣ Григоровича по словамъ Вл. Вас. Стасова произведшее необыкновенно сильное впечатлѣніе, таково:

«Отъ всей души поздравляю Васъ, дорогой Дмитрій Васильевичъ, — вы мнѣ дороги и по воспоминаніямъ почти сорокалѣтнихъ дружескихъ сношеній, на

которыя за все это время ничто не бросило ни малѣйшей тѣни, и въ особенности по тѣмъ незабвеннымъ впечатлѣніямъ, которыя произвели на меня вмѣстѣ съ «Записками охотника» Тургенева ваши первыя повѣсти.

«Помню умиленіе и восторгъ, произведенные на меня, шестнадцатилѣтняго мальчика, не смѣвшаго вѣрить себѣ, «Антономъ Горемыкой», бывшимъ для меня радостнымъ открытіемъ того, что русскаго мужика, нашего кормильца и — хочется сказать — учителя, можно и должно описывать, не глумясь и не для оживленія пейзажа, а можно и должно писать во весь ростъ, не только съ любовью, но съ уваженіемъ и даже трепетомъ.

«Вотъ за это-то благотворное на меня вліяніе вашихъ сочиненій вы особенно дороги мнѣ, и — черезъ сорокъ лѣтъ — отъ всего сердца благодарю васъ за него.

«Отъ всей души желаю вамъ того, что всегда нужно всѣмъ, но что намъ, старикамъ, нужнѣе всего въ мірѣ: побольше любви отъ людей и къ людямъ, безъ которой еще кое-какъ можно обойтись въ молодости, но безъ которой жизнь въ старости — одно мученіе.

«Надѣюсь, что празднованіе вашего юбилея будетъ содѣйствовать исполненію моего желанія. Искренно васъ любящій Левъ Толстой»[1]).

Въ это же время у Л. Н—ча завязываются интересныя сношенія съ американскими сектантами — шекерами. Л. Н—чъ въ письмѣ къ И. Б. Фейнерману такъ характеризуетъ этихъ людей:

«Радостны очень все болѣе и болѣе завязывавшіяся отношенія мои съ шекерами. Сегодня буду отвѣчать 82-лѣтнему старцу Ивенсу, который на дняхъ при-

[1]) Полное собраніе сочиненій Л. Н. Толстого. Подъ редакціей и съ примѣчаніями П. И. Бирюкова. Т. XXII. Стр. 129—130.

слалъ мнѣ свою автобіографію и другія сочиненія. Если бы не спиритизмъ и духовидство, это было бы наивысшее проявившееся осуществленіе ученія Христа. 1) Непротивленіе насиліемъ; 2) Отсутствіе частной собственности; 3) Отрицаніе священства; 4) Равенство половъ; 5) Стремленіе къ чистотѣ въ половомъ отношеніи.

«На вопросъ мой, какъ они удерживаютъ отъ внѣшнихъ свою общую собственность, онъ отвѣчалъ, что они въ этомъ отношеніи далеки отъ идеала; но стараются какъ можно близко быть къ нему. Я непремѣнно переведу нѣкоторыя изъ его писаній. Они смѣшаны съ суевѣріемъ спиритизма, но самаго высокаго духа» [1]).

Изъ Америки же онъ узнаетъ о новомъ интересномъ движеніи и пишетъ объ этомъ Черткову:

«На дняхъ я получилъ книгу Stochham: «Koradine Letters». Это мысли о назначеніи женщины и духовномъ лѣченіи, и въ книгѣ есть supplement, которое мнѣ очень понравилось, «Creative Life». Мысль этой брошюры, обращенной къ женщинамъ, къ дѣвушкамъ, — но она такъ же относится и къ мужчинамъ, — та, что въ извѣстный періодъ въ человѣкѣ проявляется какъ бы сверхъ обыкновенная энергія. Она называетъ это «creative power», — творческая сила, и человѣкъ стремится приложить ее. Половое приложеніе низшее. Человѣкъ, почувствовавъ эту силу, долженъ знать, что ему нужно, и онъ можетъ творить, и долженъ тотчасъ же прикладывать къ дѣлу эту творческую силу: строить домъ, садить садъ, лѣсъ, учить, писать, дѣлать что-нибудь новое, чего не было. Я думаю, что это правда, даже отчасти испыталъ это. Трудность тутъ для насъ только въ томъ, чтобы сбить эту творческую силу съ того пути, къ которому она привыкла и наладить на новый».

[1]) Тамъ же, стр. 130.

Вообще за это время, отчасти отъ популярности дѣятельности Л. Н—ча во время голода, отчасти отъ вліянія его послѣдней книги «Царство Божіе внутри васъ», переводы которой стали уже распространяться, извѣстность Л. Н—ча необыкновенно возросла за предѣлами Россіи.

Въ это же время Л. Н—чъ былъ избранъ почетнымъ членомъ Русско-англійскаго литературнаго общества. Получивъ увѣдомленіе объ этомъ, Л. Н—чъ отвѣчалъ имъ такъ:

«М. Г. Очень благодарю Васъ за выраженное Вами желаніе, избрать меня членомъ Вашего общества. Я всей душой сочувствую всякому способу единенія людей, независимо отъ политическихъ партій, и въ особенности сознательному единенію духовному людей разныхъ національностей и государствъ, которое съ такой быстротой и энергіей совершается теперь во всемъ мірѣ. Ваше общество имѣетъ такую идею, и потому желаю ему наибольшаго успѣха. Очень радъ буду, получить болѣе подробныя свѣдѣнія о его дѣятельности».

Всѣ эти радости шли извнѣ, своя же, русская жизнь давала мало отраднаго и много горя.

Въ Воронежскомъ дисциплинарномъ баталіонѣ страдалъ и умиралъ Дрожжинъ, молодой сельскій учитель, отказавшійся отбывать воинскую повинность. Этотъ случай далъ возможность Л. Н—чу заглянуть въ эти ужасныя учрежденія, дисциплинарные баталіоны, цѣль которыхъ, кажется, одна — издѣвательство надъ человѣческой личностью. Мы еще вернемся къ Дрожжину и къ отношенію къ нему Л. Н—ча.

23 октября этого года русскими церковными и свѣтскими властями было совершено необычайное злодѣяніе: на жившаго въ ссылкѣ на Кавказѣ князя Дмитрія Александровича Хилкова съ женой и дѣтьми было совершено нападеніе и были отняты по высочайшему

повѣленію ихъ дѣти, дѣвочка и мальчикъ, увезены ихъ бабушкой въ Петербургъ, насильно, противъ воли родителей окрещены въ православную вѣру, при содѣйствіи Ивана Кронштадтскаго и сдѣланы князьями Хилковыми.

На сообщеніе Л. Н—чу объ этомъ ужасномъ дѣлѣ онъ отвѣчалъ Хилкову такимъ письмомъ:

«Сейчасъ получилъ Ваше письмо, Дмитрій Александровичъ, и не могу придти въ себя отъ удивленія. Поступокъ Вашей матери для меня непостижимъ, особенно послѣ тѣхъ свѣдѣній, которыя я имѣлъ объ ея будто бы смягчившихся чувствахъ къ вамъ и вашей женѣ. Я рѣшительно не могу понять, чѣмъ она руководится, поступая такъ, на основаніи чего она такъ дѣйствуетъ и чего ожидаетъ отъ своихъ поступковъ. Я пишу это для того, чтобы выразить Вамъ, какъ мнѣ трудно, почти невозможно писать ей, рѣшительно не зная, на что опереться. Я попытаюсь все-таки исполнить Ваше желаніе, но очень сомнѣваюсь, удастся ли мнѣ это.

«Меня гнали, и Васъ будутъ гнать». Я не могу не повторять этого самъ себѣ и хотя мнѣ больно, что я повторяю это о другихъ, я все-таки не могу не видѣть истинности и неизбѣжности этого. Вѣдь положеніе Ваше, исповѣдующаго словомъ и дѣломъ ученіе Христа въ мірѣ, ненавидящемъ это ученіе въ его настоящемъ значеніи, все равно, что положеніе человѣка, который хотѣлъ бы идти навстрѣчу бѣгущей на него толпы. Онъ не можетъ не быть смятъ. Это признакъ того, что онъ идетъ, куда должно. Но ужасно жалко и больно въ особенности за мать, за Цецилію Владиміровну. Утѣшаюсь тѣмъ, что Богъ по силамъ даетъ испытаніе и что это не сломитъ, а укрѣпитъ ее. Кромѣ того, я увѣренъ, что это не можетъ продолжаться, что они опомнятся и отдадутъ дѣтей. Какихъ они лѣтъ? Старшему, я думаю, лѣтъ 5, 6.

«Что же это значитъ? Хочетъ она, чтобы ихъ признали кн. Хилковыми и чтобы было кому отдать состояніе? Или просто желаніе, сдѣлать больно? Пишите пожалуйста. Мнѣ очень, очень близко къ сердцу ваше положеніе, особенно положеніе Ц. В.

«Одно думаю, что чѣмъ тяжелѣе и труднѣе положеніе, въ которое вы поставлены, тѣмъ необходимѣе не торопиться, не горячиться, не отдаваться чувству, а поступить по тѣмъ самымъ основамъ любви, прощенія, подставленія другой щеки, во имя которыхъ измѣнилась ваша жизнь и случилось съ вами все, что случилось.

«Претерпѣвый до конца спасенъ будетъ. Сколько разъ мнѣ случалось раскаиваться, что немного не выдержалъ и измѣнилъ тому, что началъ. Вотъ тутъ-то нужна вѣра, — не вѣра въ какую либо метафизическую сущность, а вѣра въ тотъ законъ любви, который могущественнѣе всего и побѣждаетъ все. — Помогай вамъ Богъ, вамъ и Ц. В. имѣть эту вѣру, и горе ея навѣрно обратится въ радость. Какъ, я не знаю, но увѣренъ, что такъ будетъ».

Въ это же время Л. Н—чъ пишетъ матери Хилкова, бабушкѣ этихъ дѣтей, по просьбѣ которой эти дѣти были отняты отъ любимыхъ ими и любившихъ ихъ родителей и отданы ей:

«Княгиня Юлія Петровна! Сейчасъ получилъ письмо отъ вашего сына, который пишетъ мнѣ о томъ, что вы, пріѣхавъ къ нему, взяли и увезли его дѣтей, и проситъ меня написать вамъ. Я такъ люблю и уважаю вашего сына, что не могу оставить его просьбу безъ исполненія, а между тѣмъ боюсь, что этимъ письмомъ, что мнѣ особенно тяжело, навлеку на себя ваши справедливые упреки за то, что позволяю себѣ писать вамъ о такомъ мучительномъ для него и его жены и одинаково, я увѣренъ, мучительномъ и для васъ дѣлѣ. Было бы безсмысленно съ моей стороны писать

вамъ, матери, о страданіяхъ матери, разлученной насильно съ дѣтьми и о другихъ тяжелыхъ условіяхъ всего этого дѣла, потому что я увѣренъ, что вы все это знаете и взвѣсили лучше меня и если поступили такъ, то имѣли на это какія либо особыя неизвѣстныя причины и потому единственное, о чемъ я позволяю себѣ просить васъ, это то, чтобы вы, если найдете это стоящимъ того, сообщили бы мнѣ, зачѣмъ вы это сдѣлали, чѣмъ вы были принуждены поступить такъ и какія вы предвидите отъ этого желательныя послѣдствія. Пожалуйста не сердитесь на меня, княгиня, если я этимъ письмомъ непріятно подѣйствовалъ на васъ и простите меня и или вовсе не отвѣчайте мнѣ или отвѣчайте съ тѣмъ же чувствомъ уваженія и доброжелательства, съ которымъ я обращаюсь къ вамъ. Между такими людьми, какъ вы и вашъ сынъ и его жена, которая, сколько я знаю, вполнѣ раздѣляетъ всѣ мысли и чувства своего мужа, казалось бы, не можетъ быть не только вражды, но и недоразумѣнія и какъ бы я былъ счастливъ, если бы съ вашего согласія я бы могъ содѣйствовать хотя бы сколько-нибудь разъясненію этихъ недоразумѣній. Въ ожиданіи добраго отвѣта остаюсь съ совершеннымъ уваженіемъ и преданностью Л. Т.».

Много было потрачено силъ на остановку этого злодѣянія, на смягченіе сердца княгини — ничто не помогло; дѣти остались у бабушки и погибли и физически и нравственно. Вся эта трагедія вѣроятно будетъ когда-нибудь подробно описана и тогда раскроется много темныхъ сторонъ изъ жизни высшаго петербургскаго общества.

Осенняя и окончательная ликвидація дѣла кормленія голодающихъ вызвало во Л. Н—чѣ желаніе написать отчетъ, въ которомъ ему хотѣлось выразить нѣсколько мыслей по поводу его дѣятельности за эти

два года. Денежный отчетъ былъ составленъ и заключеніемъ къ нему должна была служить статья Л. Н—ча, но по тогдашнимъ цензурнымъ условіямъ помѣстить ее въ газетахъ не оказалось возможнымъ. Она была замѣнена нѣсколькими скромными заключительными строками. Статья же разошлась въ рукописи и была напечатана за границей. Только уже въ посмертномъ изданіи сочиненій Л. Н—ча, сдѣланномъ Софьей Андреевной, удалось напечатать эту статью въ Россіи.

Л. Н—чъ старается показать въ ней, что причины пережитаго голода были не исключительныя, временныя, а постоянныя — разъединеніе привилегированнаго, эксплуатирующаго класса и рабочаго, эксплуатируемаго, Помощь голоднымъ временно сблизила и ясно открыла намъ всю общественную язву нищеты и угнетенія. Если острота неурожая и миновала, но это разъединеніе осталось, и нищета и угнетеніе тоже остались, хотя мы и удалились отъ нихъ. Говоря о томъ, что намъ русскимъ легче видѣть гибель нашихъ братьевъ, такъ какъ у насъ нѣтъ далекихъ колоній, поддерживающихъ тратой своей жизни роскошь богатыхъ угнетателей, Л. Н—чъ дѣлаетъ такое заключеніе:

«Передъ правящими, нерабочими, богатыми классами только два выхода: одинъ — не только отречься отъ христіанства въ его истинномъ значеніи, но и отъ всякаго подобія его, — отречься отъ человѣчности, справедливости и сказать: я владѣю этими выгодами и преимуществами и во что бы то ни стало удержу ихъ. Кто хочетъ ихъ отнять у меня, тотъ будетъ имѣть дѣло со мной. У меня сила въ моихъ рукахъ: солдаты, висѣлицы, тюрьмы, кнуты и казни.

«Другой выходъ — въ томъ, чтобы признать свою неправду, перестать лгать, покаяться и не на словахъ, не грошами, тѣми самыми, которые съ страданіями и болью отняты у народа, придти на помощь

къ нему, какъ это дѣлалось два послѣдніе года, а въ томъ, чтобы сломать ту искусственную преграду, которая стоитъ между нами и рабочими людьми, не на словахъ, а на дѣлѣ признать ихъ своими братьями и для этого измѣнить свою жизнь, отказаться отъ тѣхъ выгодъ и преимуществъ, которыя мы имѣемъ, а, отказавшись отъ нихъ, встать въ равныя условія съ народомъ и съ нимъ уже вмѣстѣ достигнуть тѣхъ благъ управленія, науки, цивилизаціи, которыя мы теперь извнѣ, и не спрашиваясь его воли, будто бы хотимъ передать ему.

«Мы стоимъ на распутьи, и выборъ неизбѣженъ.

«Первый выходъ означаетъ обреченіе себя на постоянную ложь, на постоянный страхъ того, что ложь эта будетъ открыта, и все-таки сознаніе того, что неминуемо рано или поздно мы лишимся того положенія, котораго мы такъ упорно держимся.

«Второй выходъ означаетъ добровольное признаніе и проведеніе въ жизнь того, что мы сами исповѣдуемъ, чего требуетъ наше сердце и нашъ разумъ и что рано или поздно, если не нами, то другими будетъ исполнено, потому что только въ этомъ отреченіи властвующихъ отъ своей власти — единственный возможный выходъ изъ тѣхъ мукъ, которыми болѣетъ наше лжехристіанское человѣчество. Выходъ только въ отреченіи отъ ложнаго и въ признаніи истиннаго христіанства».

Дѣло преобразованія и улучшенія народной литературы, начатое Л. Н—чемъ, несмотря на цѣлый рядъ важныхъ дѣлъ, отвлекавшихъ его, продолжало интересовать его. Конечно эти два пережитые голодные года отняли много силъ у Л. Н—ча и его друзей и издательское дѣло переживало время затишья. Центръ редакціонной дѣятельности былъ перенесенъ въ имѣніе Черткова, Ржевскъ, Воронежской губерніи. В. Г.

Черткову помогалъ въ это время Ив. Ив. Горбуновъ. Цѣлый рядъ цензурныхъ препятствій и другихъ соображеній заставилъ В. Г. отказаться отъ руководства этимъ дѣломъ. Когда я освободился отъ работы въ Бѣгичевкѣ, В. Г. Чертковъ предложилъ мнѣ взять завѣдываніе этимъ дѣломъ въ свои руки. Такъ какъ вопросъ былъ поставленъ такъ, что если я не возьмусь за него, дѣло прекратится, то я, совершенно сознавая слабость своихъ силъ, все-таки согласился продолжать его, и вотъ осенью 1893 года центръ дѣятельности «Посредника» былъ перенесенъ въ Москву. Главное руководство этимъ дѣломъ раздѣлилъ со мною Ив. Ив. Горбуновъ. В. Г. Чертковъ, отстранившись отъ этого дѣла, посвятилъ свои силы спеціально собиранію, разработкѣ и распространенію сочиненій Л. Н—ча.

Мы были счастливы тѣмъ, что участіе Л. Н—ча въ дѣлѣ «Посредника» нисколько не уменьшилось. Напротивъ, техническое удобство, близость нашего мѣста жительства, сначала къ Ясной Полянѣ, а потомъ и къ Хамовническому дому, гдѣ Л. Н—чъ проводилъ зиму, сдѣлало сотрудничество Л. Н—ча почти непрерывнымъ.

Кромѣ продолженія отдѣла народныхъ изданій, за это время получилъ особое развитіе начатый В. Г. Чертковымъ отдѣлъ «Посредника» «для интеллигентныхъ читателей», и особенно его философская серія.

Подъ редакціей Л. Н—ча и при ближайшемъ участіи его друга, профессора Н. Я. Грота, нами были изданы цѣлый рядъ книгъ философскаго содержанія: «О Платонѣ» проф. Н. Грота; «Федонъ» Платона; «Основные моменты въ развитіи философіи» проф. Н. Я. Грота; «Декартъ» Альфреда Фулье, переводъ съ французскаго; «О компромиссѣ» Джон. Морлея, переводъ съ англійскаго; «Изъ дневника Амьеля», переводъ съ французскаго («Fragments d'un journal intime») Марьи Львовны Толстой. «Жанъ Жакъ Руссо» Эмиля Фагэ въ

переводѣ П. Н. Шараповой и др. Л. Н—чъ очень много работалъ надъ переводомъ Амьеля и написалъ къ нему предисловіе. Этотъ переводъ и предисловіе было напечатано въ журналѣ «Сѣверный Вѣстникъ» и въ то же время издано отдѣльно «Посредникомъ».

Въ дневникѣ того времени замѣтны слѣды этой работы. Вотъ что онъ между прочимъ записалъ:

«Главное бѣдствіе очень культурныхъ людей, какъ Аміель, это ихъ балластъ разносторонняго и особенно эстетическаго образованія. Это больше всего мѣшаетъ имъ знать, что они знаютъ, какъ говоритъ Лаодзе (ихъ болѣзнь). Имъ жалко выкинуть этотъ балластъ, а съ этимъ балластомъ они не могутъ умѣститься на лодкѣ христіанскаго сознанія. И имъ не вѣрится, чтобы для такого простого дѣла, какъ христіанское спасеніе, можно бы было пожертвовать такимъ сложнымъ и утонченнымъ».

Интересна также серія біографій замѣчательныхъ людей, начатая «Посредникомъ» подъ руководствомъ Л. Н—ча. Одной изъ первыхъ была издана «Жизнь Франциска Ассизскаго». Вотъ что говоритъ объ этой книгѣ Л. Н—чъ въ письмѣ къ Черткову:

«Еще получилъ прелестную книгу о Францискѣ Ассизскомъ, Paul Sabbatier. Только-что вышедшая книга, большая, прекрасно написанная. Это будетъ прелестная книга для «Посредника», только бы цензура не помѣшала. Я три дня ее читалъ и ужаснулся на свою мерзость и слабость, и хоть этимъ сталъ лучше».

Кромѣ того Л. Н—чъ пишетъ цѣлый рядъ предисловій, оттѣняя въ нихъ особо важное значеніе издаваемыхъ книгъ. Таковы его предисловія къ сочиненіямъ Мопассана, къ разсказамъ С. Т. Семенова, къ книгѣ д-ра Алексѣева «О пьянствѣ» и проч. Все это печаталось «Посредникомъ», который былъ издательскимъ органомъ Л. Н—ча.

Какъ ни цѣнно было литературное сотрудничество Л. Н—ча въ «Посредникѣ», еще большей теплотой и сердечностью вѣяло отъ него въ его личныхъ отношеніяхъ къ кружку людей, собравшихся около редакціи «Посредника». Какъ и во времена нашей петербургской дѣятельности, мы не закрывали дверей нашей редакціи для людей, шедшихъ къ намъ на огонекъ правды и любви, лучи котораго мы по силѣ возможности старались отражать и распространять вокругъ насъ.

Былъ опять назначенъ тотъ же день, какъ и въ Петербургѣ, четвергъ, для собранія друзей.

Если эти собранія не горѣли такимъ жаромъ молодости, какъ собранія въ Петербургѣ, въ половинѣ 80-хъ годовъ, то цѣнность ихъ была высока тѣмъ, что на нихъ иногда присутствовалъ самъ Л. Н—чъ.

Конечно, тогда ряды смыкались вокругъ него и болѣе смѣлые задавали ему вопросы. Левъ Николаевичъ отвѣчалъ на нихъ, а мы жадно внимали его словамъ.

Непростительное легкомысліе молодости помѣшало намъ записать всѣ эти дорогія бесѣды, иногда, въ болѣе тѣсномъ, интимномъ кругу, переносившіяся и въ хамовническій домъ.

Но несмотря на это легкомысліе, все-таки кое-что сохранилось. Такъ, забѣгая немного впередъ, такъ какъ я говорю теперь о цѣломъ двухъ-, трехлѣтнемъ періодѣ московской дѣятельности «Посредника», я вспоминаю одинъ такой четвергъ. Народу было тогда не особенно много. Мы сидѣли за чаемъ и бесѣдовали. Вдругъ звонокъ и въ открытую дверь входитъ Л. Н—чъ, въ своемъ старомъ полушубкѣ, съ заиндѣвѣлой бородой, съ палочкой, и добродушно улыбается и пожимаетъ руку бросившимся къ нему навстрѣчу друзьямъ.

Онъ входитъ не раздѣваясь (зашелъ мимоходомъ, не надолго) и садится въ подставленное ему кресло. Мы садимся вокругъ и обмѣниваемся съ нимъ разнаго

рода привѣтствіями. Послѣ нѣсколькихъ мелкихъ вопросовъ, одинъ изъ присутствовавшихъ, Михаилъ Аркадьевичъ Сопоцько, впослѣдствіи прославившійся различными черносотенными поступками, бывшій прежде революціонеромъ и на перепутьи между революціей и черной сотней приставшій къ «Посреднику», всегда болѣе чѣмъ смѣлый въ разговорахъ, задаетъ вопросъ Л. Н—чу о его отношеніи къ террористамъ-мученикамъ за свою, хотя бы и ложную идею.

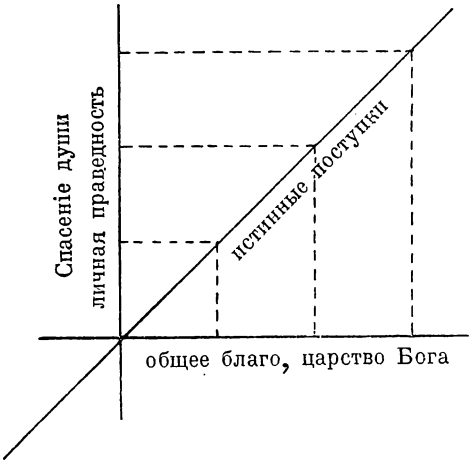
Я записалъ въ тотъ же вечеръ отвѣтъ Л. Н—ча и передаю теперь эту запись въ томъ первоначальномъ видѣ, который носитъ слѣды непосредственнаго впечатлѣнія, боясь исправить теперь по ослабѣвшей памяти, черезъ 20 лѣтъ.

«Мы говоримъ о дѣятельной любви, объ отданіи души своей за друзей своихъ. И вотъ являются такіе люди, какъ Желябовъ, Кибальчичъ и др., проповѣдующіе общее благо и умирающіе мученической смертью за то, что они всѣми доступными имъ средствами стремились осуществить это благо. Какъ относиться къ такимъ людямъ, считать ли ихъ идеальнымъ воплощеніемъ завѣтовъ Христа, подражать ли ихъ дѣйствіямъ и поступкамъ? Къ сожалѣнію, нѣтъ, нельзя.

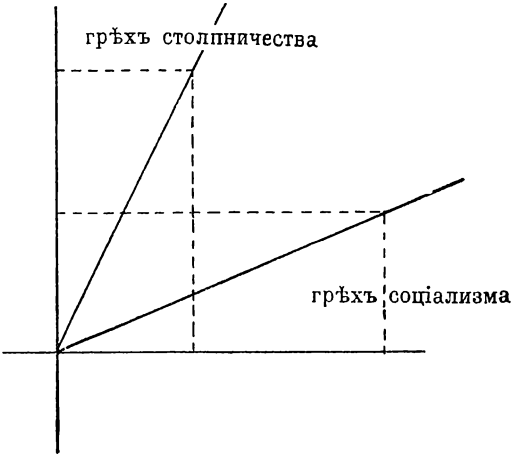
«Поступокъ человѣка и даже вся жизнь его должны одновременно удовлетворять двумъ условіямъ: 1) устроенію царства Божія въ людяхъ или общему благу, и 2) спасенію души своей или требованію личнаго совершенства или праведной жизни. Это можно выразить такимъ математическимъ сравненіемъ. Точка на плоскости опредѣляется двумя координатами. Эти координаты и суть условія, которымъ должны удовлетворять поступки человѣка.

«Достоинство поступка зависитъ отъ гармоніи, согласія этихъ координатъ. Идеальный поступокъ будетъ при ихъ равенствѣ. Величина же ихъ опредѣляетъ и величину поступковъ. Такъ что истинные поступки

лежатъ на средней линіи, дѣлящей пополамъ уголъ, образуемый осями координатъ.

«Если же одно изъ этихъ условій или координатъ преобладаетъ надъ другимъ, выходитъ поступокъ или жизнь ложные.

«Поступки, уклоняющіеся отъ средней линіи въ сторону личной праведности, могутъ привести человѣка, при полномъ отсутствіи требованія общаго блага, — къ столпничеству. Человѣкъ будетъ спасать свою душу и будетъ никому не нуженъ и жизнь его будетъ ложная. Человѣкъ, стремящійся къ общему благу и пренебрегающій личной нравственностью, будетъ личными безнравственными поступками разрушать созидаемое имъ общее благо и жизнь его, при этомъ пренебреженіи нравственными основами, тѣмъ болѣе будетъ удаляться, расходиться съ истинною жизнью, чѣмъ сильнѣе будетъ стремленіе къ общему благу.

«Это уклоненіе можно назвать грѣхомъ соціализма (революціи).

«И такъ поступки Желябова, Кибальчича и др. нельзя назвать истинными, потому что они пренебрегали въ своемъ стремленіи къ общему благу требованіями личной нравственности, требованіемъ своей совѣсти, потому что совершили или готовились совершить убійство, поступокъ, который не можетъ быть оправданъ совѣстью или сознаніемъ, стремящимся къ общему благу.

«Если же судить о нихъ съ общей точки зрѣнія сочувствія или несочувствія къ нимъ, то, разумѣется, эти государственные преступники и цареубійцы, самыя имена которыхъ хотѣлось бы уничтожить правительству, эти люди заслуживаютъ гораздо больше сочувствія, чѣмъ благодѣтельный помѣщикъ, построившій больницы на отобранныя у крестьянъ, забитыхъ нуждою, деньги и продолжающій отбирать ихъ для насыщенія утробы своей и своей семьи, или редакторъ либеральной газеты, отбирающій деньги отъ своихъ подписчиковъ и обманывающій ихъ высокими словами и живущій самъ низкою животною жизнью».

Видимо этотъ разговоръ заинтересовалъ и Л. Н—ча, такъ какъ мы находимъ въ его дневникѣ (де-

кабрь 1894 г.) подобную запись, сдѣланную быть можетъ съ меньшею математическою точностью, но съ большей художественной ясностью.

«Зашелъ въ «Посредникъ», тамъ говорили о томъ, что можно ли Желябова, Кибальчича признать высоко нравственными, самоотверженными людьми.

«Я сказалъ, что нѣтъ.

«Почему?

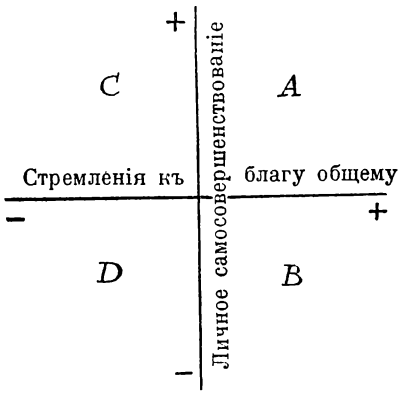
«Потому что поступокъ, обдуманно совершенный ими, былъ безнравственъ.

«Почему?

«Потому, что для того, чтобы поступокъ былъ нравственъ, нужно, чтобы онъ удовлетворялъ двумъ условіямъ: чтобы онъ былъ направленъ къ благу людей и къ личному совершенствованію.

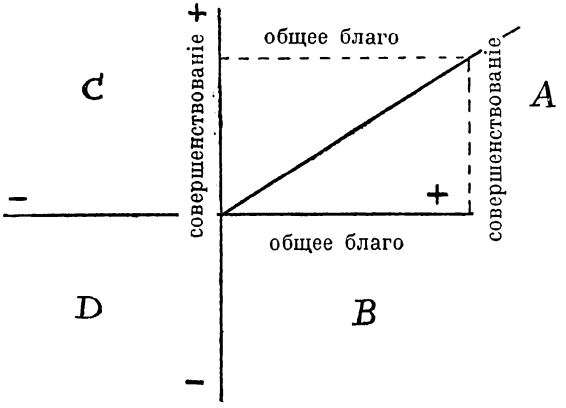
«Поступокъ, чтобы быть нравственнымъ, долженъ быть опредѣленъ двумя положительными координатами, — быть всегда на діагонали этихъ координатъ.

«Выходитъ такой чертежъ:

Такъ что, если поступокъ опредѣляется стремленіемъ къ общественному благу и личнымъ совершен-

ствованіемъ, то онъ будетъ всегда въ полѣ A на діагонали ±:

«Если же обратное, то будетъ въ полѣ D и будетъ совсѣмъ дурной.

«Если же въ полѣ B, то, хотя будетъ стремиться къ общественному благу, будетъ лишенъ личнаго совершенствованія. Таковы всѣ поступки организацій правительственныхъ, религіозныхъ, 1-го марта, инквизиціи.

«Если же поступокъ будетъ въ полѣ C, то, хотя онъ будетъ стремиться къ совершенствованію, онъ будетъ лишенъ стремленія къ общественному благу. Таковы всѣ аскетическіе поступки, — стояніе на столбу и т. д.».

Въ другой разъ, не помню раньше или послѣ этого, говорили со Л. Н—чемъ о разрушительной и созидательной дѣятельности человѣка, и онъ высказалъ мысль-притчу, которую мнѣ тогда же удалось записать:

«Жизнь состоитъ изъ двухъ постоянно смѣняющихся и даже одновременно идущихъ дѣятельностей:

творческой, созидательной и, какъ слѣдствія ея — дѣятельности разрушительной. Эта разрушительная дѣятельность только тогда законна, когда она есть неизбѣжное слѣдствіе первой, какъ въ прорастающемъ зернѣ: ростокъ просыпается къ новой жизни, начинаетъ расти, разламываетъ, разрываетъ окружающую оболочку, она сваливается и сгниваетъ, а ростокъ продолжаетъ жить новой жизнью. Разрывъ скорлупы росткомъ не есть насиліе, а только слѣдствіе творческой силы, и потому есть благо и для самаго растенія и для всего міра.

«Если же мы сами разорвемъ шелуху зерна, то мы совершимъ насиліе, погубимъ растеніе и нарушимъ гармонію міра.

«И положительная борьба, дающая благо человѣку, ведущему ее и всему міру — есть не что иное, какъ непрестанное, никѣмъ неслышимое развитіе этой творческой силы.

«Къ сожалѣнію люди часто, замѣтивъ болѣе понятное для нихъ разрушительное слѣдствіе творческой силы, ошибочно принимаютъ это за самую сущность борьбы и начинаютъ усиленно и съ ожесточеніемъ разрушать, разрывать оболочку зерна и всю жизнь отдаютъ на такого рода борьбу и послѣдствія такой борьбы бываютъ ужасны».

Мнѣ вспоминается еще мысль, выраженная Л. Н—чемъ въ одну изъ нашихъ бесѣдъ по поводу отношенія умственнаго уровня и нравственнаго состоянія человѣка. Л. Н—чъ, не отрицая значенія умственнаго уровня развитія человѣка, придавалъ наибольшую важность нравственному состоянію его. И для объясненія ихъ взаимоотношенія употребилъ такой геометрическій образъ. Нравственный человѣкъ занимаетъ центральное положеніе въ кругѣ жизни, смотритъ

на все по радіусамъ и ему все представляется подъ правильнымъ угломъ зрѣнія. Человѣкъ безнравственный, наоборотъ, не находится въ центрѣ и углы зрѣнія явленій въ кругѣ жизни у него неправильны и потому сужденія его невѣрны. Умственное развитіе на эту правильность и неправильность не имѣетъ вліянія. Его можно сравнить съ высотой, на которой находится человѣкъ. Если положеніе его центрально, т.-е. нравственно, то человѣкъ съ большимъ умственнымъ развитіемъ обладаетъ большимъ кругозоромъ, большій кругъ жизни доступенъ его наблюденію. Если его умственное развитіе меньше, то и кругозоръ ограниченнѣе. Наоборотъ, безнравственный человѣкъ, т.-е. не находящійся въ центрѣ, какъ бы онъ ни возвышался умственно, никогда не будетъ имѣть правильнаго угла зрѣнія и сужденія его будутъ всегда невѣрны.

Еще припоминается мнѣ такая притча, разсказанная Л. Н—чемъ въ одну изъ нашихъ бесѣдъ.

Куда дѣвать деньги, если они есть и я хочу жить, избавляясь отъ нихъ? Деньги — это мякина; жизнь человѣка, его поведеніе, поступки, это чистое зерно. Когда крестьянинъ вѣетъ лопатой рожь, онъ заботится только о томъ, чтобы чистое зерно упадало куда надо, а мякина сама отвѣвается вѣтромъ и ложится въ свое мѣсто. Если бы крестьянинъ заботился о томъ, куда ляжетъ мякина, то онъ разбросалъ бы во всѣ стороны и мякину и зерно и все-таки зерна не очистилъ бы. Такъ и въ жизни. Надо заботиться объ истинныхъ дѣлахъ добра, и тогда деньги и остальное имущество займутъ должное мѣсто и получатъ настоящее употребленіе. Если же заботиться о томъ, что дѣлать съ деньгами, то и деньги пропадутъ, и дѣлъ добра не будетъ.

Наконецъ третій родъ отношеній Л. Н—ча къ «Посреднику» было общеніе черезъ его многочисленныхъ посѣтителей, изъ которыхъ нѣкоторыхъ, нуждавшихся, по его мнѣнію, въ поддержкѣ, онъ направлялъ къ намъ. Посѣтители эти были самые разнообразные.

Ко Л. Н—чу являлись и молодые люди, оторванные отъ жизни, безнадежно искавшіе смысла жизни, и не находя его нигдѣ, жадно прислушивались къ его словамъ. Одни изъ нихъ находили покой и радость души, а другіе, неудовлетворенные, разражались истерическими рыданіями. Нѣкоторыхъ изъ нихъ Л. Н—чъ отсылалъ къ намъ, въ «Посредникъ», и у насъ они то выражали восторгъ новой жизни, то выплакивали свое горе.

Приходили и старики. Помню замѣчательнаго старца, лѣтъ 70-ти, пришедшаго изъ сибирской тайги, гдѣ онъ жилъ въ тайномъ скиту старообрядцевъ странническаго толка. Не помню уже, какимъ путемъ онъ узналъ о дѣятельности Л. Н—ча. Но очевидно было, что слухъ дошелъ и до этого тайнаго скита о появленіи «новой вѣры», и старецъ съ пытливымъ умомъ пошелъ пѣшкомъ изъ Сибири, искать «Толстова». Трогательно нѣжны были бесѣды двухъ старцевъ, умудренныхъ жизнью. Л. Н—чъ привелъ его къ намъ и онъ прожилъ у насъ нѣсколько дней, читая тѣ сочиненія Л. Н—ча, которыя тогда нельзя было еще печатать. Узнавъ «новую вѣру» и отнесясь къ ней сочувственно, старецъ пошелъ въ обратный путь, въ сибирскую тайгу, въ тишинѣ уединенія обдумывать все, имъ переслушанное и перечувствованное.

Разъ я вечеромъ сидѣлъ у Л. Н—ча въ хамовническомъ кабинетѣ и бесѣдовалъ съ нимъ о нашихъ общихъ дѣлахъ. Пришелъ домашній слуга и доложилъ, что какой-то солдатъ желаетъ видѣть графа. Л. Н—чъ просилъ его войти. Вскорѣ вошелъ солдатъ, со своей солдатской выправкой, съ умнымъ симпатичнымъ лицомъ, въ шинели, съ башлыкомъ, кре-

стомъ перекинутымъ на груди и концами заправленными за поясъ, на которомъ болталось какое-то оружіе. Онъ съ волненіемъ отрекомендовался на привѣтствіе Л. Н—ча. Онъ былъ писаремъ въ окружномъ штабѣ. Онъ прочиталъ нѣсколько заграничныхъ изданій Л. Н—ча и не въ силахъ былъ удержаться, чтобы не пойти, не выразить Л. Н—чу своего сочувствія; ему нужны были кромѣ того дальнѣйшія разъясненія и совѣты, что дѣлать дальше; такъ не соотвѣтствовала внѣшняя обстановка его жизни съ тѣмъ внутреннимъ, просвѣтленнымъ сознаніемъ, которое зародилось въ немъ. Мы побесѣдовали втроемъ немного, потомъ по просьбѣ Л. Н—ча я повелъ съ собою этого солдата-писаря въ «Посредникъ», чтобы снабдить его тѣмъ матеріаломъ, котораго ему недоставало. Много пришлось потомъ претерпѣть этому человѣку за свои убѣжденія. Онъ остался вѣренъ имъ и вѣренъ своему великому другу. Теперь онъ крестьянствуетъ, содержа упорнымъ трудомъ большую семью.

Характерны подробности о томъ, какъ этотъ солдатъ досталъ сочиненія Л. Н—ча. Его братъ служилъ лакеемъ у важнаго барина, какого-то князя, и съ нимъ путешествовалъ за границей. Князь пріобрѣлъ за границей запрещенныя сочиненія Толстого и передъ отъѣздомъ въ Россію велѣлъ своему слугѣ всѣ ихъ сжечь. Но слуга уже прочелъ ихъ и сжечь не рѣшился. Онъ упросилъ горничную княгини упаковать эти книги на днѣ сундука съ княгининымъ гардеробомъ и такъ онѣ проѣхали въ Россію и дошли до другого брата.

Пріѣзжали сектанты, молокане, цѣлыми семьями, выражая свое полное сочувствіе Л. Н—чу и унося съ собою расширенные и укрѣпленные христіанскіе религіозные взгляды. И они заходили въ «Посредникъ», забирали книги и уносили съ собою, въ народъ, сѣмена новаго ученія.

Такова была связь Л. Н—ча съ кружкомъ его московскихъ друзей.

Мы закончимъ эту главу отрывками изъ двухъ писемъ, написанныхъ Л. Н—чемъ въ концѣ 1893 года.

10-го декабря онъ написалъ Неплюеву, извѣстному организатору православно-христіанской школы-общины въ своемъ имѣніи въ Черниговской губерніи; получивъ отъ него письмо съ выраженіемъ сочувствія, Л. Н—чъ отвѣчалъ ему:

«Многоуважаемый Николай Николаевичъ! Я очень радъ былъ вашему письму и тому доброму расположенію, которое вы въ немъ выражаете мнѣ. Повѣрьте, что хотя я одинъ только разъ видѣлъ васъ, я знаю про васъ столько хорошаго, что это чувство совершенно взаимно! Но старому лгать, что богатому красть. Я очень люблю эту пословицу: она такъ ясно выражаетъ часто испытываемое мною въ старости чувство. Жить остается недолго, какъ же скрыть то, что передъ Богомъ считаешь правдой, такой правдой, которой живешь и съ которой предстанешь на судъ Тому, кто послалъ насъ сюда. Я бы не сталъ вамъ говорить того, что считаю правдой, если бы, за что я вамъ очень благодаренъ, вы не сочли нужнымъ высказать мнѣ то, въ чемъ вы несогласны со мной. Но разъ вы высказали это, съ моей стороны была бы ложь промолчать. Я думаю, что ученіе Христа есть прежде всего ученіе истины, какъ онъ самъ сказалъ это и что поэтому все, что отдаляетъ насъ отъ истины, усложняетъ, путаетъ пониманіе ея, все это мѣшаетъ намъ соединиться съ Христомъ, съ Богомъ, а поэтому и другъ съ другомъ. Въ вашемъ же исповѣданіи есть много лишняго, мѣшающаго вамъ самимъ, такого, что вы съ трудомъ можете облечь въ понятную удобовоспринимаемую разумную форму. А это опасно. Я знаю и перестрадалъ ту страшную ди-

лемму, которая становится передъ каждымъ человѣкомъ, проснувшимся къ религіозному чувству и начинающимъ устанавливать свое отношеніе къ Богу: отдѣлиться отъ людей, но не принять ничего лишняго, или остаться съ людьми, но загромоздить свое пониманіе Бога сложными, ненужными застилающими Бога вѣрованіями, стараясь придать имъ искусственный смыслъ. Выборъ второго выхода опасенъ. Въ дѣлѣ вѣры нельзя удовлетвориться à peu près. Истина всегда ясна и проста. И я избралъ первый выходъ; сначала остался одинъ, но, какъ я вѣрю, съ Богомъ, но потомъ оказалось, что я не только не одинъ, но со всѣми тѣми людьми и прошедшаго и настоящаго, съ которыми болѣе всего желалъ единенія. Боюсь же за васъ того, что вы, желая остаться съ людьми и для нихъ сдѣлавъ уступки, почувствуете себя одинокими, потому что сближеніе, единеніе людей только въ истинѣ, въ одной любви, въ одномъ Богѣ, ни въ Христѣ, ни въ Магометѣ, ни въ Буддѣ, а въ Богѣ. Пожалуйста кротко и сердечно отнеситесь къ моимъ словамъ, главное не забывайте того, что я не себя защищаю, не на васъ нападаю, не имѣю никакого при этомъ личнаго чувства, а одну мысль, что, войдя въ общеніе и любовное общеніе съ искреннимъ человѣкомъ, какъ вы, я поступилъ бы дурно, если бы не сказалъ того, что думаю и чувствую. Если вамъ покажется несправедливымъ все, что я сказалъ, простите меня, если же что-нибудь изъ этого пригодится вамъ, буду очень радъ.

«Поклонитесь отъ меня милымъ технологамъ, которыхъ я истинно полюбилъ.

«Дѣлу вашему я сочувствую всей душой и желаю ему продолженія и успѣха».

Одинъ изъ технологовъ, о которыхъ упоминаетъ Л. Н—чъ, посѣтившихъ его въ эту осень, былъ Иванъ

Степановичъ Прохановъ, въ настоящее время глава и руководитель Петербургской общины баптистовъ, другой былъ его товарищъ.

Наконецъ приведемъ письмо, написанное Львомъ Николаевичемъ его другу, художнику Н. Н. Ге. Онъ писалъ ему между прочимъ слѣдующее:

«Жду васъ съ картиной. Бьюсь надъ статьей о Тулонѣ, т.-е. о жестокости, безбожности патріотизма и наглости обмана народа патріотизмомъ, котораго давно уже нѣтъ и не можетъ быть. Мнѣ все кажется, что время конца вѣка сего близится и наступаетъ новый въ связи съ тѣмъ, что и мой вѣкъ здѣсь кончается и наступаетъ новый, все хочется поторопить это наступленіе, сдѣлать по крайней мѣрѣ все отъ себя зависящее для этого наступленія. И всѣмъ намъ, всѣмъ людямъ на землѣ только это и есть настоящее дѣло. И утѣшительно и бодрительно это дѣлать, дѣлаешь что можешь и никто не знаетъ, ты ли или кто другой дѣлаетъ то, что движется. И себѣ никто ничего приписать не можетъ, и всякій можетъ думать, что отъ его-то усилій и движется все».

Въ концѣ этого года, на рождественскихъ праздникахъ состоялся въ Москвѣ первый съѣздъ естествоиспытателей. На него попалъ и Л. Н—чъ и произвелъ большой переполохъ. Вотъ какъ объ этомъ разсказываетъ П. А. Сергѣенко въ своей книгѣ: «Какъ живетъ и работаетъ Л. Н. Толстой»:

«Л. Н. Толстой былъ на докладѣ своего стараго знакомаго, профессора Ц. Кто-то изъ присутствующихъ, замѣтивъ Льва Николаевича, произнесъ призывнымъ шопотомъ: «Левъ Николаевичъ здѣсь!» Слова эти молніей пронеслись по залу. Всѣ начали оглядываться, чтобы увидѣть знаменитаго писателя. Левъ Николаевичъ почувствовалъ, что начинается одна изъ тѣхъ гипнотизирующихъ сценъ, которыхъ онъ всегда

избѣгалъ, и хотѣлъ незамѣтно ускользнуть, но было поздно.

«Огромная толпа, наполнявшая университетскій залъ, пришла въ движеніе и заревѣла: «Левъ Николаевичъ! Левъ Николаевичъ!» Въ концѣ концовъ распорядители принуждены были просить Льва Николаевича занять на эстрадѣ почетное мѣсто. Стѣны дрогнули отъ рукоплесканій, которыми встрѣтили естествоиспытатели великаго русскаго писателя. Сцена эта очень разстроила Л. Н—ча и онъ неохотно вспоминаетъ о ней. Но всякое простое, безыскусственное выраженіе симпатіи очень трогаетъ его».

ГЛАВА XI

Хилковъ. Дрожжинъ. Распятіе

1894 г.

Левъ Николаевичъ проводилъ зиму въ Москвѣ и какъ всегда боролся и душою и тѣломъ отъ заливавшаго его потока городской, свѣтской жизни. Большая, молодая, въ то время вполнѣ благополучная семья его жила веселой суетливой жизнью, по временамъ втягивая его въ свою компанію.

Если затѣи не представляли какой-нибудь безумной траты денегъ и роскоши, то Л. Н—чъ самъ увлекался и радовался общему добродушному веселью.

Таковъ былъ вечеръ 1-го января 1894 года. Во время вечерняго чая, на которомъ присутствовалъ и Левъ Николаевичъ, разговаривая съ гостями, послышался звонокъ и вскорѣ дѣти съ радостью объявили, что пріѣхали ряженые. На лицѣ Л. Н—ча пробѣжала улыбка недовольства. Но двери отворились и въ залу вошло нѣсколько почтенныхъ, хорошо извѣстныхъ Москвѣ лицъ, художниковъ, литераторовъ и ученыхъ. Всѣ были нѣсколько удивлены и встали со своихъ мѣстъ,

чтобы поздороваться съ вошедшими. Но удивленіе достигло высшихъ предѣловъ, когда среди вошедшихъ замѣтили самого Л. Н—ча въ темно-сѣрой блузѣ, подпоясанной ремнемъ съ заложенными за него пальцами, который подошелъ къ настоящему Л. Н—чу и, протягивая ему руку, сказалъ: «Здравствуйте, Л. Н—чъ». Два Л. Н—ча поздоровались и настоящій Л. Н—чъ съ недоумѣніемъ разсматривалъ со своими близорукими глазами своего двойника. Это оказался искусно загримированный его другъ Лопатинъ. Помню, что такой же эффектъ произвели загримированные И. Е. Рѣпинымъ, Вл. Серг. Соловьевымъ, А. Г. Рубинштейномъ и другими. Напряженное недоумѣніе смѣнилось вскорѣ бурнымъ весельемъ, среди котораго слышался и громкій хохотъ Л. Н—ча.

Но такъ весело начатый новый годъ вскорѣ потребовалъ сильнаго и серьезнаго душевнаго напряженія Л. Н—ча и его друзей, чтобы перенести всѣ волненія, выпавшія на нашу долю.

Ярко и искренно высказанный Л. Н—чемъ критическій взглядъ на государственное насиліе многимъ открылъ глаза, вызвалъ неповиновеніе и репрессіи. Антицерковные взгляды Л. Н—ча и его друзей съ другой стороны поднимали тревогу среди тѣхъ, кто взялъ ключи Царства Небеснаго, самъ не входилъ и другихъ не впускалъ въ него.

Мы уже видѣли, какое ужасное злодѣяніе было совершено съ благословенія этихъ людей: отнятіе дѣтей Хилковыхъ. Л. Н—чъ испыталъ послѣднее средство, къ которому прибѣгалъ въ крайнихъ случаяхъ. Онъ написалъ письмо государю Александру III, убѣждая его отмѣнить эту ужасную мѣру и возвратить дѣтей.

Мнѣ пришлось участвовать въ доставленіи этого письма адресату.

Желая какъ можно меньше огласки этому письму, Л. Н—чъ просилъ меня переписать его своей рукой и отвезти въ Петербургъ. Передать это письмо Государю Л. Н—чъ рѣшилъ просить графа Воронцова-Дашкова, тогдашняго министра двора. Съ рекомендательнымъ письмомъ Л. Н—ча я добился свиданія съ Воронцовымъ, передалъ ему письмо Л. Н—ча, прося его исполнить его просьбу. Это было 5 января. Воронцовъ обѣщалъ сдѣлать это на другой день на крещенскомъ выходѣ во дворцѣ, 6 января. Я попросилъ позволенія зайти еще разъ, чтобы узнать исполнено ли порученіе. Воронцовъ разрѣшилъ и когда я черезъ два дня вновь зашелъ къ нему, онъ меня позвалъ въ кабинетъ и сказалъ: «Скажите графу Льву Николаевичу Толстому, что его письмо лично мною передано Государю». Я конечно писалъ Льву Николаевичу и о ходѣ дѣла и объ окончаніи его; на это я получилъ отъ него слѣдующій отвѣтъ:

«Спасибо, милый другъ П..., за то, что извѣщали меня. Все, что отъ васъ зависѣло, сдѣлано прекрасно, а что выйдетъ, будетъ зависѣть отъ читающаго письмо и отъ написавшаго. У насъ все по-старому. Только я нездоровъ, то была боль въ груди, а теперь сильный кашель и насморкъ. Жена хочетъ ѣхать въ пятницу дня на три въ Ясную, а какъ скоро она вернется, уѣдемъ мы въ Ясную или къ Илюшѣ. Ужъ очень суетно. Тратится даромъ остатокъ жизни. Что Ц. В.? Передѣлали ли ей прошеніе? Нехорошо, что она допускаетъ возможность отнять дѣтей и мирится на томъ, чтобы ихъ отдали теткѣ».

Жена Хилкова, Цецилія Владимировна, мать отнятыхъ дѣтей, томилась въ это время въ Петербургѣ, употребляя всѣ доступныя ей средства, чтобы возвратить дѣтей, но все было напрасно; какая-то упорная злоба вцѣпилась въ нихъ и не выпускала изъ рукъ.

Письмо Л. Н—ча къ Государю осталось безъ отвѣта. Л. Н—чъ такъ писалъ объ этомъ Черткову:

«Вы знаете, можетъ быть, что я писалъ Государю письмо о Хилковой и ея дѣтяхъ. Письмо нехорошее, изъ него ничего не вышло. Я не говорилъ про него, потому что въ письмѣ же говорилъ, что никто не будетъ знать про это письмо. Теперь Государь показалъ письмо Рихтеру, Рихтеръ разсказалъ другимъ и про это стало извѣстно. Я жалѣлъ, что васъ не было, посовѣтоваться съ вами. Въ тайнѣ былъ только П. и онъ отдалъ письмо черезъ Воронцова».

Такъ и пришлось матери уѣхать ни съ чѣмъ, перетерпѣть ужасную муку потери дѣтей, отнятыхъ не стихійною силою смерти, къ которой сквозь горе всегда чувствуешь какое-то трепетное уваженіе, а грубой силой озлобленныхъ, заблудшихъ людей.

Конецъ января Л. Н—чъ провелъ въ имѣніи своего второго сына Ильи, куда поѣхалъ погостить съ своей старшей дочерью Татьяной Львовной, и въ первыхъ числахъ февраля переѣхалъ въ Ясную Поляну.

Онъ уѣхалъ въ деревню изъ Москвы, какъ всегда спасаясь отъ суеты, отъ множества посѣтителей. Эта усталость отъ «людей» и нѣкоторая разочарованность въ нихъ отразилась въ его дневникѣ, гдѣ, 24-го января, онъ записываетъ такую мысль:

«Никакъ не отдѣлаешься отъ иллюзіи, что знакомство съ новыми людьми дастъ новыя знанія, — что чѣмъ больше людей, тѣмъ больше ума, доброты, какъ чѣмъ больше вмѣстѣ углей, горящихъ, тѣмъ больше тепла. Съ людьми ничего подобнаго: все тѣ же, всегда тѣ же. И прежніе, и теперешніе, и въ городѣ, и свои, и чужіе, русскіе, и ирландцы и китайцы. А чѣмъ больше ихъ вмѣстѣ, тѣмъ скорѣе тухнутъ эти уголья, тѣмъ меньше въ нихъ ума, доброты».

Въ концѣ января произошло событіе, новымъ ударомъ поразившее Л. Н—ча. 27 января въ Воронежской тюрьмѣ скончался отъ чахотки, осложненной воспале-

ніемъ легкихъ Евдокимъ Никитичъ Дрожжинъ, бывшій сельскій учитель, около трехъ лѣтъ проведшій въ заключеніи за отказъ отъ воинской повинности.

Событіе это глубоко взволновало Л. Н—ча. Вскорѣ послѣ этого Л. Н—чъ писалъ одному изъ своихъ друзей:

«Смерть Дрожжина и отнятіе дѣтей у Хилкова суть два важнѣйшія событія, которыя призываютъ всѣхъ насъ къ большой нравственной требовательности къ самимъ себѣ».

И долго еще во всѣхъ письмахъ къ друзьямъ онъ съ волненіемъ говоритъ объ этомъ.

Конечно среди такихъ событій для него да и для друзей его совершенно незамѣтно проходятъ другія событія, которыя при иныхъ условіяхъ могли показаться значительными. Такъ 24 января, на засѣданіи Московскаго Психологическаго Общества Л. Н—чъ былъ избранъ почетнымъ членомъ.

Но вотъ и новое большое событіе, также захватившее Л. Н—ча и потрясшее его до глубины души. Событіе это было — новая картина его друга-художника, Николая Николаевича Ге.

По своему обыкновенію Н. Н. приготовилъ картину къ передвижной выставкѣ, которая открывалась въ Петербургѣ въ концѣ зимы. Онъ послалъ картину прямо въ Москву, а самъ заѣхалъ въ Ясную, гдѣ Л. Н—чъ жилъ тогда съ своими дочерьми. Мнѣ посчастливилось тоже быть тогда въ Ясной, тамъ же жила тогда Марья Александровна Шмидтъ и я забыть не могу той чудной духовной атмосферы, которая связывала нашъ интимный кружокъ. Н. Н—чъ Ге горѣлъ нетерпѣніемъ «сдать свой экзаменъ», показать своему другу свое новое произведеніе. Онъ былъ весь полонъ имъ, полонъ огня вдохновенія и потокъ его рѣчи лился неудержимо, блистая чудными художественными и психологическими красотами.

Л. Н—чъ былъ также чрезвычайно оживленъ, бодръ

и полонъ всякаго рода литературными проектами. Онъ кончилъ «Тулонъ», т.-е. статью, названную имъ «Христіанство и патріотизмъ» и посвященную описанію тулонскихъ празднествъ, закрѣпившихъ основанный тогда франко-русскій союзъ. Всѣ ораторы, царственныя особы и дипломаты, участвовавшіе въ торжествахъ, старались доказать, что союзъ этотъ дастъ миръ Европѣ. Л. Н—чъ, разоблачая ихъ тайныя мысли, доказывалъ, что этотъ союзъ дастъ войну и пророчески изображалъ то самое, къ чему этотъ союзъ привелъ ровно черезъ 20 лѣтъ, т.-е. къ всемірной бойнѣ. Эти же 20 лѣтъ человѣчество потратило неисчислимое количество своихъ силъ на вооруженіе, т.-е. на приготовленія къ самоуничтоженію.

Раздѣлавшись съ этой статьей и отославъ ее переводчикамъ, Л. Н—чъ почувствовалъ непреодолимое желаніе художественнаго писанія. Въ головѣ его было много проектовъ. Между прочимъ въ эти дни пребыванія въ Ясной Полянѣ Л. Н—чъ въ первый разъ разсказывалъ намъ легенду о старцѣ Федорѣ Кузьмичѣ, еще долго потомъ занимавшую его мысли и воображеніе. Мнѣ удалось записать съ его словъ этотъ первый набросокъ его разсказа.

Настроеніе Л. Н—ча въ это время характеризуется записью дневника, сдѣланной 2 февраля. Вотъ что онъ пишетъ:

«Смыслъ жизни для меня сталъ уже заключаться въ томъ, чтобы служить Богу, спасая людей отъ грѣха и страданій.

«Страшно только то, что захочешь угадать тотъ путь, которымъ хочетъ это сдѣлать Богъ, и ошибешься и поспѣшишь, и, вмѣсто того, чтобы содѣйствовать, помѣшаешь, задержишь.

«Одно средство не ошибиться, — не предпринимать, а ждать призыва Бога, такого положенія, въ которомъ нельзя не поступать такъ или иначе: для Бога,

а не противъ него — и въ этихъ случаяхъ всѣ силы души напрягать на то, чтобы дѣлать первое».

Наконецъ 11 февраля мы всей компаніей двинулись въ Москву.

Тамъ насъ ожидала новая картина Ге. Такъ какъ она предназначалась для публичной выставки въ Петербургѣ, то ее нельзя было выставить публично въ Москвѣ и Н. Н. помѣстилъ ее въ одной частной мастерской, на Долгоруковской улицѣ. Выставивъ картину надлежащимъ образомъ съ хорошимъ верхнимъ свѣтомъ, Н. Н. Ге пригласилъ посмотрѣть ее Л. Н—ча. Мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ торжественной и умилительной сцены. Два друга, два великихъ художника, поставившихъ цѣлью своей жизни воплотить въ искусствѣ новый христіанскій идеалъ, были въ этотъ моментъ соединены однимъ сознаніемъ, черезъ которое, какъ черезъ хорошій проводникъ, передавался таинственный токъ художественнаго созерцанія. Волненіе ихъ достигло высшаго предѣла, когда Л. Н—чъ вошелъ въ мастерскую и остановился передъ картиной, устремивъ на нее свой проницательный взглядъ. Н. Н. Ге не выдержалъ этого испытанія и убѣжалъ изъ мастерской въ прихожую. Черезъ нѣсколько минутъ Л. Н—чъ пошелъ къ нему, увидалъ его, смиренно ждущаго суда, онъ протянулъ къ нему руки и они бросились другъ другу въ объятія. Послышались тихія сдержанныя рыданія. Оба они плакали, какъ дѣти, и мнѣ слышались сквозь слезы произнесенныя Л. Н—чемъ слова: «Какъ это вы могли такъ сдѣлать!»

Н. Н. Ге былъ счастливъ. Экзаменъ былъ выдержанъ. Но въ этомъ тріумфѣ уже чувствовалась новая трагедія. Картина такъ сильна, что власти не допустятъ ее до публичной выставки. Такъ и случилось.

Много народу перебывало въ этой маленькой мастерской. По просьбѣ Н. Н. Ге я оставался въ ней дежурить для пріема посѣтителей. Когда посѣтители

уходили и я остался одинъ, меня охватывало какое-то жуткое благоговѣйное чувство, какъ будто я сторожилъ тѣло дорогого покойника.

Н. Н—чъ вскорѣ увезъ картину въ Петербургъ и представилъ ее на выставку. Президентъ Академіи Художествъ великій князь Владиміръ Александровичъ, посмотрѣвъ на картину, отвернулся и произнесъ: «Это бойня!» Этого слова было достаточно, чтобы картину сняли. Новое волненіе для Н. Н—ча. Хотя онъ и ожидалъ этого, но надежда не покидала — надежда показать большой публикѣ, массѣ средняго люда, тысячами посѣщающаго выставку въ Петербургѣ и другихъ городахъ, куда ее перевозятъ — показать, какъ онъ понимаетъ распятіе, съ его безпощаднымъ реализмомъ и съ его идеальнымъ представленіемъ о миссіи Христа.

Ему удалось, послѣ снятія картины съ выставки, выставить ее въ квартирѣ его друга Ник. Алек. Страннолюбскаго. Тысячи людей видѣли ее тамъ, но это была избранная публика, а не та, съ которой хотѣлъ говорить художникъ.

Всѣ эти волненія глубоко потрясли старика и ускорили роковой исходъ.

Л. Н—чъ конечно спѣшилъ утѣшить своего друга, видя въ запрещеніи картины доказательство ея значительности. Онъ такъ отвѣчалъ Н. Н—чу на его извѣщеніе о снятіи картины:

«Давно ужъ надобно бы отвѣчать вамъ, дорогой другъ, да письмо ваше не осталось у меня на столѣ и я отвѣтилъ на другія письма, но не на ваше, одно изъ самыхъ близкихъ моему сердцу.

«То, что картину сняли и то, что про нее говорили, очень хорошо и поучительно. Въ особенности слова: «это бойня». Слова эти все говорятъ: надо, чтобы была представлена казнь, та самая казнь, которая теперь производится, такъ, чтобы на нее также пріятно было смотрѣть, какъ на цвѣточки. Удивительная судьба хри-

стіанства! Его сдѣлали домашнимъ, карманнымъ, обезвредили его и въ такомъ видѣ люди приняли его. И мало того, что приняли его, привыкли къ нему, на немъ устроились и успокоились. И вдругъ оно начинаетъ развертываться во всемъ своемъ громадномъ, ужасающемъ для нихъ, разрушающемъ все ихъ устройство, значеніи.

«Не только ученіе (объ этомъ говорить нечего), но самая исторія жизни, смерти, вдругъ получаетъ свое настоящее обличающее людей значеніе, и они ужасаются и чураются. Снятіе съ выставки ваше торжество. Когда я въ первый разъ увидалъ, я былъ увѣренъ, что ее снимутъ и теперь, когда живо представилъ себѣ обычную выставку съ ихъ величествами и высочествами, съ дамами и пейзажами и nature morte'ами, мнѣ даже смѣшно подумать, чтобы она стояла. Я не понялъ хорошо слова Государя, кажется о томъ, что религія религіей, а зачѣмъ писать непріятно.

«Что говорятъ художники, и кто что говоритъ? Что вы дѣлаете? Скоро ли будете къ намъ?»

Въ это время Л. Н—ча постигаетъ еще новое испытаніе. Третій сынъ его Левъ Львовичъ заболѣваетъ какой-то странной, длительной, изнуряющей желудочной болѣзнью, не поддававшейся никакому лѣченію.

Онъ уѣзжаетъ со своей старшей сестрой Татьяной Львовной въ Парижъ и между ними и Л. Н—чемъ завязывается интересная переписка. Вотъ нѣкоторыя, выдающіяся мѣста изъ нея.

Первое письмо онъ пишетъ еще изъ Гриневки, имѣнія 2-го сына Ильи, гдѣ онъ гостилъ въ концѣ января; въ этомъ письмѣ онъ, между прочимъ, говоритъ:

«Соблазнитель только великій, Парижъ. Не въ грубомъ смыслѣ соблазна всякой похоти, это само собой, но я не про то говорю, но въ смыслѣ прикрытія жестокости жизни и нравовъ.

«Здѣсь, пріѣхавши въ Гриневку и увидавъ замо-

рышей мужичковъ, ростомъ съ 12-тилѣтняго мальчика, работающихъ цѣлый день за 20 коп. у Илюши, мнѣ стало такъ ясно то учрежденіе рабства, которымъ пользуются люди нашего класса, особенно ясно, видя этихъ рабовъ во власти Илюши, который недавно былъ ребенкомъ, мальчикомъ, что рабство это, вслѣдствіе котораго вырождаются поколѣнія людей, возмущаетъ меня, и я, старикъ, ищу какъ бы мнѣ тѣ послѣдніе годы или мѣсяцы, которые осталось мнѣ жить, употребить на то, чтобы разрушить это ужасное рабство; но въ Парижѣ то же рабство, которымъ ты будешь пользоваться, получивъ 500 р. изъ Россіи, то же самое, только оно закрытое».

Въ этомъ же письмѣ онъ разсказываетъ такой комическій эпизодъ:

«... Ѣхавъ сюда, я разговорился съ господиномъ. Онъ сталъ говорить про съѣздъ естествоиспытателей. Я сказалъ, что мнѣ особенно не понравилась рѣчь Данилевскаго. Оказалось, что это самъ Данилевскій, очень умный и симпатичный человѣкъ. Рѣчь его получила такой рѣзкій смыслъ, потому что она урѣзана. Мы пріятно поговорили. И я вновь подтвердилъ себѣ, какъ не надо осуждать».

Въ концѣ февраля онъ между прочимъ писалъ:

«... Я ничего еще толкомъ не началъ. «Тулонъ» кончилъ — но хочется многаго и думается, что не надо ничего писать, а надо больше заниматься тѣмъ художественнымъ произведеніемъ, которое составляетъ жизнь каждаго изъ насъ, прикладывая все вниманіе и усиліе на то, чтобы не было въ ней никакихъ ошибокъ, ни колорита, ни перспективы, ни главное отсутствіе содержанія. Этого же и вамъ желаю, милые друзья дѣти».

Въ мартѣ онъ писалъ имъ о себѣ:

«... Въ послѣднее время очень распустился. Городская суета и съ ней проникающее тщеславіе, никогда не отстающій отъ меня бѣсъ, хотя и никогда не овла-

дѣвающій мною, сталъ безпокоить меня, и я вчера еще рѣшилъ исправиться. Не въ одномъ этомъ, а и въ другихъ грѣхахъ».

Какъ увидимъ ниже, этотъ бѣсъ не оставлялъ его до послѣднихъ лѣтъ его жизни. Тѣмъ цѣннѣе та искренность, съ которой онъ сознавался въ этомъ передъ близкими ему людьми.

Изъ писемъ того времени отмѣтимъ письмо къ одной особѣ по вопросу о воспитаніи. Оно выдается какъ по серьезности и искренности въ постановкѣ вопроса, такъ и по новости его рѣшенія, въ первый разъ высказаннаго Л. Н—чемъ въ этомъ письмѣ:

«Вы пишете, что несмотря на то, что вашъ идеалъ юношескій служенія народу былъ вполнѣ искрененъ, вы, отдавшись семьѣ, дѣтямъ, служеніе которымъ было и продолжаетъ быть для васъ и радостно и естественно, вы отступили отъ прежняго идеала служенія народу тѣмъ болѣе, что при попыткахъ такого служенія вы всегда испытывали неестественность и теперь сомнѣваетесь, правильно ли поступаете, отдавшись одной семьѣ и начинаете чувствовать неудовлетвореніе. Я думаю, что это неудовлетвореніе не можетъ не быть и съ годами все будетъ усиливаться и что для того, чтобы избавиться отъ этого чувства вамъ не нужно бросать семью или ослаблять свою заботу о ней, но нужно внести въ семейную жизнь и заботу тотъ идеалъ, къ которому вы стремились и который не осуществили, но который былъ несомнѣнно истиненъ. Нужно соединить служеніе людямъ и служеніе семьѣ — не механически распредѣляя время на то и другое, а химически, придавъ заботѣ о семьѣ, воспитанію дѣтей идеальное служебное людямъ значеніе. Бракъ, настоящій бракъ, проявляющійся въ рожденіи дѣтей, есть въ своемъ истинномъ значеніи только посредственное служеніе Богу,

служеніе Богу черезъ дѣтей. Отъ этого бракъ, супружеская любовь всегда испытывается нами какъ нѣкоторое облегченіе, успокоеніе. Это есть моментъ передачи своего дѣла другому. «Если, молъ, я не сдѣлалъ того, что могъ и долженъ былъ сдѣлать, такъ вотъ на мою смѣну — мои дѣти — они будутъ дѣлать».

«Но въ томъ-то и дѣло, чтобы они дѣлали, чтобы ихъ воспитать такъ, чтобы они были не помѣха дѣла Божія, а работниками его; чтобы если я не могъ или не могла служить идеалу, который стоялъ передо мною, то сдѣлать все возможное для того, чтобы дѣти служили ему.. И это дастъ цѣлую программу и весь характеръ воспитанія, дастъ воспитанію религіозный смыслъ, и это-то химически соединяетъ въ одно лучшія самоотверженныя стремленія юности и заботу о семьѣ.

«Вотъ это-то я вамъ совѣтую и этого отъ всей души желаю вамъ. Я думаю, что такое направленіе воспитанія довольно опредѣленно и легко на примѣрахъ показать, что сообразно и несообразно съ нимъ. Желаю вамъ радостнаго успѣха въ этомъ дѣлѣ».

Въ это же время онъ пишетъ одному американцу краткое, но сильное и содержательное слово:

«Dear Sir, I think that the churches are the greatest enemies of good Christian life».

(Милостивый Государь, я думаю, что церкви — это самые большіе враги доброй христіанской жизни).

Въ это время въ семьѣ друга Л. Н—ча Черткова происходило тяжелое событіе, сильная болѣзнь его жены Анны Константиновны, страдавшей острой неврастеніей съ какими-то осложненіями и слабѣвшей съ каждымъ днемъ.

Уже нѣсколько разъ Л. Н—чъ получалъ отъ Черткова усиленныя просьбы навѣстить ихъ въ ихъ хуторѣ Ржевскѣ, Воронежской губерніи. Л. Н—чъ отвѣчалъ полнымъ желаніемъ исполнить просьбу и вмѣстѣ

съ тѣмъ объясняя невозможность исполнить ее тотчасъ же. Онъ ждалъ возвращенія дочери и сына изъ заграничной поѣздки.

О здоровьи сына вѣсти были неутѣшительныя и ему нужно было повидать его и побыть съ нимъ первое время по его возвращеніи, чтобы отдать себѣ отчетъ въ дѣйствительной опасности его состоянія.

Наконецъ настало время, болѣе свободное для Л. Н—ча и онъ рѣшилъ ѣхать къ Черткову. Это было въ концѣ марта. Въ виду того, что отъ Черткова получались вѣсти все тревожнѣе и тревожнѣе, я поѣхалъ къ нему раньше Л. Н—ча, чтобы помочь ему въ его дѣлахъ, запущенныхъ имъ вслѣдствіи болѣзни жены.

27 марта я поѣхалъ изъ хутора на лошадяхъ Черткова встрѣтить Л. Н—ча на станцію Ольгинскую и привезъ ихъ на хуторъ. Изъ Москвы путь лежалъ черезъ Воронежъ и Л. Н—чъ остался тамъ на одинъ день, чтобы навѣстить другого больного, разбитаго параличомъ лучшаго друга своего Гаврила Андреевича Русанова.

Въ Ржевскѣ у Черткова Л. Н—чъ провелъ цѣлую недѣлю. Нечего и говорить, сколько радости доставило его посѣщеніе обитателямъ хутора. Въ больную Анну Константиновну онъ влилъ энергію жизни и она стала поправляться.

Вотъ какъ Л. Н—чъ изображаетъ впечатлѣніе отъ этого посѣщенія въ письмѣ къ Софьѣ Андреевнѣ:

«Я очень радъ, что пріѣхалъ; и онъ, и главное они такъ искренно рады, и такъ мы съ ними душевно близки, столько у насъ общихъ интересовъ, и такъ рѣдко мы видимся, что обоимъ намъ хорошо. Она очень жалка и мила, и тверда духомъ. Я сейчасъ же съ ней поговорилъ съ полчаса и вижу, что она уже устала. Приподняться на постели она даже не можетъ сама. Сейчасъ пріѣхала Лизавета Ивановна, я еще не видалъ ее. Я смущался сначала мыслью, что насъ слишкомъ много вдругъ наѣхало, но тутъ столько до-

миковъ, что всѣ размѣстились, и всѣмъ, кажется, удобно, а намъ слишкомъ хорошо. Мѣсто здѣсь очень красивое, постройка на полугорѣ, внизъ идетъ крутой оврагъ и поднимается на другой сторонѣ, поросшій крупнымъ лѣсомъ. Я сейчасъ ходилъ одинъ гулять и набралъ подснѣжниковъ».

Одною изъ литературныхъ работъ Л. Н—ча въ то время была статья объ искусствѣ, надъ которой онъ много работалъ ища новыхъ ясныхъ формъ выраженія своихъ новыхъ взглядовъ въ этой области. Мысли объ этомъ постоянно роились въ головѣ Л. Н—ча и это состояніе отражалось въ запискахъ его дневника. Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ:

23 марта.

«Искусство — истинное только тогда, когда совпадаетъ внутреннее стремленіе съ сознаніемъ исполненія дѣла Божія.

«Можно стремиться выразить то, что занимаетъ, но что не нужно Богу, и можно стремиться содѣйствовать произведеніемъ искусства дѣлу Божію, но не имѣть къ нему внутренняго стремленія, и будетъ не искусство».

«Художественное произведеніе есть то, которое заражаетъ людей, приводитъ ихъ всѣхъ къ одному настроенію.

«Нѣтъ равнаго по силѣ воздѣйствія и подчиненію всѣхъ людей, къ одному и тому же настроенію, какъ дѣло жизни и подъ конецъ цѣлая жизнь человѣческая.

«Если бы только люди понимали все значеніе и всю силу этого художественнаго произведенія своей жизни! Если бы только они такъ же заботливо исполняли его, прилагали всѣ силы на то, чтобы не испортить его чѣмъ-нибудь и произвести его во всей возможной красотѣ!

«А то мы лелѣемъ отраженіе жизни, а самой жизнью

пренебрегаемъ. А хотимъ ли мы или не хотимъ того, она есть художественное произведеніе, потому что дѣйствуетъ на другихъ людей, созерцается ими».

Видимо эта мысль о жизни, какъ о художественномъ произведеніи, сильно занимала его, такъ какъ онъ здѣсь вновь развиваетъ ту же мысль, которую онъ уже выразилъ въ письмѣ ко Л. Л—чу въ Парижъ и которое мы привели въ своемъ мѣстѣ.

Въ это время, сначала въ Россіи, а потомъ и въ другихъ странахъ стало нарождаться новое общественное явленіе. Въ концѣ 80-хъ годовъ докторъ Заменгофъ изъ Вильны основалъ новый весьма облегченный международный языкъ «Эсперанто». Черезъ нѣсколько лѣтъ, когда число эсперантистовъ въ разныхъ странахъ значительно возросло, они рѣшили сорганизоваться и издать свой органъ. Они обратились къ нѣсколькимъ всемірнымъ авторитетамъ съ просьбой выразить свое мнѣніе объ языкѣ эсперанто. Въ томъ числѣ эсперантисты обратились и ко Л. Н—чу. Онъ отвѣтилъ имъ слѣдующимъ письмомъ:

«27 августа 1894 года.

«Милостивые Государи!

«Я получилъ ваши письма и постараюсь, какъ сумѣю — исполнить ваше желаніе, т.-е. высказать свое мнѣніе о мысли вообще всенароднаго языка и о томъ, насколько языкъ эсперанто соотвѣтствуетъ этой мысли.

«Въ томъ, что люди идутъ къ тому, чтобы составить одно стадо, съ однимъ пастыремъ разума и любви, и что одной изъ ближайшихъ предшествующихъ ступеней должно быть взаимное пониманіе людьми другъ друга, въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Для того же, чтобы люди понимали другъ друга, нужно или то, чтобы всѣ языки сами собой слились въ одинъ (что если и случится когда-либо, то только черезъ боль-

шое время), или то, чтобы знаніе всѣхъ языковъ такъ распространилось, чтобы не только всѣ сочиненія были переведены на всѣ языки, но и всѣ бы люди знали такъ много языковъ, чтобы всѣ имѣли возможность на томъ или другомъ языкѣ сообщаться другъ съ другомъ, или то, чтобы былъ избранъ всѣми одинъ языкъ, которому обязательно обучались бы всѣ народы или, наконецъ, то (какъ это предполагается воляпюкистами и эсперантистами), чтобы всѣ люди разныхъ народностей составили бы себѣ одинъ международный, облегченный языкъ, и всѣ обучались ему. Въ этомъ состоитъ мысль эсперантистовъ. Мнѣ кажется, что это послѣднее предположеніе самое разумное и, главное, скорѣе всего осуществимое.

«Такъ я отвѣчаю на первый вопросъ. На второй вопросъ — насколько языкъ эсперанто удовлетворяетъ требованіямъ международнаго языка, — я не могу отвѣтить рѣшительно. Я не компетентный судья въ этомъ. Одно, что я знаю, это то, что воляпюкъ показался мнѣ очень сложнымъ, эсперанто же, напротивъ, очень легкимъ, какимъ онъ долженъ показаться всякому европейскому человѣку. (Я думаю, что для всемірности, въ настоящемъ смыслѣ этого слова, т.-е. для того, чтобы соединить китайцевъ, африканскихъ народовъ и пр., понадобится другой языкъ, но для европейскаго человѣчества эсперанто чрезвычайно легокъ). Легкость обученія его такова, что, получивъ шесть лѣтъ тому назадъ эсперантскую грамматику, словарь и статьи, написанныя на этомъ языкѣ, я, послѣ не болѣе двухъ часовъ занятій, былъ въ состояніи, если не писать, то свободно читать на этомъ языкѣ.

«Во всякомъ случаѣ жертвы, которыя принесетъ человѣкъ нашего европейскаго міра, посвятивъ нѣсколько времени на изученіе этого языка, такъ незначительны, а послѣдствія, которыя могутъ произойти отъ усвоенія всѣми, — хотя бы только европейцами и амери-

канцами — всѣми христіанами, — этого языка, такъ огромны, что нельзя не сдѣлать этой попытки. Я всегда думалъ, что нѣтъ болѣе христіанской науки, какъ знаніе языковъ, то знаніе, которое даетъ возможность общенія и объединенія съ наибольшимъ количествомъ людей.

«Я не разъ видалъ, какъ люди становились во враждебныя отношенія другъ къ другу только отъ механическаго препятствія ко взаимному пониманію. И потому изученіе эсперанто и распространеніе его есть несомнѣнно христіанское дѣло, способствующее установленія Царства Божія, того дѣла, которое составляетъ главное и единственное назначеніе человѣчества».

Этотъ отзывъ Л. Н—ча далъ сильный толчокъ распространенію «Эсперанто». И можно сказать, что широкое развитіе его въ настоящее время многимъ обязано Л. Н—чу.

Въ концѣ апрѣля Л. Н—чъ съ Марьей Львовной уѣхали снова въ Ясную уже на лѣтнее житье. Одному изъ друзей своихъ онъ такъ писалъ объ этомъ отъѣздѣ: «уѣхалъ отдохнуть отъ мучительной суеты Москвы».

Вскорѣ онъ пишетъ оттуда женѣ, наслаждаясь деревенской весной:

«Я сейчасъ послѣ обѣда, въ 5 часовъ поѣхалъ въ Судаково и оттуда Засѣкой на пчельникъ, купальню и черезъ Заказъ домой. Больше шелъ пѣшкомъ, радуясь на красоту Божьяго міра. Трава уже съ четверть, рожь идетъ въ трубку, овсы зеленые кое-гдѣ; на черемухѣ готовъ цвѣтъ и побѣги въ два вершка; осина и ранній дубъ одѣваются. Тепло, влажно, соловьи, кукушки».

Изъ литературныхъ работъ онъ занятъ былъ въ это время обработкой статьи о Мопассанѣ, которая напечатана была вскорѣ въ изданіи «Посредника» въ видѣ

предисловія къ сочиненіямъ Мопассана, переведеннымъ Л. П. Никифоровымъ по выбору самого Л. Н—ча.

Въ маѣ же посѣтилъ Л. Н—ча его американскій единомышленникъ Эрнестъ Кросьби. Въ этотъ первый визитъ онъ не произвелъ особо выгоднаго впечатлѣнія на Л. Н—ча. Напротивъ, онъ писалъ женѣ: «Crosby, какъ всѣ американцы, приличный, неглупый, но внѣшній».

Объ этой встрѣчѣ Л. Н—чъ со свойственнымъ ему искреннимъ самоосужденіемъ разсказываетъ въ письмѣ къ редактору «Посредника», уже послѣ преждевременной смерти Кросьби; письмо это было напечатано въ видѣ предисловія къ сочиненію Кросьби, изданному по-русски «Посредникомъ» подъ заглавіемъ: «Толстой и его жизнепониманіе». Вотъ что онъ писалъ тогда:

«Первое мое знакомство съ нимъ было письменное. Онъ прислалъ мнѣ изъ Египта, гдѣ онъ былъ судьею, довольно большую сумму денегъ для пострадавшихъ отъ неурожая. Я отвѣчалъ на его письмо, и скоро послѣ этого онъ самъ пріѣхалъ.

«Къ стыду моему, помню, что несмотря на привлекательную личность Кросьби, я въ своемъ сужденіи не выдѣлилъ его изъ обычныхъ американскихъ посѣтителей, руководящихся въ своихъ посѣщеніяхъ только моею извѣстностью. Помню, однако, что его вопросъ, прямо обращенный ко мнѣ, удивилъ меня.

«Мы шли, какъ теперь помню, на выходъ изъ стараго дубоваго лѣса. Это было лѣтнимъ вечеромъ. Онъ сказалъ: «Что вы мнѣ посовѣтуете дѣлать теперь, вернувшись въ Америку?» — Это былъ вопросъ, до такой степени выходящій изъ обычныхъ пріемовъ посѣтителей, что я удивился и все-таки не понялъ и тогда его совершенную искренность и то, что въ немъ въ это время совершался тотъ великій для жизни человѣка переворотъ, который пережилъ и я, и котораго желаю всѣмъ людямъ, переворотъ, состоящій въ томъ, что

всѣ многообразныя цѣли жизни вдругъ замѣняются однимъ: дѣлать то, что свойственно человѣку, и то, чего хочетъ отъ меня воля, руководящая тѣмъ міромъ, въ которомъ я живу.

«Я никакъ не думалъ, что этотъ образованный, красивый, богатый, пользующійся хорошимъ общественнымъ положеніемъ человѣкъ могъ серьезно думать о томъ, чтобы, пренебрегши всѣмъ прошедшимъ, посвятить свою жизнь служенію Богу.

«Помню, мы остановились, и я, хотя и не довѣряя вполнѣ его искренности, сказалъ ему, что есть у нихъ въ Америкѣ замѣчательный человѣкъ Джоржъ, и послужить его дѣлу есть дѣло, на которое стоитъ направить всѣ свои силы.

«И, къ удивленію и радости моей, я скоро узналъ и по письмамъ Кросьби и по другимъ свѣдѣніямъ, что онъ не только исполнилъ мой совѣтъ и сталъ энергичнымъ борцомъ за дѣло Джоржа, но сталъ человѣкомъ, во всей своей жизни и дѣятельности преслѣдующимъ одну и ту же со мной цѣль. Это я видѣлъ изъ его писемъ и изъ его прекрасной книги, въ которой онъ съ разныхъ сторонъ, хотя и, къ сожалѣнію, въ стихахъ, высказывалъ съ большой силой свое религіозное, вполнѣ согласное со мной міросозерцаніе».

Къ этому же времени слѣдуетъ отнести попытку Л. Н—ча обходиться въ письмахъ безъ обычныхъ эпитетовъ. Вотъ что онъ пишетъ между прочимъ Е. И. Попову въ письмѣ, которое начиналось такъ, противъ обыкновенія:

«Сейчасъ получилъ ваше письмо, переполненное интересными свѣдѣніями...» безъ всякаго обращенія. Въ концѣ письма онъ объясняетъ это нововведеніе, боясь этой внѣшней холодностью обидѣть друга:

«Если я не пишу условленнаго эпитета: «дорогой»,

то это не потому, что я на сколько-нибудь измѣнился къ вамъ. Я также люблю и цѣню васъ, а я рѣшилъ бросить эти условные эпитеты, всегда непріятные».

Такое же объясненіе встрѣчается и въ другихъ письмахъ того времени. Но это нововведеніе продержалось недолго, всего мѣсяца два. Въ августовскихъ письмахъ мы уже снова встрѣчаемъ эпитетъ «дорогой», и въ одномъ изъ писемъ того времени онъ говоритъ, что безъ этихъ эпитетовъ ему какъ-то неловко, холодно.

Въ это время, т.-е. въ концѣ мая Николай Николаевичъ Ге возвращался къ себѣ въ Черниговскую губернію, на свой хуторъ, близъ станціи Плиски Курско-Кіевской желѣзной дороги.

Перенесенныя имъ волненія давали себя знать и онъ чувствовалъ себя слабымъ, усталымъ. 1 іюня онъ пріѣхалъ на хуторъ и когда повозка остановилась у подъѣзда его дома, онъ почувствовалъ себя дурно, захрипѣлъ и черезъ нѣсколько часовъ скончался.

Вскорѣ вѣсть о его кончинѣ достигла Л. Н—ча и глубоко потрясла его душу. Въ цѣломъ рядѣ писемъ этого времени къ своимъ друзьямъ и въ дневникѣ его отражается то впечатлѣніе, которое произвела на него эта смерть. Приводимъ здѣсь наиболѣе интересныя выдержки.

14 іюня онъ писалъ Ив. Ив. Горбунову:

«Отъ смерти нашего друга не могу опомниться, не могу привыкнуть. Какая удивительная таинственная связь между смертью и любовью. Смерть какъ будто обнажаетъ любовь, снимая то, что скрывало ее, и всегда огорчаешься, жалѣешь, удивляешься, какъ могъ такъ мало любить или скорѣе проявить ту любовь, которая связывала меня съ умершимъ. И когда его нѣтъ, того, кто умеръ, чувствуешь всю силу связывающей тебя съ

нимъ любви. Усиливается, удесятеряется проницательность любви, чего не видалъ прежде или и видѣлъ, но какъ-то совѣстился высказывать, какъ будто это хорошо было и уже что-то излишнее. Это былъ удивительный, чистый, нѣжный, геніальный старикъ ребенокъ, весь по края полный любовью ко всѣмъ и ко всему, какъ тѣ дѣти, подобными которымъ надо быть, чтобы вступить въ Царство Небесное.

«Дѣтская у него была и досада и обида на людей, не любившихъ его и его дѣло. Онъ, которому долженъ бы поклоняться весь христіанскій міръ, былъ вполнѣ счастливъ и сіялъ, если его труды оцѣнивались гимназистомъ и курсисткой.

«Какъ много было людей, которые прямо не вѣрили ему только потому, что онъ былъ слишкомъ ясенъ, простъ и любовенъ со всѣми. Люди такъ испорчены, что имъ казалось, что за его добротой и лаской было что-то, а за ней ничего не было, кромѣ Бога любви, который жилъ въ его сердцѣ.

«А мы такъ плохи часто, что намъ совѣстно, неловко видѣть этого Бога любви: онъ обвиняетъ насъ и мы отворачиваемся отъ него. Я говорю не про кого-нибудь, а про себя. Не разъ я отворачивался отъ него. Просто мало любилъ. Ну, зато теперь больше люблю. И онъ не ушелъ отъ меня. Знаю, гдѣ найти его — въ Богѣ. Поднимаетъ такая смерть, такая жизнь.

«Отъ Петруши, его сына, было длинное письмо, описывающее его послѣдніе дни и смерть. Онъ только-что готовился работать, былъ въ полномъ обладаніи духовныхъ силъ. Былъ веселъ, пріѣхалъ домой, вышелъ изъ экипажа, ахнулъ нѣсколько разъ и померъ».

Подобное же впечатлѣніе Л. Н—чъ выражаетъ въ письмѣ къ Хилкову:

«... не могу привыкнуть къ смерти Ге старшаго Н. Н. (вы вѣрно знаете). Подробностей почти никакихъ не знаю. Только было письмо Колички, что онъ вер-

нулся домой, сказалъ, что ему дурно, слѣзъ съ извозчика, сталъ задыхаться и умеръ. Рѣдкая смерть такъ поражаетъ меня. Ужъ очень онъ живъ былъ и очень былъ хорошъ, просто хорошъ, такъ что доброта его не замѣчалась, а принималась, какъ что-то самое естественное. И потомъ мнѣ казалось, что онъ такъ много еще можетъ и долженъ сдѣлать. Очевидно, мы никакъ не поймемъ, что человѣку нужно и должно сдѣлать, и полагаемъ, что нужно, чего вовсе не нужно и, главное, не видимъ, зачѣмъ и когда нужно умереть. Вы вѣрно также очень любили и любите его. Онъ очень любилъ и любитъ васъ. Отъ Колички нынче получено письмо, что онъ присылаетъ къ намъ всѣ его картины. Были вы у него? Нѣтъ, кажется. Картины на меня мало дѣйствуютъ, но его распятіе нынѣшняго года удивительная картина. Въ первый разъ всѣ увидали, что распятіе казнь и ужасная казнь».

Тогда же онъ писалъ Леонилѣ Фоминишнѣ Анненковой:

«Не помню, чтобы какая-нибудь смерть такъ сильно дѣйствовала на меня. Какъ всегда при близости смерти дорогого человѣка, стала очень серьезна жизнь, яснѣе стали мои слабости, грѣхи, легкомысліе, недостатокъ любви, одного того, что не умираетъ, и просто жалко стало, что въ этомъ мірѣ однимъ другомъ, помощникомъ, работникомъ меньше».

Позднѣе, уже въ августѣ онъ писалъ Николаю Семеновичу Лѣскову:

«О Ге я не переставая думаю, не переставая чувствую его, чему содѣйствуетъ то, что его двѣ картины «Судъ» и «Распятіе» стоятъ у насъ, и я часто смотрю на нихъ, и что больше смотрю, то больше понимаю и люблю.

«Хорошо бы было, если бы вы написали о немъ. Должно быть и я напишу. Это былъ такой большой человѣкъ, что мы всѣ если будемъ писать о немъ съ

разныхъ сторонъ, — мы едва ли сойдемся, т.-е. будемъ повторять другъ друга».

То же отраженіе впечатлѣнія смерти друга мы находимъ и въ дневникѣ того времени. Сначала онъ выражаетъ мысль подобную той, которую онъ выразилъ въ письмѣ къ Горбунову:

13 іюня онъ записываетъ:

«Какая-то связь между смертью и любовью.

«Любовь есть сущность жизни, и смерть, снимая покровъ жизни, оголяетъ какъ бы сущность любовь.

«Когда человѣкъ умеръ, только тогда узнаешь, насколько любилъ его».

И заговоривъ о любви, онъ продолжаетъ развивать свою мысль:

«Все, что вижу: цвѣты, деревья, небо, земля, все это — мои ощущенія. Ощущенія же мои суть не что иное, какъ сознаніе предѣловъ моего «я». «Я» стремится расшириться и въ стремленіи сталкивается съ своими предѣлами въ пространствѣ, и сознаніе этихъ предѣловъ даетъ ему ощущенія, а ощущенія оно объективируетъ въ цвѣтъ, деревья, землю, небо.

«Потомъ подумалъ: Что же такое любовь? Зачѣмъ любовь, когда жизнь состоитъ въ этихъ столкновеніяхъ съ своими предѣлами? Столкновеніе съ этими предѣлами необходимо, и въ этихъ столкновеніяхъ игра жизни. При чемъ тутъ любовь? Не помню какъ, но это представленіе жизни упраздняло любовь, дѣлало ее ненужной. И на меня нашло сомнѣніе и уныніе. Не выдумано ли все то, что я думаю и говорю о любви? Правда, что не одинъ я говорю про нее, не я выдумалъ это. А давно и всѣ. И хотя это и даетъ вѣроятіе, что есть что-то, все-таки не самообманъ ли это?

«Пошелъ дальше и подумалъ: Да почемъ же я знаю, что я — я, а что все то, что я вижу, есть только предѣлъ меня? Кромѣ сознанія предѣла есть еще сознаніе себя — того, что сознаетъ предѣлы. Что же

это сознаніе? Если оно чувствуетъ предѣлы, то оно по существу своему безпредѣльно и стремится выйти изъ этихъ предѣловъ. Чѣмъ же я могу выйти изъ этихъ предѣловъ? Чѣмъ могу проникнуть за нихъ?

«Только тѣмъ, чтобы любить то, что за предѣлами. Такъ что любовь уничтожаетъ предѣлы, соединяя того, кто любитъ съ тѣмъ, что за предѣлами, съ Богомъ, съ любовью.

«Посредствомъ любви человѣкъ разрушаетъ ограничивающіе его предѣлы, можетъ дѣлаться безпредѣльнымъ, Богомъ. Сначала человѣкъ уничтожаетъ эти предѣлы между ближайшими къ нему, понятнѣйшими существами, потомъ между болѣе отдаленными, труднѣе постигаемыми.

«Но какъ же питаться, не убивая растеній, не давя траву, насѣкомыхъ, т.-е. не нарушая любви? Стало быть какъ ни увеличивай предѣлы въ этомъ мірѣ, немыслимо осуществленіе полной любви, т.-е. уничтоженіе предѣловъ между собой и міромъ.

«Невозможно полное осуществленіе, но возможно приближеніе безконечное.

«Но міръ этотъ не одинъ, — есть другіе міры, въ которыхъ осуществленіе это вѣроятно, возможно. Человѣкъ съ одной стороны приближаетъ въ этомъ мірѣ осуществленіе Царства Божія, т.-е. любви; съ другой — самъ готовится къ той жизни, въ которой это возможно».

Эта кратко записанная мысль, при соотвѣтственной обработкѣ могла бы создать цѣлую систему философіи. Но «система» не была свойственна его душѣ. По всѣмъ многочисленнымъ его писаніямъ разбросаны эти перлы мудрости. Онъ предоставилъ послѣдующему поколѣнію собрать эти драгоцѣнныя жемчужины и, нанизавъ на одну нить, создать единое, стройное цѣлое. Въ этомъ задача тѣхъ, кому дорого дѣло жизни, дѣло служенія міру Льва Николаевича.

Это служеніе его безпокоило сильныхъ міра сего, и то-и-дѣло слышались репрессіи, производимыя надъ его единомышленниками.

Около Ясной Поляны поселился агентъ сыскной полиціи для наблюденія за тѣмъ, что дѣлается вокругъ Л. Н—ча. Когда Л. Н—чу указали на это лицо, онъ постарался познакомиться съ нимъ и сердечнымъ, человѣчнымъ отношеніемъ къ нему привелъ его къ тому, что этотъ сыщикъ покаялся Л. Н—чу во всемъ и бросилъ свою должность, ставшую ему противной.

Въ началѣ іюня Л. Н—чъ писалъ И. Б. Фейнерману:

«Помѣшаютъ или не помѣшаютъ вамъ, хорошо то, что вы успѣли сдѣлать. Такъ и въ наше время, только въ болѣе расширенномъ смыслѣ вѣрно то, что ученикамъ Христа надо идти въ другое мѣсто, когда ихъ выгоняютъ въ одномъ. Такъ дѣлается и дѣлалось. И не можетъ не дѣлаться, потому что другого дѣлать нечего. Третьяго дня мы были съ Чертковымъ въ Крапивнѣ у Булыгина, который тамъ сидитъ въ тюрьмѣ за отказъ представить лошадей на воинскую повинность. Онъ въ самомъ твердомъ и радостномъ духѣ и спокойно и невольно проповѣдуетъ въ тюрьмѣ. Завтра хочу еще съѣздить къ нему.

«Слышали вы, что Кудрявцевъ взятъ жандармами и гдѣ-то сидитъ?

«Мнѣ тяжело быть на волѣ...»

А въ половинѣ іюня жандармы нагрянули съ обыскомъ ко мнѣ на хуторъ въ Костромской губерніи, гдѣ я проводилъ лѣто, и въ мою московскую квартиру, гдѣ въ это время жилъ мой другъ, Е. И. Поповъ. Искали у него и у меня повидимому документовъ о жизни недавно умершаго Дрожжина, жизнь котораго въ то время описывалъ Евг. Ив. Поповъ.

Не вдаваясь въ подробности этого дѣла, касающагося лично насъ, я приведу письма Л. Н—ча, свидѣ-

тельствующія объ его отношеніи къ этому событію. Послѣ моего извѣщенія объ обыскѣ, я получилъ отъ него такое письмо:

«Получилъ ваше письмо къ Левѣ, милый П..., и порадовался и пострадалъ за васъ. Порадовался потому что вы поступили такъ, какъ слѣдуетъ, — какъ нельзя иначе поступить христіанину, если онъ свободенъ отъ соблазновъ, а страдалъ за васъ, потому что за другихъ всегда страшно, особенно когда есть близкіе: жены, матери, дѣти, не раздѣляющіе того же жизнепониманія. На дняхъ Булыгинъ сидѣлъ въ тюрьмѣ по рѣшенію земскаго начальника за отказъ поставки лошадей для воинской повинности, и я былъ у него и засталъ его оба раза въ самомъ радостномъ состояніи духа, въ которое, какъ онъ говорилъ, приводило его преимущественно то, что жена его не только не упрекала, но сочувствовала ему. Для того экзамена, какъ вы говорите, который производится этими нападками, нужно нѣкоторое сосредоточеніе и напряженіе, и потому, если въ эту минуту недовольство, раздраженіе, упреки, даже горе близкихъ вамъ развлекаютъ васъ, то становится очень мучительно, въ родѣ того, какъ когда человѣкъ готовится сдѣлать рѣшительный прыжокъ, его хоть слегка дернутъ за рукавъ. Обратное же: выраженіе сочувствія окрыляетъ, какъ я это видѣлъ на Булыгинѣ. Такъ вотъ объ этомъ я страдалъ за васъ и о томъ, что и вамъ можетъ быть тяжело, что васъ посадятъ. У меня нѣтъ теперь вашего письма, оно у Черткова, который взялъ его вчера; но мнѣ помнится, тамъ что-то есть одно лишнее, что вы сказали имъ о насиліи, или что-то, что мнѣ показалось лишнимъ. Радовался же я преимущественно на то, что вы и Ж. поступили совершенно одинаково и совершенно также, какъ каждый изъ насъ считаетъ лучшимъ поступить: т.-е. не только не обидѣть этихъ людей, но быть полезнымъ имъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ своимъ содѣйствіемъ, участіемъ, согласіемъ,

повиновеніемъ имъ не усилить ихъ заблужденіе о томъ, что они дѣлаютъ что-то хорошее и должное; напротивъ, своимъ несодѣйствіемъ, несогласіемъ, неодобреніемъ ихъ дѣла заставить ихъ увидать или хоть почувствовать всю гнусность его».

Ев. Ив. тоже, конечно, не замедлилъ сообщить о совершенномъ надъ нимъ насиліи и получилъ отъ Л. Н—ча такой отвѣтъ:

«Всей душой былъ съ вами, Евгеній Ивановичъ, въ обоихъ дѣлахъ, въ испытаніи, которое вамъ довелось пережить. Ив. Ив. такъ хорошо разсказывалъ мнѣ про ваше отношеніе къ обыску, что я какъ будто присутствовалъ при этомъ. Зная васъ, я живо представляю ваше душевное состояніе и отношеніе къ людямъ, и какъ понимаю и то, что вы говорили, что все, что вы говорили приготовленное (я тоже иногда приготавливаю), выходило «не то» и наоборотъ. Хорошо сдѣлали, что отказались участвовать въ обыскѣ. Ничто такъ не укрѣпляетъ заблужденія и заблудшихъ, какъ содѣйствіе имъ. Дай Богъ вамъ силы, хотѣлъ сказать, перенести то гоненіе — если бы даже и заключеніе, которое придется нести, а потомъ подумалъ, что силы надо просить у Бога не меньше для того, чтобы нести тѣ условія свободной жизни, которыя мы несемъ всѣ всегда».

Часто слышится и въ письмахъ и въ дневникахъ Л. Н—ча эта грустная нотка сожалѣнія о своей свободѣ и какъ легкая жалоба на то, что его не удостаиваютъ гоненія.

Но мы, друзья его, не грустили объ этой его свободѣ и не жаловались на нее. Слишкомъ она была дорога намъ, и я не знаю, какой бы цѣной готовъ былъ я заплатить за то, чтобы эту свободу не отняли у него. У него самого эта грусть смѣнялась восторженнымъ созерцаніемъ вѣчнаго міра, который уже тогда открывался ему. 14 іюня онъ записываетъ въ своемъ дневникѣ:

«Подходя къ Овсянникову смотрѣлъ на прелестный

солнечный закатъ. Въ нагроможденныхъ облакахъ просвѣтъ, а тамъ, какъ красный неправильный уголь, солнце. Все это надъ лѣсомъ. Рожь. Радостно.

«И подумалъ: Нѣтъ, этотъ міръ не шутка, не юдоль испытанія только и перехода въ міръ лучшій, вѣчный, а это одинъ изъ вѣчныхъ міровъ, который прекрасенъ, радостенъ, и который мы не только можемъ, но должны сдѣлать прекраснѣе и радостнѣе для живущихъ съ нами и для тѣхъ, которые послѣ насъ будутъ жить въ немъ».

17 іюня Л. Н—чъ диктовалъ Марьѣ Львовнѣ новую пьесу въ пяти дѣйствіяхъ. Это былъ первый набросокъ драмы: «И свѣтъ во тьмѣ свѣтитъ».

У Л. Н—ча продолжаютъ завязываться сношенія съ заграничными единомышленниками. Около этого времени у него завязалась переписка съ однимъ бывшимъ англійскимъ пасторомъ раціоналистическаго толка Джономъ Кенворти, который основалъ новую христіанскую, религіозную общину. Онъ спрашивалъ совѣта у Л. Н—ча и Л. Н—чъ отвѣчалъ ему. Въ дневникѣ Л. Н—ча въ это время, т.-е. въ половинѣ іюля, записана такая мысль:

«Прибавить къ письму Кенворти:

«Одинъ изъ признаковъ исполненія закона христіанскаго — единеніе. А мы всѣ разбиты на партіи, сословія, народы, вѣры, секты; партіи политическія, экономическія, литературныя; сословія богатыхъ, бѣдныхъ, интеллигентныхъ, народныхъ, аристократовъ, vulgo, народы, племена разныхъ цвѣтовъ, бѣлыхъ, черныхъ, желтыхъ... разныя правительства, — вѣры, секты: христіанская, магометанская, еврейская, буддистская и куча другихъ и еще въ каждой сектѣ.

«Какъ же тутъ основывать секты «communion», не бояться этого, не бояться увеличивать разъединеніе?

«Напротивъ, главное наше дѣло: ломать всѣ пре-

грады, отдѣляющіе насъ, держаться только того, что единитъ не только съ христіанами, но съ буддистами, магометанами, дикими. Въ этомъ христіанство».

Въ августѣ Л. Н—ча навѣстилъ новый единомышленникъ изъ славянъ докторъ Душанъ Петровичъ Маковицкій, ставшій потомъ однимъ изъ самыхъ близкихъ ко Л. Н—чу людей.

Л. Н—чъ такъ сообщаетъ объ этомъ посѣщеніи Черткову:

«Маковицкій очень мнѣ былъ интересенъ. Они, славяне, угнетены, и всю духовную энергію употребляютъ на борьбу съ этимъ угнетеніемъ; но борются они оружіемъ угнетенія, отстаиваютъ свою національность противъ чужой національности, свое исповѣданіе, свой языкъ, свои выгоды. И все это дѣлаютъ они черезъ споры, журналистику, черезъ интриги, кружки, общества, выборы въ сеймѣ и т. п. А тутъ же у нихъ рядомъ съ ними въ ихъ странѣ въ народѣ все болѣе и болѣе разрастается секта «назареновъ» (ихъ въ 1876 г. было пять тысячъ, теперь тридцать тысячъ), которые не признаютъ власти выше закона Христа, не судятся, не присягаютъ, не берутъ оружія. Ихъ засаживаютъ въ тюрьмы сотнями, нѣкоторые сидятъ 10 лѣтъ. И интеллигентные не видятъ, что освобожденіе отъ всѣхъ узъ и всѣхъ угнетеній въ этой вѣрѣ, и смотрятъ черезъ нихъ отыскивая себѣ спасеніе въ томъ, что губитъ ихъ. Мы много говорили съ нимъ про это. И онъ понимаетъ».

Къ осени всѣ стали съѣзжаться въ Москву, приниматься за свои обычныя занятія. Л. Н—чъ оставался въ Ясной до ноября, и при немъ всегда была часть семьи.

Онъ былъ въ то время усиленно занятъ писаніемъ изложенія своего христіанскаго міропониманія. Сначала это было задумано имъ въ катехизической формѣ во-

просовъ и отвѣтовъ, но потомъ онъ эту форму оставилъ и сталъ писать просто въ формѣ систематическаго изложенія.

Интереснымъ событіемъ въ это время было начало новаго періодическаго органа подъ редакціей Л. Н—ча, такъ-называемаго «Архива Л. Н. Толстого».

Онъ былъ начатъ по иниціативѣ Ив. Ив. Горбунова и долго назывался просто журналомъ Ив. Ив—ча. Но потомъ изъ предосторожностей его стали называть «Архивомъ Л. Н. Толстого». Содержаніе его составляли тѣ лучшія изъ присылаемыхъ Л. Н—чу статей и писемъ, которыя по его мнѣнію могли бы быть съ пользою распространены, но которыхъ, по цензурнымъ условіямъ, нельзя было печатать въ Россіи. Журналъ этотъ издавался въ рукописи, переписанной въ нѣсколькихъ копіяхъ на машинѣ Ремингтона.

Онъ расходился въ количествѣ около 25 экземпляровъ между друзьями Л. Н—ча. Всего вышло около 15 номеровъ. Вотъ содержаніе перваго номера:

I. Реформація, долженствующая начаться съ измѣненія сердца.

II. Чего требуетъ теперь Христосъ? Дж. Кенворти.

III. Полемика, вызванная этой статьей на страницахъ журнала «Юный Методистъ».

IV. Новая мѣра.

V. Торо (изъ журнала »Рабочій пророкъ»).

Подобнымъ образомъ составлялись и другіе номера. Полный экземпляръ этого журнала можно съ трудомъ достать. Наиболѣе полный повидимому находится въ Толстовскихъ музеяхъ.

Л. Н—чъ пишетъ объ этомъ предпріятіи Софьѣ Андреевнѣ 12 сентября:

«Съ Ив. Ив. хорошо придумалъ, т.-е. придумалъ онъ, собирать всѣ тѣ прекрасныя статьи, книги и даже письма, которыя я и мы получаемъ и составлять

какъ бы журналъ рукописный, исключая все задорное, осудительное. Не знаю, удастся ли, но мнѣ всегда жалко, что пропадаютъ неизвѣстныя многимъ, прекрасныя и интересныя и поучительныя и для души полезныя вещи, которыя я получаю».

Этотъ «Архивъ» просуществовалъ два года до нашей ссылки по духоборческому дѣлу.

Въ октябрѣ произошло событіе, отразившееся на судьбахъ Россіи и, вѣроятно, всего міра. 20 октября скончался императоръ Александръ III. Онъ долго мучительно умиралъ отъ неизлѣчимой болѣзни, и по мѣрѣ ухудшенія болѣзни во многихъ людяхъ, даже очень отрицательно относившихся къ его царствованію, поднималась къ нему непритворная жалость.

Помню то жуткое чувство, которое я испытывалъ, случайно будучи въ это время въ Петербургѣ, когда по улицамъ расклеивались бюллетени о состояніи здоровья царя. И наконецъ появилось въ черной рамкѣ извѣстіе «Государь Императоръ въ Бозѣ почилъ», группы гуляющихъ собирались на Невскомъ, разговаривая вполголоса, иные крестились, иные плакали, но на всѣхъ лежала печать пережитаго волненія и чего-то страшно серьезнаго, совершившагося въ этотъ моментъ. Помню, какъ я, пріѣхавъ въ Ясную, разсказывалъ свои впечатлѣнія отъ этого событія Л. Н—чу и встрѣтилъ въ немъ полный душевный откликъ и подобное же переживаніе. Мнѣ невольно вспоминалась теперь тогда еще недавно записанная имъ въ дневникѣ фраза: «Смерть оголяетъ любовь». Такая любовь оголилась у многихъ искреннихъ людей и къ почившему монарху.

Еще раньше, во время болѣзни Государя, Л. Н—чъ писалъ Черткову:

«Болѣзнь Государя очень меня трогаетъ. Очень жаль мнѣ его. Боюсь, что тяжело ему умирать, и на-

дѣюсь, что Богъ найдетъ его, а онъ найдетъ путь къ Богу, несмотря на всѣ тѣ преграды, которыя условія его жизни поставили между нимъ и Богомъ».

Вотъ три смерти за этотъ 1894 годъ. Дрожжинъ, бѣдный учитель, замученный властями за то, что не могъ поступить противъ своей совѣсти, свободный независимый художникъ Николай Николаевичъ Ге, сгорѣвшій пламенемъ великаго генія, и глава русскаго государства, могущественный повелитель народовъ. Смерть уравняла ихъ.

И отношеніе Л. Н—ча было къ нимъ, если не одинаково, то однородно. Смерть ихъ возбуждала въ немъ чувство любви и вызывала напоминаніе людямъ о ихъ вѣчной, духовной природѣ.

О литературныхъ занятіяхъ конца октября, Л. Н—чъ коротко и выразительно сообщаетъ въ письмѣ къ Софьѣ Андреевнѣ:

«Я въ эти дни писалъ одно письмо въ англійскія газеты о томъ, что христіанство не имѣетъ цѣлью разрушать существующаго порядка и замѣнять его другимъ, а только личное спасеніе людей, — и письмо баронессѣ Розенъ о томъ, нужно ли приводить въ ясное сознаніе и выражать словами свои религіозныя убѣжденія, или не нужно. Оба кончилъ. Свое изложеніе вѣры отложу еще. Все хочется начать сначала, и иначе. Писемъ никакихъ дня три не получалъ, вѣроятно читаютъ».

Послѣдняя фраза относится къ предположенію, весьма вѣроятному, что за Л. Н—чемъ въ то время былъ учиненъ надзоръ и письма его вскрывались.

Въ это же время подъ руководствомъ Л. Н—ча была переведена буддійская сказка Карма; отсылая ее редактору «Сѣвернаго Вѣстника» для напечатанія (она появилась въ декабрѣ того же года) Л. Н—чъ писалъ:

«Посылаю вамъ переведенную мною изъ американскаго журнала «Open Court» буддійскую сказочку подъ заглавіемъ «Карма». Сказочка эта очень понравилась мнѣ и своей наивностью и своей глубиной. Особенно хорошо въ ней разъясненіе той, часто съ разныхъ сторонъ въ послѣднее время затемняемой истины, что избавленіе отъ зла и пріобрѣтеніе блага добывается только своимъ усиліемъ, что нѣтъ и не можетъ быть такого приспособленія, посредствомъ котораго, помимо своего личнаго участія, достигалось бы свое или общее благо. Разъясненіе это въ особенности хорошо тѣмъ, что тутъ же показывается и то, что благо отдѣльнаго человѣка только тогда истинное благо, когда оно благо общее. Какъ только разбойникъ, вылѣзавшій изъ ада, пожелалъ блага себѣ одному, такъ его благо перестало быть благомъ и онъ оборвался. Сказочка эта какъ бы съ новой стороны освѣщаетъ двѣ основныя, открытыя христіанствомъ истины: о томъ, что жизнь только въ отреченіи отъ личности — кто погубитъ душу, тотъ обрѣтетъ ее — и что благо людей только въ единеніи съ Богомъ и черезъ Бога между собою: Какъ ты во мнѣ и я въ тебѣ, такъ и они да будутъ въ насъ едино. Іоан. XVIII, 21.

«Я читалъ эту сказочку дѣтямъ, и она нравилась имъ. Среди большихъ же послѣ чтенія ея всегда возникали разговоры о самыхъ важныхъ вопросахъ жизни. И мнѣ кажется, что это очень хорошая рекомендація».

Въ серединѣ ноября Л. Н—чъ возвратился въ Москву.

Мы уже упоминали въ этой главѣ о томъ безпокойствѣ, которая обнаруживала администрація по отношенію ко Л. Н—чу и его единомышленникамъ. Конечно, къ тому были основательныя причины. Взгляды Л. Н—ча начали проникать въ народъ. Путей проникно-

венія этихъ взглядовъ было главнымъ образомъ два: первый это личная пропаганда жизнью единомышленниковъ Л. Н—ча, огромное большинство которыхъ жило въ деревнѣ, въ живомъ общеніи съ народомъ; другой путь были изданія «Посредника», руководимаго Л. Н—чемъ. Книжки «Посредника», несмотря на строгость тогдашней цензуры, давали столько живого матеріала уму и сердцу русскаго крестьянина, и притомъ въ столь доступной формѣ, что тамъ, гдѣ они появлялись, начиналось сознательное, критическое отношеніе къ существующему строю и попытки его измѣненія, всегда начиная съ самого себя.

И вотъ въ началѣ 90-хъ годовъ книжечки «Посредника» проникаютъ на Кавказъ, въ среду духоборческой секты. Сѣмена попадаютъ на добрую почву и приносятъ плодъ. Духоборческая секта, сама по себѣ живая, въ лицѣ своихъ лучшихъ представителей пользуются книжками «Посредника» для обновленія своего міровоззрѣнія и на Кавказѣ начинается новое религіозное движеніе среди духоборовъ. Первая стадія этого движенія заканчивается ссылкой духоборческаго руководителя П. В. Веригина сначала въ Архангельскую губернію, а потомъ въ Березовъ, Тобольской губерніи. При переводѣ его этапнымъ порядкомъ изъ Архангельской губерніи въ Тобольскую, онъ попадаетъ на нѣсколько дней въ Московскую Бутырскую пересыльную тюрьму, гдѣ знакомится съ однимъ уголовнымъ арестантомъ Д., котораго мы, участники «Посредника», посѣщали въ пріемные дни, поддерживая черезъ него сношенія съ однимъ нашимъ другомъ, заключеннымъ въ той же тюрьмѣ за отказъ отъ воинской повинности и содержавшимся въ Башнѣ, съ политическими. Такимъ образомъ намъ удалось установить связь и съ Веригинымъ, о которомъ мы знали до сихъ поръ только по газетамъ.

Конечно, этимъ пріѣздомъ Веригина въ Москву заинтересовался и Л. Н—чъ.

Привожу выдержку изъ записанныхъ мною уже давно воспоминаній о нашемъ свиданіи съ духоборами, бывшими тогда въ Москвѣ и пріѣхавшими на свиданіе и проводы своего руководителя:

«Въ одинъ изъ пріемныхъ дней въ тюрьму пошелъ на свиданіе Е. И. Поповъ. Придя домой, онъ разсказалъ, что видѣлъ въ тюрьмѣ П. В. Веригина за рѣшеткой съ арестантами, а передъ рѣшеткой въ числѣ пришедшихъ на свиданіе видѣлъ трехъ духоборцевъ, съ которыми и познакомился.

«Конечно, мы всѣ рѣшили въ слѣдующій пріемный день идти въ тюрьму на свиданіе, но Ев. Ив. объявилъ, что духоборцы, пріѣхавшіе на свиданіе съ Веригинымъ, сказали ему, что Веригина на другой же день вечеромъ отправляютъ особымъ этапомъ въ Сибирь, такъ что видѣть его больше нельзя. Оставалось только возможнымъ повидать друзей Веригина, что мы и исполнили. Вечеромъ того же дня, часа въ три-четыре, мы отправились въ гостиницу къ Краснымъ воротамъ. Съ нами пошелъ и Л. Н. Толстой, который также мало зналъ о духоборцахъ, но интересовался ими, потому что слыхалъ о новомъ религіозномъ движеніи, начавшемся въ ихъ средѣ.

«Мы вошли въ большой просторный номеръ гостиницы и увидали трехъ взрослыхъ мужчинъ въ особыхъ красивыхъ полукрестьянскихъ, полуказацкихъ одеждахъ, привѣтливо съ нѣкоторой торжественностью поздоровавшихся съ нами. Это были духоборцы: братъ Петра Веригина, Василій Васильевичъ Веригинъ, Василій Гавриловичъ Верещагинъ, умершій на пути въ Сибирь, и Василій Ивановичъ Объѣдковъ. Всѣхъ насъ поразилъ скромный, но достойный видъ этихъ людей, представлявшій не только мѣстную, но какъ будто расовую или, по крайней мѣрѣ, національную особенность; никому изъ насъ ни раньше, ни послѣ не приходилось встрѣчать подобныхъ людей внѣ духоборческой среды.

«Мы, а по преимуществу Л. Н. Толстой, стали

разспрашивать ихъ о ихъ жизни и взглядахъ. Короткое время свиданія и малое знакомство съ ихъ прошлымъ не позволило намъ вдаться въ подробности, и мы могли обмѣняться только общими положеніями. На большую часть вопросовъ Льва Николаевича по поводу насилія, собственности, церкви, вегетаріанства они отвѣчали согласіемъ съ его взглядами, а на вопросъ о томъ, какъ же они прилагаютъ это къ жизни, они отвѣчали съ какою-то таинственностью, что все это у нихъ только начинается, что теперь кое-кто такъ думаетъ и живетъ, а скоро всѣ открыто присоединятся къ нимъ.

«Отъ нихъ мы получили нѣкоторыя свѣдѣнія о П. В. Веригинѣ; узнали, что онъ уже седьмой годъ въ ссылкѣ, что пребываніе его въ Шенкурскѣ нашли опаснымъ и теперь пересылаютъ на житье въ Сибирь. Одинъ изъ трехъ духоборцевъ, именно Василій Объѣдковъ, ѣхалъ съ нимъ въ Сибирь въ качествѣ провожатаго, а другіе два, Веригинъ и Верещагинъ, отправлялись на Кавказъ, везя своимъ духовнымъ братьямъ завѣты ихъ руководителя о христіанской жизни.

«Побесѣдовавъ съ ними около часу и передавъ имъ нѣкоторыя книги и рукописи, которыя, какъ намъ казалось, могли интересовать ихъ, мы стали собираться домой. Прощаясь съ ними, Левъ Николаевичъ попросилъ ихъ писать о ходѣ дѣлъ. Веригинъ вынулъ записную книжку и, обращаясь къ Льву Николаевичу, сказалъ: «Пожалуйста напишите кто вы такой и какъ вамъ писать». Левъ Николаевичъ записалъ свой адресъ и мнѣ, часто наблюдавшему встрѣчу Льва Николаевича съ другими людьми и замѣчавшему то волненіе, которое производитъ на людей его имя, — показалось страннымъ, что на духоборца оно не произвело видимаго впечатлѣнія. Очевидно онъ, если и слыхалъ раньше о Толстомъ, тутъ отнесся къ нему, какъ къ совершенно обыкновенному человѣку, какъ и къ каждому изъ насъ, т.-е. какъ къ человѣку, выразившему имъ участіе.

«Больше мы ихъ не видали».

Но конечно этимъ свиданіемъ были проведены крѣпкія нити общенія съ духоборцами, которое съ тѣхъ поръ не прерывалось и дало непредвидѣнные результаты въ будущемъ.

Мы закончимъ описаніе этого года жизни Л. Н—ча, преисполненнаго волненій, выпиской изъ его дневника отъ 25 декабря:

«Я прежде видѣлъ явленія жизни, не думая о томъ, откуда эти явленія, и почему я ихъ вижу.

«Потомъ я понялъ, что все, что я вижу, происходитъ отъ свѣта, который есть разумѣніе. И я такъ радовался, что свелъ все къ одному, что совершенно удовлетворился признаніемъ одного разумѣнія началомъ всего.

«Но потомъ я увидалъ, что разумѣніе есть свѣтъ, доходящій до меня черезъ какое-то матовое стекло. Свѣтъ я вижу, но то, что даетъ этотъ свѣтъ, я не знаю. Но я знаю, что оно есть.

«Это то, что есть источникъ свѣта, освѣщающаго меня, которое я не знаю, но существованіе котораго знаю, есть Богъ».

«Бога знаешь не столько разумомъ, даже не сердцемъ, но по чувствуемой полной зависимости отъ Него, въ родѣ того чувства, которое испытываетъ грудной ребенокъ на рукахъ матери. Онъ не знаетъ, кто его держитъ, кто грѣетъ, кто кормитъ, но знаетъ, что есть этотъ кто-то, и мало того, что знаетъ, — любитъ его.

«Въ первый разъ почувствовалъ возможность любить Бога».

«Для того, чтобы спастись, т.-е. не быть несчастнымъ, не страдать, надо забыть себя.

«Единственное забвеніе себя есть забвеніе любви, но большинство людей, подчиняясь соблазнамъ, не любятъ и не хотятъ забыться любовью и изощряются забываться табакомъ, виномъ, опіумомъ, искусствами».

Мы можемъ считать этотъ моментъ жизни Л. Н—ча нѣкоторымъ этапомъ его духовнаго развитія и на этомъ заканчиваемъ вторую часть третьяго тома жизнеописанія Л. Н—ча Толстого.

Часть третья

Духоборы. Воскресеніе

ГЛАВА XII

Смерть Вани. Хозяинъ и работникъ. Духоборы

1895 г.

Большую часть января Л. Н—чъ провелъ въ имѣніи своего стараго друга, графа Олсуфьева, Никольскомъ, куда онъ поѣхалъ съ своею дочерью Татьяной Львовной 1 января на саняхъ изъ Москвы. Путешествіе было настолько пріятно, что Л. Н—чу хотѣлось его продолжать. Онъ пишетъ своей женѣ:

«Вотъ мы уже вторыя сутки здѣсь, милый другъ Соня. Доѣхали мы такъ хорошо, что жалко было пріѣхать». И въ концѣ письма прибавляетъ:

«Мнѣ очень хочется здѣсь написать нѣчто давно задуманное, но, видно, это не въ нашей власти, и нынче я былъ дальше отъ возможности писать, чѣмъ когда-нибудь» [1]).

Но потомъ, какъ видно, писанье у него наладилось, и Л. Н—чъ, живя у Олсуфьевыхъ, докончилъ давно, еще въ Бѣгичевкѣ начатый разсказъ: «Хозяинъ и работникъ»; онъ отослалъ его передъ самымъ отъѣздомъ отъ Олсуфьевыхъ въ редакцію «Сѣвернаго Вѣстника», гдѣ онъ и былъ напечатанъ въ мартовской книжкѣ; къ нему мы еще вернемся.

Тамъ же въ Никольскомъ Л. Н—чъ дѣлаетъ интересную запись въ дневникѣ 4-го января:

[1]) Письма къ женѣ, стр. 484.

«Служба, торговля, хозяйство, даже филантропія — не совпадаетъ съ дѣломъ жизни: служенія Царству Божію, т.-е. содѣйствія вѣчному прогрессу»[1]).

Въ концѣ января Л. Н—чъ возвращается въ Москву.

Дневникъ Л. Н—ча этого времени особенно обиленъ глубокими, значительными мыслями. Мы приведемъ здѣсь нѣсколько яркихъ выдержекъ. Вотъ какъ онъ опредѣляетъ «сумасшествіе эгоизма». Запись эта относится къ началу февраля:

«Сумасшествіе — это эгоизмъ, или наоборотъ, эгоизмъ, т.-е. жизнь для себя одного, своей личности, есть сумасшествіе.

(Хочется сказать, что другого сумасшествія нѣтъ, но не знаю, правда ли).

«Человѣкъ такъ сотворенъ, что не можетъ жить одинъ такъ же, какъ не могутъ жить однѣ пчелы; въ него вложена потребность служенія другимъ. Если вложена, т.-е. свойственна ему потребность служенія, то вложена и естественна потребность быть услуживаемымъ, être servi.

«Если человѣкъ лишится второго, т.-е. потребности пользоваться услугами людей, онъ сумасшедшій, — параличъ мозга, меланхолія, если онъ лишится первой потребности, служить другимъ, — онъ сумасшедшій всѣхъ самыхъ разнообразныхъ сортовъ сумасшествія, изъ которыхъ самый характерный — манія величія.

«Самое большое количество сумасшедшихъ, — это сумасшествіе второго рода, — тѣ, которые лишились потребности, служить другимъ, — сумасшедшіе эгоизма, какъ я это и сказалъ сначала. Сумасшедшихъ этого рода огромное количество; большинство людей мірскихъ одержимо этимъ сумасшествіемъ. Оно не бросается намъ въ глаза только потому, что сумасшествіе

---

[1]) Архивъ Черткова.

это обще большимъ массамъ, а сумасшедшіе этого рода соединяются вмѣстѣ.

«Они мало страдаютъ отъ своего сумасшествія, потому что не встрѣчаютъ ему отпора, а, напротивъ, сочувствіе. И потому всѣ люди, одержимые этимъ сумасшествіемъ, съ страшнымъ упорствомъ держатся битыхъ колей, преданій внѣшнихъ, свѣтскихъ условій. Это одно спасаетъ ихъ отъ мучительной стороны ихъ эгоистическаго сумасшествія.

«Какъ только такой человѣкъ почему бы то ни было выходитъ изъ сообщества одинаковыхъ съ собой людей, такъ онъ сейчасъ же дѣлается несчастнымъ и, очевидно, сумасшедшимъ. Такіе сумасшедшіе всѣ составители богатствъ, честолюбцы гражданскіе и военные. Какъ только они внѣ такихъ же, какъ они, людей, — внѣ «voies communes»[1]), такъ они «fous à lier»[2]).

Какъ видно, здѣсь Л. Н—чъ устанавливаетъ принципъ единенія человѣка, обмѣна живыхъ услугъ съ окружающими его людьми, невозможности отдѣлиться отъ нихъ. Интересно сопоставить эту мысль съ почти противоположной, записанной въ этотъ же день, нѣсколько далѣе:

«Глядя на то, что дѣлается во всѣхъ собраніяхъ, на то, что дѣлается въ свѣтѣ съ условными приличіями и увеселеніями, мнѣ поразительно ясна стала, кажется, никогда еще не приходившая мнѣ мысль, что кучей, толпой, собраніемъ дѣлается только зло. Добро дѣлается только каждымъ отдѣльнымъ человѣкомъ порознь».

Конечно, тутъ нѣтъ противорѣчія. Добро человѣкъ дѣлаетъ въ одиночку, за свой счетъ и за своей отвѣтственностью, но этимъ добромъ онъ служитъ людямъ и долженъ быть готовъ принять услуги другихъ. Въ этомъ заключаются здоровыя условія общественной жизни человѣка.

[1]) Обычныхъ путей.
[2]) Сумасшедшіе, которыхъ нужно вязать.

Этотъ годъ ознаменовался особенно яркими протестами отдѣльныхъ личностей и цѣлыхъ группъ противъ государственнаго насилія, въ видѣ суда, войска, присяги, податей, какъ несовмѣстимыхъ съ христіанскимъ жизнепониманіемъ. Большая часть людей, заявившихъ этотъ протестъ, находились въ сношеніяхъ со Л. Н—чемъ, выражая ему сочувствіе, и можно думать, что ихъ поступки носили на себѣ вліяніе его взглядовъ. Надо вспомнить, что годъ тому назадъ стало распространяться въ Россіи и за границей сочиненіе Л. Н—ча: «Царствіе Божіе внутри васъ», несомнѣнно сильно дѣйствовавшее на читателя.

Однимъ изъ такихъ протестовъ былъ отказъ отъ военной службы австро-венгерскаго военнаго врача Альберта Шкарвана, друга и единомышленника Душана Петровича Маковицкаго. Отъ него Л. Н—чъ и получилъ первое извѣстіе о поступкѣ Шкарвана.

И Л. Н—чъ такъ отвѣчалъ ему 10 февраля того же года:

«Получилъ вчера ваше письмо, дорогой Душанъ Петровичъ, и очень былъ тронутъ и пораженъ сообщаемымъ вами извѣстіемъ о поступкѣ нашего общаго друга Шкарвана. Когда я узнаю про такого рода поступки, то испытываю всегда очень сильное смѣшанное чувство страха, торжества, состраданія и радости. Во всѣхъ такого рода дѣлахъ непремѣнно одно изъ двухъ: или это проявленіе всемогущаго Бога въ человѣкѣ, и тогда это торжество и радость и несомнѣнная побѣда, хотя бы и сгорѣлъ тотъ человѣкъ, въ которомъ проявляется Богъ, или дѣло человѣческаго личнаго побужденія — славолюбія, раздраженія, страсти, и тогда это проявленіе только служитъ источникомъ страданія для того, кто проявляетъ его и не только не служитъ, но только вредитъ дѣлу Божьему. Признакъ же того, что это дѣло Божье, а не человѣческое, есть то, что, совершая его, человѣкъ дѣ-

лаетъ не то, что ему хочется, а то, чего онъ не можетъ не дѣлать.

«Надѣюсь и вѣрю, что нашъ дорогой Шкарванъ поступилъ такъ, какъ онъ поступилъ, т.-е. не могъ поступить иначе, и тогда это дѣло Божье творится черезъ него, и что бы съ нимъ ни дѣлали, онъ не будетъ страдать, а будетъ радоваться вмѣстѣ съ нами. Пишите пожалуйста о немъ все, что знаете. Не можемъ ли мы чѣмъ служить ему? Передайте ему мою любовь.

«Видно среди вашего духовенства также ужасная недобросовѣстность и выставленіе человѣческихъ государственныхъ интересовъ впереди Божескихъ. Поразителенъ страхъ духовенства передъ истиной, часть которой проявилась въ ученіи Назареновъ, и сознаніе своего безсилія. Гнать нельзя — совѣстно, надо быть либеральнымъ, а толкованіе ученія только обличаетъ правду Назаренъ и ложь церквей. Что же дѣлать? Надо вилять. Они это и дѣлаютъ, стараясь хоть на время, на свою жизнь отстоять свое положеніе».

Но рядомъ съ этими, радостно волновавшими душу Л. Н—ча событіями, ему пришлось перепести и тяжелое испытаніе въ его личной семейной жизни.

Въ концѣ февраля заболѣлъ скарлатиной и 23 въ 11 часовъ ночи, проболѣвъ нѣсколько дней, скончался его младшій сынъ Ваничка.

Мнѣ пришлось быть въ эти тяжелые дни въ домѣ Толстыхъ и наблюдать ту серьезную борьбу, которую велъ Л. Н—чъ между безысходнымъ горемъ и религіозной покорностью высшей волѣ. Степень этого горя легко понять изъ словъ, высказанныхъ Л. Н—чемъ Софьѣ Андреевнѣ послѣ кончины этого сильно любимаго всѣми ребенка: «А я-то мечталъ, что Ваничка будетъ продолжать послѣ меня дѣло Божіе! Что дѣлать!»

Слова эти были сказаны съ едва сдерживаемыми слезами и рыданіями.

Помнится мнѣ, когда, послѣ совершенія обычнаго погребальнаго обряда, передъ самымъ выносомъ маленькаго тѣла изъ Хамовническаго дома, мы со Л. Н—чемъ почему-то очутились вдвоемъ у маленькаго гробика, уже закрытаго, но еще не заколоченнаго, а всѣ остальные члены семьи ушли собираться въ дорогу, на кладбище, Л. Н—чъ подошелъ къ гробику, поднялъ еще послѣдній разъ крышку, взглянулъ на восковое, милое личико, посмотрѣлъ на меня, какъ бы ища сочувствія, и, всхлипывая, проговорилъ: «какое хорошенькое личико», и по старческому, изнуренному лицу ручьемъ потекли слезы. Онъ закрылъ крышку и вышелъ изъ комнаты.

Во многихъ письмахъ и въ записяхъ дневника того времени мы находимъ описаніе тѣхъ чувствъ и мыслей, которыя вызвала во Л. Н—чѣ и въ окружающихъ его близкихъ людяхъ эта, хотѣлось бы сказать, преждевременная кончина. Но знаемъ ли мы время, когда должна кончаться земная жизнь человѣка?

Первое письмо объ этомъ, на другой день послѣ смерти Ванички, Л. Н—чъ написалъ Черткову, вотъ оно:

«У насъ тяжелое испытаніе, милый другъ. Ваничка заболѣлъ скарлатиной и черезъ два дня вчера вечеромъ, 23-го, умеръ. Жена тяжело страдаетъ, но, благодарю Бога, религіозно переноситъ все ужасное горе. У ней вся жизнь была въ немъ, онъ былъ послѣдній и былъ исключительный по своимъ духовнымъ свойствамъ мальчикъ. До сихъ поръ все хорошо, прошу Бога, чтобы Онъ помогъ мнѣ поступать въ эти торжественныя минуты такъ, какъ Онъ хочетъ. Удивительно приближаетъ къ Нему, — а Онъ любовь, —

смерть. Хочется и въ васъ обоихъ вызвать и чувствовать то божеское, что есть въ васъ, т.-е. любовь».

И въ слѣдующемъ письмѣ онъ снова пишетъ объ этомъ горѣ:

«Мнѣ бываетъ минутами жаль, что нѣтъ больше здѣсь съ нами этого милаго существа, но я останавливаю это чувство и могу это сдѣлать (знаю, что жена не можетъ этого), но основное главное чувство мое — благодарность за то, что было и есть, и благоговѣйнаго страха передъ тѣмъ, что приблизилось и уяснилось этой смертью.

«Жена, какъ я писалъ вамъ, переноситъ тяжело, но очень хорошо. Въ особенности первые дни я былъ ослѣпленъ красотою ея души, открывшейся вслѣдствіе этого разрыва. Она первые дни не могла переносить никакого — кого-нибудь къ кому-нибудь выраженія нелюбви. Я какъ-то сказалъ при ней про лицо, написавшее мнѣ безтактное письмо соболѣзнованія: какой онъ глупый. Я видѣлъ, что это больно рѣзнуло ее по сердцу такъ же и въ другихъ случаяхъ. Но иногда этотъ свѣтъ начинаетъ слегка заслоняться, и я ужасно боюсь этого. Но все-таки жизнь этого ребенка, ставшая явной при его смерти, произвела на нее и, надѣюсь, и на меня самое благотворное вліяніе. Увидавъ возможность любви, не хочется уже жить безъ нея».

12 марта онъ записываетъ въ своемъ дневникѣ:

«Смерть Ванички была для меня, какъ смерть Николеньки (нѣтъ въ гораздо большей степени), проявленіе Бога, привлеченіе къ Нему. И потому не только не могу сказать, чтобы это было грустное, тяжелое событіе, но прямо говорю, что это радостное — не радостное, — это дурное слово, но милосердное, отъ Бога, распутывающее ложь жизни, приближающее къ Нему событіе».

Вотъ еще нѣсколько мыслей о смерти, записанныхъ

въ тотъ же день и очевидно вызванныхъ тѣмъ же событіемъ:

«Одно изъ двухъ: или смерть, висящая надъ всѣми нами, властна надъ нами и можетъ разлучать насъ и лишать насъ блага любви; или смерти нѣтъ, а есть рядъ измѣненій, совершающихся со всѣми нами, въ числѣ которыхъ одно изъ самыхъ значительныхъ есть смерть, и что измѣненія эти совершаются надъ всѣми нами, различно сочетаясь, одни прежде, другія послѣ, какъ волны.

«Смерть дѣтей съ обыкновенной точки зрѣнія: природа пробуетъ давать лучшихъ, и, видя, что міръ еще не готовъ для нихъ, беретъ ихъ назадъ. Но пробовать она должна, чтобы идти впередъ. Какъ ласточки, прилетающія слишкомъ рано, замерзаютъ. Но имъ все-таки надо прилетать. Такъ Ваничка.

«Но это объективное, дурацкое разсужденіе. Разумное же разсужденіе то, что онъ сдѣлалъ, дѣло Божіе: установленіе Царства Божія черезъ увеличеніе любви, больше, чѣмъ многіе, пожившіе полвѣка и больше.

«Да, любовь есть Богъ.

«Нѣсколько дней послѣ смерти Ванички, когда во мнѣ стала ослабѣвать любовь (то, что далъ мнѣ черезъ Ваничкину жизнь и смерть Богъ, никогда не уничтожится), я думалъ, что хорошо поддерживать въ себѣ любовь тѣмъ, чтобы во всѣхъ людяхъ видѣть дѣтей, представлять ихъ себѣ такими, какими они были семи лѣтъ.

«Я могу дѣлать это. И это хорошо».

Особенно замѣчательно письмо Л. Н—ча къ его старому другу, графинѣ Александрѣ Андреевнѣ Толстой:

«Соня третьяго дня начала писать это письмо — не кончила и вчера заболѣла инфлуенціей и нынче

все еще нездорова и попросила меня дописать. А я очень радъ этому, милый, дорогой старый другъ. — Тѣлесная болѣзнь Сони, кажется, не опасна и не тяжела; но душевная боль ея очень тяжела, хотя мнѣ думается, не только не опасна, но благотворна и радостна, какъ роды, какъ рожденіе къ духовной жизни. Горе ея огромно. Она отъ всего, что было для нея тяжелаго, неразъясненнаго, смутно тревожащаго ее въ жизни, спасалась въ этой любви, любви страстной и взаимной къ дѣйствительно особенно духовно, любовно одаренному мальчику. (Онъ былъ одинъ изъ тѣхъ дѣтей, которыхъ Богъ посылаетъ преждевременно въ міръ, еще не готовый для нихъ, одинъ изъ передовыхъ, какъ ласточки, прилетающія слишкомъ рано и замерзающія). И вдругъ онъ взятъ былъ у нея, и въ жизни мірской, несмотря на ея материнство, у нея какъ будто ничего не осталось. И она невольно приведена къ необходимости, подняться въ другой духовный міръ, въ которомъ она не жила до сихъ поръ. И удивительно, какъ ея материнство сохранило ее чистой и способной къ воспріятію духовныхъ истинъ. Она поражаетъ меня своей духовной чистотой — смиреніемъ особенно. Она еще ищетъ, но такъ искренно, всѣмъ сердцемъ, что я увѣренъ, что найдетъ. Хорошо въ ней то, что она покорна волѣ Бога и проситъ только Его научить ее, какъ ей жить безъ существа, и въ которое вложена была вся сила любви. И до сихъ поръ еще не знаетъ, какъ. Мнѣ потеря эта больна, но я далеко не чувствую ее такъ, какъ Соня, во-первыхъ потому, что у меня была и есть другая жизнь духовная, во-вторыхъ потому, что я изъ-за ея горя не вижу своего лишенія и потому что вижу, что что-то великое совершается въ ея душѣ, и жаль мнѣ ее, и волнуетъ меня ея состояніе. Вообще могу сказать, что мнѣ хорошо.

«Послѣдніе эти дни Соня говѣла съ дѣтьми и съ

Сашей, которая умилительно серьезно молится, говѣетъ и читаетъ Евангеліе. Она бѣдная очень больно была поражена этой смертью. Но думаю — хорошо. Нынче она причащалась, а Соня не могла, потому что заболѣла. Вчера она исповѣдовалась у очень умнаго священника Валентина (другъ наставникъ Машеньки, сестры), который сказалъ хорошо Сонѣ, что матери, теряющія дѣтей, всегда въ первое время обращаются къ Богу, но потомъ опять возвращаются къ мірскимъ заботамъ и опять удаляются отъ Бога, и предостерегалъ ее отъ этого. И, кажется, съ ней не случится этого.

«Какъ я радъ, что здоровье ваше поправилось или поправляется. Можетъ быть еще приведетъ Богъ увидаться. Очень желаю этого.

«Сколько разъ прежде я себя спрашивалъ, какъ спрашиваютъ многіе: для чего дѣти умираютъ? И никогда не находилъ отвѣта. Въ послѣднее же время, вовсе не думая о дѣтяхъ, а о своей и вообще человѣческой жизни, я пришелъ къ убѣжденію, что единственная задача жизни всякаго человѣка — въ томъ только, чтобы увеличить въ себѣ любовь, и, увеличивая въ себѣ любовь, заражать этимъ другихъ, увеличивая и въ нихъ любовь. И когда теперь сама жизнь поставила вопросъ: зачѣмъ жилъ и умеръ этотъ мальчикъ, не доживъ и десятой доли обычной человѣческой жизни? Отвѣтъ общій для всѣхъ людей, къ которому я пришелъ, вовсе не думая о дѣтяхъ, не только пришелся къ этой смерти, но самымъ тѣмъ, что случилось со всѣми нами, подтвердилъ справедливость этого отвѣта. Онъ жилъ для того, чтобы увеличивать въ себѣ любовь, вырасти въ любви, такъ какъ это нужно было Тому, кто его послалъ, и для того, чтобы, уходя изъ жизни къ Тому, кто есть любовь, оставить всю выросшую въ немъ любовь въ насъ, сплотить насъ ею. — Никогда мы всѣ не были

такъ близки другъ къ другу, какъ теперь, и никогда ни въ Сонѣ, ни въ себѣ я не чувствовалъ такой потребности любви и такого отвращенія ко всякому разъединенію и злу. Никогда я Соню такъ не любилъ, какъ теперь. И отъ этого мнѣ хорошо».

Еще позднѣе, уже въ апрѣлѣ, видя все продолжающіяся страданія своей жены о потерѣ ребенка, Л. Н—чъ записываетъ въ своемъ дневникѣ:

«Мать страдаетъ о потерѣ ребенка и не можетъ утѣшиться. И не можетъ она утѣшиться до тѣхъ поръ, пока не пойметъ, что жизнь ея не въ сосудѣ, который разбитъ, а въ содержимомъ, которое вылилось, потеряло форму, но не исчезло.

«(Это было какъ-то ново и ясно, когда записывалъ, а теперь потеряло значеніе).

«Вся мудрость міра въ томъ, чтобы перенести свою жизнь изъ формы въ содержаніе и не направлять свои силы на сохраненіе формы, а на то, чтобы течь».

Но жизнь шла своимъ чередомъ, выдвигая новыя требованія, заслоняя новыми событіями прошлое, какъ бы значительно оно ни было.

Въ мартовской книжкѣ «Сѣвернаго Вѣстника» вышло въ свѣтъ новое художественное произведеніе Л. Н—ча «Хозяинъ и работникъ». Одновременно онъ вышелъ и отдѣльнымъ изданіемъ въ Москвѣ въ «Посредникѣ» (въ двухъ видахъ, на хорошей и на простой бумагѣ) и въ Петербургѣ, у одного изъ издателей.

Это появленіе новаго художественнаго произведенія Л. Н—ча, послѣ большого промежутка времени, конечно произвело сенсацію въ обществѣ. Для многихъ почитателей попреимуществу художественнаго дарованія Л. Н—ча это былъ настоящій праздникъ. Одна дама разсказывала мнѣ, что она долгое время не могла отдѣлаться отъ какого-то особенно радост-

наго чувства, сопровождавшаго всѣ ея мысли и дѣла. Погруженная въ обычную мірскую суету, она, то-и-дѣло чувствовала, что за всѣмъ происходящимъ передъ нею скрыто какое-то праздничное событіе. И когда она начинала вспоминать, что же было такого праздничнаго, то ей представлялся «Хозяинъ и работникъ», новое художественное произведеніе Л. Н—ча. Она радовалась этому, потомъ опять забывала и снова навязчивое чувство приводило ее къ воспоминанію этого радостнаго событія.

Самъ Л. Н—чъ, какъ истинный художникъ, какъ всегда былъ недоволенъ своимъ произведеніемъ и относился къ нему съ добродушной ироніей. Вотъ что онъ записалъ объ этомъ въ своемъ дневникѣ:

«Такъ какъ я не слышу всѣхъ осужденій, а слышу однѣ похвалы за «Хозяина и работника», то мнѣ представляется большой шумъ и вспоминается анекдотъ о проповѣдникѣ, который на взрывъ рукоплесканій, покрывшихъ одну его фразу, остановился и спросилъ: «Или я сказалъ какую-нибудь глупость?» Я чувствую то же и знаю, что я сдѣлалъ глупость, занявшись художественной обработкой пустого разсказа. Самая же мысль не ясна и вымучена, — не проста.

«Разсказъ плохой. И мнѣ хотѣлось бы написать на него анонимную критику, если бы былъ досугъ, и это не было бы заботой о томъ, что не стоитъ того».

Какъ разнообразны были жизненные интересы Л. Н—ча въ это время, доказываетъ ниже приводимое нами его письмо, написанное въ это же время, т.-е. въ концѣ марта къ одному его новому англійскому другу, Джону Кенворти, начавшему въ Англіи распространеніе словомъ и дѣломъ идей Л. Н—ча. Мы еще вернемся къ описанію его дѣятельности. Въ это же время онъ публиковалъ въ Англіи 2 тома англійскаго перевода сочиненія Л. Н—ча «Соединеніе и переводъ 4-хъ Евангелій» и прислалъ Л. Н—чу экземпляръ этого из-

данія, а также свое сочиненіе подъ названіемъ: «Анатомія Нищеты». Въ отвѣтномъ письмѣ Л. II—чъ благодаритъ Кенворти за присланное и выражаетъ слѣдующія мысли:

«Дорогой другъ!

«Получилъ ваше письмо и книгу и брошюру. Книга превосходно переведена и издана. Я перечелъ ее. Въ ней много недостатковъ, которыхъ я не сдѣлалъ бы, если бы писалъ ее теперь, но исправлять ее уже не могу. Главный недостатокъ въ ней — излишнія филологическія тонкости, которыя никого не убѣждаютъ, что такое то слово именно такъ, а не иначе надо понимать, а напротивъ даютъ возможность, опровергая частности, подрывать довѣріе ко всему.

«А между тѣмъ истинность общаго смысла такъ несомнѣнна, что тотъ, кто не будетъ развлекаться подробностями, неизбѣжно согласится съ нимъ.

«Брошюра ваша превосходна, особенно конецъ. Давно пора сказать народу то условіе, при которомъ онъ достигаетъ блага. Глядя на страданія народа, всегда страшно предъявлять къ нему еще тяжелыя требованія. А это необходимо, и вы сдѣлали это прекрасно.

«Теперь скажу вамъ о томъ проектѣ, который въ послѣднее время занимаетъ меня. Въ послѣднее время я съ нѣсколькихъ сторонъ получилъ предложеніе денегъ, съ просьбой употребить ихъ на полезное для людей дѣло. Вмѣстѣ съ этимъ у меня все больше и больше накопляется матеріалъ: статей, книгъ, брошюръ: русскихъ, нѣмецкихъ, англійскихъ (удивительна въ этомъ отношеніи безжизненность французовъ) — одного и того же направленія и духа, указывающихъ на невозможность продолженія существующаго порядка вещей и на необходимость измѣненія его, измѣненія не старыми, оказавшимися недѣйствительными средства-

ми: насильственнымъ низверженіемъ существующаго порядка или попытками постепеннаго измѣненія его посредствомъ участія въ существующемъ правительствѣ, а религіознымъ, отдѣльныхъ личностей, какъ это отлично выражено въ вашемъ письмѣ. Говорю не свою программу, а только выражаю одинъ несомнѣнный признакъ, общій всѣмъ статьямъ и книгамъ, которыя я получаю. То и другое обстоятельство: предложеніе денегъ и накопленіе книгъ и статей одного и того же характера и часто очень сильныхъ по мысли и по выраженію побуждаетъ меня вернуться къ давно уже занимавшей меня мысли, основать въ Европѣ, въ свободномъ государствѣ, въ Швейцаріи напримѣръ, международный не журналъ, а изданіе подъ однимъ и тѣмъ же заглавіемъ, въ одной и той же формѣ книгъ и брошюръ на 4-хъ языкахъ: французскомъ, англійскомъ, нѣмецкомъ и русскомъ, въ которомъ бы печатались самымъ дешевымъ образомъ всѣ сочиненія, 1-ое: уясняющія истинный смыслъ человѣческой жизни, 2-ое: указывающія несогласія нашей жизни съ этимъ смысломъ, и 3-ье: средства согласованія того и другого. Общее заглавіе всему ряду изданій можно бы дать: Возрожденіе или что-нибудь подобное. Если можете мнѣ прислать еще нѣсколько книгъ вашихъ, какъ первыхъ, такъ и послѣднихъ брошюръ, пришлите мнѣ».

Этотъ проектъ международнаго «Посредника» былъ отчасти осуществленъ Владиміромъ Григорьевичемъ Чертковымъ во время его заграничной ссылки, когда онъ, подъ русской фирмой «Свободное Слово» и англійской «Free Age Press» одновременно издавалъ вновь выходящія произведенія Л. Н—ча, а также нѣкоторыя другія сочиненія въ дешевомъ видѣ. Но для полнаго осуществленія этого проекта международнаго издательства подъ фирмою «Возрожденіе» на четырехъ языкахъ сочиненій указаннаго Л. Н—чемъ содержанія, мы еще должны ожидать новаго предпринимателя, обладающаго

какъ большой энергіей и денежными средствами, такъ и яснымъ просвѣтленнымъ сознаніемъ.

Среди мыслей о международной просвѣтительной дѣятельности Л. Н—чъ не забывалъ и постоянную трудную работу согласованія своей жизни со своимъ жизнепониманіемъ. Одною изъ давнихъ заботъ его было освобожденіе отъ правъ литературной собственности на его сочиненія.

Относительно написаннаго имъ послѣ 1881 года онъ это уже сдѣлалъ, печатно отказавшись отъ своихъ авторскихъ правъ и предоставивъ всѣмъ, кто желаетъ, издавать свои сочиненія еще въ 1892 году. Написанное же до 1881 года онъ не могъ передавать въ общее пользованіе, такъ какъ встрѣчалъ въ осуществленіи этого намѣренія сильный отпоръ своихъ семейныхъ. И вотъ онъ пишетъ въ мартѣ 1895 года свое первое завѣщаніе, въ которомъ обращается къ своимъ семейнымъ съ просьбою, сдѣлать это послѣ его смерти. Весь этотъ документъ чрезвычайно характеренъ и ярко выражаетъ скромную твердость Л. Н—ча въ осуществленіи своихъ убѣжденій. Мы приводимъ его здѣсь цѣликомъ:

«27 марта 1895 г.

«Мое завѣщаніе было бы приблизительно такое: (Пока я не написалъ другое, оно вполнѣ такое).

«1) Похоронить меня тамъ, гдѣ я умру, на самомъ дешевомъ кладбищѣ, если это въ городѣ, и въ самомъ дешевомъ гробу, какъ хоронятъ нищихъ. Цвѣтовъ, вѣнковъ не класть, рѣчей не говорить. Если можно, то безъ священниковъ и отпѣванія. Но если это непріятно тѣмъ, кто будетъ хоронить, то пускай хоронятъ, какъ обыкновенно, съ отпѣваніемъ, но какъ можно подешевле и попроще.

«2) Въ газетахъ о смерти не печатать и некрологовъ не писать.

«3) Бумаги мои всѣ дать пересмотрѣть и разобрать моей женѣ, Черткову Владиміру Григорьевичу, Страхову и дочерямъ Танѣ и Машѣ (что замарано, то замаралъ я самъ. Дочерямъ не надо этимъ заниматься). — Тѣмъ изъ этихъ лицъ, которыя будутъ живы. Сыновей своихъ я исключаю изъ этого порученія, не потому что я не любилъ ихъ (я, слава Богу, въ послѣднее время все больше и больше любилъ ихъ) и знаю, что они любятъ меня, но они не вполнѣ знаютъ мои мысли, не слѣдили за ихъ ходомъ и могутъ имѣть свои особенные взгляды на вещи, вслѣдствіе которыхъ они могутъ сохранить то, что не нужно сохранять и отбросить то, что нужно сохранить. Дневники моей прежней холостой жизни, выбравъ изъ нихъ то, что стоитъ того, я прошу уничтожить, точно такъ же и въ дневникахъ моей женатой жизни прошу уничтожить все то, обнародованіе чего могло быть непріятно кому-нибудь.

«Чертковъ обѣщалъ мнѣ еще при жизни моей сдѣлать это. И при его, незаслуженной мною, большой любви ко мнѣ и большой нравственной чуткости, я увѣренъ, что онъ сдѣлаетъ это прекрасно. Дневники моей холостой жизни я прошу уничтожить не потому, что я хотѣлъ бы скрыть отъ людей свою дурную жизнь, — жизнь моя была обычная дрянная жизнь безпринципныхъ молодыхъ людей, но потому, что эти дневники, въ которыхъ я записывалъ только то, что мучило меня сознаніемъ грѣха, — производятъ ложно односторонне впечатлѣніе и представляютъ... А впрочемъ пускай остаются мои дневники, какъ они есть. Изъ нихъ видно, по крайней мѣрѣ то, что, несмотря на свою пошлость и дрянность моей молодости, я все-таки не былъ оставленъ Богомъ и хоть подъ старость сталъ, хоть немного, понимать и любить Его.

«Все это пишу я не потому, чтобы приписывалъ большую или какую-либо важность моимъ бумагамъ, но потому, что впередъ знаю, что первое время послѣ моей смерти будутъ печатать мои сочиненія и разсуждать о нихъ и приписывать имъ важность. Если ужъ это такъ сдѣлалось, то пускай мои писанія не будутъ служить во вредъ людямъ.

«Изъ остальныхъ бумагъ моихъ прошу тѣхъ, которые займутся разборомъ ихъ, печатать не все и только то, что можетъ быть полезно людямъ.

«4) Право изданія моихъ сочиненій прежнихъ: десяти томовъ и азбуки прошу моихъ наслѣдниковъ передать обществу, т.-е. отказаться отъ авторскаго права. Но только прошу объ этомъ, а никакъ не завѣщаю. Сдѣлать это хорошо. Хорошо это будетъ и для васъ — не сдѣлаете, — это ваше дѣло, значитъ, вы не готовы это сдѣлать. То, что мои сочиненія продавались эти послѣднія девять лѣтъ, было для меня самымъ тяжелымъ дѣломъ въ жизни.

«5) Еще и главное, прошу всѣхъ, и близкихъ и дальнихъ не хвалить меня (я знаю, что это будутъ дѣлать потому, что дѣлали и при жизни самымъ нехорошимъ образомъ), а если ужъ хотятъ заниматься моими писаніями, то — вникнуть въ тѣ мѣста изъ нихъ, въ которыхъ, я знаю, говорила черезъ меня Божья сила, и воспользоваться ими для своей жизни. У меня были времена, когда я чувствовалъ себя проводникомъ воли Божіей. Часто я былъ такъ не чистъ, такъ исполненъ страстями личными, что свѣтъ этой истины затемнялся моей темнотой, но все-таки иногда эта истина проходила черезъ меня и это были счастливѣйшія минуты моей жизни. Дай Богъ, чтобы прохожденіе ихъ черезъ меня не осквернило этихъ истинъ, чтобы люди, несмотря на тотъ мелкій нечистый характеръ, который онѣ получили отъ меня — могли питаться ими. Въ этомъ только значеніе моихъ пи-

саній. И потому меня можно только бранить за нихъ и никакъ не хвалить.

«Вотъ и все.

«Левъ Толстой».

Левъ Николаевичъ просилъ еще написать здѣсь, что Страхова онъ разумѣлъ Ник. Ник., теперь умершаго.

Завѣщаніе это было въ первый разъ напечатано въ Толстовскомъ Ежегодникѣ 1912 г. Старшій сынъ Л. Н—ча, Сергѣй Львовичъ Толстой, давшій рукопись этого завѣщанія въ «Ежегодникъ» сопроводилъ этотъ документъ примѣчаніемъ такого содержанія:

«Помѣщаемая здѣсь выдержка изъ дневника Л. Н. Толстого есть первое его письменное завѣщательное распоряженіе. Пожеланія, выраженныя въ этомъ дневникѣ, изложены имъ еще разъ въ дневникѣ 1907 г. Лишь въ сентябрѣ 1909 года, въ Крекшинѣ, Московской губерніи, онъ впервые написалъ формальное завѣщаніе, за подписью свидѣтелей.

«Дневникъ 27-го марта 1895 года хранился въ трехъ экземплярахъ: одинъ у покойной сестры моей, Марьи Львовны (Оболенской), одинъ — у В. Г. Черткова и одинъ — у меня. Копія, хранящаяся у меня, написана рукою кн. Н. Л. Оболенскаго (мужа моей сестры) и передана мнѣ имъ по порученію отца. Не знаю, гдѣ хранится подлинникъ. Такъ какъ это завѣщаніе было довѣрено между прочимъ и мнѣ, я считаю себя въ правѣ опубликовать его. Перепечатывать его не запрещается».

Художественные проекты не переставали занимать душу и умъ Л. Н. Въ апрѣлѣ онъ записываетъ въ своемъ дневникѣ:

«Шелъ подлѣ Александровскаго сада и вдругъ съ удивительной ясностью и восторгомъ представилъ себѣ романъ, — какъ нашъ братъ, образованный, бѣжитъ съ переселенцами отъ жены и увезъ съ кормилицей сына. Жилъ чистой рабочей жизнью и тамъ воспиталъ его. И какъ сынъ поѣхалъ къ выписавшей его матери, живущей во всю роскошь развратной городской жизнью.

«Удивительно хорошо могъ бы написать. По крайней мѣрѣ такъ показалось».

Эту весну Л. Н—чъ долго не уѣзжалъ въ Ясную. Относясь съ особенною заботою къ здоровью своей жены, душевно страдавшей отъ смерти ребенка, онъ оставался съ ней въ Москвѣ, гдѣ С. А—нѣ нужны были совѣты врачей. Кромѣ того ей тяжело было возвращеніе въ Ясную Поляну, гдѣ все такъ напоминало жизнерадостнаго мальчика и она по возможности оттягивала это возвращеніе. Л. Н—чъ, пользуясь вынужденнымъ бездѣйствіемъ въ Москвѣ, сталъ учиться ѣздить на велосипедѣ. Объ этомъ онъ записываетъ въ своемъ дневникѣ:

«За это время началъ учиться въ манежѣ ѣздить на велосипедѣ. Очень странно, зачѣмъ меня тянетъ дѣлать это. N. отговаривалъ меня и огорчался, что я ѣзжу, а мнѣ не совѣстно. Напротивъ чувствую, что тутъ есть естественное юродство: что мнѣ все равно, что думаютъ; да и просто безгрѣшно ребячески веселитъ».

Слухъ объ этомъ новомъ увлеченіи Л. Н—ча скоро проникъ въ печать. Вѣроятно В. Г. Чертковъ запросилъ объ этомъ Л. Н—ча, потому что въ одномъ изъ писемъ къ нему Л. Н—чъ пишетъ такъ:

«Велосипедъ же не смущаетъ меня, несмотря на укоризны, очень полезныя, Евгенія Ивановича, во-первыхъ потому, что денегъ при этомъ не трачу, во-вторыхъ потому, что когда я вожу воду, мнѣ всегда ра-

достно, когда меня увидятъ, а когда увидятъ на велосипедѣ — стыдно».

Такъ какъ здоровье С. А. внушало серьезныя опасенія, то въ семьѣ уже обсуждался вопросъ, не ѣхать ли съ ней за границу. На эти слухи Л. Н—чъ въ томъ же письмѣ отвѣчаетъ Черткову:

«Что мы будемъ дѣлать, гдѣ жить, — не знаю. Знаю, что С. мучительно ѣхать въ Ясную, и то мы собирались въ Кисловодскъ, то за границу. Теперь оставили вопросъ нерѣшеннымъ. Я къ сожалѣнію не имѣю мнѣнія, мнѣ все равно, хоть въ Москвѣ. Только когда рѣшили на Кавказъ, я посовѣтовалъ Германію. И спокойнѣе тамъ и мальчикамъ польза»[1].

Мы уже упоминали въ предыдущей главѣ о томъ, что въ эту зиму Л. Н—ча посѣтилъ странникъ-старовѣръ изъ Сибири. Бесѣды съ нимъ часто доставляли большое удовлетвореніе Л. Н—чу и вотъ онъ записываетъ въ своемъ дневникѣ впечатлѣніе отъ одной изъ такихъ бесѣдъ. Странника этого звали Кузьмичъ.

Кузьмичъ бесѣдовалъ о спасеніи:

«Если ты не научишь людей, за это не отвѣтишь, а если самъ себя не научишь, за это отвѣтишь[2].

«Это страшно сильно. И склоняюсь въ свѣтлыя минуты думать, что все дѣло въ проявленіи въ себѣ любви, для чего нужно только устранять соблазны. А устранишь соблазны, и проявится любовь, она потребуетъ дѣла, будетъ ли это просвѣщеніе всего міра или прирученіе и смягченіе паука. Все равно, важно».

Интересны мысли, возбужденныя въ Л. Н—чѣ его собственной фотографіей:

«Вчера видѣлъ свой портретъ, и онъ поразилъ меня своей старостью. Мало остается время. Отецъ, помоги мнѣ, употребить его на дѣло Твое.

---

[1]) Архивъ Черткова.

[2]) Тамъ же.

«Страшно то, что, чѣмъ старше становишься, тѣмъ чувствуешь, что драгоцѣннѣе становится (въ смыслѣ воздѣйствія на міръ) находящаяся въ тебѣ сила жизни, и страшно не на то потратить ее, на что она предназначена. Какъ будто она (жизнь) все настаивается и настаивается (и въ молодости можно расплескивать ее, она безъ настоя), а подъ конецъ жизнь густа, вся одинъ настой.

«Отецъ, помоги, помоги, помоги».

И рядомъ записана мысль, имѣющая большое общественное значеніе:

«Человѣкъ считается опозореннымъ, если его били, если онъ обличенъ въ воровствѣ, въ дракѣ, въ неплатежѣ карточнаго долга и т. п.; но если онъ подписалъ смертный приговоръ, участвовалъ въ исполненіи казни, читалъ чужія письма, разлучалъ отцовъ и супруговъ съ семьями, отбиралъ послѣднія средства, сажалъ въ тюрьму?

«А вѣдь это хуже. Когда же это будетъ?

«Скоро. А когда это будетъ, — конецъ насильственному строю».

Май мѣсяцъ Л. Н—чъ все еще проводитъ въ Москвѣ. Мысли кипятъ въ головѣ его и часть ихъ попадаетъ въ дневникъ. Многія изъ нихъ имѣютъ весьма важное практическое значеніе въ жизни людей, такъ напримѣръ мысль о томъ, какъ долженъ человѣкъ держать себя по отношенію къ средѣ связанныхъ съ нимъ людей, принимая во вниманіе его внутренній духовный ростъ. Вотъ эта мысль:

«Нельзя, разъ вступивъ въ извѣстныя практическія отношенія съ людьми, вдругъ пренебречь этими условіями во имя христіанскаго отреченія отъ жизни.

«(Началъ излагать эти мысли, и не вышло).

«Вѣрно одно то, что часто бываетъ, что человѣкъ

вступитъ въ жизненныя мірскія отношенія, требующія только справедливости: не дѣлать другому того, чего не хочешь, чтобы тебѣ дѣлали, и, находя эти требованія трудными, освобождается отъ нихъ подъ предлогомъ (въ который онъ иногда искренно вѣритъ), что онъ знаетъ высшія требованія христіанскія и хочетъ служить имъ. Жениться, и рѣшить тогда, когда познаетъ тяжесть семейной жизни, что надо «оставить жену и дѣтей и идти за нимъ». Или соберетъ артель, чтобы кормиться земельнымъ трудомъ, и увидавъ трудность, броситъ и уйдетъ.

«Не надо обманывать себя, думать, что стоишь выше того положенія, въ которое сталъ. Если бы стоялъ выше, то и положеніе было бы выше.

«И это не значитъ, что оставайся всегда въ томъ положеніи, въ которомъ находишься; напротивъ, постоянно стремись выйти изъ него и стать выше. Но становись выше не отрицаніемъ обязательствъ, а освобожденіемъ себя отъ нихъ: 1) выполненіемъ тѣхъ, которыя взяты и 2) не вступленіемъ въ новыя» [1]).

Сколько напрасныхъ страданій могли бы избѣгнуть люди, если бы они прониклись значеніемъ этихъ мыслей.

Интересно опредѣленіе «святости», которое Л. Н—чъ даетъ въ дневникѣ того времени:

«Не надо смѣшивать тщеславія съ славолюбіемъ, и еще менѣе съ желаніемъ любви, любвеобиліемъ.

«Первое — это желаніе отличиться передъ другими и ничтожными, даже иногда дурными дѣлами; второе — это желаніе быть восхваляемымъ за полезное или доброе; третье, это желаніе быть любимымъ.

«Первое: хорошо танцовать; второе — прослыть

---

[1]) Письма Л. Н. Толстого. Изд. Окто. М. 1912 г. Стр. 139.

между людьми добрымъ, умнымъ; третье: видѣть выраженіе любви людей.

«Первое — дурное, второе — лучше, чтобы не было, третье — законно.

«Не поддаваться ни одному, дорожить только оцѣнкой Бога — это святость».

Въ концѣ мая Л. Н—чъ уѣхалъ отдохнуть отъ городской жизни къ Олсуфьевымъ, въ Никольское. Эта поѣздка не была удачна, Л. Н—чъ чувствовалъ тамъ себя нездоровымъ и потому не могъ вполнѣ насладиться отдыхомъ.

Между прочимъ тамъ онъ дѣлаетъ слѣдующую интересную запись въ своемъ дневникѣ:

«Вчера получена газета съ статьей о клеветахъ и глупостяхъ книжки M-me Seron. Опровергать предлагаетъ журналистъ.

«Да я ничего о себѣ не утверждалъ, поэтому нечего мнѣ и опровергать. Я такой, какой есть. А какой я, это знаю я и Богъ».

Книга эта дѣйствительно ужасна. Она была написана француженкой-гувернанткой, прожившей нѣсколько лѣтъ въ домѣ Л. Н—ча. Быть можетъ она не все понимала, что описывала. Это вызываетъ нѣкоторое снисхожденіе къ ея книгѣ. Между прочимъ въ ней Л. Н—чъ обвиняется въ томъ, что онъ, объявляя себя вегетарьянцемъ, ночью, потихоньку отъ жены, доставалъ изъ буфета говядину и лакомился ею.

Конечно, лучшей критики, какъ молчаніе, нельзя было придумать для этой книги.

---

6 іюня Л. Н—чъ переѣзжаетъ наконецъ въ Ясную Поляну.

Я въ это время работалъ у себя на хуторѣ, въ Костромской губерніи и получилъ тамъ нижеприводимое доброе письмо отъ Л. Н—ча отъ 8 іюня. Да проститъ мнѣ читатель мою нескромность, но мнѣ жалъ было сокращеніемъ нарушать его прекрасную цѣльность.

«Я очень соскучился по васъ, милый другъ П. Не то, чтобы я хотѣлъ, если бы это отъ меня зависѣло, вызвать васъ изъ вашего гнѣзда и видѣть васъ около себя, этого напротивъ я не желалъ бы для васъ, а соскучился тѣмъ, что давно нѣтъ съ вами общенія, нѣтъ вашей кроткой строгости и смиренной самостоятельности. Вѣроятно это письмо встрѣтится съ вашимъ, а если нѣтъ, то напишите. Послѣднія свѣдѣнія о васъ были отъ Ив. Ив., что вамъ хорошо. Продолжаетъ ли такъ быть? Мы, какъ вы видите, наконецъ въ Ясной Полянѣ. Слава Богу никуда не поѣхали и живемъ опять по-старому. Впрочемъ жизнь только по внѣшности по-старому, я чувствую, что многое измѣнилось и какъ всегда къ лучшему. Говорю преимущественно о своемъ внутреннемъ мірѣ. Я былъ боленъ все это послѣднее время и чувствую себя все болѣе и болѣе близкимъ къ смерти и потому часто чувствую себя болѣе живымъ. — Какъ-то всѣ явленія міра все болѣе и болѣе теряютъ свою реальность и не въ мысляхъ, не вслѣдствіе философствованія, а прямо непосредственно износилась, какъ будто, декорація, и я вижу, что за ней. А за ней истинная реальность, такая же, какъ и та, которую я чувствую въ себѣ.

«У насъ въ семьѣ новость: Сережа женится на Манѣ Рачинской. Свадьба 9 іюля. Я и радъ и страшно за нихъ, а чаще всего прямо жаль. Люди, которые женятся такъ, мнѣ представляются людьми, которые падаютъ, не споткнувшись. Я самъ женился такъ. Не женитесь такъ. Если упалъ, то что же дѣлать. А если не спотыкнулся, то зачѣмъ же нарочно падать.

Писать я ничего пристально не начиналъ, но многое обдумываю и записываю — хотѣлось бы поработать руками, да до сихъ поръ чувствую себя очень слабымъ. Передайте мой привѣтъ Павлѣ Николаевнѣ и всѣмъ, кто меня знаетъ. Видѣли ли вы статью въ «Новостяхъ» о странникахъ? Сказано, что это самая вредная секта и разсказано, какъ они живутъ въ Томскихъ лѣсахъ. Какъ хорошо, что мы сошлись съ Кузьмичомъ.

«Прощайте пока, цѣлую васъ».

Лѣтомъ 1895 года началось массовое религіозное движеніе среди кавказскихъ духоборцевъ. Первый протестъ противъ государственнаго насилія, отказъ отъ военной службы былъ заявленъ еще на Пасхѣ духоборцемъ Лебедевымъ и товарищами, которыхъ судили и приговорили на муку въ дисциплинарный баталіонъ. Послѣ этого, съ совѣта ихъ руководителя, Петра Васильевича Веригина, всѣ духоборцы, находившіеся въ единомысліи съ нимъ, рѣшили уничтожить все, находившееся въ ихъ распоряженіи оружіе (на Кавказѣ все населеніе вооружено) и порвать съ правительствомъ, отказавшись выполнять какія бы то ни было повинности, налагаемыя на нихъ государственною властью. Уничтоженіе оружія, торжественное сожженіе его, съ пѣніемъ духовныхъ псалмовъ, было совершено въ ночь съ 28 на 29 іюня 1895 года въ трехъ мѣстностяхъ Кавказа, гдѣ находились поселенія духоборцевъ, а именно въ Ахалкалакскомъ уѣздѣ Тифлисской губерніи, въ Карской области и въ Елизаветпольской губерніи. Въ двухъ послѣднихъ мѣстахъ это сожженіе прошло благополучно, а въ Ахалкалакскомъ уѣздѣ, по доносу враждебной партіи, это сожженіе оружія, для чего понадобилось духоборамъ снести все оружіе въ опредѣленное мѣсто, — было принято администраціей за подготовленіе къ вооруженному возстанію. Были вы-

званы казаки и надъ непокорными духоборцами, державшими себя съ особеннымъ достоинствомъ, была учинена дикая расправа, послѣ чего всѣ непокорные, въ числѣ около 4000 человѣкъ были выгнаны изъ ихъ жилищъ и разселены по грузинскимъ горнымъ деревнямъ, а такъ-называемые зачинщики посажены въ тюрьмы.

Такое значительное проявленіе христіанскаго религіознаго чувства среди малограмотнаго, но одареннаго высшимъ разумомъ русскаго народа конечно не могло не вызвать горячаго сочувствія во Л. Н—чѣ. Можно съ увѣренностью сказать, что этотъ религіозный подъемъ среди духоборцевъ въ эти годы совершился не безъ вліянія сочиненій Л. Н—ча. На допросѣ властей одинъ изъ руководителей движенія прямо заявилъ, что въ теченіи послѣднихъ лѣтъ среди духоборцевъ были распространены изданія «Посредника» преимущественно духовнаго и философскаго содержанія, которыя сильно дѣйствовали на моральное чувство духоборцевъ.

Такъ или иначе, но слухъ объ этомъ движеніи быстро достигъ до Ясной Поляны.

Въ это время на Кавказѣ жилъ въ ссылкѣ князь Дмитрій Александровичъ Хилковъ, также конечно своимъ личнымъ вліяніемъ способствовавшій этому движенію.

Отъ него-то и получилъ Л. Н—чъ первое извѣстіе о сожженіи духоборцами оружія и о жестокой расправѣ съ ними кавказскихъ властей. Къ сожалѣнію разсказъ Хилкова былъ почерпнутъ изъ третьихъ рукъ и страдалъ неточностями. Вотъ что написалъ ему въ отвѣтъ Л. Н—чъ:

«Получилъ ваше письмо съ описаніями насилій надъ духоборцами и не знаю, что мнѣ дѣлать. Не знаю, что мнѣ дѣлать потому, что исполнить того, что вы хотите, не могу. Послать статью въ русскія га-

зеты нельзя. Ни одна не напечатаетъ вашъ разсказъ въ томъ видѣ, въ которомъ вы мнѣ его прислали. (Въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ» въ № 201 — 24 іюля напечатано извѣстіе довольно подробное о началѣ раздора между духоборцами и о томъ, какъ выслали Веригина и какъ рядовые отказались отъ службы и о томъ, что теперь ихъ выселяютъ въ нагорныя мѣста Душетскаго, Тіонетскаго и Сигнахскаго уѣздовъ). Послать вашъ разсказъ въ иностранныя газеты считаю тоже излишнимъ, главное потому, что разсказъ этотъ написанъ очень дурно и дурно не потому, что въ немъ нѣтъ литературныхъ достоинствъ, напротивъ, въ немъ нѣтъ простоты, точности, опредѣленности и правдивости, и тонъ всего разсказа какой-то ироническій, шутливый, такой тонъ, которымъ нельзя говорить о такихъ ужасныхъ дѣлахъ. Не нужно писать о христолюбивыхъ воинахъ бѣлаго царя, а нужно объяснить, какъ убили 4-хъ человѣкъ, кто были эти люди, возрастъ, имя, какъ они умерли. Отчего, когда убили 4-хъ человѣкъ, командиръ убѣдился въ безплодности атаки. Все это и многое другое объ изнасилованіи такъ нехорошо, неясно, преувеличено, что вызываетъ полное недовѣріе ко всему. Въ такомъ видѣ статья или вовсе не будетъ напечатана или если и будетъ напечатана въ какой-нибудь маленькой газетѣ, то не вызоветъ никакого впечатлѣнія. — Я совершенно согласенъ съ вами, что надо бы объ этомъ напечатать въ иностранныхъ изданіяхъ, въ русскихъ и думать нечего, если и напечатаютъ, то съ такими урѣзками, что пройдетъ незамѣчено — но для того, чтобы статья имѣла вліяніе на тѣхъ, на кого она должна имѣть вліяніе, нужно, чтобы она была написана строго правдиво, обстоятельно, точно. И потому, если можно собрать такія свѣдѣнія, то соберите и пришлите. — Вашъ же разсказъ, рискуя сдѣлать вамъ непріятное, я пока оставлю у себя. Если вы велите посылать, какъ есть, я

пошлю. Одно, что я сдѣлаю теперь, это то, что по вашему плану напишу въ Англію нашему другу Kenworthy и другому еще о томъ, что на духоборовъ происходитъ жестокое гоненіе и что, если они хотятъ узнать подробности, то прислали бы корреспондента, направивъ его къ вамъ съ тѣмъ, чтобы вы уже направили его куда надо. Завтра посовѣтуюсь объ этомъ съ Чертковымъ и напишу. Нынче вернулась отъ вашей матери дочь моя Таня. Она видѣла вашихъ дѣтей и сказала имъ то, что вы насиліемъ лишены возможности быть съ ними, и любите ихъ и жалѣете. Она пускай сама напишетъ вамъ. Пока прощайте. Не сердитесь на меня и любите меня, какъ я васъ».

Въ это время мнѣ случилось быть въ Ясной Полянѣ. Извѣстіе о духоборахъ сильно поразило меня и я предложилъ Льву Николаевичу свои услуги съѣздить на Кавказъ и разузнать въ чемъ дѣло. Л. Н. одобрилъ мой проектъ и въ началѣ августа я поѣхалъ туда, былъ у Хилкова, въ Нухѣ, по его указанію разыскалъ ссыльныхъ духоборцевъ, разспросилъ лично участвовавшихъ въ сожженіи оружія, въ столкновеніяхъ съ казаками и въ другихъ протестахъ и привезъ Л. Н—чу подробное описаніе всего видѣннаго и слышаннаго.

Л. Н—чъ, прочитавъ мое изложеніе и въ принципѣ одобривъ его, взялся его проредактировать. Сдѣлавъ это, онъ написалъ къ нему краткое предисловіе, какъ бы рекомендацію и удостовѣреніе правдивости описанія, и кромѣ того написалъ въ видѣ послѣсловія особую статью, съ эпиграфомъ: «Въ мірѣ будете имѣть скорбь, но мужайтесь, Я побѣдилъ міръ». Въ этой статьѣ онъ подчеркиваетъ міровое значеніе движенія среди духоборцевъ, выразившагося въ отказѣ отъ исполненія государственныхъ повинностей.

Свою статью я назвалъ «Гоненіе на христіанъ въ Россіи въ 1895 году». Этимъ названіемъ я хотѣлъ

подчеркнутъ грубое жестокое отношеніе русскихъ властей къ чистымъ религіознымъ проявленіямъ, а также и то обстоятельство, что истинное христіанство подлежитъ гоненію отъ міра сего какъ въ первые вѣка нашей эры, такъ и въ XIX вѣкѣ, несмотря на огромный путь, пройденный человѣчествомъ по пути культурнаго развитія.

Всѣ эти статьи, по предложенію Л. Н—ча были напечатаны въ газетѣ «Times» въ Лондонѣ и конечно тотчасъ же были прочтены въ Россіи въ высшихъ сферахъ. Мнѣ передавали лица весьма компетентныя, что эти статьи произвели ошеломляющее дѣйствіе на «сферы», особенно на Побѣдоносцева, который, прочитавъ ихъ, тотчасъ же поѣхалъ къ государю съ особымъ докладомъ. Произведенное мною слѣдствіе совершенно укрылось отъ мѣстныхъ властей, и они, разославъ въ ссылку и разсадивъ по тюрьмамъ «бунтовавшихъ» духоборцевъ, успокоились было на сознаніи, что временное возмущеніе подавлено. И въ такомъ духѣ былъ составленъ докладъ высшему начальству. Изъ напечатанныхъ же статей въ «Times» они увидѣли, что дѣло только еще начинается, огонь разгорается и что во главѣ этого движенія стоитъ уже не малограмотный мужикъ, а Левъ Николаевичъ Толстой, вынесшій эту борьбу на міровую арену.

Хотя за мной и былъ учиненъ надзоръ, я лично уцѣлѣлъ тогда, потому что Л. Н—чъ, пожалѣвъ меня, и не сказавъ мнѣ этого, напечаталъ мою статью безъ моей подписи, такъ что она явилась анонимной и для преслѣдованія меня не было достаточныхъ данныхъ.

Правительствомъ было назначено новое слѣдствіе, открывшее конечно новыя преступленія мѣстныхъ властей. Съ этихъ поръ установились непосредственныя и частыя сношенія наши и Л. Н—ча съ духоборцами, какъ ссыльными, такъ и заключенными, которымъ мы старались оказывать всестороннюю помощь.

О дальнѣйшемъ участіи Л. Н—ча въ духоборческомъ движеніи мы разскажемъ въ слѣдующихъ главахъ, при описаніи вновь совершившихся событій.

Средина 90-хъ годовъ прошлаго столѣтія была временемъ быстраго распространенія идей Л. Н—ча и возникновенія въ разныхъ странахъ очаговъ этой пропаганды. Таковы были: кружокъ Евгенія Шмидта въ Буда-Пештѣ, кружокъ Шкарвана и Маковицкаго среди словаковъ въ Австро-Венгріи, «братская церковь» Кенворти близъ Лондона; подобные же кружки основывались въ Голландіи, въ Германіи, въ Америкѣ, и конечно во многихъ мѣстахъ въ Россіи.

Этой же осенью Л. Н—чъ познакомился съ А. П. Чеховымъ. Въ письмѣ къ своему сыну Льву Львовичу отъ 9 сентября этого года онъ между прочимъ говоритъ:

«Чеховъ былъ у насъ и очень понравился мнѣ. Онъ очень даровитъ и сердце у него должно быть прекрасно, но до сихъ поръ нѣтъ у него своей опредѣленной точки зрѣнія».

Въ письмѣ къ В. Г. Черткову отъ 10 октября Л. Н—чъ между прочимъ пишетъ: «Это время былъ занятъ письмами».

Дѣйствительно за эту осень Л. Н—чъ написалъ нѣсколько большихъ писемъ, имѣющихъ по нашему мнѣнію большое общечеловѣческое значеніе и поэтому мы постараемся дать здѣсь хоть вкратцѣ нѣкоторое понятіе о нихъ.

Однимъ изъ такихъ большихъ писемъ было такъ называемое «письмо къ поляку».

Профессоръ Маріанъ Эдмундовичъ Здзѣховскій, прочитавъ статью Л. Н—ча: «Христіанство и патріотизмъ», написалъ Л. Н—чу письмо, въ которомъ онъ, соглашаясь со Л. Н—чемъ въ его осужденіи патріо-

тизма воинствующаго, защищалъ патріотизмъ угнетенныхъ народовъ, въ томъ числѣ и польскаго, тотъ патріотизмъ, который служитъ имъ единственнымъ орудіемъ сохраненія своей національной самобытности. При этомъ Здзѣховскій послалъ Л. Н—чу свою статью о польскомъ религіозномъ движеніи, во главѣ котораго стояли Мицкевичъ и Товянскій. Статья эта была очень интересна Л. Н—чу, но на его защиту патріотизма Л. Н—чъ отвѣчалъ ему большимъ письмомъ, въ которомъ онъ даетъ новое, еще болѣе яснос опредѣленіе патріотизму какъ господствующаго, такъ и угнетеннаго народа:

«Подъ словомъ «патріотизмъ» подразумѣвается вѣдь не только непосредственная, невольная любовь къ своему народу и предпочтеніе его передъ другими, но еще и ученіе о томъ, что такая любовь и предпочтеніе хороши и полезны. И это ученіе особенно неразумно среди христіанскихъ народовъ.

«Неразумно оно не только потому, что оно противорѣчитъ и основному смыслу ученія Христа, но еще и потому, что христіанство, достигая своимъ путемъ всего того, къ чему стремится патріотизмъ, дѣлаетъ патріотизмъ излишнимъ, ненужнымъ и мѣшающимъ, какъ лампа при дневномъ свѣтѣ».

«Христіанскій идеалъ включаетъ въ себѣ любовь къ своему народу. Если надо любить всѣхъ, то конечно и своихъ, близкихъ.

«Напротивъ, патріотизмъ, т.-е. исключительная любовь къ своему народу исключаетъ христіанскій законъ любви къ своему врагу. И потому во имя его совершаются большія жестокости.

«Если бы не было ученія о томъ, что патріотизмъ есть нѣчто хорошее, никогда не нашлось бы людей столь гнусныхъ, которые въ концѣ XIX вѣка рѣшились бы дѣлать тѣ мерзости, которыя они дѣлаютъ теперь.

«Теперь же ученые, — у насъ самый дикій гонитель вѣры бывшій профессоръ, — имѣютъ точку опоры въ патріотизмѣ. Они знаютъ исторію, знаютъ всѣ безполезные ужасы гоненій языка и вѣры; но благодаря ученію патріотизма у нихъ есть оправданіе.

«Патріотизмъ даетъ имъ точку опоры, христіанство же вынимаетъ ее изъ-подъ ногъ. И потому народамъ покореннымъ, страдающимъ отъ угнетенія, надо уничтожать патріотизмъ, разрушать теоретическія основы его, а не восхвалять».

Дальше Л. Н—чъ говоритъ:

«Заботиться намъ надо не о патріотизмѣ, а о томъ, чтобы, внося въ жизнь тотъ свѣтъ, который есть въ насъ, измѣнять ее и приближать къ тому идеалу, который стоитъ передъ нами.

«Признаніе же патріотизма, какого бы то ни было, добрымъ свойствомъ и возбужденіе къ нему народа есть одно изъ главныхъ препятствій для достиженія стоящихъ предъ нами идеаловъ».

Издавъ отдѣльной брошюрой свою статью: «Объ идеалахъ польскаго народа», Здзѣховскій, съ разрѣшенія Л. Н—ча, помѣстилъ его письмо въ видѣ предисловія.

Мнѣ лично нѣсколько разъ приходилось слышать отъ Л. Н—ча выраженіе его симпатій къ польскому народу. Въ этомъ его добромъ чувствѣ, какъ онъ самъ говорилъ, была доля раскаянія, желаніе загладить тѣ дурныя чувства, которыя, подъ вліяніемъ патріотическаго воспитанія внушались ему съ дѣтства и которыя онъ питалъ въ своей юности и которыя мѣшали ему видѣть въ истинномъ свѣтѣ борьбу польскаго народа за свою независимость. Можно думать, что позднѣе написанная имъ повѣсть изъ польской жизни: «За что?» была выраженіемъ этихъ новыхъ, искреннихъ и сознательныхъ чувствъ.

Большая переписка завязалась въ это время у Л. Н—ча съ извѣстнымъ публицистомъ Михаиломъ Осиповичемъ Меньшиковымъ, выражавшемъ тогда въ своихъ талантливыхъ статьяхъ взгляды, весьма близкіе Льву Николаевичу.

Въ очень интересныхъ его статьяхъ по поводу разсказа Л. Н—ча «Хозяинъ и работникъ» и послѣдующихъ затѣмъ его частныхъ письмахъ выяснилось первое разногласіе его со Л. Н—чемъ.

Разница ихъ взглядовъ заключалась главнымъ образомъ въ ихъ отношеніи къ роли разума, который для Л. Н—ча былъ главнымъ двигателемъ на пути человѣка къ его совершенствованію. Меньшиковъ, не отрицая значенія разума въ дѣлѣ стремленія человѣку къ добру, придавалъ главное значеніе «практикѣ добра» воспитанію, привычкѣ. Л. Н—чъ указывалъ ему, что это происходитъ вѣроятно оттого, что онъ смѣшиваетъ два понятія разума и ума. Для Л. Н—ча добро должно быть сознательно и разумно. И онъ опредѣляетъ добро такими отрицательными утвержденіями:

«Доброта голубя не есть добродѣтель. И голубь не добродѣтельнѣе волка, и кроткій славянинъ не добродѣтельнѣе мстительнаго черкеса. Добродѣтель и ея степени начинаются только тогда, когда начинается разумная дѣятельность».

На это письмо Меньшиковъ отвѣчалъ, что не знаетъ, что такое разумъ, и Л. Н—чъ въ слѣдующемъ письмѣ къ Меньшикову старается выяснить ему его ошибку и даетъ новое опредѣленіе разума.

«Разумъ есть орудіе, данное человѣку для исполненія своего назначенія или закона жизни, и такъ какъ законъ жизни одинъ для всѣхъ людей, то и разумъ одинъ для всѣхъ, хотя и проявляется въ различныхъ степеняхъ въ различныхъ людяхъ. Все движеніе жизни — что называютъ прогрессомъ — есть все большее и большее объединеніе людей въ уяс-

ненномъ разумомъ опредѣленіи цѣли, назначенія жизни и средствъ исполненія этого назначенія. Разумъ есть сила, которая дана человѣку для указанія направленія жизни.

«Въ наше время цѣль жизни, указанная разумомъ, состоитъ въ единеніи людей и существъ; средства же для достиженія этой цѣли, указанныя разумомъ, состоятъ въ уничтоженіи суевѣрій, заблужденій и соблазновъ, препятствующихъ проявленію въ людяхъ основного свойства ихъ жизни — любви. — Вотъ что такое разумъ, какъ я болѣе или менѣе ясно старался выражать это во всѣхъ моихъ писаніяхъ послѣднихъ десяти лѣтъ».

Послѣ этихъ писемъ между Л. Н—чемъ и М. О. Меньшиковымъ послѣдовало нѣкоторое сближеніе и Л. Н—чъ съ радостью читалъ его прекрасныя статьи. Окончательный разрывъ между ними послѣдовалъ гораздо позднѣе уже въ первыхъ годахъ XX столѣтія.

Въ высшей степени интересны письма, съ которыми Л. Н—чъ въ эту осень обращался къ своему младшему сыну, желая уберечь его отъ его юношескихъ соблазновъ. Интимный характеръ этихъ писемъ не позволяетъ дѣлать изъ нихъ большихъ выдержекъ, мы ограничимся только самою общею ихъ частью. Во второмъ большомъ письмѣ къ своему младшему сыну Л. Н—чъ даетъ новое краткое резюмэ христіанскому ученію, какъ онъ понимаетъ его и, какъ онъ хотѣлъ бы, чтобы понималъ его сынъ и его юные сверстники. Вотъ что онъ пишетъ ему:

«Сущность христіанскаго ученія состоитъ въ томъ, что оно открываетъ человѣку его истинное благо, состоящее въ исполненіи его назначенія, и указываетъ все то, что подъ видомъ радости и удовольствія можетъ нарушать его благо. Эти мнимыя радости и удовольствія христіанское ученіе называетъ ловушками — соблазнами...

«Главный и основной соблазнъ, противъ котораго предостерегаетъ ученіе Христа, состоитъ въ томъ, чтобы вѣрить, что счастье состоитъ въ удовлетвореніи похотей своей личности. Личность, животная личность всегда будетъ искать удовлетворенія своихъ похотей, но соблазнъ состоитъ въ томъ, чтобы вѣрить, что это удовлетвореніе доставитъ благо. И потому огромная разница въ томъ, чтобы, чувствуя стремленіе къ похоти, вѣрить, что удовлетвореніе ея доставитъ благо, и потому усиливать похоть; или напротивъ, знать, что это удовлетвореніе удалитъ отъ истиннаго блага, и потому ослаблять стремленіе.

«Соблазнъ этотъ, если только человѣкъ дастъ ходъ своему разуму, ясно виденъ ему, такъ что, кромѣ того, что удовлетвореніе всякой похоти совершается въ ущербъ другимъ людямъ и потому съ борьбой, всякое удовлетвореніе похоти влечетъ за собой потребность новой похоти, труднѣе удовлетворяемой, и такъ до конца, и потому для того, чтобы разумъ не открывалъ тщеты этого соблазна, къ соблазну присоединяется другой, самый ужасный, состоящій въ томъ, чтобы ославлять свой разумъ, одурманивать его: табакъ, вино, музыка.

«На этихъ двухъ главныхъ соблазнахъ держатся всѣ мелкіе соблазны, которые улавливаютъ людей и, лишая ихъ истиннаго блага, мучаютъ ихъ...

«Таково то ученіе, которое я исповѣдую и проповѣдую и которое тебѣ и многимъ кажется чѣмъ-то фантастическимъ, туманнымъ, страннымъ и непримѣнимымъ. Ученіе это все состоитъ только въ томъ, чтобы не дѣлать глупостей и напрасно безъ всякой пользы себѣ и другимъ не губить въ себѣ ту божественную силу, которая вложена въ тебѣ и не лишать себя того счастья, которое предназначено всѣмъ намъ. Ученіе все состоитъ въ томъ, чтобы вѣрить своему разуму, блюсти его во всей чистотѣ, развивать его и, поступая такъ,

получить благо истинное вѣчной истинной жизни и сверхъ того въ гораздо большей степени тѣ самыя радости, которыя теперь привлекаютъ тебя».

Не менѣе интересна переписка Л. Н—ча съ его новымъ кружкомъ единомышленниковъ въ Голландіи. Одинъ изъ членовъ этого кружка обратился ко Л. Н—чу съ вопросомъ, что ему дѣлать съ юношей, который обратился къ нему за совѣтомъ, совершить ли ему важный христіанскій поступокъ или отказаться отъ этой мысли изъ жалости къ своей матери. Л. Н—чъ отвѣчалъ ему, что конечно человѣкъ, задающій такіе вопросы, далекъ еще отъ того, чтобы сознательно совершить христіанскій подвигъ, который внушается ничѣмъ неотвратимымъ чувствомъ неизбѣжности и затѣмъ Л. Н—чъ выражаетъ слѣдующую мысль, уже много разъ выраженную въ его писаніяхъ, но здѣсь высказанную съ особенной яркостью:

«Вотъ почему я нахожу безполезнымъ и часто даже вреднымъ, проповѣдывать извѣстные поступки или воздержаніе отъ поступковъ, какъ отказъ отъ военной службы и т. п. Нужно, чтобы всѣ дѣйствія происходили не изъ желанія слѣдовать извѣстнымъ правиламъ, но изъ совершенной невозможности дѣйствовать иначе. И потому, когда я нахожусь въ положеніи, въ которомъ вы очутились передъ этимъ молодымъ человѣкомъ, я всегда совѣтую дѣлать все то, что отъ нихъ требуютъ, — поступать на службу, служить, присягать и т. д., — если только это имъ нравственно возможно; ни отъ чего не воздерживаться, пока это не станетъ столь же нравственно невозможнымъ, какъ невозможно человѣку поднять гору или подняться на воздухъ. Я всегда говорю имъ: если вы хотите отказаться отъ военной службы и перенести всѣ послѣдствія этого отказа, старайтесь дойти до той степени

увѣренности и ясности, чтобы вамъ стало столь же невозможно присягать и дѣлать ружейные пріемы, какъ невозможно для васъ задушить ребенка или сдѣлать что-нибудь подобное. Но если это для васъ возможно, то дѣлайте это, потому что лучше, чтобы сталъ лишній солдатъ, чѣмъ лишній лицемѣръ или отступникъ ученія, что случается съ тѣми, кто предпринимаетъ дѣла свыше своихъ силъ. Вотъ почему я убѣжденъ, что христіанская истина не можетъ распространяться проповѣдью извѣстныхъ внѣшнихъ поступковъ, какъ это дѣлается въ лже-христіанскихъ религіяхъ, но только разрушеніемъ и развѣнчиваніемъ соблазновъ и особенно убѣжденіемъ, что единое истинное благо человѣка заключается въ исполненіи воли Бога, въ которомъ законъ и назначеніе человѣка».

Наконецъ упомянемъ о его письмѣ къ духоборческому руководителю Петру Васильевичу Веригину, находившемуся въ то время въ ссылкѣ въ Обдорскѣ и переписывавшемуся съ друзьями Л. Н—ча.

Письмо Л. Н—ча, написанное П. В. Веригину въ ноябрѣ 1895 года было отвѣтомъ на мысли, высказанныя Веригинымъ въ его письмѣ къ И. М. Трегубову и состоявшія въ томъ, что книга и вообще печатное слово не нужно. «А то, что необходимо и законно, то непремѣнно должно быть въ каждомъ и получается непосредственно свыше, или отъ самого себя». Въ этомъ отрицаніи «печатной книги» проявилось у Веригина одно изъ основныхъ положеній духоборческаго ученія. У духоборцевъ, какъ извѣстно, нѣтъ священнаго писанія, его замѣняетъ «Животная книга», состоящая изъ заученныхъ наизусть и передаваемыхъ устно псалмовъ, въ которыхъ излагается ихъ религіозно-нравственное ученіе.

Замѣчательно, что въ своемъ отвѣтномъ письмѣ Веригину, Л. Н—чъ, этотъ извѣстный всему міру «отрицатель науки, искусства и цивилизаціи», доказываетъ ему, что печатное слово необходимо и полезно для духовнаго развитія человѣка и для единенія многихъ людей въ одной общей истинѣ. Соглашаясь съ Веригинымъ во многихъ преимуществахъ личнаго, устнаго общенія, Л. Н—чъ говоритъ:

«Но зато выгоды печати тоже очень велики и состоятъ главное въ томъ, что кругъ слушателей раздвигается въ сотни, тысячи разъ противъ слушателей устной рѣчи. И это увеличеніе круга читателей важно не потому, что ихъ становится много, а потому, что среди милліоновъ людей разнообразныхъ народовъ и положеній, которымъ доступна книга, отбираются сами собой единомышленники, и благодаря книгѣ, находясь за десятки тысячъ верстъ другъ отъ друга, соединяются въ одно и живутъ единой душой и получаютъ духовную радость и бодрость сознанія того, что они не одиноки. Такое общеніе я теперь имѣю съ вами и многими и многими людьми другихъ націй, никогда не видавшихъ меня, но которые мнѣ близки больше моихъ сыновей и братьевъ по крови».

Интересно это письмо тѣмъ, что оно самымъ наглядным образомъ опровергаетъ нелѣпыя осужденія Л. Н—ча въ узости и сектантствѣ и даетъ ясное представленіе о широтѣ его взглядовъ и о его терпимости къ взглядамъ другого лица, хоть и близкаго ему по духу, но отстаивающаго свое особое мнѣніе.

Какъ мы уже упоминали выше, въ этомъ году получила распространеніе книга, составленная Е. И. Поповымъ: «Жизнь и смерть Дрожжина», вышедшая сразу за границей на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, съ

послѣсловіемъ Л. Н—ча. Эта книга вызвала извѣстнаго нѣмецкаго романиста Фридриха Шпильгагена на написаніе и на напечатаніе открытаго письма Л. Н—чу, въ которомъ онъ доказываетъ, что смерть Дрожжина не была полезна дѣлу всеобщаго мира, что она была безполезной жестокостью, и что отвѣтственность за нее падаетъ на Л. Н—ча.

Явное непониманіе того душевнаго процесса, который привелъ Дрожжина къ совершенію его подвига, конечно не оставляло возможности ему возражать. Интересно это письмо только тѣмъ, что выражаетъ общественное мнѣніе того времени большой соціалъ-демократической германской группы, къ которой принадлежалъ покойный нѣмецкій писатель, авторъ извѣстнаго политическаго романа «In Reih' und Glied» до сего времени являющагося выраженіемъ нѣмецкой массовой нравственности, или вѣрнѣе, рабства, которому всегда страшна была личная инціатива, та самая, которую Л. Н—чъ полагалъ въ основу человѣческаго прогресса.

Несмотря на эти частныя возраженія, взгляды Л. Н—ча, распространялись по всему міру, приводили его въ общеніе съ самаго разнообразнаго рода лицами. Въ концѣ 1895 года въ Москву пріѣхалъ англійскій единомышленникъ Л. Н—ча Джонъ Кенворти, съ которымъ Л. Н—чъ уже давно находился въ близкомъ общеніи путемъ писемъ и книгъ. Свиданіе ихъ было конечно радостно и единеніе ихъ еще болѣе укрѣпилось. И вернувшись въ Англію, Кенворти сталъ центромъ духовнаго движенія, вызваннаго взглядами Л. Н—ча.

ГЛАВА XIII

Три смерти. Коронація. Наша ссылка

1896 г.

Начало 1896 года застаетъ Л. Н—ча въ Москвѣ, въ обычной праздничной городской суетѣ. Въ началѣ января онъ писалъ Черткову:

«Наша жизнь идетъ попрежнему: такъ же много гостей, и когда я въ дурномъ горделивомъ состояніи духа, я тягочусь этимъ, когда же опомнюсь, то не обижаюсь. Какъ хорошо, покойно, когда удается не соображать о томъ, что предстоитъ или хочется сдѣлать и не приписывать никакого значенія тому, что я могу или хочу сдѣлать, а только думать о томъ, какъ бы не ошибиться и не сдѣлать того, чего не хочетъ пославшій меня и не помѣшать не своему, а Его дѣлу. Пожалуйста, не возражайте на это. Я такъ убѣжденъ въ томъ, что для того, чтобы сдѣлать хорошо какое бы то ни было человѣческое дѣло, надо всѣ силы свои напрячь на то, чтобы не мѣшать дѣлу Божію, а то само выйдетъ. На велосипедѣ чтобы ѣхать безъ руля, надо главное смотрѣть не на колесо, а впередъ, и тогда колесо пойдетъ прямо. Сравненіе не совсѣмъ подходитъ, но вы понимаете меня».

Въ это же время въ серединѣ января Л. Н—чъ написалъ большое письмо своему новому американскому другу, Эрнесту Кросьби. Онъ получилъ отъ него письмо, въ которомъ Кросьби съ радостью сообщаетъ ему, что его проповѣдь въ Америкѣ новаго пониманія христіанства встрѣчаетъ сочувствіе и во всякомъ случаѣ его принимаютъ съ полной серьезностью, признавая, что смыслъ христіанства дѣйствительно таковъ и главная сущность возраженій заключается лишь въ утвержденіи того, что слѣдованіе этому ученію трудно и недостижимо въ мірской жизни. Кросьби приводилъ въ своемъ письмѣ цѣлый рядъ отзывовъ американскихъ

писателей: Хиггинсона, Ньютона, Херрона, Мартина, Ливермора и др. и Л. Н—чъ съ радостью видитъ, какой успѣхъ сдѣлала проповѣдь истиннаго христіанства со времени Гаррисона и Балу, когда всѣ умственныя силы проходили ее молчаніемъ и въ лучшемъ случаѣ удостаивали снисходительной усмѣшки.

Въ этомъ письмѣ Л. Н—чъ вкратцѣ излагаетъ свое ученіе о жизни какъ посланничествѣ для исполненія воли Отца жизни. Онъ вкратцѣ повторяетъ свое опредѣленіе духовной сознательной жизни — какъ единственнаго спасительнаго выхода изъ противорѣчій, въ которыя становится человѣкъ живущій эгоистической животной личностью съ проснувшимся разумнымъ сознаніемъ.

Наконецъ, переходя къ вопросамъ практической жизни, Л. Н—чъ отвергаетъ всякую возможность для нравственнаго поступка — руководство внѣшнею цѣлесообразностью этого поступка, такъ какъ отъ насъ скрыты его послѣдствія. Единственнымъ критеріемъ нравственнаго поступка должно быть согласіе его съ сознаваемымъ нами закономъ Бога, съ нашею просвѣщенною совѣстью. Это отношеніе хорошо выражается французскою поговоркою: «Fait ce que doit, advienne que pourra» (дѣлай то, что должно, и будь что будетъ)», которую Л. Н—чъ считаетъ выраженіемъ глубокой мудрости.

Наконецъ онъ приводитъ извѣстное выраженіе защитниковъ цѣлесообразнаго насилія о разбойникѣ, убивающемъ ребенка. Это характерное разсужденіе Л. Н—ча мы выписываемъ здѣсь цѣликомъ, такъ какъ оно часто приводится въ спорахъ и часто невѣрно толкуется:

«Какъ поступать человѣку, — всегда приводимый примѣръ, когда на его глазахъ разбойникъ убиваетъ, насилуетъ ребенка, и спасти ребенка нельзя иначе, какъ убивъ разбойника?

«Обыкновенно предполагается, что, представивъ такой примѣръ, отвѣтъ не можетъ быть иной, какъ тотъ, что надо убить разбойника для того, чтобы спасти ребенка. Но отвѣтъ вѣдь этотъ дается такъ рѣшительно и скоро только потому, что мы не только всѣ привыкли поступать такъ въ случаѣ увеличенія границъ сосѣдняго государства, въ ущербъ нашего, или въ случаѣ провоза черезъ границу кружевъ или даже въ случаѣ защиты плодовъ нашего сада отъ похищенія ихъ прохожимъ.

«Предполагается, что необходимо убить разбойника, чтобы спасти ребенка, но стоитъ только подумать о томъ, на какомъ основаніи такъ долженъ поступать человѣкъ, будь онъ христіанинъ или не христіанинъ, для того, чтобы убѣдиться, что поступокъ такой не можетъ имѣть никакихъ разумныхъ основаній и считается необходимымъ только потому, что 2000 лѣтъ тому назадъ такой образъ дѣйствій считался справедливымъ и люди привыкли поступать такъ. Для чего не христіанинъ, не признающій Бога, защищая ребенка, убьетъ разбойника? Не говоря уже о томъ, что, убивая разбойника, онъ убиваетъ навѣрное, а не знаетъ еще до послѣдней минуты, убилъ ли бы разбойникъ ребенка или нѣтъ, не говоря уже объ этой неправильности, кто рѣшилъ, что жизнь ребенка нужнѣе, лучше жизни разбойника? Вѣдь если человѣкъ не христіанинъ и не признаетъ Бога и смысла жизни въ исполненіи его воли, то руководить выборомъ его поступковъ можетъ только расчетъ, т.-е. соображенія о томъ, что выгоднѣе для него и для всѣхъ людей: продолженіе жизни разбойника или ребенка? Для того же, чтобы рѣшить это, онъ долженъ знать, что будетъ съ ребенкомъ, котораго онъ спасетъ. и что было бы съ разбойникомъ, котораго онъ убьетъ, если бы онъ не убилъ его? А этого онъ не можетъ знать. И потому, если человѣкъ не хри-

стіанинъ, онъ не имѣетъ никакого разумнаго основанія для того, чтобы смертью разбойника спасать ребенка. Если же человѣкъ христіанинъ и потому признаетъ Бога и смыслъ жизни въ исполненіи его воли, то какой бы страшный разбойникъ ни нападалъ на какого бы то ни было невиннаго и прекраснаго ребенка, онъ еще менѣе имѣетъ основанія, отступивъ отъ даннаго ему Богомъ закона, сдѣлать надъ разбойникомъ то, что разбойникъ хочетъ сдѣлать надъ ребенкомъ; онъ можетъ умолять разбойника, можетъ подставить свое тѣло между разбойникомъ и его жертвой, но одного онъ не можетъ: сознательно отступить отъ даннаго ему закона Бога, исполненіе котораго составляетъ смыслъ его жизни. Очень можетъ быть, что по своему дурному воспитанію, по своей животности, человѣкъ будучи ли язычникомъ или христіаниномъ, убьетъ разбойника, не только въ защиту ребенка, но даже въ защиту себя или даже своего кошелька, но это никакъ не будетъ значить, что это должно дѣлать, что должно пріучать себя и другихъ думать, что это нужно дѣлать.

«Это будетъ значить только то, что, несмотря на внѣшнее образованіе и христіанство, привычки каменнаго періода такъ сильны еще въ человѣкѣ, что онъ можетъ дѣлать поступки уже давно отрицаемые его сознаніемъ.

«Разбойникъ на моихъ глазахъ убиваетъ ребенка, и я могу спасти его, убивъ разбойника, стало быть, въ извѣстныхъ случаяхъ надо противиться злу насиліемъ. Человѣкъ находится въ опасности жизни и можетъ быть спасенъ только моей ложью; стало быть въ извѣстныхъ случаяхъ надо лгать. Человѣкъ умираетъ отъ голода и я не могу спасти его иначе, какъ укравъ; стало быть, въ извѣстныхъ случаяхъ надо красть. Недавно я читалъ разсказъ Коппе, гдѣ денщикъ убиваетъ своего офицера, застраховавшаго свою

жизнь и тѣмъ спасаетъ честь и жизнь его семьи. Стало быть, въ извѣстныхъ случаяхъ надо убивать.

«Такіе придуманные случаи и выводимыя изъ нихъ разсужденія доказываютъ только то, что есть люди, которые знаютъ, что нехорошо красть, лгать, убивать, но которымъ такъ не хочется перестать это дѣлать, что они всѣ силы своего ума употребляютъ на то, чтобы оправдать эти поступки. Нѣтъ такого нравственнаго правила, противъ котораго нельзя было бы придумать такого положенія, при которомъ трудно рѣшить, что нравственнѣе: отступить отъ правила или исполнить его. То же съ вопросомъ непротивленія злу насиліемъ: люди знаютъ, что это дурно; но имъ такъ хочется продолжать жить насиліемъ, что они всѣ силы своего ума употребляютъ не на уясненіе всего того зла, которое произвело и производитъ признаніе за человѣкомъ права насилія надъ другимъ, а на то, чтобы защитить это право. Но такіе придуманные случаи никакъ не доказываютъ того, что правила о томъ, что не надо лгать, красть, убивать, были бы несправедливы» [1]).

Письмо это получило большое распространеніе въ Россіи и заграницей и въ первый разъ цѣликомъ появилось въ печати въ Россіи только въ посмертномъ изданіи сочиненій Л. Н—ча, сдѣланнаго Софьей Андреевной Толстой; въ слѣдующихъ изданіяхъ оно уже уничтожено русской цензурой.

Въ это же время, т.-е. въ январѣ этого года Л. Н—чъ снова сильно почувствовалъ вѣяніе смерти, отнявшей нѣсколькихъ друзей его. Почти въ одинъ день скончался Н. Н. Страховъ, родственникъ Л. Н—ча, Н. Н. Нагорный и старушка Агаѳья Михайловна, бывшая горничная его бабушки, давно уже доживавшая свой вѣкъ на покоѣ въ Ясной Полянѣ.

---

[1]) Письма Л. Н. Толстого. Изд. Окто. М. 1912 г. Стр. 139.

Въ дневникѣ своемъ отъ 26 января Л. Н—чъ записываетъ:

«Страховъ. Нынче узналъ о его смерти. Нынче хоронили Нагорнаго и это извѣстіе.

«Я легъ заснуть, но не могъ заснуть, и такъ ясно, ярко представилось мнѣ такое пониманіе жизни, при которомъ мы бы чувствовали себя путниками. Передъ нами одна станція въ знакомыхъ, однихъ и тѣхъ же условіяхъ. Какъ же можно пройти эту станцію иначе, какъ бодро, весело, дружелюбно, совокупно дѣятельно, не огорчаясь тому, что самъ уходишь или другіе прежде тебя уходятъ туда, гдѣ опять будемъ всѣ еще больше вмѣстѣ».

Софья Андреевна была въ это время въ Твери у сына, служившаго тамъ. Л. Н—чъ писалъ ей:

«У насъ большое горе: Ник. Мих. Нагорновъ умеръ. Маша, которая была при его смерти, вѣроятно опишетъ тебѣ подробно все. Докторъ Остроумовъ опредѣлилъ, что камнемъ прободеніе кишки и отъ того — перитонитъ. Очень жаль и Вареньку и дѣтей; въ особенности Варю. У насъ все хорошо, хотя и грустно. Таня осталась ночевать съ Варей, а мы, Маша, Миша и Коля, сейчасъ, отправивъ Сашу спать, сидѣли за чаемъ и задушевно и грустно говорили...

«... Какъ всегда, смерть настраиваетъ серьезно и бодро, и жалѣешь, что не всегда въ этомъ настроеніи, хотя въ слабой степени»[1]).

Въ этотъ же день онъ пишетъ А. К. Чертковой:

«... У насъ нынче смерть. Умеръ Нагорновъ, мужъ моей племянницы. Она его страстно любила. И они жили примѣрно хорошо. Его почему-то, по внѣшности его, всѣ мало любили, но никто не знаетъ про него ничего, кромѣ хорошаго. Маша только-что пришла оттуда, онъ при ней умеръ, а я не былъ».

---

[1]) Письма Л. Н. Толстого къ женѣ. Стр. 497.

О Н. Н. Страховѣ мнѣ уже приходилось не разъ говорить, и я полагаю, что характеръ его близкихъ отношеній ко Л. Н—чу достаточно выясненъ. Мнѣ хочется сказать нѣсколько словъ о третьемъ умершемъ другѣ Л. Н—ча — Агаѳьѣ Михайловнѣ.

Въ «Аннѣ Карениной» есть много драгоцѣнныхъ біографическихъ чертъ объ этомъ замѣчательномъ человѣкѣ, списанныхъ съ натуры. Прибавимъ къ этому нѣсколько строкъ изъ воспоминаній о ней сына Л. Н—ча, Ильи Львовича. Вотъ что онъ говоритъ о ней:

«Сначала въ «этомъ домѣ», на кухнѣ, а потомъ на дворнѣ, жила старушка Агаѳья Михайловна. Высокая, худая, съ большими породистыми глазами и прямыми, какъ у вѣдьмы, сѣдѣющими волосами, она была немножко страшная, но больше всего странная.

«Давно-давно она была горничной у моей прабабушки, гр. Пелагеи Николаевны Толстой, бабки моего отца, рожденной княжны Горчаковой. Она любила разсказывать про свою молодость:

«Я красивая была. Бывало съѣдутся въ большомъ домѣ господа. Графиня позоветъ меня: «Гашетъ, фамбръ де шамбръ, аппортэ муа унъ мушуаръ». А я: «Тутсвитъ, мадаме ля контессъ». А они на меня смотрятъ, глазъ не сводятъ. Я иду во флигирь, а меня на дорожкѣ караулятъ, перехватываютъ. Сколько разъ я ихъ обманывала. Возьму да побѣгу кругомъ, черезъ канаву. Я этого и тогда не любила. Такъ дѣвицей и осталась».

Агаѳья Михайловна очень любила животныхъ, особенно собакъ, и прожила съ ними послѣдніе годы своей жизни, лѣтъ двадцать, если не больше.

Илья Львовичъ приводитъ интересные разсказы о ней самого Л. Н—ча:

«Онъ разсказывалъ, напримѣръ, какъ Агаѳья Михайловна какъ-то жаловалась на безсонницу. Съ тѣхъ поръ, какъ я ее помню, она болѣла тѣмъ, что «растетъ

во мнѣ береза, отъ живота кверху и подпираетъ въ грудь, и дышать отъ этой березы нельзя».

«Жалуется она на безсонницу, на березу: «Лежу я одна, тихо, только часы на стѣнѣ тикаютъ: кто ты, что ты, кто ты, что ты, — я и стала думать: кто я, что я? И такъ всю ночь объ этомъ и продумала».

«Подумай, вѣдь это «гнотисаутонъ», «познай самого себя», вѣдь это Сократъ, — говорилъ Левъ Николаевичъ, разсказывая объ этомъ и восторгаясь.

«По лѣтамъ пріѣзжалъ къ намъ братъ мама, Степа, учившійся въ то время въ училищѣ правовѣдѣнія. Осенью онъ съ отцомъ и съ нами ѣздилъ на охоту съ борзыми, и за это Агаѳья Михайловна его любила.

«Весной у Степы были экзамены.

«Агаѳья Михайловна это знала и съ волненіемъ ждала извѣстій, выдержитъ онъ, или нѣтъ.

«Разъ она зажгла передъ образомъ свѣчку и стала молиться о Степиныхъ экзаменахъ.

«Въ это время она вспомнила, что борзыя у нея вырвались, и что ихъ до сихъ поръ нѣтъ дома. «Батюшки, забѣгутъ куда-нибудь, бросятся на скотину, бѣды надѣлаютъ. Батюшка, Николай угодникъ, пускай моя свѣчка горитъ, чтобы собаки скорѣй вернулись, а за Степана Андреевича я другую куплю». — Только я это подумала, слышу, въ сѣнцахъ собаки ошейниками гремятъ; пришли, слава Богу. Вотъ что значитъ молитва.

«Другой любимецъ Агаѳьи Михайловны былъ нашъ частый гость, молодой человѣкъ Миша Стаховичъ.

«Вотъ, графинюшка, что вы со мной сдѣлали, — укоряла она сестру Таню, — познакомили меня съ М. А., а я въ него и влюбилась на старости лѣтъ, вотъ грѣхъ-то».

«5-го февраля, въ свои именины, Агаѳья Михайловна получила отъ Стаховича поздравительную телеграмму.

«Ее принесъ нарочный съ Козловки.

«Когда объ этомъ узналъ папа, онъ шутя сказалъ Агаѳьѣ Михайловнѣ: «И не стыдно тебѣ, что изъ-за твоей телеграммы человѣкъ пёръ ночью по морозу три версты?»

«Пёръ, пёръ! Его ангелы на крылышкахъ несли, а не пёръ... Вотъ что пріѣзжей жидовкѣ три телеграммы, да о Голохвастикѣ каждый день телеграммы, это — не пёръ? А мнѣ поздравленіе, такъ пёръ», — разворчалась она, и, дѣйствительно, нельзя было не почувствовать, что она была права.

«Агаѳья Михайловна любила не однѣхъ только собакъ. У нея была мышь, которая приходила къ ней, когда она пила чай, и подбирала со стола хлѣбныя крошки.

«Разъ мы, дѣти, сами набрали земляники, собрали въ складчину 16 коп. на фунтъ сахару и сварили Агаѳьѣ Михайловнѣ баночку варенья. Она была очень довольна и благодарила насъ.

«Вдругъ, — разсказываетъ она, — хочу я пить чай, берусь за варенье, а въ банкѣ мышь. Я его вынула, вымыла теплой водой, насилу отмыла, и пустила опять на столъ».

«А варенье?»

«Варенье выкинула, вѣдь мышь — поганый, я послѣ него ѣсть не стану».

Это одинъ изъ отошедшихъ типовъ, которые уже не возвратятся [1]).

Изъ писемъ Л. Н—ча этого времени упомянемъ еще о письмѣ его къ японцу Іокаю, редактору журнала «Дидай-чоо-лю». Съ Японіей у Л. Н—ча завя-

---

[1]) И. Л. Толстой, Воспоминанія сына объ Л. Н-чѣ.

зывались все большія и большія связи и вліяніе его все шире и глубже распространялось на японскую интеллигенцію, ищущую новыхъ жизненныхъ путей.

Вотъ это письмо:

«Благодарю васъ за то, что вы мнѣ прислали вашу статью. Я съ радостью узналъ, что вы глубоко увѣрены въ возможности распространить ученіе Христа и намѣреваетесь проповѣдывать вашимъ соотечественникамъ христіанство, вылившееся въ нагорной проповѣди. Это великая цѣль, и я не знаю цѣли выше этой цѣли, ради которой человѣкъ могъ бы пожертвовать жизнью. Но давайте говорить искренно. Какъ въ вашей статьѣ, такъ и въ вашемъ письмѣ, вы еще не рѣшили, кому служить: богу или мамонѣ. Желаете ли вы пріобрѣсти благосостояніе личное, семейное или государственное, или же только исполнить волю Божію, независимо отъ выгодъ человѣка, семьи или государства?

«Вы говорите, что стараетесь уничтожить стѣну дѣленія племенъ, происходящую отъ различія религій и отъ крайняго развитія патріотизма.

«Вы анализируете патріотизмъ и говорите, что существуетъ два патріотизма: одинъ умѣренный, хорошій и другой — черезчуръ сильный, плохой».

. . . . . .

«Мы христіане, которые вѣримъ въ ученіе Христа, вылившееся въ нагорной проповѣди, должны употреблять всѣ наши силы, чтобы достигнуть этой цѣли и исполнить безкорыстно Его волю.

«Я желаю вамъ, чтобы вы и ваши собратья, раздѣляющіе вашъ взглядъ, поступали такъ. Былъ бы очень радъ, если бы могъ вамъ быть чѣмъ-нибудь полезнымъ» [1]).

Очевидно, что въ строкахъ, уничтоженныхъ цензу-

---

[1]) Письма Л. Н. Толстого. Изд. т-ва Окто. Стр. 150.

рою, Л. Н—чъ говорилъ о томъ, что патріотизмъ, какъ исключительная любовь къ своему народу и къ своему государству никогда не можетъ быть хорошимъ.

Іокай, напечатавъ это письмо въ своемъ журналѣ, снабдилъ его примѣчаніями, въ которыхъ говоритъ, что, когда онъ писалъ Толстому, онъ былъ студентомъ въ англійскомъ университетѣ и написалъ статью: «Этическія мысли японскаго народа», которую и послалъ Л. Н—чу. Отвѣтъ Л. Н—ча не удовлетворилъ его. Вотъ какъ онъ выражаетъ это неудовлетвореніе:

«Великій Толстой критикуетъ мою статью, отрицаетъ устои моего страстнаго патріотизма и убѣждаетъ меня, что пока не исчезнетъ вообще «патріотизмъ восточнаго міра», ожидать блага для человѣчества, въ его цѣломъ, невозможно» [1]).

Если до Японіи вліяніе Л. Н—ча доходило только въ видѣ легкаго сдвига въ область моральныхъ идей, то въ Россіи оно уже пускало глубокіе корни и чистое ученіе Христа было уже ясно и открыто поставлено противъ ученія міра, поддерживаемаго власть имущими всѣми возможными для нихъ средствами.

Въ то время, т.-е. въ призывъ 1895 года, отказался отъ воинской повинности крестьянинъ Ольховикъ, Харьковской губерніи, селенія Рѣчки. Зимой его судили и приговорили въ Якутскую область на 18 лѣтъ. Это былъ удивительно чистый и твердый исповѣдникъ закона Христа. Отправленный моремъ изъ Одессы въ Сибирь, онъ своею кроткою проповѣдью успѣлъ обратить въ свою вѣру конвойнаго Середу, котораго и сослали вмѣстѣ съ нимъ, по пріѣздѣ ихъ на мѣсто.

Л. Н—чъ во многихъ письмахъ того времени упоминаетъ объ этихъ замѣчательныхъ людяхъ.

Продолжая изучать всемірную мудрость, Л. Н—чъ съ наслажденіемъ читалъ въ это время недавно вы-

---

[1]) Тамъ же.

шедшее на англійскомъ языкѣ сочиненіе индусскаго мудреца Свами Вивекананда, подъ названіемъ «Философія Іоги», теперь уже изданное по-русски въ различныхъ переводахъ и изданіяхъ.

Первую половину февраля Л. Н—чъ продолжалъ жить въ Москвѣ. 5 февраля онъ слушалъ лекцію Преображенскаго о Рентгеновскихъ лучахъ, бывшихъ тогда научной новостью.

Въ этотъ же день Л. Н—чъ пишетъ письмо В. Г. Черткову, въ которомъ высказываетъ нѣсколько замѣчательныхъ мыслей. Мы уже упоминали объ участившихся случаяхъ отказа отъ воинской повинности. Эти отказы не всегда кончались торжествомъ правды. Бывали случаи, что люди, отказавшіеся, подъ вліяніемъ мученій соглашались служить и поступокъ ихъ конечно причинялъ имъ и близкимъ къ нимъ по духу большія страданія. Такъ произошло съ однимъ молодымъ художникомъ. Конечно поступокъ слабости вызвалъ во многихъ столь же слабыхъ людяхъ осужденіе. В. Г. Чертковъ не принадлежалъ къ ихъ числу, а напротивъ, въ письмѣ ко Л. Н—чу высказалъ мысль о томъ, что мы не имѣемъ права осуждать ослабѣвшаго, такъ какъ всей жизнью нашей отказываемся отъ того, что считаемъ правдой. Л. Н—чъ отвѣчаетъ Черткову именно на эту мысль и попутно говоритъ о смерти. Вотъ его слова:

«Какъ вы правы въ томъ, что то, что случилось съ С. въ сгущенномъ, въ замѣтномъ видѣ, происходитъ съ нами всѣми въ разрѣженномъ и, что хуже всего, незамѣтномъ видѣ. Я это больно чувствую на себѣ, иногда проснешься и поднимется негодованіе на себя и окружающую жизнь; но съ этимъ негодованіемъ связывается желаніе освободиться, а съ желаніемъ освободиться, связываются страшныя, дурныя

мысли и тушишь въ себѣ негодованіе и миришься, а мирясь, не знаешь, что дѣлаешь для другихъ, а что для себя, и не успѣешь огляпуться, какъ уже самъ дѣлаешь то, за что негодуешь, т.-е. для себя, для своего удовольствія поглощаешь чужіе труды. Одно спасеніе въ этомъ — это смиреніе, признаніе своей негодности, слабости и расширеніе своего горизонта жизни, видѣть свою жизнь дальше смерти. А для этого самое дѣйствительное: память смерти, смерть близкихъ, и готовность къ своей смерти. И это даетъ мнѣ Богъ. Послѣднее время со всѣхъ сторонъ уходятъ туда люди болѣе или менѣе близкіе. Нагорновъ, мужъ племянницы, Страховъ, Стороженко (жена профессора), въ Ясной Полянѣ старушка Агаѳья Михайловна и кучеръ Родивонычъ.

«Одно время я живо представилъ, понялъ свою, нашу жизнь, какъ непрестанное скатываніе подъ гору, въ серединѣ которой завѣса. И не въ серединѣ, а мы катимся внизъ между двумя завѣсами, одна сзади, другая спереди внизу, и кто выкатывается изъ задней, кто скатывается внизу за завѣсу, и мы всѣ, перегоняясь, цѣпляясь, разъѣзжаясь, летимъ внизъ. И неужели можно дѣлать что-нибудь въ этомъ скатываніи, кромѣ того, чтобы, любя помогать, услуживать, веселить другъ друга? Весь ужасъ смерти только отъ того, что мы воображаемъ, что стоимъ на ровномъ, а не катимся по покатому. Отъ этого только мы пугаемся, потому что намъ кажется, что онъ оборвался и полетѣлъ въ неизвѣстную намъ пропасть. Я такъ живо это себѣ представилъ, что жизнь получила для меня новую прелесть. Желаю удержать это чувство».

Около 20 февраля Л. Н—чъ уѣхалъ въ имѣніе Олсуфьевыхъ, Никольское, отдохнуть отъ московской суеты. У Олсуфьевыхъ онъ дѣйствительно отдыхалъ и физически и нравственно благодаря дружескимъ заботамъ хозяевъ. Пріѣхавъ туда, онъ писалъ Софьѣ Андреевнѣ:

«Я чувствую себя очень хорошо, совсѣмъ здоровъ, но не знаю отчего: реакція ли московскаго нервнаго возбужденія или просто старость, — слабъ, вялъ, не хочется работать ни умственно, ни физически двигаться. Правда, нынче, 22-го, я утро провелъ если не пиша, то съ интересомъ обдумывалъ и записывалъ... Не хочется признать, что состарѣлся и кончилъ, а должно быть надо. Стараюсь пріучить себя къ этому и не пересиливать себя и не портить. — Ну, довольно о себѣ. Мнѣ все-таки очень хорошо. Наслаждаюсь тишиной и добротою хозяевъ»[1]).

Это чувство старости Л. Н—ча въ тотъ же день выражается въ записи дневника:

«Уже больше недѣли чувствую упадокъ духа. Нѣтъ жизни, ничего не могу работать. Отецъ моей и всякой жизни! Если дѣло мое кончено здѣсь, какъ я начинаю думать, и испытываемое мною прекращеніе духовной жизни означаетъ совершающійся переходъ на ту, иную жизнь, — что я уже начинаю жить тамъ, а здѣсь понемногу убирается этотъ остатокъ, — то укажи мнѣ это явственнѣе, чтобы я не искалъ, не тужился; а то мнѣ кажется, что у меня много задуманныхъ хорошихъ плановъ, а мнѣ нѣтъ возможности, не только исполнить все, — это я знаю, что не нужно думать, — но хоть дѣлать что-нибудь доброе, угодное Тебѣ, пока я живу здѣсь. Или дай мнѣ силы. работать съ сознаніемъ служенія Тебѣ. Впрочемъ, да будетъ Твоя воля. Если бы только я всегда чувствовалъ, что жизнь только въ исполненіи Твоей воли, я бы не сомнѣвался. А то сомнѣніе оттого, что я закусываю удила и не чувствую поводьевъ».

У Олсуфьевыхъ онъ читаетъ Корнеля и Расина, и это чтеніе у него вызываетъ интересныя мысли.

Тамъ же, въ дневникѣ своемъ, Л. Н—чъ набрасы-

---

[1]) Письма Л. Н. Толстого къ женѣ. Стр. 498.

ваетъ нѣсколько мыслей объ искусствѣ, легшихъ потомъ въ основаніе его большого трактата: «Что такое искусство?» По своему обыкновенію Л. Н—чъ дѣлалъ замѣтки сначала въ своей записной книжкѣ и потомъ по вечерамъ заносилъ то, что ему казалось болѣе важнымъ, въ свой большой дневникъ, при этомъ часто развивая и исправляя раньше записанное. Такъ было и въ этомъ случаѣ, и эта черновая работа, надъ совсѣмъ сырымъ матеріаломъ, особенно интересна. Вотъ что онъ записалъ подъ 27 февраля:

«Записано о томъ, что есть два искусства. Теперь обдумываю и не нахожу яснаго выраженія своей мысли.

«Тогда думалъ я то, что искусство, какъ вѣрно опредѣляютъ его, происшедшее изъ игры, отъ потребности всякаго существа играть. Игра теленка: прыжки; игра человѣка: симфонія, картинная поэма, романъ. Это одно искусство и играть и придумывать новыя игры, — исполнять старое и сочинять. Это дѣло хорошее, полезное и цѣнное, потому что развиваетъ, увеличиваетъ радости человѣка.

«Но понятно, что заниматься игрою можно только тогда, когда сытъ. Такъ и общество можетъ заниматься искусствомъ только тогда, когда всѣ члены его сыты. И пока всѣ члены не сыты, не можетъ быть настоящаго искусства. А будетъ искусство пресыщенное, уродливое, и искусство голодныхъ, грубое, жалкое, какъ оно и есть. И потому въ этомъ первомъ родѣ искусства, — игры, — цѣнное только то искусство, которое доступно всѣмъ, увеличиваетъ радости всѣхъ. Если оно таково, то оно не дурное дѣло, въ особенности если оно не требуетъ увеличенія труда угнетенныхъ, какъ это происходитъ теперь.

«(Можно бы и нужно бы лучше выразить).

«Но есть еще другое искусство, которое вызываетъ въ людяхъ лучшія и высшія чувства.

«— Сейчасъ написалъ это, — то, что я говорилъ не разъ, и думаю, что это неправда:

«Искусство только одно, и состоитъ въ томъ, чтобы увеличивать радости безгрѣшныя, общія, доступныя всѣмъ, — благо человѣка. Хорошее зданіе, веселая картина, пѣсня, сказка даетъ небольшое благо. Возбужденіе религіознаго чувства любви къ добру, производимое драмой, картиной, пѣніемъ, даетъ большое благо».

Въ мартѣ Л. Н—чъ снова переѣхалъ въ Москву и прожилъ тамъ до начала мая.

Въ Москвѣ снова Л. Н—чъ сталъ предметомъ общаго вниманія. Въ это время была наконецъ разрѣшена постановка «Власти тьмы» на сценѣ императорскихъ театровъ и драму Л. Н—ча давали въ Москвѣ.

«Послѣ перваго представленія «Власти тьмы» зимой 1896 года на сценѣ Малаго театра въ Москвѣ, — разсказываетъ П. А. Сергѣенко, — толпа студентовъ отправилась прямо изъ театра въ Хамовническій переулокъ къ Л. Н—чу Толстому, чтобы выразить ему свои чувства благодарности и любви».

«Студенты столпились у воротъ дома, гдѣ живетъ Л. Н—чъ, и стали держать совѣтъ, какъ имъ приступить къ выполненію задуманнаго плана. Удобно ли въ этакую пору являться хотя и съ выраженіемъ добрыхъ чувствъ! Вѣдь Л. Н—чъ можетъ уже и спать въ данный моментъ. Но Левъ Николаевичъ былъ въ это время въ гостяхъ и возвращался домой съ однимъ изъ своихъ пріятелей. Какъ разъ въ ту минуту, когда у студентовъ шло совѣщаніе. Онъ былъ очень удивленъ необычайнымъ сборищемъ въ Хамовническомъ переулкѣ и проскользнувъ между студентами, вошелъ во дворъ. Они тотчасъ же догадались, кто былъ старикъ, вошедшій въ домъ, и осторожно позвонили.

«— Мы пришли, чтобы выразить Льву Николае-

вичу нашу глубокую благодарность за «Власть тьмы», — сказали выборные.

«Когда ему доложили о просьбѣ студентовъ, онъ пришелъ въ крайнее замѣшательство.

«— Зачѣмъ они это дѣлаютъ? Что я имъ скажу?

«И когда черезъ нѣсколько минутъ толпа студентовъ вошла въ переднюю и одинъ изъ нихъ, вставши на стулъ, взволнованнымъ голосомъ обратился ко Льву Николаевичу съ привѣтствіемъ, а другіе бросились цѣловать ему руки, онъ былъ потрясенъ и нѣкоторое время не могъ говорить» [1]).

Болѣе серьезныя тревоги доставляли Л. Н—чу извѣстія о преслѣдованіяхъ, которыя терпѣли нѣкоторые изъ его друзей и знакомыхъ за распространеніе его взглядовъ. Весьма понятно, что провести границу того, гдѣ кончается исповѣданіе этихъ взглядовъ для себя, и гдѣ начинается ихъ пропаганда — невозможно и потому старанія администраціи провести эту границу всегда терпѣли полную неудачу. Кромѣ того интересъ къ сочиненіямъ Л. Н—ча, даже изученіе ихъ и даже передача изъ рукъ въ руки не могла сама по себѣ доказывать принадлежность того или другого лица къ этому «зловредному» ученію и уличать это лицо въ пропагандѣ.

А такъ какъ администрація и не старалась входить въ суть дѣла, а ограничивалась тѣмъ, что черпала свѣдѣнія изъ однихъ формальныхъ, большею частью малограмотныхъ доносовъ, то при этомъ получались самые изумительные результаты и конечно страдало много невинныхъ.

---

[1]) П. А. Сергѣенко, Какъ живетъ и работаетъ графъ Л. Н. Толстой.

Однимъ изъ такихъ случаевъ былъ арестъ въ Тулѣ женщины-врача Халевинской, друга дочерей Л. Н—ча, по какому-то доносу, за распространеніе запрещенныхъ сочиненій Толстого.

Л. Н—чъ былъ вдвойнѣ возмущенъ этимъ поступкомъ администраціи; ему было жаль слабую больную женщину Халевинскую, никогда не раздѣлявшую его взглядовъ и не распространявшую ихъ и обидно за себя, главнаго виновника этихъ «зловредныхъ» сочиненій, котораго администрація упорно не хотѣла знать. Эти чувства побудили Л. Н—ча написать въ апрѣлѣ этого года письмо министрамъ, которое онъ адресовалъ въ тождественныхъ копіяхъ, одно — министру внутреннихъ дѣлъ, другое — министру юстиціи. Въ этомъ письмѣ, возмущаясь поступками администраціи, арестовывающей и ссылающей невинныхъ людей и игнорирующихъ извѣстнаго имъ, главнаго виновника преступной, по ихъ мнѣнію, пропаганды, Л. Н—чъ указываетъ на себя и говоритъ:

«Такое лицо въ данномъ случаѣ я: я пишу тѣ книги, и письменнымъ и словеснымъ общеніемъ распространяю тѣ мысли, которыя правительство считаетъ зломъ, и потому, если правительство хочетъ противодѣйствовать распространенію этого зла, то оно должно обратить на меня всѣ употребляемыя имъ теперь мѣры противъ случайно попадающихся подъ его дѣйствіе лицъ, виновныхъ только въ томъ, что они имѣютъ интересующія ихъ запрещенныя книги и даютъ ихъ для прочтенія своимъ знакомымъ. Правительство должно поступить такъ еще и потому, что я не только не скрываю этой своей дѣятельности, но напротивъ, прямо этимъ самымъ письмомъ заявляю, что я писалъ и распространялъ тѣ книги, которыя считаются правительствомъ вредными, и теперь продолжаю писать и распространять и въ книгахъ и въ письмахъ и въ бесѣдахъ такія же мысли, какъ и тѣ, которыя вы-

ражены въ книгахъ. Сущность этихъ мыслей та, что людямъ открытъ несомнѣнный законъ Бога, стоящій выше всѣхъ человѣческихъ законовъ, по которому мы всѣ должны не враждовать, не насиловать другъ друга, а напротивъ любить и помогать другъ другу, должны поступать съ другими такъ же, какъ хотѣли бы, чтобы другіе поступали съ нами.

«Эти-то мысли вмѣстѣ съ вытекающими изъ нихъ практическими выводами я и выражалъ какъ умѣлъ въ своихъ книгахъ и стараюсь теперь еще яснѣе и доступнѣе выразить въ книгѣ, которую я пишу. Эти же мысли я высказываю въ бесѣдахъ и въ письмахъ, которыя я пишу знакомымъ и незнакомымъ людямъ. Эти самыя мысли я выражаю теперь и вамъ, указывая на тѣ, противныя закону Бога жестокости и насилія, которыя совершаются чинами вашего министерства».

Въ концѣ письма, справедливо предполагая, что несмотря на его дерзкое письмо министры все-таки побоятся его взять, онъ со свойственной ему наивностью старается успокоить ихъ, что имъ за это ничего не будетъ, онъ говоритъ такъ:

«И не думайте, пожалуйста, чтобы я, прося обратить противъ себя мѣры насилія, употребляемыя противъ нѣкоторыхъ моихъ знакомыхъ, предполагалъ, что употребленіе такихъ мѣръ противъ меня представляетъ какое либо затрудненіе для правительства, что моя популярность и мое общественное положеніе ограждаетъ меня отъ обысковъ, допросовъ, высылокъ, заключенія и другихъ худшихъ насилій. Я не только не думаю этого, но убѣжденъ, что если правительство поступитъ рѣшительно противъ меня, сошлетъ, посадитъ въ тюрьму, если приложитъ еще болѣе сильныя мѣры, то это не представитъ никакихъ особенныхъ затрудненій и общественное мнѣніе не только не возмутится этимъ, но большинство людей вполнѣ одоб-

ритъ такой образъ дѣйствія и скажетъ, что давно уже пора было это сдѣлать»[1]).

Но и это не убѣдило министровъ; Л. Н—ча все-таки оставили въ покоѣ и продолжали безпокоить его друзей, слѣдуя системѣ Побѣдоносцева, именно этимъ самымъ и пожелавшаго создать для Л. Н—ча казнь. Но друзья его знали это, и когда ихъ дѣйствительно постигала какая-нибудь кара, они спѣшили привѣтствовать Л. Н—ча съ еще большей любовью, прося его не безпокоиться о ихъ участи и козни враговъ разлетались какъ дымъ.

Въ половинѣ мая Л. Н—чъ переселяется на лѣто въ Ясную Поляну.

Въ Ясной онъ совершаетъ обычныя прогулки верхомъ и на одной изъ этихъ прогулокъ, мимо чугунно-литейнаго завода Гиля, ему приходятъ въ голову интересныя мысли о капитализмѣ и соціализмѣ. И онъ ихъ записываетъ въ свой дневникъ 5 мая въ такомъ видѣ:

«Нынче ѣхалъ мимо Гиля, думалъ: съ малымъ капиталомъ невыгодно никакое предпріятіе. Чѣмъ больше капиталъ, тѣмъ выгоднѣе, меньше расходовъ. Но изъ этого никакъ не слѣдуетъ, чтобы, по Марксу, капитализмъ привелъ къ соціализму. Пожалуй, онъ и приведетъ, но только къ насильственному. Рабочіе будутъ вынуждены работать вмѣстѣ, и работать будутъ меньше, и плата будетъ больше, но будетъ то же рабство. Надо, чтобы люди свободно работали сообща, выучились работать другъ для друга, а капитализмъ не научаетъ ихъ этому, — напротивъ, на-

---

[1]) Посмертныя сочиненія Л. Н. Толстого. Т. XX. Стр. 146 и слѣд.

учаетъ ихъ зависти, жадности, эгоизму. И потому изъ насильственнаго общенія черезъ капитализмъ можетъ улучшиться матеріальное положеніе рабочихъ, но никакъ не можетъ установиться ихъ довольство. Довольство можетъ установиться только черезъ свободное общеніе рабочихъ, а для этого нужно учиться общаться, нравственно совершенствоваться, охотно служить другимъ, не обижаясь на то, что не встрѣчаешь возмездія».

До Л. Н—ча, жившаго въ Ясной Полянѣ, конечно, относительно не скоро дошли слухи объ ужасахъ коронаціи, происходившей въ то время въ Москвѣ, въ маѣ этого года. Еще ничего не зная о «Ходынкѣ», Л. Н—чъ писалъ Черткову 10 мая:

«С. А. съ Мишей и Сашей уѣхали третьяго дня на коронацію. Нынче ночью хотѣли вернуться. Мнѣ разсказывали изъ вѣрныхъ источниковъ, что съ недѣлю или двѣ тому назадъ въ Москвѣ найдены приготовленія къ взрыву и арестовано 15 человѣкъ. Какъ жалко обѣ стороны и какъ очевидно, что на этомъ пути, т.-е. при существующемъ складѣ мысли, не христіанскомъ, не можетъ быть никакого улучшенія, примиренія, что всякое затишье только временное, внѣшнее, а что внутри кипитъ и разрастается злоба. Опять казни, страданіе, раскаяніе, заглушеніе раскаянія и все остальное. Слыша про это, только сильнѣе убѣждаешься въ необходимости непрестанной бдительности надъ собой, чтобы не содѣйствовать какъ-нибудь своимъ раздраженіемъ этому злу, а чтобы противодѣйствовать ему во всемъ и главное въ себѣ. Вчера напакостила ночью собака Миши и я наступилъ и долженъ былъ чистить и потомъ съ злостью гналъ хлыстомъ и билъ собаку. Я служилъ революціи, взрывамъ, казнямъ. И потомъ опомнился и постарался

помириться съ собакой. И служилъ дѣлу единенія, блага міра».

Самая Ходынка не могла конечно не вызвать ужаса и возмущенія во Л. Н—чѣ, но вѣрный своему убѣжденію, что озлобленіе самый худшій изъ руководителей, онъ не поддался ему и въ правдивой художественной картинѣ, которой онъ запечатлѣлъ это событіе, онъ сумѣлъ подчеркнуть чувство человѣчности, простой сердечной жалости рабочаго къ барышнѣ-аристократкѣ, которой онъ спасъ жизнь. Рабочій наградилъ ее еще неоцѣненнымъ воспоминаніемъ. Разсказъ кончается такъ:

«Онъ улыбнулся такой бѣлозубой, радостной улыбкой, которую Рина вспоминала, какъ утѣшеніе, въ самыя тяжелыя минуты своей жизни»[1]).

Лѣтніе мѣсяцы этого года Л. Н—чъ былъ усиленно занятъ нѣсколькими значительными литературными произведеніями. Онъ значительно подвинулъ «Христіанское ученіе» и съ напряженіемъ и интересомъ вырабатывалъ свое особое, новое отношеніе къ вопросамъ искусства. Дневники его полны записями новыхъ интересныхъ мыслей. Мы уже приводили нѣкоторыя изъ нихъ, приведемъ еще нѣсколько, относящихся къ лѣтнему періоду. Въ концѣ мая онъ записываетъ мысли, вызванныя чтеніемъ иностранныхъ поэтовъ.

«Стихотворенія Маларме и др. Мы, не понимая ихъ, смѣло говоримъ, что это вздоръ, что это поэзія, забредшая въ тупой уголъ: почему же, слушая музыку непонятную и столь же безсмысленную, мы смѣло не говоримъ того же, а съ робостью говоримъ: да, можетъ быть, это надо понять, подготовиться и т. п.? Это вздоръ. Всякое произведеніе искусства — только тогда произведеніе искусства, когда оно понятно, — не говорю: всѣмъ, но людямъ, стоящимъ на из-

[1]) Полн. собр. соч. Л. Н. Толстого. Т. XIX. Стр. 371.

вѣстномъ уровнѣ образованія, томъ самомъ, на которомъ стоитъ человѣкъ, читающій стихотворенія и судящій о нихъ. Это разсужденіе привело меня къ совершенно опредѣленному выводу о томъ, что музыка раньше другихъ искусствъ (декандентства въ поэзіи и символизма и пр. въ живописи) сбилась съ дороги и забрела въ тупикъ. И свернувшій ее съ дороги былъ геніальный музыкантъ Бетховенъ. Главное — авторитеты и лишенные эстетическаго чувства люди, судящіе объ искусствѣ.

«Гете? Шекспиръ? Все, что подъ ихъ именемъ, все должно быть хорошо и on se bat les flancs[1]) чтобы найти въ глупомъ, неудачномъ прекрасное и извращаютъ совсѣмъ вкусъ. А всѣ эти большіе таланты — Гете, Шекспиры, Бетховены, Микель-Анджело — рядомъ съ прекрасными вещами производили не то, что посредственныя, а отвратительныя. Средніе художники производятъ среднее по достоинству и никогда не очень скверное. Но признанные геніи производятъ или точно великія произведенія или совсѣмъ дрянь. Шекспиръ, Гете, Бетховенъ, Бахъ и др.».

Въ іюнѣ онъ снова записываетъ мысли объ искусствѣ въ своемъ дневникѣ:

«Думалъ: очень важное объ искусствѣ: что такое красота? Красота то, что мы любимъ. Не по хорошу милъ, а по милу хорошъ. Вотъ въ томъ и вопросъ: почему милъ? почему мы любимъ? А говорить, что мы любимъ потому, что красиво, это все равно, что говорить, это мы дышимъ потому, что воздухъ пріятенъ. Мы находимъ воздухъ пріятнымъ потому, что намъ нужно дышать; и такъ же находимъ красоту потому, что намъ нужно любить. И кто не умѣетъ видѣть красоту духовную, видитъ хоть тѣлесную и любитъ».

---

[1]) Стараются изо всѣхъ силъ.

Въ іюлѣ встрѣчаемъ въ дневникѣ такія мысли:

«Вчера переглядѣлъ романы, повѣсти и стихи Фета. Вспомнилъ нашу въ Ясной Полянѣ, неумолкаемую, въ 4 фортепіано, музыку, и такъ ясно стало, что все это — и романы, и стихи, и музыка — не искусство, какъ нѣчто нужное и важное людямъ вообще, а баловство... романы, повѣсти о томъ, какъ пакостно влюбляться, стихи о томъ же или о томъ, какъ томятся отъ скуки. О томъ же и музыка. А жизнь, вся жизнь кипитъ своими вопросами о пищѣ, размѣщеніи, трудѣ, о вѣрѣ, объ отношеніяхъ людей... Стыдно, гадко. Помоги мнѣ, Отецъ, разъясненіемъ этой лжи послужить тебѣ».

И еще далѣе:

«Эстетическое наслажденіе есть наслажденіе низшаго порядка. И потому высшее эстетическое наслажденіе оставляетъ неудовлетворенность. Все хочется чего-то еще и еще. И безъ конца. Полное удовлетвореніе даетъ только нравственное благо. Тутъ полное удовлетвореніе, дальше ничего не хочется и не нужно».

Всѣ эти мысли въ разработанномъ видѣ легли въ основаніе его трактата объ искусствѣ. Въ приведенныхъ выпискахъ видно, какъ онѣ зарождались.

Другое большое произведеніе, которымъ былъ занятъ Л. Н—чъ, это было «Христіанское ученіе». Оно было задумано давно. Сначала Л. Н—чъ задумалъ изложить свое пониманіе ученія Христа въ самой простой формѣ, доступной рабочему народу и даже дѣтямъ и для этого онъ избралъ катехизическую форму. Но дѣло не ладилось. Нѣсколько разъ въ письмахъ къ друзьямъ своимъ онъ жаловался на неожиданныя трудности предпринятой работы, но всегда прибавлялъ,

что все-таки эта работа очень привлекаетъ его своей важностью и именно эта трудность указываетъ ему на то, какъ полезна для него эта работа, заставляющая его задуматься надъ многими пунктами своего міровоззрѣнія, еще недостаточно уясненными, потому что они не поддаются простому изложенію. Наконецъ, онъ увидалъ, что катехизическая форма вопросовъ и отвѣтовъ стѣсняетъ его своей искусственностью и онъ оставилъ ее, перейдя къ простому изложенію по главамъ или параграфамъ или пунктамъ. Работая все лѣто, онъ къ осени довелъ это произведеніе до того вида, который наконецъ удовлетворилъ его настолько, что онъ далъ его списать и позволилъ распространять въ рукописи. Но полнаго удовлетворенія работа эта ему не дала и онъ оставилъ ее.

Въ томъ видѣ, до какого онъ довелъ ее осенью 1896 года, работа представляетъ стройную систему изложенія христіанскаго ученія.

1-ая часть представляетъ намъ мысли общаго характера: о древнихъ ученіяхъ, о духовномъ рожденіи, о Богѣ, объ истинной жизни и т. д.

2-ая часть есть ученіе о грѣхахъ, мѣшающихъ человѣку жить истинною жизнью. Главныхъ грѣховъ Л. Н—чъ насчитываетъ шесть: похоть, праздность, корысть, властолюбіе, блудъ и опьяненіе.

3-я часть есть ученіе о соблазнахъ, служащихъ оправданіями грѣховъ. Этихъ соблазновъ пять: личный, семейный, дѣла, товарищества, государственный.

4. Существованіе этихъ соблазновъ, затемняющихъ истину, обусловливается обманомъ вѣры. Это и есть главное зло. Въ этой же главѣ объясняется способъ освобожденія отъ обмана вѣры.

5. Въ этой главѣ излагается возможность для человѣка, освободившагося отъ обмановъ вѣры — избѣжать соблазновъ, оправдывающихъ грѣхи.

6-ая глава посвящена борьбѣ и освобожденію отъ

грѣховъ, что дѣлается возможнымъ послѣ разрушенія соблазновъ.

7-ая глава излагаетъ ученіе о молитвѣ, дающей намъ силу для борьбы съ грѣхами.

8-ая глава разсматриваетъ вопросъ о будущей жизни, при чемъ Л. Н—чъ указываетъ на недостаточность всѣхъ извѣстныхъ до сихъ поръ объясненій о томъ, что ожидаетъ человѣка послѣ его смерти и заключаетъ такъ:

«Одно достовѣрно и несомнѣнно — это то, что сказалъ Христосъ, умирая: «Въ руки Твои отдаю духъ мой».

«Именно то, что, умирая, я иду туда, откуда исшелъ. И если я вѣрю въ то, что то, отъ чего я исшелъ, есть разумная любовь (два эти свойства я знаю) я радостно возвращаюсь къ Нему, зная, что мнѣ будетъ хорошо. И не только не сокрушаюсь, но радуюсь тому переходу, который предстоитъ мнѣ».

Въ этомъ видѣ произведеніе это было издано черезъ годъ въ Англіи фирмой «Свободное Слово» подъ редакціей В. Г. Черткова, а въ настоящее время оно свободно издается и продается въ Россіи.

Упомянемъ здѣсь объ одномъ небольшомъ произведеніи, относящемся къ этому году, объ статьѣ: «Какъ читать Евангеліе?»

Статья эта была вызвана желаніемъ Л. Н—ча дать руководство къ чтенію Евангелія каноническаго, синодскаго изданія, какъ болѣе знакомаго и распространеннаго, дать возможность изъ этой книги извлечь все, что есть въ ней драгоцѣннаго и отнести на второй планъ менѣе важное. Л. Н—чъ самъ размѣтилъ все четверо-евангеліе и мы, руководствуясь его отмѣтками, вырѣзали изъ синодскаго изданія отмѣченныя имъ мѣста и наклеивали ихъ послѣдовательно въ особыя тетрадки, такъ что получалось связное и

сильное изложеніе самой сути Евангелія въ обычной, знакомой всѣмъ формѣ.

Получивъ извѣстіе изъ Голландіи объ отказѣ тамъ отъ воинской повинности во имя ученія Христа, Л. Н—чъ пишетъ по поводу этого статью подъ заглавіемъ: «Приближеніе конца», въ которой снова выясняетъ огромное значеніе такихъ отказовъ. Статья эта появилась этой же осенью въ иностранныхъ переводахъ.

Наконецъ этимъ лѣтомъ Л. Н—чемъ было начато и новое большое художественное произведеніе.

Въ іюлѣ Л. Н—чъ поѣхалъ погостить къ своему брату Сергѣю Николаевичу въ его имѣніе Пирогово.

Въ дневникѣ того времени Л. Н—чъ записалъ:

«Вчера иду по передвоенному черноземному пару. Пока глазъ окинетъ, ничего кромѣ черной земли, — ни одной зеленой травки; и вотъ на краю пыльной, сѣрой дороги кустъ татарника (рѣпья). Три отростка: одинъ сломанъ и бѣлый, загрязненный цвѣтокъ виситъ; другой сломанъ и забрызганъ грязью черной, стебель надломленъ и загрязненъ; третій отростокъ торчитъ вбокъ, тоже черный отъ пыли, но все еще живъ и въ серединѣ краснѣется. Напомнилъ Хаджи-Мурата. Хочется написать. Отстаиваетъ жизнь до послѣдняго, и одинъ среди всего поля хоть какъ-нибудь да отстоялъ ее».

Такъ было задумано большое художественное произведеніе.

Въ августѣ Л. Н—чъ ѣздилъ съ Софьей Андреевной гостить къ своей сестрѣ монахинѣ въ Шамординскій монастырь, близъ Оптиной пустыни. И тамъ сдѣлалъ первый набросокъ повѣсти «Хаджи-Мурата».

14 сентября онъ записываетъ въ своемъ дневникѣ:

«За это время была поѣздка съ Соней въ монастырь. Было очень хорошо. — Написалъ о Хаджи-Муратѣ очень плохо, начерно. Все продолжаю свою работу изложенія вѣры».

Но этими произведеніями еще не ограничивается напряженная литературная дѣятельность Л. Н—ча за это время. Онъ пишетъ еще цѣлый рядъ писемъ, болѣе или менѣе общественнаго значенія, которыя впослѣдствіи получили, съ его разрѣшенія, большое распространеніе.

Таково было письмо, извѣстное въ печати подъ названіемъ «письма къ либераламъ».

Оно написано было по слѣдующему поводу. Въ Петербургѣ, при Императорскомъ Вольноэкономическомъ обществѣ существовалъ, возникшій еще въ 60-хъ годахъ, комитетъ грамотности. При немъ была издательская комиссія, которая издавала хорошія, дешевыя книжки для народа, но въ очень ограниченномъ количествѣ и по цѣнѣ, которая не могла конкурировать съ лубочными и потому онѣ распространялись относительно слабо.

Съ возникновеніемъ «Посредника» дѣятельность комитета грамотности по изданію совершенно упала. Но въ это время среди петербургской интеллигенціи возникъ особый интересъ къ народной литературѣ и образовался кружокъ молодыхъ людей, взявшихся за изученіе народной литературы и за изысканіе средствъ къ ея упорядоченію и улучшенію. Сотрудники «Посредника» принимали въ этомъ кружкѣ дѣятельное участіе. Желая придать своей дѣятельности болѣе общественный характеръ, члены этого кружка вошли въ составъ комитета грамотности, находившагося до того времени въ рукахъ очень благонамѣренныхъ, но весьма умѣренныхъ пожилыхъ людей. Притокъ свѣжихъ молодыхъ силъ совершенно перевернулъ характеръ дѣятельности комитета. Старички удалились и во главѣ

комитета стали видные общественные дѣятели, захотѣвшіе воспользоваться правами Императоскаго Вольно-экономическаго общества для развитія обширной просвѣтительной дѣятельности по всей Россіи путемъ литературы и общественныхъ организацій. Нѣсколько лѣтъ они могли производительно работать, но потомъ администрація испугалась ихъ широкихъ плановъ и въ 1896 году комитетъ грамотности былъ закрытъ. Готовился общественный протестъ. И вотъ руководители этого движенія, Александра Михайловна Калмыкова и Николай Александровичъ Рубакинъ обратились къ Л. Н—чу съ письмомъ, стараясь вызвать его къ дѣятельному протесту противъ дѣйствій администраціи. На это письмо и отвѣтилъ Л. Н—чъ письмомъ, которое сначала имѣло характеръ частнаго письма, но потомъ разрослось въ цѣлую статью, изданную В. Г. Чертковымъ подъ названіемъ «письмо къ либераламъ», впослѣдствіи, съ нѣкоторыми сокращеніями, вошедшую подъ тѣмъ же названіемъ въ полное собраніе сочиненій.

Въ этомъ письмѣ Л. Н—чъ, отдавая должное прекрасной просвѣтительной дѣятельности комитета грамотности, тѣмъ не менѣе отказывается принять участіе въ протестѣ, такъ какъ ему не свойственна такого рода дѣятельность, и онъ не считаетъ производительнымъ затрату силъ на такого рода борьбу. По мнѣнію Л. Н—ча всякому просвѣщенному человѣку вполнѣ естественно бороться съ государственнымъ насиліемъ, задерживающимъ просвѣщеніе народа. Борьба эта бываетъ двухъ родовъ: борьба революціоннаго насилія и борьба либеральныхъ реформъ. И та и другая не достигаетъ цѣли. Революціонное насиліе или подавляется сильнѣйшимъ противникомъ, или, въ случаѣ успѣха террористической дѣятельности, вызываетъ въ обществѣ реакцію, уничтожающую всѣ плоды усилій и жертвъ. Борьба либерализма, т.-е. проведеніе по-

степенныхъ реформъ подъ флагомъ того же правительства, съ которымъ ведется борьба, имѣетъ ту невыгоду, что сами борющіеся должны совершать столько компромиссовъ, что результатъ достигнутой реформы никогда не окупитъ того зла, которое совершаютъ эти борющіеся, оставаясь въ рядахъ правительственныхъ чиновниковъ, исполняющихъ часто самыя возмутительныя реакціонныя распоряженія.

Остается одна прямая борьба, «отстаиванье своихъ правъ разумнаго и свободнаго человѣка, безъ всякихъ уступокъ и компромиссовъ, какъ и не можетъ иначе отстаиваться нравственное и человѣческое достоинство».

Это отстаиваніе человѣческаго достоинства и свободы должно выразиться въ такомъ протестѣ:

«Вамъ угодно вмѣсто мировыхъ судей учредить земскихъ начальниковъ съ розгами, — это ваше дѣло; но мы не пойдемъ ни судиться къ вашимъ земскимъ начальникамъ, ни сами не будемъ поступать въ эту должность; вамъ угодно сдѣлать судъ присяжныхъ одной формальностью, — это ваше дѣло, но мы не пойдемъ въ судьи, ни въ адвокаты, ни въ присяжные; вамъ угодно подъ видомъ охраны установить безправіе, — это ваше дѣло, но мы не будемъ участвовать въ ней и будемъ прямо называть охрану беззаконіемъ и смертныя казни безъ суда — убійствомъ; вамъ угодно устроить классическія гимназіи съ военными упражненіями и закономъ Божіимъ или кадетскіе корпуса, — ваше дѣло, но мы не будемъ въ нихъ учителями, не будемъ посылать въ нихъ нашихъ дѣтей, а будемъ воспитывать ихъ такъ, какъ мы считаемъ хорошимъ; вамъ угодно свести на нѣтъ земство, — мы не будемъ участвовать въ немъ; вы запрещаете печатать то, что вамъ не нравится, — вы можете ловить, сжигать, наказывать типографщиковъ, но говорить и писать вы не можете намъ помѣшать, и мы будемъ дѣлать это...

вы велите служить въ военной службѣ, — мы не будемъ дѣлать этого, потому что мы считаемъ массовое убійство такимъ же противнымъ совѣсти поступкомъ, какъ и убійство одиночное, а главное — обѣщаніе убивать, кого прикажетъ начальникъ, — самымъ подлымъ поступкомъ, который можетъ сдѣлать человѣкъ; вы исповѣдуете религію, отставшую на тысячу лѣтъ отъ вѣка... — это ваше дѣло, но идолопоклонство и изувѣрство мы не только не признаемъ религіей, но называемъ изувѣрствомъ и идолопоклонствомъ и стараемся избавить отъ него людей».

Этотъ ясный и простой протестъ, это слѣдованіе велѣніямъ своей совѣсти дается только людямъ, установившимъ въ душѣ своей «ясное и твердое религіозное міровоззрѣніе, т.-е. сознаніе смысла своей жизни и своего назначенія» [1]).

На это и должны быть направлены всѣ силы души и разума людей, желающихъ служить другимъ.

Приблизительно на ту же тему, т.-е. о «не служеніи правительству» Л. Н—чъ пишетъ письмо редактору нѣмецкаго журнала, выражавшаго сочувствіе его взглядамъ.

Наконецъ онъ пишетъ письма и другого рода, начальникамъ дисциплинарныхъ баталіоновъ: Иркутскаго и Екатеринодарскаго. Въ Иркутскѣ были заключены Ольховикъ и Середа, о которыхъ мы уже упоминали, а въ Екатеринодарскомъ — духоборы, за то же преступленіе, т.-е. за отказъ во имя Христа убивать людей и готовиться къ этому и обучаться этому искусству. Въ обоихъ этихъ письмахъ Л. Н—чъ умолялъ мучителей пожалѣть мучимыхъ и ради своей души облегчить ихъ страданія. Письма эти остались безъ отвѣта, но кто знаетъ гдѣ прорастутъ брошенныя сѣмена.

---

[1]) Полн. собр. соч. Л. Н. Толстого. Т. XV. Стр. 366.

Изъ занятій Л. Н—ча чтеніемъ слѣдуетъ упомянуть его занятіе Индійской философіей, которая все больше и больше захватывала его своимъ интересомъ, а также философія Спира.

Объ этомъ замѣчательномъ философѣ Л. Н—чъ нѣсколько разъ упоминаетъ и въ письмахъ и въ своемъ дневникѣ. Такъ 2-го мая онъ записываетъ слѣдующее:

«Еще важное событіе, это — сочиненіе Африкана Спира. Я сейчасъ прочелъ то, что написано въ началѣ этой тетради. Въ сущности это не что иное, какъ краткое изложеніе всей философіи Спира, которую я не только не читалъ тогда, но о которой не имѣлъ ни малѣйшаго понятія. Поразительно это сочиненіе освѣтило и съ нѣкоторыхъ сторонъ подкрѣпило мои мысли о смыслѣ жизни. Сущность его ученія та, что вещей нѣтъ, есть только наши впечатлѣнія, въ представленіи нашемъ представляющіяся намъ предметами. Представленіе (Vorstellung) имѣетъ свойство вѣрить въ существованіе предметовъ. Происходитъ это оттого, что свойство мышленія состоитъ въ приписываніи впечатлѣніямъ предметности, субстанціональности, проектированіи ихъ въ пространствѣ».

Тогда же, въ маѣ, онъ писалъ доктору Шкарвану: «Недавно получилъ изъ Штутгарта сочиненія Африкана Spir: «Denken und Wirklichkeit» и др. Это одна изъ лучшихъ философскихъ книгъ, которыя я знаю». Въ октябрѣ того же года онъ пишетъ женѣ своей въ Москву изъ Ясной Поляны:

«Читаю вновь открытаго философа Шпира и радуюсь. Читаю по-русски, въ переводѣ, который мнѣ прислала дама и который очень хотѣлось бы напечатать, но навѣрное не пропуститъ цензура именно потому, что это философія настоящая и вслѣдствіе этого касающаяся вопросовъ религіи и жизни. Я бы напечаталъ у Грота и написалъ бы предисловіе, если бы

онъ сумѣлъ провести черезъ цензуру. Очень полезная книга, разрушающая много суевѣрій, и въ особенности суевѣріе матеріализма»[1]).

Въ дневникѣ своемъ онъ даже пытается набросать предисловіе, въ которомъ въ сжатомъ видѣ Л. Н—чъ старается выразить основные принципы идеалистической философіи. Къ сожалѣнію это предисловіе не было окончено.

Конечно литературная дѣятельность и чтеніе книгъ не заполняла всей жизни Л. Н—ча, оставался міръ живыхъ людей, стремившихся ко Л. Н—чу и къ которымъ онъ самъ стремился, какъ онъ самъ говорилъ, выходя на прогулку на большую дорогу, гдѣ онъ бесѣдовалъ съ народомъ: иду въ мой «grand monde» (большой свѣтъ). И въ этомъ обществѣ простыхъ людей имя Л. Н—ча и его личность имѣли большое вліяніе.

Характерную сцену изъ этой области передаетъ П. А. Сергѣенко въ своей книгѣ о Л. Н—чѣ. Происшествіе относится какъ разъ къ этому году. Вотъ его разсказъ:

«Въ августѣ 1896 года въ Ясной Полянѣ произошло трагическое событіе: кучеръ нашелъ въ пруду мертваго ребенка. Вся семья Толстыхъ была очень потрясена этимъ событіемъ. Особенно удручена была одна изъ дочерей Льва Николаевича, будучи почти убѣждена, что мертвый ребенокъ принадлежитъ косой вдовѣ, скрывавшей свою беременность. Но вдова упорно отрицала взводимое на нее обвиненіе и клялась, что она невинна.

Начали возникать подозрѣнія на другихъ.

---

[1]) Полн. собр. соч. Л. Н. Толстого. Т. XX. Стр. 152 и слѣд.

Передъ обѣдомъ Левъ Николаевичъ отправился въ паркъ, чтобы пройтись немного, и вернулся не скоро, при чемъ видъ у него былъ усталый, взволнованный. Онъ былъ на деревнѣ, у косой вдовы. Не убѣждая ее ни въ чемъ, онъ только внимательно выслушалъ ее и сказалъ:

— Если это убійство дѣло не твоихъ рукъ, то оно и страданій тебѣ не принесетъ. Если же это сдѣлала ты, то тебѣ должно быть очень тяжело теперь... такъ тяжело, что ничего уже болѣе тяжелаго для тебя не можетъ быть въ жизни.

— Охъ, какъ тяжело мнѣ теперь, будто кто камнемъ сердце надавилъ! — вскрикнула, зарыдавъ, вдова и чистосердечно призналась Льву Николаевичу, какъ она задушила своего ребенка и какъ бросила его въ воду»[1]).

Общенія съ нимъ искали и люди совсѣмъ иного міра, чтобы добраться до него, совершившіе почти кругосвѣтное путешествіе. Въ концѣ сентября этого года Л. Н—ча посѣтили два японца-литератора: Току-Томи и Фукай. Первый былъ редакторомъ прогрессивнаго національнаго органа «Кукуминъ-Шимбунъ». Второй его ближайшій сотрудникъ. Мнѣ пришлось быть въ это время въ Ясной Полянѣ и удалось даже сфотографировать этихъ посѣтителей. Они произвели какъ на Л. Н—ча, такъ и на всѣхъ домашнихъ самое благопріятное впечатлѣніе. Вотъ что пишетъ Л. Н—чъ о нихъ своей женѣ, жившей тогда въ Москвѣ:

«Съ утра пріѣхали японцы. Очень интересны, образованны вполнѣ, оригинальны и умны и свободомыслящи. Одинъ — редакторъ журнала, очевидно очень богатый и аристократъ тамошній, уже не молодой; другой маленькій молодой, его помощникъ, тоже

---

[1]) П. А. Сергѣенко, Какъ живетъ и работаетъ Л. Н. Толстой.

литераторъ. Много говорили, и нынче ѣдутъ. Жаль, что ты ихъ не видала»[1]).

Разговоръ съ ними происходилъ по-англійски. Они разсказывали о различныхъ бытовыхъ условіяхъ жизни своей родины, о необыкновенномъ развитіи садоводства въ Японіи, и не скрывали своего гордаго національнаго чувства, отдавая дань уваженія общечеловѣческимъ взглядамъ Л. Н—ча. Л. Н—чъ совершилъ съ ними и съ другими бывшими тогда гостями большую прогулку по окрестностямъ Ясной Поляны. Вечеромъ за чайнымъ столомъ продолжался оживленный разговоръ. Такъ какъ Л. Н—чъ тогда работалъ надъ статьей объ искусствѣ, то разговоръ перешелъ на эту тему и наконецъ на музыку. Л. Н—чъ спросилъ японцевъ о ихъ народной музыкѣ, обычно выражающейся въ пѣснѣ. Японцы сказали, что у нихъ есть народныя пѣсни и предложили спѣть. Мы приготовились слушать и какова же было наше удивленіе, когда мы услыхали вдругъ одну какую-то высокую ноту, которую долго тянулъ пожилой японецъ, потомъ ее подхватилъ почти въ унисонъ его товарищъ и такъ они долго тянули въ носъ, съ небольшими переливами какую-то странную, монотонную пѣсню, не похожую ни на что нами ранѣе слышанное. Удивленіе наше быстро смѣнилось смѣхомъ и всѣ присутствующіе покатились и самъ Л. Н—чъ отъ души смѣялся до слезъ. Гости японцы ничуть не смутились, приписавъ вѣроятно нашъ смѣхъ и наше непониманіе — нашему варварству, сказали, что по-японски эта пѣсня очень художественна и содержательна.

Л. Н—ча повидимому заинтересовала эта неожиданность впечатлѣнія и онъ записалъ въ своемъ дневникѣ по отъѣздѣ японцевъ:

«Японцы запѣли, мы не могли удержаться отъ

---

[1]) Письма къ женѣ. Стр. 507.

смѣха. Если бы мы запѣли у японцевъ, — они бы смѣялись. Тѣмъ болѣе, если бы имъ играли Бетховена. Индійскіе и греческіе храмы всѣмъ понятны. Всѣмъ понятны и статуи греческія. Понятна и живопись наша, лучшая. Такъ что архитектура, скульптура, живопись, дойдя до своего совершенства, дошли и до космополитизма, общедоступности. До того же дошло, въ нѣкоторыхъ своихъ проявленіяхъ искусство слова... Въ драматическомъ искусствѣ Софоклъ, Аристофанъ — не дошли. Доходятъ въ новыхъ. Но въ музыкѣ совсѣмъ отстали. Идеалъ всякаго искусства, къ которому оно должно стремиться, это общедоступность, а оно, особенно теперь музыка, лѣзетъ въ утонченность».

На фонѣ такого общенія съ иностранцами происходили и странные курьезы.

Въ письмѣ къ С. А—нѣ, въ ноябрѣ, Л. Н—чъ сообщаетъ слѣдующее:

«Я тебѣ говорилъ, кажется, про чернильницу какую-то дорогую, которую въ подарокъ мнѣ хотѣли прислать изъ какого-то клуба въ Барцелонѣ. Я написалъ имъ черезъ Таню, что предпочиталъ бы предназначенныя на это деньги употребить на доброе дѣло. И вотъ они отвѣчаютъ, что, получивъ мое письмо, они открыли въ своемъ клубѣ подписку и собрали 22.500 франковъ, которые предлагаютъ мнѣ употребить по усмотрѣнію. Я пишу имъ, что очень благодаренъ, и какъ разъ имѣю случай, употребить ихъ на помощь духоборамъ. Что изъ этого выйдетъ — не знаю. Очень это странно. А чернильница, говорятъ, заказана, и мы ее все-таки пришлемъ, вы можете ее продать и употребить деньги, какъ хотите»[1]).

Въ письмѣ къ Черткову Л. Н—чъ пишетъ, что изъ Барцелоны еще получилось письмо, что подписка

[1]) Письма Л. Н. Толстого къ женѣ. Стр. 516.

достигла уже 31.500 франковъ. Но въ концѣ концовъ ни чернильницы, ни денегъ получено не было.

Среди всѣхъ этихъ разнообразныхъ жизненныхъ явленій назрѣвало новое событіе большой важности — гоненіе на духоборовъ. Оно постепенно притягивало къ себѣ вниманіе друзей Л. Н—ча и его самого и наконецъ онъ самъ становится дѣятельнымъ участникомъ этого движенія.

Положеніе духоборцевъ становилось все тяжелѣе и тяжелѣе и свѣдѣнія объ этомъ доходили до Л. Н—ча.

6 ноября онъ пишетъ Черткову:

«То, что вы пишете о замученномъ духоборѣ, ужасно. Неужели это правда? Какъ это было? Что вы знаете про это?

«Среди какихъ ужасовъ мы живемъ. Чувствуешь себя призваннымъ дѣлать что-то, бороться и отъ обилія дѣла отпадаютъ руки. Вотъ гдѣ молитва нужна, мнѣ по крайней мѣрѣ. Хочется умереть такъ или иначе; или играть въ тенисъ или за правду умереть, уйти. А надо жить. И тутъ-то безъ молитвы, безъ чувства хозяина, приставившаго меня къ дѣлу, нельзя жить».

С. А—нѣ объ этомъ же онъ сообщаетъ слѣдующее:

«Вчера получилъ отъ Черткова и Трегубова письма съ описаніемъ бѣдствій, претерпѣваемыхъ духоборами. Одного, они пишутъ, засѣкли до смерти въ дисциплинарномъ баталіонѣ, а семьи ихъ, разоренныя, вымираютъ, какъ они пишутъ, отъ бездомности, холода и голода. Они написали воззваніе за помощью къ обществу, и я рѣшилъ послать имъ изъ нашихъ благотворительныхъ денегъ 1000 рублей. Лучшаго употребленія не найдутъ эти деньги, и они тебя по-

благодарятъ за то, что ты противъ моего желанія выхлопотала эти деньги»[1]).

Какъ я уже упомянулъ выше, со времени сожженія оружія духоборами и моей поѣздки къ нимъ, наша связь съ ними не прекращалась. Мы слѣдили за всѣмъ происходящимъ у нихъ и всѣ полученныя свѣдѣнія сосредоточивались у В. Г. Черткова, жившаго тогда съ семьей на своемъ хуторѣ Ржевскѣ, Воронежской губерніи. И у него и у меня возникла мысль объ обращеніи къ русскимъ властямъ и къ русскому обществу съ воззваніемъ о томъ, что жестоко и нелѣпо подвергать страданіямъ нѣсколько тысячъ духоборовъ съ ихъ женами и дѣтьми, томить ихъ въ ссылкѣ въ бѣдныхъ грузинскихъ деревняхъ, съ воспрещеніемъ отлучки, а потому съ лишеніемъ ихъ заработка, т.-е. обрекать на голодную смерть прекрасныхъ, здоровыхъ, нравственныхъ людей, отличавшихся всегда трудолюбіемъ и трезвостью за то, что совѣсть ихъ не позволяетъ имъ участвовать въ дѣлахъ насилія. Во всѣхъ нашихъ рѣшеніяхъ мы обращались, конечно, за совѣтомъ ко Л. Н—чу. Онъ одобрилъ въ принципѣ мысль о воззваніи; первое составленное воззваніе оказалось неудачнымъ и В. Г. Чертковъ вызвалъ меня въ Ржевскъ для помощи въ этомъ дѣлѣ. Въ это время въ Ржевскъ явились два духобора, Планидинъ и Ивинъ, делегатами отъ ссыльныхъ съ просьбою о помощи, такъ какъ болѣзни и смертность между ними усиливалась и достигала уже до 10%. Изъ 4000 сосланныхъ къ концу 1896 года умерло 400. Эти 400 жизней погибшихъ безъ всякаго повода лежатъ всецѣло на душѣ обезумѣвшей кавказской администраціи.

---

[1]) Это былъ гонораръ за представленіе «Плодовъ просвѣщенія» и «Власти тьмы» на казенныхъ театрахъ. Л. Н. не хотѣлъ его брать, а С. А. настояла и получила ихъ. (Письма Л. Н. Толстого къ женѣ. Стр. 514.)

Медлить было нельзя. Пріѣхавъ въ Ржевскъ, я занялся составленіемъ новаго воззванія, которое и было общими усиліями закончено. Ему дано было названіе «Помогите» и мы рѣшили ѣхать въ столицу, чтобы распространеніемъ этого воззванія и личнымъ вліяніемъ двинуть дѣло помощи. Воззваніе это было подписано тремя составителями: Чертковымъ, Трегубовымъ и мною Л. Н—чъ одобрилъ его и присоединился къ нему, написавъ послѣсловіе съ эпиграфомъ: «Въ мірѣ будете имѣть скорбь, но мужайтесь, я побѣдилъ міръ!» Это было въ декабрѣ 1896 года. Л. Н—чъ былъ тогда уже въ Москвѣ. Предвидя катастрофу, я съѣздилъ проститься съ родными и отправился въ Петербургъ, догнать Черткова, который былъ уже тамъ, чтобы дѣйствовать заодно.

«Помогите» съ послѣсловіемъ было отпечатано на машинкѣ во множествѣ экземпляровъ и разослано по заранѣе составленному списку лицамъ, стоящимъ во главѣ правительства и всѣмъ виднымъ общественнымъ дѣятелямъ и вообще всѣмъ, отъ кого можно было ждать какого-либо участія. Государю также былъ переданъ экземпляръ. Послѣдствія этого не замедлили обнаружиться. Въ квартирѣ Черткова былъ произведенъ обыскъ, были отобраны всѣ документы по духоборческому дѣлу и черезъ нѣсколько дней подписавшимъ воззваніе была объявлена административная ссылка на 5 лѣтъ подъ надзоръ полиціи. При чемъ В. Ф. Черткову была ссылка замѣнена высылкой за границу, меня же прямо отправили въ ссылку въ Курляндскую губернію, въ городъ Баускъ, близъ Митавы. Это произошло въ концѣ января 1897 года, а самая высылка въ началѣ февраля. Л. Н—чъ жилъ тогда у своего друга, графа Олсуфьева въ Никольскомъ близъ Москвы. Получивъ телеграмму о нашей высылкѣ, онъ пріѣхалъ проводить насъ въ Петербургъ и провелъ съ нами нѣсколько дней; эти дни надолго

останутся въ моей памяти. Мы собирались каждый вечеръ въ квартирѣ Черткова, окружали Л. Н—ча тѣснымъ кольцомъ и задушевная бесѣда наша высоко поднимала нашъ духъ и никакія козни дьявольскія намъ тогда не были страшны.

У Л. Н—ча кромѣ насъ были въ Петербургѣ родственники, друзья и знакомые, которыхъ ему пріятно было посѣтить. Онъ не былъ въ Петербургѣ съ 1882 года. Ему интересно было посмотрѣть на разросшійся съ тѣхъ поръ городъ. Онъ ходилъ по улицамъ Петербурга въ своемъ старомъ нагольномъ полушубкѣ и конечно не обошлось безъ курьезовъ со стороны публики и швейцаровъ, то вдругъ узнававшихъ его и почтительно или съ восторгомъ привѣтствовавшихъ его или наоборотъ не узнававшихъ и показывавшихъ къ нему отношеніе, которое подобаетъ имѣть «чистымъ людямъ» къ сѣрому мужику.

Интересно разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ объ этихъ петербургскихъ похожденіяхъ Л. Н—ча его другъ А. Ф. Кони, котораго онъ тоже посѣтилъ:

«Мы видѣлись еще, — говоритъ Кони, — въ 1897 году въ Петербургѣ, куда Толстой пріѣзжалъ проститься съ Чертковымъ, котораго въ то время постыдной религіозной нетерпимости высылали за границу. Часовъ въ одиннадцать вечера, вернувшись домой изъ какого-то засѣданія, я сѣлъ за работу, развлекаемый долетавшими изъ сосѣдней квартиры, — гдѣ жило семейство, занимавшееся торговлею подъ фирмою «парфюмерія Россъ», — звуками музыки, командными словами танцевъ и топотомъ ногъ. Тамъ справляли нѣчто въ родѣ нашего стариннаго дѣвичника, называемаго у нѣмцевъ «Polterabend». Моя старая прислуга сказала мнѣ, что меня спрашиваетъ какой-то мужикъ. На мой вопросъ, кто онъ такой и что ему надо такъ поздно, она вернулась со справкой, что его зовутъ Левъ Николаевичъ.

Съ нѣжнымъ уваженіемъ провелъ я «мужика» въ кабинетъ, и мы пробесѣдовали цѣлый часъ, при чемъ онъ поражалъ меня своимъ возвышеннымъ и всепрощающимъ отношеніемъ къ тому, что было сдѣлано съ Чертковымъ. Ни слова упрека, ни малѣйшаго выраженія негодованія не сорвалось съ его устъ. Онъ произвелъ на меня впечатлѣніе одного изъ тѣхъ первыхъ христіанъ, которые умѣли смотрѣть безтрепетно въ глаза мучительной смерти и кротостью побѣдили міръ. Я не обратилъ вниманія, что музыка у сосѣдей затихла, но когда Толстой сталъ уходить, и я вышелъ проводить его на лѣстницу, то мы увидѣли, что на ней, въ ожиданіи, столпились гости «парфюмеріи Россъ» — декольтированныя барышни и молодые люди во фракахъ. Толстой нахмурился, надвинулъ на самые глаза шапку и почти бѣгомъ побѣжалъ внизъ. Оказалось, что моя служанка, увидѣвъ радостную почтительность, съ которой я принялъ неизвѣстнаго мужика, усомнилась въ его подлинности, стала изъ-за дверей вглядываться въ его фигуру и вдругъ была поражена сходствомъ пришедшаго съ фотографическимъ портретомъ Толстого, подареннымъ мнѣ Рѣпинымъ. Она догадалась, въ чемъ дѣло, торжественно провозгласила объ этомъ въ кухнѣ, и — «пошла писать губернія»...

«Въ этотъ же его пріѣздъ въ Петербургъ одна моя знакомая дѣвушка ѣхала съ даваемаго ей урока на службу по «конкѣ». Въ вагонъ вошелъ одѣтый по-простонародному старикъ, на котораго она не обратила никакого вниманія, и сѣлъ противъ нея. Она читала дорогой купленную ею книжку о докторѣ Гаазѣ. — А вы знаете автора этой книги? — вдругъ спросилъ ее старикъ, разсмотрѣвъ обложку. И на ея утвердительный отвѣтъ онъ просилъ ее передать мнѣ поклонъ. Только тутъ, вглядѣвшись въ него, она поняла, съ кѣмъ имѣетъ дѣло. — Мнѣ захотѣлось — разсказывала она — броситься тутъ же въ вагонѣ

передъ нимъ на колѣна, и я невольно воскликнула: «вы, вы — Левъ Николаевичъ?» — такъ что всѣ обратили на насъ вниманіе. — Толстой утвердительно наклонилъ голову, подалъ ей руку и поспѣшно вышелъ изъ вагона».

Конечно, Л. Н—чъ посѣтилъ и своего стараго друга, графиню Александру Андреевну Толстую. Это было ихъ послѣднимъ свиданіемъ въ этой жизни и оно обошлось не совсѣмъ благополучно. Предоставимъ Александрѣ Андреевнѣ самой разсказать объ этомъ свиданіи. Мы заимствуемъ этотъ разсказъ изъ ея воспоминаній.

«Второе и, покамѣстъ, послѣднее мое свиданіе съ нимъ состоялось здѣсь въ Петербургѣ, куда онъ пріѣхалъ въ 1897 году, для прощанія съ его друзьями, Чертковыми.

«Левъ съ женою пробыли здѣсь въ Петербургѣ дня два или три. Я съ ними постоянно видѣлась и все шло прекрасно, исключая послѣдняго вечера, проведеннаго у Ек. Н. Шостакъ, гдѣ Левъ Николаевичъ, безъ всякаго къ тому повода, сталъ доказывать, что каждый разумный человѣкъ можетъ спасать себя самъ и что собственно ему для этого «никого не нужно». Понять было не трудно, кого онъ подразумѣвалъ подъ словомъ никого, — и сердце мое содрогнулось и заныло, какъ бывало.

«На досугѣ безсонной ночи я опять много передумала; зная, что Левъ придетъ ко мнѣ на другое утро для прощанія, я спрашивала себя: надо или нѣтъ подымать этотъ вопросъ?.. Легко можетъ статься, что это будетъ наше послѣднее свиданіе, думала я, и въ такомъ случаѣ не буду ли я себя упрекать, если побоюсь сказать свое мнѣніе еще разъ? Но, какъ только Левъ пришелъ ко мнѣ и я намекнула на вчерашній разговоръ, онъ вскочилъ съ мѣста, лицо его

передернулось гнѣвомъ, и вся напускная кротость исчезла.

«— Позвольте мнѣ вамъ сказать, что я все это знаю въ милліонъ разъ лучше васъ; я изучилъ всѣ эти вопросы не слегка и своимъ вѣрованіямъ пожертвовалъ жизнь, счастье и все вообще (sic), а вы думаете, что можете меня чему-нибудь научить», и проч. и проч.

«Рѣчь его была гораздо длиннѣе и вся дышала гордою самоувѣренностью, но я даю здѣсь только то, что навсегда врѣзалось съ болью въ мое сердце и въ мою память.

«Страшно выговорить: ему не нужно Того, кто Единъ спасаетъ! И какъ понять всю двойственность, все противорѣчіе этой необыкновенной, загадочной натуры?!...

«Съ одной стороны, любовь къ правдѣ, любовь къ людямъ, любовь къ Богу и даже къ тому Учителю, все величіе котораго онъ не хочетъ или не можетъ признать. Съ другой стороны, гордость, тьма, невѣріе, пропасть...

«Не самъ ли злой духъ — древній змій — положилъ въ сердце его отрицаніе, чтобы уничтожить по возможности богатые дары Господни?

«Отрицаніе проявилось у Л. Н—ча очень рано; это уже видно изъ его первоначальныхъ сочиненій; можно предположить даже, что оно развилось въ немъ параллельно съ его лучшими дарованіями, и вотъ со ступеньки на ступеньку, d'étape en étape, онъ дошелъ наконецъ до величайшаго и страшнѣйшаго отрицанія въ мірѣ — до отрицанія божественности Христа.

«Не знаю, какое впечатлѣніе онъ вынесъ изъ нашего послѣдняго свиданія, и было ли у него хорошо на совѣсти?

«А я даже не помню, какъ мы простились, и съ тѣхъ поръ мы больше не видались. Дай Богъ намъ

придти когда-нибудь здѣсь или тамъ къ полному соглашенію!»[1]).

Эта наивная забота его добраго друга о его спасеніи всегда огорчала Л. Н—ча своей назойливостью и онъ часто въ письмахъ умолялъ ее относиться къ его воззрѣніямъ хотя съ долей того уваженія, съ которымъ онъ относится къ ея вѣрованіямъ. Эта назойливость и нетерпимость вѣроятно и вызвали ноту раздраженія въ его голосѣ.

Л. Н—чъ уѣхалъ изъ Петербурга наканунѣ нашей высылки, напутствуя насъ самыми сердечными пожеланіями. Мы обняли его и разлучились съ нимъ почти на 8 лѣтъ. Дальнѣйшее изложеніе событій его жизни мнѣ придется снова дѣлать по имѣющимся въ моихъ рукахъ документамъ, исключивъ изъ нихъ мое личное свидѣтельство и воспоминанія.

ГЛАВА XIV

Молокане. Что такое искусство?

1897 г.

Простившись съ нами, Л. Н—чъ изъ Петербурга снова вернулся къ Олсуфьевымъ въ Никольское и прожилъ тамъ до начала марта.

Ссылка наша произвела конечно сенсацію въ обществѣ и сильно взволновала Л. Н—ча. Во многихъ письмахъ къ друзьямъ и даже къ малознакомымъ людямъ онъ говоритъ объ этой ссылкѣ со смиреніемъ и съ самообличеніемъ, считая себя недостойнымъ терпѣть какое-нибудь преслѣдованіе.

Вмѣстѣ съ тѣмъ одной изъ главныхъ заботъ его

---

[1]) Толстовскій музей. Т. I. С.-Петерб. 1911. Стр. 71.

было какъ-нибудь утѣшить, одобрить насъ, сосланныхъ его друзей; оказать намъ какую-нибудь услугу, чѣмъ-нибудь выразить свою любовь къ намъ, которой, намъ казалось, мы такъ мало заслуживали. И письма его къ намъ полны выраженіями самыхъ нѣжныхъ трогательныхъ чувствъ. Приведу выдержки изъ наиболѣе характерныхъ изъ нихъ.

Уже 18 февраля, черезъ недѣлю послѣ моего отъѣзда, въ отвѣтъ на мое первое письмо, Л. Н—чъ писалъ мнѣ слѣдующее:

«Сейчасъ получилъ отъ васъ письмецо, дорогой другъ. Съ вами случилось то самое, чего я боялся за васъ — сознаніе одиночества тотчасъ по пріѣздѣ на мѣсто и хотѣлось письмомъ облегчить вамъ это чувство. Получили ли вы мой 1-ый №? Знаю и вы знаете, что одиночества нѣтъ для истиннаго нашего я. Но оно такъ иногда неразрывно слипается съ животнымъ слабымъ и страдающимъ, что трудно отдѣлить его. Думаю о васъ съ бо̀льшей любовью чѣмъ когда-нибудь, но не могу жалѣть и не жалѣю, знаю, что въ васъ даже эти страданія и одиночество только разработаютъ въ васъ все лучшее...

«...Мы не говорили вамъ, но вѣдь это само собой разумѣется, что порученія, если вамъ что нужно, никому не давайте, кромѣ насъ. Мои дѣвочки обѣ васъ любятъ, хотя нѣсколько иначе, но не меньше меня. Я все у Олсуфьевыхъ съ Таней. Маша хочетъ пріѣхать. Я не въ ссылкѣ, а мнѣ все это время уныло навѣрно болѣе васъ. Прощайте, голубчикъ, цѣлую васъ».

Ссылка моя была собственно говоря привилегированная, административнымъ властямъ было предписано обращаться со мной вѣжливо, что они и дѣлали. Но административная машина, помимо ихъ воли заставляла ихъ совершать преступленія, которыя иногда больно задѣвали мое самолюбіе. Я конечно находилъ возможность обо всемъ случившемся доводить до свѣдѣнія Л. Н—ча

и онъ искренно возмущался этими фактами. Вотъ такого рода возмущеніе отразилось въ слѣдующемъ письмѣ ко мнѣ, написанномъ черезъ недѣлю послѣ перваго:

«Не получилъ еще отъ васъ ни одного письма, кромѣ перваго, въ день вашего пріѣзда, милый, дорогой другъ П. Ахъ, какъ мнѣ жалко, какъ мнѣ больно, какъ мнѣ стыдно за всѣхъ этихъ людей, которые васъ возили, таскали, описывали, раскрывали ваши письма! Вѣдь ужасно то, что всѣ эти люди, начиная съ министра и до урядника, менѣе всего способны заботиться о чемъ-нибудь другомъ, кромѣ какъ о самихъ себѣ и они поставлены въ необходимость заботиться о другихъ, о воображаемомъ общемъ благѣ, о томъ, чтобы Бирюковъ не заразилъ христіанскимъ чувствомъ и своей добротой людей, окружающихъ его. Начинаютъ вѣдь всѣ эти люди съ того, что предаются всякаго рода наслажденіямъ ѣды, питья, охоты, нарядовъ, танцевъ, часто разврата и, не имѣя средствъ для этого, тянутся къ государственному бюджету, собранному съ народа, и для этого подчиняются всѣмъ требованіямъ правительства — лжи, лицемѣрія, насилія, убійства, читанія чужихъ писемъ и всякой подлости. Когда же они подчинились всему этому, правительство даетъ имъ мѣсто, повышаетъ ихъ и кончается тѣмъ, что на всей лѣстницѣ управленія отъ министра, черезъ губернатора до исправника, завѣдуя всѣмъ: и религіей, и нравственностью, и образованіемъ, и порядкомъ, и имуществомъ, и хозяйствомъ — сидятъ преимущественно — исключительно даже — самые эгоистическіе сластолюбцы, поставленные въ необходимость управлять народомъ, до котораго имъ нѣтъ никакого дѣла.

«Простите, что пишу вамъ, милый другъ, то, что вамъ мало интересно, да меня это такъ освѣтило и поразило.

«Я все еще у Олсуфьевыхъ, гдѣ мнѣ очень хорошо. Понемногу пишу объ искусствѣ и все становится ин-

тереснѣе и интереснѣе. Хотя это и частный вопросъ и есть другіе вопросы болѣе нужные и важные, не могу оторваться отъ начатой работы. И иногда утѣшаю себя мыслію, что освѣщеніе съ христіанской точки зрѣнія того, что есть искусство, можетъ быть существенно полезно».

Письмо это не было отправлено изъ опасенія цензуры и замѣнено болѣе краткимъ и менѣе рѣзкимъ. Не отправленное письмо сохранялось въ архивѣ Татьяны Львовны Сухотиной и было передано мнѣ уже послѣ моего возвращенія въ Россію.

Въ это же время онъ писалъ Черткову въ Англію:

«... Писалъ сейчасъ и Пошѣ[1]) черезъ Свербѣева (губернатора). Его сынъ разсказываетъ, что Поша, будучи у него, написалъ письмо и хотѣлъ опустить въ ящикъ, но Сверб., бывшій съ нимъ очень любезенъ, сказалъ, что онъ не можетъ допустить этого и долженъ прочесть письмо, тогда П. разорвалъ письмо. Какая гадость. Я думалъ, что это уже перестало случаться со мной, но опять случается въ этомъ случаѣ то, что случалось много разъ, что придетъ мысль, которая кажется преувеличеніемъ, парадоксомъ, но потомъ, когда больше привыкнешь къ этой мысли, видишь, что то, что казалось парадоксомъ, есть только самая простая и несомнѣнная истина. Такъ теперь мнѣ представляется мысль о томъ, что государство и его агенты это самые большіе и распространенные преступники, въ сравненіи съ которыми тѣ, которыхъ называютъ преступниками, невинныя лица: богохульство, кощунство, идолопоклонничество, убійство, приготовленіе къ нему, клятвопреступленія, всякаго рода насилія, мученія, истязанія, сѣченіе, клевета, ложь, проституція, развращеніе дѣтей, юношей (читаніе чужихъ писемъ въ томъ числѣ), гра-

---

[1]) Поша уменьшительное имя отъ Павелъ. Татъ звали меня въ семьѣ и среди друзей. *И. Б.*

бежъ, воровство — это все необходимыя условія государственной жизни.

«Много у меня плановъ работы, но то, что случилось съ вами и Пошей (про Ив. Мих. еще ничего не знаю) и, главное то, что случилось со мной, то, что меня не трогаютъ, требуетъ отъ меня того, чтобы высказать до смерти все, что я имѣю сказать. А я имѣю сказать очень опредѣленное и если живъ буду, скажу. Теперь же все занятъ статьей объ искусствѣ и все подвигаюсь и, кажется, будетъ интересно и полезно».

Въ слѣдующемъ письмѣ къ Черткову Л. Н—чъ уже даетъ интересную оцѣнку русской и заграничной жизни съ точки зрѣнія религіознаго человѣка.

Онъ пишетъ между прочимъ такъ:

«Заграничная жизнь среди религіозныхъ людей должна расширять требованія отъ себя. У насъ — для меня, по крайней мѣрѣ, такъ ясно въ чемъ приложеніе къ жизни христіанскаго міровоззрѣнія: уничтожить пропасть, раздѣляющую насъ, богатыхъ, господъ, отъ бѣдныхъ, народа; на это должно быть направлено все — приближеніе себя къ бѣднымъ и избавленіе бѣдныхъ отъ ихъ бѣдности и причинъ бѣдности, невѣжества, обмановъ. Но тамъ у васъ въ Англіи другое: и народъ не только обманутъ и задавленъ, но выбивается изъ своего обмана и задавленности особеннымъ способомъ, по-моему ложнымъ и потому тамъ нужна борьба еще и противъ этого ложнаго способа. И богатые классы у насъ только виноваты въ сластолюбіи и незнаніи, а тамъ у васъ еще въ ложномъ средствѣ оправданія небратской жизни».

Уже этихъ нѣсколькихъ отрывковъ достаточно, чтобы составить себѣ понятіе о томъ, какъ слѣдилъ и заботился Л. Н—чъ о своихъ, удаленныхъ отъ него, друзьяхъ. Но у него и около себя было не мало за-

боты. Переписка его къ этому времени достигла чрезвычайныхъ размѣровъ. Онъ переписывается буквально со всѣмъ свѣтомъ. Норвежскій писатель Біернсонъ посылаетъ ему свои сочиненія, черезъ нѣкую г-жу Брюмеръ. И онъ отвѣчаетъ ей по-французски:

«Chère Madame Brummer,

«Je vous suis très obligé pour l'occasion que vous me donnez de faire savoir à Biornson que j'ai reçu son livre «Der König», que je l'ai beaucoup admiré (je le dis très sincèrement, non par politesse, je l'ai lu à haute voix à plusieurs de mes amis en leur faisant remarquer les beautés qui m'avaient frappé le plus) et je le remercie bien cordialement d'avoir pensé à moi. C'est un des auteurs contemporains que j'estime le plus et la lecture de chacun de ses ouvrages me donne non seulement une grande jouissance, mais m'ouvre des nouveaux horizons. Si vous lui écrivez, chère Madame, dites le lui. En vous remerciant encore une fois pour l'obligeance que vous avez eu de m'écrire, je vous prie de recevoir, Madame, l'assurance de mes sentiments distingués»[1]).

Совсѣмъ другого мнѣнія былъ Л. Н—чъ о сочине-

---

[1]) Дорогая госпожа Брюммеръ,

Я Вамъ очень обязанъ за то, что Вы даете мнѣ случай дать знать Бьернсону о томъ, что я получилъ его книгу «Король», которой я очень восхищался (я говорю это совершенно искренно, а не изъ вѣжливости, я читалъ ее вслухъ многимъ друзьямъ своимъ, обращая ихъ вниманіе на красоты, которыя меня болѣе всего поразили), а также о томъ, что я сердечно благодарю за то, что онъ вспомнилъ обо мнѣ. Это одинъ изъ современныхъ писателей, котораго я наиболѣе уважаю, и чтеніе каждаго изъ его сочиненій доставляетъ мнѣ не только удовольствіе, но открываетъ мнѣ новые горизонты. Если Вы ему будете писать, скажите ему это. Еще разъ благодарю Васъ за то что Вы мнѣ написали, прошу Васъ, сударыня, принять увѣреніе въ моемъ особомъ сочувствіи.

ніяхъ другого, не менѣе извѣстнаго норвежскаго писателя Ибсена. Онъ считалъ его произведенія искусственными и разсудочными и сознавался, что нѣкоторыя изъ нихъ, какъ напримѣръ «Дикая утка», онъ совершенно не понимаетъ.

Онъ переписывается съ нѣмцами, венгерцами, голландцами, сибирскими сектантами, японцами, американцами. Друзья его требуютъ у него отчета въ его дѣйствіяхъ и упрекаютъ въ непослѣдовательности. Онъ смиренно оправдывается, сознаваясь въ своей слабости.

Такъ одинъ изъ друзей и единомышленниковъ П. Н. Гастевъ, узнавъ, что Л. Н—чъ занятъ помощью духоборцамъ и сталъ собирать на это денежныя средства, написалъ ему письмо съ упрекомъ въ непослѣдовательности и напоминая ему о томъ, какъ самъ Л. Н—чъ страдалъ отъ помощи голодающимъ, неожиданно разросшейся въ большое общественное дѣло. На это Л. Н—чъ писалъ ему:

«Все, что вы пишете мнѣ, дорогой Петръ Николаевичъ, совершенная правда и я самъ всегда такъ не только думалъ и думаю, но всегда такъ чувствовалъ и чувствую. Непосредственно чувствую, что просить помощи матеріальной для людей, страдающихъ за истину, нехорошо и совѣстно. Вы спросите, для чего же я присоединился къ воззванію, подписанному Чертковымъ, Бирюковымъ и Трегубовымъ? Я былъ противъ, также какъ былъ даже противъ помощи голодающимъ въ той формѣ, въ которой мы ее производили, но когда вамъ говорятъ: есть дѣти, старики, слабыя, брюхатыя, кормящія женщины, которые страдаютъ отъ нужды и вы можете помочь этой нуждѣ своимъ словомъ или дѣломъ, скажите это слово или сдѣлайте это дѣло. Согласиться, значитъ стать въ противорѣчіе съ своимъ убѣжденіемъ, высказаннымъ о томъ, что помощь настоящая, всѣмъ всегда дѣйствительная, состоитъ въ томъ, чтобы очистить свою жизнь отъ грѣха и жить не для себя, а для Бога, и

что всякая помощь чужими, отнятыми отъ другихъ трудами есть обманъ, фарисейство и поощреніе фарисейства; не согласиться — значитъ отказать въ словѣ и поступкѣ, который сейчасъ можетъ облегчить страданія нужды. Я по слабости своего характера всегда избираю второй выходъ и всегда это мнѣ было мучительно. Такъ было здѣсь, когда Ч., Б. и Т. просили меня какъ бы засвидѣтельствовать ихъ истинность и искренность и я написалъ свое прибавленіе, въ которомъ старался обратить главное вниманіе на значеніе того, что дѣлали духоборы. Вотъ вамъ моя исповѣдь по этому вопросу. Я очень радъ, что вы писали мнѣ, дали случай вамъ отвѣтить и сами высказались такъ хорошо и вѣрно».

Въ Россіи въ это время начинались волненія во всѣхъ слояхъ общества. Разсказы объ этихъ волненіяхъ доходили до Л. Н—ча и находили въ немъ сердечный откликъ и серьезную оцѣнку. А наиболѣе выдающіеся своей жестокостью поступки администраціи вызывали въ немъ справедливое и искреннее возмущеніе. Но выражая свое возмущеніе и отзываясь на современныя событія, Л. Н—чъ всегда оставался вѣренъ себѣ, освѣщая ихъ свойственнымъ ему пониманіемъ смысла жизни.

Таковъ былъ трагическій случай съ Вѣтровой въ февралѣ этого года. Самъ Л. Н—чъ въ письмѣ къ Черткову разсказываетъ объ этомъ такъ:

«Въ Петербургѣ произошло 12 февраля слѣдующее: Вѣтрова, Марья Федос., которую вы знали и я зналъ, курсистка, посаженная въ домъ предварительнаго заключенія по дѣлу стачекъ, мало замѣшанная, была переведена въ Петропавловскую крѣпость. Тамъ, какъ говорятъ и догадываются, послѣ допроса и оскорбленія (это неизвѣстно еще) облила себя керосиномъ,

зажглась и на третій день умерла. Товарки ея, навѣщавшія ее, носили ей вещи, ихъ принимали и только черезъ двѣ недѣли имъ сказали, что она сожгла себя. Молодежь, всѣ учащіеся до 3000 человѣкъ (были и изъ духовной академіи) собрались въ Казанскій соборъ служить панихиду; имъ не позволили, но они сами запѣли: «Вѣчная память», и съ вѣнками хотѣли идти по Невскому, но ихъ не пустили, и они пошли по Казанской. Ихъ переписали и отпустили. Всѣ возмущены. Я получаю письма и пріѣзжаютъ люди, разсказываютъ. Ужасно жалко всѣхъ участвующихъ въ этихъ дѣлахъ, и все больше и больше хочется разъяснить людямъ, какъ они сами себя губятъ только потому, что презрѣли тотъ законъ или не знаютъ, который данъ Христомъ и который избавляетъ отъ такихъ дѣлъ и участія въ нихъ».

И вотъ онъ пишетъ А. Ф. Кони, прося разузнать объ этомъ дѣлѣ и сообщить самыя вѣрныя подробности:

«Вчера вечеромъ сынъ мой разсказывалъ мнѣ про страшную исторію, случившуюся въ Петропавловской крѣпости и про демонстрацію въ Казанскомъ соборѣ. Я не совсѣмъ повѣрилъ исторіи въ особенности потому, что слышалъ, что въ Петропавловской крѣпости теперь уже не содержатъ заключенныхъ. Но нынче утромъ встрѣтившійся мнѣ профессоръ подтвердилъ мнѣ всю исторію, разсказалъ, что они, профессора, собравшись вчера на засѣданіе, не могли ни о чемъ разсуждать, такъ какъ всѣ они были потрясены этимъ ужаснымъ событіемъ. Я пришелъ домой съ намѣреніемъ написать вамъ и просить сообщить мнѣ, что въ этомъ дѣлѣ справедливо, такъ какъ часто многое бываетъ прибавлено и даже выдумано. Не успѣлъ я еще взяться за письмо, какъ пришла пріѣхавшая изъ Петербурга дама, другъ погибшей и разсказала мнѣ все дѣло и то, что лишившая себя жизни дѣвушка Вѣтрова мнѣ знакома и была у меня въ Ясной Полянѣ. Неужели нѣтъ воз-

можности узнать положительно причину самоубійства, то, что происходило съ ней на допросѣ и успокоить страшно возбужденное общественное мнѣніе, успокоить такой мѣрой правительства, которая показала бы, что то, что случилось, было исключеніемъ, виною частныхъ лицъ, а не общихъ распоряженій и что то же самое не угрожаетъ при томъ молчаливомъ хватаніи и засаживаніи, которыя практикуются, всѣмъ нашимъ близкимъ. Вы спросите, чего же я хочу отъ васъ? Во-первыхъ, если возможно, описанія того, что достовѣрно извѣстно объ этомъ дѣлѣ и во-вторыхъ совѣта, что дѣлать, чтобъ противодѣйствовать этимъ ужаснымъ злодѣйствамъ, совершаемымъ во имя государственной пользы. Если вамъ некогда и не хотите отвѣчать — не отвѣчайте, если же отвѣтите, буду очень благодаренъ».

Вскорѣ новое злоупотребленіе администраціи, уже не полицейской, а той, которую по какой-то странной ироніи называютъ «духовной», вызвало Л. Н—ча къ активной дѣятельности. Это были послѣдніе годы управленія Побѣдоносцева и онъ, замѣчая шатаніе основъ, старался, а подчиненные ему люди старались сугубо, водворить православіе всѣми доступными имъ средствами, причемъ въ выборѣ этихъ средствъ они стѣснялись очень мало. Одно изъ такихъ жестокихъ средствъ, рѣдко практиковавшихся, но время отъ времени пускавшихся въ ходъ, было отнятіе дѣтей отъ родителей, замѣченныхъ въ уклоненіи отъ православія и передача этихъ дѣтей въ «надежныя руки».

И вотъ въ концѣ XIX столѣтія Побѣдоносцевъ вводитъ это средство въ дѣйствіе. Пораженные горемъ родители пріѣзжаютъ ко Л. Н—чу, вѣря въ силу его стоянія за правду. И они не ошиблись. Борьба Л. Н—ча за это освобожденіе дѣтей представляетъ разные характерные фазисы, которые мы и постараемся передать, пользуясь имѣющимися въ нашихъ рукахъ документами.

Въ маѣ Л. Н—чъ писалъ между прочимъ Черткову:

«Теперь о дѣлѣ, занимающемъ меня. Я вамъ писалъ про молоканъ, у которыхъ отняли дѣтей. Я тогда написалъ съ ними письмо къ Государю, поручивъ имъ отдать его Олсуфьеву, если же нѣтъ Олсуфьева, то Heath'у, если его нѣтъ, то Танѣеву, если и того нѣтъ, то А. А. Толстой. Кромѣ того, Лева далъ имъ письмо къ Георгію Михайловичу. Одинъ изъ молоканъ служилъ въ его ротѣ и во время голоднаго года былъ у него отъ Левы. Молокане пошли къ прислугѣ Георгія Михайловича. Тамъ имъ сказали, что всѣ эти письма и главное письмо къ Государю опасно и надо скорѣе его уничтожить. Они такъ и сдѣлали и, получивъ отъ Георгія Михайловича обѣщаніе, что онъ похлопочетъ (обѣщаніе очевидно ничего не обѣщающее), вернулись ко мнѣ. Мнѣ было жалко, такъ какъ случай этотъ казался мнѣ хорошимъ для того, чтобы высказать все то, что дѣлается въ этомъ духѣ.

«Въ день возвращенія ко мнѣ молоканъ пріѣхалъ и Буланже. Съ его совѣта я вновь переписалъ письмо и онъ повезъ его самъ. Я также далъ ему письма къ тѣмъ же лицамъ съ уговоромъ, что если Олсуфьевъ возьмется передать, то онъ телеграфируетъ мнѣ: взялся передать первый. И такую телеграмму я уже получилъ дней 10 тому назадъ и съ тѣхъ поръ ничего не знаю. Когда будетъ можно, сообщу вамъ послѣдствія.

«Мы всѣ знаемъ, что Богъ есть любовь и потому любовь побѣдитъ все; но когда мы прилагаемъ къ дѣлу любовь и видимъ, что она не побѣждаетъ, а зло остается зломъ, мы говоримъ себѣ: любовь въ этомъ случаѣ не дѣйствительна (какъ будто Богъ можетъ быть не дѣйствителенъ) и не вѣря въ любовь, не дѣлаемъ дѣла любви, какъ бы телеграфистъ пересталъ телеграфировать, потому что не видитъ, какъ на той станціи выходитъ лента».

Такъ старался Л. Н—чъ самъ себя убѣдить въ

томъ, что надо не переставая отплачивать дѣлами любви за зло, которое намъ дѣлаютъ люди.

Несомнѣнно, что это чувство искренней любви къ людямъ, безъ различія ихъ внѣшняго положенія, отъ царя до крестьянина, одушевляло Л. Н—ча, когда онъ писалъ Государю объ этихъ ужасныхъ преслѣдованіяхъ сектантовъ. Вотъ это замѣчательное письмо:

«Государь,

«Читая это письмо, я очень просилъ бы васъ забыть про то, что вы, можетъ быть, слышали про меня и, оставивши всякое предубѣжденіе, видѣть въ этомъ письмѣ только одно выраженіе желанія добра безвинно страдающимъ людямъ, и еще болѣе сильное желаніе добра вамъ, тому человѣку, котораго такъ естественно обвинятъ въ этихъ страданіяхъ.

«Мѣсяцъ тому назадъ въ селѣ Землянкѣ, Бузулукскаго уѣзда, къ крестьянину Чипелеву, молоканину по вѣрѣ, въ 2 часа ночи явился урядникъ съ полицейскими и велѣлъ будить дѣтей съ тѣмъ, чтобы увести ихъ отъ родителей. Ничего не понимающихъ испуганныхъ мальчиковъ — одного 13 лѣтъ, другого 11 лѣтъ, одѣли и вывели на дворъ, но когда урядникъ хотѣлъ взять двухлѣтнюю дѣвочку, мать схватила дочь и не хотѣла отдать ее. Тогда приставъ сказалъ, что велитъ связать мать, если она не пуститъ дочь. Отецъ уговорилъ жену отдать ребенка, потребовалъ отъ пристава росписку, въ которой бы было объяснено по чьему распоряженію взяты дѣти.

«Вотъ эта росписка.

«1897 года апрѣля 6-го дня, въ исполненіе предписанія Его Высокоблагородія Господина Бузулукскаго уѣзднаго исправника, отъ 3-го сего апрѣля за № 2312, полицейскій служитель Бузулукской команды Захаръ Петровъ отъ крестьянина села Бобровки Всеволода Чи-

пелева, проживающаго въ селѣ Алексѣевкѣ, трое дѣтей Иванъ, Василій и Марья сего числа для представленія Господину Исправнику взяты.

«Полицейскій Урядникъ 5 участка Петровъ».

«Черезъ нѣсколько дней послѣ этого въ другой деревнѣ Антоновкѣ того же уѣзда также ночью въ домъ крестьянина Болотина, тоже молоканина, также пришли урядникъ съ полицейскимъ и велѣли собирать въ дорогу двухъ дѣвочекъ, одну 12 лѣтъ, другую 10 лѣтъ.

«Хотя Болотинъ и слышалъ отъ священника и пристава угрозы о томъ, что если онъ не обратится въ православіе, которое онъ оставилъ уже 13 лѣтъ тому назадъ, то у него отберутъ дѣтей, онъ все-таки не могъ повѣрить, чтобы такая страшная мѣра была принята противъ него по распоряженію высшаго начальства и не далъ дѣтей.

«Но на другой день явился приставъ съ урядникомъ и полицейскими и дѣвочекъ взяли и увезли.

«То же самое и въ ту же ночь произошло и въ семьѣ крестьянина той же деревни Самошкина. У Самошкина отняли единственнаго пятилѣтняго сына. Отнятіе этого ребенка особенно поразительно своей жестокостью. Мальчикъ этотъ составлялъ радость и надежду семьи, такъ какъ послѣ многихъ лѣтъ это былъ единственный сынъ, оставшійся въ живыхъ. Когда брали этого ребенка, онъ былъ боленъ и въ жару. На дворѣ было свѣжо. Мать упрашивала оставить его на время. Но приставъ не согласился и сообразно съ мнѣніемъ доктора, рѣшившаго, что для жизни ребенка нѣтъ опасности въ переѣздѣ, велѣлъ уряднику взять ребенка и вести его, но мать упросила пристава позволить ей самой ѣхать съ сыномъ до города Бузулука. Въ городѣ же мальчика отняли отъ матери и она больше уже не видала его. На всѣ прошенія, которыя подавали эти крестьяне, они не получили отвѣта и не знаютъ, гдѣ ихъ дѣти.

«Вѣдь это ужасно. Вѣдь такія дѣла дѣлались только во времена инквизиціи. Нигдѣ и въ Турціи невозможно ничего подобнаго и никто въ Европѣ не повѣритъ тому, чтобы это могло дѣлаться въ христіанской странѣ въ 1897 году. А между тѣмъ все это совершенная правда и одинъ изъ тѣхъ отцовъ, у котораго теперь отняли дѣтей, теперь въ Петербургѣ, привезъ это письмо и можетъ засвидѣтельствовать истину его.

«Все это ужасно; но ужаснѣе всего то, что это не единичный случай, а только одинъ изъ тысячи совершаемыхъ такихъ дѣлъ въ Россіи; я могъ бы представить самыя убѣдительныя, если бы бумаги, собранныя Чертковымъ для передачи вамъ въ формѣ записки о гоненіяхъ за вѣру, не были бы нынѣшней зимой отобраны у него полиціей.

«Впрочемъ для того, чтобы убѣдиться въ томъ, правда ли это, правда ли то, что тысячи и тысячи русскихъ людей не только разоряются, изгоняются изъ родины и ссылаются въ дальнія страны, и разлучаются съ дѣтьми и томятся въ острогахъ, монастыряхъ и домахъ умалишенныхъ, но часто прямо самымъ страшнымъ образомъ истязуются грубымъ сельскимъ начальствомъ, считающимъ все для себя позволительнымъ по отношенію къ врагамъ православія. Вамъ стоитъ только послать безпристрастнаго, правдиваго человѣка на мѣсто изгнанія гонимыхъ за вѣру — въ Сибирь, на Кавказъ, въ Олонецкій край и по мѣстамъ заключенія, и изъ донесенія этого человѣка вы бы сами увидали тѣ страшныя дѣла, которыя совершаются вашимъ именемъ.

«Говорятъ, что это дѣлается для поддержанія православія, но величайшій врагъ православія не могъ бы придумать болѣе вѣрнаго средства для отвращенія отъ него людей, какъ эти ссылки, тюрьмы, разлуки дѣтей съ родителями.

«Я знаю, что есть люди, которые имѣютъ смѣлость

утверждать, что въ Россіи существуетъ вѣротерпимость и даже большая, чѣмъ въ другихъ странахъ, что эти ссылки, разоренія, тюрьмы, разлуки дѣтей съ родителями суть только мѣры противодѣйствія совращенію, а не гоненія. Но вѣдь это самая явная и наглая ложь. Въ Россіи не только нѣтъ вѣротерпимости, но существуетъ самое ужасное грубое преслѣдованіе за вѣру, подобнаго которому нѣтъ ни въ какой странѣ не только христіанской, но даже магометанской.

«Государь, люди, которые стараются удержать васъ на ложномъ пути преслѣдованій за вѣру, люди старые, которые не могутъ измѣнить своихъ, разъ укоренившихся взглядовъ, не могутъ освободиться отъ наложенныхъ на самихъ себя цѣпей прежнихъ ошибокъ, упорствуя въ которыхъ они думаютъ оправдать себя. Но эти люди кончаютъ жить и мѣсто ихъ въ памяти людей уже твердо опредѣлено ихъ дѣлами, — но у васъ вся жизнь впереди, вамъ предстоитъ еще занять соотвѣтственное вашимъ дѣламъ мѣсто въ памяти людей, вы ничѣмъ не связаны, вы не только признаете необходимость вѣротерпимости, но во всѣхъ дѣлахъ воодушевлены самыми добрыми чувствами.

«Сдѣлайте же усиліе, Государь, и отстраните отъ себя хоть на время тѣхъ, не скажу злыхъ, но заблудшихъ людей, которые вводятъ васъ въ обманъ о необходимости преслѣдованій людей за вѣру и сами своимъ добрымъ сердцемъ и прямымъ умомъ рѣшите, какъ надо исповѣдывать ту вѣру, которую считаешь истиной, и какъ надо относиться къ людямъ, которые исповѣдуютъ иную вѣру.

«Государь, ради Бога, сдѣлайте это усиліе, и, не откладывая и не передавая это комиссіямъ и комитетамъ, сами не подчиняясь совѣтамъ другихъ людей, а руководя ими, настойте на томъ, чтобы дѣйствительно были прекращены гоненія за вѣру, т.-е. чтобы отпущены были

изгнанные, освобождены заключенные, возвращены дѣти родителямъ и главное отмѣнены тѣ запутанные и произвольно толкуемые законы и административныя правила, на основаніи которыхъ дѣлаютъ эти беззаконія.

«Воспользуйтесь случаемъ сдѣлать то доброе дѣло, которое вы одни можете сдѣлать и которое очевидно предназначено вамъ.

«Случаи не всегда представляются и не возвращаются когда пропущена возможность воспользоваться ими. Сдѣлавъ это дѣло, вы не только сдѣлаете одно изъ тѣхъ добрыхъ дѣлъ, которыя предоставлено дѣлать только государямъ, и займете высокое мѣсто въ исторіи и памяти народа, но что важнѣе всего вы получите внутреннее удовлетвореніе сознанія исполненной воли Бога и предназначеннаго вамъ Богомъ дѣла.

«Простите, если чѣмъ-нибудь непріятно подѣйствовалъ на васъ въ этомъ письмѣ. Повторяю, что побудило меня писать только желаніе добра страдающимъ людямъ и еще болѣе сильное желаніе добра вамъ, именемъ котораго налагаются на невинныхъ людей эти страданія.

«Л. Т.»

11 мая 97 г. Яс. Пол.

Въ письмѣ къ Черткову Л. Н—чъ говоритъ, что онъ написалъ нѣсколько писемъ къ различнымъ сановникамъ, прося кого-нибудь изъ нихъ передать это письмо. Въ ниже приводимомъ письмѣ къ одному изъ сановниковъ Л. Н—чъ высказываетъ свое отношеніе къ этому письму и потому мы приводимъ его здѣсь цѣликомъ.

«Дорогой и уважаемый Александръ Васильевичъ, насколько я узналъ и понялъ васъ, я увѣренъ, что вы не посѣтуете на меня за то, что я обращаюсь къ вамъ съ просьбой передать Государю прилагаемое письмо, описывающее возмутительныя дѣла, которыя дѣлаются надъ сектантами. Письмо это передастъ вамъ одинъ

изъ пострадавшихъ: онъ можетъ передать подробности дѣла тѣмъ, кому это понадобится. Я знаю, что мнѣ менѣе чѣмъ всякому другому подобаетъ хлопотать о сектантахъ, такъ какъ я самъ считаюсь вреднымъ сектантомъ, но что же мнѣ дѣлать, когда люди пріѣзжаютъ ко мнѣ и просятъ помощи?

«Письмо не запечатано для того, чтобы вы могли его прочесть. Я много думалъ надъ этимъ письмомъ и все, что написалъ, написалъ отъ сердца и правдиво. Офиціальныхъ фразъ и придворныхъ формальностей я писать не могу.

«За то, что отсутствуютъ формальности, присутствуетъ правдивость. Все, что я написалъ, я думаю и чувствую. Надѣюсь, что Государь ради этого проститъ отступленіе отъ формы. Писалъ я съ искреннимъ уваженіемъ и любовью къ нему какъ къ человѣку.

«Если вамъ почему-либо непріятно, неудобно или просто нельзя самому передать это письмо, то перешлите его пожалуйста Александрѣ Андреевнѣ Толстой съ прилагаемымъ къ ней письмомъ. Если же ея нѣтъ, или ей нельзя, то опустите письмо въ ящикъ. Пускай оно пойдетъ обычнымъ порядкомъ, при которомъ, кажется, самыя письма не доходятъ до Государя.

«Хотѣлъ написать: простите, что утруждаю васъ, но думаю, что это извиненіе было бы непріятно вамъ. Я увѣренъ, что вы будете рады помочь этому дѣлу.

«Дружески жму вамъ руку. Искренно уважающій и любящій васъ Левъ Толстой. 10 мая. Ясная Поляна. Тула. 1897».

Изъ письма къ Черткову видно, что лицо это исполнило порученіе Л. Н—ча и передало письмо Государю. Видимыхъ, непосредственныхъ послѣдствій это письмо не имѣло. Но кто знаетъ, какія сѣмена оно забросило въ душу молодого монарха и какіе плоды дало дерево, выросшее изъ этихъ сѣмянъ?

Дѣти продолжали быть въ разлукѣ съ родителями.

Осенью въ сентябрѣ снова явились молокане ко Л. Н—чу, умоляя похлопотать о возвращеніи имъ дѣтей.

Л. Н—чъ могъ только повторить тѣ хлопоты, которыя онъ предпринималъ весной. Мы видимъ это изъ его письма къ Черткову, которому онъ между прочимъ писалъ:

«По дѣлу молоканъ я рѣшилъ направить ихъ опять въ Петербургъ съ письмомъ къ Государю, опять черезъ Олсуфьева, Heath'a и писалъ Лизаветѣ Ивановнѣ. Но Государя нѣтъ и Лиз. Ив. вѣрно нѣтъ, потому что не получилъ отвѣта на телеграмму. Они уѣхали 4 дня тому назадъ. Ничего не знаю, что будетъ. А жалко. Случай высказаться былъ хорошій. Копію съ письма пришлю, если Богъ велитъ».

Въ архивѣ покойной дочери Л. Н—ча, въ замужествѣ княгини Оболенской, сохранилось нѣсколько варіантовъ этого второго письма Л. Н—ча къ Государю, не отправленнаго ему, объ отнятыхъ у молоканъ дѣтяхъ. Мы выбрали наиболѣе полный варіантъ. Вотъ онъ:

«Ваше Императорское Величество. Простите меня, если письмо мое будетъ непріятно вамъ, но я вынужденъ писать вамъ и по тому же дѣлу, по которому уже писалъ въ маѣ. Съ тѣхъ поръ прошло четыре мѣсяца и на всѣ ходатайства родителей, у которыхъ были отобраны дѣти, такъ же какъ и на мое письмо къ Вашему Величеству, не послѣдовало никакого отвѣта, ни распоряженія, отмѣняющаго отнятіе дѣтей у родителей. И вотъ одинъ изъ этихъ родителей, по порученію другихъ своихъ сотоварищей, вновь пріѣхалъ ко мнѣ слезно умоляя помочь его горю.

«Недавно редакторъ самой консервативной и православной газеты «Гражданинъ» съ осужденіемъ и возмущеніемъ писалъ о разбиравшихся на миссіонерскомъ съѣздѣ мѣрахъ противъ сектантовъ, когда въ числѣ этихъ мѣръ было предложено отнятіе дѣтей у родите-

лей. Редакторъ укорялъ членовъ съѣзда въ томъ, что они въ противность волѣ и указаніямъ Государя, могли предложить и разсматривать такую жестокую и нехристіанскую мѣру. Изъ этой статьи «Гражданина» казалось бы должно заключить, что хотя и могутъ употребляться мѣры противъ сектантовъ, такая ужасная и безчеловѣчная мѣра, какъ отнятіе малыхъ дѣтей у родителей не только не можетъ быть одобрена русскимъ правительствомъ, но даже и немыслима. А между тѣмъ, какъ я писалъ это Вашему Величеству, еще въ апрѣлѣ мѣсяцѣ малолѣтнія дѣти были увезены отъ родителей молоканъ, помѣщены въ монастыряхъ, а отцы этихъ дѣтей тщетно ходятъ по всѣмъ вѣдомствамъ, отыскивая средства возвращенія дѣтей, или хоть какого-нибудь объясненія, почему именно у нихъ похищены ихъ дѣти, и теперь опять пріѣхали ко мнѣ, прося помочь ихъ горю. Что дѣти отняты у родителей нѣтъ никакого сомнѣнія, и въ томъ, что дѣти отняты совершенно произвольно и незаконно, такъ какъ десятки и сотни дѣтей не отнятыхъ у другихъ молоканъ, находятся въ тѣхъ же условіяхъ. (Есть крещеныя дѣти, которыя не отняты, въ числѣ же отнятыхъ есть и некрещеныя). Нѣтъ сомнѣнія также и въ томъ, что такая мѣра, какъ отнятіе дѣтей у сектантовъ, считается въ правительственныхъ кругахъ мѣрой жестокой, безчеловѣчной и не согласной съ вашимъ взглядомъ на дѣло, какъ это выразила редакція «Гражданина» въ статьѣ по поводу миссіонерскаго съѣзда, въ концѣ же печатается, что такія мѣры въ наше время и въ нашемъ государствѣ немыслимы. Что фактъ отнятія дѣтей у молоканъ извѣстенъ Вашему Величеству — несомнѣнно, а между тѣмъ дѣло продолжается. Что же это значитъ? Объясненіе этому есть только одно: то, что Ваше Величество жестоко обмануто, что отъ Васъ скрывается то, что дѣлается вашимъ именемъ. И потому вновь умоляю Ваше Величество сдѣлать усиліе, чтобы разрушить тотъ обманъ,

которымъ вы окружены и самому изслѣдовать это возмутительное дѣло, служащее поразительнымъ образцомъ тѣхъ позорящихъ русское правительство дѣяній, которыя совершаются для мнимаго поддержанія православія. Для изслѣдованія же этого дѣла есть самый простой и легкій способъ. Одинъ изъ родителей отнятыхъ дѣтей теперь въ Петербургѣ. Онъ все подробно и обстоятельно разскажетъ; чиновники же, руководившіе отнятіемъ дѣтей и производившіе его, подтвердятъ его показаніе.

«Еще разъ прошу ваше Величество простить меня, если письмо мое будетъ вамъ непріятно и вѣрить мнѣ, что я не могъ поступить иначе и что главная причина, заставившая меня обратиться къ вамъ, заключается въ уваженіи къ личности Вашего Величества и въ искреннемъ желаніи вамъ добра.

«Съ совершеннымъ уваженіемъ и преданностью, имѣю честь быть Вашего Величества покорный слуга Левъ Толстой. 19 сент. 1897 г.».

Потерпѣвъ неудачу въ этомъ направленіи, Л. Н—чъ рѣшилъ испытать еще одно средство. Въ это время старшая дочь Л. Н—ча, Татьяна Львовна, не бывшая еще тогда замужемъ, гостила въ Петербургѣ у своихъ друзей. Л. Н—чъ рѣшилъ воспользоваться пребываніемъ ея въ Петербургѣ, чтобы предпринять новые хлопоты.

Татьяна Львовна конечно съ радостью взялась за исполненіе порученія отца и привела это дѣло къ быстрому и благополучному концу. Заимствуемъ описаніе ея хлопотъ по этому дѣлу изъ ея дневника; описаніе представляетъ весьма характерную картину нравовъ тогдашней, уже пережитой нами эпохи.

Въ своемъ дневникѣ, въ октябрѣ 1897 года, Татьяна Львовна записала между прочимъ слѣдующее:

«Прожила я въ Петербургѣ недѣлю и собиралась уѣхать домой, какъ получила отъ папа телеграмму слѣдующаго содержанія: «Въ Петербургъ ѣдутъ молоканe, останься, помоги имъ». Мнѣ было немного неловко злоупотреблять гостепріимствомъ моихъ хозяевъ, но помощь моя была важнѣе моего scrupul'a и я осталась. День до пріѣзда молоканъ я хотѣла употребить для нахожденія путей для оказанія имъ помощи и стала соображать куда мнѣ направиться. Я знала, что Государь получилъ письмо папа, въ которомъ онъ подробно писалъ объ отнятіи дѣтей у трехъ молоканъ, знала, что Кони сдѣлалъ что могъ для нихъ въ сенатѣ, что Ухтомскій въ своей газетѣ напечаталъ письмо папа объ этомъ дѣлѣ и знала, что никто на это не откликнулся ниоткуда, стало быть надо было искать иныхъ путей.

«Такъ какъ дѣло очевидно зависѣло отъ Побѣдоносцева, то я рѣшила пойти прямо къ нему. Я рѣшила телефонировать и спросить, когда могу застать Побѣдоносцева. Онъ назначилъ мнѣ свиданіе между 11 и 12 часами на слѣдующее утро. На другой день я встала, одѣлась и собралась уже уходить не дождавшись молоканъ, какъ получила письмо отъ папа, принесенное ими. Папа писалъ, чтобы я хлопотала чрезъ Мейендорфа, Кони и Ухтомскаго, прислалъ письмо двумъ послѣднимъ и этимъ сбилъ меня съ толку. Когда я была у Олсуфьевыхъ, то былъ разговоръ о томъ, что если надо предать это дѣло гласности, то можно употребить Ухтомскаго, но сомнительно поможетъ ли гласность въ данномъ дѣлѣ, а скорѣе не повредитъ ли. Тогда я рѣшила дѣйствовать независимо отъ письма папа и только занести письмо къ Кони, сказавши ему, что я рѣшила предпринять. Кони сказалъ мнѣ, что если бы я спросила его совѣта что дѣлать, то этотъ совѣтъ онъ не далъ бы мнѣ, но посѣщеніе мое повредить дѣлу не можетъ. Онъ показалъ мнѣ законъ, по которому всякіе родители, крещеные въ православную вѣру и воспиты-

вающіе своихъ дѣтей въ другой вѣрѣ, заключаются въ тюрьму, причемъ дѣти у нихъ отбираются. Потомъ онъ далъ мнѣ совѣтъ черезъ кого дѣйствовать, если я захочу подать прошеніе на высочайшее имя и отпустилъ, не надѣясь на успѣхъ. Отъ него я поѣхала прямо въ домъ церковнаго вѣдомства на Литейной. Войдя въ переднюю, я сказала швейцару доложить Константину Петровичу, что гр. Толстая хочетъ видѣть его. Швейцаръ спросилъ: «Татьяна Львовна?» Я сказала: «да». «Пожалуйте, они васъ ждутъ». Я прошла въ кабинетъ, въ который тотчасъ же вошелъ и Побѣдоносцевъ. Онъ выше, чѣмъ я ожидала, бодрый и поворотливый. Онъ протянулъ мнѣ руку, пододвинулъ стулъ и спросилъ чѣмъ можетъ служить мнѣ. Я поблагодарила его за то, что онъ принялъ меня, и сказала, что отецъ ко мнѣ послалъ молоканъ съ порученіемъ помочь имъ. Я ему разсказала ихъ дѣло и откуда они. «Ахъ, да, да, я знаю, — сказалъ Побѣдоносцевъ, — это Самарскій архіерей переусердствовалъ. Я сейчасъ напишу губернатору объ этомъ... знаю, знаю... Вы только скажите мнѣ ихъ имена и я сейчасъ напишу». И онъ вскочилъ и пошелъ торопливымъ шагомъ къ письменному столу. Я была такъ ошеломлена быстротою, съ которою онъ согласился исполнить мою просьбу, что я совсѣмъ растерялась, тѣмъ болѣе, что у меня было съ собой черновое прошеніе молоканъ, но именъ ихъ на немъ не было. Я ему это сказала, прибавивъ, что я никакъ не ожидала такого быстраго результата своей просьбы, а надѣялась только на то, что онъ посовѣтуетъ мнѣ, что можно предпринять. Тутъ я ему сказала, что крестьяне хотятъ подавать прошеніе на высочайшее имя, прочла ему его и спросила, совѣтуетъ ли онъ все-таки его подавать. Прослушавъ прошеніе, Побѣдоносцевъ сказалъ, что незачѣмъ его подавать, что объ этомъ дѣлѣ довольно говорили и писали и что во всякомъ случаѣ дѣло это придетъ къ нему и рѣшеніе

его будетъ зависѣть отъ него. Потомъ онъ сказалъ, что слышалъ, что дѣтямъ въ монастырѣ такъ хорошо, что они и домой не хотятъ идти. Я сказала, что это можетъ быть, но что для родителей большое горе лишеніе своихъ дѣтей. «Да, да, я понимаю, это все архіерей самарскій усердствовалъ: у 16 родителей отняты дѣти. У насъ и закона такого нѣтъ». А я только-что видѣла этотъ законъ у Кони и не удержалась, чтобы не сказать: «Виновата, этотъ законъ, кажется, существуетъ, но къ счастью не бывалъ примѣненъ». «Да, да, такъ вы пришлите мнѣ имена этихъ молоканъ и я напишу въ Самару». Я подумала, не надо ли еще что-нибудь спросить и такъ какъ ничего не пришло больше въ голову, я встала и простилась, Побѣдоносцевъ проводилъ меня до лѣстницы, спросилъ надолго ли я въ Петербургѣ и на верху лѣстницы онъ простился со мной. Вдругъ когда я уже сошла внизъ и стала одѣвать шубу, онъ опять вышелъ и окликнулъ меня: «Васъ зовутъ?» «Татьяной». «По отчеству?» «Львовной». Такъ вы дочь Льва Толстого? Такъ вы знаменитая Татьяна?» Я расхохоталась и сказала, что я до сихъ поръ этого не знала. «Ну до свиданья». Я ушла и всю дорогу домой хохотала и придумывала, зачѣмъ онъ притворился, что не знаетъ съ кѣмъ говорилъ. Когда швейцаръ назвалъ меня по имени, я сказала, что отецъ прислалъ молоканъ и онъ самъ сказалъ, что о нихъ столько было говорено и писано. Кони, который на другой день утромъ пришелъ ко мнѣ, объяснилъ это тѣмъ, что если бы Побѣдоносцевъ призналъ меня за дочь Толстого, то ему было бы неловко не сказать мнѣ о немъ ничего и тогда ему пришлось бы сказать о томъ, что онъ знаетъ о письмѣ папа къ царю и о томъ, что это дѣло давно въ Сенатѣ и пришлось бы дать объясненіе, почему до сихъ поръ ни отъ кого нѣтъ отвѣта. А такъ, разговоромъ съ незнакомой барышней ему было удобнѣе сразу покончить это дѣло. Можетъ быть онъ даже былъ радъ

тому, что я обратилась прямо къ нему и дала ему возможность сразу прекратить дѣло. Придя домой я выписала молоканъ и послала съ ними письмо къ Побѣдоносцеву, въ которомъ прошу его отвѣтить мнѣ, у кого и когда молокане могутъ получить отвѣтъ и кто дастъ имъ полномочія взять дѣтей обратно. Онъ принялъ молоканъ, говорилъ съ ними мягко, калякалъ, какъ выразился одинъ изъ нихъ, и прислалъ мнѣ слѣдующее письмо: «Милостивая Государыня Татьяна Львовна. Я совѣтовалъ бы молоканамъ не проживаться здѣсь въ ожиданіи, а ѣхать обратно и справиться о дѣлѣ развѣ въ Самарѣ у губернатора, которому написалъ о нихъ сегодня же и думаю, что по всей вѣроятности дѣтей возвратятъ имъ. Покорный слуга К. Побѣдоносцевъ».

Дѣти были дѣйствительно возвращены.

Только полная, лично намъ извѣстная достовѣрность этихъ документовъ не позволяетъ намъ сомнѣваться въ возможности совершенія подобныхъ дѣлъ въ Россіи, въ концѣ XIX столѣтія. А сколькимъ подобнымъ не посчастливилось выплыть наружу!

Мы забѣжали немного впередъ, чтобы закончить разсказъ о молоканскихъ дѣтяхъ и объ участіи въ этомъ дѣлѣ Л. Н—ча; а теперь снова возвращаемся къ началу лѣта, чтобы передать нѣсколько фактовъ изъ жизни Л. Н—ча въ это время.

Въ іюнѣ совершилось важное событіе въ семейной жизни Л. Н—ча; вторая дочь Л. Н—ча Марья Львовна вышла замужъ за своего родственника, князя Николая Леонидовича Оболенскаго. Они дружно прожили свою недолгую семейную жизнь до смерти Марьи Львовны въ концѣ 1906 года, и въ этомъ отношеніи можно назвать этотъ бракъ счастливымъ, но болѣзненное состояніе Марьи Львовны мѣшало ей устроить свою жизнь

такъ, какъ она хотѣла бы. Она лишена была счастья имѣть дѣтей, часть времени ей пришлось жить за границей по разнымъ санаторіямъ и первая серьезная болѣзнь на 10-мъ году замужества унесла ее.

Л. Н—чъ старался насколько могъ своей лаской украсить ея жизнь, но все-таки по тону его писемъ можно заключить, что это замужество было для него тяжело. Онъ терялъ лучшаго друга и помощника въ своихъ духовныхъ и матеріальныхъ дѣлахъ; но, считая это чувство потери эгоистическимъ, всегда скрывалъ его, чтобы не дать почувствовать отошедшему отъ него другу, которому пришло время свить свое гнѣздо.

Въ іюлѣ этого года Л. Н—ча посѣтилъ снова скульпторъ И. Я. Гинцбургъ, слѣпившій съ него новую статуэтку. Мы пользуемся его разсказомъ, какъ свидѣтельствомъ о жизни Л. Н—ча въ эту эпоху. Вотъ что онъ передаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ:

«Вторую статуэтку (стоящую, съ палкой въ одной и записной книжкой въ другой рукѣ) я вылѣпилъ въ 1897 году. Я тогда былъ однимъ въ Ясной Полянѣ. Л. Н—чъ былъ очень занятъ, и мнѣ совѣстно было просить его позировать, но Татьяна Львовна (дочь Л. Н—ча), очень любившая искусство (она сама очень талантливо писала красками), просила за меня отца. Сперва я вылѣпилъ по карточкамъ, которыя нарочно для меня сняла С. А. съ разныхъ сторонъ, — статуэтку, и, когда я ее показалъ Л. Н., то онъ сталъ мнѣ позировать. Работали мы въ мастерской Татьяны Львовны, которая находилась во флигелѣ возлѣ конюшенъ. Часто Татьяна Львовна читала вслухъ тѣ вещи, которыя нужны были Л. Н. (онъ писалъ тогда «Что такое искусство?»). Кромѣ Татьяны Львовны почти никто не бывалъ въ мастерской, и работать было очень удобно; только одинъ разъ намъ помѣшали, и это былъ особенно характерный случай.

«Какъ-то разъ во время работы пришелъ слуга и

доложилъ Л. Н—чу, что какія-то барышни пришли изъ Тулы и хотятъ его видѣть.

«— Для чего? — спрашиваетъ Л. Н.

«— Такъ, посмотрѣть, — отвѣчаетъ слуга, вѣроятно, уже не въ первый разъ докладывающій о подобныхъ случаяхъ. — Нарочно изъ Тулы пришли, народныя учительницы, — прибавляетъ меланхолически слуга.

«— Охъ, какъ это скучно, — сказалъ съ грустью Л. Н., — дѣлать нечего, попроси ихъ. Вотъ вы увидите любопытныхъ; это ужасно, какъ онѣ меня безпокоятъ! Имъ ничего не надо, кромѣ того, чтобы на меня посмотрѣть, — обратился ко мнѣ Л. Н.

«И какую-то неловкость почувствовалъ я за него.

«Вошли четыре молодыя барышни и остановились у дверей.

«— Здравствуйте, — сказалъ Л. Н. — Откуда вы?

«— Изъ Тулы, — отвѣтили онѣ тихо и смущенно.

«— А что вамъ угодно, можетъ быть хотите меня спросить кое-что?

«Дѣвицы молчатъ.

«— А вы читали мои вещи? — спрашиваетъ Л. Н.

«— Нѣкоторыя читали, — отвѣчаетъ вполголоса одна дѣвица.

«— А вотъ мои разсказы?

«Онъ назвалъ нѣкоторые.

«— Нѣтъ, — отвѣтили онѣ точно въ испугѣ.

«— Такъ вотъ я вамъ нѣкоторые разсказы дамъ . . .

«Дѣвицы все еще стоятъ, не шевелясь и глазами уставившись на Л. Н. Мнѣ неловко стало за Л. Н. и за себя и за этихъ растерявшихся гостей и я вмѣсто того, чтобы продолжать работать, сталъ возиться со своими инструментами, дѣлая видъ, что приготовляюсь къ работѣ. Долго мы были всѣ въ такомъ состояніи, я даже боялся посмотрѣть на Л. Н. Наконецъ Л. Н. сказалъ:

«— Вотъ мой слуга вамъ дастъ нѣсколько книжекъ моихъ, пойдите и скажите ему, чтобы онъ выбралъ то, что вамъ понравится, а пока прощайте.

«Дѣвицы молча ушли.

«— Вотъ видите, какія любопытныя; такія часто бываютъ у меня, — сказалъ Л. Н. свободно вздохнувъ.

«Впослѣдствіи Л. Н. разсказалъ мнѣ случай, который до того курьезенъ и характеренъ, что считаю не лишнимъ передать его. Со свойственной Л. Н—чу простотой и образностью онъ разсказалъ слѣдующее:

«— Разъ я получаю длинную телеграмму отъ какого-то неизвѣстнаго изъ Москвы; онъ называетъ моихъ друзей, которые его знаютъ, и проситъ позволенія ему пріѣхать, чтобы меня повидать, такъ какъ всѣ достопримѣчательности онъ уже видѣлъ. Я былъ очень занятъ и отвѣтилъ, что не могу принять. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ мы переѣхали въ Хамовники. Я вдругъ вижу изъ окна, какъ подъѣзжаетъ парадная тройка и выскакиваетъ щегольски одѣтый господинъ. Докладываетъ онъ о себѣ, и я вспоминаю, что это тотъ же господинъ, который лѣтомъ прислалъ мнѣ телеграмму; мнѣ совѣстно стало, что я тогда его не принялъ, и я велю просить его взойти. Передо мною предсталъ франтъ во фракѣ и въ бѣломъ галстукѣ; онъ расшаркался и сказалъ, что объѣздивъ весь міръ и видѣвъ все замѣчательное, хочетъ повидать меня.

«— А кто вы такой? — спрашиваю я.

«— Представитель фирмы «Одоль». Моя главная спеціальность — это реклама. Дѣло огромное: для одной Россіи я трачу 200 тысячъ рублей въ годъ на рекламу.

«— А что вамъ нужно отъ меня? — спросилъ я.

«— Только васъ повидать, а то стыдно, что я весь свѣтъ видѣлъ, а Толстого не видалъ.

«Я сказалъ, что мнѣ крайне некогда и что я долженъ работать. На прощанье онъ вдругъ предлагаетъ

мнѣ два флакона «Одоля» въ двухъ роскошныхъ футлярахъ.

«— Это прошу принять въ подарокъ вамъ и вашей женѣ.

«— Зачѣмъ мнѣ это, — сказалъ я, — вѣдь у меня зубовъ нѣтъ и чистить нечего, и отдалъ ему обратно этотъ подарокъ. Потомъ оказалось, что онъ все-таки оставилъ ихъ въ передней. Прошла зима, — мы опять въ Ясной; и слышу разъ бубенчики, вижу богатую тройку. Я совсѣмъ забылъ о немъ, но выйдя послѣ работы въ садъ, я вижу: опять этотъ франтъ сидитъ въ саду и разговариваетъ съ Соней. Меня это такъ удивило, что я прямо подошелъ къ нему и спросилъ, что ему нужно. Опять онъ началъ говорить мнѣ комплименты, и на этотъ разъ какъ старый знакомый. Меня это такъ возмутило, что я сказалъ ему:

«— Знаете, напрасно вы къ намъ пріѣзжаете, вы меня безпокоите.

«Онъ раскланялся любезно и уѣхалъ.

«— Да, — сказала Софья Андреевна, которая присутствовала при разсказѣ, — Левушка былъ слишкомъ рѣзокъ. Меня такъ удивила твоя рѣзкость. Никогда ты не бываешь такимъ, — обратилась она къ нему.

«Статуэтка очень понравилась С. А., и она заказала себѣ одинъ экземпляръ изъ бронзы».

Рядомъ съ этими внѣшними отношеніями къ посѣщавшимъ его людямъ во Л. Н—чѣ шла другая, для него болѣе важная внутренняя работа. Слѣдствіемъ этой внутренней работы было все болѣе и болѣе ясное сознаваніе имъ несоотвѣтствія окружающей его обстановки жизни съ исповѣдуемыми имъ религіозно-нравственными основами. Придя къ заключенію о невозможности измѣнить эту обстановку, онъ рѣшилъ покинуть ее. Это рѣшеніе, которое не разъ возникало во Л.

Н—чѣ, съ тѣхъ поръ какъ измѣнился его взглядъ на міръ, рѣшеніе, которое ему удалось осуществить только передъ смертью, въ описываемую нами эпоху настолько созрѣло, что онъ написалъ своей женѣ, Софьѣ Андреевнѣ, письмо, въ которомъ онъ ясно и спокойно объясняетъ причины рѣшеннаго имъ ухода. Уходъ этотъ тогда не осуществился и письмо не было передано по назначенію; Софья Андреевна согласно желанію Л. Н—ча получила его уже послѣ смерти своего мужа. Тѣмъ не менѣе документъ этотъ, раскрывающій намъ состояніе души Л. Н—ча въ это время, чрезвычайно важенъ и объясняетъ намъ многое, поэтому мы и приводимъ его здѣсь полностью.

«Дорогая Соня!

«Уже давно меня мучаетъ несоотвѣтствіе моей жизни съ моими вѣрованіями. Заставить васъ измѣнить вашу жизнь, ваши привычки, къ которымъ я же пріучилъ васъ, я не могъ; уйти отъ васъ до сихъ поръ я тоже не могъ, думая, что я лишу дѣтей, пока они были малы, хотя того малаго вліянія, которое я могъ имѣть на нихъ, и огорчу васъ; продолжать же жить такъ, какъ я жилъ 16 лѣтъ, то борясь и раздражая васъ, то самъ подпадая подъ тѣ соблазны, къ которымъ я привыкъ и которыми я окруженъ, я тоже не могу больше, и я рѣшилъ теперь сдѣлать то, что я давно хотѣлъ сдѣлать, — уйти: во-первыхъ, потому, что мнѣ съ моими увеличивающимися годами все тяжелѣе и тяжелѣе становится эта жизнь и все больше и больше хочется уединенія, и, во-вторыхъ, потому что дѣти выросли, вліяніе мое въ домѣ уже не нужно и у всѣхъ васъ есть болѣе живые для васъ интересы, которые сдѣлаютъ вамъ мало замѣтнымъ мое отсутствіе. Главное же то, что какъ индусы подъ 60 лѣтъ уходятъ въ лѣса, какъ всякому старому религіозному человѣку хочется послѣдніе годы своей жизни посвятить Богу, а

не шуткамъ, каламбурамъ, сплетнямъ, теннису, такъ и мнѣ, вступая въ свой 70-ый годъ, всѣми силами души хочется этого спокойствія, уединенія и хоть не полнаго согласія, но не кричащаго разногласія своей жизни съ своими вѣрованіями, съ своей совѣстью. Если бы я открыто сдѣлалъ это, были бы просьбы, осужденія, споры, жалобы, и я бы ослабѣлъ, можетъ быть, и не исполнилъ бы своего рѣшенія, а оно должно быть исполнено. И потому, пожалуйста, простите меня, если мой поступокъ сдѣлаетъ вамъ больно, въ душѣ своей, главное ты, Соня, отпусти меня добровольно и не ищи меня и не сѣтуй на меня, не осуждай меня.

«То, что я ушелъ отъ тебя, не доказываетъ того, чтобы я былъ недоволенъ тобой. Я знаю, что ты не могла, буквально не могла и не можешь видѣть и чувствовать, какъ я, и потому не могла и не можешь измѣнить своей жизни и приносить жертвы ради того, чего не сознаешь. И потому я не осуждаю тебя, а напротивъ съ любовью и благодарностью вспоминаю длинные 35 лѣтъ нашей жизни, въ особенности первую половину этого времени, когда ты, со свойственнымъ твоей натурѣ материнскимъ самоотверженіемъ, такъ энергически и твердо несла то, къ чему считала себя призванной. Ты дала мнѣ и міру то, что могла дать: дала много материнской любви и самоотверженія, и нельзя не цѣнить тебя за это. Но въ послѣднемъ періодѣ нашей жизни — послѣднія 15 лѣтъ — мы разошлись. Я не могу думать, что я виноватъ, потому что знаю, что измѣнился я не для себя, не для людей, а потому что не могъ иначе. Не могу и тебя обвинять, что ты не пошла за мной, а благодарю тебя и съ любовью вспоминаю и буду вспоминать за то, что ты дала мнѣ.

«Прощай, дорогая Соня.

«Любящій тебя Левъ Толстой».

8 іюля 1897 года.

На конвертѣ была надпись: «Если не будетъ особаго отъ меня объ этомъ письмѣ рѣшенія, то передать его послѣ моей смерти С. А—нѣ».

Это порученіе дано было кн. Ник. Леон. Оболенскому, мужу Марьи Львовны. Сначала это письмо хранилось подъ обивкой стараго кресла и это мѣсто было извѣстно только Л. Н—чу и Ник. Леон—чу; потомъ, когда Л. Н—чъ узналъ, что кресло должно было перебиваться, онъ отдалъ его на храненіе Никъ. Леон—чу и тотъ отдалъ его С. А—нѣ, когда Л. Н. не стало.

Можно думать, что духоборческое дѣло было одной ихъ главныхъ причинъ, заставившихъ Л. Н—ча отложить свой уходъ, такъ какъ положеніе разселенныхъ духоборовъ становилось все тяжелѣе и тяжелѣе и ко Л. Н—чу стали стекаться свѣдѣнія, не оставлявшія сомнѣнія о томъ, что помощь необходима немедленная. И оставшіеся не сосланными друзья Л. Н—ча занялись этой помощью подъ его руководствомъ.

А вокругъ самого Л. Н—ча продолжалась все та же кипучая жизнь. Въ августѣ онъ писалъ Черткову:

«То, что вы хотите, чтобы я написалъ къ изданію краткаго Евангелія и къ христіанскому ученію, я постараюсь написать поскорѣе и прислать вамъ, но сейчасъ такъ слабъ, что ничего не могу дѣлать, кромѣ работы надъ статьей объ искусствѣ, которую вотъ-вотъ кончаю. Я далъ ее уже переписывать Танѣ на ремингтонѣ и послѣдніе дни читалъ вслухъ собравшимся у меня: Гинцбургъ (скульпторъ), Касаткинъ, Гольденвейзеръ (музыкантъ) и Соболевъ, химикъ, живущій у насъ учитель для Миши; тутъ же Сережа-сынъ барышни Стаховичи. Я думаю дочесть нынче. И при чтеніи вижу, что несмотря на всѣ ея недостатки, она имѣетъ значеніе. Прямо сказать, мое отношеніе къ этой статьѣ такое:

мнѣ кажется ничтожнымъ сравнительно ея содержаніе, а между тѣмъ не могу отъ нея оторваться, и меня сильно занимаютъ и нравятся мнѣ мысли, которыя я въ ней выражаю.

«Слабъ же я оттого еще, что у насъ пропасть посѣтителей, безпрестанно пріѣзжаютъ; сейчасъ получили телеграмму изъ Москвы отъ Ломброзо, который хочетъ пріѣхать. Все это тратитъ время и силы и ни на что не нужно. Ужасно жажду тишины и спокойствія. Какъ бы я счастливъ былъ, если бы могъ кончить мои дни въ уединеніи и, главное, въ условіяхъ, не противныхъ и мучительныхъ для совѣсти. Но видно, такъ надо. По крайней мѣрѣ я не знаю выхода».

Въ послѣднихъ строкахъ этого письма виденъ ясный намекъ на то, что рѣшеніе его объ уходѣ созрѣло въ немъ и онъ собирался привести его въ исполненіе; препятствіе къ исполненію этого рѣшенія онъ принималъ какъ повелѣніе высшей воли и смиренно подчинялся ей.

Вскорѣ послѣ этого письма Л. Н—чъ писалъ мнѣ въ Баускъ:

«Милый и дорогой другъ П. . Безпрестанно думаю о васъ и находитъ страхъ, что то стѣсненіе — мысль о томъ, что васъ не выпустятъ изъ того мѣста, гдѣ вы живете, удручаетъ васъ и что вы больно чувствуете свою несвободу. Напишите, правда ли это. Мнѣ это показалось по вашему послѣднему письму. Если это есть, то боритесь. Это не справедливо, мы всѣ стѣснены и не свободны не въ томъ, такъ въ другомъ смыслѣ. Въ вашемъ же случаѣ дѣло не въ стѣсненіи свободы, а въ томъ, чтобы не имѣть зла на тѣхъ, кто кажутся виною этого стѣсненія.

«О духоб. статью Б. ни одна газета не хотѣла печатать и потомъ напечатали «Бирж. Вѣд.», но предпославъ статью Ясинскаго, который клевещетъ на нихъ. Я думаю, что это хуже, чѣмъ ничего.

«Постараемся не забывать и чувствовать ихъ стра-

данія и потому стараться помочь имъ. Чѣмъ, я еще не знаю, но надѣюсь, что жизнь укажетъ.

«Я получаю почти каждый день радостныя вѣсти — то это посѣщеніе крестьянъ, ищущихъ истины, то письмо Crosby съ письмомъ японца, молодого, который проживъ въ New York'ѣ и прочтя тамъ Евангеліе, пришелъ къ убѣжденію, что истина въ христіанскомъ ученіи, что надо и можно исполнить его, и поѣхалъ въ Японію съ намѣреніемъ устроить тамъ Settlements, въ которыхъ жить по ученію Христа. Нынче получилъ письмо Шкарвана изъ Голландіи объ Вандервеерѣ и Домела съ описаніемъ того движенія, которое тамъ совершается.

«Дома у насъ напряженно: у Маши тифъ. Она лежитъ четвертый день, температура 40, но говорятъ форма легкая. Посѣтители одолѣваютъ. Нынче пріѣхалъ Ломброзо съ московскаго съѣзда врачей, неприличнаго съѣзда. Это ограниченный и мало интересный болѣзненный старичокъ. Статью свою объ искусствѣ кончилъ и хочу взяться за ту работу, что вамъ говорилъ. И нужно и хочется страстно».

Этотъ мало интересный старичокъ, знаменитый Ломброзо, оставилъ намъ не безынтересный разсказъ о томъ, какъ онъ посѣтилъ Л. Н—ча въ Ясной Полянѣ. Вотъ какой эпизодъ предшествовалъ поѣздкѣ Ломброзо въ Ясную Поляну изъ Москвы:

«По поводу моего желанія посѣтить Толстого, — говоритъ Ломброзо, — произошелъ слѣдующій случай.

«Едва я успѣлъ послать телеграмму изъ Кремля знаменитому писателю о моемъ желаніи навѣстить его, какъ генералъ-полиціймейстеръ Кутузовъ далъ мнѣ понять, что этотъ визитъ будетъ очень непріятенъ правительству. Я возразилъ, что меня влечетъ единственно литературный интересъ. Но — напрасныя слова: генералъ въ отвѣтъ мнѣ принялся энергически кружить рукою въ воздухѣ и наконецъ сказалъ:

«— Да развѣ вы не знаете, что у него тамъ, въ головѣ, не совсѣмъ въ порядкѣ?

«Я поспѣшилъ обратить въ свою пользу это замѣчаніе:

«— Но потому-то именно мнѣ и хочется повидаться съ нимъ: вѣдь я психіатръ.

«Лицо генерала мгновенно просвѣтлѣло:

«— Это другое дѣло, — сказалъ онъ: — если такъ, то вы хорошо дѣлаете».

Отношенія ихъ и разговоры были дружелюбные, но Ломброзо съ первыхъ же словъ замѣтилъ, что убѣдить Л. Н—ча въ своихъ теоріяхъ онъ не можетъ и къ счастью своему пересталъ убѣждать. Л. Н—чъ принималъ его какъ добраго гостя-товарища, водилъ его съ собой купаться, при чемъ предложилъ Ломброзо плавать въ перегонку. Ломброзо отсталъ и чуть не захлебнулся, такъ что Л. Н—чу пришлось поддержать его въ водѣ и довести до купальни.

«Передъ отъѣздомъ, — какъ заключаетъ свой разсказъ Ломброзо, — я не преминулъ спросить его мнѣнія о франко-русскомъ союзѣ. Онъ сказалъ, что это самое большое несчастіе, которое могло только случиться съ русскимъ народомъ, такъ какъ до сихъ поръ опасеніе общественнаго мнѣнія Европы, центръ котораго во Франціи, нѣсколько стѣсняло тиранства правительства, между тѣмъ какъ теперь этого опасенія уже нѣтъ. И кажется, что факты и особенно печальный фактъ насилія надъ Финляндіей оправдываютъ этотъ взглядъ.

«По моемъ возвращеніи въ Кремль бравый генералъ спросилъ меня, какъ я нашелъ Толстого.

«— Мнѣ кажется, — отвѣтилъ я, — что это сумасшедшій, который гораздо умнѣе многихъ глупцовъ, обладающихъ властью. Но какъ же относится къ нему полиція? — спросилъ я въ свою очередь генерала.

«— Очень просто, — отвѣтилъ онъ. — Мы раз-

сматриваемъ его сочиненія и на тѣ изъ нихъ, которыя опасны для государства, налагаемъ запрещенія, а его самого оставляемъ въ покоѣ. Но если кто-нибудь изъ его друзей окажется опаснымъ для государства, то мы такого отправляемъ въ Сибирь.

«Эта послѣдняя фраза можетъ до нѣкоторой степени оправдать опасенія, которыя я испытывалъ за себя во время моего пребыванія въ Россіи».

Въ это же приблизительно время посѣтилъ Л. Н—ча тогда еще молодой женевскій ученый Эдуардъ Клапаредъ съ женой, дочерью философа Спира. Они также были на съѣздѣ врачей.

Наконецъ въ октябрѣ Л. Н—чъ кончилъ статью объ искусствѣ и рѣшилъ печатать ее въ журналѣ «Вопросы философіи и психологіи», редактируемомъ его другомъ профессоромъ Н. Я. Гротомъ. Объ этомъ шли переговоры черезъ С. А—ну и жену Грота, которыя были въ это время въ Петербургѣ, а Л. Н—чъ въ Ясной. Въ томъ же письмѣ къ С. А—нѣ, въ которомъ Л. Н—чъ высказываетъ свое рѣшеніе о печатаніи статьи объ искусствѣ, онъ пишетъ о томъ, какое впечатлѣніе произвели на него двѣ смерти Генри Джорджа и Александра Дюма. Онъ выражаетъ это такъ:

«Сережа вчера мнѣ сказалъ, что Генри Джорджъ умеръ; какъ ни странно это сказать, смерть эта поразила меня, какъ смерть очень близкаго друга. Такое впечатлѣніе произвела на меня смерть Алек. Дюма. Чувствуешь потерю настоящаго товарища и друга. Нынче въ «Петерб. Вѣд.» пишутъ о его (Джорджа) смерти, и даже не упоминаютъ о его главныхъ и замѣчательныхъ сочиненіяхъ. Онъ умеръ отъ нервнаго переутомленія спичей. Вотъ чего надо бояться хуже велосипеда».

Вскорѣ онъ услышалъ о новой смерти своего друга

князя Серг. Сем. Урусова, бывшаго его товарища еще по службѣ въ Севастополѣ, очень любившаго его, хотя и часто обличавшаго въ неправославіи. Мы уже упоминали объ этой дружбѣ, разсказывая о посѣщеніи Л. Н—чемъ С. С. Урусова въ его имѣніи подъ Троицей.

Въ ноябрѣ Л. Н—чъ уже берется за новое литературно-художественное произведеніе, начатое имъ годъ тому назадъ, за кавказскую повѣсть «Хаджи-Муратъ». Такимъ образомъ предыдущая его статья объ искусствѣ уже отошла отъ его души въ законченномъ видѣ. Постараемся здѣсь въ краткихъ словахъ выразить то новое воззрѣніе на искусство, которое было положено Л. Н—чемъ въ основаніе его труда.

Въ этомъ замѣчательномъ сочиненіи Л. Н—чъ даетъ обзоръ различныхъ опредѣленій и понятій объ искусствѣ и красотѣ древнихъ и новыхъ философовъ, и подвергнувъ ихъ строгой критикѣ, какъ неудовлетворяющихъ современному сознанію человѣчества, онъ даетъ свое объективное опредѣленіе искусства.

«Вызвать въ себѣ разъ испытанное чувство и, вызвавъ его въ себѣ, посредствомъ движеній, линій, красокъ, звуковъ, образовъ, выраженныхъ словами, передать это чувство такъ, чтобы другіе испытали то же чувство, въ этомъ состоитъ дѣятельность искусства. Искусство есть дѣятельность человѣческая, состоящая въ томъ, что одинъ человѣкъ сознательно, извѣстными внѣшними знаками передаетъ другимъ испытываемыя имъ чувства, а другіе люди заражаются этими чувствами и переживаютъ ихъ».

Въ этомъ опредѣленіи какъ на основной признакъ искусства указывается на его заражаемость. Разбирая далѣе условія, при которыхъ возможно возникновеніе этой заражаемости, Л. Н—чъ приходитъ къ убѣжденію, что главное условіе есть искренность художника.

Для лучшаго поясненія своего опредѣленія Л. Н—чъ даетъ нѣсколько рѣзкихъ примѣровъ истиннаго

и ложнаго искусства; мы беремъ здѣсь наиболѣе интересные; вотъ примѣръ изъ области музыкальнаго искусства:

«На-дняхъ я шелъ домой съ прогулки въ подавленномъ состояніи духа. Подходя къ дому, я услыхалъ громкое пѣніе большого хоровода бабъ. Онѣ привѣтствовали, величали вышедшую замужъ и пріѣхавшую мою дочь. Въ пѣніи этомъ съ криками и битьемъ въ косу выражалось столь опредѣленное чувство радости, бодрости, энергіи, что я самъ и не замѣтилъ, какъ заразился этимъ чувствомъ и бодрѣе пошелъ къ дому и подошелъ къ нему совсѣмъ бодрый и веселый. Въ такомъ же возбужденномъ состояніи я нашелъ и всѣхъ домашнихъ, слушавшихъ это пѣніе. Въ этотъ же вечеръ заѣхавшій къ намъ прекрасный музыкантъ, славящійся своимъ исполненіемъ классическихъ, въ особенности бетховенскихъ вещей сыгралъ намъ opus 101 сонату Бетховена».

«Пѣсня бабъ была настоящее искусство, передававшее опредѣленное и сильное чувство, 101-ая же соната Бетховена была только неудачная попытка искусства, не содержащая никакого опредѣленнаго чувства и потому ничѣмъ не заражающая».

Далѣе онъ даетъ подобный же примѣръ изъ области драмы.

«Я, помню, видѣлъ представленіе Гамлета Росси, и самая трагедія и актеръ, игравшій главную роль, считаются нашими критиками послѣднимъ словомъ драматическаго искусства. А между тѣмъ я все время испытывалъ и отъ самаго содержанія драмы, и отъ представленія то особенное страданіе, которое производятъ фальшивыя подобія произведеній искусства. И недавно я прочелъ разсказъ о театрѣ у дикаго народа вогуловъ. Однимъ изъ присутствовавшихъ описывается такое представленіе: одинъ большой вогулъ, другой маленькій, оба одѣты въ оленьи шкуры, изображаютъ — одинъ

самку оленя, другой — дѣтеныша. Третій вогулъ изображаетъ охотника съ лукомъ и на лыжахъ, четвертый голосомъ изображаетъ птичку, предупреждающую оленя объ опасности. Драма въ томъ, что охотникъ бѣжитъ по слѣду оленей матери съ дѣтенышемъ. Олени убѣгаютъ со сцены и снова прибѣгаютъ. Такое представленіе происходитъ въ маленькой юртѣ. Охотникъ все ближе и ближе къ преслѣдуемымъ. Олененокъ измученъ и жмется къ матери. Самка останавливается, чтобы передохнуть. Охотникъ догоняетъ и цѣлится. Въ это время птичка пищитъ, извѣщая оленей объ опасности. Олени убѣгаютъ. Опять преслѣдованіе, и опять охотникъ приближается, догоняетъ и пускаетъ стрѣлу. Стрѣла попадаетъ на дѣтеныша. Дѣтенышъ не можетъ бѣжать, жмется къ матери, мать лижетъ ему рану. Охотникъ натягиваетъ другую стрѣлу. Зрители, какъ описываетъ присутствующій, замираютъ и въ публикѣ слышатся тяжелые взходи и даже плачъ. И я по одному описанію чувствовалъ, что это было истинное произведеніе истиннаго искусства».

Данное раньше опредѣленіе внѣшняго признака истиннаго искусства и главнаго условія его возникновенія ничего не говоритъ о самомъ содержаніи предмета истиннаго искусства.

На это Л. Н—чъ отвѣчаетъ такъ:

«Содержаніе искусства во всѣ времена давала религія. И то безвѣріе, которое разъѣдаетъ современное цивилизованное человѣчество, и есть самая главная причина паденія современнаго искусства. Человѣчество еще не вступило сознательно на новую ступень христіанскаго религіознаго сознанія и блуждаетъ во мракѣ. А между тѣмъ христіанское сознаніе требуетъ новыхъ основъ, новыхъ путей для всякой дѣятельности человѣка, такъ и для искусства.

«Христіанское сознаніе дало другое, новое направленіе всѣмъ чувствамъ людей и потому совершенно из-

мѣнило и содержаніе, и значеніе искусства. Христіанскій идеалъ измѣнилъ, перевернулъ все такъ, что какъ сказано въ Евангеліи: «Что было велико передъ людьми, стало мерзостью передъ Богомъ». Идеаломъ стало не величіе Фараона и римскаго императора, не красота грека или богатство Финикіи, а смиреніе, цѣломудріе, состраданіе, любовь. Героемъ сталъ не богачъ, а нищій Лазарь; Марія Египетская не во время своей красоты, а во время своего покаянія; не пріобрѣтатели богатства, а раздавшіе его; живущіе не въ палатахъ, а въ катакомбахъ и хижинахъ, не властвующіе надъ другими, но люди, признающіе надъ собою власть одного Бога. И высшимъ произведеніемъ искусства — не храмъ побѣды со статуями побѣдителей, а изображеніе души человѣческой, претворенной любовью такъ, что мучимый и убиваемый человѣкъ жалѣетъ своихъ мучителей».

Этотъ новый христіанскій идеалъ и долженъ дать новое содержаніе искусству, возродить его. Н. Л. Н—чъ такъ заканчиваетъ свою статью:

«Назначеніе искусства въ наше время — въ томъ, чтобы перевести изъ области разсудка въ область чувства истину о томъ, что благо людей въ ихъ единеніи между собой, и установить на мѣсто царствующаго теперь насилія то Царство Божіе, т.-е. любви, которое представляется всѣмъ намъ высшею цѣлью жизни человѣчества.

«Можетъ быть въ будущемъ наука откроетъ искусству еще новые, высшіе идеалы, и искусство будетъ осуществлять ихъ; но въ наше время назначеніе искусства ясно и опредѣленно. Задача христіанскаго искусства — осуществленіе братскаго единенія людей».

Въ концѣ ноября Л. Н—чъ записываетъ въ дневникѣ такую мысль:

«Мечешься, бьешься, — все оттого, что хочешь плыть по своему направленію. А рядомъ, не переставая, и отъ всякаго близко течетъ божественный, безконечный потокъ любви все въ одномъ и томъ же вѣчномъ направленіи. Когда измучаешься хорошенько въ попыткахъ сдѣлать что-то для себя, спасти, обезпечить себя, — оставь всѣ свои направленія, бросься въ этотъ потокъ — и онъ понесетъ тебя, и ты почувствуешь, что нѣтъ преградъ, что ты спокоенъ навѣки и свободенъ и блаженъ».

Въ декабрѣ Л. Н—ча посѣтилъ его другъ, Душанъ Петровичъ Маковицкій. Въ дневникѣ своемъ Л. Н—чъ записываетъ свое впечатлѣніе отъ бесѣды съ нимъ.

«Разговаривалъ съ Душаномъ. Онъ сказалъ, что такъ какъ онъ невольно сталъ моимъ представителемъ въ Венгріи, то какъ ему поступать? Я радъ былъ случаю сказать ему и уяснить себѣ, что говорить о толстовствѣ, искать моего руководительства, спрашивать моего рѣшенія вопросовъ — большая и грубая ошибка. Никакого толстовства и моего ученія не было и нѣтъ, есть одно вѣчное, всеобщее, всемірное ученіе истины, для меня, для насъ особенно ясно выраженное въ Евангеліяхъ. Ученіе это призываетъ человѣка къ признанію своей сыновности Богу и потому своей свободы или рабства (какъ хотите назовите): свободы отъ вліянія міра и рабства Богу, волѣ Его. И какъ только человѣкъ понялъ это ученіе, онъ свободно вступаетъ въ непосредственное общеніе съ Богомъ и спрашивать ему уже нечего и не у кого.

«Это похоже на плаваніе человѣка по рѣкѣ съ огромнымъ разливомъ. Пока человѣкъ не въ серединномъ потокѣ, а въ разливѣ, ему нужно самому плыть, грести, и тутъ онъ можетъ руководиться направленіемъ плаванія другихъ людей. Тутъ и я могъ руководить лю-

дей, самъ приплывая къ потоку. Но какъ только мы вступили въ потокъ, такъ нѣтъ и не можетъ быть руководителя. Всѣ мы несомы силою теченія, всѣ въ одномъ направленіи, и тѣ, кто были назади, могутъ быть впереди. Если человѣкъ спрашиваетъ, куда ему плыть, то это доказываетъ только то, что онъ еще не вступилъ въ потокъ, и то, что тотъ, у кого онъ спрашиваетъ, плохой руководитель, если онъ не умѣлъ довести его до того потока, т.-е. до того состоянія, въ которомъ уже нельзя — потому что безсмысленно — спрашивать. Какъ спрашивать, куда плыть, когда потокъ съ неотразимой силой влечетъ меня по радостному для меня направленію?

«Люди, которые подчиняются одному руководителю, вѣрятъ ему и слушаютъ его, несомнѣнно бродятъ впотьмахъ вмѣстѣ съ своимъ руководителемъ».

Наконецъ въ декабрѣ Л. Н—чъ переѣхалъ въ Москву.

Несмотря на тяжесть для него городской жизни, Л. Н—чъ чувствовалъ себя въ это время бодрымъ и спасался отъ городской суеты своимъ обычнымъ способомъ, исполняя при хамовническомъ домѣ нѣкоторыя работы дворника. Онъ возилъ на себѣ воду и поливалъ садъ, чтобы устроить катокъ. Когда катокъ былъ готовъ, онъ съ радостью катался на немъ со своими дѣтьми.

Новый, 1898 годъ принесъ Л. Н—чу новыя сложныя и плодотворныя заботы.

ГЛАВА XV

Духоборы. Опять голодъ. Христіанское ученіе

1898 г.

Въ 1898 году Л. Н—чу пришлось поработать для помощи духоборамъ, положеніе которыхъ становилось

день ото дня нестерпимѣе. Такъ какъ и мнѣ пришлось принять участіе въ этомъ дѣлѣ, то я считаю нужнымъ упомянуть о нѣкоторыхъ фактахъ моей жизни.

Въ февралѣ этого года въ моей личной жизни произошла большая перемѣна. Мнѣ разрѣшили изъ ссылки уѣхать за границу, чѣмъ я не преминулъ воспользоваться.

Переѣхавъ черезъ границу, я остановился на нѣсколько дней у своего друга, доктора Душана Петровича Маковицкаго, въ Венгріи, въ небольшомъ городкѣ, который по-славянски называется Жилина, по-нѣмецки Silein, а по-венгерски Zolna. Тамъ я получилъ отъ Л. Н—ча напутственное письмо. Онъ между прочимъ писалъ мнѣ:

«Я радъ за васъ, что вы уѣзжаете. Я сколько разъ замѣчалъ на людяхъ, подвергающихся насилію, то, что эти люди начинаютъ приписывать значеніе организаціи этого насилія, признаютъ его существованіе, признаютъ его законы законами. И это ужасно. Я это видѣлъ на революціонерахъ и мнѣ казалось, или я скорѣе боялся, что замѣчу это у васъ. Наша радость или скорѣе утѣшеніе въ томъ, что если мы въ экономическихъ условіяхъ болѣе или менѣе часто очень далеки отъ требованій нашей совѣсти, нашего сознанія (экономическія условія такъ переплетены и такъ мы вплетены въ нихъ, что ужасно трудно, невозможно быть чистымъ въ нихъ — это условія послѣднія по осуществленію), то, за то мы въ политическомъ, государственномъ отношеніи можемъ быть совсѣмъ чисты: можемъ не служить, не судиться, не защищаться, не раздѣлять людей по національностямъ и сословіямъ, не признавать никакихъ властей. А тутъ вдругъ васъ поймаютъ и поставятъ въ такія мучительныя условія, васъ и вашихъ близкихъ, что начинаешь считаться и требовать по отношенію себя исполненія ихъ законовъ. Третьяго дня получилъ американское изданіе «Social Gospel». Это органъ людей,

ихъ около 100 человѣкъ, соединившихся въ колонію въ Georgia, чтобы осуществить жизнь христіанскую и въ экономическомъ смыслѣ. Очень это трудно, но нельзя не сочувствовать такимъ попыткамъ. Адресъ ихъ: Ralph Albertson, Commonwealth Ga. (т. е. Georgia). Herron, Lloyd и Crosby. Участники, если не руководители ихъ. Это вамъ дастъ понятіе объ ихъ взглядахъ. Выпишите и посовѣтуйте друзьямъ выписать этотъ журналъ, онъ стоитъ 50 центовъ въ годъ. И первый № очень хорошъ. Это я вспомнилъ говоря объ осуществленіи христіанами экономическихъ условій.

«Вчера получилъ извѣстіе о томъ, что Синджонъ высланъ изъ Россіи. Онъ ѣдетъ въ Будапештъ къ Шмиту, такъ что вы увидите его. Вчера получилъ письмо отъ Шмита и очень радъ былъ, вижу, что онъ съ той же энергіей, на границѣ насилія, проповѣдуетъ упраздненіе насилія. Нельзя не сочувствовать его дѣятельности и потому радъ былъ узнать, что онъ продолжаетъ бороться. Попрошу списать вамъ изъ письма Жиркевича объ Егоровѣ. Вотъ скромные борцы, невидимые людьми, но видимые Богомъ и потому самые могучіе. Постараемся быть такими».

Наконецъ въ мартѣ Л. Н—чъ уже активно выступаетъ на защиту и помощь духоборамъ. Онъ пишетъ между прочимъ Черткову:

«Дорогой другъ, давно не писалъ вамъ, потому что слишкомъ многое нужно написать. Главное и самое важное это духоборы. Они пишутъ мнѣ вотъ уже третье письмо о томъ, что имъ разрѣшено переселиться за границу и просятъ помочь имъ. Пишутъ еще частныя лица Шерстобитовъ, Потаповъ, Андросонъ и еще какія-то; но у нихъ должно быть совѣщаніе о томъ, что дѣлать, и вотъ это рѣшеніе на совѣщаніи важно, потому что изъ него узнаешь, куда они желаютъ и рѣшатъ и какая въ чемъ имъ нужда.

«Но и не дожидаясь этого, я составляю и соста-

вилъ воззваніе одно въ англійскія и американскія газеты, прося помощи всѣхъ истинныхъ христіанъ, помощи и руководительствомъ, указаніемъ мѣстъ, способовъ передвиженія и деньгами. Это воззваніе я пришлю вамъ вѣроятно завтра. Если вы найдете нехорошимъ — какъ всегда даю вамъ carte blanche исправлять его — пошлите его съ письмомъ, которое вы составите на приложенномъ бланкѣ съ моей подписью въ редакцію одной изъ большихъ газетъ: если не «Times», то «Daily News» или «Daily Chronicle». Другое воззваніе очень умѣренное я завтра снесу въ «Русск. Вѣд.» и если они не напечатаютъ, то пошлю въ «Петерб. Вѣд.». Кромѣ того я написалъ письмо въ Америку къ редактору «Social Gospel» (вы вѣроятно знаете), копію котораго вамъ посылаю и въ концѣ котораго упомянулъ о дѣлѣ духоборовъ. Вотъ это одно самое важное, поглощающее все мое вниманіе дѣло».

Содержаніе воззванія, съ которымъ Л. Н—чъ обратился къ русскому и заграничному обществу, было таково:

«Населеніе 12 тысячъ человѣкъ, — говоритъ Л. Н—чъ, — христіанъ всемірнаго братства, какъ называютъ себя духоборы, живущіе на Кавказѣ, находятся въ настоящее время въ ужасномъ положеніи».

Л. Н—чъ изображаетъ далѣе это положеніе такими словами:

«Не говоря о сѣченіяхъ, карцерахъ и всякаго рода истязаніяхъ, которымъ подвергались отказавшіеся духоборы въ дисциплинарныхъ баталіонахъ, отъ чего многіе умирали, и объ ихъ ссылкѣ въ худшія мѣста Сибири, не говоря о 200 запасныхъ, въ продолженіи двухъ лѣтъ томившихся въ тюрьмахъ и теперь разлученныхъ съ семьями и сосланныхъ попарно въ самыя дикія мѣста Кавказа, гдѣ они, не имѣя заработковъ, буквально мрутъ съ голода, не говоря объ этихъ наказаніяхъ самихъ виновниковъ въ отказѣ отъ службы, семьи духоборовъ си-

стематически разоряются и уничтожаются. Всѣ они лишены права отлучаться отъ своихъ мѣстъ жительства и усиленно штрафуются и запираются въ тюрьмы за неисполненіе самыхъ странныхъ требованій начальства: за называніе себя не тѣмъ именемъ, которымъ имъ велѣно называть себя, за поѣздку на мельницу, за посѣщеніе матерью своего сына, за выходъ изъ деревни въ лѣсъ для собиранія дровъ, такъ что послѣднія средства прежде богатыхъ жителей быстро истощаются. Четыреста же семей, выселенныхъ изъ своихъ жилищъ и поселенныхъ въ татарскихъ и грузинскихъ деревняхъ, гдѣ они должны нанимать себѣ помѣщенія и кормиться за деньги, не имѣя ни земли ни заработковъ, находятся въ такомъ тяжеломъ положеніи, что въ продолженіи трехъ лѣтъ ихъ выселенія четвертая часть ихъ, въ особенности старики и дѣти, уже вымерла отъ нужды и болѣзней».

Всѣ ходатайства духоборовъ и друзей о смягченіи ихъ участи оставались безъ результата. Но одно изъ прошеній попало въ руки императрицы-вдовы, пріѣзжавшей на Кавказъ къ сыну, и этому прошенію былъ данъ ходъ и просьба духоборовъ была удовлетворена, имъ было разрѣшено выѣхать за границу съ тѣмъ, чтобы назадъ уже не возвращаться. Но исполнить это было не легко, препятствій было много и административныхъ и другихъ. Л. Н—чъ такъ заключаетъ свое обращеніе къ обществу:

«Людямъ позволяютъ выѣхать, но предварительно ихъ разорили, такъ что имъ не на что выѣхать, и условія, въ которыхъ они находятся, таковы, что имъ нѣтъ возможности узнать мѣстъ, куда имъ выселиться, какъ и при какихъ условіяхъ возможно это сдѣлать и нельзя даже воспользоваться помощью извнѣ, такъ какъ людей, которые хотятъ помочь имъ, тотчасъ же высылаютъ, ихъ же за всякую отлучку сажаютъ въ тюрьму.

«Такъ что если этимъ людямъ не будетъ подана

помощь извнѣ, они такъ и разорятся и вымрутъ всѣ, несмотря на полученное ими разрѣшеніе выселиться.

«Полагаю, что высшее русское правительство не будетъ препятствовать такой помощи и умѣритъ излишнее усердіе кавказскаго управленія, не допускающаго теперь никакого общенія съ духоборами.

«До тѣхъ поръ предлагаю свое посредничество между людьми, желающими помочь духоборамъ и войти въ сношеніе съ ними, такъ какъ до сихъ поръ мои сношенія съ ними не прерывались»[1]).

Съ этого времени заботы Л. Н—ча о духоборахъ не прекращаются.

Въ апрѣлѣ Л. Н—чъ писалъ Черткову:

«Дорогой другъ В. Г.

«Послѣ того какъ я писалъ вамъ, случилось вотъ что: утромъ говорятъ мнѣ, что пріѣхали два человѣка съ Кавказа. Это были духоборы: Планидинъ Пав. Вас., вашъ знакомый, и Черновъ. Они пріѣхали, разумѣется, безъ паспортовъ, чтобы сообщить свѣдѣнія и узнать все касающееся ихъ дѣла. Переговоривъ съ этими дорогими друзьями и узнавъ все, я рѣшилъ послать ихъ въ Петербургъ къ Ухтомскому, отъ котораго я все не получалъ отвѣта. Они поѣхали, пробыли тамъ день и вернулись — видѣли Ухтомскаго и Дитерихсовъ — дѣдушку и Іос. Конст.; Ухтомскій, какъ я вижу, ничего не можетъ сдѣлать. Онъ даже не напечаталъ мое письмо, а это бы очень нужно, и до сихъ поръ ничего не отвѣчалъ мнѣ опредѣленнаго. Планы его мнѣ тоже перестали нравиться. Онъ говоритъ уже не о Манджуріи, а о китайскомъ Туркестанѣ около Кульджи. Главное то, что, какъ говорятъ Планидинъ и Черновъ, выселиться туда, гдѣ русское правительство можетъ опять

---

[1]) Полн. собр. соч. Л. Н. Толстого. Изд. т-ва И. Д. Сытина. М. 1913. Т. XVIII. Стр. 188 и слѣд.

захватить ихъ, имъ не желательно. Кромѣ того, они твердо держатся того, что написано въ ихъ прошеніи по иниціативѣ Веригина, что они желаютъ выселиться въ Америку или въ Англію. Главное же то, что я понялъ изъ бесѣды съ ними, это то, что имъ нельзя уходить, оставивъ дѣтей въ Якутской и своихъ старичковъ въ изгнаніи. И потомъ я думаю, что имъ надо ходатайствовать объ освобожденіи. Въ этомъ смыслѣ я написалъ прошеніе, котораго копію посылаю. Они обдумаютъ дома это прошеніе и тогда подадутъ его. Дальнѣйшія подробности обо всемъ передадутъ вамъ Шанксъ и Іенкенъ, которыя будутъ у васъ вѣроятно скоро послѣ этого письма. Такъ что до сихъ поръ Кипръ представляется самымъ удобнымъ мѣстомъ. Страшно только за нездоровый и лихорадочный климатъ.

«Пожертвованій собралось около 1500 рублей, но я еще не приступалъ къ собиранію. Хорошо то, что по разсказамъ Планидина и Чернова, кромѣ 50 т. у разселенныхъ и Карскихъ, если они продадутъ все, соберется тысячъ полтораста. Они трогательно поучительны. Планидинъ видно съ любовью особенной вспоминаетъ про васъ всѣхъ въ Лизиновкѣ».

Черезъ нѣсколько дней онъ пишетъ еще уже со случаемъ, а не по почтѣ, сообщая новые факты и при этомъ проситъ Черткова соблюдать большую осторожность, даже въ Англіи, мотивируя это такъ:

«Осторожность эту надо соблюдать даже у васъ. Здѣсь до такой степени дурно настроено правительство противъ духоборовъ, что третьяго дня было напечатано пожертвованіе Моода, Сергѣенко и неизвѣстнаго въ «Рус. Вѣд.» и въ тотъ же день въ редакцію пришла бумага отъ (увы) Трепова, требующая названіе жертвователей и доставленія денегъ въ казначейство.

«Рус. Вѣд.» отвѣтили, что деньги уже переданы мнѣ и представили въ этомъ росписку».

Но администрація этимъ отвѣтомъ не удовлетвори-

лась. Газету постигла административная кара въ видѣ запрещенія на два мѣсяца.

3-го февраля Л. Н—чъ между прочимъ записываетъ въ дневникѣ:

«Если есть въ тебѣ силы дѣятельности, то пусть она будетъ любовная; если нѣтъ силъ, и ты слабъ, то слабость твоя пусть будетъ любовная».

Въ то же время Л. Н—ча безпокоитъ его отношеніе къ собственности и, вспоминая о томъ, какъ онъ распорядился ею, онъ отмѣчаетъ въ дневникѣ 19-го февраля:

«Я дурно поступилъ, отдавъ имѣнье дѣтямъ. Имъ было бы лучше. Только надо было умѣть, не нарушая любви, сдѣлать это. А я не умѣлъ».

Дѣятельность ли Л. Н—ча въ пользу духоборовъ, возросшая ли извѣстность его, или просто зависть къ свѣтлому образу великаго старца, но надъ Л. Н—чемъ снова стали скопляться грозныя тучи. Въ это время, въ началѣ апрѣля Л. Н—чъ чуть не подвергся преступному покушенію со стороны хотя еще и не носившей названіе «черной сотни», но уже несомнѣнно дѣйствовавшей кучки темныхъ людей.

Вотъ что пишетъ объ этомъ Софья Андреевна своей сестрѣ, за нѣсколько дней передъ роковымъ днемъ:

«О Л. Н—чѣ: онъ здоровъ и бодръ, но мы всѣ съ безпокойствомъ ждемъ 3-го апрѣля; его грозятъ убить, мы получили анонимное письмо отъ одного изъ «вторыхъ крестоносцевъ», какъ онъ себя назвалъ, и убить грозятъ за то, что Л. Н—чъ «оскорбилъ Господа Іисуса Христа, и будто бы врагъ царя и отечества».

Эти письма начались получаться еще въ декабрѣ прошлаго 1897 года. Въ дневникѣ своемъ отъ 21-го декабря Л. Н—чъ записываетъ: «Вчера получилъ анонимное письмо съ угрозой убійства, если къ 1898 году не исправлюсь, дается срокъ только до 1898 года. И жутко и хорошо».

29-го декабря снова запись: «получены угрожающія убійствомъ письма. Жалко, что есть ненавидящіе меня люди, но мало интересуетъ и совсѣмъ не безпокоитъ».

Слухъ объ этихъ письмахъ дошелъ и въ Англію до Черткова. Его запросъ объ этомъ далъ Л. Н—чу случай высказать такія мысли:

«Письма съ угрозами разумѣется дѣйствуютъ непріятно только въ томъ смыслѣ, что есть иногда напрасно ненавидящіе. А умирать постоянно готовишься и это дѣло. Я недавно думалъ и это рекомендую Галѣ, что когда здоровъ, то стараешься получше жить во внѣ, а когда нездоровъ, то учишься получше умирать. Впрочемъ эти письма не имѣютъ даже и этого достоинства: онѣ такъ глупо написаны, что очевидно предназначены только для пуганья».

Но какъ бы ни относился къ этому самъ Л. Н—чъ, близкимъ и друзьямъ его было неспокойно. И 3-го апрѣля съ ранняго утра ко Л. Н—чу пришелъ его преданный другъ А. Н. Дунаевъ и объявилъ, что до поздней ночи онъ отъ него не отойдетъ. Забывъ всѣ теоріи, онъ сжималъ кулакъ и обдумывалъ какъ онъ раздѣлается съ дерзкимъ покусителемъ. Но никто не пришелъ и день прошелъ спокойно.

Какъ горячо ни сочувствовалъ Л. Н—чъ участи духоборовъ, ближайшее народное бѣдствіе должно было отвлечь его силы еще на другое дѣло. Къ веснѣ 1898 года выяснилось, что въ нѣкоторыхъ центральныхъ восточныхъ губерніяхъ голодъ усилился и нужна была немедленная помощь.

Въ концѣ апрѣля Л. Н—чъ поѣхалъ въ Чернскіи уѣздъ Тульской губерніи, наиболѣе пострадавшій отъ неурожая, и поселился въ имѣніи своего сына Ильи, чтобы оттуда изслѣдовать окружающую нужду и руководить помощью.

Всегда искренній съ самимъ собой, Л. Н—чъ ищетъ, нѣтъ ли въ его поѣздкѣ личныхъ мотивовъ? И записываетъ въ дневникѣ такую мысль:

«Сталъ соображать о столовыхъ и покупкѣ муки, о деньгахъ и такъ нечисто, грустно стало на душѣ. Область денежная, т.-е. всякаго рода употребленіе денегъ, есть грѣхъ. Я взялъ деньги и взялся употреблять ихъ только для того, чтобы имѣть поводъ уѣхать изъ Москвы, и поступилъ дурно».

Вотъ какъ описываетъ Илья Львовичъ въ своихъ воспоминаніяхъ объ отцѣ его дѣятельность въ это время:

«На другой день послѣ его пріѣзда мы осѣдлали пару лошадей и поѣхали. Поѣхали, — какъ когда-то, лѣтъ 20 до этого, съ нимъ же ѣзжали въ наѣздку съ борзыми, — прямикомъ, полями.

«Мнѣ было совершенно безразлично, куда ѣхать, такъ какъ я считалъ, что всѣ окрестныя деревни одинаково бѣдствуютъ, а отцу, по старой памяти, захотѣлось повидать Спасское-Лутовино, которое было отъ меня въ девяти верстахъ, и гдѣ онъ не былъ со временъ Тургенева. Дорогой, помню, онъ разсказалъ мнѣ про мать Ивана Сергѣевича, которая славилась во всемъ околоткѣ необыкновенно живымъ умомъ, энергіей и сумасбродствомъ. Не знаю, видалъ ли онъ ее самъ, или передавалъ слышанныя имъ преданія.

«Проѣзжая по тургеневскому парку, онъ вскользь вспомнилъ, какъ изстари у него съ Иваномъ Сергѣевичемъ шелъ споръ: чей паркъ лучше — спасскій или яснополянскій? Я спросилъ его:

«— А теперь какъ ты думаешь?

«— Все-таки яснополянскій лучше, хотя хорошъ, очень хорошъ и этотъ.

«На селѣ мы побывали у сельскаго старосты и въ двухъ или трехъ избахъ. Голода не было.

«Крестьяне, надѣленные полнымъ надѣломъ хорошей земли и обезпеченные заработкомъ, почти не нуждались.

«Правда, нѣкоторые дворы были послабѣе, но того остраго положенія, которое сразу кидается въ глаза, — этого не было.

«Помнится мнѣ даже, что отецъ меня слегка упрекнулъ за то, что я забилъ тревогу, когда не было для этого достаточнаго основанія, и мнѣ одно время стало передъ нимъ какъ-то стыдно и неловко.

«Конечно, въ разговорахъ съ каждымъ изъ крестьянъ отецъ спрашивалъ ихъ, помнятъ ли они Ивана Сергѣевича, и жадно ловилъ о немъ всякія воспоминанія. Нѣкоторые старики его помнили и отзывались о немъ съ большой любовью.

«Изъ Спасскаго мы поѣхали дальше.

«Въ двухъ верстахъ оттуда намъ попалась по пути заброшенная въ поляхъ маленькая деревушка Погибелка.

«Заѣхали.

«Оказалось, что крестьяне живутъ на «нищенскомъ» надѣлѣ, земля неудобная, гдѣ-то въ сторонѣ, и къ веснѣ народъ дошелъ до того, что у восьми дворовъ всего только одна корова и двѣ лошади. Остальной скотъ весь проданъ. Большіе и малые «побираются».

«Слѣдующая деревня. Большая Губаревка, — то же самое.

«Дальше — еще хуже.

«Рѣшили, не откладывая, сейчасъ же открывать столовыя. Работа закипѣла.

«Самую трудную работу — распредѣленіе количества ѣдоковъ изъ каждой крестьянской семьи — отецъ почти вездѣ производилъ самъ, поэтому цѣлые дни, часто до глубокой ночи, разъѣзжалъ по деревнямъ. Раздача провизіи и заготовка лежали на обязанности моей жены. Явились и помощники. Черезъ недѣлю у насъ уже дѣйствовало около 12 столовыхъ въ Мценскомъ уѣздѣ и столько же въ Чернскомъ.

«Такъ какъ кормить весь народъ безъ различія намъ было не по средствамъ, мы допускали въ столовыя пре-

имущественно дѣтей, стариковъ и больныхъ и я помню, какъ отецъ любилъ попадать въ деревню во время обѣда, и какъ онъ умилялся тѣмъ благоговѣйнымъ, почти молитвеннымъ отношеніемъ къ ѣдѣ, которое онъ подмѣчалъ у столующихся.

«Къ сожалѣнію дѣло не обошлось и безъ административныхъ непріятностей.

«Началось съ того, что двухъ барышенъ, пріѣхавшихъ изъ Москвы и завѣдывавшихъ одной изъ большихъ столовыхъ, просто прогнали, подъ угрозой закрытія столовой. Затѣмъ явился ко мнѣ становой съ требованіемъ дать ему разрѣшеніе начальника губерніи на открытіе столовыхъ.

«Я сталъ убѣждать его въ томъ, что не можетъ быть закона, воспрещающаго благотворительность.

«Конечно, безуспѣшно.

«Въ это время въ комнату вошелъ отецъ и между нимъ и становымъ завязался дружелюбный разговоръ, въ которомъ одинъ доказывалъ, что нельзя запрещать людямъ ѣсть, а другой просилъ войти въ положеніе человѣка подневольнаго, которому такъ приказываетъ начальство.

«— Что прикажете дѣлать, ваше сіятельство?

«— Очень просто: не служить тамъ, гдѣ васъ могутъ заставить поступать противъ совѣсти.

«Послѣ этого мнѣ все-таки пришлось во имя сохраненія дѣла съѣздить къ орловскому и тульскому губернаторамъ и въ заключеніе послать министру внутреннихъ дѣлъ телеграмму съ просьбой «устранить препятствія, которыя ставятъ мѣстныя власти дѣлу частной благотворительности, закономъ не возбраняемой».

«Такимъ образомъ удалось спасти существовавшія у насъ столовыя, но новыхъ открывать уже не разрѣшалось».

Бодрое, даже поэтическое настроеніе Л. Н—ча во время его пребыванія въ Гриневкѣ, имѣніи сына, ясно

выражается въ его письмѣ къ женѣ, отъ 6 мая, гдѣ онъ пишетъ между прочимъ такъ:

«Я нынче только послѣ дождя съѣздилъ въ деревню Каменку, гдѣ не дружное общество, и столовая не ладится, такъ что я совсѣмъ отказалъ, и перенесу въ другую деревню. За то время, послѣ того, какъ я писалъ тебѣ письмо на станціи, я поѣхалъ дальше, въ дальнія, бѣдныя двѣ деревни, Губаревки, и тамъ все идетъ прекрасно. Назадъ ѣхалъ черезъ лѣсъ Тургенева — Спасское, вечерней зарей: свѣжая зелень въ лѣсу подъ ногами, звѣзды въ небѣ, запахи цвѣтущей ракиты, вянущаго березоваго листа, звуки соловья, шумъ жуковъ, кукушки, — кукушка и уединеніе, и пріятное подъ тобой, бодрое движеніе лошади, и физическое и душевное здоровье. И я думалъ, какъ думаю безпрестанно, о смерти. И такъ мнѣ ясно стало, что такъ же хорошо, хотя по другому будетъ на той сторонѣ смерти, и понятно было, почему евреи рай изображали садомъ. Самая чистая радость — радость природы. Мнѣ ясно было, что тамъ будетъ такъ же хорошо, — нѣтъ, лучше. Я постарался вызвать въ себѣ сомнѣніе въ той жизни, какъ бывало прежде — и не могъ, какъ прежде, но могъ вызвать въ себѣ увѣренность».

Получивъ нѣсколько новыхъ пожертвованій, Л. Н—чъ рѣшилъ расширить свою дѣятельность, распространивъ помощь на нѣкоторые уѣзды Тульской губерніи. Для этого въ концѣ мая онъ поѣхалъ на лошадяхъ къ своимъ знакомымъ помѣщикамъ Левицкимъ, близъ станціи Караси Сызрано-Вяземской желѣзной дороги. И тамъ, къ ужасу своихъ семейныхъ и друзей, заболѣлъ сильной диссентеріей; проболѣлъ тамъ 10 дней и, поправившись, вернулся въ Ясную Поляну.

Живя у сына, онъ написалъ статью: «Голодъ или не голодъ», въ которой описывалъ положеніе населенія, давалъ отчетъ объ истраченныхъ деньгахъ и отвѣчалъ на нѣкоторые общіе вопросы.

Л. Н—чъ такъ описываетъ начало своей дѣятельности:

«Въ первой деревнѣ, въ которую я пріѣхалъ, Малой Губаревкѣ, на 10 дворовъ было 4 коровы и 2 лошади, 2 семейства побирались, и нищета всѣхъ жителей была страшная. Таково же почти, хотя и нѣсколько лучше, положеніе другихъ сосѣднихъ деревень.. Во всѣхъ этихъ деревняхъ, хотя и нѣтъ подмѣси къ хлѣбу, какъ это было въ 1891 году, но хлѣба, хотя и чистаго, даютъ не вволю. Приварка — пшена, капусты, картофеля — даже у большинства нѣтъ никакого. Пища состоитъ изъ травяныхъ щей изъ травы, забѣленныхъ, если есть корова, и не забѣленныхъ, если ея нѣтъ, и только хлѣба. Во всѣхъ этихъ деревняхъ у большинства продано и заложено все, что можно продать и заложить. Такъ что крайней нужды въ окружающей насъ мѣстности — районѣ 7—8 верстъ — такъ много, что, устроивъ 14 столовыхъ, мы каждый день получаемъ просьбы о помощи новыхъ деревень, находящихся въ такомъ же положеніи.

«Тамъ же, гдѣ устроены столовыя, онѣ идутъ хорошо, обходятся около 1 руб. 50 коп. на человѣка въ мѣсяцъ и, кажется, удовлетворяютъ поставленной нами себѣ цѣли: поддержать жизнь и здоровье слабыхъ членовъ самыхъ бѣдныхъ семействъ.

«25 мая вечеромъ я заѣхалъ въ деревню Гущино, состоящую изъ 49 дворовъ, изъ которыхъ 24 безъ лошадей. Было время ужина. На дворѣ подъ двумя вычищенными навѣсами сидѣли за пятью столами 80 человѣкъ столующихся: старики вперемежку со старухами — за большими столами на скамейкахъ, дѣти за маленькими столиками на чурбачкахъ съ перекинутыми тесинами. Ужинавшіе только-что кончили первое блюдо (картофель съ квасомъ) и подавалось второе — капустные щи. Бабы наливали ковшами въ деревянныя чашки дымящіеся, хорошо заправленные щи; столовщикъ

съ ковригою хлѣба и ножомъ обходилъ столы и, прижимая ковригу къ груди, отрѣзалъ и подавалъ ломти прекраснаго, свѣжаго, пахучаго хлѣба тѣмъ, у кого былъ доѣденъ. Хозяйка и женщина изъ столующихся служатъ взрослымъ, хозяйская дочь-дѣвочка служитъ дѣтямъ. Все происходило чинно, степенно, точно какъ будто этотъ порядокъ существовалъ вѣками.

«Ужинавшіе были большею частью исхудалые, истощенные, въ поношенныхъ одеждахъ, рѣдкобородые, сѣдые и лысые старики и сморщенныя старушки. На всѣхъ лицахъ было выраженіе спокойствія и довольства. Всѣ эти люди, очевидно, находились въ томъ мирномъ и радостномъ настроеніи и даже въ нѣкоторомъ возбужденіи, которыя производитъ употребленіе достаточной пищи послѣ долгаго лишенія ея. Слышались звуки ѣды, степенный разговоръ и изрѣдка смѣхъ на дѣтскихъ столахъ. Были тутъ и два прохожихъ нищихъ, за которыхъ столовщикъ извинялся, что допустилъ ихъ къ ужину.

«Изъ Гущина я поѣхалъ въ деревню Гнѣдышево, изъ которой два дня тому назадъ приходили крестьяне, прося о помощи. Деревня эта состоитъ такъ же, какъ и Губаревка, изъ 10 дворовъ. На 10 дворовъ здѣсь 4 лошади и 4 коровы, овецъ почти нѣтъ, всѣ дома такъ стары и плохи, что едва стоятъ. Всѣ бѣдны и всѣ умоляютъ помочь имъ. «Хоть бы мало-мальски ребята отдыхали, — говоритъ баба, — а то просятъ папки (хлѣба), а дать нечего, такъ и заснутъ не ужинамши».

«Я знаю, что тутъ есть доля преувеличенія, но то, что говоритъ тутъ же мужикъ въ кафтанѣ съ прорваннымъ плечомъ, ужъ навѣрное не преувеличеніе, а дѣйствительность: «Хоть бы двоихъ-троихъ ребятъ съ хлѣба долой спихнуть, — говоритъ онъ. — А то вотъ свезъ въ городъ послѣднюю свитку (шуба уже давно тамъ), привезъ 3 пудика на 8 человѣкъ. Надолго ли ихъ? А тамъ ужъ и не знаю, что везти».

«Я попросилъ размѣнять мнѣ 3 рубля. Во всей деревнѣ не нашлось и рубля денегъ.

«Очевидно, необходимо устроить и тутъ столовую. Также, вѣроятно, нужно и въ другихъ деревняхъ, изъ которыхъ приходили просить».

Далѣе слѣдуетъ денежный отчетъ и наконецъ Л. Н—чъ самъ себѣ ставитъ слѣдующіе вопросы:

«1) Есть ли въ нынѣшнемъ году голодъ или нѣтъ голода?

«2) Отчего происходитъ такъ часто повторяющаяся нужда народная?

«3) Какъ сдѣлать, чтобы нужда эта не повторялась и не требовала бы особенныхъ мѣръ для ея покрытія?»

Л. Н—чъ подробно разбираетъ каждый изъ этихъ вопросовъ и приходитъ къ такому заключенію:

«На три поставленные вопроса — есть ли голодъ или нѣтъ голода? отъ чего происходитъ нужда народа? и что нужно сдѣлать, чтобы помочь этой нуждѣ? — отвѣты мои слѣдующіе:

«Голода нѣтъ, а есть хроническое недоѣданіе всего населенія, которое продолжается уже 20 лѣтъ и все усиливается, которое особенно чувствительно нынѣшній годъ при дурномъ прошлогоднемъ урожаѣ и которое будетъ еще хуже на будущій годъ, такъ какъ урожай ржи въ нынѣшнемъ году еще хуже прошлогодняго. Голода нѣтъ, но есть положеніе гораздо худшее. Все равно какъ бы врачъ, у котораго спросили, есть ли у больного тифъ, отвѣтилъ: «тифа нѣтъ, а есть быстро усиливающаяся чахотка».

«На второй же вопросъ отвѣтъ мой состоитъ въ томъ, что причина бѣдственности положенія народа не матеріальная, а духовная, что причина главная — упадокъ его духа, такъ что пока народъ не поднимется духомъ, до тѣхъ поръ не помогутъ ему никакія внѣшнія мѣры: ни министерство земледѣлія, ни выставки,

ни сельскохозяйственныя школы, ни измѣненіе тарифовъ, ни освобожденіе отъ выкупныхъ платежей (которое давно бы пора сдѣлать, такъ какъ крестьяне давно переплатили то, что заняли, если считать по теперь употребительному проценту), ни снятіе пошлинъ съ желѣза и машинъ, — ничто не поможетъ народу, если его состояніе духа останется то же. Я не говорю, чтобы всѣ эти мѣры не были полезны, но онѣ сдѣлаются полезными только тогда, когда народъ поднимется духомъ и сознательно, свободно захочетъ воспользоваться ими.

«Отвѣтъ же мой на третій вопросъ — какъ сдѣлать, чтобы нужда эта не повторялась? — состоитъ въ томъ, что для этого нужно, не говорю уже уважать, а перестать презирать, оскорблять народъ обращеніемъ съ нимъ, какъ съ животнымъ, нужно подчинить его общимъ, а не исключительнымъ законамъ, нужно дать ему свободу ученія, свободу передвиженія и, главное, снять клеймо дикаго истязанія — сѣченія взрослыхъ людей — только потому, что они числятся въ сословіи крестьянъ.

«Если освободить крестьянъ отъ всѣхъ тѣхъ путъ и униженій, которыми они связаны, то черезъ 20 лѣтъ они пріобрѣтутъ всѣ тѣ богатства, которыми мы бы желали наградить ихъ, и гораздо еще больше того.

«Думаю же я, что это будетъ такъ, во-первыхъ, потому, что я всегда находилъ больше разума и настоящаго знанія, нужнаго людямъ, среди крестьянъ, чѣмъ среди чиновниковъ, и потому думаю, что крестьяне сами скорѣе и лучше обдумаютъ, что для нихъ нужнѣе; во-вторыхъ, потому, что вѣроятнѣе предполагать, что крестьяне — тѣ самые, о благѣ которыхъ идетъ забота, — лучше знаютъ, въ чемъ оно состоитъ, чѣмъ чиновники. Чѣмъ дальше крестьяне живутъ отъ чиновниковъ, — какъ напримѣръ въ Самарской, Оренбургской, Вятской, Вологодской, Оленецкой губерніяхъ, Сибири, — тѣмъ больше, безъ исключенія, они благоденствуютъ.

«Вотъ тѣ мысли и чувства, которыя вызвало во

мнѣ новое сближеніе съ крестьянской нуждой, и я счелъ своей обязанностью высказать ихъ для того, чтобы люди искренніе, дѣйствительно желающіе отплатить народу за все то, что мы получили и получаемъ отъ него, не тратили даромъ своихъ силъ на дѣятельность второстепенную и часто ложную и всѣ силы свои употребили бы на то, безъ чего никакая помощь не будетъ дѣйствительной: на уничтоженіе всего того, что подавляетъ духъ народа, и на возстановленіе всего того, что можетъ поднять его».

Трудно представить, что можно найти предосудительнаго въ той дѣятельности, которую снова проявилъ Л. Н—чъ среди голодныхъ крестьянъ со своими добровольными помощниками.

Но русская администрація усмотрѣла въ этомъ крамолу и постаралась при первой возможности прекратить ее. Вотъ какъ говоритъ объ этомъ Л. Н—чъ:

«Въ Чернскомъ уѣздѣ за это время моего отсутствія, по разсказамъ пріѣхавшаго оттуда моего сына, произошло слѣдующее: полицейскія власти, пріѣхавъ въ деревни, гдѣ были столовыя, запретили крестьянамъ ходить въ нихъ обѣдать и ужинать; для вѣрности же исполненія разломали тѣ столы, на которыхъ обѣдали, и спокойно уѣхали, не замѣнивъ для голодныхъ отнятый у нихъ кусокъ хлѣба ничѣмъ, кромѣ требованія безропотнаго повиновенія. Трудно себѣ представить, что происходитъ въ головахъ и сердцахъ людей, подвергшихся этому запрещенію и всѣхъ тѣхъ людей, которые узнаютъ про него.

«Еще труднѣе, для меня по крайней мѣрѣ, представить себѣ, что происходитъ въ головахъ и сердцахъ другихъ — тѣхъ людей, которые считаютъ нужнымъ предписывать и исполнять такія мѣропріятія, т.-е. воистину не зная, что творятъ, отнимать изо рта хлѣбъ милостыни у голодныхъ стариковъ и дѣтей»[1]).

[1]) Тамъ же, т. XVIII, стр. 89 и слѣд.

Сѣющій вѣтеръ пожинаетъ бурю и многія изъ этихъ нелѣпыхъ мѣръ отозвались потомъ, черезъ нѣсколько лѣтъ, волной народнаго гнѣва.

Статья эта не могла тогда появиться въ Россіи и была издана за границей Чертковымъ.

Наша заграничная жизнь ознаменовалась въ это время началомъ новаго періодическаго органа подъ названіемъ «Свободное Слово». Въ созданіи его Л. Н—чъ принималъ самое горячее участіе.

Основанный нами журналъ, редакторомъ котораго было предложено быть мнѣ, сначала предполагалось назвать «Жизнь», потомъ «Совѣсть» и наконецъ уже по предложенію Л. Н—ча онъ былъ названъ «Свободное Слово». Конечно, при первомъ шагѣ моего приготовленія къ редакторству я обратился за помощью и совѣтомъ ко Л. Н—чу. И онъ отвѣтилъ мнѣ письмомъ съ подробными указаніями о желательномъ содержаніи новаго журнала. Вотъ это замѣчательное письмо, которое можетъ быть полезно многимъ, какъ настоящимъ, такъ и будущимъ редакторамъ свободнаго органа печати:

«Дорогой другъ П. . . . О дѣлѣ вотъ что: Я все думаю о вашемъ изданіи «Жизнь». Надо, чтобы 1-ый номеръ былъ прекрасный и такіе же всѣ остальные. Для того же, чтобы это было, нужно, по-моему, вотъ что (вѣроятно, вы сами думаете то же самое, но я все-таки пишу). Надо, чтобы

«1) Чтобы всѣ сообщаемыя свѣдѣнія были такъ точны, чтобы нельзя было въ нихъ дать démentie. Для этого нужно имѣть вѣрныхъ и осторожныхъ корреспондентовъ.

«2) Чтобы — особенно въ первыхъ номерахъ не было видно исключительно религіозное направленіе; (чтобы все было проникнуто религіознымъ духомъ въ томъ, чтобы не было недоброжелательности, а напротивъ,

любовь къ людямъ, а осужденіе и негодованіе только къ поступкамъ и главное къ нехристіанскимъ учрежденіямъ), но чтобы не были, особенно сначала — высказываемы религіозныя основы.

«3) Чтобы было какъ можно больше разнообразія: чтобы были обличаемы и взятки, и фарисейство, и жестокость, и развратъ, и деспотизмъ, и невѣжество. Я вотъ сейчасъ знаю a) какъ купцы для подавленія стачекъ предложили устроить казарму на 100 казаковъ, дали на это 50.000, чтобы всегда держать рабочихъ подъ страхомъ, b) знаю подкупъ важнаго чиновника, c) обманъ чуда, d) засѣданіе комиссіи пересмотра судебныхъ уставовъ, гдѣ уничтожаютъ всѣ послѣдніе остатки обезпеченія гражданъ, e) цензурные ужасы, f) отношеніе въ Петербургѣ къ голоду, g) гоненія за вѣру. Все это надо группировать такъ, чтобы захватывало какъ можно больше разнообразныхъ сторонъ жизни.

«4) Чтобы въ выборѣ предметовъ и въ освѣщеніи ихъ преобладала (если можно была бы исключительно) точка зрѣнія блага или вреда народа, массы.

«5) Чтобы излагалось все серьезнымъ и строгимъ — безъ шуточекъ и брани, языкомъ и сколь возможно болѣе простымъ безъ иностранныхъ и научныхъ выраженій.

«6) Отдѣлы же журнала мнѣ представляются такими: a) Обработанныя статьи по какому-нибудь вопросу, хотя ваша о историческомъ значеніи священныхъ писаній, или объ общинахъ христіанъ или о революціи, или о солдатчинѣ и т. п. Такую статью я предлагаю объ отказахъ отъ военной службы. b) Извѣстія изъ Россіи, радостныя и нерадостныя. c) Политическое обозрѣніе съ христіанской точки зрѣнія. d) Библіографія.

«Все это я пишу, разумѣется, не обдумавъ, не обсудивъ, но все-таки пишу, потому что что-нибудь вамъ пригодится и вызоветъ на мысли. Главное надо бояться неточностей и преувеличенія не только въ фактахъ, но

и въ чувствахъ, въ сентиментальности. Это два подводные камня».

Принявъ во вниманіе совѣты Л. Н—ча, я набросалъ болѣе подробную программу и отослалъ ему, на что получилъ отъ него письмо съ новыми совѣтами и указаніями, такого содержанія:

«Журналъ долженъ имѣть два отдѣла. Одинъ современный, другой общій, философскій, религіозный, научный, даже художественный, въ родѣ фельетоновъ, т.-е. что въ этомъ отдѣлѣ будутъ помѣщаться то научныя, то философскія, то религіозныя, то художественныя статьи. Какія будутъ. Первый же отдѣлъ долженъ заключать въ себѣ:

«1) Передовыя статьи: обсужденіе важнѣйшаго съ христіанской точки зрѣнія событія въ данное время: духоборы, Китай, война испанско-американская.

«2) Политическое обозрѣніе: всѣ считающіеся важными современныя политическія событія съ христіанской точки зрѣнія.

«3) Государственныя, церковныя и экономическія, явныя и скрываемыя преступленія во всѣхъ государствахъ, въ особенности въ Россіи.

«4) Милитаризмъ . . . . . .

«5) Обманы вѣры . . . . . .

«6) Жизнь рабочаго и привилегированнаго класса.

«7) Критика художественная съ христіанской точки зрѣнія.

«8) Библіографія — указаніе хорошихъ и вредныхъ книгъ.

«Таковъ долженъ быть первый отдѣлъ, во второй же отдѣлъ войдутъ всѣ тѣ пункты: беллетристика, если она стоитъ того, т.-е. перворазрядная, а иначе — нехорошо, свобода совѣсти и всѣ другіе, пропущенные мною отдѣлы, если будутъ по нимъ статьи. Самые важные и наиболѣе желательные:

«1) Религіозная наука . . . . . .

«2) Государство и церковь и ихъ истинное значеніе, 3) нравственная гигіена, 4) физическій трудъ.

«Обращеніе къ читателямъ посылаю съ тѣми замѣчаніями и помарками, которыя я сдѣлалъ. Можетъ быть я плохъ и слабъ, но я поработалъ надъ тѣмъ и другимъ, и я въ своихъ замѣчаніяхъ и помаркахъ выразилъ мое мнѣніе, какъ оно сложилось во мнѣ. О фактахъ, о которыхъ вы спрашиваете меня, лучше всего обратиться къ Дунаеву. Заглавіе «Совѣсть» лучше, чѣмъ «Жизнь», но хотѣлось бы еще лучше. Опасность главная, по-моему, не въ томъ, что будетъ сѣро — это не такъ опасно, а въ томъ, чтобы не было сантиментально, т.-е. чтобы не было выраженія не испытываемаго чувства. Не сердитесь на меня за это. Вы правдивѣйшій человѣкъ, а въ писаніяхъ вашихъ попадаются эти фальшивыя ноты и вы ихъ не видите въ другихъ. Бойтесь ихъ. Дѣло такъ важно, что я не боюсь сказать это вамъ. Не бойтесь остановиться въ статьѣ безъ красиваго заключенія. Только бы было правдиво, дѣловито и sobre. Свѣдѣнія о Вѣтровой, о молоканскихъ дѣтяхъ, о запрещеніи «Русскихъ Вѣдомостей» я бы могъ найти, но это много труда, на который я неспособенъ. Таня, Маша, и въ особенности ея мужъ, очень способный, можетъ сдѣлать это — напишите имъ».

Такимъ образомъ былъ основанъ новый органъ «Свободное Слово». Къ сожалѣнію пришлось выпустить только два номера этого изданія. Мнѣ пришлось переѣхать съ семьей въ Швейцарію, гдѣ я предпринялъ собственное изданіе подъ названіемъ «Свободная Мысль», а «Свободное Слово» возобновилось въ Англіи черезъ нѣсколько лѣтъ уже по нѣсколько измѣненной программѣ.

Помощь голоднымъ только на время отвлекла Л. Н—ча отъ большого дѣла, предпринятаго имъ ранѣе, — помощи преслѣдуемымъ духоборамъ.

Л. Н—чъ снова вступаетъ въ переписку со множествомъ лицъ, такъ или иначе могущихъ способствовать выселенію духоборовъ за границу.

Онъ командируетъ своего сына Сергѣя въ Англію, чтобы войти въ болѣе тѣсное общеніе съ тамошнимъ комитетомъ для помощи духоборамъ.

На Кавказъ по его просьбѣ отправляется энергичный и опытный Леопольдъ Антоновичъ Суллержицкій, который дѣятельно занимается отправкой духоборовъ на океанскихъ пароходахъ. Одинъ изъ такихъ пароходовъ сопровождаетъ его сынъ Сергѣй.

Л. Н—чъ пишетъ администраторамъ Кавказа и Сибири, вымаливая то у того, то у другого какую-нибудь необходимую льготу; къ нему стекается въ свою очередь масса людей, вошедшихъ въ соприкосновеніе съ этимъ огромной важности дѣломъ переселенія духоборовъ.

Къ нему ѣдетъ агентъ съ Гавайскихъ острововъ, онъ принимаетъ кавказскихъ духоборовъ, потомъ людей имъ сочувствующихъ и желающихъ служить имъ, какихъ-то авантюристовъ Чучковыхъ и всѣхъ онъ умѣетъ объединить въ служеніи одному общему дѣлу.

Важное мѣсто занимала въ этомъ большомъ дѣлѣ денежная помощь. Денегъ на переселеніе не хватало, и вотъ Л. Н—чъ, ради спасенія духоборовъ рѣшается отступить отъ своего правила — не брать гонорара и продаетъ свое будущее произведеніе.

Вотъ какъ онъ сообщаетъ объ этомъ Черткову:

«Такъ какъ выяснилось теперь, какъ много еще недостаетъ денегъ для переселенія духоборовъ, то я думаю вотъ что сдѣлать:

«У меня есть неоконченныя повѣсти «Воскресеніе» и другія. Я послѣднее время занимался ими. Такъ вотъ

я хотѣлъ бы продать ихъ на самыхъ выгодныхъ условіяхъ въ англійскія или американскія газеты и употребить вырученное на переселеніе духоборовъ. Повѣсти эти написаны въ моей старой манерѣ, которую я теперь не одобряю. Если я буду исправлять ихъ, пока останусь доволенъ, я никогда не кончу. Обязавшись же отдать ихъ издателю, я долженъ буду выпустить ихъ tels quels. Такъ случилось со мной съ повѣстью «Казаки»: я все не кончалъ ее; но тогда проигралъ деньги и для уплаты передалъ въ редакцію журнала. Теперь же случай гораздо болѣе законный. Повѣсти же сами по себѣ, если и не удовлетворяютъ теперешнимъ требованіямъ моимъ отъ искусства, — не общедоступны по формѣ, — то по содержанію не вредны и даже могутъ быть полезны людямъ. И потому думаю, что хорошо, продавъ ихъ какъ можно дороже, напечатать теперь, не дожидаясь моей смерти, и передать деньги въ комитетъ для переселенія духоборовъ».

Не надѣясь выручить достаточно за свои повѣсти, онъ обратился письменно къ цѣлому ряду лицъ, прося оказать денежную помощь для переселенія духоборовъ. Такихъ писемъ онъ написалъ около 20. Вотъ для примѣра одно изъ нихъ:

«Милостивый Государь Александръ Николаевичъ! Обращаюсь къ вамъ съ просьбой о денежной помощи кавказскимъ духоборамъ. Люди эти, какъ вы вѣроятно знаете, старались исполнить въ самой жизни ученіе Христа, которому они слѣдуютъ, не могли исполнить требуемой отъ нихъ правительствомъ воинской повинности и за это подверглись гоненію, которое вслѣдствіе грубости кавказской администраціи дошло до страшной жестокости. Отказывавшихся истязали, запирали въ тюрьмы, ссылали въ худшія мѣста Сибири, гдѣ и теперь страдаютъ сотни лучшихъ людей, разоряли ихъ селенія, высылали цѣлыя семьи изъ ихъ жилищъ въ татарскія деревни. Измученные всѣмъ этимъ духоборы

просили о позволеніи имъ выѣхать за границу. Имъ разрѣшили, но въ послѣдніе года ихъ такъ разорили, что у нихъ нѣтъ средствъ для переѣзда въ Канаду, гдѣ имъ предлагаютъ земли. Ихъ всѣхъ выселяющихся болѣе 7000 человѣкъ. На переѣздъ по морю и по желѣзнымъ дорогамъ имъ нужно по крайней мѣрѣ по 100 руб. на душу, а у нихъ, продавъ все свое имущество (большую часть уже продали), наберется не болѣе 300 тысячъ. Правда есть добрые люди въ Англіи и Россіи, которые пожертвовали и жертвуютъ, но все-таки недостаетъ очень много.

«Подписка для этой цѣли не разрѣшается, и потому мы рѣшили просить богатыхъ и добрыхъ людей помочь этому дѣлу. И вотъ я обращаюсь къ вамъ, прося васъ дать сколько вы найдете возможнымъ для этого несомнѣнно добраго дѣла.

«Пожалуйста отвѣчайте мнѣ въ Тулу и заказнымъ письмомъ.

«Уважающій васъ Левъ Толстой».

И пожертвованій скопилось значительное количество, давшее возможность благополучно переправить всѣхъ желавшихъ выселиться въ Канаду.

Разъ рѣшившись закончить новый романъ «Воскресеніе», найдя оправданіе для своей художественной работы, къ которой такъ часто влекло его казавшееся ему грѣшнымъ желаніе, Л. Н—чъ отдается этому дѣлу со всей страстностью.

Осенью онъ пишетъ Черткову:

«Я не знаю, хорошо или дурно — очень пристально занятъ «Воскресеньемъ». Многое важное надѣюсь высказать. Оттого такъ и увлекаюсь. Мнѣ кажется иногда, что въ «Воскресеньи» будетъ много хорошаго, нужнаго, а иногда, — что я предаюсь своей страсти.

«Я теперь рѣшительно не могу ничѣмъ другимъ заниматься, какъ только «Воскресеньемъ». Какъ ядро приближается къ землѣ все быстрѣе и быстрѣе, такъ у

меня теперь, когда почти конецъ: я не могу ни о чемъ — нѣтъ не не могу, — могу и даже думаю, — но не хочется ни о чемъ другомъ думать, какъ объ этомъ».

Къ осени работа Л. Н—ча настолько подвинулась, что въ сентябрѣ онъ прочелъ «Воскресеніе» вслухъ собравшимся у него гостямъ.

Марья Львовна писала мнѣ 18 сентября:

«... Гостилъ Стаховичъ. При немъ папа читалъ вслухъ «Воскресеніе» — и это было у насъ большое событіе».

Наконецъ въ октябрѣ Л. Н—чъ нашелъ возможнымъ уже закончить условіе съ издателемъ «Нивы», А. Марксомъ, о печатаніи въ его журналѣ «Воскресенія».

Приводимъ здѣсь текстъ этого договора:

«Адольфу Федоровичу Марксу.

«Предоставляю редакціи «Нивы» право перваго печатанія моей повѣсти «Воскресеніе». Редакція же «Нивы» платитъ мнѣ по тысячѣ рублей за печатный листъ въ 35.000 буквъ.

«Двѣнадцать тысячъ рублей редакція выдаетъ мнѣ теперь же. Если повѣсть будетъ больше двѣнадцати листовъ, то редакція платитъ то, что будетъ причитаться сверхъ 12.000; если же въ повѣсти будетъ менѣе двѣнадцати печатныхъ листовъ, то я или возвращу деньги или дамъ другое художественное произведеніе. Левъ Толстой. 12 октября 1898 г.».

Самое печатаніе романа должно было начаться съ марта слѣдующаго года сразу на всѣхъ главныхъ европейскихъ языкахъ. Это было исполнено и доставило Л. Н—чу не мало хлопотъ.

Мы должны вернуться нѣсколько назадъ, чтобы упомянуть о событіяхъ этого года, достойныхъ вниманія.

28 августа этого 1898 года Л. Н—чу исполнилось 70 лѣтъ.

Мудрой русской администраціи показалось «весьма опаснымъ» не только празднованіе, но даже разговоры и разсужденія объ этомъ «страшномъ» событіи и вотъ является секретный циркуляръ по всѣмъ органамъ печати съ запрещеніемъ говорить и печатать что-либо о предстоящемъ 70-лѣтнемъ юбилеѣ Льва Толстого.

Этотъ комичный циркуляръ конечно наложилъ «храненіе на уста» печати и объ юбилеѣ ничего печатано не было. Только уже значительно позже появилось нѣсколько небольшихъ статей.

Всю осень Л. Н—чъ былъ занятъ переселеніемъ духоборовъ и писаніемъ «Воскресенія». Въ это же время въ изданіи Черткова вышло новое произведеніе Л. Н—ча «Христіанское ученіе», содержаніе котораго уже передано нами въ одной изъ предыдущихъ главъ.

Нѣсколько выписокъ изъ письма Л. Н—ча къ Софьѣ Андреевнѣ даютъ понятіе о характерѣ его жизни за это время. Семья его по обыкновенію переѣхала въ Москву, а онъ остался въ Ясной Полянѣ, со старшей дочерью. Насколько онъ цѣнилъ эту уединенную жизнь въ Ясной и насколько ему трудно было переѣзжать въ городъ, видно изъ слѣдующаго заключенія его письма къ Софьѣ Андреевнѣ:

«Ты приписываешь, вѣроятно, неправильное значеніе моему отвѣту Андрюшѣ на вопросъ: хочется ли мнѣ въ Москву? Какъ можетъ хотѣться ѣхать въ мѣсто, гдѣ хуже. Если ѣду, то потому, что ты тамъ, и мнѣ хочется быть съ тобою. А мѣсто хуже и безпокойствомъ, и отсутствіемъ природы, и всѣмъ тѣмъ, чѣмъ деревня лучше города. Прощай, до свиданія. Цѣлую тебя».

Въ это время С. А—на была обезпокоена событіемъ, которое, конечно перейдя черезъ телефонъ сплетни, разрослось во что-то огромное и страшное; въ Петербургѣ говорили, что Л. Н—чъ, встрѣтивъ крестный ходъ,

отозвался о немъ неодобрительно и крестьяне что-то непріятное сдѣлали Л. Н—чу. С. А—на пишетъ объ этомъ Л. Н—чу, спрашиваетъ, что случилось и онъ отвѣчаетъ ей такъ:

«Событіе состоитъ въ томъ, что я наткнувшись на икону, объѣхалъ ее полями, но на станціи опять встрѣтилъ смотрителя, шедшаго ей навстрѣчу. Я сказалъ ему, что не совѣтую предаваться идолопоклонству и обману. Мужикамъ же, къ сожалѣнію, въ этотъ разъ не пришлось ничего сказать. Такъ же и мужики кромѣ ласковыхъ привѣтствій ничего мнѣ не говорили. Я удивляюсь, что ты можешь интересоваться такими пустяками. Я 20 лѣтъ и словомъ, и печатью и всѣми средствами передаю свое отношеніе къ обману и любовь къ истинѣ, и даже министру писалъ, что, считая это своей обязанностью, я это буду дѣлать, пока живъ. Какъ же тебя можетъ интересовать такой ничтожный случай? Какой дуракъ тебя напугалъ? И какое намъ дѣло до того, что говорятъ въ Петербургѣ или Казани? Цѣлую тебя».

А вотъ образчикъ чтенія Л. Н—ча того времени. Онъ пишетъ между прочимъ С. А—нѣ:

«Читаю прекрасную книгу Crosby «О буддизмѣ».

«Жизнь и смерть одно и то же. Жизнь — постоянная перемѣна, смерть тоже только перемѣна».

«Роскошь, изнѣженность мѣшаютъ душѣ понять себя. Также мѣшаетъ аскетизмъ, мученіе своего тѣла. Въ обоихъ случаяхъ человѣкъ думаетъ о тѣлѣ. А о немъ надо забыть. — Прекрасная книга».

Иллюстрировать «Воскресеніе», какъ извѣстно, было поручено художнику Л. О. Пастернаку; онъ часто бывалъ по этому въ Ясной Полянѣ, совѣтуясь со Л. Н—чемъ о своихъ рисункахъ.

Л. Н—чъ пишетъ объ этомъ С. А—нѣ:

«Пишу нынче Марксу, чтобы отложилъ печатаніе до марта. Это нужно и мнѣ и Пастернаку, и издателямъ за границей. Вчера получилъ остальныя корректуры до 40-ой главы включительно. Пастернаковскіе наброски прекрасны».

Наконецъ въ началѣ декабря Л. Н—чъ переѣхалъ въ Москву. Но 20 декабря вся семья поѣхала на праздники въ Ясную, гдѣ и прожили до 10 января и тогда снова всей семьей вернулись въ Москву.

Въ дѣлѣ духоборческаго переселенія въ это время происходили нѣкоторыя осложненія, которыя Л. Н—чъ старался смягчить и разъяснить своимъ кроткимъ участіемъ и вліяніемъ. Это можно замѣтить изъ слѣдующаго письма къ Мооду, переводчику его сочиненій на англійскій языкъ и принимавшему большое участіе въ судьбѣ духоборовъ. Вотъ что писалъ онъ ему 12 декабря.

Первая половина письма трактуетъ объ одномъ американскомъ журналѣ и о кружкѣ людей, группировавшихся около этого органа и раздѣлявшихъ взгляды на жизнь Л. Н—ча. Вторая половина письма посвящена именно этому вопросу о духоборахъ. Вотъ это письмо:

«Сейчасъ получилъ ваше второе письмо съ парохода, въ которомъ вы пишете мнѣ про Houells'a и др. Houells мнѣ особенно симпатиченъ по всему, что я знаю о немъ. Что вы знаете и думаете про Christian Commonwealth? Меня очень интересуетъ это общество. Чѣмъ больше я живу, тѣмъ больше убѣждаюсь, что наше чрезмѣрное умственное развитіе много мѣшаетъ намъ въ дѣлѣ жизни. Сынъ мой спросилъ разъ мужика, отчего онъ не сталъ жить у сосѣда помѣщика? Мужикъ отвѣчалъ: «У него нельзя жить». «Отчего?» «Дюже уменъ». И я думаю, что большинство нашихъ неудачъ происходитъ оттого, что мы дюже умны. Какъ просто и легко достигаютъ духоборы того, что кажется намъ недосягаемо съ нашимъ умомъ и ученостью. Боюсь, что въ этомъ будетъ состоять и въ Commonwealth пре-

пятствіе къ достиженію цѣли ихъ. Въ послѣднемъ номерѣ я прочелъ разсужденіе о томъ, что патріотизмъ можетъ быть хорошимъ. Это грустно. Ч. пишетъ, что онъ не хочетъ и не можетъ больше заниматься дѣлами духоборовъ, часть которыхъ составляютъ изданіе и продажа переводовъ моей повѣсти, а сколько я понимаю, уѣзжаетъ въ Канаду и потому невольно мы всѣ возлагаемъ надежду на васъ. Какъ ни совѣстно просить васъ, послѣ того, какъ вы только-что окончили свой трудъ для общаго дѣла, взять на себя новый трудъ, мы не можемъ не дѣлать этого. Если вы согласитесь, то я буду стараться избавить васъ насколько могу отъ лишняго труда въ той мѣрѣ, въ которой это мнѣ здѣсь возможно. Кажется, что теперь самое трудное перейдено и пойдетъ подъ гору.

«Такъ вотъ, любезный другъ, пожалуйста не откажите помочь намъ и поскорѣе отвѣтьте, чтобы успокоить насъ».

Повидимому Моодъ не согласился взять въ свои руки это дѣло, такъ какъ черезъ мѣсяцъ Л. Н—чъ снова пишетъ ему:

«Получилъ три письма ваши. О вашемъ отказѣ участвовать въ дѣлѣ печатанія перевода «Воскресеніе» очень жалѣю, хотя и понимаю мотивы вашего отказа. Во всемъ этомъ дѣлѣ есть что-то неопредѣленное, неясное и какъ будто несогласное съ исповѣдуемыми нами принципами. Иногда — въ дурныя минуты — это на меня такъ же дѣйствуетъ и мнѣ хочется какъ можно скорѣе get rid of it, но когда я въ хорошемъ серьезномъ настроеніи, я даже радуюсь всей этой непріятности, которая связана съ этимъ дѣломъ. Я знаю, что мотивы мои были если не добрые, то самые невинные, и потому если въ глазахъ людей я покажусь за это непослѣдовательнымъ или еще чѣмъ-нибудь хуже, то это только полезно мнѣ, пріучая меня дѣйствовать независимо отъ людскихъ сужденій, только соотвѣтственно

требованіямъ совѣсти. Случаемъ этимъ надо дорожить. Они рѣдки и очень полезны».

Къ счастью для дѣла, недоразумѣнія эти уладились и Моодъ и Чертковъ продолжали принимать дѣятельное участіе въ общемъ дѣлѣ переселенія духоборовъ и довели его до благополучнаго конца.

ГЛАВА XVI

Конференція въ Гаагѣ. Воскресеніе

1899 г.

Въ концѣ 1898 года, какъ извѣстно, появился манифестъ Николая II о созывѣ Гаагской мирной конференціи. Это неожиданное выступленіе вызвало огромное количество толковъ и пересудовъ. Какъ и слѣдовало ожидать, оно не привело ни къ чему, но польза принесенная имъ состояла въ томъ, что вопросъ о мирѣ и о войнѣ вновь подвергся международному обсужденію и конечно многіе ждали, что скажетъ на это Л. Н—чъ Толстой.

Вскорѣ ему пришлось публично вкратцѣ высказаться по этому поводу. Американскій журналъ «World» запросилъ по телеграфу его мнѣніе о манифестѣ Николая II. Л. Н—чъ отвѣтилъ на англійскомъ языкѣ слѣдующее:

«Послѣдствіе этого манифеста будутъ слова. Всеобщій миръ можетъ быть достигнутъ только самоуваженіемъ и неповиновеніемъ правительству, требующему податей и военной службы для организованнаго насилія и убійства».

Въ началѣ 1899 года ко Л. Н—чу обратилась группа шведскихъ передовыхъ людей съ письмомъ, въ которомъ они выражали свои сомнѣнія о пользѣ Гаагской конференціи и сообщали Л. Н—чу свои мнѣнія.

Л. Н—чъ отвѣтилъ большимъ письмомъ, опубликованнымъ на всѣхъ языкахъ, сущность котораго заключается въ слѣдующемъ.

Въ началѣ письма Л. Н—чъ, резюмируя вопросы авторовъ письма и свой отвѣтъ въ общей формѣ, говоритъ такъ:

«Мысль, высказанная въ прекрасномъ письмѣ вашемъ о томъ, что всеобщее разоруженіе можетъ быть достигнуто самымъ легкимъ и вѣрнымъ путемъ посредствомъ отказа отдѣльныхъ лицъ отъ участія въ военной службѣ, — совершенно справедлива. Я даже думаю, что это единственный путь избавленія людей отъ все увеличивающихся и увеличивающихся ужаснѣйшихъ бѣдствій военщины. Мысль же ваша о томъ, что вопросъ о замѣнѣ воинской повинности для лицъ, отказывающихся отъ исполненія ея, общественными работами, можетъ быть разсматриваема на имѣющей, по предложенію царя, собраться конференціи, мнѣ кажется совершенно ошибочной, уже по одному тому, что сама конференція не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ однимъ изъ тѣхъ лицемѣрныхъ учрежденій, которыя имѣютъ цѣлью не достиженіе мира, но напротивъ скрытіе отъ людей того единственнаго средства достиженія всеобщаго мира, которое уже начинаютъ видѣть передовые люди».

Затѣмъ Л. Н—чъ развиваетъ эти общія положенія. Главное затрудненіе онъ видитъ въ томъ, что у международнаго органа, который долженъ будетъ приводить въ исполненіе рѣшенія суда, не будетъ нужной для этого силы. Онъ выражаетъ эту мысль въ слѣдующихъ словахъ:

«Говорятъ: конфликты правительствъ будутъ рѣшаться третейскимъ судомъ. Но, — не говоря уже о томъ, что рѣшать дѣла будутъ не представители народа, а представители правительствъ, и потому нѣтъ никакого ручательства о томъ, что рѣшенія эти будутъ

правильны, — кто же будетъ приводить въ исполненіе рѣшенія этого суда? — Войска. — Чьи войска? — Всѣхъ державъ. — Но вѣдь сила этихъ державъ неравная. Кто, напримѣръ, приведетъ на континентѣ въ исполненіе рѣшеніе, которое, предположимъ, будетъ невыгодно для Германіи, Россіи или Франціи, соединенныхъ въ союзъ; или кто приведетъ на морѣ рѣшеніе, противное интересамъ Англіи, Америки, Франціи? Рѣшеніе третейскаго суда противъ военнаго насилія государствъ будетъ приводиться въ исполненіе военнымъ насиліемъ, т.-е. то самое, что нужно ограничить, будетъ средствомъ ограниченія. Чтобы поймать птицу, надо посыпать ей соли на хвостъ».

Считая все это предложеніе дѣломъ изолгавшихся дипломатовъ, Л. Н—чъ заключаетъ свое письмо такимъ утвержденіемъ:

«Уменьшиться и уничтожиться войска могутъ только противъ воли, и никакъ не по волѣ правительствъ. Уменьшатся и уничтожатся войска только тогда, когда люди перестанутъ довѣрять правительствамъ и будутъ сами искать спасенія отъ удручающихъ ихъ бѣдствій, и будутъ искать этого спасенія не въ сложныхъ и утонченныхъ комбинаціяхъ дипломатовъ, а въ простомъ исполненіи обязательнаго для каждаго человѣка, написаннаго и во всѣхъ религіозныхъ ученіяхъ, и въ сердцѣ каждаго человѣка, закона о томъ, чтобы не дѣлать другому того, чего не хочешь, чтобы тебѣ дѣлали, тѣмъ болѣе не убивать своего ближняго.

«Уменьшатся, а потомъ уничтожатся войска только тогда, когда общественное мнѣніе будетъ клеймить позоромъ людей, продающихъ изъ-за страха или выгоды свою свободу и становящихся въ ряды убійцъ, называемыхъ войскомъ; а людей, — теперь неизвѣстныхъ и даже осуждаемыхъ, — которые, несмотря на всѣ гоненія и страданія, переносимыя ими за это, отказываются, отдавъ свою свободу въ руки другихъ лю-

дей, стать опять орудіями убійства, — будетъ выставлять тѣмъ, что они есть: передовыми борцами и благодѣтелями человѣчества.

«Только тогда сначала уменьшатся, а потомъ совсѣмъ уничтожатся войска, и наступитъ новая эра въ жизни человѣчества».

Несмотря на то, что весь этотъ годъ Л. Н—чъ былъ поглощенъ работой надъ «Воскресеніемъ», онъ написалъ цѣлый рядъ статей и писемъ по разнымъ вопросамъ. Мы приводимъ главнѣйшія изъ нихъ.

Отвѣчая на запросъ одного изъ своихъ корреспондентовъ, Л. Н—чъ написалъ письмо «О самоубійствѣ», въ которомъ съ необычайной простотой и ясностью излагаетъ этотъ сложный вопросъ. Письмо это не длинно, и мы приводимъ его здѣсь цѣликомъ, такъ какъ всякія сокращенія только затемнили бы смыслъ его:

«Вопросъ вашъ о томъ, имѣете ли вы и вообще человѣкъ право убить себя? — неправильно поставленъ. О правѣ не можетъ быть рѣчи. Если можетъ, то имѣетъ право. Я думаю, что возможность убить себя есть спасительный клапанъ. При этой возможности человѣкъ не имѣетъ права (вотъ тутъ умѣстно выраженіе: имѣть право) говорить, что ему невыносимо жить. Невозможно жить, такъ убьешь себя и поэтому некому будетъ говорить о невыносимости жизни. Человѣку дана возможность убить себя и потому онъ можетъ (имѣетъ право) убивать себя и не переставая пользуется этимъ правомъ, убивая себя на дуэляхъ, войнѣ, на фабрикахъ, развратомъ, водкой, табакомъ, опіумомъ и т. д. Вопросъ можетъ быть только о томъ, разумно ли и нравственно ли (разумное и нравственное всегда совпадаетъ) убить себя?

«Нѣтъ, неразумно, такъ же неразумно, какъ срѣзать побѣги растенія, которое хочешь уничтожить: оно

не погибнетъ, а только станетъ расти неправильно. Жизнь неистребима, — она внѣ времени и пространства и потому смерть только можетъ измѣнить ея форму, прекратить ея проявленіе въ этомъ мірѣ. А прекративъ ее въ этомъ мірѣ, я во-первыхъ не знаю, будетъ ли проявленіе въ другомъ мірѣ болѣе мнѣ пріятно, а во-вторыхъ лишаю себя возможности извѣдать и пріобрѣсти для своего я все то, что оно могло пріобрѣсти въ этомъ мірѣ. Кромѣ того и главное это неразумно, потому что прекращая свою жизнь изъ-за того, что она мнѣ кажется непріятной, я тѣмъ показываю, что имѣю превратное понятіе о назначеніи своей жизни, предполагая, что назначеніе ея есть мое удовольствіе, тогда какъ назначеніе ея есть съ одной стороны личное совершенствованіе, съ другой служеніе тому дѣлу, которое совершается всею жизнью міра. Этимъ же самоубійство и безнравственно: человѣку дана жизнь вся и возможность пользоваться ею до естественной смерти, только подъ условіемъ его служенія жизни міра, а онъ, воспользовавшись жизнью настолько, насколько она была ему пріятна, отказывается отъ служенія ею міру, какъ скоро она ему непріятна: тогда какъ по всѣмъ вѣроятіямъ это служеніе начиналось именно съ того времени, когда жизнь показалась непріятной. Всякая работа представляется сначала непріятной.

«Въ Оптиной пустыни въ продолженіи болѣе 30 лѣтъ лежалъ на полу разбитый параличомъ монахъ, владѣвшій только лѣвой рукой. Доктора говорили, что онъ долженъ былъ сильно страдать, но онъ не только не жаловался на свое положеніе, но постоянно крестясь, глядя на иконы, улыбаясь выражалъ свою благодарность Богу и радость за ту искру жизни, которая теплилась въ немъ. Десятки тысячъ посѣтителей бывали у него, и трудно представить себѣ все то добро, которое распространялось на міръ отъ этого, лишеннаго всякой возможности дѣятельности человѣка. Навѣрное этотъ че-

ловѣкъ сдѣлалъ больше добра, чѣмъ тысячи здоровыхъ людей, воображающихъ, что они въ разныхъ учрежденіяхъ служатъ міру».

Въ другомъ большомъ письмѣ этого времени къ студенту Д. Л. Н—чъ говоритъ о преподаваніи религіи ребенку. «Преподавать надо истинную религію, — говорилъ въ этомъ письмѣ Л. Н—чъ, — а у насъ насильно навязываютъ ложь».

«Съ того самаго времени — 20 лѣтъ тому назадъ, — говоритъ Л. Н—чъ, — какъ я ясно увидѣлъ, какъ должно и можетъ счастливо жить человѣчество и какъ безсмысленно оно, мучая себя, губитъ поколѣнія за поколѣніями, я все дальше и дальше отодвигалъ коренную причину этого безумія и этой погибели: сначала представлялось этой причиной ложное экономическое устройство; теперь же я пришелъ къ убѣжденію, что основная причина всего — это ложное религіозное ученіе, передаваемое воспитаніемъ».

Смыслъ письма заключается въ томъ, что преподаваніе такъ-называемаго «Закона Божія» развращаетъ завѣдомой ложью впечатлительную дѣтскую душу. Главное въ сношеніяхъ съ дѣтьми — правдивость, искренность, въ ребенкѣ уже заложены потребности сознанія начала міра.

«У ребенка есть смутное представленіе о томъ, что̀ есть то начало всего, та причина его существованія, та сила, во власти которой онъ находится, и онъ имѣетъ то самое высокое, неопредѣленное и невыразимое словами, но сознаваемое всѣмъ существомъ представленіе объ этомъ началѣ, которое свойственно разумнымъ людямъ.

«И вдругъ вмѣсто этого ему говорятъ, что начало это есть не что иное, какъ какое-то личное, самодурное и страшно злое существо — еврейскій Богъ.

«Хорошо, если мы можемъ ясно разсказать ему, что мы знаемъ объ этомъ, но такъ какъ въ большинствѣ

случаевъ мы сами ничего не знаемъ объ этомъ, то лучше такъ и говорить дѣтямъ, что это намъ неизвѣстно.

«Всякій искренній человѣкъ, — говоритъ Л. Н—чъ, — знаетъ то хорошее, во имя чего онъ живетъ. Пускай онъ скажетъ это ребенку, или жизнь покажетъ это ему, и онъ сдѣлаетъ добро и навѣрное не повредитъ ребенку.

«Если бы мнѣ нужно было сейчасъ передать ребенку сущность религіознаго ученія, которое я считаю истиной, я бы сказалъ ему, что мы пришли въ этотъ міръ и живемъ въ немъ не по своей волѣ, а по волѣ Того, что мы называемъ Богомъ и что поэтому намъ будетъ хорошо только тогда, когда мы будемъ исполнять эту волю.

«Воля же эта состоитъ въ томъ, чтобы всѣ мы были истинно счастливы. Для того же, чтобы мы были всѣ истинно счастливы, есть только одно средство: надо, чтобы каждый поступалъ съ другими такъ, какъ онъ желалъ бы, чтобы поступали съ нимъ.

«На вопросы же о томъ, какъ произошелъ міръ? что ожидаетъ насъ послѣ смерти? — я отвѣчалъ бы: на первый: признаніемъ своего невѣдѣнія и неправильности такого вопроса (во всемъ буддійскомъ мірѣ не существуетъ этого вопроса); на второй же, отвѣчалъ бы предположеніемъ о томъ, что воля призвавшаго насъ въ эту жизнь для нашего блага, ведетъ насъ куда-то черезъ смерть, вѣроятно для той же цѣли».

Особенной рѣзкостью въ обличеніи какъ церковной лжи, такъ и связаннаго съ нею церковнаго насилія, отличается такъ-называемое «письмо къ фельдфебелю», написанное въ томъ же году. Въ немъ Л. Н—чъ подтверждаетъ зародившееся въ умѣ солдата сомнѣніе въ истинности преподаваемаго имъ ученія въ виду его полнаго несогласія съ практикой жизни, разоблачаетъ обманъ, мѣшающій приложенію этого ученія къ жизни и снова из-

лагаетъ сущность новаго ученія въ формѣ подобной той, въ которой онъ излагалъ его въ письмѣ къ студенту Д.

Но болѣе всѣхъ другихъ работъ въ этомъ году Л. Н—чъ былъ поглощенъ обработкой романа «Воскресеніе».

Какъ извѣстно, сюжетъ для этого романа былъ данъ Л. Н—чу его другомъ Анатоліемъ Федоровичемъ Кони, который заимствовалъ его изъ своей судебной практики. И когда Л. Н—чъ услыхалъ этотъ разсказъ, переданный ему Анатоліемъ Федоровичемъ со свойственнымъ ему талантомъ разсказчика, Л. Н—чъ сталъ упрашивать его непремѣнно записать этотъ разсказъ и отдать его для изданія «Посредника». Но сюжетъ не только понравился Л. Н—чу своимъ сложнымъ и интереснымъ морально-психологическимъ моментомъ, онъ задѣлъ художественную струпку въ самомъ Л. Н—чѣ и тотъ не переставая думалъ о немъ и наконецъ рѣшился просить Анат. Фед. уступить ему эту тему, такъ какъ ему самому хочется ее обработать. И конечно получилъ его полное согласіе. Главная тема романа, представляющая фактъ дѣйствительной жизни, заключается въ томъ, что присяжный засѣдатель узнаетъ въ подсудимой соблазненную имъ дѣвушку. Раскаяніе въ совершенномъ поступкѣ производитъ въ немъ душевный переворотъ и онъ рѣшается на бракъ съ арестанткой.

Л. Н—чъ перенесъ этотъ сюжетъ въ область ему знакомой съ одной стороны барской аристократической жизни, съ другой стороны столь же знакомой ему народной жизни и наконецъ въ первый разъ въ своемъ произведеніи изобразилъ вновь народившійся классъ протестующей революціонной интеллигенціи.

Кромѣ этой завязки романа, взятой изъ дѣйстви-

тельной жизни, въ немъ есть и автобіографическія черты изъ жизни самого Л. Н—ча, а также нашли свое отраженіе нѣкоторыя событія изъ современной жизни и изображены характеры современныхъ какъ государственныхъ, такъ и общественныхъ дѣятелей.

Чтобы отмѣтить автобіографическую часть романа, я долженъ разсказать объ одной встрѣчѣ моей со Л. Н—чемъ и тѣмъ исполнить завѣщенное имъ мнѣ дѣло. Въ августѣ 1910 года, т.-е. за три мѣсяца до его смерти, я посѣтилъ Л. Н—ча въ Ясной Полянѣ. Чувство благоговѣнія, съ которымъ я относился къ нему, часто мѣшало мнѣ безпокоить его разспросами о его жизни съ біографической цѣлью. Чуткая душа его угадывала мои чувства и онъ часто самъ начиналъ разсказъ, прибавляя: «вотъ это вамъ будетъ полезно для вашей работы». Я жадно слушалъ и проглатывалъ его слова, но къ сожалѣнію мало записывалъ и потому въ памяти моей осталось только самое главное.

И вотъ въ этотъ пріѣздъ я разъ увидалъ его гуляющимъ утромъ до завтрака, въ своихъ старинныхъ любимыхъ липовыхъ аллеяхъ. Онъ часто по утрамъ тамъ молился и я называлъ эти огромные липовые своды съ проглядывающей сквозь яркую листву лазурью неба храмомъ Л. Н—ча.

Замѣтивъ меня, онъ подозвалъ и мы пошли рядомъ. Обмѣнявшись со мной нѣсколькими привѣтственными словами, онъ сталъ меня разспрашивать о моей работѣ и потомъ серьезнымъ, спокойнымъ, проникающимъ душу голосомъ сказалъ:

«Вотъ вы пишете про меня все хорошее. Это невѣрно и неполно. Надо писать и дурное. Въ молодости я велъ очень дурную жизнь и два событія этой жизни особенно и до сихъ поръ мучаютъ меня. И я вамъ, какъ біографу, говорю это и прошу васъ это написать въ моей біографіи. Эти событія были: связь съ крестьянской женщиной изъ нашей деревни, до моей же-

нитьбы. На это есть намекъ въ моемъ разсказѣ «Дьяволъ». Второе — это преступленіе, которое я совершилъ съ горничной Машей, жившей въ домѣ моей тетки. Она была невинна, я ее соблазнилъ, ее прогнали и она погибла».

Слушая съ трепетомъ сердца это покаяніе, я не могъ конечно дальнѣйшими разспросами растравлять душевную рану этого покаянія. Мы шли нѣсколько времени молча и потомъ встрѣча кого-то изъ семейныхъ прекратила нашу бесѣду.

Сопоставляя этотъ короткій разсказъ съ тѣмъ, что описано въ «Воскресеніи», мы можемъ заключить, что отношенія Нехлюдова къ Катюшѣ и есть изображеніе этого событія. Этимъ можно объяснить и ту страстность, съ которой Л. Н—чъ относился къ этому сюжету и то увлеченіе, съ которымъ онъ торопился кончить и опубликовать прежде всего эту повѣсть изъ многихъ начатыхъ имъ. Да будетъ это покаяніе не въ осужденіе почившему, а въ очищеніе его свѣтлой памяти.

Важное мѣсто въ романѣ занимаетъ приложеніе къ земельному вопросу Генри Джорджа. Какъ извѣстно, Л. Н—чъ раздѣлялъ эти взгляды и ему хотѣлось воспользоваться привлекательной формой романа для распространенія этихъ взглядовъ. Въ первоначальномъ видѣ, этому вопросу въ романѣ было отведено еще больше мѣста. По этому первоначальному варіанту Нехлюдовъ вступалъ въ законный бракъ съ Катюшей и поселялся въ Сибири. Главнымъ занятіемъ Нехлюдова въ этой новой семейной жизни было составленіе докладной записки государю о важной предлагаемой имъ государственной реформѣ — націонализаціи земли и учрежденіи единаго налога по системѣ Генри Джорджа.

Теоретическая часть романа, основная идея, на которую нанизаны бытовыя явленія, заключается въ обличеніи государственнаго насилія и церковнаго обмана. И выставленіе въ противовѣсъ имъ положительной силы

жизни по своей совѣсти, руководимой разумомъ и любовью.

Обличеніе бюрократизма выражено изображеніемъ важнаго чиновника Топорова, въ которомъ легко узнать покойнаго Побѣдоносцева. И разговоръ его съ Нехлюдовымъ есть воспроизведеніе разговора дочери Л. Н—ча, Татьяны Львовны, съ Побѣдоносцевымъ, къ которому она обращалась по поводу отобранія дѣтей молоканъ, и который приведенъ нами въ подлинникѣ въ своемъ мѣстѣ. Какъ и изображено въ романѣ, Побѣдоносцевъ тотчасъ же распорядился, чтобы дѣти были возвращены.

Еще укажемъ на одинъ типъ, очень близко списанный съ натуры. Это крестьянинъ-раскольникъ, котораго Нехлюдовъ встрѣтилъ на паромѣ, въ Сибири. Это типъ сложный. Въ него вошли два живые типы раскольниковъ-старообрядцевъ весьма крайняго направленія.

Одинъ изъ нихъ ходилъ по центральной Россіи, бывалъ и въ Москвѣ, и многіе изъ нашего кружка знали его и бесѣдовали съ нимъ. Онъ часто высказывалъ оригинальныя и смѣлыя мысли. Онъ любилъ обличать правительство за допущеніе продажи табака и называлъ его «табачной державой», — этотъ человѣкъ такъ и былъ у насъ извѣстенъ подъ именемъ «табачной державы». Иногда его рѣчь казалась очень запутанной, оттого что онъ употреблялъ многія апокалиптическія выраженія.

Другой типъ, раскольникъ Андрей Вас. Власовъ, былъ въ перепискѣ со Л. Н—чемъ какъ разъ во время писанія имъ «Воскресенія» и Л. Н—чъ заимствовалъ изъ его писемъ много сильныхъ выраженій.

Многія описанія природы, помѣщичьяго быта, носятъ также автобіографическій характеръ.

Міръ арестантовъ уголовныхъ и революціонныхъ описанъ отчасти по личнымъ впечатлѣніямъ Л. Н—ча, часто посѣщавшаго тюрьмы, отчасти по документамъ, доставленнымъ Л. Н—чу его друзьями революціонерами.

Самъ Л. Н—чъ никогда не былъ въ Сибири, тѣмъ удивительнѣе сила его художественнаго творчества, воспроизведшая съ такою реальностью этапную, острожную и вообще сибирскую жизнь.

Герой повѣсти, кн. Нехлюдовъ — конечно все то же лицо, которое мы видѣли еще юношей въ «Юности», потомъ въ «Утрѣ помѣщика», въ «Люцернѣ», въ «Встрѣчѣ въ отрядѣ», это лицо, которое должно было играть главную роль въ задуманномъ, но не написанномъ Л. Н—чемъ «Романѣ русскаго помѣщика», отъ котораго остались только одни наброски.

Въ него вкладываетъ Л. Н—чъ свои лучшія мечты, заставляетъ его переживать собственныя страсти, свои пороки и увлеченія и въ немъ же открываетъ намъ свою душу, очищенную и полную высшихъ стремленій.

Какъ извѣстно, романъ кончается тѣмъ, что кн. Нехлюдовъ, переживая въ себѣ всѣ впечатлѣнія жизни, задумывается надъ вопросомъ: что дѣлать, чтобы бороться со всѣмъ этимъ торжествующимъ въ мірѣ и заливающимъ міръ зломъ? Отвѣтъ на это Нехлюдовъ находитъ въ Евангеліи, въ притчѣ «о немилосердномъ заимодавцѣ», особенно въ послѣднихъ словахъ этой притчи: «не надлежало ли и тебѣ помиловать товарища твоего, какъ я помиловалъ тебя?»

Безконечна вина наша передъ вѣчной правдой, а мы считаемся, мстимъ и наказываемъ, не прощаемъ людей за ихъ ничтожныя сравнительно вины, которыя они совершаютъ передъ нами.

То же подтвердили ему и слова Христа, обращенныя къ Петру о томъ, что прощать надо не до семи, а до седмижды семидесяти разъ, т.-е. всегда; и Л. Н—чъ такъ заключаетъ разсужденіе Нехлюдова:

«Такъ выяснилась ему теперь мысль о томъ, что единственное несомнѣнное средство спасенія отъ того ужаснаго зла, отъ котораго страдаютъ люди, состояло только въ томъ, чтобы люди признавали себя всегда

виноватыми передъ Богомъ и потому не способными ни наказывать ни исправлять другихъ людей».

Л. Н—чъ заключаетъ свой романъ словами о томъ, что Нехлюдову открылся новый путь жизни. «А чѣмъ кончится онъ, покажетъ будущее».

Творческій геній, создавшій это великое произведеніе, отошелъ въ вѣчность, не давъ намъ изображенія этого новаго періода жизни. Будемъ ждать, что люди, проникнутые выраженными въ романѣ идеями, дадутъ намъ въ дѣйствительной жизни то, что было намѣчено Л. Н—чемъ въ его художественномъ произведеніи.

Многіе читатели, пораженные и побѣжденные силой художественнаго прозрѣнія при чтеніи этого произведенія, были до нѣкоторой степени разочарованы концомъ романа: «такъ все хорошо, глубоко и вдругъ гексты и конецъ».

Когда до Л. Н—ча дошли эти разочарованія, онъ отвѣтилъ на нихъ: «если я позволилъ себѣ такъ много времени посвятить художественной работѣ, т.-е. недостойной моему возрасту игрѣ, то только для того, чтобы заставить людей прочесть забытыя ими мѣста Евангелія, которыми заключилъ романъ».

Мы уже говорили о личномъ элементѣ этого романа, который несомнѣнно игралъ роль въ увлеченіи, съ которымъ работалъ Л. Н—чъ надъ этимъ произведеніемъ. Съ другой стороны широкое поле для кисти художника изображеніе пресыщенныхъ и праздныхъ и хищныхъ съ одной стороны и смиренно страдающихъ и несущихъ въ себѣ сѣмена жизни съ другой стороны, при новомъ взглядѣ на жизнь — не могло не увлечь долго остававшагося безъ употребленія художественнаго инстинкта Л. Н—ча. Л. Н—чъ много разъ брался за это произведеніе и снова бросалъ его. Въ немъ боролись двѣ силы: художникъ и моралистъ. Онъ бралъ произведеніе искусства, чтобы высказать слова голой правды, звать людей къ спасенію, такъ какъ видѣлъ ихъ уже на краю

гибели, когда уже некогда услаждать ихъ красивыми образами.

Почему же Л. Н—чъ наконецъ кончилъ, обработалъ свое художественное произведеніе? Неужели эстетикъ снова побѣдилъ въ немъ моралиста? Нѣтъ, но на чашку вѣсовъ, на которой лежали его художественныя наклонности, была положена новая тяжесть, которая перетянула. Это была благая цѣль, спасеніе нѣсколькихъ тысячъ лучшихъ людей отъ болѣзней и смерти, возможность дать этимъ людямъ свободно работать въ лучшихъ условіяхъ. Эта высокая безкорыстная цѣль дала возможность Л. Н—чу отдаться своему художественному генію и тогда онъ призвалъ всѣ силы этого генія и показалъ людямъ правду жизни съ той силой, на которую только способно словесное искусство, просвѣтленное высшимъ религіознымъ сознаніемъ.

Подобно тому какъ мы поступали съ другими большими произведеніями Л. Н—ча, мы считаемъ своимъ долгомъ сдѣлать краткій обзоръ критической литературы «Воскресенія».

Критическая литература о «Воскресеніи» очень велика и будетъ вѣроятно еще расти съ теченіемъ времени, такъ какъ вопросы, затронутые въ этомъ произведеніи, принадлежатъ вѣчности. Въ этомъ нашемъ краткомъ очеркѣ мы дадимъ только нѣсколько типичныхъ образцовъ, указывающихъ на разныя стороны человѣческой жизни, затрогиваемыя этимъ романомъ, и дающихъ намъ общую картину того впечатлѣнія, которое произвело на читающую публику появленіе этого произведенія.

Вотъ какъ описываетъ это впечатлѣніе критикъ «Недѣли», Пл. Н. Красновъ:

«Не будетъ преувеличеніемъ сказать, что «Воскресеніе» было встрѣчено публикой съ наибольшимъ инте-

ресомъ, чѣмъ какое-либо иное произведеніе гр. Л. Н. Толстого. Немало этому содѣйствовала уже и вполнѣ прочно установившаяся репутація автора, какъ великаго художника и оригинальнаго мыслителя; но всего больше интересъ этотъ обусловленъ поистинѣ громадными достоинствами послѣдняго произведенія гр. Л. Н. Толстого и по размѣрамъ и по глубинѣ замысла, и по тонкости отдѣлки далеко превосходящаго всѣ произведенія, написанныя послѣ «Анны Карениной», а можетъ быть въ иныхъ отношеніяхъ даже и этотъ послѣдній романъ и самую «Войну и миръ»[1]).

Далѣе критикъ говоритъ о внѣшнихъ пріемахъ, которыми пользуется Л. Н—чъ въ изображеніи событій и лицъ:

«Воскресеніе» написано пріемами особеннаго наглядnаго реализма. Гр. Л. Н. Толстой старается описывать предметы и событія, употребляя самыя простыя слова, не прибѣгая къ общепринятымъ въ разговорѣ терминамъ, маскирующимъ и оправдывающимъ событія. Онъ не говоритъ, напримѣръ, что полы въ квартирѣ Нехлюдова натирались полотерами, а указываетъ, что они чистились мужиками; при описаніи церковныхъ или судейскихъ обрядовъ гр. Л. Н. Толстой не пользуется техническими выраженіями, но употребляетъ самыя простыя слова, описывающія жесты и дѣйствія этихъ лицъ. Такимъ пріемомъ, во-первыхъ, достигается большая внимательность читателя къ существу дѣла, невозможная при употребленіи общепринятыхъ терминовъ, которые встрѣчаются, какъ хорошо знакомые символы, о которыхъ нечего задумываться; во-вторыхъ, получается большая образность описанія, а въ-третьихъ, получается впечатлѣніе зрителя, разсматривающаго современный

---

[1]) «Книжки Недѣли.» 1900. Январь. «Новый романъ гр. Л. Н. Толстого». Пл. Н. Краснова. «Воскресеніе». Романъ въ 3-хъ частяхъ гр. Л. Н. Толстого. Стр. 200.

быть со стороны; мы смотримъ на нашу жизнь такъ, какъ смотрѣли бы на жизнь жителей другой планеты»[1]).

Далѣе въ своей статьѣ Пл. Н. Красновъ указываетъ между прочимъ на характерную особенность въ выборѣ героини романа:

«Что касается выбора героини, то намъ уже пришлось встрѣчать въ критикѣ упреки гр. Л. Н. Толстому за то, что онъ выбралъ героиню изъ самой низшей среды. Говорили, что лучшіе наши художники выводили героинями такихъ женщинъ, которымъ каждая изъ читательницъ могла бы подражать; того же ожидали и отъ героини гр. Л. Н. Толстого; но развѣ можно подражать Катюшѣ Масловой? Словомъ, на сцену былъ поднятъ вѣчный вопросъ о положительныхъ типахъ. Но натуралистическій романъ тѣмъ и отличается отъ идеалистическаго, что онъ изображаетъ не идеалы современнаго общества, а дѣйствительную жизнь, какова она есть. Если же гр. Л. Н. Толстой обратилъ вниманіе именно на это явленіе жизни, то объясненіе этому лежитъ въ извѣстномъ нравственномъ подъемѣ общества за послѣдніе годы именно въ области этихъ легкихъ отношеній къ женщинѣ. Самъ гр. Л. Н. Толстой другими словами, менѣе художественными и болѣе тенденціозными, даже нравоучительными произведеніями способствовалъ нравственному росту общества въ этомъ отношеніи. Но интересно и важно знать не только, какъ слѣдуетъ поступать молодымъ мужчинамъ въ отношеніи женщинъ, но и то, какъ дѣло обстоитъ въ дѣйствительности»[2]).

Н. К. Михайловскій подмѣчаетъ новую черту въ авторѣ «Воскресенія» — это его оппозиція къ той средѣ, въ которой живетъ онъ самъ и въ которой заставляетъ жить своего героя. Критикъ говоритъ:

---

[1]) Тамъ же, стр. 209.

[2]) Тамъ же, стр. 211—212.

«. . . въ «Воскресеніи» гр. Толстой воюетъ съ невидимымъ, но совершенно опредѣленнымъ врагомъ. Это не выжившій изъ ума генералъ Кригмутъ, не сибирскій конвойный офицеръ, вспоминающій какую-то венгерку съ персидскими глазами, не деревянный мужъ сестры Нехлюдова, не пошлая лгунья Mariette, не судья съ катарромъ желудка и не тотъ судья, который передъ засѣданіемъ гимнастикой занимается; вообще не какое-нибудь опредѣленное лицо. Умныя и глупыя, больныя и здоровыя, смѣшныя и скверныя, эти дѣйствующія лица разсказа сливаются для автора въ одинъ сѣрый фонъ, и каждое изъ нихъ въ отдѣльности не претерпѣваетъ какихъ-нибудь сильныхъ ударовъ отъ него: онъ спокойно записываетъ ихъ глупости, скверности и пошлости. Его врагъ — «всѣ», та страшная сила «всѣхъ» даннаго общества, которая глушитъ лучшія движенія души личности, подсовывая ей свои, готовыя рѣшенія вопросовъ жизни. . .»[1]).

Новую характеристику героя «Воскресенія» даетъ критикъ «Нивы» Р. И. Сементковскій; ему кажется, что Нехлюдовъ — это знакомый герой, уже много разъ изображенный русскими писателями въ лучшихъ своихъ произведеніяхъ, но типъ этотъ для Р. И. Сементковскаго скорѣе отрицательный. Онъ такъ характеризуетъ его:

«Какъ близокъ и какъ понятенъ намъ этотъ князь Нехлюдовъ! Онъ имѣетъ въ литературѣ своего знаменитаго предшественника, тоже громившаго съ высоты своего теоретическаго величія и своей пробудившейся совѣсти все окружающее. Назывался этотъ предшественникъ Чацкій, и его «горе» происходило отъ «ума». Отъ какого ума? Отъ ума, витающаго въ безвоздушномъ пространствѣ, отъ ума, которому нѣтъ преградъ, потому

---

[1]) Послѣднія сочиненія Н. К. Михайловскаго. Т. I. С.-Петерб. 1905. Стр. 279.

что въ безвоздушномъ пространствѣ, какъ выразился еще Шиллеръ, «идеи мирно уживаются, а въ дѣйствительности предметы рѣзко сталкиваются...» Правда, между Чацкимъ и княземъ Нехлюдовымъ существуетъ та разница, что первый ораторствуетъ, а второй только размышляетъ, но вѣдь и Чацкій произноситъ монологи, т.-е. ведетъ внутреннюю бесѣду съ самимъ собою. Они — одного поля ягоды, и мы можемъ присоединить къ нимъ многіе другіе, хорошо намъ извѣстные типы: Манилова, Рудина, Райскаго и т. д. Есть что-то родственное между этими нашими знакомыми, и никто ихъ не смѣшаетъ ни съ Костанджогло, ни съ Инсаровымъ, ни съ Соломинымъ. Эти послѣдніе не выступали въ роли неумолимыхъ судей существующаго, но зато дѣлали очень много, чтобы измѣнить существующее къ лучшему. А Чацкіе, Рудины, Нехлюдовы все осуждаютъ и ничего не дѣлаютъ».

Но значеніе романа, по мнѣнію критика, отъ этого не страдаетъ и въ концѣ статьи онъ говоритъ такъ:

«Громадное значеніе новаго романа гр. Л. Н. Толстого заключается въ томъ, что русское интеллигентное общество должно узнать себя въ Нехлюдовѣ, увидѣть въ немъ отраженіе собственнаго, далеко не казистаго «я». Всѣ мы такъ склонны разсуждать, обсуждать, строить самыя радикальныя теоріи и такъ мало способны осуществлять наши идеалы въ жизненномъ дѣлѣ. Мы — герои въ области смѣлыхъ фразъ, рѣзкаго осужденія, пожалуй, даже самобичеванія, но въ самой жизни мы отнюдь не герои. Создать образъ, въ которомъ общество видитъ себя, какъ въ зеркалѣ, въ которомъ отражается главный общественный недугъ, можетъ только великое дарованіе»[1]).

---

[1]) «Нива». Ежемѣс. литер. приложенія. № 12. Декабрь 1899. Что новаго въ литературѣ? Критич. очерки Сементковскаго. Стр. 878.

Иного мнѣнія объ этомъ произведеніи строгій критикъ «Русской Мысли», г-нъ Протопоповъ. Онъ признаетъ только одинъ внѣшній успѣхъ произведенія и говоритъ, что больше всего пользы принесъ романъ издателю Марксу. Впрочемъ онъ находитъ даже, что и романомъ «Воскресеніе» назвать нельзя. Къ счастію голосъ его звучитъ совершенно одиноко, если не считать нападковъ черносотенной прессы. Оригинальность его мнѣнія заслуживаетъ и того, чтобы привести изъ его статьи нѣкоторыя выдержки:

Вотъ что онъ говоритъ объ успѣхѣ «Воскресенія»:

«Внѣшній успѣхъ романа вполнѣ соотвѣтствуетъ всемірной репутаціи автора: романъ читался нарасхватъ, вышелъ въ безчисленныхъ изданіяхъ, переведенъ на всѣ языки и заставилъ о себѣ говорить едва ли не всѣ литературные органы и не всѣхъ литературныхъ критиковъ міра. Но успѣхъ другого рода, успѣхъ внутренній, тотъ, который опредѣляется силой произведеннаго впечатлѣнія и прочностью вліянія? Этого успѣха романъ Толстого не имѣлъ, никогда не возымѣетъ, и это не только естественно, въ порядкѣ вещей, но и вполнѣ разумно, и вполнѣ справедливо. Вотъ пунктъ, который необходимо разъяснить».

Разъяснивъ и удовлетворившись «разносомъ» «Воскресенія», критикъ дѣлаетъ себѣ такое возраженіе:

«Читатель замѣтилъ, конечно, что я ничего не говорю о психологической сторонѣ романа, сосредоточивъ все вниманіе на его общественныхъ тенденціяхъ. Кто же воскресъ въ «Воскресеніи»? Что за люди Нехлюдовъ и Катя Маслова и въ чемъ выразилось ихъ нравственное обновленіе, если подъ воскресшими именно ихъ подразумѣвать? Но дѣло въ томъ, что никакой психологіи въ романѣ нѣтъ, да нѣтъ и никакого вообще романа, а есть страстный соціально-моральный памфлетъ, направленный противъ нашихъ культурно-общественныхъ идеаловъ и стремленій. Нехлюдовъ и Маслова отнюдь не

характеры, не типы, — это не болѣе какъ маріонетки, изготовленныя авторомъ для произнесенія нужныхъ ему словъ, для совершенія нужныхъ ему поступковъ»[1]).

Съ г-номъ Протопоповымъ несогласны не только русскіе, но и европейскіе критики; такъ французскій критикъ Пелисье говоритъ о «Воскресеніи» такъ:

«Вмѣстѣ съ «Воскресеніемъ» Толстой возвращается къ искусству. «Воскресеніе» является настоящимъ романомъ, а не извѣстнаго рода трактатомъ».

И далѣе онъ разсуждаетъ такъ:

«Воскресеніе» есть прежде всего прекрасное произведеніе по правдивости сценъ и картинъ. Мы можемъ сравнивать Толстого съ нашими реалистами, только противополагая его имъ. Нерѣдко имъ сильно доставалось отъ него. Что ему не нравится въ нихъ, это прежде всего ихъ нравственное равнодушіе, даже у нѣкоторыхъ аффектированное презрѣніе къ людямъ. Ему не нравится также ихъ преимущественное стремленіе показать намъ наиболѣе худшее въ жизни и мірѣ. Но даже какъ художникъ онъ мало на нихъ похожъ. Послѣдніе насилуютъ природу, чтобы вложить ее въ рамки, заранѣе намѣченныя; они выпускаютъ въ цѣломъ все то, что не связано тѣснымъ образомъ съ предметомъ, въ каждой картинѣ все, что не содѣйствуетъ общему впечатлѣнію.

«Искусство Толстого болѣе широко, болѣе гибко, ближе къ дѣйствительности. Отъ этого извѣстные недостатки, къ которымъ я сейчасъ возвращусь, особенно растянутость, шокирующая наши латинскія привычки. Но надо сознаться, что это искусство, менѣе строгое и менѣе сосредоточенное, даетъ намъ лучшее ощущеніе самой жизни»[2]).

---

[1]) «Русская Мысль». Іюнь 1900. «Не отъ міра сего». «Воскресеніе». Ром. въ трехъ частях ъграфа Л. Н. Толстого. Изд. А. Ф. Маркса. С.-Петерб. М. А. Протопова. Стр. 139.

[2]) «Русская Мысль». Мартъ 1901. Французскій критикъ о «Воскресеніи» Л. Н. Толстого. Стр. 129.

Приведемъ еще одно характерное мѣсто изъ статьи французскаго критика:

«Сюжетъ романа сводится цѣликомъ къ двумъ главнымъ лицамъ. Какъ то, такъ и другое анализированы съ тонкою и глубокою правдивостью. Скажемъ лучше, авторъ не даетъ намъ анализа, онъ поступаетъ не такъ, какъ извѣстные романисты, называемые психологами, которые не умѣя придавать жизнь своимъ образамъ, замѣняютъ дѣйствіе тяжелыми комментаріями. Въ его книгѣ находится прекрасная глава «психологіи», гдѣ онъ показываетъ внутреннюю работу, совершающуюся во время кризиса у Нехлюдова. Эта глава слишкомъ длинна, чтобы передать ее всю цѣликомъ, слишкомъ прекрасна для сокращенія. Но вы увидите, читая ее, что даже тогда, когда дѣло идетъ, какъ тамъ, о вопросѣ совѣсти, психологія романиста не походитъ на анатомическую. Нѣтъ ничего болѣе патетическаго во всей книгѣ. Авторъ не выставляетъ себя вмѣсто лица; само лицо живетъ передъ нашими глазами: вмѣсто анализа у насъ истинная драма»[1]).

Приведемъ здѣсь также мнѣніе о «Воскресеніи» извѣстнаго французскаго историка и публициста, Анатоля Леруа-Болье. Онъ считалъ его рѣдчайшимъ литературнымъ событіемъ: «Воскресеніе» — это романъ, написанный на впередъ заданный, моральный тезисъ, и въ то же время возведенъ былъ авторомъ на степень величайшаго художественнаго произведенія, поражающаго читателя своей жизненностью и правдой»[2]).

Серьезную и проникновенную статью о «Воскресеніи» написалъ покойный А. Богдановичъ въ «Мірѣ Божьемъ». Мы позволяемъ себѣ сдѣлать изъ его статьи болѣе обширныя выписки:

---

[1]) Тамъ же, стр. 132.

[2]) Tolstoi, Conférence faite a Paris le 3 Juillet 1905 par Georges Fournaire. Paris. Édition de la revue «L'Essor».

«Прежде всего, — говоритъ критикъ, — невольное изумленіе охватываетъ читателя при видѣ этой неувядающей силы творчества, какую проявилъ великій писатель, семидесятилѣтіе котораго еще такъ недавно было отпраздновано литературой и въ Россіи и за границей. Несмотря на очевидную порчу, которой несомнѣнно подвергся романъ въ различныхъ мѣстахъ, и вся концепція его и отдѣльныя удивительной красоты мѣста вполнѣ напоминаютъ того Толстого, какимъ мы его знаемъ въ «Войнѣ и мирѣ» или «Аннѣ Карениной». Та же широта захвата жизни, легкость и естественная простота, съ какими геніальный авторъ переноситъ насъ изъ тюрьмы въ залу суда, изъ суда въ великосвѣтское общество, изъ деревни въ столицу, изъ пріемной министра въ камеру сибирскаго этапа. При этомъ не чувствуется ни малѣйшей дѣланности, какъ будто сама жизнь развертывается предъ нами во всемъ своемъ разнообразіи.

«И какъ развертывается! Вы испытываете одновременно и потрясеніе отъ видимаго ужаса и несправедливости человѣческихъ отношеній, и умиленіе и радость за неугасаемую жажду правды, которая все время чувствуется въ каждомъ моментѣ этихъ отношеній. Даже въ сценахъ самаго дикаго разгула насилія и неправды слышится неумолчный голосъ недремлющей совѣсти, къ которому чутко прислушивается авторъ и съ потрясающей силой передаетъ читателю. Благодаря этому чувству умиленія при видѣ торжества совѣсти надъ видимымъ господствомъ лжи, дикости, произвола, тягостныхъ и ненужныхъ жестокостей, чѣмъ такъ опутана жизнь человѣчества, — выносишь ощущеніе бодрящей свѣжести и радостнаго настроенія. Это общее впечатлѣніе можно бы сравнить съ тѣмъ, какое производятъ старинныя легенды о мученичествѣ праведниковъ. Какъ въ этихъ легендахъ, такъ и здѣсь вся эта власть грубой силы и лжи кажется чѣмъ-то не настоящимъ, безъ кор-

ней, чѣмъ-то такимъ, что не прочно, не имѣетъ внутренняго развитія, а лишь временно и преходяще, что отпадаетъ, какъ шелуха, когда наступитъ «полнота временъ»[1]).

Анализируя различные моменты романа, критикъ приходитъ къ такому заключенію:

«Исторія Катюши — это исторія тысячи-тысячъ Катюшъ, гибнущихъ на зарѣ жизни и не воскресающихъ никогда. Исторія Нехлюдова — тоже обычная исторія постепеннаго паденія огромной массы когда-то хорошихъ и чистыхъ юношей, превращающихся въ сытыхъ самодовольныхъ животныхъ, въ безуміи эгоизма не замѣчающихъ этого паденія. А вся обстановка, при которой разыгрывается драма этихъ двухъ людей, жизнь въ тюрьмѣ, судъ, этапъ, высшая бюрократія — развѣ это не сама дѣйствительность, та «настоящая жизнь», къ которой мы такъ привыкли, что уже и не замѣчаемъ всѣхъ ея ужасовъ? И нуженъ такой огромный талантъ, какъ Толстого, чтобы заставить насъ очнуться и задуматься надъ нею.

«Этого результата Толстой несомнѣнно достигъ. Ни одно крупное художественное произведеніе не было такъ распространено, какъ «Воскресеніе», такъ читаемо и обсуждаемо. Оно проникло въ самые далекіе уголки, куда рѣдко проникаетъ книга, и тамъ возбудило еще большее вниманіе, чѣмъ на поверхности жизни. Огромное значеніе этого факта скажется въ той или иной формѣ въ свое время. Теперь же можно сказать, что результатъ будетъ самый благотворный, ибо и мысли и чувства, возбуждаемыя романомъ, очищаютъ душу и воскресятъ не одного Нехлюдова, спасутъ не одну Катюшу»[2]).

---

[1]) «Міръ Божій». Февраль 1900. «Критическія замѣтки» А. Б. Стр. 1—3.

[2]) Тамъ же.

Закончимъ наше краткое обозрѣніе выдержками изъ статьи извѣстнаго критика и публициста Андреевича (Соловьева).

Вотъ какое мнѣніе высказываетъ онъ о новомъ произведеніи Л. Н—ча:

«Воскресеніе» Толстого лучше всего доказываетъ, какъ неутомимо работаетъ его критическая мысль, какъ старается онъ вскрыть язвы нашей жизни, похоронить мертвецовъ и еще разъ напомнить людямъ, что «суббота для человѣка, а не человѣкъ для субботы», что «веселы растенія, птицы и насѣкомыя и дѣти, но люди — большіе, взрослые люди — не перестаютъ обманывать и мучить другъ друга», что они считаютъ, что важно не это весеннее утро, не эта красота міра Божія, данная для блага всѣхъ существъ, красота, располагающая къ миру, согласію и любви, а священно и важно то, что мы сами выдумали, чтобы властвовать надъ людьми . . .

«Толстой въ своемъ романѣ перечисляетъ всѣ тѣ субботы, въ жертву которымъ люди приносятъ живущее въ ихъ душѣ Царство Божіе. Это субботы условностей, обычаевъ и приличій, жестокости и власти надъ другими, субботы формализма, рутины и правилъ, желанія стать выше другихъ и показать свое превосходство надъ ними. Въ этомъ смыслѣ воистину геніальнаго романа . . .»

И далѣе тотъ же критикъ говоритъ такъ:

«Воскресеніе» Толстого — самое благородное произведеніе, которое мнѣ приходилось читать. Цѣлыя поколѣнія будутъ и должны черпать изъ него силу для борьбы съ своимъ самообманомъ и самодовольствомъ».

Наконецъ почтенный критикъ обращаетъ вниманіе и на языкъ произведенія. Онъ приводитъ мнѣніе о языкѣ извѣстнаго англійскаго цѣнителя искусства Джона Рескина; сущность его мнѣнія заключается въ томъ, что въ языкѣ выражается характеръ души говорящаго. «Се-

кретъ рѣчи, — говоритъ Рескинъ, — есть секретъ сочувствія и полное очарованіе ея доступно только благородному. Такимъ образомъ правила прекрасной рѣчи сводятся всѣ къ присутствію въ рѣчи искренности и доброты».

Приводя это мнѣніе англійскаго критика г-нъ Андреевичъ переходитъ къ оцѣнкѣ языка Толстого и говоритъ:

«Присутствіе искренности и доброты» на самомъ дѣлѣ чувствуется въ каждой фразѣ Толстого. Есть мука за людей, есть жалость къ ихъ незаслуженнымъ страданіямъ, есть глубокая ненависть къ жестокости сильныхъ и чудное, бьющее на смерть презрѣніе къ ихъ самодовольству.

«Мнѣ нравится и важный, нѣсколько повышенный тонъ рѣчи, за которымъ вы видите огромную работу мысли и чувства. «Писаніе» въ этомъ случаѣ имѣетъ ясную и опредѣленную цѣль, которая дорога Толстому. Это не игра ума, не феерія творчества, — это страстное стремленіе проникнуть въ тѣ глухіе и глубокіе тайники жизни, гдѣ таится корень всѣхъ золъ, это могучій призывъ къ возрожденію, къ простой и близкой къ природѣ жизни, «красота которой располагаетъ къ миру, согласію и любви».

И критикъ заканчиваетъ свою статью фразой, которая обобщаетъ все, сказанное выше:

«Это воистину великое произведеніе»[1]).

Англійскій переводчикъ «Воскресенія», А. Моодъ, бывшій въ непрерывныхъ сношеніяхъ со Л. Н—чемъ по поводу этого перевода, даетъ интересныя свѣдѣнія о перепетіяхъ изданія «Воскресенія», въ своей статьѣ подъ названіемъ «Какъ Толстой писалъ «Воскресеніе».

Между прочимъ онъ говоритъ такъ:

---

[1]) «Жизнь.» Февраль 1900. Т. II. «Очерки текущей русской литературы» Андреевича. Стр. 354 и слѣд.

«Произведеніе было продано Марксу, издателю петербургской иллюстрированной еженедѣльной газеты, при чемъ согласно условію издатель платилъ деньги впередъ. Но здѣсь автору пришлось столкнуться съ новыми препятствіями. Онъ въ теченіе двадцати лѣтъ отказывался работать за плату и заявилъ, что онъ отказывается впредь отъ авторскихъ правъ — все, что печатаетъ, можетъ быть свободно перепечатываемо всякимъ. Кромѣ того, онъ избѣгалъ срочной работы, т.-е. доставленія извѣстной части и вполнѣ исправленнаго манускрипта къ опредѣленной датѣ. И вотъ теперь все, что ему было противно, обрушилось на него. Дѣло осложнялось еще тѣмъ, что Марксъ, платя деньги, какъ всякій издатель, желалъ точно опредѣлить свои права. Онъ давалъ 30.000 рублей, если единственно ему будутъ предоставлены хотя бы въ теченіе только нѣсколькихъ недѣль по окончаніи печатанія въ «Нивѣ» права продажи романа, и лишь 12.000 руб. за право печатанія въ «Нивѣ». Толстой, послѣ короткаго колебанія, согласился взять меньшую сумму. Но тутъ опять начались непріятности. Другіе издатели стали перепечатывать романъ по мѣрѣ его появленія въ «Нивѣ». Марксъ протестовалъ, говоря, что онъ надѣялся, что будетъ огражденъ отъ перепечатокъ до окончанія романа. Толстому пришлось напечатать открытое письмо, въ которомъ онъ обращался къ добрымъ чувствамъ издателей, прося ихъ впредь до окончанія романа воздержаться отъ перепечатокъ. Эта сторона уладилась, но выплыли новыя осложненія.

«Прежде всего, конечно, начались придирки со стороны петербургской цензуры. Все, что «подкапывало авторитетъ церкви и государства» и вообще все, казавшееся опаснымъ цензору, исключалось. Понятно, что III-ья часть, въ которой описывается обращеніе съ арестантами на пути въ Сибирь и въ самой Сибири, пострадала наиболѣе. Но вообще, на протяженіи всей книги

цѣлыя главы, страницы и отдѣльныя фразы попали подъ красный карандашъ цензора.

«Въ первой части изъ главъ XXXIX и XL остались лишь слова: «Церковная служба началась»; равнымъ образомъ вся глава XIII, описывающая вліяніе военной службы, исчезла. 2-ая часть главы XXVIII, въ которой описывается посѣщеніе Топорова, оберъ-прокурора святѣйшаго синода, также была сокращена. Можно сказать, что если бы подобная книга принадлежала другому автору, а не Толстому, такое жизненно вѣрное изображеніе архигонителя Побѣдоносцева вызвало бы запрещеніе всей книги и арестъ автора. Среди другихъ главъ особенно пострадала во 2-ой части глава XIX, описывающая коменданта Петропавловской крѣпости, глава XXX, описывающая классификацію преступниковъ, и глава XXXVIII, описывающая отбытіе арестантскаго поѣзда изъ Москвы.

«Иностранные переводы тоже оказались не полны:

«Такъ напримѣръ, французскій переводчикъ Вызева (Wysewa), превосходно владѣющій французскимъ языкомъ, не довольствуясь полированіемъ простого и прямого стиля Толстого и обращенія его въ чрезвычайно плавную книжную рѣчь, выбросилъ, изъ боязни оскорбить католиковъ, описаніе церковной службы и нападки на армію, изъ боязни возбудить неудовольствіе антидрейфусаровъ.

«Но помимо русской цензуры и иностранныхъ переводчиковъ, надо было еще считаться съ редакторами и издателями.

«Echo de Paris», въ которомъ появлялось «Воскресеніе», начало получать массу писемъ отъ читателей, которые жаловались, что Нехлюдовъ по ихъ мнѣнію «недостаточно занимается Катюшей». Вообще, по ихъ мнѣнію, въ романѣ недостаточно любовнаго элемента. Редакторъ, зная, что его дѣло угождать требованіямъ и вкусамъ публики, пропустилъ нѣсколько главъ и пере-

шелъ прямо къ сценѣ, гдѣ Нехлюдовъ опять «занимается Катюшей», хотя, можетъ быть, нежелательнымъ для читателей газеты образомъ.

«Какъ извѣстно, въ Америкѣ «Воскресеніе» также потерпѣло не мало въ рукахъ лицемѣрныхъ редакторовъ. Романъ былъ изуродованъ исключеніемъ мѣстъ, говорящихъ противъ милитаризма и земельной собственности. Вся глава XVII, изображающая паденіе Катюши, была исключена и т. д.

«Въ нѣмецкомъ изданіи (переводъ Hauff'a) также было исключено все «оскорбительное» для церкви и арміи.

«Характерно, что не обошлось безъ комическихъ эпизодовъ и въ Англіи, гдѣ также оказались добродѣтельные господа, нашедшіе книгу Толстого «безнравственной». Одинъ почтенный квакеръ, прочтя сцену паденія Катюши, поспѣшилъ сжечь книгу...

«Когда, наконецъ, было рѣшено печатать «Воскресеніе», Толстой энергично взялся за окончательную обработку романа. Эта «обработка» заключалась въ совершенной передѣлкѣ всей книги, нѣкоторыя части романа были нѣсколько разъ передѣланы заново. Толстой настолько расширилъ свое произведеніе, что Марксъ добровольно прибавилъ еще 10.000 руб. гонорара.

«Толстой никогда не оставался доволенъ написаннымъ. Всякая корректура возвращалась съ новыми и новыми измѣненіями, такъ что переводчики не могли получить своевременно окончательной версіи нѣкоторыхъ главъ, пока онѣ не появились въ «Нивѣ». Это увеличивало опасность появленія неавторизованныхъ переводовъ, которые не принесли бы денежной выгоды дѣлу, побудившему Толстого разрѣшить появленіе книги въ печати.

«Толстой былъ весьма требователенъ по отношенію къ самому себѣ и такъ щедръ въ «исправленіяхъ», что нѣсколько разъ, по полученіи уже «оконча-

тельной» версіи нѣкоторыхъ главъ, которыя были уже переведены и даже набраны, приходили новыя и новыя версіи, такъ что переводчикамъ и наборщикамъ приходилось начинать работу наново.

«Много хлопотъ и огорченій принесли Л. Н—чу и отношенія съ издателями русскими и иностранными, претензіи которыхъ, часто противорѣчившія другъ другу, было очень трудно удовлетворить.

«Въ Германіи романъ пользовался громаднымъ успѣхомъ и выдержалъ около дюжины изданій. Во Франціи и въ Германіи вышло новое полное изданіе. Полный русскій текстъ романа былъ опубликованъ въ Германіи и Англіи»[1]).

Вскорѣ появились и драматическія передѣлки «Воскресенія» на русскомъ и французскомъ языкахъ, съ успѣхомъ шедшія на сценѣ.

Вообще этотъ романъ сталъ однимъ изъ наиболѣе популярныхъ произведеній Л. Н—ча. Этому способствовало во-первыхъ то, что онъ появился во время расцвѣта славы Л. Н—ча, не говоря уже о захватывающемъ интересѣ содержанія. Кромѣ того, отказъ отъ литературной собственности далъ возможность напечатать его всевозможнымъ фирмамъ и вскорѣ по окончаніи печатанія его въ «Нивѣ», въ Россіи романъ вышелъ въ 40 различныхъ изданіяхъ и конечно количество распространенія его надо считать милліонами.

Не обошлось и безъ пасквилей. Нашелся человѣкъ, позавидовавшій славѣ Толстого и издавшій небольшую брошюру подъ названіемъ «Понедѣльникъ», романъ графа Худого»; это оказалось самой жалкой, нелѣпой и малоинтересной пародіей на произведеніе Л. Н—ча, возбуждавшей вопросъ: зачѣмъ, кому понадобилась эта непроизводительная работа?

---

[1]) «Былое». Сентябрь 1908 г. Статья Батурина. А. Моодъ о Л. Н. Толстомъ.

Но критическая работа, заключенная въ романѣ, не прошла даромъ. Она крайне раздражила представителей официальной религіи и какъ извѣстно привела къ отлученію Л. Н—ча отъ государственной церкви. Послѣдствія этого событія были огромны. Можно сказать, что съ него начинается новая эпоха въ жизни Л. Н—ча, мы надѣемся посвятить описанію ея четвертый и послѣдній томъ біографіи.

П. Бирюковъ

28 октября 1915 года.

Приложеніе

Списокъ использованныхъ матеріаловъ

Кромѣ упомянутыхъ источниковъ въ 1-мъ и во 2-мъ томѣ, мнѣ пришлось использовать для 3-го тома слѣдующіе матеріалы:

I разрядъ

1. Дневники Л. Н-ча съ 1888 по 1894 годъ.
2. Переписка Л. Н-ча съ В. Г. Чертковымъ (рукописный арх. Черткова).
3. Переписка Л. Н-ча съ П. И. Бирюковымъ (рукописный арх. П. И. Бирюкова).
4. Переписка Л. Н-ча Толстого съ Татьяной Л. Сухотиной (рукописный ахр. Т. Л. С-ной).
5. Переписка гр. С. А-ны Толстой съ Т. А. Кузминской (рукописный арх. Т. А. К-ой).
6. Переписка Л. Н-ча съ кн. Дм. Ал. Хилковымъ (рукописный арх. П. И. Б-ва).
7. Рукописный сборникъ писемъ за много лѣтъ (ахр. кн. М. Л. Оболенской).
8. Письма Л. Н-ча Толстого къ женѣ. Москва 1913 г.
9. Толстовскій музей. Т. I. Переписка Л. Н-ча съ Алекс. Андреевной Толстой. С.-Петерб. 1911 г.
10. Толстовскій музей. Т. II. Переписка Л. Н-ча съ Н. Н. Страховымъ. С.-Петерб. 1914 г.
11. Толстовскій Ежегодникъ. Годъ первый. (Изд. Толст. музея въ Петербургѣ.)
12. Толстовскій Ежегодникъ. Москва 1912 г. (Изд. Толст. общества въ Москвѣ и Петербургѣ.)
13. Толстовскій Ежегодникъ. С.-Петерб. 1913 г. (Изд. Толст. общ. въ Петербургѣ и Москвѣ.)
14. Записки гр. Софьи Андреевны Толстой (рукописный арх. С. А-ны).
15. Три тома писемъ Л. Н-ча, изд. П. А. Сергѣенкой.
16. Сборникъ писемъ, помѣщенный въ послѣднихъ томахъ полнаго собранія сочиненій Л. Н-ча Т., изд. Т-ва И. Д. Сытина, Москва 1913 г.

II разрядъ

17. Личныя воспоминанія и дневники (рукописный арх. П. И. Б-ва).
18. Величкина, В. М., У Л. Н-ча Толстого въ голодный 1892 годъ. Воспоминанія. «Современный Міръ» кн. V и VI, 1912 г.
19. Давыдовъ, Н. В. Изъ прошлаго. М. 1913 г.
20. Кони, А. Ф. На жизненномъ пути. Т. II. М. 1913 г.
21. Лазурскій, В. Воспоминанія о Л. Н. Толстомъ. М. 1911 г.
22. Левъ Толстой и голодъ. Изд. Г. И. Сергѣева и В. Е. Чешихина. Нижній Новг. 1912.
24. Международный Толстовскій Альманахъ. Сост. П. А. Сергѣенко. Моск. 1908.
24. Наживинъ, И. Ф. Воспоминанія о Л. Н. Толстомъ. Собр. соч. т. V. Моск. 1912.
25. Письма духоборческаго руководителя П. В. Веригина Изд. Своб. Сл. N 47. Christchurch.
26. «Русскія Вѣдомости» (1863—1913.) Сборникъ статей. М. 1913.
27. Семеновъ, С. Т. Воспоминанія о Л. Н-чѣ Толстомъ. С.-Петерб. 1913.
28. Staddling, Jonas, In the land of Tolstoi. London. James Clark & Co. 1897.
29. Stead, W. T., Truth about Russia. Cassel & Co. London 1888.
30. Тенеромо, И., Живыя рѣчи Л. Н. Толстого. (1885—1908.) Одесса 1908.
31. Толстой, И. Л., Изъ воспоминаній объ отцѣ. М. 1914.
32. Толстой, Л. Н., Біографія, характеристики, воспоминанія. Сборникъ Т-ва Знанія. М. 1910.
33. Толстой, Л. Н., и медицина.

III разрядъ

34. Rolland, Romain, La vie de Tolstoi. Paris.
35. A la mémoire de Léon Tolstoi. Séance solennelle. Genève 1911.
36. Kuhne, Walter, Tolstoys Entwicklung, Wandlung und Denkweise.
37. Luxembourg, Rosa, Tolstois Nachlass. «Die Neue Zeit» No. 29. Stuttgart 1913.
38. Tolstoi, «Les grands hommes». Edition Pierre Lafitte & Co. Paris 1913.
39. Tournaire, Georges, Tolstoi. Conférence faite à Paris. Edition de la revue Essor. Paris 1915.
40. Рядъ журнальныхъ біографическихъ и критическихъ статей и газетныхъ вырѣзокъ.
41. Starkoff, Véra, Le vrai Tolstoi. Paris 1911.

42. Семеновъ, Леонидъ, Л. Н. Толстой и М. Ю. Лермонтовъ.
43. Сергѣенко, А. П., Хронологическій списокъ сочиненій Л. Н. Толстого (рукописный арх. Черткова).
44. Толстовскій музей въ С.-Петербургѣ. Описаніе музея. Составилъ В. И. Срезневскій и В. Н. Тукалевскій. С.-Петерб. 1912 г.
45. Указатель журнальныхъ статей, вып. II, сост. Ульяновъ. С.-Петерб. 1913.
46. Архивъ Толстовскаго музея въ Москвѣ.
47. Архивъ Толстовскаго музея въ Петроградѣ.
48. Архивъ В. Г. Черткова въ Tuckton House. Tuckton, Bournemouth. England.

Указатель

Абердеръ, лордъ 229.
А—въ, В. И. 132.
Агаѳья Михайловна 447, 449—451, 455.
Александровъ 92.
Александръ — 210.
Александръ III. 188, 212, 236, 255, 319, 367—369, 374, 396.
Алехинъ 121, 123, 125, 129, 135, 147, 276.
Алехинъ, Митрофанъ 147,276, 320, 321.
Альбертсонъ, Ральфъ 528.
Амвросій, старецъ 145, 146.
Амьель, Г.-Фр. 303, 352.
Андреевичъ (Е. Соловьевъ) 579, 580.
Андреевъ-Бурлакъ, Вас.Ник. 104, 105.
Андросонъ 528.
Анненкова, Л. Ф. 115, 387.
Анненковъ, генералъ 284.
Аракчеевъ, А. А., гр. 59.
Аристофанъ 478.
Ауэрбахъ, Бертольдъ 302.

Балу 110, 111, 176, 307, 444.
Бахъ, Іог.-Себ. 465.
Барановъ 316.
Барыкова 323.
Берсъ, Марья Петровна 297, 298, 299.
Берсъ, Степ. Андр. 450.
Бетховенъ, Людвигъ 465, 522.
Бимишъ, шведка 112.
Бичеръ-Стоу, Гарріетъ 210.
Блэкъ, Альбертъ 74.
Бобринская 332.
Богдановичъ, А. 576.
Богоявленскій 219, 239.
Бодянскій 320, 321.
Болотинъ 498.
Бондаревъ, Т. М. 54, 126, 198.
Боткинъ, Вас. Петр. 66.
Броневскій 58, 74.
Брюмеръ, m-me 491.
Буало, Н. 39.
Будда 93, 180.
Буланже 496.
Булгаковъ 210.
Булыгинъ 74,125,133,390,391.
Бунге 93.
Буткевичъ, А. 147.
Бьернсонъ, Б. 491.
Бюрнуфъ, Евг. 180.

Вагнеръ, Н. П. 117.
Вагнеръ, Рихардъ 338.
Валентинъ, свящ. 444.
Вандервееръ 518.
Василій 183.
Веберъ 15.
Величкина, Вѣра Мих. 272, 280.

Верещагинъ 150.
Верещагинъ, Вас. Гавр. 400, 401.
Веригинъ, Вас. Вас. 400.
Веригинъ, Петръ Вас. 401, 428, 430, 440, 441.
Вестминстеръ, герцогъ 229.
Владиміровъ 238, 239.
Владиміръ Александровичъ, вел. кн. 373.
Власовъ, Анд. Вас. 566.
Вольтеръ, М.-А. 268.
Воробьевъ 141.
Воронцовъ-Дашковъ, гр. 368, 369.
Вызева (Wysewa) 582.
Вѣтрова, Марья Өед. 493,494, 547.

Гайдебуровъ 115, 187.
Гангудъ (Miss Hapgood) 54.
Гаррисонъ 56, 57, 111, 176, 307, 444.
Гаршинъ, Вс. 57.
Гастевъ, П. Н.,242, 245. 276, 492.
Гауффъ, Л. А. 583.
Ге, Анна Петр. 186.
Ге, Ник. Ник. 64, 65, 73, 75, 88, 96, 98, 100, 123, 125, 147, 148, 150, 151, 154, 174, 187, 230, 365, 372, 370, 372, 385, 387, 397.
Ге, Ник. Ник. (сынъ) 58, 62, 201, 323, 386, 387.
Ге, Петръ Ник. 386.
Гегель, Г.-В.-Ф. 15.
Герценъ, А. И. 52, 53.
Гете, В. 465.
Гижицкій, П. 337.
Гинцбургъ, И. Я. 195, 510, 516.
Гитъ (Heath) 496, 503.
Глѣбовъ 284.
Гоголь, Н. В. 40, 41, 54.
Голохвастикъ 451.
Гольденвейзеръ 451.
Гольцевъ, В. А. 184.
Горбуновъ-Посадовъ, И. И. 38, 39, 351, 385, 395.
Гоуэллсъ (Houells) 554.
Григоровичъ, Д. М. 107, 341, 342.
Гротъ, Н. Я. 12, 14, 16, 32, 33, 85, 157, 174, 196, 221, 246, 248, 259, 351, 388, 520.

Давыдовъ, Н. В. 117.
Данилевскій 375.
Декартъ, Р. 351.
Дервизъ, фонъ 100.
Джорджъ, Генри 180, 384, 520, 565.
Диллонъ 249, 254, 259—262.
Дитерихсъ, А. К. см. Черткова.
Дитерихсы 531.
Долгорукова, Лидія 332.
Домела 518.
Дорэ 150.
Достоевскій Ѳ. М. 27, 56.
Дрожжинъ, Евд. Ник. 366, 370, 390, 397, 441, 442.
Дудченко 321.
Дунаевъ, А. Н. 61, 62, 147, 535, 547.
Дурново, И. Н. 187.
Дьяковъ, Дм. Ал-ѣев. 226.
Дюма, А. 330, 332, 520.

Егоровъ 528.
Емельянъ 110, 144.

Желтовъ 93.
Желябовъ, А. И. 354, 356, 357.
Жиркевичъ 528.
Жюльенъ 180.

Залѣсскій 91.
Залюбовскій 58.
Здзѣховскій, М. Э. 433—435.
Зиновьевъ, Н. А. 137.
Златовратскій, Н. Н. 92.
Знаменгофъ 380.
Золотаревъ, Вас. 124, 147.
Золя, Эмиль 330, 332.
Зосима 144.

Ибсенъ, Генрикъ 492.
Ивановъ 38, 150.
Ивенсъ 343.
Ивинъ 480.
Ильинъ 151.

Іенкенъ 532.
Іоаннъ Кронштадтскій 178, 179, 197, 228, 240, 346.
Іокай 451, 453.

Калмыкова, Александра Мих. 471.
Кантъ, И. 14—16, 41.
Карамзинъ, Н. М., 94.
Касаткинъ 516.
Катковъ, Мих. Ник. 145.
Кенворти, Джонъ 393, 395, 415, 416, 431, 433, 442.
Кеннанъ, Дж. 25, 151.
Кернъ 219.
Кибальчичъ, Н. И. 354, 356, 357.
Кольриджъ, лордъ 229.
Кони, А. Ѳ. 25, 28, 58, 112, 113, 176, 482, 493, 506, 508, 563.
Константинъ 184.
Конфуцій 93, 180.
Коншинъ 242.
Коппэ, Ф. 323.
Копылова, Анисья 64.
Корнель (Corneille), П. 456.
Костомаровъ, Н. И. 56.
Костычевъ 284.
Крамской, И. Н. 150.
Красновъ, Пл. Н. 569, 571.
Кристи 284.
Кросби, Э. 383, 384, 443, 518, 528, 553.
Кудрявцевъ, Д. 45, 46.
Кузминская, Вѣра 221, 233.
Кузминскіе 25, 28, 58, 112, 113, 176, 482, 493, 506, 508, 563.
Кузминскій, Алекс. Мих. 29, 31, 32, 58, 201.
Кузминскій, Степанъ Андреевичъ 450.
Кузьмичъ 423.
Кукъ, Дж. 92.
Кутузовъ 518, 519.

Лазарони 144.
Лаодзе 93, 180, 352.
Лебедевъ 241, 428.
Левенфельдъ, Р. 173.
Левицкіе 538.
Леонтьевъ, П. М. 145, 146, 242, 276.
Леруа-Болье, А. 576.
Ливерморъ 444.
Ллойдъ 528.
Ломброзо, Ц. 517—519.
Лопатинъ 117.
Львовъ, Н. А., кн. 117.
Лѣсковъ, Н. С. 24, 56, 57, 173, 205, 259, 387.

Макарій 336.
Маковскій 98.
Маковицкій, Душанъ Петровичъ 394, 407, 525.
Маларме 464.
Мамонтовъ 13.
Марксъ, А. Ф. 551, 554, 574, 581, 583.
Марксъ, Карлъ 462.

Маркъ Аврелій 93.
Мартинъ 444.
Масарикъ, Ѳ. Г. 24, 25, 174.
Маша, горничная 565.
Мейендорфъ 506.
Менцій 93, 180.
Меньшиковъ, Мих. Ос. 436, 437.
Михайловскій, Н. К. 571.
Мицкевичъ 434.
Миша 126, 448, 463, 516.
Моодъ 532, 555, 556, 580.
Монсквель, лордъ 229.
Мопассанъ, Г. де 382, 383.
Мордвиновъ 219, 220.
Морлей, Дж. 351.
Морозовъ 144.

Нагорная, Варвара 448.
Нагорный, Ник. Мих. 447, 448.
Некрасовъ, Ник. Ал—ѣв. 26.
Неплюевъ, Н. Н. 363.
Никифоровъ, Л. П. 383.
Николай II. 432, 481, 496, 497, 500—506, 556, 557.
Новиковъ, солдатъ 361, 362.
Новоселовъ 125, 129, 242, 245, 276.

Оболенскій, Л. Е. 157.
Оболенскій, Н. Л., кн. 12, 421, 509, 516, 547.
Объѣдковъ, Вас. Ив. 400, 401, 456.
Озмидовъ 56, 58.
Олсуфьевъ 481, 486—488, 496, 503, 506.
Ольховикъ 453, 473.
Остроумовъ 448.

Паркеръ, Теодоръ 57.
Паскаль, Бл. 42, 71, 93, 180.
Пастернакъ, Л. О. 553, 554.
Пастуховъ 147.
Пашковъ 36.
Пелисье 575.
Писарева 332.
Писаревъ 241.
Планидинъ, Пав. Вас. 480, 531, 532.
Платонъ 340, 351.
Побѣдоносцевъ, К. П. 319, 432, 495, 506—509, 566, 582.
Полонскій, Як. П. 107.
Полушинъ 54.
Полѣновъ 150.
Покровскій 93.
Поповъ, Евг. Ив. 34, 100, 106, 125, 135, 164, 197, 326, 327, 384, 390, 400, 422.
Потапенко, Игн. Ник. 528.
Потаповъ 528.
Прокопенко 321.
Прокофій 64.
Протопоповъ 244.
Прохановъ, Ив. Ст. 365.
Прянишниковъ 98.

Раевская 243.
Раевскій, И. И. 203, 216—221, 232, 242—244, 297.
Расинъ, Ж.-Б. 456.
Рахмановъ, В. В. 76, 79, 147, 201, 207, 276.
Рачинская, Маня 427.
Рескинъ, Джонъ 579, 580.
Рибо 16.
Рихтеръ, Оттонъ Бурхардовичъ 369.
Рише, Ш. 196.
Робертсонъ, Ф. 180.
Ролланъ, Ромэнъ 44.
Розановъ, В. В. 335.
Розенъ, баронесса 397.
Романовъ 123, 124.
Росси, Эрнесто 522.
Рубакинъ, Н. Ал—др. 471.

Рубинштейнъ, Антонъ Григ. 367.
Ругинъ 125.
Русановъ, Гавр. Андр. 378.
Руссо, Ж.-Ж. 322, 351.
Рѣпинъ, И. Е. 34, 35, 99, 104, 105, 193, 195, 196, 217, 225, 367, 483.

Саббатье, П. 352.
Савихинъ, В. 37—39.
Самаринъ 332.
Самошкинъ 498.
Свами Вивекананда 454.
Свербѣевъ 489.
Свифтъ, І. 152.
Семеновъ, Ив. 60.
Сементковскіи, Р. И. 572.
Сергѣй Александровичъ, вел. кн. 232, 256.
Серега 184.
Середа 453, 473.
Сергѣенко, П. А. 116, 117, 365, 532.
Серонъ (M-me Seron) 426.
Сиверцовы 116.
Симонъ, Жюль 330.
Синджонъ 528.
Сирота, Семенъ 54.
Скороходовъ 276, 278.
Смирягинъ 61, 62.
Соболевъ 516.
Сократъ 93.
Соловьевъ, Вл. Серг. 367.
Сопоцько, Мих. Арк. 322, 354.
Софоклъ 478.
Спиръ, Африканъ 474, 520.
Стаддлингъ, І. 277.
Стасовъ, Вл. Вас. 35, 226, 341, 342.
Стаховичи, барышни 516.
Стаховичъ, М. А. 105, 194, 450, 451.
Стокгамъ 344.
Стокгеймъ, miss 112.
Стороженко, жена проф. 455.
Страннолюбскій, Ник. Ал. 373.
Страховъ, Ник. Ник. 24, 34, 35, 41, 52, 54, 85, 112, 158, 174, 211—213, 271, 275, 305, 334, 342, 419, 421, 447—449, 455.
Стретамъ, Гесба 229.
Стэдъ, В. Т. 67, 107.
Суворинъ, Алексѣй Серг. 175.
Суллержицкій, Л. А. 548.
Суриковъ, Вас. Ив. 38.
Суттнеръ, Берта фонъ 210.
Сухотина см. Тат. Льв. Толстая.
Сытинъ, И. Дм. 43, 62, 91, 93.
Сытинъ, С. Дм. 62.
Сютаевъ, Вас. Кир. 144.

Таннеръ 265.
Танѣевъ 496.
Тастевенъ 19.
Ткаченко 46.
Товянскій 434.
Току-Томи 476.
Толстая, Александра Андреевна, гр. 22, 29, 33, 159, 187, 191, 194, 203, 213, 243, 244, 250—257, 411, 484, 496, 520.
Толстая, Марья Львовна, гр. 63, 64, 74, 84, 88, 110, 134, 135, 137, 146, 174, 215, 221, 233, 241, 275, 282, 283, 298, 299, 321, 342, 382, 419, 421, 448, 487, 509, 518, 547, 551.
Толстая, Марья Николаевна, гр., 145, 413.
Толстая, Пелагея Николаевна, гр. (урожд. кн. Горчакова) 449.

Толстая, Софія Андреевна, гр. 19, 36, 55, 61, 62, 67, 85, 86, 95, 146, 182, 185, 187, 188, 201, 209, 212, 216, 219, 221, 227—233, 243, 246, 248, 255—257, 259, 261, 275, 278, 283, 322, 331, 349, 378, 382, 395, 397, 404, 409 — 413, 419, 422, 423, 447, 448, 455, 463, 469, 476, 479, 510, 513—516, 520, 533, 538, 552, 553.
Толстая, Татьяна Львовна, гр. 43, 91, 115, 116, 215 — 217, 221, 225, 230, 231, 234, 235, 238, 271, 298, 321, 323, 326, 369, 374, 378, 404, 419, 431, 448, 478, 487, 489, 505—510, 516, 547, 566.
Толстой, Дм. Андр., гр. 252, 253.
Толстой, Иванъ Львовичъ, гр. (Ваничка) 55, 62, 80, 404, 407, 408—412.
Толстой, Илья Львовичъ, гр. 54, 88, 176, 227, 248, 368, 369, 375, 449, 535.
Толстой, Левъ Львовичъ, гр. 176, 217, 219, 227, 277, 326, 375, 378, 380, 391, 433, 496.
Толстой, Сергѣй Львовичъ, гр. 115, 175, 176, 227, 421, 427, 516, 520, 548.
Толстой, Сергѣй Николаевичъ, гр. 49, 147.
Трегубовъ, И. М., 440, 479, 481, 492.
Треповъ, Дм. Ѳ. 532.
Трубецкой 284.
Третьяковъ, Пав. Мих. 100, 149, 151, 205.
Тургеневъ, Ив. Серг. 26, 31, 66, 193 343, 535.
Тютчевъ, Ѳ. Ив. 29.

Урусовъ, Серг. Сем., кн. 94, 97, 105, 521.
Ухтомскій, Эсп. Эсп., кн. 506, 531.

Фагэ, Эмиль 351.
Федоръ Кузьминъ, старецъ 371.
Фейербахъ, Людвигъ 180.
Фейнерманъ, И. Б. 123, 147, 198—201, 245, 343, 390.
Фетъ, Аѳ. Аѳ. 66, 67, 85, 107, 388.
Философова, Софья Ал—ѣвна 95.
Философовы 322.
Фихте, І.-Г. 15.
Фишеръ, Куно 337, 339—341.
Францискъ Ассизскій 352.
Фукай 476.
Фулье, Андрей 351.

Халевинская 460.
Хельчицкій, Пертъ 309.
Херронъ 444, 528.
Хиггинсонъ 444.
Хилкова, Цец. Влад. 346, 368, 369.
Хилковъ, Дм. Ал—ѣев., кн. 110, 135, 147, 284, 319, 346, 347, 366, 367, 370, 386, 429.
Хомяковъ, Ал. Степ. 29.
Хохловъ 124.

Цингеръ, Иванъ 323.

Чайковскій, М. И. 342.
Чайковскій, П. И. 342.
Черткова, Анна Конст. 11, 50, 337, 377, 378, 448.
Чертковъ, Владим. Григ. 12 — 14, 33, 36, 47—49, 52, 56, 57, 65, 71, 73, 89, 91, 109, 110, 124, 135, 156, 158,

167, 174, 184, 185, 189, 200, 231, 242, 244, 247, 261, 277, 325, 326, 330, 333, 344, 350 — 352, 368, 377, 378, 390, 391, 394, 397, 409, 417, 419, 421—423, 431, 443, 463, 468, 471, 478—484, 489, 490, 492, 496, 499, 501, 502, 503, 516, 528, 531, 532, 534, 548, 550, 552, 556.
Черновъ 531, 532.
Черняева 242.
Чеховъ, А. П. 92, 433.
Чипелевъ 497.
Чистяковъ 239, 240, 271.
Чучковы 348.

Шанксъ 532.
Шарапова, П. Н. 323, 326, 352.
Шахотинъ 274.
Шекспиръ, В. 465.
Шеллингъ, Ф.-В. 15.
Шеншинъ 116; см. Фетъ.
Шерстобитовъ 528.
Шидловскій, Борисъ 146.
Шиллеръ, Фр. 573.
Шкарванъ, Альбертъ 408,433, 474, 518.
Шмидтъ, Евг. 433, 528.
Шмидтъ, Марья Ал. 62—64, 74, 185, 370.
Шопенгауеръ, Артуръ 15, 337, 339 — 341.
Шостакъ, Ек. Н. 484.
Шпильгагенъ, Фр. 442.
Штандель 64.
Шюрэ, Эдуардъ 180.

Щегловъ, Ив. Леонт. 158.

Эпиктетъ 91, 93, 180.
Эрисманъ 234.

Юрьевъ, Серг. Андр. 115,154.

Языковъ, Ник. Мих. 41.
Ярошенко, Ник. Ал—др. 100.

Оглавленіе

Введеніе. Особый характеръ матеріаловъ 3-го тома; близость событій и лицъ. Желательная объективность. Неизбѣжность пристрастія. Личный элементъ. Воспоминанія. Общій планъ. Всемірное вліяніе.

Продолженіе введенія черезъ шесть лѣтъ. Пережитое. Кончина Л. Н—ча. Условія единенія съ нимъ. Расширеніе матеріала. 4-й томъ. Новое раздѣленіе общаго плана. Общій очеркъ всѣхъ 4-хъ томовъ. Сознаніе недостаточной обработки матеріала. Прежнее раздѣленіе матеріала на 3 отдѣла.

Ужасъ современныхъ событій, противорѣчащій миру Л. Н—ча. Вѣра въ неуничтожаемость идеала. Желаніе своимъ трудомъ внести лепту на общее благо. Обращеніе къ читателямъ . 5

Часть первая

Философское обоснованіе и практика жизни.

(1887—1891)

Глава I. «О жизни». Новые посѣтители. Переписка . . 11

О жизни. Письмо А. К. Дитерихсъ. Увлеченіе этой темой. Чтеніе Л. Н—чемъ отрывковъ изъ этой работы въ засѣданіи «Психологическаго общества». Извѣстія о ходѣ работы въ письмахъ ко мнѣ и къ Черткову. Мнѣніе Н. Н. Страхова. Окончаніе статьи и отсылка ея въ типографію. Корректура Грота. Новыя поправки и передѣлки. Чтеніе Канта. Отпечатаніе книги: «О жизни». Запрещеніе цензуры и уничтоженіе книги. Краткое изложеніе содержанія. Согласіе противъ пьянства. Декларація. Возраженіе друзей. Распространеніе «Согласія».

Литературныя работы Л. Н—ча по вопросу о трезвости. Новыя знакомства и посѣщеніе друзей. Н. Лѣсковъ. Ф. Масарикъ. Кенанъ. А. Ф. Кони. Его воспоминанія. Графиня Ал. Андр. Толстая; ея воспоминанія и переписка со Л. Н—чемъ. Андреевъ-Бурлакъ. И. Е. Рѣпинъ. Портретъ и картина. Письмо къ Страхову. Исполненіе «Крейцеровой сонаты» въ Ясной Полянѣ. Л. Н—чъ задумалъ конкурсъ разныхъ родовъ искусства. Серебряная свадьба Л. Н—ча и Софьи Андреевны. Л. Н—чъ у Чертковыхъ въ Крекшинѣ. Его воспоминанія.

Мысли Л. Н—ча объ искусствѣ изъ его переписки съ друзьями. В. Савихинъ. Ив. Ив. Горбуновъ. Н. Н. Ге. Мнѣніе Л. Н—ча о Гоголѣ.

Дальнѣйшая переписка Л. Н—ча. Письмо къ тифлисскимъ барышнямъ. Ромэнъ Ролланъ. Братство Іисуса по Евангелію. Ихъ катехизисъ. Мысли Л. Н—ча о разныхъ предметахъ изъ переписки съ Чертковымъ и со мною. Заключеніе.

Глава II. Въ Ясной Полянѣ за работой. Въ Москвѣ. Новые друзья 52

Чтеніе Герцена. Письмо къ Страхову и Черткову. Мастерскія «Посредника». Письмо Л. Н—ча ко мнѣ. Рожденіе Ванички. Международный «Посредникъ». Письмо ко мнѣ о высшемъ благѣ жизни. Сборникъ въ память Гаршина. Уходъ Л. Н—ча въ Ясную съ Н. Н. Ге и А. Н. Дунаевымъ. Событія въ пути. Сердитый мужикъ. Рабочій. Больной мальчикъ. Возвращеніе въ Ясную. Л. Н—чъ бросаетъ курить. Деревенскія работы. Постройка избы. Полевыя работы. Бодрое настроеніе. Высшее благо жизни. Посѣщеніе Ясной Поляны Фетомъ. Отзывъ Фета о письмахъ Л. Н—ча. Чтеніе воспоминаній. Мой пріѣздъ въ Ясную съ волшебнымъ фонаремъ. Шитье сапогъ. Стэдъ въ Ясной. Новые друзья. Переписка съ ними Л. Н—ча. Постройка дома. Кубики. Благо и страданіе. Письмо къ Ге и ко мнѣ. Записьдневника. Спокойствіе и радость. О неуживчивости людей. Л. Н—чъ въ

Москвѣ. Попытка занятія школой. Кружокъ московскихъ друзей. Воспоминанія В. В. Рахманова. Два направленія среди друзей Л. Н—ча, народническое и религіозное. Изданіе «Николая Палкина». Два письма.

Глава III. Новые шаги. Голосъ обличенія. Крейцерова соната. . 83

Татьянинъ день. Статья Л. Н—ча. Ея вліяніе. Попытка демонстрацій. Юбилей Фета. Хлопоты С. А—ны. Болѣзнь Ванички. Отношеніе Л. Н—ча къ Фету. Внутренняя жизнь Л. Н—ча. Любовь и борьба. Чистота, смиреніе и любовь. Письма ко мнѣ, Ге, Черткову и Попову. Внѣшняя жизнь Л. Н—ча. Посѣтители. Журналъ «Сотрудникъ». Чтеніе Чехова. Буддійская легенда. Л. Н—чъ у Н. С. Урусова. Путешествіе. Уединеніе. Американцы. Деревенская жизнь. Литературныя занятія. Болѣзнь. Возвращеніе въ Москву. Картина Ге: «Выходъ съ Тайной вечери». Передвижная выставка. Третьяковская галлерея. Уходъ въ Ясную съ Е. И. Поповымъ. Призывъ къ обличенію. Писанія Л. Н—ча объ искусствѣ». «Исхитрилась» и «Крейцерова соната». Ея происхожденіе. Условная форма. Чтеніе въ Ясной Полянѣ. Образъ жизни Л. Н—ча. Общеніе съ людьми. Духовный центръ. Значеніе Л. Н—ча. Письма Н. Н. Страхова. Духовная свобода. Изложеніе вѣры. Письмо Л. Н—ча ко мнѣ. Балу. Выписка изъ дневника о трехъ стадіяхъ. Стокгеймъ и ея «Токологія». Чтеніе «Крейцеровой сонаты» у Кузьминскихъ. Оцѣнка Н. Н. Страхова. Отвѣтъ Л. Н—ча. Поѣздка Т. Л. и С. Л. въ Парижъ. Возвращеніе и увлеченіе спектаклями. Представленіе «Плодовъ Просвѣщенія» въ Ясной Полянѣ. Письмо къ Анненковой и ко мнѣ. Запись дневника. Игра Лопатина. Успѣхъ. Обличеніе спиритизма. Обида Вагнера. Запись дневника.

Глава IV. Земледѣльческія общины . 118

Общины. «Посредникъ», какъ центръ новаго движенія. Письмо Алехина. Причины неудачи. Отношеніе Л. Н—ча. Письма его къ Ге и ко мнѣ. Запись дневника. Посѣтители. Письмо къ Попову.

Письмо общинникамъ. Распространеніе общинъ въ Россіи и за границей. «Братская церковь» въ Кройдонѣ. Колонія въ Перлэ. Письмо Л. Н—ча. Отношеніе Л. Н—ча къ единоличному труду. Письмо къ В. И. А—ву. Письмо ко мнѣ. Распаденіе общинъ. Письмо къ Хилкову. Запись дневника.

Глава V. Оптина пустынь. «Что есть истина». Молитва . 137

Новая школа въ Ясной Полянѣ. Закрытіе ея тульскимъ губернаторомъ. Перенесеніе обученія въ домъ Л. Н—ча. Литературная и духовная работа Л. Н—ча. Дневникъ. Борьба съ окружающей средой. Переписка со мной. Письмо къ Воробьеву. Указаніе на матеріалъ по исторіи христіанства. Путешествіе въ Оптину пустынь. Старецъ Амвросій. Шидловскій. Леонтьевъ. Мысли о монастырской жизни. Поѣздка въ Пирогово. Болѣзнь. Посѣтители. Картина Н. Н. Ге: «Что есть истина?» Запись дневника. Снятіе картины съ выставки. Письмо къ Третьякову. Путешесвіе картины въ Америку. Письмо Л. Н—ча Кенану. «Крейцерова соната». Разныя мнѣнія. Послѣсловіе. Дневникъ. Письма къ друзьямъ: къ Хилкову и къ Е. И. Попову. Сюжетъ «Отца Сергія». Мысли о молитвѣ. Дневникъ. Письмо ко мнѣ. Жизнь въ Ясной Полянѣ. Пожаръ. Посѣтители: Н. С. Лѣсковъ. Левенфельдъ. Масарикъ. Н. Н. Ге. Первый бюстъ Л. Н—ча. Всеподданнѣйшій отчетъ оберъ-прокурора Синода. Протестъ сыновей Л. Н—ча. Начало «Воскресенія». Начало статьи «Царство Божіе внутри васъ». Мысли о государствѣ и церкви изъ дневника и писемъ. Л. Н—чъ въ судѣ. Вліяніе образцовъ всемірной литературы на Л. Н—ча въ 80-хъ годахъ. Заключеніе.

Глава VI. Въ семьѣ. Гости. Отреченіе отъ литературныхъ правъ . 181

Семейный раздѣлъ. Мотивы и сопутствующія обстоятельства. Внутренняя борьба, рѣшеніе. Мысли о неравенствѣ и борьбѣ съ нимъ. «Литературныя работы». «Искусство». «Непротивленіе». Отзывы въ письмахъ. Запись въ дневникѣ.

Мысли о критикѣ. Посѣщеніе Ясной супругами Ге. Картина: «Іуда» (совѣсть). Новое запрещеніе «Крейцеровой сонаты» въ XIII томѣ. Поѣздка С. А—ны въ Петербургъ. Свиданіе ея съ Государемъ. Отношеніе къ этому Л. Н—ча. Разрѣшеніе. Этика пищи. Предисловіе къ ней Л. Н—ча. «Первая ступень». Л. Н—чъ на бойнѣ. Запись дневника о воздержаніи въ пищѣ. Гости въ Ясной Полянѣ. Гр. А. А. Толстая. Рѣпинъ. Гинцбургъ. Картины и скульптурныя работы. Мнѣніе Л. Н—ча о скульпторахъ. Н. Я. Гротъ и Charles Richet. Запись дневника. Критическій моментъ въ развитіи друзей Л. Н—ча. Переписка. Отреченіе отъ литературныхъ правъ. Первыя вѣсти о голодѣ. Отношеніе къ нимъ Л. Н—ча. Споръ съ Раевскимъ. Запись дневника. Письмо къ Н. С. Лѣскову. Переписка съ друзьями. Письмо къ баронессѣ Суттнеръ. Статья Страхова: «Толки о Толстомъ». Отзывы о ней Л. Н—ча. Разговоръ Страхова съ гр. А. А. Толстой. Усиленіе вліянія Л. Н—ча.

Часть вторая

Голодъ. Царство Божіе.

(1891—1894)

Глава VII. Начало дѣятельности Л. Н—ча среди голодающихъ 214

Поѣздка Л. Н—ча по неурожайнымъ уѣздамъ. Начало статьи «письма о голодѣ». Приглашеніе Раевскаго. Принципіальный вопросъ. Дневникъ Т. Л—вны. Отъѣздъ въ Бѣгичевку. Первый день. Описаніе переѣзда въ письмѣ Л. Н—ча къ С. А—нѣ. Начало дѣятельности. «Страшный вопросъ». Вліяніе этой статьи на русское общество. Письмо земскаго врача. Переписка съ Рѣпинымъ. Смерть Дьякова. Письмо С. А—ны въ газетахъ. Его послѣдствія. Первыя пожертвованія. Дѣятельность англичанъ. Письмо къ нимъ Л. Н—ча. Начало сомнѣній. Дневникъ Т. Л—ны. Пе-

переписка съ С. А—ой о дѣятельности въ Бѣгичевкѣ. «О средствахъ помощи населенію, пострадавшему отъ неурожая. Расширеніе дѣятельности. Разговоры въ Бѣгичевкѣ. Напряженная работа. Болѣзнь и смерть Ив. Ив. Раевскаго. Тревога С. А—ны. Поѣздка въ Москву. Возвращеніе въ Бѣгичевку. Письма Л. Н—ча къ Черткову, Ге и Фейнерману о характерѣ своей дѣятельности.

Обозрѣніе Л. Н—чемъ столовыхъ передъ отъѣздомъ въ Москву. Возвращеніе въ Москву 30 декабря 1891 года.

Глава VIII. Продолженіе дѣятельности среди голодающихъ . 247

Л. Н—чъ въ Москвѣ. Нападеніе «Московскихъ Вѣдомостей». Комментаріи на статью Л. Н—ча. Разсказъ Алекс. Андреевны Толстой. Отношеніе Государя. Опроверженіе. Письмо С. А. въ иностранныя газеты. Письмо Л. Н—ча къ С. А—нѣ. Письмо Н. С. Лѣскова ко мнѣ. Опроверженія Диллона. Письмо Л. Н—ча къ Черткову. Статья «Письма о голодѣ». Дѣятельность земствъ и администраціи. Невѣрность метода помощи. Нравственныя основы помощи. Равнодушіе общества. Слова Вольтера. Отношеніе народа къ помощи. Сознаніе своей вины передъ народомъ. Другія нападенія на Л. Н—ча. Распространеніе ложныхъ слуховъ. Антихристъ. Протестъ земскихъ дѣятелей. Напряженная дѣятельность Л. Н—ча въ Бѣгичевкѣ. Пріѣздъ сотрудниковъ. Мое участіе. Отъѣздъ въ Самару. Расширеніе дѣла. Дальніе посѣтители. Шведъ-вегетарьянецъ. Болѣзнь Л. Н—ча. Американки. Генералъ Анненковъ со свитой. Англійскіе квакеры. Запись дневника. Весенній отчетъ Л. Н—ча. Литературное приложеніе. Записи дневника. Запись карманной книжки. Окончаніе семейнаго раздѣла.

Осенній годовой отчетъ: 370 столовыхъ, около 16.000 ѣдоковъ. Экономическое состояніе населенія. Продолженіе бѣдствія. «Надоѣло». Я въ Бѣгичевкѣ.

Глава IX. Вторая голодная зима. Царство Божіе 296

Вторая зима кормленія голодающихъ. Характеръ бѣдствія. Сыпной тифъ. М. П. Берсъ. Ея дѣятельность. Болѣзнь и кончина. Внутренняя жизнь Л. Н—ча того времени. Запись дневника и записной книжки. О живомъ Христѣ. О жизни. О музыкѣ. Жизнь — благо. Амьель. Дѣти. Преслѣдованія. Фундаментъ. Разговоръ со Страховымъ. Жизнь въ Ясной Полянѣ. Пустота жизни какъ реакція напряженной работы. «Царство Божіе внутри васъ». Его исторія. Квакеры. Гаррисонъ. Балу. Отказы отъ воинской повинности. Противорѣчія современной жизни. Христіанство даетъ освобожденіе. «Кипѣніе», какъ образъ охристіаненія массы и власти. Приближеніе Царства Божія. Воинскій поѣздъ. Пріѣздъ Л. Н—ча въ Бѣгичевку. Разсказъ о встрѣчѣ. Заключеніе книги. Анархизмъ. Преслѣдованіе. Дм. Ал. Хилковъ. Бодянскій и др. Посѣвъ ученія истины.

Глава X. Окончаніе кормленія голодающихъ. «Посредникъ» въ Москвѣ 321

Продолженіе помощи голодающимъ. Л. Н—чъ въ Бѣгичевкѣ. Бодрое настроеніе. Вечернее чтеніе. Народное бѣдствіе. Письмо Л. Н—ча о приложеніи силъ. Л. Н—чъ въ Ясной Полянѣ. Опредѣленіе христіанства. Л. Н—чъ въ Москвѣ. Окончаніе книги: «Царство Божіе внутри васъ». Отношеніе Л. Н—ча къ распространенію своихъ сочиненій. Запись дневника: «существующее разумно». «Недѣланіе» по поводу писемъ Золя и Дюма. Требованіе любви. Л. Н—чъ въ Бѣгичевкѣ для ликвидаціи дѣла помощи. Возвращеніе въ Ясную. Сельскія работы. Запись дневника о 4-хъ міросозерцаніяхъ. Письмо Н. Н. Страхова изъ-за границы. Сношеніе Л. Н—ча съ обществомъ «Ethische Kultur». Переписка со Страховымъ объ отзывѣ Куно Фишера о Л. Н—чѣ. Смерть П. И. Чайковскаго. Юбилей Д. М. Григоровича. Письмо къ нему Л. Н—ча. Сношенія съ шекерами. Половая творческая сила. Л. Н—чъ почетный членъ русско-англійскаго литературнаго общества. Событія въ Россіи. Страданія Дрож-

жина. Отнятіе дѣтей у Д. А. Хилкова. Послѣдній отчетъ о кормленіи голодающихъ. Заключеніе. Новая эпоха въ дѣятельности «Посредника». Перенесеніе центра въ Москву. Участіе Л. Н—ча какъ редактора и сотрудника. Дневникъ Амьеля. Францискъ Ассизскій. Вечера въ «Посредникѣ» съ участіемъ Л. Н—ча. Самоотверженіе террористовъ. Значеніе интеллекта. Зерно и мякина. Запись дневника. Связь съ «Посредникомъ» черезъ посѣтителей. Странникъ изъ Сибири. Солдатъ Новиковъ. Переписка съ друзьями. Письмо къ Н. Н. Неплюеву. Посѣщеніе И. С. Проханова. Письмо Н. Н. Ге. Овація Л. Н—чу на съѣздѣ естествоиспытателей въ Москвѣ.

Глава XI. Хилковъ. Дрожжинъ. «Распятіе» 366

Л. Н—чъ въ Москвѣ. Ряженые въ Хамовникахъ. Письмо Л. Н—ча къ Государю объ отнятіи дѣтей Хилкова. Л. Н—чъ въ имѣніи своего сына Ильи. Смерть Дрожжина. Картина Н. Н. Ге: «Распятіе». Въ Ясной Полянѣ. Выставка картины въ Москвѣ. «Экзаменъ». Выставка въ Петербургѣ. Запрещеніе картины. Частная выставка у Страннолюбскаго. Письмо Л. Н—ча къ Н. Н. Ге въ Петербургъ. Болѣзнь Льва Львовича. Письмо Л. Н—ча въ Парижъ. Случай въ вагонѣ. «Жизнь какъ произведеніе искусства». «Бѣсъ» тщеславія. Письмо о воспитаніи. Л. Н—чъ въ гостяхъ у Черткова. Посѣщеніе Русанова. Впечатлѣнія Л. Н—ча отъ Ржевска. Запись въ дневникѣ «объ искусствѣ». Эсперанто. Письмо Л. Н—ча къ эсперантистамъ. Отъѣздъ Л. Н—ча въ Ясную Поляну. Весна. Статья о Мопассанѣ. Посѣщеніе американца Кросби. Эпитеты въ письмахъ. Кончина Н. Н. Ге. Отзывы Л. Н—ча о Ге въ письмахъ къ своимъ друзьямъ. Запись дневника о смерти и о любви. Шпіонъ въ Ясной Полянѣ. Обыски. У меня въ Костромской губерніи и въ Москвѣ. Письма Л. Н—ча ко мнѣ и къ Е. И. Попову. Сожалѣніе Л. Н—ча ко мнѣ и къ Е. И. Попову. Сожалѣніе Л. Н—ча о своей свободѣ. Красота этого міра. Начало драмы «Свѣтъ и во тьмѣ свѣтитъ». Сношеніе съ заграничными друзьями. Кенворти. Маковицкій. Литературныя работы. Христіанское ученіе. «Архивъ Л. Н—ча Толстого». Кон-

чина императора Александра III. Впечатлѣніе въ Петербургѣ и въ Ясной Полянѣ. Письмо Л. Н—ча. Три смерти. Занятія Л. Н—ча: письмо въ Англію и къ баронессѣ Розенъ «о разумѣ». Чтеніе Канта. Письмо въ «Сѣв. Вѣстникъ» о сказкѣ «Карма». Знакомство съ духоборцами. Веригинъ въ Бутырской тюрьмѣ. Посѣщеніе Л. Н—чемъ духоборовъ въ гостиницѣ. Бесѣда и снабженіе ихъ книгами. Запись дневника. Разумѣніе — Богъ.

Часть третья

Духоборы. Воскресеніе.

(1895—1899)

Глава XII. Смерть Вани. Хозяинъ и работникъ. Духоборы . 404

Л. Н—чъ у Олсуфьева. Запись дневника. Мечты о художественной работѣ. Переѣздъ въ Москву. Запись дневника. Сумасшествіе — эгоизмъ. Отказъ отъ военной службы доктора Шкарвана. Секта Назаренъ. Смерть Ванички. Похороны. Размышленія о смерти въ письмахъ Л. Н—ча. Запись дневника. Смерть и любовь. Письмо къ Алекс. Андр. Толстой. Форма и содержаніе. «Хозяинъ и работникъ». Восторгъ публики и отношеніе самого Л. Н—ча. Письмо къ Кенворти. Международный «Посредникъ». Завѣщаніе. Проектъ новаго романа. Весна въ Москвѣ. Велосипедъ. Проекты на лѣто. Странникъ Кузьмичъ. Свой портретъ. Позорящіе поступки. Запись дневника. Отношеніе къ близкимъ людямъ. Святость. Л. Н—чъ у Олсуфьевыхъ. Книжка Серонъ. Л. Н—чъ въ Ясной Полянѣ. Письмо ко мнѣ. Духоборцы. Сожженіе оружія. Расправа. Письмо Л. Н—ча Хилкову. Моя поѣздка на Кавказъ. Статья: «Гоненіе на христіанъ». Знакомство съ А. П. Чеховымъ. Отзывъ о немъ Л. Н—ча. Письма Л. Н—ча: Къ поляку о патріотизмѣ. Къ Меньшикову о разумѣ. Къ младшему сыну о сущности христіанства. Къ голландцу о христіанскомъ подвигѣ. Къ П. В. Веригину о книгѣ. Шпильгагенъ о Дрожжинѣ. Пріѣздъ въ Москву Джона Кенворти.

Глава XIII. Три смерти. Наша ссылка . 443

Жизнь Л. Н—ча въ Москвѣ. Письмо къ Кросби. Распространеніе идей Л. Н—ча въ Америкѣ. Посланничество. Разбойникъ и ребенокъ. Смерть Н. Н. Страхова, Н. М. Нагорнаго и Агаѳьи Михайловны. Свѣдѣнія о ней изъ воспоминаній Ильи Львовича. Часы. Собаки. Свѣчка. Телеграмма. Мышь. Письмо Л. Н—ча къ японцу Іокай. Отказы отъ военной повинности Ольхевика и Середы. Индійская мудрость. Отказъ художника С. Письмо къ Черткову о жизни. Л. Н—чъ у Олсуфьевыхъ. Письмо къ С. А—нѣ. Чтеніе Корнеля и Расина. Мысли объ искусствѣ изъ дневника. Л. Н—чъ въ Москвѣ. «Власть тьмы» въ Маломъ театрѣ. Выраженіе сочувствія студентовъ. Арестъ женщины-врача Халевинской. Письмо Л. Н—ча къ министрамъ вн. дѣлъ и юстиціи. Л. Н—чъ въ Ясной Полянѣ. Запись въ дневникѣ о капитализмѣ. Ходынка. Мысли объ искусствѣ. Христіанское ученіе. Какъ читать Евангеліе. Приближеніе конца. Начало Хаджи-Мурата. Л. Н—чъ въ Пироговѣ. Оптина пустынь. Шамардино. Первый набросокъ. Письмо къ либераламъ. Комитетъ грамотности. Развитіе его дѣятельности. Его закрытіе. Протестъ. Обращеніе ко Л. Н—чу, его отвѣтъ. Письмо къ редактору нѣмецкаго журнала. Письмо къ начальникамъ дисциплинарныхъ батальоновъ. Другія занятія Л. Н—ча. Сочиненія Спира. Индійская философія. Мертвый ребенокъ. Посѣщеніе японцевъ. Испанская чернильница. Гоненіе на духоборовъ. Воззваніе: «Помогите!» Наша дѣятельность. Обыскъ и распоряженіе о ссылкѣ. Л. Н—чъ въ Петербургѣ. Воспоминанія Кони. Ал. Андр. Толстая. Возвращеніе Л. Н—ча къ Олсуфьевымъ.

Глава XIV. Молокане. «Что такое искусство?» . 486

Л. Н—чъ у Олсуфьевыхъ. Письмо Л. Н—ча ко мнѣ въ ссылку. Письмо къ Черткову. Особенности заграничной жизни. Сношенія Л. Н—ча съ Бьернсеномъ. Объясненіе Л. Н—ча по поводу помощи духоборамъ. Студенческія волненія. Смерть Вѣтровой. Разсказъ Л. Н—ча въ письмѣ къ Черткову. Письмо къ Кони. Отнятіе дѣтей

у м о л о к а н ъ. Письмо къ Черткову. Письмо Л. Н—ча къ Государю. Письмо къ Олсуфьеву. Второй пріѣздъ молоканъ осенью. Второе письмо къ Государю. Хлопоты Татьяны Львовны. Свиданіе съ Побѣдоносцевымъ. Возвращеніе дѣтей. В ъ Я с н о й П о л я н ѣ. Замужество Марьи Львовны. Скульпторъ Гинцбургъ лѣпитъ статуэтку. Посѣтители. П и с ь м о Л. Н—ча о б ъ у х о д ѣ: внутренняя предшествующая работа. Исторія письма. Намекъ на уходъ въ письмѣ къ Черткову. Письмо ко мнѣ въ ссылку о распространеніи истины. Болѣзнь Марьи Львовны. П о с ѣ щ е н і е Л о м б р о з о. Отзывъ о немъ Л. Н—ча. Разсказъ Ломброзо. Окончаніе статьи «Объ искусствѣ». Смерть Генри Джоржа, Алекс. Дюма, кн. Сер. Сем. Урусова.

Продолженіе «Хаджи-Мурата». К р а т к о е и з л о ж е н і е с т а т ь и «О б ъ и с к у с с т в ѣ». Опредѣленія. Образцы истиннаго и ложнаго искусства. Содержаніе искусству даетъ религія. Христіанство требуетъ новаго содержанія. Задача христіанскаго искусства — единеніе людей. П е р е ѣ з д ъ в ъ М о с к в у. Занятія Л. Н—ча. Работы дворника. Устройство катка.

Глава XV. Духоборы. Опять голодъ. Христіанское ученіе . 526

П о м о щ ь д у х о б о р а м ъ. Мое переселеніе за границу. Письмо Л. Н—ча ко мнѣ. Воззваніе Л. Н—ча о помощи духоборамъ. Делегація духоборовъ у Л. Н—ча. Запрещеніе «Русскихъ Вѣдомостей» за сборъ пожертвованій. Угрозы, убить Л. Н—ча, въ анонимныхъ письмахъ. Н о в ы й г о л о д ъ в ъ Р о с с і и. Л. Н—чъ въ Чернскомъ уѣздѣ. Посѣщеніе Спасскаго Лутовинова. Устройство столовыхъ. Препятствія администраціи. Настроеніе Л. Н—ча. Его переѣздъ и болѣзнь у Левицкихъ. Статья «Голодъ или не голодъ». Разсказъ Л. Н—ча о своей дѣятельности. Три вопроса и ихъ рѣшеніе. Дѣйствія администраціи. В о з н и к н о в е н і е «С в о б о д н а г о С л о в а». Выработка программы. Моя переписка со Л. Н—чемъ Его сотрудничество. Мой переѣздъ въ Швейцарію. Изданіе «Свободной мысли».

Продолженіе помощи духоборамъ Вопросъ о переселеніи. Рѣшеніе Л. Н—ча о пожертвованіи гонорара. Сборъ пожертвованій. Увлеченіе Л. Н—ча работой надъ «Воскресеніемъ». Условіе съ Марксомъ. 70-тилѣтній юбилей. «Христіанское ученіе». Общій планъ. Заключеніе. Л. Н—чъ въ Ясной. Отношеніе его къ городу. Случай съ иконой. Чтеніе книги о буддизмѣ. Переписка съ Моодомъ. Заключеніе.

Глава XVI. Конференція въ Гаагѣ. Воскресеніе . 556

Отношеніе Л. Н—ча къ Гаагской конференціи. Отвѣтъ американской газетѣ. Отвѣтъ группѣ шведской интеллигенціи. Условія уничтоженія войска. Письмо о самоубійствѣ. Монахъ Оптиной пустыни. Письмо о религіозномъ воспитаніи. Основная причина гибельнаго существованія человѣчества, «Законъ Божій». Искренность въ отвѣтахъ ребенку. Что бы отвѣтилъ Л. Н—чъ? Письмо къ фельдфебелю Обличеніе церковной лжи и государственнаго насилія. Работа надъ «Воскресеніемъ». Сюжетъ романа. Автобіографическая часть романа. Разсказъ Л. Н—ча мнѣ о своей жизни за три мѣсяца до смерти. Теорія Генри Джоржа. Общая идея романа. Типы, списанные съ натуры. Оберъ-прокуроръ Синода. Страникъ-раскольникъ. Заключеніе романа. Почему романъ кончается евангельскимъ текстомъ. Борьба эстетика и моралиста. Поводъ окончанія романа. Обзоръ критической литературы о «Воскресеніи». Красновъ въ «Недѣлѣ». Реализмъ Толстого. Простота языка. Героиня. Михайловскій и война съ «невидимымъ». Сементковскій въ «Нивѣ». Нехлюдовъ знакомый русскій типъ: Чацкій. Маниловъ, Рудинъ, Райскій. Отраженіе русскаго общества. Протопоповъ въ «Русск. Мысли» и его нападки. Пелисье о «Воскресеніи». Особенность реализма Толстого. Художественная психологія. Анатоль Леруа-Болье. Богдановичъ въ «Мірѣ Божьемъ». Сила творчества. Голосъ совѣсти. Сравненіе съ легендами о мученикахъ-праведникахъ. Необычайное распространеніе «Воскресенія». Очищеніе души. Соловьевъ въ «Жизни». «Суббота для человѣка, а не человѣкъ для субботы». Присутствіе искренности

и доброты въ языкѣ Толстого. Какъ Толстой писалъ «Воскресеніе». Изъ статьи Моода. Продажа романа Марксу. Трудности отъ непризнанія Л. Н—чемъ литературной собственности. Борьба съ русской цензурой. Борьба съ иностранной общественной цензурой. Искаженія. Новая переработка Л. Н—чемъ всего произведенія въ корректурѣ. Драматическія передѣлки. 40 изданій. Пасквили. Послѣдствія «Воскресенія».

Приложеніе. Списокъ использованныхъ матеріаловъ . 587

Указатель собственныхъ именъ . 591